

А. И. Колпакиди

Д. П. Прохоров

КГБ

Спецоперации
советской
разведки



**Александр Колпакиди
Дмитрий Прохоров**

**КГБ:
СПЕЦОПЕРАЦИИ
СОВЕТСКОЙ
РАЗВЕДКИ**

**Москва
«Олимп» • «Астрель»
Издательство АСТ
2000**

УДК 93/99
ББК 67.401.212
К61

Дизайн обложки:
Зябрев Д. А.

Колнакиди А. И., Прохоров Д. П.
К61 КГБ: Спецоперации советской разведки. — М.:
«Олимп», «Издательство Астрель», «Издательство
АСТ», 2000. — 624 с.

ISBN 5-17-003883-6 («Издательство АСТ»)

ISBN 5-7390-0990-1 («Олимп»)

ISBN 5-271-01085-6 («Издательство Астрель»)

Книга «КГБ: Секретный террор» знакомит читателей с самой большой тайной СССР — спецоперациями, проводимыми советскими спецслужбами за рубежом и внутри страны. Эти операции известны также как «литерные дела» или в просторечье — ликвидации. Они проводились начиная с первых лет советской власти против лидеров белой эмиграции, предателей и перебежчиков, «буржуазных националистов», лидеров НТС, зарубежных политических деятелей и т. д. Среди объектов спецопераций — атаман Дугов и генерал Покровский, маршал Маннергейм и лидер Афганистана Амин...

В книге показана структура «органов террора», описаны методы и средства, применявшиеся во время спецопераций, а в приложениях даны биографии советских чекистов — руководителей и участников «литерных дел».

УДК 93/99
ББК 67.401.212

ISBN 5-17-003883-6 («Издательство АСТ»)

ISBN 5-7390-0990-1 («Олимп»)

ISBN 5-271-01085-6 («Издательство Астрель»)

© «Олимп», 2000

© «Издательство Астрель», 2000

Предисловие

В деятельности разведслужб огромное место занимают так называемые специальные операции. Это относится как к отечественным, так и к зарубежным спецслужбам. Разумеется, афишировать проведение специальных (или тайных) операций разведки всего мира не любят. Поэтому неудивительно, что именно эта сторона деятельности спецслужб привлекает самое пристальное внимание как журналистов, так и читающей публики.

Впрочем, только это обстоятельство не заставило бы нас обратиться к данной теме. Но множество небылиц, а то и прямого подлога в статьях и книгах о спецоперациях советских органов госбезопасности вынуждают внести ясность в данный вопрос. За примерами далеко ходить не надо — достаточно ознакомиться с книгами небызвестного американского публициста Дж. Бэррона, автора работ «КГБ» и «КГБ сегодня», которого на Западе, да и у нас в России тоже, почему-то считают знатоком истории советских спецслужб. Вот, например, цитата из его книги «КГБ»:

«Солидарный с указаниями Ленина о том, что все, что служит приближению коммунизма, является нравственным, Советский Союз убивал и выкрадывал иностранцев, начиная уже с 1926 года, когда Сталин полнос-

тью утвердился в своей власти. В тот год агенты ОГПУ застрелили в Париже украинского лидера Семена Петлюру. Среда бела дня, на центральной московской улице был похищен посол Эстонии в Советском Союзе Ало Берк, вопреки его дипломатической неприкосновенности. Больше о нем никогда не слыхали. 26 января 1930 года ОГПУ захватило в Париже белогвардейского лидера Александра Кутепова, а 22 мая 1932 года в Гамбурге застрелили бывшего коммунистического курьера Ганса Висенгира. Так же ликвидировались сотрудники советской разведки, навлекшие на себя гнев своих начальников. В 1934 году в Нью-Йорке был убит глава ОГПУ в Соединенных Штатах Валентин Маркин, а два года спустя в Макао та же участь постигла Жана Кремё.

Чтобы заниматься террористической деятельностью с большей эффективностью и в более широких масштабах, НКВД создал в 1936 году Управление по особым делам, которое со временем стали называть отделом «мокрых дел». Поначалу управление концентрировало свою деятельность на ликвидации мятежных зарубежных коммунистов: троцкистов и самого Троцкого. Среди жертв 1937 года были Дмитрий Навашин, убитый в Париже; Джулиетт Стюарт Пойнтц, исчезнувшая в Нью-Йорке, Игнатий Рейсс, убитый в Лозанне, похищенный в Париже Евгений Миллер, убитые в Испании Анри Мулен, Курт Ландау, Камилло Бернери и Андре Нин...

После нацистского вторжения в 1941 году Управление по особым делам разрослось в Четвертое или Партизанское Управление НКВД, которое руководило шпионажем, саботажем, убийствами и партизанскими операциями в немецком тылу. Его руководителем был Павел Анатольевич Судоплатов, уравновешенный, исключительно интеллигентный человек среднего роста, на лице которого сильно выделялись большие темные глаза. Он с таким мастерством руководил военными операциями, что ему было поручено руководство Спецбюро номер 1, созданным 1 января 1946 года для совершения саботажа и убийств в мирное время.

Под начальством Судоплатова. Спецбюро развило шпионские сети в Германии, Австрии и Швейцарии, которые поставляли информацию, вели наблюдение и предпринимали другие меры, необходимые для выполнения операций по похищениям и убийствам. Обычно похищения выполнялись хулиганами, которых русские именовали «боевыми группами». Их главной жертвой были действующие антикоммунисты и лидеры эмигрантских организаций. Одна из банд похитила из Австрии в январе 1947 года Карла Фишера, а в сентябре следующего года исчез Георгий Трегубов. Его заманила в Восточный Берлин советский агент-женщина Елизавета Ключевская. Главный инспектор венской полиции исчез в 1948 году, а в 1949 году исчез шеф полиции восточного сектора Берлина.

На содержании Спецбюро находилась также и Камера — лаборатория, занимавшаяся экспериментами по созданию самых лучших, не поддающихся обнаружению средств по уничтожению людей. Камера специализировалась на создании ядов, против которых не были известны противоядия, и средств, которые убивали, тогда как казалось, что смерть наступила в результате естественных причин. В 1953 году, планируя покушение, заместитель Судоплатова полковник Лев Александрович Студников заметил: «Ребята из Двенадцатого (Камера) говорят, что они сами боятся ходить по своей лаборатории. Я могу понять их. Жуткое дело. Вы дотрагиваетесь до чего-нибудь случайно, и вот уже Ваши похороны».

Даже внутри самой партийной верхушки Спецбюро приобрело настолько дурную славу, что после прихода к власти в июне 1953 года Хрущева и его соратников оно было немедленно ликвидировано, и Камера была закрыта. Семь сотрудников МВД явились в кабинет генерала Судоплатова: четыре охранника стали возле входа, а трое вошли внутрь. «Генерал Судоплатов, Вам письмо», — сказал один из вошедших, вручая ему конверт. В то время, как генерал протянул руку за ним, другие два офицера

схватили его за руки и скрутили их за спиной, потом потащили его во Владимирскую тюрьму»¹.

Как видно из этого довольно большого отрывка, Бэррон, используя некоторые действительно имевшие место факты, полностью искажает реальную картину событий в угоду «сенсационной» подаче материала и политической конъюнктуре. Более того, он явно не в ладах с фактами. Например, агент Разведупра РККА в Китае Жан Кремё отнюдь не был ликвидирован советскими спецслужбами, а стал невозвращенцем, долгое время жил в Брюсселе под именем Габриэль Пейро и умер там в глубокой старости в 1973 году.

Впрочем, и советские авторы также внесли немало путаницы в данный вопрос. Так, в 1987 году в серии «ЖЗЛ» вышел сборник «Чекисты». Среди прочих в нем есть и биография одного из первых руководителей советской разведки, Михаила Трилиссера, написанная Владимиром Листовым. В ней на странице 221 сказано следующее:

«В те же годы (имеется в виду середина 20-х годов — авторы) стараниями Трилиссера и сотрудников его отдела были выведены на советскую территорию матерые враги Советской власти: Иванов-Ринов, Краковецкий, Яковлев. Все они были преданы суду за совершенные злодеяния»².

Однако никаких спецопераций в отношении названных Листовым лиц советскими спецслужбами не проводилось. На самом деле судьбы Иванова-Ринова, Краковецкого и Яковлева были совершенно иными, и об этом стоит рассказать более подробно.

Павел Петрович Иванов родился, по одним данным, в 1869 году и был полковником царской армии, по другим — в 1891 году и являлся жандармским офицером и уездным воинским начальником в Туркестане. После Февральской революции 1917 года он был военным губернатором в Фергане, а после Октябрьской революции — руководителем подпольной офицерской органи-

зации в Омске. Здесь он и получил свой псевдоним «Ринов». При Временном Сибирском правительстве Иванов-Ринов командовал Степным корпусом и был атаманом Сибирского казачьего войска. Позднее он — командующий Сибирской армией и военный министр упомянутого правительства. В 1918 году стал генерал-майором, был активным участником колчаковского переворота, после которого продолжил исполнять обязанности начальника Сибирской армии и помощника главнокомандующего Восточным фронтом. После разгрома белогвардейцев Иванов-Ринов, как и многие его соратники, эмигрировал в Китай.

А дальше судьба Иванова-Ринова поворачивается совсем не так, как можно было бы предположить, прочтя упомянутый очерк. Вместе с двумя другими бывшими белыми генералами, Тонких и Шелавиным, он в середине 20-х годов вступил в группу советских добровольцев и принимал участие в боевых операциях на Севере Китая, где был ранен в обе ноги. А после разрыва отношений с Чан Кайши Иванов-Ринов, как искупивший кровью свою вину перед трудовым народом, вернулся в Советский Союз.

Еще более анекдотично упоминание в данном списке фамилии Краковецкого. Аркадий Антонович Краковецкий родился в 1884 году в дворянской офицерской семье. Сам он был кадровым офицером царской армии, однако рано вступил в партию эсеров, оказался замешанным в различных боевых акциях, экспроприациях и прочем. За что и провел 10 лет в Александровском центре. После Февральской революции Краковецкий некоторое время был командующим войсками Иркутского военного округа, а затем заместителем командующего Петроградским военным округом. В этом качестве он был наиболее активным организатором сопротивления Октябрьской революции, членом Всероссийского комитета спасения Родины и революции. Именно Краковецкий возглавил 29 октября знаменитое восстание юнкеров в Петрограде, после подавления которого бежал в Киев, откуда вер-

нулся в Сибирь, где возглавил сибирское контрреволюционное подполье.

Однако после переворота Краковецкий вскоре обнаружил, что оказался не у дел. Захватившие власть офицеры не доверяли ему как бывшему революционеру. Более того, в начале 1919 года его даже арестовали и выслали в Бийск. Спустя полгода Краковецкий бежал из ссылки и примкнул к известному чешскому авантюристу генералу Гайде. Вместе они организовали в ноябре 1919 года мятеж во Владивостоке, после подавления которого Краковецкий сблизился с большевиками, встав во главе Военного совета объединенного штаба революционных организаций Приморья. В начале 1920 года, когда партизанские отряды захватили Владивосток, Краковецкий — главнокомандующий военно-революционными силами края. А когда в апреле того же года японцы совершили переворот, Краковецкий вместе с чехами выехал в Европу. Обосновавшись в Праге, он разворачивает активнейшую коммунистическую пропаганду, одновременно занимаясь разведывательной деятельностью в пользу СССР. В 1922 году он возвращается в Москву, отрекается от своего эсеровского прошлого и вступает в ряды РКП(б). Об этом, кстати, в свое время широко оповещала советская печать.

В конце 1924 года Краковецкого назначают полпредом СССР в Албании, а в начале следующего года — генеральным консулом в Мукдене. А с 1928 по 1933 год Краковецкий вообще работал в Центральном аппарате ОГПУ в Москве. И единственное, в чем прав Листов, так это в том, что в 1938 году Краковецкий был расстрелян.

Третий персонаж — Павел Дмитриевич Яковлев — родился в 1891 году. В 16 лет он примкнул к партии эсеров, был активным боевиком, за что долгие годы провел на каторге и в ссылке. В 1917 году Яковлева избирают председателем Иркутской губернской земельной управы. После Октябрьской революции он — руководитель эсеровского подполья в Восточной Сибири.

Был арестован большевиками, а после белого переворота летом 1918 года назначен Иркутским губернским комиссаром.

Яковлев был одним из организаторов антиколчаковского оппозиционного движения в лагере белогвардейцев, принимая участие в различных заговорах и интригах, не без помощи которых колчаковское движение в конце концов и развалилось. В начале 1920 года он работал под фамилией Дунин на КВЖД. Здесь летом того же года его завербовал советский разведчик Яков Минскер. После этого на протяжении двух лет Яковлев был одной из ключевых фигур в советских разведывательных операциях на Дальнем Востоке. В 1922 году он перебрался в Читу и некоторое время работал заместителем начальника Разведывательного управления Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Позднее — в разведывательном управлении 5-й армии, одновременно являясь руководителем Политпросвета армии. В 1923 году его вызывали в Москву, где в качестве секретного сотрудника он освещал деятельность своих бывших товарищей по Сибирской эсеровской организации. Но в октябре 1924 года он был по непонятным причинам расстрелян³. Биографию Яковлева и Краковецкого подробно исследовал иркутский историк Игорь Подшивалов.

Так что ни один из трех упомянутых в очерке персонажей объектом спецопераций ОГПУ не был, а Листов, так же как и Бэррон, вводит читателя в заблуждение, правда, с совершенно другой стороны.

К сожалению, и сегодня многие отечественные журналисты и публицисты, особенно те из них, кто плохо знаком с историей родной страны, грешат подобными нелепицами и небылицами. Поэтому мы считаем, что настало время объективно разобраться с так называемыми специальными (тайными, литерными) операциями советских спецслужб, проведенными за семьдесят с небольшим лет существования советского государства.

Разумеется, было бы наивным и неправильным утверждать, что пришедшие к власти в 1917 году после

Октябрьского переворота большевики были сторонниками теории непротивления злу насилием. Наоборот, они стремились установить диктатуру пролетариата, для чего не отказывались от акций вооруженного террора. Достаточно вспомнить приписываемое И. Сталину ограбление Тифлисского банка и другие «экссы» большевиков на Урале, в Прибалтике и Закавказье. Да и сам вождь большевиков В. И. Ленин не скрывал своего отношения к такого рода операциям. Так, в 1901 году в статье «С чего начать?» он писал: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора». Впрочем, Ленин в данном вопросе не оригинален. Еще задолго до него, во времена Великой французской революции другой «борец за счастье человечества», Жан-Поль Марат, именовавший себя «Друг народа», обращаясь в декабре 1790 года к парижанам, писал:

«Перестаньте же напрасно терять время на обдумывание средств обороны, у вас осталось только одно из них — именно то, которое я рекомендовал уже столько раз: всеобщее восстание и народная расправа... Перебейте без всякой пощады весь парижский Генеральный штаб, всех депутатов Национального собрания — попов и приверженцев министерства, всех известных приспешников деспотизма... Шесть месяцев тому назад пятисот, шестисот голов было бы достаточно для того, чтобы отвлечь вас от развернувшейся бездны. Теперь, когда вы неразумно позволили вашим неумолимым врагам составлять заговоры и накапливать силы, возможно, потребуется отрубить пять-шесть тысяч голов; но если бы даже пришлось отрубить двадцать тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты»⁴.

А основоположник научного коммунизма К. Маркс в своих работах утверждал, «что существует лишь одно средство сократить, упростить и концентрировать кровавую агонию старого общества и кровавые муки нового общества, только одно средство — революционный терроризм».

То, что большевики, как, впрочем, и любые другие

революционеры, активно использовали террор в качестве метода борьбы со своими противниками, вполне понятно — это вытекает из природы любой революции. Но было бы неправильно говорить, что и их противники этого метода избегали. Белый террор был не менее страшен. Не будем забегать вперед, но в главе, посвященной борьбе советских спецслужб с белой эмиграцией, читатель найдет множество примеров белого террора.

Кроме того, нельзя забывать, что, захватив в 1917 году власть, большевики создали-таки свое государство. Каким оно было — это вопрос не данной книги. Но, как любое другое государство в мире, СССР и его руководители защищались от любых попыток изменения сложившегося строя и смены власти в стране. В том числе и путем применения актов террора как внутри Советского Союза, так и за рубежом. Эта практика, к слову, применялась, применяется и, к сожалению, еще долго будет применяться всеми государствами мира, проводящими свою национальную политику. Так, например, США, несмотря на провал в 1997 году операции по убийству иракского лидера Саддама Хусейна, до сих пор не отказались от насильственных планов смены руководства этой суверенной страны.

К сожалению, во время работы над книгой нам пришлось столкнуться со множеством трудностей. Главной из них было практически полное отсутствие в архивах документов, относящихся к спецоперациям, которые проводили советские спецслужбы за рубежом. Так, работники архивов ФСБ и СВР уверяли нас, что документов по данной теме у них нет. Поэтому использовались самые разнообразные источники, которые могли бы помочь нам в этой непростой работе*. (Все опубликованные источники приведены нами в библиографии, с которой читатель может ознакомиться в конце книги.) В связи с этим мы коснулись далеко не всех известных на сегодняшний день спецопераций советс-

* В том числе фонды РЦХИДНИ, ГАРФ.

ких спецслужб (да все они полностью вряд ли кому-либо известны), а только узловых, типичных и характерных, по которым можно судить о причинах, вызвавших к жизни практику террора.

Для того чтобы читателю было легче ориентироваться в большом количестве фактов, книга разбита на главы, каждая из которых — рассказ о той или иной операции спецорганов СССР (против белой эмиграции, Льва Троцкого и троцкистов и т. д.). В последней главе читатель найдет материалы, раскрывающие организацию и структуру подразделений органов госбезопасности, отвечавших за проведение спецопераций. Кроме того, в качестве приложения в книге помещены биографии сотрудников ОГПУ-НКВД-КГБ, которые участвовали в наиболее известных спецоперациях.

Надеемся, что читатель доброжелательно отнесется к этой книге, написанной не для того, чтобы оправдать или, наоборот, опорочить кого-либо, а с желанием объективно разобраться в непростых моментах нашей недавней истории.

Хочется также поблагодарить тех авторов, чьи произведения помогли нам в работе над этой книгой. Это, прежде всего, Никита Петров, Дмитрий Зубарев, Теодор Гладков и безвременно ушедший из жизни Виктор Бортневский, благодаря чьим советам во многом сформировалась концепция данной книги, а также Лев Воробьев, Нил Никандров, Борис Старков, Виталий Чернявский, Эдуард Шарапов и многие другие. Приносим им всем свою искреннюю признательность.

Глава первая

ОГПУ-НКВД

против белой эмиграции

Октябрьская революция, или, как называли ее большевики в начале 20-х годов, октябрьский переворот, расколола Россию, а затем и весь мир на два непримиримых лагеря. Захватив власть в стране вооруженным путем и не чувствуя под собой твердой почвы, большевики были вынуждены вести борьбу с многочисленными врагами, прибегая при этом и к методам массового террора. Победа в Гражданской войне не успокоила советских вождей, так как противники новой власти в результате эмиграции оказались за рубежом, вне досягаемости ВЧК. Что же касается лидеров проигравших политических партий и белого движения, то они не желали мириться с поражением и всеми доступными средствами пытались продолжить борьбу.

В. Ленин и его соратники, сами пришедшие к власти из эмиграции, хорошо понимали непрочность своего положения и опасались политических эмигрантов, которые начали организовываться в союзы с целью борьбы с большевиками. К тому же лидеры белой эмиграции опи-

рались в этой борьбе на поддержку буржуазных правительств иностранных государств. Поэтому работа против белой эмиграции стала первоочередной задачей ВЧК-ОГПУ за границей. Особую тревогу у советского руководства вызывали ушедшие за границу подразделения белой армии, сохранившие свою организацию и руководство. И именно против них были направлены основные усилия зарубежной агентуры советских спецслужб.

Белый террор против СССР

Тема противостояния и тайной войны между белой эмиграцией и советскими органами госбезопасности в отечественной историографии делится на два периода. Первый, продолжавшийся с 1918 года до начала горбачевской перестройки, характерен тем, что во всех публикациях авторы пели дифирамбы отважным чекистам, грудью защитившим молодое советское государство от происков коварных империалистов и их пособников белогвардейцев. А после распада СССР кто только не писал о страшных террористических актах за рубежом, совершаемых по указанию Сталина и его преемников!

Однако действительность была намного сложнее. Как правило, эмигранты не имели гражданства СССР, но и не принимали гражданства других стран. Жили они, имея на руках так называемый «нансеновский» паспорт*. Накануне Второй мировой войны во Франции было 400 тысяч белоэмигрантов, в Германии — 150 тысяч, в Польше — 100 тысяч. Далее шли Китай (главным образом Маньчжурия и Шанхай) — 70 тысяч человек, Югославия — 40 тысяч человек, в Чехословакии, Болгарии и Латвии — в каждой по 30 тысяч человек, в Румынии — 10 тысяч человек.

* «Нансеновские» паспорта — временные удостоверения личности, введенные для апатридов и беженцев Лигой Наций по инициативе Ф. Нансена. Выдавались в 20-х гг. на основании специальных Женевских соглашений 1922 г.

Белая эмиграция не была однородной. Часть наших соотечественников оказалась за границей из-за страха перед ужасами Гражданской войны или неприятия советской власти. Но при этом они не собирались с этой властью бороться. Другие эмигранты, большинство которых составляли те, кто с оружием в руках сражался против большевиков, не собирались сидеть сложа руки. Они создавали организации, главной целью которых было свержение советской власти в России.

Практически сразу после окончания Гражданской войны на территории сопредельных с советской Россией государств возникли многочисленные белоэмигрантские организации, такие, как савиновский «Народный союз защиты родины и свободы» (Польша), «Объединенная русская армия» (Сербия), «Высший монархический совет» (Германия), «Русский общевоинский союз» (Западная Европа), «Союз русских эмигрантов» (Манчжурия) и другие. Кроме того, продолжали вооруженную борьбу отдельные отряды белогвардейцев под командованием атаманов Анненкова, Дутова, Семенова, барона Унгерна и др. При этом никто из них не отказывался от актов террора. Выдержка из боевой диспозиции «Союза национальных террористов» (создан в мае 1927 года членами РОВС Георгием Радковичем и Марией Захарченко-Шульц), которую направил главе боевой организации РОВС генералу Кутепову бежавший на Запад в апреле 1927 года агент КРО ОГПУ Опперпут-Стауниц:

«После первых ударов по живым целям центр тяжести должен быть перенесен на промышленность, транспорт, склады, порты и элеваторы, чтобы сорвать экспорт хлеба и тем подорвать базу советской валюты. Я полагаю, что для уничтожения южных портов на каждый из них нужно не более 5—10 человек, причем это необходимо сделать одновременно, ибо после первых же выступлений в этом направлении охрана их будет значительно усилена. Сейчас же вообще никакой вооруженной охраны их нет. После первых же выступлений необходимо широко опубликовать и разослать всем хлебным бир-

жам и крупным хлебно-фуражным фирмам сообщение Союза национальных террористов, в котором они извещают, что все члены СНТ, находящиеся в России, не только будут сдавать советским ссыпным пунктам и элеваторам свой хлеб отравленным, но будут отравлять и хлеб, сдаваемый другими. Я не сомневаюсь, что даже частичное отравление 3—4 пароходов, груженных советским хлебом, независимо от того, где это будет сделано, удержит все солидные фирмы от покупки советского хлеба. Конечно, о каждом случае отравления немедленно, весьма широко, должна быть извещена пресса, чтобы не имели случаи действительного отравления иностранцев. То же самое можно будет сделать с другими советскими экспортными съестными продуктами, например с сибирским маслом. При введении своих людей в грузчики, портовые и таможенные служащие, это будет сделать нетрудно. Этим был бы нанесен советам удар, почти равносильный блокаде... Помимо этого, уничтожение элеваторов не только сильно удорожит хлеб, но и ухудшит его качество. Я совершенно не сомневаюсь, что на это нетрудно будет получить в достаточном количестве технические средства, вплоть до хорошо вооруженных моторных лодок. Если бы таковые были получены, то можно было бы развить и некоторое пиратство для потопления советских пароходов... Ведь сейчас имеются моторные лодки, более быстроходные, чем миноносцы. При наличии моторного судна можно было бы устроить потопление должествующего скоро возвращаться из Америки советского учебного парусника «Товарищ». При медленном его ходе настигнуть его в открытом океане и потопить так, чтобы и следов не осталось, не так уже было бы трудно. А на нем ведь исключительно комсомольцы и коммунисты. Эффект получился бы потрясающий. Потопление советских нефтеналивных судов могло бы повлечь нарушение контрактов на поставку нефтепродуктов и колоссальные неустойки. Здесь мы найдем широкую поддержку от нефтяных компаний. Когда американские контрабандисты имеют свои подводные лод-

ки и аэропланы, разве нам откажут в получении хороших моторных лодок, если мы докажем свое?

Надо немедленно начать отправку в Россию различными способами агитационной литературы с призывами к террору и к самоорганизации террористических ячеек, выступающих от имени СНТ. Я думаю, что применительно к советским сокращениям организация могла бы сокращенно именоваться «Сент» или «Сенто», а члены — «Сентоки» или «Сентисты».

Необходимо, чтобы отправляемые террористы при выступлениях всегда бросали записки, что покушение или акт сделан такой-то группой СНТ, постоянно меняя нумерацию, чтобы создать иллюзию мощи СНТ и сбить с толку ГПУ...

Для уничтожения личного состава компартии придется главным образом применить культуру микробов эпидемических болезней (холера, оспа, тиф, чума, сибирская язва, сап и т. д.). Этот способ, правда, наиболее безопасен для террориста, и если удастся наладить отправку в Россию культур болезней, то один террорист сумеет вывести в расход сотни коммунистов... Организовать отправку культур микробов очень легко через дипломатов-контрабандистов. Очень многие дипломаты лимитрофных* государств занимаются провозом в Москву контрабанды и возят ее сразу до 10 пудов (3—4 чемодана). За провоз берут от 150 до 300 долларов за чемодан... При некоторой осторожности через них можно будет отправлять и газы, и взрывчатые вещества. Только всем этим предметам нужно придавать товарный вид, то есть чтобы дипломаты и посредники не знали, что они в действительности везут. Помимо того, чемоданы должны быть с особо хорошими замками, чтобы дипломат из-за любопытства не полез бы туда...

Культуры бацилл отправлять лучше всего в упаковке от духов, одеколона, эссенции, ликеров и т. д. Газы под видом каких-либо лаков в жестяной или стальной упа-

* Так в 20-е годы называли западных соседей СССР: Финляндию, Прибалтику, Польшу и Румынию.

ховке. Взрывчатые вещества под видом красок, ванили, которая пересылается в жестяных коробках...

При выборе целей для таких терр. актов надо иметь в виду только те учреждения, где все без исключения служащие, а также посетители являются коммунистами. Таковы: 1) Все областные комитеты ВКП(б), все губернские комитеты ВКП(б), все партийные школы, войска ГПУ и органы ГПУ... (далее следует список из 75 учреждений в Петрограде и Москве с их адресами — авторы)»¹.

Такого рода диспозиции и планы имели практически все белоэмигрантские организации. И говорить о том, что эти планы остались только на бумаге, — грубая ошибка. Вот лишь небольшая (и далеко не полная) хроника терактов против СССР, совершенных белоэмигрантскими боевиками в 1920—30-х годах:

1923 год.

10 мая белоэмигранты Мориц Конради и Аркадий Полунин убили генерального секретаря советской делегации на Лозаннской конференции полпреда СССР в Италии В. Воровского.

1926 год.

5 февраля совершено покушение на советских дипкурьеров Теодора Нетте и Иоганна Махмасталья. Нетте был убит. Тяжело раненный Махмасталь убил террористов — неких братьев Габриловичей.

9 июня в Париже эмигрантом-меньшевиком Мерабашвили был убит редактор советской газеты «Новая Грузия» Г. Вешапели.

26 сентября было совершено покушение на председателя Ленинградского ГПУ Станислава Мессинга. Покушавшийся, некий Анатолий Труба, проник в кабинет Мессинга, несколько раз выстрелил в него из револьвера, но промахнулся.

Также в этом году была предпринята попытка покушения на руководителей Советской Украины Г. Петровского и В. Чубаря.

1927 год.

В марте некий Соломон Гуревич совершил попытку покушения на Н. Бухарина в Большом театре.

В мае сотрудниками ОГПУ была раскрыта подготовка взрыва в Кремле и Большом театре в день торжественного собрания, посвященного 10-летию Октябрьской революции. Взрыв готовила группа бывших колчаковских офицеров, связанных с заведующим консульской частью британской миссии в Москве Уайтом.

3 июня чудом сорвалась попытка взрыва общежития сотрудников ОГПУ в Москве, организованная руководительницей «Союза национальных террористов» Марией Захарченко-Шульц.

7 июня эмигрант Борис Коверда убил советского полпреда в Польше П. Войкова.

В этот же день в подстроеной железнодорожной катастрофе погиб заместитель полномочного представителя ОГПУ по Белорусскому военному округу Иосиф Опанский и тяжело ранены двое чекистов, конвоировавших арестованного польского шпиона.

В тот же день происходит теракт в ленинградском партклубе. Во время лекции некоего Ширвинда, посвященной американской философии, трое террористов, бывших белых офицеров, забросали слушателей гранатами.

10 августа некая Анна Щепкина совершает покушение на сотрудника полпредства СССР во Франции Фомина.

1 сентября связанный с белогвардейцами Петр Трайкович при попытке совершения теракта в полпредстве СССР в Варшаве убил курьера Шлейхера. При этом сам Трайкович был застрелен сотрудником службы безопасности посольства Гусевым.

В октябре органам ОГПУ стало известно о подготовке покушения на полпреда СССР в Ревеле.

В ноябре некий Анатолий Ерохин совершил покушение на секретаря консульства СССР в Дайрене (Китай) Черкасова.

1928 год.

В апреле стало известно о подготовке покушения на советского полпреда в Варшаве — Богомолова.

В мае белоэмигрант Юрий Войцеховский совершил теракт против советского торгпреда в Варшаве — Лизарева.

6 июня муж Захарченко-Шульц — Радкович бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ в Москве.

В августе нелегально прибывший из Польши в Москву Лев Любарский пытался совершить теракт против М. Калинина и Н. Бухарина, но, не встретив ни того, ни другого, убил советского краскома, одного из руководителей Политуправления РККА, Шапошникова.

1929 год.

В ноябре было совершено нападение на советское консульство во Львове.

1930 год.

В марте некий белоэмигрант Ников покушался на советского гражданина Гершельмана в Париже.

В апреле почти одновременно были предотвращены попытки взрывов советского консульства во Львове (и убийство консула Литинского) и полпредства в Варшаве (последнее готовилось неким Яном Полянским).

1931 год.

В декабре органы ОГПУ раскрыли подготовленное секретарем чешской миссии Ванеком, завербовавшим советских должностных лиц, покушение на японского посла в Москве.

В этот же период становится известно о планировавшемся террористической группой РОВС, возглавляемой находившимся в Чехословакии генералом Хоржевским, покушении на Сталина, а также о подготовке убийства Максима Горького и наркома иностранных дел Максима Литвинова террористической группой РОВС генерала Антона Туркула в Югославии.

1932 год.

5 марта некий Иуда Штерн совершил теракт против советника германского посольства в Москве фон Твардовского.

16 ноября член РОВС Огарев совершил попытку покушения на Сталина, проходившего в сопровождении охраны по улице Ильинка в Москве.

К этому списку следует добавить, что с 1927 года и до середины 30-х годов сотrudниками ОГПУ на территории СССР было схвачено или убито в перестрелках около 100 террористов из РОВС и других белоэмигрантских организаций. Значительная часть из них имела при себе не только личное стрелковое оружие, но и «адские машины», бомбы, гранаты и т. д. Этими смертоносными «игрушками» террористов в изобилии снабжали представители английской, французской, польской, финской и других иностранных разведок.

Разумеется, сотrudники советских спецслужб не сидели сложа руки. Ими было проведено большое число контрразведывательных операций («Трест», «Синдикат» и другие), благодаря которым к концу 30-х годов боевые группы белоэмигрантских организаций были в значительной мере нейтрализованы. Кроме того, против некоторых представителей белой эмиграции, казавшихся партийным и советским руководителям наиболее опасными, были проведены спецоперации, о которых и пойдет речь.

Ликвидация атамана Дутова

Одной из стран, куда в 20-х годах устремилось большое число русских эмигрантов, не принявших советскую власть, был граничащий с южными окраинами России Китай. Там же, после поражения в ходе Гражданской войны, армии Омского правительства адмирала Колчака нашли прибежище многочисленные белогвардейские отряды (большей частью казачьи), в том числе атаманов Анненкова, Дутова, Семенова и других. Но, оказавшись в эмиграции, они не собирались складывать оружие и продолжали бороться с советской властью. Особенно активно в это время действовал против советского государства генерал-майор Дутов.

Александр Ильич Дутов родился в 1879 году. В 1889 году он поступил в Неплюевский кадетский корпус, по окончании которого продолжил военное образование в Николаевском кавалерийском училище. Офицерскую службу Дутов начал в 5-м саперном батальоне, а в 1904 году поступил в Николаевскую военную академию, которую закончил по первому разряду. После окончания академии Дутов перевелся в Оренбургское казачье войско и получил должность преподавателя в Оренбургском казачьем училище. Одновременно, являясь действительным членом Оренбургской ученой комиссии, он собирал и изучал документы, связанные с пребыванием в Оренбурге А. С. Пушкина. В 1912 году Дутов был произведен в чин войскового старшины (подполковника). В годы Первой мировой войны он командовал 1-м Оренбургским казачьим полком, был ранен, дважды контужен и на время лишился зрения и слуха.

Свои политические взгляды Дутов изложил в интервью Сибирскому телеграфному агентству следующим образом:

«Я люблю Россию, в частности свой оренбургский край, в этом вся моя платформа. К автономии областей отношусь положительно, и сам я большой областник. Партийной борьбы не признавал и не признаю. Если бы большевики и анархисты нашли действительный путь спасения и возрождения России, я был бы в их рядах. Мне дорога Россия, и патриоты, какой бы партии они ни принадлежали, меня поймут, как и я их. Но должен сказать прямо: «Я сторонник порядка, дисциплины, твердой власти, а в такое время, как теперь, когда на карту ставится существование целого огромного государства, я не останавлиюсь и перед расстрелами. Эти расстрелы не месть, а лишь крайнее средство воздействия, и тут для меня все равны, большевики и не большевики, солдаты и офицеры, свои и чужие...»²

В октябре 1917 года, незадолго до захвата власти в Петрограде большевиками, войсковой круг Оренбургского казачьего войска образовал оренбургское войсковое

правительство и вручил атаманскую булаву Дутову, осе-
нью выбранному председателем общероссийского «Совета
союза казачьих войск». После этого поддерживающий
Временное правительство Дутов решил одним ударом
покончить с Советами, где большинство имели комму-
нисты. Он потребовал от большевиков немедленно поки-
нуть Оренбург, но получил следующий ответ:

«1. Будут расстреляны все офицеры, юнкера и бело-
гвардейцы, арестованные Революционным Комитетом,
независимо от степени их личной вины.

2. За каждого убитого красноармейца или другого
представителя Советской власти будет расстреляно де-
сять представителей оренбургской буржуазии...

4. Все станицы, которые добровольно не сдадут в
течение трех дней со дня опубликования настоящего
ответа все имеющееся у них оружие, будут подвергнуты
артиллерийскому обстрелу.

Оренбургский военно-революционный штаб»³.

Получив такой ответ, Дутов в ночь с 6 на 7 ноября
отдал приказ арестовать «за призывы к восстанию про-
тив Временного правительства» шестерых наиболее вид-
ных большевиков Оренбурга, в том числе и председателя
Совета рабочих и солдатских депутатов А. Коростелева. В
дальнейшем, подавив силой выступления против создан-
ного им «Комитета спасения», Дутов был назначен ко-
мандующим Оренбургским военным округом. Однако
удержать власть в Южноуралье Дутову не удалось. Уже в
январе 1918 года красногвардейские отряды нанесли час-
тям Дутова тяжелое поражение, после чего тот был вы-
нужден отступить в Верхнеуральск, где вскоре присоеди-
нился к Колчаку, которого признал Верховным прави-
телем России.

В дальнейшем на протяжении всей Гражданской вой-
ны Дутов последовательно и упорно боролся против Со-
ветской власти. К лету 1919 года его армия, в которую
были мобилизованы мужчины от 18 до 55 лет, насчиты-
вала 42 конных, 4 пеших полка и 16 артиллерийских

батарей и представляла мощную военную силу, спаянную железной дисциплиной. Так что нельзя согласиться с председателем РВС Троцким, позднее утверждавшим, что «Дутов выступал как атаман полуразбойничьей конной шайки».

Как известно, Красная Армия в конце концов взяла верх над своими противниками. Не избежал этой участи и Дутов. Весной 1920 года, после крушения правительства Колчака, его отряды были окончательно разбиты, а их остатки включены в Отдельную Семиреченскую армию под командованием атамана Анненкова. Вместе с Анненковым дутовцы перешли китайскую границу и расположились в городе Чугучака и его окрестностях.

Оказавшись в эмиграции, Дутов не сложил оружие, а продолжал совершать набеги на советскую территорию и засылать туда свою агентуру. Так, в июне 1920 года он поддержал антибольшевистские выступления гарнизона города Верного (ныне Алма-Ата). В ноябре того же года он организовал восстание 1-го батальона 5-го пограничного полка, дислоцированного на границе с Китаем. Все началось 5 ноября, когда пограничники под началом командира батальона, бывшего царского офицера Д. Кирьянова, входившего в подпольную антисоветскую организацию, возглавляемую агентом Дутова Демченко, захватили власть в городе Нарыне. Арестовав и расстреляв всех местных руководителей-коммунистов, восставшие открыли границу с Китаем и провозгласили лозунги: «Долой коммунистов!», «Народная власть», «Свобода торговли». Из Нарына восставшие двинулись на Пишпек и Токмак. Но 16 ноября повстанцы были разбиты посланным на их усмирение полком особого назначения, после чего те из них, кто остался в живых, 19 ноября бежали в Китай.

В том же 1920 году Дутовым была создана подпольная офицерская организация в Верном во главе с Александровым. В нее также входили бывшие офицеры Воронов, Покровский, Сергейчук, Кувшинов и казачий полковник Бойко. Все они сумели устроиться на работу в обла-

стной военкомат. К сентябрю 1920 года подпольщики организовали большое число антисоветских боевых групп в Верном и ряде казачьих станиц области. Так, в Верном действовало около 50 участников заговора, проникших на важные военные объекты (полевой и общий телеграф, радиостанцию, облревком и некоторые воинские части), в Б. Алма-Атинской станице боевая группа насчитывала 80 хорошо вооруженных бойцов, в Талгаре — 250, в Надеждинской — 200, в Тюргене — 80, в Джаланаше — 50. Заговорщики разработали план сосредоточения вооруженных групп и продвижения их к Верному и согласовали его с Дутовым, отряд которого должен был в назначенный срок перейти китайскую границу и соединиться с ними на советской территории. Далее восставшие собирались захватить крепость в Верном, разрушить воинские части, разгромить областную ЧК и Особый отдел. Однако заговор был своевременно раскрыт благодаря тому, что сотрудники ЧК получили данные о подозрительных тайных собраниях в домах казаков станицы Надеждинской Романа Шустова и Антона Есютина. За ними было установлено круглосуточное наблюдение. В результате к концу сентября чекистам удалось полностью раскрыть и ликвидировать заговор.

В начале 1921 года Дутов предпринял попытки объединить все находившиеся в Китае отряды белогвардейцев. Кроме того, он установил контакты с командующим Добровольческой армией генералом Врангелем, среднеазиатскими басмачами, представителями иностранных (в частности, английской) разведок. Так, еще в октябре 1920 года он направил следующее письмо командиру ферганских басмачей Иргашу:

«Еще летом 1918 г. от Вас прибыл ко мне в Оренбург человек с поручением от Вас — связаться и действовать вместе. Я послал с ним Вам письмо, подарки: серебряную шашку и бархатный халат в знак нашей дружбы и боевой работы вместе. Но, очевидно, человек этот до Вас не дошел. Ваше предложение — работать вместе — мною было доложено Войсковому правительству Орен-

бургского казачьего войска, и оно постановлением своим зачислило Вас в оренбургские казаки и пожаловало Вас чином есаула. В 1919 г. летом ко мне прибыл генерал Зайцев, который передал Ваш поклон мне. Я, пользуясь тем, что из Омска от адмирала Колчака едет миссия в Хиву и Бухару, послал с ней Вам письмо, халат с есаульскими эполетами, погоны и серебряное оружие и мою фотографию, но эта миссия, по слухам, до Вас не доехала. В третий раз пытаюсь связаться с Вами. Ныне я нахожусь на границе Китая и Джаркента в г. Суйдун. Со мной отряд всего до 6000 человек. Теперь я только жду случая ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с Вами и общность действий. Буду ждать Вашего любезного ответа»⁴.

Получив данные о замыслах Дутова, полномочный представитель ВЧК в Туркестане Яков Петерс поставил перед местными чекистами и сотрудниками военной разведки задачу похитить атамана, доставить на советскую территорию и предать суду. Первоначально разработкой операции по вывозу Дутова в СССР занимался заведующий Джанкертским пунктом Разведупра РККА Василий Давыдов, находившийся в подчинении у начальника Верненского отделения Разведупра Пятницкого. А позднее к подготовке операции были подключены начальник Семиреченской областной ЧК Федор Эйхманс, начальник Джанкертской уездной ЧК Суворов и его заместитель Крейвис.

В ходе подготовки похищения Дутова в его окружение был внедрен сотрудник джаркентской милиции Касымхан Чанышев, бывший князь и офицер, до революции возглавлявший местные органы правопорядка. Он имел родственников в Китае и мог появиться там, не вызвав подозрений. Прибыв в город Кульджу, Чанышев установил контакт с другом детства полковником Аблайхановым, служившим у Дутова переводчиком, и через него добился встречи с атаманом. В ходе состоявшегося разговора Чанышев представился Дутову как недовольный советской властью и предложил свои услуги

для работы на советской территории. Трудно понять, почему отличавшийся подозрительностью Дутов поверил Чанышеву. Но, как бы там ни было, он дал ему задание вернуться в Джаркент и приступить к подготовке вооруженного восстания, посылая в Суйдун подробную информацию о положении дел. По ходу развития операции к ней были привлечены еще несколько чекистов. Так, в качестве связного между Чанышевым и Дутовым выступал Махмуд Ходжамиаров, которого часто сопровождали Азыз Ашурбакиев, Кудек Баймысаков и Юсуп Кадыров, таким образом получившие возможность бывать в штаб-квартире Дутова.

В январе 1921 года было решено приступить к завершению операции по похищению Дутова. Ее назначили на 6 февраля. Согласно разработанному плану, Ашурбакиев и Кадыров должны были находиться с лошадьми у ворот крепости. Ходжамиаров с письмом от Чанышева должен был пройти к Дутову, а Баймысаков — убрать часового, стоявшего у дверей квартиры Дутова. Передавая письмо Дутову, Ходжамиаров должен был ударом в голову оглушить атамана, а затем вместе с Баймысаковым засунуть его в мешок и нести к лошадям. Если бы кто-нибудь из окружения Дутова заинтересовался содержимым мешка, то участникам операции следовало говорить, что они несут полученные воззвания к восстанию. Сам Чанышев должен был находиться недалеко от караульного помещения и в случае необходимости открыть огонь и задержать караульных.

6 февраля 1921 года задействованные в операции чекисты прибыли в Суйдун. Первоначально все развивалось по плану. Войдя к Дутову, Ходжамиаров передал ему письмо Чанышева следующего содержания:

«Господин атаман, хватит нам ждать, пора начинать. Все сделал. Готовы. Ждем только первого выстрела, тогда и мы спать не будем. Ваш Чанышев»⁵.

Когда Дутов начал читать письмо, Ходжамиаров оглушил его и позвал Баймысакова, который к тому времени успел убрать часового. Но тут в комнату неожидан-

но вошел адъютант Дутова, заметивший отсутствие у двери часового. Увидев, что Ходжамиаров и Баймысаков пытаются захватить находящегося без сознания Дутова в мешок, он попытался выхватить оружие, но был убит выстрелившим раньше Баймысаковым.

Услышав выстрелы, находящиеся в караульном помещении казаки поспешили на помощь Дутову, но были остановлены стрельбой Чанышева. Ходжамиаров, видя, что похитить Дутова не удастся, выстрелом в упор убил атамана. Ходжамиаров с Баймысаковым выпрыгнули в окно и бросились к воротам крепости, где их ждали с лошадьми Ашурбакиев и Кадыров. Задержать их не удалось, и вскоре все чекисты, принимавшие участие в операции, оказались на советской территории. Позднее приказом по ВЧК все участники операции по ликвидации Дутова были награждены: Василий Давыдов — орденом Красного Знамени, а остальные — именными золотыми часами.

Было решено полностью разгромить и остатки отряда Дутова. Для этого 24 мая 1921 года по договоренности с китайским правительством части Красной Армии перешли границу и двинулись на лагерь дутовцев. Многие из них были взяты в плен и отправлены на советскую территорию. И лишь небольшой их части под командованием генерал-лейтенанта А. Бакича удалось скрыться.

Захват атамана Анненкова

После ликвидации генерала Дутова деятельность белоэмигрантов в Китае, направленная против советской России, не стала менее активной. Наоборот, в короткий срок ими было создано несколько организаций, таких, как монархическое «Богоявленское братство» (глава Д. Казаков), «Комитет защиты прав и интересов эмигрантов» (руководители генерал Глебов и полковник Колесников), «Мушкетеры», «Черное кольцо», «Голубое кольцо» (все три возглавлял бывший секретарь российского посольства в Пекине — Остроухов) и т. д. Кроме того,

продолжали существовать военизированные формирования — отряды Анненкова, Глебова, Нечаева, Семенова и других, ставившие своей целью вооруженную борьбу с советским государством. Поэтому ликвидация этих отрядов стала основной задачей советских спецслужб. Одним из примеров таких операций может служить захват на территории Китая атамана Анненкова.

Борис Владимирович Анненков родился в 1889 году в Волынской губернии. Его отец, отставной полковник, был потомком Ивана Александровича Анненкова, поручика кавалергардского полка, члена петербургского отделения Южного тайного общества декабристов, известного также своей романтической женитьбой на дочери французского эмигранта Полине Гебль, получившей разрешение выйти замуж за ссыльнокаторжного и обвенчавшейся с ним в Сибири.

В 1908 году Анненков окончил Одесский кадетский корпус и поступил в Московское Александровское военное училище. В 1910 году в чине хорунжего он был направлен сначала в 1-й Сибирский полк, а затем переведен в туркестанский город Кокчетав в казачий полк. Во время Первой мировой войны Анненков воевал в рядах 4-го Сибирского полка в должности командира «партизанского» отряда, был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия, получил чин сначала есаула, а потом войскового старшины.

После Февральской революции отряд Анненкова был передан в распоряжение штаба Первой армии, где нес комендантскую службу. Когда же к власти пришли большевики, Анненков получил приказ следовать с оружием и амуницией в Омск, где его отряд должен был быть расформирован. Но по прибытии в Омск Анненков и его люди отказались выполнять приказ местного Совета рабочих и солдатских депутатов сдать оружие и разойтись по домам. В своей автобиографии Анненков объясняет это следующими причинами:

«Офицерство оказалось в затруднительном положении. Большинство военных прежде честно служили Рос-

сии, отдавали этому делу свои жизни. С упразднением чинов, званий, с расформированием армии офицеры лишились всяких средств к существованию. Им просто некуда было идти, а потому каждый готов был предложить себя любому, кто давал хоть какую-то возможность служить. Другого ремесла они просто не знали. На этой почве у офицерства усиливалось недовольство Советской властью, и они стали организовываться для борьбы за восстановление своего былого положения»⁶.

С января 1918 года Анненков открыто выступил против советской власти. Со своим отрядом, со временем выросшим до бригады, он воевал в армии Омского правительства адмирала Колчака, который произвел его в чин генерал-майора. Но при этом Анненков всегда сохранял «партизанскую» самостоятельность и часто не подчинялся приказам. В его отрядах были свои, «атаманские» порядки. Так, вместо обращения «Ваше благородие» было введено слово «брат» (например, брат-атаман, брат-ротный, брат-вахмистр). А вновь прибывшие офицеры первоначально служили нижними чинами, и лишь со временем, достойно показав себя в боях, получали (да и то не всегда) командные должности.

Действия Анненкова и его подчиненных в отношении большевиков и сочувствующего им местного населения отличались крайней жестокостью. Так, при подавлении антиколчаковского выступления в сентябре 1918 года в Славгородском уезде Омской губернии части под командованием Анненкова только за один день (11 сентября) казнили около 500 человек. А захваченных в селе Черный Дол делегатов крестьянского уездного съезда (87 человек) и членов созданного этим съездом военно-революционного комитета анненковцы изрубили на площади напротив Народного дома и тут же закопали.

После падения колчаковского правительства Анненков возглавил белогвардейскую Семиреченскую армию, а после ее поражения с небольшим отрядом (около 4 тысяч человек) ушел в Китай. Но перед этим он приказал расстрелять тех, кто отказался последовать за ним. Из

воспоминаний белогвардейского офицера А. Новокрещенкова, написанных им в Китае:

«Приблизительно в марте, числа 16—19-го, отряд атамана Анненкова под натиском Красной Армии подошел к границе Китая у перевала Сельке. Это место атаман называл «Орлиное гнездо», и расположился там лагерем с отрядом примерно в 5 тысяч человек. Здесь были полк атамана Анненкова, или атаманский, оренбургский полк генерала Дутова, егерский полк и маньчжурский при одной батарее и саперном дивизионе. Атаманский полк осуществляя прикрытие отступления отряда. Он же на месте производил суд над идущими на родину партизанами — их просто раздевали и расстреливали или сообщали вооруженным киргизам, что идет такая-то партия и ее надо уничтожить. С отрядом к границе шли семьи некоторых офицеров, как, например, семья заслуженного оренбуржца полковника Луговских, состоявшая из трех дочерей и престарелой жены, жена есаула Мартемьянова и в числе других — жена с 12-летней дочерью вахмистра Петрова — оренбуржца. Всем семьям атаман приказал эвакуироваться в Китай, а сам немедленно отдал приказ 1-й сотне атаманского полка, сотнику Васильеву отдать всех женщин в распоряжение партизан, а мужчин перебить. Как только стали проезжать семейства, то сотник Васильев задерживал их под разными предлогами и отправлял в обоз своей сотни, где уже были любители насилия: полковник Сергеев — начальник гарнизона Сергиполя, Шульга, Ганага и другие. Прибывших женщин раздевали, и они переходили в пьяные компании из рук в руки, и после их рубили в самых невероятных позах. Из этой клоаки удалось вырваться уже изнасилованной с отрубленной рукой дочери вахмистра, которая прибежала в отряд и все рассказала. Это передали оренбуржцам, попросили их встать на защиту. Полк немедленно вооружился, а командир его Завершенский пошел с Мартемьяновым к атаману и потребовал выдачи виновных. Атаман долго не соглашался, оттягивал время, дабы главный виновник Васильев имел возможность убе-

жать за границу и тем самым замести следы. Но Завершенский под угрозой револьвера заставил атамана выдать преступников. Оренбуржцы арестовали Шульгу, Ганагу и еще трех-четырех человек. Были вызваны добровольцы их порубить. Рубка этих людей происходила на глазах всего отряда. После этой казни полк немедленно снялся и пошел в Китай, не желая оставаться в отряде. Вслед полку анненковцы дали несколько выстрелов из орудий, к счастью, не попавших в цель. В этой жуткой истории погибла вся семья Луговских, не пожалели 54-летней женщины и 14-летней девочки, не говоря уже про 17- и 19-летних девиц, которые были найдены с разбросанными по сторонам ногами и жутким видом полового органа. Говорили, что эти девицы переходили из рук в руки целого эскадрона и каждый получивший жертву после другого еще более измывался над несчастными. Жена помощника атамана Мартемьянова была найдена с распоротым животом и разодранными ногами. Вещей убитых не нашли, но, как говорили, в личном штабе атамана много золота и серебра с метками погибших. Позднее, по приказу генерала Дутова, произвели дознание в управлении эмигрантами. Васильева поймали, арестовали, и он погиб голодной смертью в том же Оренбургском полку уже в Китае»⁷.

Оказавшись в Китае, Анненков намеревался присоединиться к атаману Семенову. Но китайские власти, знавшие о «подвигах» анненковских партизан и не желавшие их повторения на своей территории, 27 мая 1920 года у пограничного города Джимпань полностью разоружили отряд атамана. И хотя после этого Анненкова покинули многие его соратники, его отряд все еще насчитывал около 700 человек. Поэтому китайцы приняли решение задержать Анненкова и поместить его в тюрьму. В марте 1921 года он был вызван в город Урумчи к генерал-губернатору провинции Синьцзян Ян Цзысяну и там арестован.

В заключении Анненков пробыл почти три года — до февраля 1924 года. Все это время он настойчиво обра-

щался к английским, французским, японским и другим посланникам в Китае с просьбой о скорейшем освобождении, клятвенно заверяя их, что продолжит борьбу с Советской властью. С такими же просьбами обращался к посланникам и начальник штаба Анненкова генерал-майор Н. Денисов. В конце концов, под давлением англичан китайцы уступили, и Анненков оказался на свободе.

За то время, что Анненков провел в тюрьме, его отряд почти полностью распался. Часть партизан ушла в вооруженные формирования, создаваемые белоэмигрантскими организациями, другие присоединились к атаману Семенову, третьи поступили на службу к китайским генералам, ведущим гражданскую войну, остальные вернулись на родину. В результате под началом Анненкова осталось всего 18 человек, с которыми он в мае 1924 года направился в глубь Китая, где неподалеку от города Ланьчжоу занялся разведением племенных лошадей.

Разумеется, обосновавшись в Ланьчжоу, Анненков не собирался отказываться от борьбы с советской властью. Да и другие лидеры эмиграции, зная о его «подвигах» во время Гражданской войны, стремились привлечь атамана на свою сторону. С первых дней пребывания в Ланьчжоу Анненков стал получать письма от различных белоэмигрантских организаций с предложениями вступить в их ряды и начать подготовку военных акций против СССР. С такими же предложениями обращались к нему и представители спецслужб западноевропейских государств. Вот что писал об этом сам Анненков:

«Из многих личных разговоров с некоторыми английскими и другими иностранными чиновниками я вывел определенное заключение о непримиримости англичан к существованию Советской власти. Об этом, например, прямо мне говорили директор соляных монополий Гансуйской провинции Роберт Герц, провинциальный директор почт англичанин мистер Дуда. С последним я встречался много раз, в том числе у него на квартире, а также в помещении германской духовной миссии, на общих обедах у гансуйского губернатора. Дуда постоянно

отговаривал меня от намерения заняться фермерством и отойти от политики. Он убеждал включиться в активную политическую жизнь»⁸.

В начале ноября 1925 года к Анненкову в Ланьчжоу прибыл бывший начальник его личного конвоя Ф. Черкашин под видом заготовщика пушнины для английской фирмы. Он передал атаману письмо М. А. Михайлова — начальника штаба белогвардейской группы войск китайского генерала Чжан Цзолина. В письме Михайлов предлагал Анненкову организовать и возглавить отряд из белоэмигрантов для борьбы с армией китайского генерала Фэн Юйсяна (в то время воевавшего на стороне Народно-революционной армии), а также для будущих военных действий против СССР.

На предложение Михайлова Анненков ответил согласием и передал Черкашину три письма. В первом, адресованном Михайлову, он писал, что согласен возглавить отряд. «Сбор партизан и их организация — моя заветная мечта, которая в течение пяти лет не покидала меня... И я с большим удовольствием возьмусь за ее выполнение... Судя по многочисленным письмам, получаемым от партизан, они соберутся по первому призыву... Все это даст надежду собрать значительный отряд верных, смелых и испытанных людей в довольно непродолжительный срок. И этот отряд должен быть одним из кадров, вокруг которых сформируются будущие части»⁹.

Во втором письме, адресованном своему бывшему подчиненному П. Иларьеву, служившему при штабе Чжан Цзолина, Анненков писал, что принял предложение собрать отряд и поручает Иларьеву временно командовать им, так как он сам не может пока открыто этого сделать. В письме, в частности, говорилось: «Для того, чтобы я выбрался отсюда (из Ланьчжоу, который контролировал противник Чжан Цзолина генерал Фэн Юйсян — автор), нужно добиться того, чтобы мое имя совершенно не упоминалось в причастности к отряду. Лучше, наоборот, распускать слухи о моем отказе вступать в дальневосточные организации, о моей перемене фронта»¹⁰.

В третьем письме руководителю организации «Богоявленское братство» Д. Казакову Анненков писал, что отказался от предложения присоединиться к Чжан Цзолину, так как это повлекло бы за собой его участие в боевых действиях против Фэн Юйсяна. Письмо это было написано для того, чтобы скрыть союз с Чжан Цзолином и получить возможность со временем беспрепятственно присоединиться к нему.

Однако все три письма Анненкова попали к сотрудникам советской разведки в Китае, пристально наблюдавшим за атаманом после его освобождения из тюрьмы. Получив сведения о намерениях Анненкова вновь включиться в борьбу против СССР, в Москве приняли решение заманить его в ловушку, доставить на советскую территорию и предать суду. Операция по поимке Анненкова разрабатывалась при участии начальника ИНО ОГПУ Михаила Трилиссера, начальника КРО ОГПУ Артура Артузова и начальника Разведупра РККА Яна Берзина. Было решено сообщить о намерениях Анненкова Фэн Юйсяну и, пользуясь тем, что деятельность атамана затрагивает его интересы, попросить пригласить Анненкова к себе якобы для работы, арестовать и выдать советским представителям. Непосредственно в Китае операцией руководили прибывший из Москвы сотрудник КРО ОГПУ Сергей Лихаренко, старший военный советник при штабе Фэн Юйсяна Виталий Примаков и начальник военной разведки при группе Примакова — Михаил Довгаль.

Фэн Юйсян, зная, что СССР неоднократно добивался выдачи ряда бывших руководителей белогвардейского движения, в том числе и Анненкова, согласился выполнить просьбу Примакова. В марте 1926 года он вызвал Анненкова и Денисова к себе под предлогом поступления на службу в его армию. Не желая ссориться с Фэн Юйсяном, Анненков в сопровождении Денисова в конце марта прибыл в штаб-квартиру китайского генерала и через несколько дней вместе со своим начальником штаба был арестован в номере гостиницы группой чекистов во главе с В. Примаковым.

Понимая, что участь его решена, Анненков согласился сыграть роль «добровольно раскаявшегося» в обмен на человеческое отношение до самого расстрела. В результате этой договоренности 5 апреля Анненков написал обращение советскому правительству, опубликованное 20 апреля в эмигрантской газете «Новая шанхайская жизнь»:

«Я, Борис Анненков, в минувшую гражданскую войну принимал самое деятельное участие в борьбе на стороне белых. Считал большевиков захватчиками власти, неспособными вести народ и страну к благу и процветанию. Суровая трехлетняя борьба кончилась нашим поражением, и мы эмигрировали в Китай. Шесть лет эмиграции были самыми тяжелыми в моей жизни. Потеря своей Родины, сознание своей вины перед людьми, которые верили мне и которых я повел за собой в скитание в Китай, сильно угнетали меня. Строгий анализ своих прошлых поступков и действий привел меня к выводу, что гражданская война и борьба с Советами были глубоким заблуждением, ибо то, что сделала Советская власть после того, как окончила борьбу на всех фронтах, говорит, что она твердо и неуклонно ведет народ к достижению намеченных идеалов...

Сознавая свою огромную вину перед народом и Советской властью, зная, что я не заслуживаю снисхождения за свои прошлые действия, все-таки обращаюсь к Советскому правительству с искренней и чистосердечной просьбой о прощении мне моих глубоких заблуждений и ошибок, сделанных мной в гражданскую войну. Если бы Советская власть дала мне возможность загладить свою вину перед Родиной служением ей на каком угодно поприще, я был бы счастлив отдать все свои силы и жизнь, лишь бы доказать искренность моего заблуждения. Сознавая свою вину и перед теми людьми, которых я завел в эмиграцию, я прошу Советское правительство, если оно найдет мою просьбу о помиловании меня лично неприемлемой, даровать таковое моим бывшим соратникам, введенным мною в заблуждение и

гораздо менее, чем я, виноватым. Каков бы то ни был суров приговор мне Советского правительства, я приму его как справедливое возмездие за свою вину.

Атаман Анненков».

Надо отметить, что в дальнейшем обе стороны выполнили взятые на себя обязательства. Об этом свидетельствует записка Анненкова, которую он написал в Москву следователю Владимирову на следующий день после вынесения приговора:

«Глубокоуважаемый тов. Владимиров! Прежде всего позвольте Вас поблагодарить за человеческое отношение, которое Вы проявили ко мне за время моего пребывания в Москве во внутренней. Моя глубокая просьба к Вам: помогите моим бывшим партизанам Ал. Яркому, Ив. Дуплякину, Леон. Вялову и Пет. Павлейка. Они не виноваты. Их не за что карать. Они шли за мной по молодости... Я много перенес нравственных ударов во время процесса. Прокурор, общественные обвинители говорили все равно как шелкали бичом по лицу. Сейчас легко. Я отчитался в своих грехах и расплачусь за них своей жизнью. Я должен уйти из жизни и уйду с сознанием того, что я получил по заслугам. Уважающий Вас — Борис Анненков. Еще раз прошу о партизанах. 13 августа 1927 г.»¹¹.

10 апреля 1926 года, через пять дней после того, как Анненков подписал обращение к Советскому правительству, его и Денисова отправили в Москву. Дело вели следователь по особо важным делам прокуратуры РСФСР Д. Матрон и уже упомянутый следователь Владимиров. Суд состоялся в Семипалатинске. С 25 июля по 12 августа 1927 года выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством П. Мелнгалва рассматривала дело Анненкова и Денисова и 12 августа приговорила их к смертной казни. Приговор привели в исполнение в Семипалатинске 24 августа 1927 года в 11 часов вечера.

Захват советскими спецслужбами атамана Анненкова и суд над ним нанес белой эмиграции в Китае болезнен-

ный удар. Но ее лидеры продолжали вынашивать планы свержения советской власти. Поэтому работа по белой эмиграции в Китае еще долгие годы оставалась одним из важнейших направлений для советских спецслужб. Так, например, в докладе Разведупра РККА руководству страны от 20 сентября 1929 года говорилось:

«Белые продолжают деятельность по формированию отрядов. Базами формируемых белых отрядов являются Харбин (генерал Сахаров, Савич), Муланские копи (ст. Мулан) по всей линии КВЖД и Маньчжурско-Хайларский район. Количество всех активных белых в Северной Маньчжурии достигает 5—6 тысяч человек. Работу по формированию белые ведут в основном с белокитайцами или пытаются создать партизанские отряды для переброски на нашу территорию. Случаи таких перебросок в составе небольших отрядов уже неоднократно имели место, но нашими контрмерами быстро ликвидировались. Переброски в составе крупных отрядов в последнее время не отмечались. Белых формирований как самостоятельных отрядов в китайских войсках не обнаружено. Отмечаются лишь небольшие группы белых в китайских войсках и совместные действия против наших пограничников. В штабах китайских войск имеются белые офицеры в качестве советников.

По последним данным, в связи с появившейся возможностью для безработных устроиться на службу на КВЖД и с нашими ответными мероприятиями (решительный отпор всем попыткам белоотрядов проникнуть на нашу территорию) среди белобанд наблюдается развал, приток добровольцев в белоотряды идет слабо. Имеются сведения о прибытии в Шанхай для следования в Маньчжурию белых офицеров из Парижа. Следует отметить вместе с тем ряд случаев вынесения китайским населением пограничной полосы резолюций с просьбой о применении арестов в отношении белобандитов и прекращении их активной деятельности. В Харбине по приказу из Мукдена 28 августа распущена фашистская белая организация по борьбе с Коминтерном»¹².

Тайна убийства генерала Покровского

Стремление взять реванш после поражения в Гражданской войне испытывали не только предводители белого движения, оказавшиеся в Китае. Такие же планы вынашивали и те белоэмигранты, которые обосновались в Европе. К началу 1921 года в европейских странах находились остатки Северной армии генерала Миллера, Северо-Западной армии генерала Юденича, а также эвакуированные из Крыма части Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР) под командованием генерала Врангеля. Кроме того, как уже говорилось, в Европе проживало большое число русских эмигрантов, не принимавших участия в боевых действиях во время Гражданской войны, но не пожелавших оставаться в большевистской России.

Разумеется, оказавшиеся за границей части белой армии, сохранившие свою организацию и руководство, находились под пристальным вниманием советских спецслужб. Прежде всего это касалось подразделений ВСЮР, с ноября 1920 года находившихся в Галлиполи и на острове Лемнос в Турции, а с конца 1921 года — в Болгарии и Сербии. Сотрудники и агентура ОГПУ и Разведупра РККА прилагали огромные усилия и использовали любые возможности для разложения частей ВСЮР.

Так, в октябре 1922 года в Болгарию прибыла миссия советского Красного Креста в составе четырех человек: руководителя миссии И. Корешкова, его помощника В. Краснославского и двух сотрудников: Александра Корещкого и Роберта Озола. Однако на самом деле под фамилией Краснославский в Софии начал работать резидент советской разведки Борис Иванов. Чекистами были и А. Корещкий (вероятно, Федор Карин) и Роберт Озол.

Сразу по прибытии в Болгарию миссия развернула активную работу по разложению белой эмиграции. К сотрудничеству были привлечены бывшие врангелевские генералы Гравицкий, Секретов, Семенцов, Николаев, Клочкин и Зеленин. Основной упор делался на работу

среди эмигрантов с помощью просоветских организаций «Союз возвращения на Родину» («Совнарод») и «Общеказачий земледельческий союз» (ОКЗС), руководящую роль в которых играли бывший адъютант командующего Донской армией Александр Агеев и редактор «Донского вестника» граф Э. дю Шайла. Еще до приезда миссии эти организации издавали свои газеты: «На Родину» и «Вестник земледельца», а в конце октября они были объединены в газету «Новая Россия» под редакцией А. Агеева и сотрудника ГПУ Семена Фирина.

Вскоре произошло объединение аппарата миссии и руководства просоветских эмигрантских организаций, и уже в ноябре 1922 года в составе миссии действовали следующие отделы: военный во главе с А. Агеевым, торговый во главе с С. Фириним, политической пропаганды во главе с Сергеевским, контрольно-справочный во главе с Сергеем Чайкиным (бывший мичман, эмигрант), а также — благотворительный.

Деятельность миссии была весьма эффективной, о чем свидетельствует, например, следующий приказ командующего ВСЮР генерала Врангеля от 8 ноября 1922 года:

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Русской Армией

№ 313

Суд чести, избранный Советом Объединенных Офицерских обществ в Королевстве С.Х.С., рассмотрев в заседании своем 8 ноября с. г. дело об именующих себя: бывшим Командиром Донского конного корпуса Генерал-Лейтенанте Секретеве Александре, бывшим Командиром 2-й бригады 1-й Донской казачей дивизии Генерал-Майоре Клочкове Иване, бывшим помощником начальника Алексеевской пехотной дивизии Генерал-Майоре Зеленине Евгении, бывшим Командиром Самарского пехотного полка Полковнике Житкевиче Дмитрие, причисленным к Генеральному Штабу Полковнике Оржановском Вячеславе, бывшим Командиром

Сунженско-Владикавказского пластунского батальона Полковнике Климовиче Николае и бывшим Командиром бронепоезда «Единая Россия» Полковнике Лялине Михаиле, признал их виновными «в том, что 29 сентября 1922 года в газете «Новая Россия» за № 1 они опубликовали за своими подписями обращенное к русским воинским чинам воззвание, в котором они призывали последовать их примеру, перейти на службу к советской власти и возвращаться в Россию, объявив при этом о своем переходе на службу в красную армию и о признании ими советской власти». Посему и на основании §1 приказа Главнокомандующего Русской Армией 1921 года № 325, суд чести постановил: всех вышепоименованных лиц исключить со службы с лишением чинов и с последствиями, указанными в ст. ст. 38, 39 и 40 XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 4.

Настоящий приговор мною утвержден.

Генерал Врангель»¹³.

Однако агитация за возвращение на родину и вербовка агентуры в рядах ВСЮР не были единственными способами разложения находящихся в эмиграции частей белой армии. Советские спецслужбы проводили в случае необходимости и спецоперации, примером которых может служить ликвидация генерала Покровского.

В «Биографическом справочнике высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России», составленном Н. Рутыч-Рутченко, о генерале Покровском сказано следующее:

«Покровский Виктор Леонидович (1889—1922) — генерал-лейтенант. Окончил Павловское военное училище и Севастопольскую авиационную школу. Участник Первой мировой войны, военный летчик. Георгиевский кавалер. В 1917 г. — штабс-капитан и командир 12-го армейского авиационного отряда в Риге.

После Октябрьского переворота сформировал на Кубани 2-й Добровольческий отряд. После первоначальных успехов был вынужден оставить Екатеринодар 1 марта

1918 г. Назначен Кубанской радой командующим войсками Кубанской области и произведен в полковники, а затем в генерал-майоры. Командовал Кубанской армией, ушедшей в Ледовый поход, до ее соединения с Добровольческой армией в ауле Шенджей. В Добровольческой армии — командир конной бригады и дивизии. В ВСЮР — командир 1-го Кубанского казачьего корпуса в составе Кавказской армии генерала Врангеля. За взятие Камышина генералом Деникиным был произведен в генерал-лейтенанты. С ноября 1919 по февраль 1920 г. — командующий Кавказской армией (после генерала Врангеля). В Русской армии генерала Врангеля не получил назначения на командную должность и эмигрировал в апреле 1920 г.»¹⁴.

Оказавшись в эмиграции, Покровский не отказался от мысли продолжить борьбу с советской властью и с этой целью создал нелегальную террористическую организацию. Членами организации Покровского были полковник Буряк (начальник штаба), полковник Золотаревский, генерал Гетманов, генерал Муравьев, полковник Бабкин и капитан Драгниевич. Вскоре Покровский вступил в зашифрованную переписку со штабом Врангеля. При посредничестве генерала А. Боровского он просил генералов Кутепова и Витковского передать ему спрятанное в Свищеве и Ловиче русское оружие, а также предлагал отправить офицеров из Белграда в Италию, Германию и Америку для сбора средств на антисоветскую борьбу.

Кроме того, Покровский установил связь еще с целым рядом антисоветских организаций, действующих в Болгарии: в Великом Тырнове во главе с полковником Белым, в Сливене с полковником Охлопковым, в Плевене — с полковником Яхонтовым, в Варне — во главе с генералом Смердовым и некоторыми другими. Особенно тесно контактировал Покровский с генералом Смердовым, который был хорошим организатором. Достаточно сказать, что он объединил вокруг так называемого «Русского дома» представителей белоэмигрантского «Красного креста», местного отделения «Русского общественно-

го объединенного комитета», «Военно-террористического союза» и «Группы взаимопомощи русских офицеров», а также установил тесные связи с болгарскими правыми партиями.

Вскоре Покровский и Смердов предприняли конкретные шаги по осуществлению своих планов. С помощью генерала Николаева, военного представителя Врангеля в Бессарабии, и русского подполковника летчика И. Сусалина, секретаря югославского консульства в Варне, они создали нелегальный канал в Добрудже, по которому направляли в Советскую Россию террористов с югославскими паспортами. Кроме того, ими был подготовлен десант в составе 60 человек, целью которого было поднять восстание против советской власти на Кубани.

Работавшие под прикрытием миссии Красного Креста чекисты почти сразу же по прибытии в Болгарию обратили на действия Покровского и его союзников самое пристальное внимание. Вскоре с помощью варненского градоначальника Г. Стоянова была разработана операция по захвату террористов. При ее разработке большую роль сыграли сведения, полученные от варненской нелегальной разведгруппы, которую возглавлял Григор Чочев, пользовавшийся информацией своих людей из морской полиции Варны. Операцией по ликвидации десанта руководил лично Борис Иванов, которому помогали Сергей Чайкин и Роберт Озол. Заговорщики были арестованы, но самому Покровскому удалось скрыться.

Однако неудача с десантом не остановила Покровского. И вскоре он приступил к осуществлению террористических акций против советской миссии Красного Креста и организации «Совнарод» в Болгарии с целью сорвать наметившееся советско-болгарское сближение. 3 ноября 1922 года член его организации Николай Бочаров тяжело ранил руководителя «Совнарода» и главного редактора «Новой России» Александра Агеева, который в результате этого ранения 9 ноября скончался. А в ночь с

5 на 6 ноября было совершено покушение на курьера миссии Сергея Чехотина, одновременно являвшегося корреспондентом издававшейся в Берлине сменовеховской газеты «Накануне». Кроме того, произошла серия покушений на руководителей групп «Совнарода» на местах. Так, в Плачковицах подверглись нападению председатель и секретарь местного отделения Лишин и Косян, а в Хасково — тяжело ранен руководитель «Совнарода» и секретарь советской миссии А. Шерьга.

Болгарские власти, обеспокоенные возможным ухудшением отношений с СССР, сразу же отреагировали на эти теракты. В Софии начались аресты членов организации Покровского. Совместно с болгарской жандармерией и сотрудниками «Общественной безопасности» в них участвовали и советские агенты: Иванов, Чайкин, Озол и Фирин. В результате были арестованы члены руководства организации Покровского — полковник Буряк и капитан Драгниевиц, а также их курьер Моисей Власов. От арестованных были получены сведения о том, что генерал Покровский скрывается в расположенном недалеко от югославской границы городе Кюстендиле и собирается бежать в Сербию. Чекисты немедленно выехали в Кюстендил.

7 ноября с агентами «Общественной безопасности» Гонгаловым и Кюмиджиевым и жандармами чекисты блокировали усадьбу, в которой укрывались Покровский, его ординарец Кручевский, полковник Улагай и Бочаров. Завязалась перестрелка, в ходе которой Покровский ранил Кюмиджиева. Однако и сам был тяжело ранен ударом штыка в грудь и спустя два дня, 9 ноября скончался в больнице. Полковник Улагай сумел выскочить в окно и убежать. Позднее он перебрался через границу и служил в албанской армии. Бочаров и Кручевский были схвачены жандармами.

Казалось бы, история гибели Покровского абсолютно ясна. Тем более что в своих воспоминаниях, включенных в известный сборник, посвященный строительству

Беломоро-Балтийского канала, С. Фирин подробно о ней рассказывает. Однако нельзя умолчать и о некоторых загадочных обстоятельствах, также ставших известными, о смерти главного редактора «Новой России» А. Агеева. Дело в том, что некоторые рассказывают о смерти Покровского совершенно иначе. Просматривая бумаги известного русского историка Владимира Бурцева, хранящиеся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ), мы с удивлением обнаружили совсем иную версию событий, произошедших в Болгарии в ноябре 1922 года. По мнению Бурцева, Александр Агеев — родной брат товарища председателя* Донского казачьего круга, вступил в «Совнарод» по заданию тайной правоэсеровской организации. Свою поездку в СССР летом 1922 года он использовал для установления контактов с подпольем внутри страны. Однако чекисты разоблачили Агеева, сами же его убили и использовали это убийство для того, чтобы получить предлог для расправы над Покровским.

В пользу своей версии Бурцев приводит следующий довольно странный факт. Похороны Агеева болгарские коммунисты превратили в своеобразную демонстрацию, во время которой с обличительными речами выступили их лидеры Василь Коларов и Георгий Димитров. Однако после торжественного митинга гроб с телом Агеева был брошен. Ни болгарские коммунисты, ни представители советской миссии и «Совнарода» никакого интереса к нему не проявили.

Поначалу нам показалось, что эта история с гробом, приведенная Бурцевым, не заслуживает внимания. Однако, просматривая газеты того времени, мы обнаружили, что версию Бурцева разделял и известный лидер эсеров, руководитель их группы в Болгарии В. И. Лебедев. При правительстве Стамболийского Лебедев играл в Болга-

* Товарищ председателя — в дореволюционной России заместитель министра или председателя какого-либо учреждения.

рии весьма значительную роль, выступая посредником между болгарским правительством и Советской Россией. Кроме того, он находился в больнице у постели Агеева, причем некоторое время — наедине с ним.

Наводит на определенные размышления и запись беседы генерального консула СССР в Константинополе В. П. Потемкина с первым секретарем миссии Болгарии в Константинополе И. Алтыновым, состоявшейся 26 мая 1924 года. Вот выдержка из нее:

«Потемкин. Разрешите мне напомнить вам хотя бы случай с сотрудником миссии Красного Креста в Болгарии Агеевым, который был убит, причем болгарское правительство не приняло мер к должному наказанию виновников этого политического убийства.

Алтынов. Мои сведения по этому делу несколько расходятся с вашими. Убийцы Агеева предстали перед болгарским судом. Однако на суде выяснилось, что убийство Агеева было совершено его собственными друзьями, которые заподозрили, будто он состоит на службе у врангелевцев. Дело всесторонне разбиралось перед трибуналом, весь процесс шел в точном соответствии с нашими законами»¹⁵.

Еще одно свидетельство в пользу версии Бурцева мы обнаружили в книге «Незримый фронт», изданной в Алма-Ате в 1967 году. Среди прочих в книге опубликован очерк А. Абузарова «Ошибка», в котором рассказывается о некоем Николае Альбине. Этот Альбин, полковник белой армии и старый эсер, находился в эмиграции в Болгарии, откуда вернулся в Россию в 1924 году. Как выяснилось позже, вернулся он не просто так, а по заданию белогвардейской организации с целью наладить связи среди местных контрреволюционеров. Он был арестован, бежал и был схвачен только в 1932 году. Самое интересное в этой истории то, что в Болгарии Н. Альбин являлся товарищем председателя «Союза возвращения на Родину», то есть непосредственно заместителем Агеева. Поэтому мы считаем, что в истории Покровского ставить точку пока рано.

Смерть генерала Врангеля

Разумеется, советские спецслужбы следили за анти-советскими организациями не только в Болгарии, но и в других европейских странах. Одним из главных объектов внимания ОГПУ среди белой эмиграции в Европе был создатель и первый руководитель Русского Обще-воинского Союза — генерал-лейтенант Врангель, о котором прекрасную работу написал преждевременно ушедший из жизни ленинградский историк В. Бортневский.

Барон Петр Николаевич Врангель родился в 1878 году. Окончил Ростовское реальное училище и Горный институт Императрицы Екатерины II в Санкт-Петербурге. На военную службу Врангель поступил 1 сентября 1891 года рядовым в Лейб-гвардии Конный полк. В 1902 году он выдержал испытание на корнета гвардии при Николаевском кавалерийском училище и был произведен в корнеты с зачислением в запас. Во время русско-японской войны П. Врангель добровольцем отправился на фронт. Проявив себя храбрым офицером, он в декабре 1904 года был произведен в сотники 2-го Верхнеудинского казачьего полка, а также награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью на эфесе «За храбрость» и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В 1910 году поручик Врангель окончил Николаевскую академию Генерального штаба, после чего продолжил службу в Лейб-гвардии Конном полку. С самого начала Первой мировой войны он находился на фронте и закончил ее в чине генерал-майора, командуя сводным конным корпусом.

Не приняв советскую власть, Врангель в августе 1918 года прибыл в Добровольческую армию. В годы Гражданской войны он командовал сначала бригадой, потом дивизией и корпусом, затем Добровольческой и Кавказской армиями, а в марте 1920 года был избран главнокомандующим ВСЮР. Получивший в ходе боев чин генерал-лейтенанта, Врангель показал себя талант-

ливым военачальником. Он разбил части Красной Армии под Ставрополем, нанес им поражение на Северном Кавказе и во главе Кавказской армии занял Царицын. Но самой блестящей его операцией стала эвакуация из Крыма в октябре 1920 года 40-тысячной армии и 100 тысяч беженцев.

Понимая неизбежность поражения, Врангель заранее начал решать задачу эвакуации из Крыма всех солдат, их семей, а также тех гражданских лиц, которые пожелали уехать. Так как своих кораблей не хватало, Врангель обратился за помощью к союзникам. Союзники согласились помочь, но потребовали оплатить свои услуги. Не располагая, как Колчак, царским золотым запасом, Врангель пообещал отдать в качестве платы русские суда после перевозки людей в Турцию. Для того чтобы скрыть приготовления, командованию Красной Армии была подброшена дезинформация о готовящейся десантной операции. В результате всех этих действий из Севастополя, Евпатории, Ялты, Судака и Керчи на 126 судах было эвакуировано 145 693 человека. При этом не был забыт никто; отправляли даже раненых. Последним поднявшись на борт крейсера «Генерал Корнилов», Врангель оставил после себя только пустой причал Севастополя. Восхищенные французы послали ему телеграмму следующего содержания: «Адмирал, офицеры и матросы французского флота низко склоняют головы перед генералом Врангелем, отдавая честь его доблести».

В Турции армия Врангеля была размещена в лагерях в Галлиполи, Чатаджи и Лемносе. Сам генерал, с честью выведший армию из тяжелого положения, пользовался у своих солдат непререкаемым авторитетом. Поредевшие в боях дивизии были сведены в полки, насчитывающие в общей сложности 80 тысяч хорошо подготовленных солдат и казаков. Разумеется, как командующий сильной и хорошо организованной армии, генерал Врангель вызывал в Москве серьезные опасения. Поэтому было принято решение ликвидировать генерала, представив убийство как морскую катастрофу.

Дело в том, что в Стамбуле штаб-квартирой Врангеля служила морская яхта «Лукулл». В этом был глубокий смысл, так как в любой момент яхта могла сняться с якоря и уйти в море, увозя с собой генерала, его штаб и охрану. Вечером 15 октября 1921 года Врангель покинул яхту для деловой встречи, хотя обычно в такое время находился на ее борту. Именно это обстоятельство и спасло ему жизнь — как только стемнело, яхту, стоявшую на рейде около Галаты, протаранил итальянский пароход «Адрия». Удар пришелся точно в то место, где находились кабинет и спальня генерала. Яхта моментально пошла ко дну, погиб один офицер штаба Врангеля — мичман Сапунов, все ценности генерала и его архив затонули. Через три дня по поводу случившегося Врангель издал следующий приказ:

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Русской Армией

№ 350

г. Константинополь, Русское Посольство

18 октября 1921 года

15-го октября, протараненная пришедшим из Батума итальянским пароходом, погибла на рейде Босфора военная яхта «Лукулл».

Не стало последнего русского корабля, над коим развевался у Царьграда родной Андреевский флаг...

Геройская смерть дежурного офицера мичмана Сапунова, который, не пожелав оставить родного корабля, пошел с ним ко дну, и беззаветная доблесть, проявленная в минуту гибели всеми чинами судовой команды, показывают, что дух и заветы Русского Флота остались живы в сердцах русских моряков.

Да укрепит подвиг мичмана Сапунова сердца колеблющихся, да вселит он в них веру, что, пройдя через все испытания, воскреснет Русский Флот под сенью Андреевского флага и с ним воскреснет Россия.

Генерал Врангель»¹⁶

Следствие и суд над капитаном «Адрии» не доказали его злого умысла. Но ряд наблюдателей все же отметили странные детали произошедшего. Во-первых, «Адрия» регулярно курсировала между Батуми и Стамбулом, что означало постоянный контракт с советскими торговыми организациями, который не мог заключиться с кем попало. Во-вторых, после того как «Адрия» потопила яхту, она не села на мель около берега и моментально остановилась. Для большого парохода это означает только одно — таран был точно рассчитан. В-третьих, после гибели «Лукулла» пароходная компания, которой принадлежала «Адрия», не только не уволила капитана, но и взяла его под свою защиту, согласившись выплачивать пожизненную пенсию вдове мичмана Сапунова, погибшего на яхте.

Так или иначе, но Врангель остался жив и продолжал руководить армией. К концу 1921 года его хлопоты об устройстве частей русской армии в Сербии и Болгарии увенчались успехом, и полки ушли из Галлиполи и с Лесноса. После этого Врангель, перебравшийся в сербский город Сремски Карловицы, поставил перед собой задачу объединить вокруг армии все политические организации белой эмиграции. А так как со временем армия как вооруженная сила перестала существовать, то 1 сентября 1924 года Врангель издал приказ № 35, который был подтвержден 1 декабря того же года, согласно которому армия преобразовывалась в Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Во временном положении о РОВС говорилось, что этот союз «образуется с целью объединить русских воинов... укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов Российской Императорской Армии». Первоначально РОВС состоял из четырех отделов, созданных по географическому признаку:

- 1-й отдел — Франция и Бельгия;
- 2-й отдел — Германия, Австрия, Венгрия, Латвия, Литва и Эстония;
- 3-й отдел — Болгария и Турция;
- 4-й отдел — Сербия, Греция и Румыния.

А поскольку позднее отделы РОВС были созданы практически во всех европейских странах, где проживали русские эмигранты, то в них вошли не только кадры ВСЮР, но и других белых армий.

Впрочем, деятельность генерала Врангеля не всегда встречала поддержку со стороны других лидеров белой эмиграции. Непрекращающиеся межпартийные противоречия и интриги вокруг армии, по мнению Врангеля, действующие на нее разлагающе, даже вынудили его 8 сентября 1923 года издать приказ № 82, запрещающий армейским чинам вступать в какие-либо политические организации.

Что касается конкретных действий против советской власти, то Врангель считал бесперспективной подпольную вооруженную борьбу на территории СССР и выступал противником всякой тайной деятельности, справедливо опасаясь провокаций со стороны ВЧК-ОГПУ. Поэтому, когда в марте 1924 года генерал Кутепов был назначен великим князем Николаем Николаевичем руководителем тайных операций против большевиков, Врангель распоряжением № 14 от 21 марта 1924 года освободил его от обязанностей своего помощника.

Горячо возражал Врангель и против контактов Кутепова с так называемым МОЦР — Монархическим Объединением Центральной России, под прикрытием которого контрразведывательный отдел ОГПУ проводил операцию «Трест», целью которой было подмять под себя эмигрантские организации и добиться их полного разложения. А после встречи в ноябре 1923 года с бывшим генерал-лейтенантом царской армии Н. М. Потаповым, работавшим на ОГПУ и посетившим Варшаву, Париж и Сремски Карловицы в качестве начальника штаба МОЦР, Врангель в очередной раз предостерег Кутепова и великого князя Николая Николаевича об угрозе советской азефщины*. Такая позиция Врангеля привела к

* Синоним провокации, по имени провокатора Евно Азефа, руководителя Боевой организации эсеров и одновременно секретного сотрудника Департамента полиции.

тому, что он постепенно был отстранен от тайной деятельности против СССР, проводимой Кутеповым. Возможно, именно поэтому ИНО ОГПУ в середине 20-х годов не проявляло к нему особого интереса.

Однако в 1927 году, после скандального разоблачения «Треста» и провала работы Боевой организации Кутепова на территории СССР все изменилось. И Врангель, переехавший в сентябре 1926 года в Брюссель, стал для многих лидеров эмиграции, в том числе и для великого князя Николая Николаевича, потенциальным руководителем нелегальной антисоветской организации. Не желая на этот раз вновь доверять эту работу Кутепову, которого в данном вопросе он считал некомпетентным, Врангель предпринял попытку создать свой центр для ведения подпольной деятельности против Советского Союза. В июле 1927 года по указанию Врангеля генерал П. Шатилов составил записку, где изложил основные задачи нелегальной работы в СССР, целью которой являлось свержение советской власти. Для достижения этой цели Шатилов предлагал следующее:

«1) Непрерывающиеся террористические акты в отношении виднейших вождей нынешнего правительства и его представителей на местах; 2) нащупывание активных контрреволюционных элементов и образование среди них национальных ячеек; 3) искание связей с постоянным составом красной армии; 4) установление ячеек в рабочей среде и связь с районами крестьянских восстаний; 5) создание более крупных контрреволюционных центров с филиалами на местах»¹⁷.

В качестве прикрытия для такого центра генерал Шатилов предлагал использовать редакцию какой-нибудь белоэмигрантской газеты, которая имела бы на территории Финляндии, Эстонии, Литвы и Румынии свои представительства, через которые в СССР можно было переправлять агитационные материалы, оружие, боеприпасы и т. д. На самой советской территории предполагалось создать конспиративные пункты связи от границы до конечных центров. В прилагаемой к записке схеме пре-

дусматривалась организация 5 приграничных ячеек, 9 головных и 15 промежуточных пунктов для связи с 6 крупными центрами Советского Союза. Общие расходы на первый год работы центра, по расчетам Шатилова, должны были составить 360 400 французских франков или около 12 000 долларов.

Врангель одобрил предложения П. Шатилова и даже утвердил первый годовой бюджет будущего центра. Он составил около 600 тысяч французских франков, а в дальнейшем предполагалось покрывать расходы внутри СССР путем эмиссии советских рублей.

Однако внезапная болезнь и смерть Врангеля разрушили эти планы. Обстоятельства болезни генерала, по мнению В. Бортневского, дают основания утверждать, что он был убит агентами ОГПУ.

Все началось с того, что в начале марта 1928 года денщик Врангеля Яков Юдихин обратился к генералу с просьбой приютить на несколько дней своего брата, тоже бывшего солдата, приехавшего к нему в гости. (Позднее выяснилось, что этот «брат», о котором Юдихин никогда раньше не говорил, был матросом советского торгового корабля, стоявшего в это время в Антверпене). Врангель ответил на просьбу денщика согласием. Через несколько дней брат денщика уехал, и вслед за ним неожиданно пропал и сам Юдихин. А 18 марта Врангель неожиданно заболел. Осмотревший генерала русский врач Вейнерт определил у него грипп, прописал лекарства, но болезнь не отступала. По воспоминаниям матери генерала, баронессы Марии Дмитриевны Врангель, это были «тридцать восемь суток сплошного мученичества! Его пожирала 40-градусная температура... Он метался, отдавал приказания, порывался встать. Призывал секретаря, делал распоряжения до мельчайших подробностей».

Ввиду ухудшения состояния Врангеля его обследовали авторитетные бельгийские врачи и приехавший из Парижа профессор медицины И. Алексинский. Они поставили ему диагноз «интенсивный туберкулез». Все до-

машинные были крайне удивлены этим диагнозом: ведь за всю свою жизнь генерал ни разу не болел туберкулезом и, более того, никаких намеков на эту болезнь у него не было. Между тем болезнь удивительно быстро прогрессировала. Врангеля скрутило буквально за несколько дней, и 25 апреля 1928 года он умер. При вскрытии в его организме было обнаружено большое количество туберкулезных палочек явно внешнего происхождения. Такое могло случиться только при отравлении пищи туберкулином. По воспоминаниям дочери генерала, Елены Петровны Мейндорф, их семья жила очень просто, и сделать это не составляло никакого труда.

То, что у ОГПУ были оперативные и технические возможности подбросить Врангелю туберкулин, не вызывает сомнения. А вот о причинах убийства генерала надо сказать более подробно.

Многие зарубежные и отечественные исследователи считают, что Врангель был убит из-за того, что чуть было не загубил карьеру агента ОГПУ в РОВС генерала Н. Скоблина. Их версия состоит в следующем. Командир Корниловского полка генерал-майор Н. В. Скоблин был женат на знаменитой русской певице Надежде Плевицкой. В октябре 1926 года Плевицкая дала в Нью-Йорке серию концертов, на которые пригласила служащих советского посольства, а возмущенный этим фактом Врангель под давлением общественного мнения отдал 9 февраля 1927 года приказ об освобождении Скоблина от командования корниловцами, тем самым подписав себе смертный приговор¹⁸.

Но при детальнейшем изучении эта версия не имеет под собой никаких оснований. Дело в том, что, пытаясь укрепить влияние Врангеля среди ветеранов белой армии, генерал Шатилов в том же 1927 году убедил его вернуть Скоблина в Корниловский полк. Более того, Скоблин и Плевицкая были завербованы ОГПУ лишь в январе 1931 года. Так что у чекистов не было никаких оснований убивать Врангеля для того, чтобы ничего не

значащий для них в тот момент генерал Скоблин занял его место.

Причины убийства Врангеля были гораздо глубже. Скорее всего, возвращение Врангеля к активной антисоветской деятельности стало для ОГПУ неожиданным. Внедрить же в короткий срок в окружение генерала агентуру для освещения его тайной деятельности чекистам не удалось, поскольку Врангель полностью доверял лишь узкому кругу проверенных соратников. А так как в 1927 году активность белогвардейских боевиков как на территории СССР, так и за рубежом значительно возросла, не на шутку встревоженное кремлевское руководство решило принять кардинальные меры. Впрочем, истинные причины смерти генерала Врангеля станут известны лишь после того, как будут опубликованы соответствующие документы, хранящиеся в архивах ФСБ и СВР.

Похищение генерала Кутепова

Преемником Врангеля на посту председателя РОВС стал генерал-лейтенант Александр Павлович Кутепов. Его биография довольно необычна. Он родился 16 сентября 1882 года в Череповце в семье лесничего. После окончания шести классов классической гимназии в Архангельске Кутепов поступил в Петербургское юнкерское училище, которое окончил в 1904 году в чине фельдфебеля. Когда разразилась русско-японская война, он попросился в действующую армию, где начал службу в полковой команде разведчиков. За отличия в боях был награжден орденом Святого Владимира с мечами и бантом. После войны поручик Кутепов был переведен командиром учебной роты в Лейб-гвардии Преображенский полк. Во время Первой мировой войны он командовал ротой и батальоном преображенцев, был трижды ранен, награжден орденом Святого Георгия. В 1916 году за бои на реке Стоход получил Георгиевское оружие и чин полковника. После Февральской революции Кутепов стал команди-

ром Преображенского полка, а когда фронт развалился и солдаты разбежались по домам, он уехал на Дон и вступил в Добровольческую армию генерала Корнилова.

Во время первого кубанского похода Кутепов командовал третьей ротой 1-го офицерского полка, а после смерти полковника Неженцева был назначен командиром знаменитого Корниловского полка. В самом начале второго кубанского похода Кутепов принял 1-ю дивизию, а в январе 1919 года — 1-й армейский корпус. За победу над частями Красной Армии под Харьковом Кутепов был произведен в генерал-лейтенанты. В марте 1920 года, после ухода Деникина с поста Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России, Кутепову предложили занять его место. Но он категорически отказался, предложив кандидатуру Врангеля.

Оказавшись в эмиграции, Кутепов не собирался отказываться от борьбы с большевиками. Военный до мозга костей, он не видел иного пути борьбы, кроме вооруженного. Монархист по убеждению, Кутепов был против имущественной реставрации после свержения большевиков и стоял за передачу земли крестьянам. Выработывая свою программу, он сотрудничал с людьми разных политических взглядов и постепенно стал крупным лидером белой эмиграции. Поэтому не случайно, что именно ему в начале 1924 года великий князь Николай Николаевич предложил возглавить подпольную борьбу против Советского Союза. Кутепов это предложение принял, и в его Боевую организацию, которую он создал еще в 1923 году, пришли многие бывшие офицеры белой армии, не желавшие сидеть сложа руки. Официально руководство подпольной антисоветской деятельностью Кутепов принял 21 марта 1924 года, когда Врангель своим приказом освободил его от обязанностей помощника Главнокомандующего и начальника Галлиполийской группы в Болгарии.

Но, как уже говорилось, за действиями лидеров белогвардейского движения внимательно наблюдало ОГПУ. А весной 1922 года для дестабилизации эмигран-

тских организаций начальником КРО ОГПУ А. Артузовым была разработана операция «Трест». В результате на территории СССР возникло «глубоко законспирированное» Монархическое Объединение Центральной России (МОЦР) во главе с бывшим генерал-лейтенантом царской армии А. М. Зайончковским. Его ближайшими помощниками были генерал-лейтенант Н. Потапов, после революции перешедший на сторону большевиков и ставший членом коллегии Народного комиссариата по военным делам, и бывший действительный статский советник, агент ОГПУ — А. Якушев. В конце 1922 года Якушев, игравший роль члена Политсовета МОЦР, выехал во Францию, где произошла его первая встреча с лидерами некоторых белоэмигрантских движений. А в августе 1923 года он встречался в Париже с великим князем Николаем Николаевичем и Кутеповым, на встрече присутствовал и приехавший вместе с Якушевым Потапов. Во время этой встречи Якушеву удалось убедить Николая Николаевича и Кутепова в реальности и силе МОЦР, хотя генерал Врангель настойчиво предупреждал великого князя и своего помощника о возможной провокации.

Но Кутепов не внял предупреждениям Врангеля, и в сентябре 1923 года в СССР с его благословения отправились Мария Захарченко и Георгий Радкович, снабженные документами на имя супругов Шульц. Их задачей была организация связи между МОЦР и генералом Кутеповым. Таким образом, операция «Трест» вступила в следующую фазу. Основными успехами «Треста» можно назвать завлечение на территорию СССР и арест 27 сентября 1925 года бывшего сотрудника английской разведки Сиднея Рейли и нелегальную поездку в декабре 1925 — феврале 1926 года в СССР бывшего депутата 4-й Государственной думы Василия Шульгина, опубликовавшего по возвращении в Европу книгу «Три столицы», в которой он положительно охарактеризовал перемены, произошедшие в России с 1920 по 1925 год. Кроме того, постоянно убеждая Кутепова в бесперспективности воо-

руженной борьбы, члены МОЦР постепенно вносили разлад и уныние в ряды его Боевой организации.

Однако в апреле 1927 года Кутепова постигло жестокое разочарование. Агент ОГПУ Опперпут, участвующий в «Тресте», сообщил М. Захарченко об истинном назначении МОЦР и бежал с ней и Г. Радковичем в Финляндию. Но предание гласности подробностей деятельности «Треста» нанесло огромный ущерб авторитету Кутепова и его Боевой организации. Великий князь Николай Николаевич в 1927 году сообщил близким о своем «глубоком разочаровании» в Кутепове. А Врангель вновь начал убеждать его отказаться от попыток какой-либо тайной деятельности на территории СССР. Но отговорить Кутепова было невозможно. Разоблачение «Треста», наоборот, подтолкнуло его к еще более рискованным и активным действиям. Он поддержал идею Захарченко о создании Союза Национальных Террористов (СНТ), основной задачей которого должно было стать развязывание террора в СССР. Кроме того, Кутепова продолжала поддерживать английская разведка, благодаря которой он в конце 1927 года получил 200 тысяч французских франков.

В мае 1927 года Захарченко, Опперпут и Вознесенский нелегально переправились в СССР и попытались организовать взрыв дома в Москве, где проживали сотрудники ОГПУ. Но диверсия не удалась, а сами они погибли. 7 июня 1927 года боевики Кутепова — Ларионов, Мономахов и Соловьев — организовали взрыв в помещении Ленинградского партклуба и благополучно вернулись в Финляндию. 6 июля 1928 года Радкович и Мономахов бросили бомбу в бюро пропусков ОГПУ в Москве и были убиты при задержании. В мае — июне 1928 года другой боевик Кутепова — Бубнов безуспешно провел две недели в Москве с целью организации убийства Н. Бухарина.

Временный размах белого террора вызвал беспокойство у советского руководства, и совершенно напрасно. Дело в том, что число боевиков за все время существова-

ния Боевой организации Кутепова составило 32 человека. А после своего пребывания в Москве Бубнов составил для Кутепова доклад, в котором категорически утверждал, что организовать систематический террор в СССР невозможно и нецелесообразно. Но руководство ОГПУ, преувеличивая истинную силу и размах белоэмигрантского движения, приняло решение о нейтрализации Кутепова, который к тому же стал в апреле 1928 года, после смерти Врангеля, председателем РОВС. Так как заманить на территорию СССР Кутепова не удалось, было решено его похитить.

В Париж для организации похищения были направлены Серебрянский и, как писала в 60-е годы «Красная звезда», заместитель начальника КРО ОГПУ Сергей Пузицкий. На месте им оказывали необходимую помощь резиденты ИНО во Франции — Зиновий Волович и Николай Кузмин, а также нелегал ОГПУ — Андрей Фихнер. В отношении последних заметим, что их участие в похищении Кутепова не доказано, о нем пишет только историк-эмигрант Владимир Бурцев.

Утром в воскресенье, 26 января 1930 года, в 10 часов 30 минут Кутепов вышел из своей квартиры в доме № 26 по рю Русселе, сказав жене, что направляется на панихиду по генералу Каульбарсу в церковь Союза галлополийцев, а перед этим встретится с одним хорошо известным ему человеком. Но на панихиду генерал так и не пришел. В 3 часа дня обеспокоенная семья Кутепова подняла тревогу и заявила об исчезновении генерала в полицию. Подозревая возможность похищения Кутепова, французские власти срочно известили пограничные пункты, порты и аэропорты. Но все оказалось напрасным. Больше Кутепова никто никогда не видел. Расследование, проведенное французской полицией, установило, что Кутепов был похищен около 11 часов на углу рю Удино и рю Русселе. По версии полиции, двое неизвестных в желтых пальто неожиданно схватили проходившего мимо генерала и втолкнули в стоявший рядом серо-зеленый автомобиль. На происходящее спокойно смот-

рел находившийся на углу полицейский, который затем сел в автомобиль рядом с водителем, после чего похитители уехали в сторону бульвара Инвалидов. Присутствие человека, одетого в полицейскую форму, дало повод случайному свидетелю Огюсту Стеймницу, уборщику католической клиники св. Иоанна, расположенной на рю Удино, считать произошедшее обычным полицейским арестом.

На самом деле все было несколько по-другому. На Кутепова чекистов вывел агент ОГПУ, бывший военный агент России во Франции генерал Дьяконов. С его помощью Кутепову написали записку, в которой неизвестное лицо выразило желание встретиться с ним по денежному вопросу. Встреча была назначена на воскресенье. Посадив Кутепова в машину, чекисты проехали весь центр Парижа, после чего повернули к окраине. А когда заволновавшийся Кутепов спросил их: «Куда вы меня везете?» — театрально ответили: «Можете говорить по-русски, генерал. Мы — сотрудники ОГПУ СССР». После этого Кутепова усыпили хлороформом и в спящем состоянии доставили в Марсель. На борт советского судна генерала провели под видом сильно загулявшего члена экипажа, после чего корабль взял курс на Новороссийск. Но больное сердце генерала не выдержало последствий наркоза, и он умер от сердечного приступа в сотне миль от Новороссийска. Впрочем, несмотря на смерть Кутепова, организатор похищения главы РОВС Я. Серебрянский 30 марта 1930 года был награжден орденом Красного Знамени.

В Советском Союзе с самого начала категорически отрицали причастность своих спецслужб к похищению генерала Кутепова. Так, в газете «Известия» от 3 февраля 1930 года была напечатана заметка, в которой утверждалось, что Кутепов похитил деньги РОВС и бежал с ними в Южную Америку. И только в 1965 году было сделано неожиданное и, скорее всего, случайное признание. 22 сентября газета «Красная звезда» опубликовала заметку генерал-полковника авиации в запасе Н. Шиманова, в

которой говорилось: «...комиссар государственной безопасности 3-го ранга Сергей Васильевич Пузицкий... участвовал не только в поимке бандита Савинкова и в разгроме контрреволюционной организации «Трест», но и блестяще провел операцию по аресту Кутепова и ряда других белогвардейских организаторов и вдохновителей иностранной интервенции и Гражданской войны».

Заканчивая разговор о похищении генерала Кутепова, стоит процитировать несколько документов французских спецслужб, относящихся к расследованию этого дела. Эти документы были опубликованы в книге французского историка Даниэль Бон «Похищение генерала Кутепова. Документы и комментарии», изданной Прованским университетом в 1998 году. По ним можно судить, как продвигалось расследование похищения генерала Кутепова и к каким выводам пришли французские следователи.

«Штаб Рейнской армии
10 марта 1930
2-й отдел
Управления безопасности

ДОНЕСЕНИЕ

К делу о похищении русского генерала Кутепова

В наше распоряжение поступили сведения о том, что на дому у известного вам Грейса, воинствующего коммуниста, проживающего в Висбадене на Вальрамштрассе, имело место собрание лиц, пользующихся доверием Коммунистической партии. В числе присутствующих на нем были, в частности, Йегер из Манхайма и редактор франкфуртской коммунистической газеты Ашенбреннер. В ходе беседы на собрании возник и вопрос о похищении русского генерала Кутепова. Названный выше Йегер заявил, что из надежного источника ему совершенно точно известно, что в похищении Кутепова принимали участие шесть человек, которые отвезли его в автомобиле в Гамбург, где генерал и находится в настоящий

момент. Ашенбреннер, со своей стороны, сообщил, что Кутепов вскоре будет переправлен в Россию. В разговоре вполголоса упоминалась также фамилия Беседовского, бывшего советского военного атташе в Париже.

Главный инспектор полиции Беранже».

«От г-на Бернуа,
г-ну Лефранку,
75, рю де л'Юниверсите, Париж.
К делу Кутепова

Передаю Вам рассказ начальника югославской контрразведки, однако заранее хочу оговориться, что, недостаточно зная этого человека, не могу ручаться за правдивость его слов и тем более слов его собеседника, совершенно мне неизвестного.

Недавно начальнику югославской контрразведки позвонил по телефону неизвестный и попросил о тайной встрече с ним. При встрече неизвестный оказался сотрудником ГПУ (из советского представительства в Вене). Он предложил контрразведчику передать ему на одном из судов сербской Дунайской пароходной компании усыпленного русскими на сорок восемь часов хлороформом хорватского коммуниста; тот сбежал в Австрию, и Советы хотели наказать его за это.

Наряду с прочим, агент ГПУ сказал:

«Мы сделаем с ним то же, что с генералом Кутеповым ...»

Начальник контрразведки воскликнул в ответ, желая проверить реакцию собеседника: «Но это ж ведь не вы (то есть не ГПУ) похитили Кутепова!»

Советский агент, однако, стал настаивать, что похищение генерала — дело рук ГПУ.

Тогда серб спросил: «Так что; вы его убили?»

На что его собеседник ответил: «Нет, мы его держим живым...»

«Но у вас же из-за этого дела будут всякие неприятности и осложнения...»

«Нет, — ответил агент ГПУ. — Мы так все обставили, что нам не грозят ровным счетом никакие неприятности».

В завершение следует отметить, что начальник югославской контрразведки наотрез отказался сотрудничать с ГПУ в деле вышеуказанного хорватского коммуниста.

В отдел систематизации информации документ поступил 23 апреля 1930».

«Секретно

Дело Кутепова

Из случайного источника.

За достоверность не ручаемся.

Основополагающая роль в похищении Кутепова принадлежала АРЕНСУ, сотруднику посольства СССР, рю де Гренель.

После похищения он бежал в Женеву. В настоящее время сменил фамилию на ЦИО или ЦИД.

Копии направлены: Управление национальной безопасности

5-й отдел Службы общей информации».

«8 марта 1932 года

Секретно

В Бельгийскую Службу Безопасности

АРЕНС

АРЕНС (настоящее имя — Альтер, Исио, Исаак), бывший советник посольства Советского Союза в Париже, родившийся в Варшаве около 1890, принимал активнейшее участие в похищении генерала Кутепова.

Одна из его сестер, Прайда Альтер (родилась 03.11.1887 в Млаве, Польша; отец: Израиль Альтер, мать: Софья Хорн) замужем за бельгийцем Анри Полем Фюссом, родившимся 4 августа 1882 или 1885 г. в Шарбеке. Этот последний до и после войны приобрел известность активного анархиста и в настоящее время фактически

является «бельгийским секретарем» Лиги Наций; проживает в Женеве, по адресу Шмэн де л'Эскалад.

Вторая сестра Аренса, Сара Альтер, замужем за бельгийским подданным Алляром, также анархистом. Недавно он лишился работы за то, что оказал прием Аренсу.

По нашим сведениям, сестры Аренса прекрасно осведомлены об обстоятельствах дела Кутепова. Одна из них, супруга Фюсса, проронила в разговоре, что «они много чего знают об этом деле».

Мы были бы признательны Бельгийской Службе Безопасности, если бы она поделилась с нами своими соображениями относительно вышеизложенного».

Завершающий подборку документ из архива службы национальной безопасности относится к 1937 году и, несмотря на претензии на литературность, дает возможность оценить, насколько близко французы подошли к разгадке похищения Кутепова (приводится с сокращениями):

«...У Кутепова назначено свидание с советскими русскими. Он похищен. Это событие положило начало множеству версий. По одной из них, он был похищен среди бела дня в Париже и увезен в машине «скорой помощи». (Таков был тезис полиции.) Многие не давали этому веры и верили второй версии, которая сегодня принята как достоверная. Кутепов садится со своими новыми друзьями в такси, которое везет их к воротам Италии, где их ожидает новая машина, серо-желтый лимузин «Рено». За рулем — шофер-чекист Дарсей, давно уже работающий шофером в посольстве СССР. Дарсей покидает Париж в направлении Плесси-Шеня. Вторая машина, в которой сидят палачи ГПУ, следует за первой. За Понтьерри, посреди леса Фонтенбло, у «Рено» перестает работать мотор. Дарсей объясняет, что произошла техническая неполадка, и выходит из машины. Вместе с ним пассажиры, в том числе Кутепов, выходят, чтобы размяться во время починки мотора.

В этот момент прибывает мощный «Мерседес», где сидят пять человек — наемников Гольденштейна (по вер-

сии составителей документа — организатор похищения Кутепова — авторы). Трое хватают Кутепова, в то время как четвертый хлороформирует его, и «Мерседес» отбывает полным ходом.

Наемники получили строгий приказ не убивать Кутепова, и доктор Левин, личный врач Сталина, сам приготовил дозу хлороформа. Было точно известно, что у Кутепова больное сердце и что он не перенесет сильной дозы хлороформа. И действительно, с легкой дозы он остался без сознания и заснул. Но или из-за эмоций, или доза была все-таки сильной, Кутепов скончался в машине. «Мерседес» привез лишь труп на берег моря, где между Онфлером и Гавром ждал советский пароход.

Серый «Мерседес» направился в Нормандию, в малопосещаемое место побережья. Такси следовало за ним. К двум часам дня обе машины остановились. Советского парохода еще не было видно, и два часа убийцы и их жертва ждали посадки. К 4 часам пароход наконец подошел. С помощью лодки четыре человека подняли на борт корабля груз — труп Кутепова.

Эти сведения исходят от двух очевидцев, и полиция расследовала на месте некоторые детали. Удалось обнаружить следы нескольких человек, но это было все. ГПУ работает тщательно.

Судно называлось «Спартак», и поскольку все полиции были предупреждены, «Спартак» не пошел ни через Средиземное море, ни через Балтийское, а направился в Архангельск, где никакой контроль невозможен.

Так мертвый генерал совершил свое вступление в красный рай. Список террористических актов красных убийц пополнился еще одним именем»¹⁹.

Похищение генерала Миллера

После похищения Кутепова председателем РОВС был назначен генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер. Профессиональный военный, он в 1892 году окончил по

первому разряду Николаевскую академию генерального штаба, в 1898—1907 годах был военным атташе в Бельгии, Голландии и Италии, а с началом Первой мировой войны возглавил штаб 5-й армии. В 1915 году Миллер был произведен в генерал-лейтенанты, а в январе 1917 года назначен командиром 26-го армейского корпуса. В августе 1917 года он был направлен в Италию представителем Ставки Верховного Главнокомандующего при итальянской Главной Квартире.

Здесь его и застала Октябрьская революция. Миллер не признал новую власть и был заочно осужден судом революционного трибунала. В январе 1919 года Миллер прибыл в оккупированный англичанами Архангельск и был назначен главнокомандующим войсками Северного правительства Чайковского. Но уже в феврале 1920 года его части были разбиты, а их остатки на ледоколе «Козьма Минин» и яхте «Ярославна» ушли в изгнание. Оказавшись в эмиграции, Миллер продолжил антисоветскую деятельность. В 1920 году он был уполномоченным Врангеля по военным и морским делам в Париже, а в апреле 1922 года назначен начальником штаба Врангеля. В июне 1923 года Миллер перешел в распоряжение великого князя Николая Николаевича, а с 1929 года был первым заместителем председателя РОВС.

Приняв дела, Миллер был вынужден констатировать, что похищение Кутепова нанесло сильный удар по РОВС. От Боевой организации не осталось почти ничего, так как основная часть боевиков погибла в вылазках на территорию СССР, а оставшиеся были деморализованы разоблачением «Треста» и похищением Кутепова. Понимая, что неудачи Кутепова были связаны с отсутствием у него опыта конспиративной работы, Миллер первым делом в октябре 1930 года организовал при РОВС небольшой контрразведывательный отдел. Его начальником стал генерал-майор Глобачев, в свое время окончивший Николаевскую академию генерального штаба по второму разряду и занимавший посты начальника Охранного отделения в Варшаве и Петрограде. Что же касается тайной

деятельности на территории СССР, то Миллер, продолжая генеральную линию Кутепова, перенес основные усилия на создание хорошо законспирированных подпольных ячеек, которые в нужный момент могли бы возглавить вооруженное восстание.

Но возможности Миллера были весьма невелики. И прежде всего из-за ограниченных финансовых возможностей. Дело в том, что основные денежные средства РОВС были вложены в предприятия шведского спичечного короля Ивара Крегера, считавшегося весьма солидным финансистом. Но на самом деле Крегер оказался обыкновенным аферистом, и в 1932 году его империя лопнула, а сам он застрелился. В результате РОВС оказался разоренным — его потери составили 7 миллионов франков. Кроме того, спецслужбы европейских государств после разоблачения «Треста» и похищения Кутепова скептически относились к возможностям РОВС и всячески уклонялись от контактов с ним. Поэтому Миллер был вынужден ограничиться лишь разведывательной деятельностью, да и то в незначительных размерах. Но он не пользовался популярностью и авторитетом у белой эмиграции, как его предшественники Врангель и Кутепов, а кроме того, у него не было ясной политической программы. Поэтому в рядах РОВС со временем стали возникать противоречия и склоки. Все это, вместе взятое, значительно ослабило РОВС, но, несмотря на испытываемые трудности, он продолжал оставаться крупнейшей эмигрантской организацией, потенциально опасной для СССР, особенно в случае военных конфликтов с западными странами.

В 1937 году в разгар сталинских чисток, уничтоживших всю оппозицию в СССР, советским руководством было принято решение о похищении генерала Миллера. В Кремле в связи с усилением фашистской Германии и возможной войной с ней было решено взять РОВС под полный контроль. И если председателем РОВС стал бы давний агент ОГПУ-НКВД генерал Николай Скоблин, то эту задачу можно было считать решенной. Но на пути Скоблина стоял Миллер.

Для организации похищения генерала Миллера, проходившего в НКВД под псевдонимом «Дед», в Париж прибыл заместитель начальника ИНО НКВД С. М. Шпигельглас. На месте ему помогали прибывший из Испании резидент ИНО А. Орлов и резидент ИНО во Париже Станислав Глинский («Петр»), работавший во Франции под фамилией Смирнов. В похищении Миллера также участвовали Георгий Косенко (во Франции Кислов, псевдоним «Фин»), Михаил Григорьев («Александр») и Вениамин Гражуль (во Франции Белецкий). Весь план похищения был построен на Скоблине, который должен был заманить Миллера на конспиративную квартиру²⁰.

22 сентября 1937 года в 11 часов утра Миллер вышел из штаб-квартиры РОВС, оставив у начальника канцелярии генерала П. А. Кусонского конверт, который попросил вскрыть в том случае, если он не вернется. После этого он встретился со Скоблиным, который отвез его на квартиру, где Миллера якобы для важного разговора ожидали немецкие офицеры. Но в квартире Миллера встретили не немецкие офицеры, а Георгий Косенко и Вениамин Гражуль. Миллеру вкололи большую дозу наркотика, после чего поместили в деревянный ящик и на грузовике «Форд-23КВ» советского посольства перевезли в Гавр. Там ящик, опечатанный дипломатической печатью, погрузили на пароход «Мария Ульянова», находившийся в порту под разгрузкой партии бараньих шкур. Не дожидаясь окончания разгрузки, пароход немедленно отплыл из Гавра и взял курс на Ленинград. Через неделю, 29 сентября, Миллер был доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму НКВД как заключенный № 110.

Но еще вечером 22 сентября генерал П. А. Кусонский и заместитель председателя РОВС адмирал М. А. Кедров, обеспокоенные долгим отсутствием Миллера, вскрыли оставленный им конверт и прочитали записку следующего содержания:

«У меня сегодня в 12. 30 час. дня randevу с генералом Скоблиным на углу рю Жасмен и рю Раффе, и он дол-

жен везти меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в прибалтийских странах полковником Штроманом, и с г. Вернером, состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку.

Генерал Миллер. 22 сентября 1937 г.»²¹

Генерал Скоблин, за которым немедленно послали, сначала отрицал факт встречи с Миллером в этот день, а когда Кедров предложил ему пройти в полицейский участок для дачи показаний, воспользовался моментом и бежал. Следствие, проведенное французской полицией, доказало причастность Скоблина и его жены, Надежды Плевицкой, к похищению Миллера. Плевицкая в декабре 1937 года предстала перед судом, была признана виновной в сообщничестве при похищении и осуждена на 20 лет каторги. Что касается Скоблина, то он, бежав, связался с сотрудником резидентуры ИНО в Париже и укрылся в советском посольстве. Через некоторое время он на самолете, купленном при помощи Орлова, был вывезен в Испанию.

Исчезновение генерала Миллера вызвало бурную реакцию французских властей. Советскому послу во Франции был заявлен решительный протест. Французская сторона с первых часов происшествия утверждала, что генерал был похищен и привезен на борт советского судна. Специальный комиссар Гавра — Шавино точно определил время и обстоятельства погрузки Миллера на «Марию Ульянову». Однако французы не хотели портить отношения с СССР. В результате Шавино был снят с должности. Его преемник, комиссар Андре, очевидно, еще меньше уважал правительство Народного фронта, так как не только подтвердил заявление Шавино, но и назвал организатора похищения — консула Кислова. Под этим именем, как уже было сказано, работал во Франции Косенко.

Прозвучала даже угроза направить французский эс-

mineц на перехват этого судна в море. Однако посол Советского Союза во Франции Суриц решительно отверг обвинения и предупредил, что французы понесут ответственность, если их военный корабль остановит в международных водах мирное советское судно и французские военные учинят на нем обыск. В любом случае, утверждал посол, генерала Миллера они там не найдут. И французы не решились осуществить свою угрозу. В итоге «Мария Ульянова» спокойно пределала весь путь из Гаврского порта в Ленинград.

Все это время советская сторона продолжала категорически отрицать свою причастность к похищению Миллера. Более того, был даже распущен слух, что Скоблин являлся агентом гестапо. Для этого в «Правде» от 30 сентября 1937 года было напечатано следующее заявление ТАСС:

«Все отчетливее выявляются связи Скоблина с гитлеровским гестапо и звериная злоба и ненависть, которую питал Скоблин к Советскому Союзу. Ряд газет приводят заявление директора одного из парижских банков, который сообщил, что... Скоблин располагал крупными средствами и часто менял в банке иностранную валюту. Из заявления банкира вытекает, что источником средств Скоблина являлась гитлеровская Германия»²².

За проведенную операцию по похищению Миллера («Деда»), а также за проводившуюся параллельно операцию по ликвидации перебежчика Рейсса («Раймонда») (о нем в главе «Ликвидации перебежчиков») ее участники были награждены орденами. 10 ноября 1937 года начальник ИНО ГУГБ НКВД А. Слуцкий представил Ежову рапорт с ходатайством о награждении орденом Ленина Шпигельглаза С. М., орденом Красного Знамени Правдина В. С., Григорьева М. В.; Косенко Н. Г., Гражуля В. С., Афанасьева Б. М., Долгорукова А. Л. и орденом Красной Звезды — Арсеньевой М. С. Ежов собственноручно вписал в проект указа фамилии Судоплатова П. А. и Зарубина В. М. с предложением наградить их орденом Красного Знамени, и 13 ноября 1937 года вышел указ

ВЦИК (без публикации в печати) о награждении чекистов «За самоотверженное и успешное выполнение специальных заданий Правительства СССР»²³.

Похищение Миллера вызвало немало шума и нанесло РОВС оглушительный удар. Новый председатель генерал-лейтенант А. П. Архангельский, занявший этот пост 22 марта 1938 года, не смог восстановить авторитет Союза, и он окончательно превратился в отжившую свой век организацию.

Как уже говорилось выше, с точки зрения советского руководства генерал Миллер был значимой фигурой белого движения на Западе, потенциально ориентированной на союз с Германией. Возможно, что так оно и было, особенно если учесть развал РОВС после похищения генерала. Впрочем, об этом можно судить по его письмам.

29 сентября, во время первого допроса на Большой Дубянке, он отдает следователю письмо, поспешно написанное карандашом, адресованное жене в Париж:

«Дорогая Тата,

крепко тебя целую, не могу тебе написать, где я, но после довольно продолжительного путешествия, закончившегося сегодня утром, хочу написать тебе, что я жив и здоров и физически чувствую себя хорошо. Обращаются со мной очень хорошо, кормят отлично, проездом видел знакомые места. Как и что со мной случилось, что я так неожиданно для самого себя уехал, даже не предупредив тебя о более или менее возможном продолжительном отсутствии, Бог даст когда-нибудь расскажу, пока же прошу тебя поскольку возможно взять себя в руки, успокоиться, и будем жить надеждой, что наша разлука когда-нибудь кончится. О себе, конечно, ничего писать не могу. Скажу только, что вышел я из Управления около полудня без пальто, так как было тепло, и я предполагал через час-полтора вернуться. Здесь, где я нахожусь, хотя погода отличная, но все же уже свежее; мне дали отличное новое пальто, новую фуфайку, кальсоны и шерстяные носки. Так что и в этом отноше-

нии можешь не беспокоиться. Я надеюсь, что смогу указать адрес, по которому можешь дать мне сведения о здоровье своем, детей, внуков. Крепко тебя, мою дорогую, целую и молю Бога, чтобы вся эта эпопея закончилась благополучно. Горячо любящий тебя (подпись)»²⁴.

Из этого письма следует, что хотя Миллер и был помещен на Лубянке в строго охраняемую одиночную камеру № 110, он все равно еще надеялся, что его письма будут доходить до друзей и близких. Тем же карандашом он пишет письмо своему соратнику генералу Кусонскому, начальнику канцелярии РОВС:

«Дорогой Павел Алексеевич,

сегодня прошла почти неделя, когда я, прощаясь с Вами в начале первого часа дня, передал Вам письмо, прося его прочесть, ежели я часа через полтора-два не вернусь. Было у меня какое-то подсознательное предчувствие, что меня НВС (Н. В. Скоблин) увлекает м. б. на что-то опасное. Но, конечно, ничего подобного происшедшему я не ожидал и в мыслях не имел. Писать Вам о том, что и как произошло тогда во вторник, как и где я нахожусь сейчас, я, конечно, не могу, ибо такого содержания письмо несомненно не было бы Вам послано. Совершенно я не знаю, что и как произошло в Париже после того, как я «выбыл из строя». Хочу же написать Вам только по вопросам частного и личного характера, касающимся других лиц, совершенно непричастных ни к какой политике...»

И в конце: «Будущее в руке Божией. Может быть, когда-нибудь и увидимся еще. Искренне Ваш ген. Миллер».

Далее в письме даются сведения о незаконченных делах благотворительности, которыми занимался РОВС. Миллер хотел позаботиться о том, чтобы этих дел не забыли.

Например:

«Вл. Ник. Лабзин живет (далее следует адрес по-французски). Я обещал для его внука доплачивать ежемесячно из стипендиальных денег по 150 фр. к тем 350, которые

он сам обещал платить. В среднем ящике моего письменного стола дома Вы найдете конверт с подписью Стипендиальные дела, и в нем 300 фр.»

«...Я обещал 300 (или 350, не помню — должно быть записано в отделе о стипендиальных делах в коричневой тетради) г-же Родионовой за ее сына. Ее благодарственное письмо я получил за несколько дней до моего выезда из строя, и думаю Вы его найдете либо в толстой желтой папке, либо в папке Сергиевского».

«...Затем я еще кому-то обещал франков 200 в месяц, кажется, ротмистру Андерсену — запись должна быть в коричнево-красной тетради в рубрике «Стипендиальные деньги». Вот что касается твердо обещанных стипендий по корпусу».

«...Затем ко мне числа 14 или 15 обратился с личной просьбой — чина не помню, фамилия вроде Шпилевский, за двух кадет, своего сына и другого родственника, указывая на боевые заслуги в Великую войну отца последнего. Так как у меня денег уже не было, то я ему сказал подать мне письменное мотивированное прошение, с которым я мог бы обратиться к кому-либо из имущих русских. Я имел в виду графа Пав. Коцебу, недавно женившегося на какой-то германской принцессе; его брат, бывший улан Ее Величества, скромно живет в Париже, личным трудом зарабатывает себе на хлеб насущный. Адрес гр. Коцебу мне приискал полковник Скуратов и у него всегда можете его спросить.

Бумагу Шпилевского я получил только в понедельник 20-го или вторник 21-го и потому гр. Коцебу написать не успел. Сделайте это за меня и от моего имени. За двоих придется приплачивать в месяц франков 600—650. Другой богач, на которого мне указали около месяца тому назад и который довольно щедро готов помогать неимущим русским, это некто Чихачев. Он был произведен в конце войны в Кавалергардский полк, но в полк не явился (почему — не знаю) и в полковом объединении Кавалергардов не состоит. Вследствие какого-то изобретения и участия в каких-то делах он стал очень

богатым человеком, имеет какую-то контору в Лондоне. Его адрес у меня был... не помню. Но думаю, что если совершенно доверительно от моего имени обратитесь к моему двоюродному племяннику Георгию Романовичу Миллеру, служащему в ресторане Корнилова, то он для меня не откажет Вам сказать точный адрес. Может быть, Коцебу не согласится дать всей нужной суммы, тогда бы хорошо было поделить деньги, нужные для обоих мальчиков, за которых просит Шпилевский, между Чихачевым и Коцебу.

Теперь еще серьезный вопрос о плате за помещение Корпуса, 1-го октября нужно платить 5000 франков нотариусу... Вероятно, он уже заявлялся к Вам. Деньги эти имеются (далее следует указание, в каких папках и конвертах лежат те или иные денежные документы или наличность).

Таким образом, этот платеж можно считать обеспеченным с избытком. Избыток в размере 1000 франков предназначался мною для уплаты по личному моему векселю, срочному 15 октября и выданному адвокату, ведущему дело Вонсяцкого против нас. На всякий случай переписка его со мной, кажется, тоже находится в папке (желтой) Корпуса-Лицея. Когда он выиграл процесс о выселении Корпуса-Лицея из дома, принадлежащего Вонсяцкому, то по окончании всяких сроков и апелляций я заключил мировую о выезде в половине июля, что мы и исполнили, и выплате ему 3500 фр. в разные сроки: 2500 фр. ему уже выплачены, а векселя мои, обусловившие платежи, мне последовательно были возвращены. Остался один вексель на 100 фр. сроком 15 октября.

Я бы ничего не имел против — по поговорке «нет худа без добра» — хотя бы в этом случае использовать мою невольную безвестную отлучку, чтобы этому «оберфашисту» причинить маленькую неприятность за все зло, которое он причинил Корпусу-Лицею. Пусть ждет получения денег до моего возвращения или ищет меня по Божиему Свету. Ввиду моей вынужденной отлучки никто не обязан ему платить за меня по моему векселю, а к

тому времени на моих счетах в банках, вероятно, не останется и ста франков. Квартиры же у меня нет. Пусть это станет маленькой улыбкой судьбы среди той грозы, которая разразилась надо мною».

Судя по этим письмам, генерал Миллер в начале своего пленения не только старался проявить заботу о своей семье и контролировать дела своей организации, но и питал надежду на возвращение. Он верил (или пытался верить), что его письма доходят до адресатов.

Однако вскоре он, видимо, понял, что его послания не уходят дальше Лубянки. Это вызывает в нем тревогу, он особенно опасался за свою жену, пребывавшую в неведении и в страхе за него. 4 ноября 1937 года он обратился с заявлением к начальнику тюрьмы, прося по крайней мере послать жене самое краткое уведомление о том, что он жив. Но как мог НКВД, категорически заявивший о своей полной непричастности к исчезновению генерала, послать такое уведомление, хотя бы и анонимное?

Между тем Миллер продолжает еще надеяться, что его положение не безнадежно. Эта наивная надежда уже много говорит о том, как плохо представлял себе генерал в то время истинное положение дел и как наивно оценивал людей, в чьих руках оказался. 27 декабря 1937 года в одиночную камеру № 110 пришел для беседы с заключенным какой-то высокий начальник. В течение всей этой беседы Миллер даже не подозревал, что на сей раз ему учиняет допрос сам нарком Ежов. Узнав об этом, он на другой день отправляет ему следующее заявление:

«28 декабря 1937 г.

Лично Господину Народному Комиссару
внутренних дел С.С.С.Р. Ежову.

К сожалению, вчера во время нашего разговора я до последней минуты не знал, с кем говорю, и вопрос этот выяснился для меня лишь в момент вашего ухода. Поэтому в разговоре нашем я не считал себя вправе касаться моих показаний следователю — какое отношение к его

работе имеете Вы и Ваши спутники, я не знал. Сейчас, когда положение для меня прояснилось, я, уже не опасаясь быть некорректным по отношению к следователю Н. П. Власову, могу довести до Вашего сведения, что кроме устных показаний о секретной работе с 30-го по 37-й год с моего ведома и одобрения особым лицом, мною для сего приглашенным, и на средства, специально для сего собранные, я по желанию следователя составил еще и записку с моими показаниями, касающимися Повстанческого Движения в С.С.С.Р. Эта записка была предъявлена мною следователю лично 10 октября при свидании. Признав ее неисчерпывающей, следователь оставил ее у меня с тем, чтобы я ее срочно дополнил некоторыми сведениями и обещал зайти за нею на следующий день 11 октября вечером. Но ни 11-го окт., ни позже следователь ко мне не приходил, и я его больше не видел, а записка с моими показаниями (стр. 1—12), как и дополнение к ней (стр. 13—18) до сего времени лежат у меня. Считаю своим долгом довести ее до вашего сведения, тем более, что в ней имеются ответы на некоторые вопросы, слышанные мною вчера».

В конце Миллер вновь просит дать о нем весточку жене в Париж, а также просит вернуть ему карманные часы (объясняя, что время зимнее, в камере темно, и он не может разобрать, который час). Он попросил и еще об одном «послаблении», а именно о разрешении иметь перо и бумагу, поскольку он хочет начать писать свои воспоминания.

Записку, о которой упоминается в письме, написанную на восемнадцати страницах, генерал отправил наркому вместе с письмом. Миллер пытался доказать, что РОВС, равно как и он сам, не были причастны к повстанческому движению в СССР. Там, к примеру, сказано:

«В моем показании я излагаю все, что у меня сохранилось в памяти. Никакой непосредственной связи с организацией повстанческих движений я не имел и вообще за эти 7 1/2 лет бытности председателем РОВС слы-

шал всего о двух крупных повстанческих движениях — в 1930 г. в Восточной Сибири и на Северном Кавказе в 1932 или 1933 году — точно не помню...»

Никаких конкретных фактов, никаких имен эта записка, равно как и сделанное к ней приложение, не содержали. Для следователя Власова и для его руководства в НКВД этот документ не представлял никакой ценности.

Секретный узник Лубянки не дождался исполнения хотя бы одной из своих просьб. И он вновь и вновь просит дать знать о себе жене. 30 марта 1938 года он пишет Ежову:

«...Я решаюсь еще раз просить Вас исполнить мои просьбы, изложенные в заявлениях моих от 4 ноября и подтвержденные в моем обращении к Вам 28 декабря пр. г. и разрешить отправку моей жене хотя бы самого краткого письма с уведомлением, что я жив и относительно благополучен... Я так ярко вспоминаю, как тяжело страдала от неизвестности жена Ген. Кутепова, а с ней и все мы, хорошо знавшие его, рисуя себе картину всех тех ужасов и физических страданий, которые должны были ожидать его в Москве...».

В том же письме он впервые обращается с еще одной просьбой — ему хотелось бы побывать в церкви. Он напоминает о декларации советского правительства и даже о трудах Ленина на эту тему:

«В предположении, что заветы Ленина чтутся и соблюдаются его учениками и преемниками, нынешними распорядителями судеб русского народа, в полной власти которых я сейчас нахожусь, я решаюсь просить Вашего разрешения мне ответить на ближайшей неделе в одной из московских церквей по Вашему выбору».

И далее: «Вопрос о нежелательности встретиться с кем-либо, кто мог бы меня узнать, мне кажется отпадает... У меня было очень мало знакомых в Москве, а теперь по истечению 20 лет смерть, эмиграция, высылки наверняка и последних знакомых унесли. Кроме того, я могу перевязать лицо повязкой, да и вообще мой современный облик штат-

ского старика мало напоминает млажевого 47-летнего генерала, каким я уехал из Москвы в 1914 году».

Лишне говорить, что эта просьба также не была выполнена, и, очевидно, вовсе не из опасения, что Миллера кто-либо узнает в лицо, если он появится в храме. Вряд ли НКВД мог опасаться и его побега — у заключенного не было ни малейшей связи с внешним миром. Просто религиозные чувства старика генерала абсолютно не принимались во внимание, как бы и вовсе не замечались.

Но для верующего человека, возможно, уже начавшего предчувствовать близкую гибель, духовное укрепление становится особенно необходимым. И он снова пишет Ежову:

«Народному Комиссару Внутренних Дел Союза С.С.Р.
генеральному комиссару
государственной безопасности Ежову.

Неполучение ответа на мою просьбу к Вам от 30 марта лишает меня надежды получить просимые посещения церкви, хотя бы лишь в течение одной недели во время Великого Поста. Поэтому я, ссылаясь на мотивы, приведенные мною в вышеуказанном моем прошении, решаюсь дополнительно просить Вашего разрешения на передачу Его Высокопреосвященству Митрополиту Московскому приложенного при сем письма, в нем прошу Владыку, дабы я мог в чтении Евангелия и Библии найти столь нужное мне духовное утешение и получить некоторые сведения по Истории Церкви. В случае Вашего согласия и готовности Владыки исполнить мою просьбу, прошу Вас не отказать в Вашем соответствующем распоряжении о доставке просимых мною Книг через начальника тюрьмы. Вместе с тем, повторно прошу Вашего разрешения на предоставление мне права пользоваться бумагой и пером, хотя бы лишь для того, чтобы при чтении книг, полученных мною из тюремной библиотеки, делать краткие выписки в целях облегчения усвоения прочитанного.

16 апреля 1938 г. Генерал Миллер».

Вместе с этим письмом Миллер отправляет и свое послание Митрополиту Сергию:

«Москва, 16 апреля 1938 г.
Его Высокопреосвященству Владыке Сергию,
Митрополиту Московскому.

Ваше Высокопреосвященство, с разрешения Народного Комиссара Внутренних Дел обращаюсь к Вам с нижеследующей просьбой. Будучи длительно изолирован от внешнего мира, я особенно болезненно ощущаю невозможность посещения церкви. Условия, при которых я покинул свой дом, не позволили мне взять с собой даже Евангелие, чтение которого, особенно в настоящие дни, было бы для меня большим утешением. Поэтому примите милостиво мою покорнейшую просьбу и подарите мне Евангелие на русском языке. Был бы глубоко благодарен, если бы Вы нашли возможность подарить мне также «Историю церкви», хотя бы один из учебников, которым пользуются воспитанники Семинарий или духовной Академии. Все мое время я посвящаю чтению книг, получаемых из местной библиотеки, но был бы счастлив, если бы мог часть бремени из немногих оставшихся мне лет (мне 71-й год) посвятить возобновлению и расширению моих познаний Библии и Житий Святых. Эти две книги я решаюсь просить у Вас, высокочтимый Владыко, во временное пользование на 2—3 месяца, а по прочтении обязуюсь их Вам возвратить. Препоручаю себя святым молитвам Вашим, прошу Вас, высокочтимый Владыко, верить чувствам искренней благодарности моей. Вашего Преосвященства покорный слуга раб Божий Евгений».

Само собою, Митрополит тоже не получил этого послания и русский генерал Евгений Карлович Миллер остался без последнего духовного утешения. Видимо, после этого он понял, что его положение безнадежно. Последний сохранившийся документ, написанный его рукой, еще одно пространное письмо Ежову, составлено уже в другом стиле, нежели прежние послания, написано другим тоном. В нем прозвучали дотоле скрываемые

гнев и горечь. Но он снова просит, видимо, рассчитывая уже только на человеческие чувства наркома:

«В собственные руки
Народному Комиссару Внутренних Дел Союза ССР
и генеральному комиссару
государственной безопасности Ежову.

На этих днях минуло 10 месяцев с того злополучного дня, когда, предательски завлеченный в чужую квартиру, я был схвачен злоумышленниками в предместье Парижа, где я проживал как политический эмигрант по французскому документу, под покровительством французских законов и попечением Нансеновского Оффиса при Лиге Наций, членом коей состоит С.С.С.Р. Я ни одного дня не был гражданином С.С.С.Р. и никогда моя нога не ступала на территорию С.С.С.Р. Будучи тотчас связан — рот, глаза, руки и ноги — и захлороформирован, я в бессознательном состоянии был отвезен на советский пароход, где очнулся лишь 44 часа спустя — на полпути между Францией и Ленинградом. Таким образом для моей семьи я исчез внезапно и бесследно 22 сентября прошлого года. Моя семья состоит из жены 67 лет и трех детей 38—41 года. Хотя в первые дни по прибытии в Москву я еще очень плохо соображал под влиянием исключительно сильной дозы хлороформа, мне все же ясно представлялось, какой удар, какое потрясение, какое беспокойство должно было вызвать мое исчезновение у моей жены и детей. Что я был похищен агентами Советской власти, в этом, конечно, никаких сомнений у моей жены быть не могло: пример Кутепова был слишком памятен, да и все эти 7½ лет со дня вступления моего в должность председателя Р.О.В. Союза, сколько раз возникали эти опасения и разговоры, причем положение пленника Сов. власти всегда рисовалось в самых ужасных красках, что ныне должно было вызвать у жены моей худшие опасения за мою дальнейшую судьбу. Первое движение мое поэтому по прибытию в тюрьму было — дать знать моей жене, что я жив и здоров и пока что физически благополучен. Краткое письмо моей жене с

этим известием я передал в начале октября допрашивавшему меня следователю. Не получив его обещания послать письмо по назначению, я в начале ноября передал Начальнику Тюрем при особом заявлении маленькую записку аналогичного содержания без подписи и без указания, где именно я нахожусь, прося добавить к моей записке какой-нибудь промежуточный адрес, по которому моя жена могла бы мне ответить о состоянии здоровья своего, детей и внуков. Не получив никакого отклика на это заявление от 4-го ноября (как и на другие заявления от того же числа касательно похищенных у меня денег, принадлежащих другим лицам), я в личной беседе с Вами просил Вас настойчиво связать меня с моей женой, дабы ее успокоить относительно условий моего существования и самому получить сведения о ней и детях.

28 декабря в дополнение к личному разговору, а затем в конце марта и в апреле и моим заявлениям к Вам, я к Вам обращался вновь с этой просьбой, но никакого ответа не получил. Прошло 10 месяцев и я ничего не знаю о моей семье и семья моя, видимо, ничего не знает обо мне. Я вполне понимаю, что усердие не по разуму Ваших агентов, решившихся похитить меня с нарушением всех международных законов и поставивших Вас перед «совершившимся фактом», поставило Вас и все Сов. правительство в затруднительное положение и в необходимость впредь до нахождения приличного выхода из создавшейся обстановки, скрывать мое нахождение в С.С.С.Р., но все же я не могу не обратиться к Вашему чувству человечности — за что Вы заставляете так жестоко страдать совершенно невинных людей — моя жена и дети никогда никакого участия в политике не принимали. Особенно же меня беспокоит состояние здоровья моей жены, всю жизнь страдавшей большой нервностью, выразившейся в болезненных приступах при всяком волнении и беспокойстве. Моя жена по матери своей — родная внучка жены А. С. Пушкина, урожденной Гончаровой, бывшей вторым браком за Ланским, и унаследовала, как и ее мать и сестры, большую нервность, свойственную семье Гонча-

ровых... Меня берет ужас от неизвестности, как отразилось на ней мое исчезновение. 41 год мы прожили вместе!

...Никогда, ни в какие эпохи самой жестокой реакции ни Радищев, ни Герцен, ни Ленин, с историей которых я ознакомился, по их сочинениям, изданным Институтом Ленина и Академией, не бывали лишены сношений со своими родными. Неужели же Советская власть, обещавшая установить режим свободы и неприкосновенности личности с воспрещением сажать кого-либо в тюрьму без суда, захочет сделать из меня средневекового Шильонского узника или второе издание «Железной маски» времен Людовика XIV — и все это только ради сохранения моего инкогнито?

Убедительно прошу Вас посмотреть на мою просьбу в данном случае с точки зрения человечности и прекратить те нравственные мучения мои, кои с каждым днем становятся невыносимее. 10 месяцев я живу под гнетом мысли, что я может быть стал невольным убийцей своей жены и все это вследствие своей неосторожной доверчивости к гнусному предателю, а когда-то герою гражданской войны в Добровольческой Армии...

Надеюсь, что Вы найдете время ответить и на другие вопросы и просьбы, содержащиеся в моих заявлениях и письмах. Надеюсь также, что Вы отнесетесь благожелательно ко всему вышеизложенному, я ваш пленник — буду ждать с понятным нетерпением Вашего решения и приближающегося годового срока моего заключения.

27/VII 1938 г. Генерал Миллер».

После этого реальный жизненный след генерала Миллера обрывается. Он превращается в тень, в узника камеры № 110, упоминаемого в документах НКВД под именем Иванова Петра Васильевича.

Решение о ликвидации генерала Миллера было принято в мае 1939 года. И совершенно очевидно, что оно принималось в экстренном порядке. Архивы НКВД не дают ответа на вопрос, почему именно 11 мая 1939 года судьба секретного узника была решена окончательно и бесповоротно. Но догадаться о причине этой поспешнос-

ти нетрудно. До того времени пост наркома иностранных дел СССР занимал М. М. Литвинов, который был сторонником политического сближения СССР с Англией и Францией. Он был уверен, что для прочного мира необходим антигитлеровский альянс с этими странами. Учитывая такую политику, НКВД мог предполагать, что старый генерал, похищенный в Париже, может еще понадобиться в качестве той или иной разменной карты при игре с европейскими партнерами.

Однако 4 мая 1939 года Литвинов был снят со своей должности и его место занял В. М. Молотов. В результате внешнеполитический курс СССР в корне изменился. Новый нарком решительно пошел на сближение с Гитлером. В таком раскладе карт секретному узнику Лубянки уже не было места.

К этому времени наркомом внутренних дел вместо ликвидированного по приказу Сталина Ежова был назначен Л. П. Берия. Он и подписал первый документ, относящийся к завершению трагической истории генерала Миллера. Очевидно, что указания на этот счет Берия мог получить только от Молотова либо от самого Сталина. После этого он вызвал к себе председателя Военной Коллегии Верховного Суда Ульриха, и в его присутствии дежурный секретарь составил две бумаги, первую из которых, написанную на бланке «Народного Комиссара Внутренних Дел СССР», без номера, но с датой 11 мая 1939 года, подписал сам Берия:

«Только лично.
Начальнику
Внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД СССР
тов. Миронову

ПРЕДПИСАНИЕ

Предлагаю выдать арестованного Иванова Петра Васильевича, содержащегося под № 110, коменданту НКВД СССР тов. Блохину.

*Народный Комиссар Внутренних Дел СССР
Л. Берия».*

Внизу, видимо, рукою Миронова сделана приписка: «Арестованного Иванова под № 110 выдал коменданту НКВД. Нач. Внутр. тюрьмы Миронов. 11. V. 39».

Наискосок листа идет еще одна надпись, красным карандашом:

«Одного осужденного принял. Блохин. 11. V. 39».

Второй документ, составленный дежурным секретарем, гласит:

«Предлагается немедленно привести в исполнение приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР над Ивановым Петром Васильевичем, осужденным к расстрелу по закону от 1 декабря 1934 года.

Председатель В.К. В. Ульрих».

Сбоку документа, тем же Мироновым приписано:

«Выданная личность Иванов под № 110 подтверждаю.

Нач. Вн. тюрьмы Миронов. 11/V 39 г.»

Эта приписка сделана, скорее всего, по особому требованию «сверху», чтобы удостовериться в уничтожении именно ТОГО «Иванова».

Сохранился и третий документ, написанный в тот же, роковой для секретного узника день:

«АКТ

Приговор в отношении сего Иванова, осужденного Военной Коллегией Верховсуда СССР, приведен в исполнение в 23 часа 5 минут и в 23 часа 30 минут сожжен в крематории в присутствии:

Комендант НКВД Блохин (подпись).

Н-к Внутр. тюрьмы ГУГБ НКВД Миронов (подпись)
11/V 39 г.».

Так как этот документ подписан только двумя лицами, то можно утверждать, что один из них и произвел расстрел Миллера. Никого третьего при завершении этого секретного дела не было. Можно предположить, что даже комендант НКВД Блохин, непосредственный учас-

тник расстрела, не знал, кем именно был этот сожженный в московском крематории «Иванов».

Но сомнений в том, что Петр Васильевич Иванов и есть Евгений Карлович Миллер, быть не может. Все три документа были подколоты к той же стопке бумаг, что и письма самого генерала. На тонкой папке с этими документами осталась пометка: «Материал передавал 5/3 49 г. т. Абакумову (подпись)». Свидетельством является и совпадающий номер камеры (110), и тот факт, что расстрел «Иванова» был произведен по сценарию, который НКВД применял лишь в отношении особо секретных осужденных — тайно, обычно ночью (время расстрела на документе 23 часа 5 минут) их привозили в крематорий, убивали в подвале, примыкающем к печи, и почти сразу сжигали.

Покушение на Ивана Солоневича

В Москве внимательно следили не только за теми эмигрантами, которые пытались бороться с СССР при помощи диверсий и вооруженного террора. В поле зрения советских спецслужб находились и те, кто силой печатного слова разоблачал преступления большевистского режима и мог бы стать идеологическим вождем эмиграции. Одним из таких незаурядных людей был крупный русский мыслитель и публицист, проповедник «народной монархии» — Иван Солоневич.

Иван Лукьянович Солоневич родился 14 ноября 1891 года в селе Рудники Пружанского уезда Гродненской губернии в семье сельского учителя. Кроме него в семье было еще два сына — Всеволод (погиб в 1920 году в армии Врангеля) и Борис. По словам Ивана Солоневича, ему удалось окончить лишь три класса гимназии, поскольку отец не мог материально обеспечить дальнейшую учебу старшего сына. Однако он много занимался самостоятельно и экстерном сдал в Вильно экзамен на аттестат зрелости. Тогда же Солоневич начал сотрудни-

чать с редакцией газеты «Северо-Западная жизнь», стоявшей на монархических позициях. С детства воспитанный в духе почитания монархии и православия, уважения к традициям русского народа, он до конца своей жизни оставался преданным идеям, которые были заложены в него с юности.

В 1916 году Солоневич закончил юридический факультет Петроградского университета, после чего поступил на работу в газету «Новое время», где вел раздел уголовной хроники и писал о спорте. Дело в том, что братья Солоневичи были незаурядными спортсменами — Иван был вице-чемпионом России в гиревом спорте, а Борис успешно выступал на соревнованиях боксеров, борцов, гиревиков и футболистов.

Свержение самодержавия в феврале 1917 года и Октябрьский переворот Солоневичи восприняли как трагедию для России. Поэтому они перебираются на юг, где Иван вступил добровольцем в белую армию и активно участвовал в работе ее пропагандистского аппарата. Перед взятием частями Красной Армии Одессы Иван Солоневич вместе с женой и сыном Юрием попытался эмигрировать, но в последний момент заболел тифом и был вынужден остаться в России. После непродолжительного заключения в одесской ЧК он устроился на работу сначала грузчиком, потом кооператором, счетоводом, сценаристом, фотографом и, наконец, профсоюзным инспектором по спорту и туризму в Москве. Его жене, Тамаре Владимировне, повезло больше — в 1928 году она выехала в командировку в советское торгпредство в Берлин в качестве референта-переводчика. Что касается Бориса Солоневича, то он к моменту встречи братьев в 1925 году работал в штабе ВМФ в Москве инспектором физической подготовки Черноморского флота.

Но, несмотря на относительное личное благополучие, братья не приняли советскую власть. Уже будучи за границей, в одной из публикаций Иван Солоневич писал, что, объездив почти всю страну, он «увидел ужасную

бедность народа и тогда понял, что в таких условиях не только спорт невозможен в СССР, но даже обыкновенная жизнь». А когда Борис в 1926 году был осужден на пять лет ссылки за антисоветскую деятельность и причастность к скаутским отрядам, Иван решил бежать из страны. Сначала он попытался оформить себе служебную командировку в Германию для закупки спортивного инвентаря и остаться там. Но из этого ничего не вышло, так как в последний момент ОГПУ запретило выезд из-за неблагонадежности командированного. Тогда, после возвращения Бориса из ссылки, братья решили покинуть страну нелегально. В предисловии к своему роману «Две силы» Иван Солоневич так описывал эту попытку бегства:

«Предварительная разведка показала, что только побег в Маньчжурию или Финляндию дает гарантию не быть выданными Советам. Решено было бежать через Карелию в Финляндию... Первая попытка состоялась в 1932 году. Но братья не знали, что в Карелии есть магнитные аномалии, и компасы там врут, как нанятые. Группа заблудилась. Иван заболел, и пришлось вернуться. ГПУ между тем что-то заподозрило, а при следующей попытке побега в 1933 году все были арестованы на пути к Мурманску».

В результате вместо Финляндии Солоневичи оказались в карельских лагерях — Иван вместе с сыном Юрием на стройке Беломоро-Балтийского канала, а Борис — в Свирском лагере. Но в те времена лагерный режим еще не был так суров, как после 1937 года. Поэтому братья, известные спортсмены, были назначены лагерным начальством инструкторами по физкультуре. Это дало им возможность периодически встречаться на совещаниях физоргов и выработать план очередного побега. В июле 1934 года Иван и Борис уговаривают свое начальство провести межлагерные соревнования, после чего братья получают возможность выехать для подготовки их проведения в город Кемь (Иван едет туда вместе с помощником физорга — сыном Юрием). А 27 июля они совершили побег со станции Кивач Мурманской железной доро-

ги и двинулись в сторону Финляндии. Хорошим спортсменам, им удалось преодолеть невероятно тяжелый путь. Борис пересек границу в районе Сортавалы 12 августа, а Иван и Юрий — двумя днями позже.

Сохранился интересный документ, относящийся к побегу Солоневичей:

«Управление лагерей и трудпоселений НКВД
Особоуполномоченный НКВД тов. Фельдман

копия:

Зам. нач. ИНО ГУГБ т. Берману

В начале октября 1934 года нами из ИНО ГУГБ было получено сообщение, что в белоэмигрантской газете «Последние Новости» напечатана информация о бегстве за границу из Беломорско-Балтийского лагеря НКВД заключенных Солоневича Ивана Лукьяновича и Солоневича Юрия Ивановича (отца и сына) и из Свирских лагерей НКВД заключенного Солоневича Бориса Лукьяновича (брата первого).

Произведенной проверкой установлено, что заключенные Солоневич И. Л. (осужденный 28. XI. 33 года по ст. 58/6, 10 и 59/10 УК на 8 лет) и Солоневич Ю. И. (осужденный тогда же по ст. 58/10 и 59/10 УК на 3 года) отбывали меру социальной защиты в Белбалтлаге и, работая первый в качестве инструктора физкультуры Культурно-Воспитательного отдела ББЛ, а второй — слушателя курсов дорожного строительства, 17 июля с. г. подали на имя начальника Управления ББЛага НКВД т. Радецкого, ныне работающего в Управлении Пожарной охраны НКВД, рапорт о разрешении им командировки в гор. Кемь для подготовки и проведения спортивных соревнований.

Тов. Радецкий эту командировку разрешил, не поставив об этом в известность аппарат 3-го отдела ББЛага, который вследствие этого не мог обеспечить Солоневичей должным наблюдением на время их командировки.

Солоневичи под видом проведения указанной работы 27 июля с. г. совершили побег и ушли за кордон.

Для сведения ИНО ГУГБ сообщаю, что данные о бегстве из Свирских лагерей НКВД заключенного Солоневича Б. Л. также подтвердились. Солоневич Б. Л. (осужденный по ст. 58/6, 10 и 59/10 УК на 8 лет) также в конце июля с. г., несмотря на возражение 3-го отдела, был послан администрацией лагерного пункта в командировку, откуда и совершил побег за кордон.

Нами дано распоряжение о привлечении к судебной ответственности всех виновных в допущении побега и несвоевременном объявлении розыска Солоневичей за исключением т. Радецкого, ныне работающего в Главном Управлении Пожарной охраны НКВД.

Начальник ГУЛАГ и трудпоселений НКВД Фельдман»²⁵.

Что касается Солоневичей, то они в первое время обосновались в Гельсингфорсе (Хельсинки). Чтобы пережить зиму 1934—35 года, они устроились на работу грузчиками в порту, так как получить визы в какую-либо европейскую страну им не удалось. Более того, по русской колонии в Финляндии начали циркулировать упорные слухи о том, что побег Солоневичей был организован НКВД, дабы затеять новый «Трест». Слухи эти были следствием операции по компрометации братьев, разработанной в конце 1934 года при непосредственном участии заместителя начальника ИНО НКВД М. Бермана. Реализация операции была поручена Управлению НКВД по Ленинградской области. Для этого использовали агента-двойника в Гельсингфорсе: в разговоре с ним сотрудник НКВД как бы невзначай посетовал на плохую организацию «мнимого побега» Солоневичей.

Возможно, Солоневичи надолго застряли бы в Финляндии, если бы не бывший однокашник Бориса по 2-й Вильненской гимназии капитан К. А. Фосс, возглавлявший в Болгарии так называемую «внутреннюю линию» РОВС. Узнав из эмигрантских газет о побеге Солоневичей, Фосс в феврале 1935 года написал Борису письмо, а потом попросил встретиться с беглецами из советской России одного из лидеров Февральской революции, быв-

шего военного министра Временного правительства А. Гучкова. Иван Солоневич произвел на Гучкова самое благоприятное впечатление, и он предпринял попытку перевезти братьев из Финляндии в Европу, где они, «энергичные и целеустремленные люди, могли бы развернуть антибольшевистскую пропаганду и встряхнуть эмиграцию». Вскоре Гучков оформил для братьев краткосрочную визу во Францию, и они направились в Париж. Там Ивану наконец удалось встретиться с женой, которую не отправили из Берлина в СССР лишь потому, что она вступила в фиктивный брак с немцем — профсоюзным работником. Находясь во Франции, Ивану Солоневичу при помощи редактора газеты «Последние новости» П. Милюкова удалось опубликовать сокращенный вариант своей книги «Россия в концлагере» и рассказ «Деревня». Но остаться во Франции братьям не удалось, и в начале мая 1936 года они прибыли в Софию.

Именно в Болгарии сбылась заветная мечта Ивана Солоневича — он начал издавать свою газету, которая со временем сыграла решающую роль в его выдвижении в идейные лидеры той части эмиграции, которая ориентировалась на восстановление монархии. Это новое издание, получившее название «Голос России», начало выходить 20 июня 1936 года и очень скоро завоевало огромную популярность. Читателей газеты привлекала не только критика большевизма, но и идейная направленность публицистики Ивана Солоневича. «Главной целью моей деятельности, — писал он, — является борьба за возрождение России, создание идеи, понятной и могущей быть противопоставленной идее коммунизма. Идеи, которая носится в воздухе там, в России, но не может получить конкретных форм под игом ГПУ... Эта идея проста и понятна — национальная православная народная монархия». Число сторонников «Голоса России» быстро росло, особенно среди рядового офицерства и людей, не связанных с лидерами эмиграции. Вскоре на базе кружков друзей газеты, которые возникли во многих странах, начало складываться так называемое «штабс-капитанс-

кое движение», которое Иван Солоневич охарактеризовал так: «Штабс-капитаны» это представители того служилого люда России, которые вместе с мужиком должны составить основу будущей народной монархии».

Но в связи с тем, что Солоневич остро критиковал русскую либеральную интеллигенцию, Милюкова, Гучкова и других инициаторов отречения Николая II, а также лидеров практически всех эмигрантских организаций, он нажил себе много врагов, особенно среди членов РОВС. Поэтому вновь появились слухи о том, что Солоневичи являются агентами НКВД. Так, начальник РОВС в Финляндии генерал С. Добровольский 20 декабря 1936 года писал в Париж генералу Миллеру:

«Еще и в последний раз я прошу обратить внимание на «знаменитых братьев», работа которых вам кажется полезной. В Гельсингфорсе я был с визитом у весьма компетентного в этом деле лица, которое, со слов директора дружеской фирмы (начальника финской военной разведки — авторы), имеет серьезные подозрения, считая, что мы имеем дело с опытными провокаторами, преследующими цель захвата эмигрантской активности, задачу, с которой они справляются блестяще»²⁶.

По заданию начальника РОВС в Болгарии генерала Н. Абрамова и уже упоминавшегося Фосса за Солоневичами было установлено наблюдение, которое зафиксировало «встречу» Б. Солоневича со связником из Москвы. Эта встреча была подстроена сотрудником ИНО НКВД в Болгарии В. Яковлевым, действовавшим под прикрытием должности работника советского консульства в Софии. После этого устранение Солоневичей стало для Фосса делом чести.

В начале ноября 1936 года два боевика РОВС направились к расположенной в пяти километрах от Софии в дачной местности Овча Купель вилле «Спокойствие», где проживали Солоневичи. Однако они не знали, что накануне там произошел вооруженный грабеж, во время которого погиб случайный прохожий и был убит полицейский. Поэтому полицейский патруль был особенно

внимателен и задержал боевиков. При обыске у них были обнаружены револьверы и удостоверения РОВС, подписанные бывшим белым офицером, а в тот момент заместителем начальника софийской полиции А. Браунером, в которых говорилось, что задержанные — негласные сотрудники полиции. Узнав о провале покушения, генерал Абрамов в ярости заявил Фоссу и Браунеру: «Если вы не можете организовать дело как следует, то сидите тихо, как зайцы, иначе работа РОВСа в Болгарии полетит ко всем чертям!..» После этого Фоссу и Браунеру ничего не оставалось делать, как только продолжать следить за Солоневичами.

Не оставлял своим вниманием Ивана Солоневича и НКВД, особенно после того, как его антисоветская деятельность достигла апогея, а книга «Россия в концлагере» была переведена на 17 языков. Поэтому не стоит удивляться тому, что на одном из донесений из Софии относительно Ивана Солоневича заместитель начальника ИНО НКВД С. М. Шпигельглаз в январе 1937 года наложил следующую резолюцию: «Не пора ли обезвредить?»

После этого в ИНО приступили к разработке ликвидации Ивана Солоневича. Подробно об этой операции пишет журналист Нил Никандров. Было решено подбросить ему домой взрывное устройство, изготовление которого поручили отделу оперативной техники НКВД Украины, занимавшемуся экспериментами со взрывчаткой. А вся подготовка покушения заняла около года.

Утром 3 февраля 1938 года в редакцию газеты «Голос России» вошел молодой человек в коричневом пальто и мягкой шляпе, говоривший по-болгарски с легким русским акцентом. В руках у него был пакет, похожий на связку книг. Он передал его прислуге и немедленно удалился. В 10 часов утра секретарь Солоневича студент Н. Михайлов попытался вскрыть пакет. В этот момент раздался мощный взрыв. Михайлов погиб мгновенно — его практически разорвало на куски. Жена Ивана Солоневича, Тамара Владимировна, находившаяся рядом с Михайловым, была смертельно ранена и после страш-

ных мучений скончалась в больнице. Ивана Солоневича и его сына Юрия, бывших в соседней комнате, спасло чудо. Накануне они долго работали и легли спать очень поздно. Взрывом дверь в комнату, где они спали, вырвало из косяка, и она врезалась в стену в нескольких сантиметрах от головы Ивана Солоневича.

По факту взрыва болгарской полицией было проведено специальное расследование. В ходе его были исследованы обрывки бумаги, картона и целлулоида, найденные на месте преступления и извлеченные из тел погибших. На обрывках оберточной бумаги эксперты обнаружили несколько болгарских слов, на основании чего они пришли к выводу, что упаковка взрывного устройства была произведена в Софии. Человека, принесшего пакет в редакцию, так и не удалось обнаружить. Установить, кто был организатором покушения, также не удалось, но неофициально полицейские утверждали, что пакет в редакцию «Голоса России» послали из советского посольства. Среди эмигрантов преобладало мнение, что взрыв организовали агенты НКВД, хотя были и такие, кто считал, что это дело рук боевиков РОВС. Сам Иван Солоневич придерживался последней точки зрения.

Иван Солоневич тяжело переживал смерть жены. Помимо этого его продолжали преследовать представители РОВС в Болгарии, несколько раз требовавшие от местных властей закрыть газету «Голос России» как «провокаторское издание, за которым стоят большевистские агенты». В конце концов они добились своего и в августе 1938 года газета была запрещена.

После этого Иван Солоневич был вынужден покинуть Болгарию и перебрался в Германию, где первое время сотрудничал с геббельсовским министерством пропаганды. Однако он довольно быстро понял, что фашизм не принесет освобождения народу России, и в 1941 году категорически отказался от предложения пропагандировать успехи вермахта на Востоке. Расправа последовала незамедлительно — его арестовали и сослали в небольшой померанский городок под надзор гестапо «за

пораженческие настроения». В 1947 году Солоневич эмигрировал из Европы в Южную Америку — сначала в Аргентину, а затем в Уругвай. Однако и там он остался верен себе и начал издавать газету «Наша страна», которая стала преемницей «Голоса России». В это же время он публикует, пожалуй, самую сильную свою книгу — «Народная монархия».

В Москве также продолжали внимательно следить за Солоневичем. Так, в 1950 году советским посольством в Аргентине была составлена для ЦК КПСС справка о деятельности местной русской колонии, в которой о Солоневиче говорилось следующее:

«Среди лидеров колонии отдельные лица играли до войны видную роль. Достаточно упомянуть о таких ее «вождях», как Вербицкий или Солоневич. Последний в августе с. г. за выступления против перонистского правительства был выслан из Аргентины и в настоящее время находится в Уругвае, откуда руководит своей газетой «Наша страна». Он монархист, полусумасшедший, называет себя теоретиком старого русского течения, пишет бредовые статьи, фантазирует, его статьи пронизаны антисоветизмом»²⁷.

Тяжелые испытания и постоянное напряжение сил подорвали здоровье Солоневича, и в начале 1953 года он почувствовал сильнейшие боли в желудке. Медицинское обследование показало, что у него рак, причем в очень запущенной форме. 24 апреля 1953 года ему сделали операцию, но было уже слишком поздно, и он умер на операционном столе.

Похоронен Иван Солоневич в Монтевидео, на Английском кладбище.

Агентура ОГПУ-НКВД в рядах белой эмиграции

Говоря о спецоперациях, проводимых советскими спецслужбами за рубежом против представителей белой эмиграции, нельзя не остановиться на их агентуре, без

которой эти операции были бы невозможны. Разумеется, даже простое перечисление всех известных на сегодняшний день агентов ИНО ОГПУ и Разведупра РККА в рядах белой эмиграции в данной работе не представляется возможным. Но рассказать о некоторых из них, наиболее важных или известных, необходимо.

Одним из первых агентов ИНО ОГПУ из числа бывших белых офицеров был Александр Петров. Несмотря на то, что он не относился к числу особо доверенных агентов, а в конце концов даже переметнулся на сторону бельгийской контрразведки, его вербовка представляет в некотором роде типичный пример отношений эмигрантов и советских спецслужб в 20-е годы.

Александр Николаевич Петров в годы Гражданской войны служил в белой армии в чине капитана, был комендантом поезда генерала Май-Маевского. После поражения белого движения он эмигрировал в Европу, оставив в России жену и сына, о которых ему ничего не было известно. В январе 1922 года к нему пришло известие, что его жена и сын живы и что для связи с ними ему необходимо приехать в Берлин. Там его встретили бывший начальник штаба корпуса Кутепова генерал Достовалов и бывший генштабист Степанов, работавшие на ОГПУ. Шантажируя Петрова, они вынудили его дать подписку стать секретным агентом под псевдонимом «Кавказец» и передали на связь помощнику резидента ОГПУ в Берлине Пиотровскому.

Первое время Петров работал чрезвычайно активно. Весной 1922 года он был в Болгарии у Кутепова, летом в Сербии. Там он не только выяснил расположение частей армии Врангеля, но и завербовал для работы на ИНО подполковника Малахова и капитана Завадского. Позднее в Софии им был завербован полковник Житкевич и ряд других белых офицеров. Своими успехами Петров снижал доверие у кураторов из ОГПУ, и в декабре 1923 года его жена и сын выехали к нему в Вену. Однако, устраивая свою семейную жизнь, он растратил доверенные ему оперативные суммы и был уволен.

Но в 1924 году на имя Петрова в Вену пришло письмо от полковника Сорокина, предложившего свои услуги советской разведке. Это обстоятельство изменило отношение к Петрову со стороны ОГПУ, и тот же Пиотровский поручил ему установить контакты с Сорокиным. В дальнейшем в течение ряда лет Петров работал в среде русских эмигрантов. В частности, он проник к легитимистам, поддерживающим провозгласившего себя так называемым императором Кирилла Владимировича, где вербовал бывших белых офицеров в ряды легитимного Корпуса Императорской армии с целью ослабить РОВС. А установив контакт с полковником Тимченко, он получил доступ к документам Маклакова, бывшего русского посла в Париже.

Несмотря на достигнутые успехи, работа на ОГПУ, по словам Петрова, казалась ему тягостной, и осенью 1928 года он окончательно порвал с советской разведкой. В мае 1929 года он дал в Брюсселе показания бельгийской Сюрте Женераль (контрразведка) о своей работе на ОГПУ, после чего вместе с семьей уехал в Бельгийское Конго, где и скрылся²⁸.

Другим агентом ИНО ОГПУ из числа белых офицеров был Павел Дьяконов. Но в отличие от Петрова, он сам предложил свои услуги советской разведке и активно работал на нее до своего возвращения в Советский Союз.

Павел Павлович Дьяконов родился 4 февраля (22 января) 1878 года в Москве в семье военнослужащего. В 1895 году он закончил курс Московской практической академии и поступил вольноопределяющимся в 5-й гренадерский Киевский полк. Связав свою жизнь с армией, он с отличием окончил Казанское пехотное училище, а в 1905 году — Николаевскую академию Генерального Штаба. Во время русско-японской войны Дьяконов находился в действующей армии.

После окончания войны Дьяконов продолжил службу в Главном Управлении Генерального Штаба, а в июне

1914 года получил назначение в Лондон на должность помощника военного атташе. Когда началась Первая мировая война, он подал прошение о переводе на фронт в составе русского экспедиционного корпуса во Франции. Его прошение было удовлетворено, и с сентября 1914 года по 1917 год он непосредственно участвовал в боевых действиях.

В начале 1917 года Дьяконов был переведен в Генеральный штаб, произведен в генерал-майоры, а в сентябре вновь направлен в Лондон помощником военного атташе. Там и застала его Октябрьская революция. Впрочем, свои обязанности Дьяконов исполнял вплоть до мая 1920 года, когда русская военная миссия в Великобритании была закрыта. После этого оказавшийся не у дел генерал переехал на постоянное место жительства в Париж.

Оказавшись в эмиграции, Дьяконов никогда не высказывал враждебного отношения к новой власти в России. Однако это и неудивительно, так как в вождях белого движения он разочаровался довольно быстро. Желая вернуться на родину, Дьяконов неоднократно на встречах с советскими представителями говорил о том, что хотел бы выехать в СССР. Но все его просьбы оставались без ответа.

В марте 1924 года Дьяконов в очередной раз пришел в советское посольство в Париже и, обращаясь к дежурному коменданту, сказал, что хотел бы встретиться с послом по поводу известных ему данных о заговоре против СССР. Слово «заговор» произвело магическое действие, в результате чего Дьяконова пригласили в отдельный кабинет, где он написал следующее письмо:

«Настоящим заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней. Обязуюсь охранять, защищать и служить интересам Союза Советских Социалистических Республик и его правительства.

П. Дьяконов, Париж, март 1924 г.»²⁹

Письмо Дьяконова попало к начальнику ИНО ОГПУ Трилиссеру, который принял наконец решение направить к генералу оперативного сотрудника разведки. Изменение отношения к Дьяконову со стороны ОГПУ объяснялось тем, что именно в это время белоэмигрантские организации начали свою террористическую деятельность против СССР. Встреча сотрудника ИНО НКВД и Дьяконова состоялась в мае 1924 года в Лондоне. Во время разговора Дьяконов заверил собеседника в своей преданности Советской власти и написал следующее обязательство:

«Настоящим я заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской Власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней. Желая доказать свою преданность Советскому Правительству, я добровольно и сознательно беру на себя обязательство быть секретным осведомителем Советского Правительства, о деятельности правых (антисоветских) партий. Равным образом обязуюсь сообщать своевременно о всех прочих контрреволюционных группах, что мне станет известно о их деятельности.

Все директивы, мною получаемые в связи с моей осведомительской работой, обязуюсь исполнять точно и своевременно. О своей деятельности и получаемых мною заданиях обязуюсь хранить полное молчание.

Лондон, 26 мая 1924 г.

Павел Павлович Дьяконов.

Впредь свои сообщения буду подписывать «Виноградов»³⁰.

Основным объектом деятельности Дьяконова как агента ОГПУ стал образованный в сентябре 1924 года РОВС. Во многом благодаря ему в Москве становилось известно о направляемых РОВС в СССР боевиках и диверсантах. Большую роль сыграл Дьяконов и в организации похищения генерала Кутепова. Кроме того, используя связи Дьяконова во французском Генштабе, ИНО ОГПУ довел до сведения французской разведки данные о профашистски настроенных русских генералах и офи-

церах. В результате перед началом Второй мировой войны все они во главе с генералом А. Туркулом были объявлены персонами нон грата и высланы из Франции. А сам Дьяконов получил следующее письмо от руководства французской разведки: «Ваша информация о русских, которые известны своими немецкими симпатиями, чрезвычайно ценна для Франции. Мы высоко оцениваем наше сотрудничество».

Впрочем, не все в работе Дьяконова было гладко. После исчезновения Кутепова эмигрантская газета «Возрождение» назвала его «чекистским агентом» и прямым участником похищения главы РОВС. В результате Дьяконову пришлось потратить немало сил и времени, чтобы французский суд, рассмотрев материалы следствия по делу «Генерал Дьяконов против газеты «Возрождение», признал обвинения необоснованными и заставил редакцию принести генералу извинения.

Когда в Испании началась гражданская война, Дьяконов неоднократно выезжал туда для выполнения специальных разведывательных заданий, главным образом связанных с наблюдением за франкистской агентурой в рядах республиканцев. Но и в Испании его подстерегали опасности. Узнав о его деятельности, франкисты попытались совершить на него покушение. На этот раз генерала спасла французская разведка, предупредившая его о грозящей опасности.

Начало Второй мировой войны было для Франции неудачным. Уже 14 июня 1940 года немецкие войска заняли Париж, а 22 июня Франция фактически капитулировала. Практически сразу после этого гестапо начало аресты антифашистов и всех сочувствующих Французскому народному фронту. Среди арестованных оказался и Дьяконов, поездки которого в Испанию очень интересовали гестапо. Он провел в тюрьме сорок три дня, и все это время не терял надежду на помощь советского посольства. И эта помощь ему была оказана, во многом благодаря усилиям его дочери. Павлу Павловичу Дьяконову и его дочери Марии было предоставлено советское

гражданство, после чего НКВД СССР потребовал от германских властей немедленно освободить незаконно арестованных советских граждан, что и было выполнено.

В конце мая 1941 года Дьяконов вместе с дочерью вернулись на родину. Но их счастье было недолгим. Через месяц началась Великая Отечественная война, а затем старый генерал и его дочь были арестованы «по подозрению в поддержании связи с иностранными разведками и шпионаже против СССР». Оказавшись в тюрьме, Дьяконов вновь обратился к руководству разведки. И как это ни покажется удивительным, его письмо не затерялось, а дошло до адресата. Начальник ИНО НКВД П. М. Фитин наложил на письме следующую резолюцию: «Дьяконов и его дочь известны 1-му управлению НКВД. Управление считает необходимым их освободить». В результате в октябре 1941 года Дьяконовых освободили³¹.

После освобождения Дьяконов вместе с дочерью некоторое время жил в эвакуации в Ташкенте, а затем переехал в киргизский город Кара-су, где устроился на работу в райпотребсоюз. В ноябре 1942 года он выехал с эшеленом в Москву, сопровождая грузы для Красной Армии. В дороге он тяжело заболел и на станции Челкар (Казахстан) был помещен в больницу, где 28 января 1943 года скончался.

Впрочем, среди агентов советских спецслужб в рядах белой эмиграции были не только бывшие офицеры. Значительное число агентуры вербовалось из числа гражданских лиц. Одним из таких агентов был Сергей Третьяков.

Сергей Николаевич Третьяков происходил из богатой и именитой московской семьи. Его дед, Сергей Михайлович, был одно время московским головой, основал всемирно известную Третьяковскую галерею. Сам Сергей Николаевич был женат на Наталье Мамонтовой, представительнице богатейшего московского рода.

Еще молодым он вошел в дело своей семьи, на московской бирже занимал одно из первых мест, был основателем и первым председателем Всероссийского Объединения льняных фабрикантов. В общественной жизни

Москвы он также играл видную роль и одно время даже был гласным городской думы. Во время Первой мировой войны Третьяков был заместителем председателя московского Военно-промышленного комитета, а после Февральской революции занял пост председателя Высшего Экономического Совета в правительстве А. Керенского.

Арестованный после Октябрьского переворота, Третьяков несколько месяцев провел в тюрьме. Выйдя на свободу весной 1918 года, он выехал сначала в Москву, затем в Харьков, а оттуда — в Париж. Но когда Сибирское правительство адмирала Колчака в конце 1919 года предложило ему занять пост министра торговли и промышленности, он немедленно выехал в Омск. Впрочем, на этой должности он пробыл недолго, всего 10 месяцев, и после поражения Колчака вернулся во Францию.

С этого момента для Третьякова началась тяжелая жизнь в эмиграции. Первое время он жил довольно безбедно, но вскоре деньги кончились и настала острая нужда. Пришлось отказаться от роскошной квартиры и поселиться в крохотном номере дешевой гостиницы в Бийянкюре, около Порт де Сен-Клу. Сам он устроился на работу в журнал «Иллюстрированная Россия», а его жена стала торговать парфюмерией. На почве разочарований и постоянных ссор с женой он запил и даже однажды попытался покончить жизнь самоубийством, приняв большую дозу веронала. От смерти Третьякова спасла его дочь, вовремя вызвавшая «скорую помощь».

Именно в это время Третьяков встретился со своим старым знакомым, инженером Огороковым, в свое время работавшим в омском правительстве в министерстве торговли. Огороков не скрывал своих контактов с большевиками, что подтолкнуло Третьякова к определенным размышлениям. И в 1929 году он становится агентом ИНО ОГПУ.

Первоначально поступающая от Третьякова информация не представляла особого интереса. Но с 1933 года, когда перед ним поставили задачу по «разработке» 1-го

отдела РОВС (Франция и Бельгия), все изменилось. Получив от советской разведки деньги, Третьяков снял в доме № 29 на рю де Колизе, где размещался штаб РОВС, три квартиры. Две из них располагались на третьем этаже, причем одна как раз над помещением штаба РОВС. В третьей квартире на четвертом этаже поселился он сам с семьей. После этого сотрудниками парижской резидентуры в штаб-квартире РОВС были установлены микрофоны, а аппаратура приема размещена в квартире Третьякова. И начиная с января 1934 года Третьяков регулярно вел записи всех разговоров руководителей РОВС. Когда же в конце 1934 года в связи с финансовыми трудностями председатель РОВС генерал Миллер стал подыскивать для штаба более дешевое помещение, Третьяков предложил ему одну из своих квартир на третьем этаже. Цена показалась Миллеру подходящей, и в декабре 1934 года штаб РОВС переехал на третий этаж. Благодаря этому операция «Информация наших дней» (так в ИНО ОГПУ проходили поступающие от Третьякова данные) благополучно продолжалась до 1940 года.

Сведения, получаемые благодаря Третьякову, были исключительно важными. Благодаря ему были выявлены каналы заброски боевиков РОВС на территорию СССР и их имена, установлен факт сотрудничества генерала Миллера с французскими и японскими спецслужбами и многое другое. В качестве примера можно привести следующее спецсообщение ИНО руководству НКВД, составленное на основе донесений Третьякова:

«ИНО Главного управления государственной безопасности получены сведения, что руководитель террористической работой РОВС в Румынии полк. Жолондовский заявляет, что НКВД... совершенно разгромил всю английскую разведку, ведущуюся из Румынии, и всю румынскую линию Жолондовского. По словам Жолондовского, нарушены все организации всех разведок. На Жолондовского произвело впечатление опубликование в советской печати настоящих фамилий двух расстрелянных террористов в Харькове... Жолондовский заявляет,

что сейчас со стороны Румынии невозможна работа террористического характера, но в то же время он считает необходимым, чтобы РОВС снова провел террористический акт по какой-либо другой линии против т. Жданова или т. Постышева. Ген. Абрамов... и капитан Фосс... считают, что Жолондовский всех обманывал. Он тратил получаемые от РОВС 5 тыс. франков на свои личные нужды, ведя неприличный образ жизни, и на взятки Мурузову (один из руководителей румынских спецслужб). По словам Абрамова и Фосса, все посылки людей в СССР Жолондовским производились на английские деньги, а счет представляли ген. Миллеру...»³².

Сотрудничество Третьякова с советской разведкой продолжалось вплоть до оккупации Франции фашистской Германией. В июне 1940 года он остался без связи, в результате чего все его контакты с ИНО НКВД прервались. Однако это не спасло его от разоблачения. Дело в том, что в конце июня 1941 года немецко-фашистские войска взяли Минск и захватили архивы Белорусского НКВД, которые не успели вывезти. Среди прочих документов немцами было обнаружено дело некоего Третьякова, агента НКВД в Париже. В результате 14 июня 1942 года Сергей Третьяков был арестован гестапо. Во время обыска в его квартире были обнаружены приемное устройство и провода, тянущиеся в штаб-квартиру РОВС, а в квартире, занимаемой Союзом, микрофоны. Арестованного Третьякова немцы отправили в Германию. А 16 июня 1944 года он был расстрелян в концлагере в Ораниенбурге, под Берлином.

Но все же наиболее важным агентом ИНО ОГПУ в рядах белой эмиграции был, безусловно, генерал Николай Скоблин, работавший на советскую разведку в течение семи лет. Занимая в РОВС руководящие должности, он даже мог бы стать председателем Союза, если бы не ошибки, допущенные при похищении генерала Миллера.

Николай Владимирович Скоблин родился 9 июня 1893 года в городе Нежине в семье отставного полковни-

ка. Выбрав военную карьеру, он в 1914 году окончил Чугуевское военное училище и был в чине прапорщика направлен на фронт в 126-й Рыльский пехотный полк. Воевал он отважно, и за храбрость и боевые заслуги был награжден орденом св. Георгия и золотым Георгиевским оружием.

Летом 1917 года штабс-капитан Скоблин одним из первых вступил в 1-й Ударный (позднее Корниловский ударный) отряд 8-й армии, где командовал вторым батальоном. Когда началась Гражданская война, он встал на сторону белых. «В Добровольческой армии с самого начала, — говорится о нем в «Биографическом справочнике высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России». — В конце 1917 г. — в Корниловском ударном полку под командою полковника Неженцева. Командир роты, командир батальона. В ноябре 1918 г. — полковник и командир Корниловского полка. В Русской армии генерала Врангеля — начальник Корниловской дивизии; в ней же был произведен в генерал-майоры. В Галлиполийском лагере — командир Корниловского полка, сформированного из остатков дивизии»³³.

Там же в Галлиополи в июне 1921 года Скоблин женился на известной русской певице Надежде Васильевне Плевицкой, о которой необходимо сказать несколько слов отдельно.

Надежда Плевицкая (Винникова) родилась 17 января 1884 года в селе Винниково Курской губернии в семье крестьянина. После смерти отца мать отвезла Надежду в Троицкий девичий монастырь, откуда она уехала в Киев и была принята в хор А. Липкиной. Будучи несомненно талантливой певицей, она быстро сделала карьеру, и в 1909 году, после успешного выступления на Нижегородской ярмарке вместе с Л. Соболевым, перешла по его совету на концертную эстраду. Ее имя называли в одном ряду с Ф. Шаляпиным, который высоко ценил ее талант.

В первые годы Гражданской войны Плевицкая осталась в Москве и даже выезжала на фронт, давая концерты перед красноармейцами. Во время одной из таких

поездок в сентябре 1919 года под Курском она попала в плен к белым. Впрочем, никаким репрессиям знаменитую певицу не подвергали, более того, в нее без памяти влюбился молодой командир корниловцев Скоблин, с которым она связала свою дальнейшую жизнь.

Оказавшись в эмиграции, Плевицкая вновь занялась концертной деятельностью. Вместе с сопровождавшим ее Скоблиным она давала концерты сначала в Болгарии, а потом в Прибалтике, Польше, Берлине, Праге, Брюсселе, Париже и других городах Европы. В 1926 году Плевицкая совершила турне по Америке и в октябре дала в Нью-Йорке серию концертов, на которые пригласила служащих советского посольства. Это обстоятельство вызвало изумление и смущение в рядах эмиграции, а в газете «Новое Русское Слово» появилась статья под названием «Глупость или измена?». В ответ на нападки Плевицкая отвечала: «Я артистка и пою для всех. Я вне политики», что не могло понравиться лидерам эмиграции. В результате возмущенный случившимся Врангель под давлением общественного мнения отдал 9 февраля 1927 года приказ об освобождении генерала Скоблина от командования корниловцами. Впрочем, опала Скоблина была недолгой. И в том же 1927 году ближайший помощник Врангеля генерал Шатилов, пытаясь укрепить влияние главы РОВС среди ветеранов белой армии, убедил его вернуть Скоблина в корниловский полк. Такова была ситуация, когда в начале сентября 1930 года Скоблин встретился со своим бывшим подчиненным штабс-капитаном Ковальским.

Сын железнодорожника, Петр Григорьевич Ковальский в 1914 году поступил в Одесское военное училище. В мае 1915 года он был выпущен прапорщиком, а уже в июне 1915 года направлен на фронт. Воевал Ковальский храбро, был трижды ранен, но всякий раз возвращался в строй. В октябре 1916 года он был уже штабс-капитаном и имел восемь боевых наград.

После Февральской революции 26-летний Ковальский вступил в 1-й ударный отряд 8-й армии, где и

познакомился со Скоблиным. В Гражданскую войну он воевал в рядах Добровольческой армии, а после поражения белого движения оказался в Польше, где был интернирован. После освобождения из лагеря он поселился в Лодзи, работал сначала ночным сторожем, а потом техником в строительной конторе. В 1921 году Ковальский пришел в советское полпредство в Варшаве и сказал, что хотел бы вернуться на родину. Так он начал работать на советскую разведку под псевдонимом «Сильвестров».

В 1924 году он вернулся в СССР и поступил в распоряжение ИНО ГПУ Украины. А весной 1930 года он был передан в центральный аппарат ИНО ОГПУ и как агент «ЕЖ/10» направлен во Францию для вербовки генерала Скоблина. Основанием для такого решения послужило его старое знакомство со Скоблиным, о котором он писал:

«...Генерал Скоблин — познакомились в 1917 году при формировании Отдельного ударного отряда VIII армии. Скоблин был штабс-капитаном. Мы были большими приятелями. Почти год служили в одном полку — Отдельный ударный отряд, Корниловский ударный полк, Славянский ударный полк, Корниловский ударный полк. После ранения один раз гостил у него в Дебальцево, в другой раз кутили в Харькове в «Астраханке» в 1919 году...»³⁴.

Ковальский приехал в Париж 2 сентября и сразу же направился к Скоблину, который явно обрадовался встрече со старым знакомым. Он представил его Плевницкой, благосклонно принявшей друга мужа, что дало Ковальскому возможность еще несколько раз бывать в их доме. Итогом этих посещений стала вербовка Ковальским не только Скоблина, но и его жены. Что толкнуло Скоблина, в отличие от других эмигрантов не испытывавшего нужды, на сотрудничество с советской разведкой, сказать трудно. Но, как бы там ни было, он под диктовку Ковальского написал следующее заявление:

ЗАЯВЛЕНИЕ

12 лет нахождения в активной борьбе против Советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений.

Осознав эту крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против Советской власти и ее органов. Всецело способствовать строительству Советского Союза и о всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам.

10 сентября 1930 г. Н. Скоблин»³⁵.

Данное заявление было переправлено в Москву, и начальник ИНО А. Артузов наложил на нем следующую резолюцию:

«Заведите на Скоблина агентурное личное и рабочее дело под псевдонимом «Фермер — ЕЖ/13».

21 января 1931 года в Берлине состоялась встреча Скоблина и Плевицкой с представителем Центра. На ней агентам было объявлено, что ЦИК СССР персонально амнистировал их. После этого Скоблин написал обязательство о сотрудничестве с советской разведкой:

«ПОДПИСКА

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной Армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР.

21/1 31. Берлин.

Б. генерал Николай Владимирович Скоблин»³⁶.

Вслед за Скоблиным точно такое же обязательство написала и Плевицкая.

Новые агенты были переданы на связь парижской резидентуре ИНО. Что же касается Ковальского, то он 20 января 1931 года попал под подозрение немецкой полиции и был немедленно отправлен в СССР. В дальнейшем он был передан в распоряжение ГПУ Украины, а затем переведен на гражданскую работу. Сначала он работал в Одессе, потом в Челябинске, а затем устроился в Ворошиловграде старшим бухгалтером в трест «Главхлеб». Там в 1937 году он был арестован и по обвинению в шпионаже расстрелян. Когда же в 1939 году сотрудники ИНО НКВД в связи с нехваткой опытных вербовщиков предприняли его поиски, то получили из УНКВД по Донецкой области следующую копию обвинительного заключения:

«Из дела-формуляра Ковальского видно, что Ковальский при использовании по линии Иностранного отдела имеет ряд фактов, подозрительных в проведении им разведывательной работы в пользу Польши.

В принадлежности к агентуре польской разведки Ковальский виновным себя не признал.

Ковальский Петр Георгиевич, согласно приказу наркома внутренних дел СССР — Генерального Комиссара Государственной Безопасности тов. Ежова — №00495, осужден.

22 ноября 1937 года»³⁷.

Что же касается Скоблина, то он на протяжении семи лет активно работал на советскую разведку. Не вдаваясь в подробности его деятельности, сошлемся на статью «Конец РОВС», помещенную в третьем томе «Очерков истории российской внешней разведки», в которой, в частности, говорится:

«По оценке ИНО ОГПУ, через год после вербовки Скоблин «стал одним из лучших источников... довольно четко информировал нас о взаимоотношениях в руководящей верхушке РОВС, сообщал подробности о поезд-

ках Миллера в другие страны». Гастроли его жены давали возможность Скоблину осуществлять инспекторские проверки периферийных подразделений РОВС и обеспечить советскую разведку оперативно значимой информацией. С помощью Скоблина были ликвидированы боевые кутеповские дружины, скомпрометирована идея генералов Шатилова и Туркула о создании в РОВС террористического ядра для использования его на территории СССР. В конечном счете Скоблин стал одним из ближайших помощников Миллера и его поверенным в делах центральной организации РОВС. Когда некоторые члены РОВС стали высказывать подозрения относительно сотрудничества Скоблина с советской разведкой, Миллер решительно выступил в его защиту».

Однако блестящая карьера Скоблина внезапно рухнула как раз в тот момент, когда стараниями своих кураторов из ОГПУ он готовился занять пост главы РОВС.

О причинах, побудивших советское руководство отдать приказ о похищении генерала Миллера, уже говорилось выше. Разумеется, в этом случае Скоблин реально мог претендовать на место пропавшего Миллера. И поэтому привлечение его к операции в данном случае можно расценивать как непростительную ошибку, приведшую к непоправимым последствиям. В результате Скоблин был вынужден бежать и долгое время скрываться на конспиративной квартире советской разведки. В конце концов его на самолете, арендованном при помощи неизвестного А. Орлова, переправили в Испанию. Там его следы теряются. По официальным сведениям, он погиб в 1937 году в Барселоне во время бомбежки аэродрома. Сохранилось лишь письмо Скоблина, в котором он просит оказать помощь его жене:

«11. XI. 37. Дорогой товарищ Стах! (возможно, резидент ИНО НКВД в Париже Станислав Глинский — *авторы*).

Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза. Сердце мое сейчас наполнено осо-

бенной гордостью, ибо в настоящий момент я весь, в целом, принадлежу Советскому Союзу, и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября искусственно создана. Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем Великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине — Советском Союзе. Недавно мне здесь пришлось пересматривать старые журналы и познакомиться с № 1 журнала «Большевик» этого года. С большим интересом прочитал его весь, а статья «Большевики на Северном полюсе» произвела на меня большое впечатление. В конце этой статьи приводятся слова Героя Советского Союза Водопьянова, когда ему перед полетом на полюс задали вопрос: «Как ты полетишь на полюс, и как ты там будешь садиться? А вдруг сломаешь — пешком-то далеко идти?» «Если поломаю, — сказал Водопьянов, — пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь: Товарищ Сталин не бросит человека!». Эта спокойно сказанная фраза, но с непреклонной верой, подействовала и на меня. Сейчас я тверд, силен и спокоен и тоже верю, что Товарищ Сталин не бросит человека. Одно только меня опечалило, это 7-го ноября, когда вся наша многомиллионная страна праздновала этот день, а я не мог дать почувствовать «Васеньке» (семейное прозвище Надежды Васильевны Плевицкой — авторы) о великом празднике. Не успел оглянуться, как снова прошло 2 недели со дня Вашего отъезда. Ничего нового в моей личной жизни не произошло. От безделья и скуки изучаю испанский язык, но полная неосведомленность о моем «Васеньке» не дает мне целиком отдаться этому делу. Как Вы полагаете, не следует ли Георгию Николаевичу теперь повидаться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся непосредственно «Васеньки»? Я бы мог дать ряд советов чисто психологического характера, которые имели бы огромное моральное значение, учитывая почти двухмесячное пребывание в заключении и необходимость ободрить, а главное успокоить. Крепко жму Вашу руку. С искренним приветом Ваш

(подпись)»³⁸.

Что касается Плевичкой, то ее судьба была не менее трагичной. 24 сентября она была арестована французской полицией по подозрению в соучастии в похищении генерала Миллера и шпионаже в пользу Советского Союза. Суд над ней состоялся в декабре 1938 года. 14-го был вынесен приговор: 20 лет каторжных работ и 10 лет запрещения проживать во Франции.

(Кстати, самого Скоблина также судили, только заочно. 26 июля 1939 года он был признан виновным в похищении генерала Миллера и приговорен к пожизненной каторге.)

Весной 1939 года Плевичкая была отправлена в Центральную тюрьму города Ренн. Вскоре она тяжело заболела и 5 октября 1940 года умерла.

Заканчивая разговор об агентуре советской разведки среди белоэмигрантов, стоит отметить, что она вербовалась и на идейной основе. Чтобы не быть голословными, назовем, например, Веру Гучкову-Трейл, дочь председателя III Государственной Думы А. Гучкова, или Сергея Эфрона, мужа знаменитой русской поэтессы Марины Цветаевой. На самом деле таких людей было гораздо больше, а причина, по которой они начали сотрудничать с советской разведкой, была одна — любовь к России. Именно благодаря этому, а также благодаря огромной вербовочной базе советская разведка добилась колоссальных успехов в своей деятельности, в том числе и по ликвидации проповедующих террор лидеров белой эмиграции.

* * *

Оценивая деятельность советских спецслужб, проводивших по указанию ЦК ВКП(б) и правительства СССР террористические акты против представителей белой эмиграции за рубежом, нельзя, как нам кажется, занимать крайние позиции. Разумеется, с высоты сегодняшних лет можно утверждать, что деятельность советских спецслужб по физическому устранению неугодных руко-

водству СССР эмигрантов глубоко аморальна и незаконна. Но нельзя забывать, что и большинство руководителей белоэмигрантских организаций не гнушались тактики террора. Поэтому насквозь фальшивый вопль В. Батшева: «Пусть полковник Прелин назовет хотя бы одну жертву генерала Миллера!» (см.: Б а т ш е в В. Обеление. Посев. 1991, № 4. С. 120) — можно считать его признанием в собственной прищрастности.

Думается, что не будет преувеличением сказать, что в 1920—30-х годах между советскими спецслужбами и проповедующими террор белоэмигрантскими организациями развернулась настоящая тайная война. Война эта велась не на жизнь, а на смерть, и закончилась победой советской разведки. Впрочем, иначе быть и не могло, так как государственные спецслужбы всегда были, да и должны быть неизмеримо сильнее каких бы там ни было террористов.

Глава вторая

Убийство Троцкого

Соперничество Сталина и Троцкого, со временем переросшее во взаимную неприязнь, а затем и ненависть, и закончившееся сначала изгнанием «трибуна революции» из Советского Союза, а в 1940 году его убийством, давно стало предметом изучения историков. По данному вопросу опубликовано огромное количество воспоминаний участников тех событий, научных и популярных книг и статей, а также значительное число архивных документов. Не претендуя на новое освещение причин и хода противостояния Сталина и Троцкого, мы расскажем лишь о многочисленных попытках советских органов госбезопасности выполнить приказ Сталина о ликвидации Троцкого, который был отдан уже после высылки последнего из СССР.

Высылка Троцкого из СССР

Сейчас ни у кого не вызывает сомнения то, что главным противником Сталина в борьбе за власть после смерти Ленина в январе 1924 году был именно Троцкий.

И это вполне объяснимо. Дело в том, что Троцкий являлся ближайшим сподвижником Ленина, пользовался в партии огромным авторитетом и популярностью, в первом советском правительстве занимал пост народного комиссара по иностранным делам, с 1918 по 1924 год возглавлял Народный комиссариат по военным и военно-морским делам, одно время по совместительству выполняя обязанности народного комиссара путей сообщения. С сентября 1918 по декабрь 1924 года он находился во главе Революционного военного совета Республики, то есть фактически руководил Красной Армией. Кроме того, до 23 октября 1926 года Троцкий был членом Политбюро ЦК ВКП(б).

И Троцкий, и Сталин (как, впрочем, и другие большевистские лидеры) имели своих твердых приверженцев, и тот факт, что Троцкий в конце концов потерпел поражение в борьбе за Кремль, не означает того, что он остался один. Правда, Сталин, используя свое положение генерального секретаря партии, а также личные амбиции остальных членов Политбюро (прежде всего Г. Зиновьева и Л. Каменева), сумел свести влияние Троцкого к минимуму. В результате состоявшийся в январе 1925 года Пленум ЦК ВКП(б) освободил Троцкого от должности председателя Реввоенсовета Республики, а в октябре 1926 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) его вывели из состава Политбюро. Но сталинский политический курс на безграничную личную власть вызвал у его бывших сторонников в Политбюро законные претензии, толкнувшие их в сторону Троцкого.

Еще в конце весны 1926 года, трезво оценив свои шансы во внутрипартийной борьбе, так называемая «объединенная оппозиция» организовала свой конспиративный центр. Во главе его стояли сами лидеры оппозиции — Троцкий и Зиновьев. А подпольные заседания центра проходили на квартире Ивара Смильги.

Работа центра была поставлена очень серьезно. Центр имел свою агентуру в ЦК ВКП(б) и ОГПУ, а также специальную группу, работавшую среди военных (туда

входили Примаков и Путьна). Такие же центры были организованы в Ленинграде, Киеве, Харькове, Свердловске и других городах. Для связи с оппозиционными группами в других компартиях использовались единомышленники, работавшие в Наркоминделе и Наркомвнешторге. Так, одно время материалы оппозиции вывозила за границу Александра Коллонтай, пока не перешла на сталинские позиции.

В Москве и Ленинграде оппозиционеры устраивали тайные собрания на квартирах рабочих, куда приходило от нескольких десятков до полутора-двух сотен человек. Собрания были полуконспиративными, однако представители ЦКК и ОГПУ прекрасно знали об этих сходках и нередко являлись туда с требованием разойтись. Всего же на подобных собраниях перебывало в общей сложности около 20 тысяч человек.

Осознав всю серьезность положения, члены сталинского ЦК ВКП(б) в свою очередь тоже обратились к рабочим, призвав разгонять собрания оппозиционеров силой. Один из участников событий тех лет вспоминает следующее:

«Маленков... организовал многочисленные шайки из партийно-комсомольского хулиганья. Специально натасканные Маленковым и снабженные палками, камнями, старыми галошами, тухлыми яйцами и т. д., эти шайки, именую себя «рабочими дружинами», срывали дискуссионные собрания, забрасывали выступавших оппозиционеров камнями, галошами и т. д., разгоняли их собрания, орудуя палками...».

Маленковские отряды получили кличку «СББ» — «Сталинские батальоны башибузуков». Когда же оппозиция пыталась организовать свои демонстрации, стычки превращались в настоящие побоища. Интересно отметить, что среди организаторов «шаек партийно-комсомольского хулиганья» был и секретарь Краснопресненского райкома Москвы, любимый герой идеологов недавней перестройки, «непреклонный противник сталинского режима» Мартемьян Рютин. Вскоре, оказавшись сам в

оппозиции сталинскому режиму, он, естественно, стал горячим поборником «внутрипартийной демократии», ну а пока усердно вооружал партийный актив своего района палками и старыми галошами¹.

Окончательную победу над Троцким Сталин одержал в 1927 году. В октябре 1927 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Троцкого вывели из состава ЦК ВКП(б), а 14 ноября 1927 года за организацию демонстрации оппозиции в 10-ю годовщину Октябрьской революции он был исключен из партии. Последнюю точку в этой затянувшейся борьбе поставил состоявшийся в декабре 1927 года XV съезд ВКП(б), на котором «троцкизм» был поставлен вне закона.

Но в отличие от другого лидера оппозиции, Г. Зиновьева, Троцкий отказался признать свое поражение, и в январе 1928 года был сослан в отдаленный район Казахстана — город Алма-Ату. Однако и там он не прекращает политической деятельности, продолжая возглавлять оппозицию Сталину. Так, начиная с апреля 1928 года он за семь месяцев отправил из Алма-Аты 550 телеграмм и 800 писем, получив, в свою очередь, около 1000 писем и 700 телеграмм (большая часть из них были коллективными). Кроме того, он получал и секретные письма, которые доставлялись с нарочными. Одним из таких курьеров был шофер Алма-Атинского предприятия, с которым Троцкий встречался в общественной бане, пока того не арестовало ОГПУ. Всего же за период казахстанской ссылки Троцким было отправлено 8—9 секретных писем и примерно столько же получено.

Разумеется, ЦК ВКП(б) и ОГПУ тоже не сидели сложа руки. Однако максимальной мерой наказания в 1928 году, которую применяли к нераскаившимся троцкистам, была ссылка. Поэтому сосланные троцкисты имели возможность объединяться в политические кружки, вербовать сторонников из числа местных жителей, вести активнейшую переписку с другими колониями. Для наиболее важных сообщений ими была организована секретная почта. В это же время их оставшиеся на свободе единомыш-

ленники занялись созданием подпольных групп. В эти группы принимались только коммунисты, как не подписавшие, так и подписавшие «отречение». Кстати, многие из «отрекшихся», старые революционеры и опытные конспираторы, заявили о разрыве с оппозицией чисто формально, чтобы иметь больше возможностей тайно на свободе продолжать борьбу. Тайные оппозиционеры были во всех органах государственной власти, даже в верхушке партаппарата и ОГПУ попадались их агенты. Подпольщики печатали и распространяли среди рабочих прокламации с обращениями и статьями лидеров оппозиции. Широчайшее хождение, в основном, конечно, среди интеллигенции, имел троцкистский «самиздат». Троцкисты создали свой собственный «Красный Крест», собирали средства для помощи уволенным и высланным товарищам.

Видя результаты деятельности троцкистов, Сталин не задержался с решительными ответными мерами. 16 декабря 1928 года к Троцкому прибыл уполномоченный коллегии ОГПУ В. Волынский и зачитал следующее требование коллегии ОГПУ:

«Работа ваших единомышленников в стране приняла за последнее время явно контрреволюционный характер; условия, в которые вы поставлены в Алма-Ате, дают вам полную возможность руководить этой работой; ввиду этого коллегия ОГПУ решила потребовать от вас категорического обязательства прекратить вашу деятельность — иначе коллегия окажется вынужденной изменить условия вашего существования, в смысле полной изоляции вас от политической жизни, в связи с чем встанет также вопрос о перемене места вашего жительства»².

Здесь следует особо отметить, что для принятия такого решения у ОГПУ были все формальные права. Дело в том, что еще в 1922 году ВЦИК принял решение о наделении ГПУ правом высылки за границу лиц, занимающихся антисоветской деятельностью. Причем сам Троцкий в то время полностью поддержал это решение ВЦИК. Однако в ссылке он стал сторонником демократии и в ответ на требование коллегии ОГПУ написал

письмо в ЦК ВКП(б) и исполком Коминтерна, в котором заявил, что отказ от политической деятельности означает для него отказ от борьбы за интересы мирового пролетариата, чему он посвятил всю свою жизнь. Поэтому он не будет подчиняться ультиматуму ОГПУ.

Другого ответа Троцкого Сталин и не ожидал. И уже через месяц Политбюро ЦК ВКП(б) большинством голосов принимает решение о высылке Троцкого за границу (против голосовали только Бухарин, Рыков и Томский). А 20 января 1929 года к Троцкому прибыл тот же уполномоченный ОГПУ Волынский и зачитал ему выписку из протокола Особого совещания при коллегии ОГПУ от 18 января 1929 года, в которой говорилось:

«Протокол ГПУ от 18 января 1929 года о деле гражданина Троцкого Л. Д., обвиняемого по ст. 58/10 Уголовного Кодекса РСФСР за контрреволюционную деятельность, выразившуюся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против Советской власти.

Постановили:

Гражданина Троцкого Льва Давидовича выслать из пределов СССР»³.

Возмущенному Троцкому ничего не оставалось делать, как только написать расписку следующего содержания:

«Преступное по существу и незаконное по форме постановление ОС при Коллегии ОГПУ от 18 января 1929 года мне было объявлено 20 января 1929 года. Л. Троцкий».

(Интересно отметить, что непосредственный руководитель операции по высылке Троцкого ответственный работник ОГПУ Павел Петрович Буланов в марте 1938 года был расстрелян по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока».)

На вопрос Троцкого, куда он будет депортирован, Волынский ничего не ответил. Однако при этом он дал

возможность изгнаннику упаковать и вывезти свой архив, так как указаний на запрещение вывоза бумаг к нему не поступило. Потом по этому поводу Сталин не раз станет «кусать локти», но будет уже поздно.

10 февраля специальный поезд с Троцким прибыл в Одессу. Там его ожидал пароход «Калинин», чтобы доставить изгнанника в Турцию, единственную страну, согласившуюся принять его. Но «Калинин» вмерз в лед, и поэтому Троцкого поместили на пароходе «Ильич». Вместе с ним на борт взошли его жена Наталья Ивановна Седова и их старший сын Лев Седов, полностью разделявший политические взгляды отца. 13 февраля «почетный гражданин Турции» (этого звания Троцкий был удостоен вместе с Лениным еще в начале 20-х годов как председатель Реввоенсовета) прибыл в Стамбул. Первые полтора месяца он прожил в советском посольстве, а затем местом его жительства были определены расположенные в Мраморном море Принцезы острова, место, куда традиционно ссылали опальных турецких вельмож.

Высылка Троцкого за границу ничуть не ослабила его влияния среди его последователей в СССР. Об этом, например, говорит тот факт, что уже 16 апреля 1929 года Троцкого посетил нелегальный резидент ИНО ОГПУ в Стамбуле Яков Блюмкин, заявивший при встрече, что полностью отдает себя в его распоряжение. Блюмкин не только составил рекомендации для организации личной охраны Троцкого, но и регулярно передавал ему материалы, имевшиеся в распоряжении резидентуры, а также сведения о деятельности поезда председателя Реввоенсовета в годы Гражданской войны, необходимые Троцкому для написания задуманной им книги «Моя жизнь». Более того, он согласился передать письма Троцкого его сторонникам в СССР. Но здесь Блюмкина постигла неудача: после приезда в Москву он был арестован и 3 ноября 1929 года расстрелян.

20 февраля 1932 года Троцкий и его сын Лев Седов были лишены советского гражданства. Но при этом их никогда официально не приговаривали заочно к смерт-

ной казни, как это иногда утверждают. В приговоре Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу так называемого «антисоветского троцкистского центра» от 30 января 1937 года сказано дословно следующее:

«Высланные в 1929 году за пределы СССР и лишённые постановлением ЦИК СССР от 20 февраля 1932 года прав гражданства СССР враги народа Троцкий Лев Давыдович и его сын Седов Лев Львович, изобличённые показаниями подсудимых Г. Л. Пятакова, К. Б. Радека, А. А. Шестова и Н. И. Муралова, а также показаниями допрошенных на судебном заседании в качестве свидетелей В. Г. Ромма и Д. П. Бухарцева и материалами настоящего дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского антисоветского центра, в случае их обнаружения на территории Союза ССР, подлежат немедленному аресту и преданию суду военной коллегии Верховного Суда Союза ССР»⁴.

После лишения Троцкого советского гражданства Советское правительство СССР стало оказывать на Турцию давление с целью высылки его из страны. Началась настоящая травля изгнанника. Летом 1933 года Троцкий переезжает во Францию, под Париж, а осенью того же года — в курортный городок Сен-Палэ. Но уже летом 1935 года он вынужден вновь отправиться в дорогу, на этот раз в Норвегию. В июне 1935 года норвежское правительство предоставляет ему вид на жительство при условии отказа от политической деятельности. Но Троцкий не собирался выполнять это условие. Именно в Норвегии впервые увидела свет его книга «Моя жизнь». Все это привело к тому, что в августе 1936 года государственный совет Норвегии под непрекращающимся давлением СССР возложил на министра юстиции Трюгве Ли задачу — найти страну, согласившуюся бы принять Троцкого. Будущий генеральный секретарь ООН и по совместительству агент израильской разведки МОССАД блестяще справился с поставленной перед ним задачей, и 19 декабря 1936 года Троцкий был посажен на торговое судно «Рут», взявшее курс на Мексику.

Теперь стоит немного отвлечься от переездов Троцкого и поговорить о том, что стояло за фактом непрекращающегося преследования бывшего члена Политбюро со стороны его недавних соратников, и прежде всего Сталина. Многие исследователи, особенно на Западе, настаивают на том, что объектом преследования была некая мифическая фигура Троцкого, созданная «болезненно подозрительным» воображением Сталина. При этом утверждается, что по мере того, как реальное влияние настоящего Троцкого падало, угроза со стороны мифического Троцкого в глазах Сталина возрастала. Так, Р. Конквест в своей книге «Большой террор» пишет:

«Троцкий пытался организовать политическое движение в мировом масштабе. Некоторые крайние секты коммунистического направления присоединились к его IV Интернационалу. Но его влияние в СССР было практически равно нулю»⁵.

На самом деле не все обстояло так просто. В начале 30-х годов в результате политики коллективизации в СССР резко обострилась социально-экономическая ситуация. А так как руководство компартии, реально имевшее власть в стране, никогда не было единым, то создание всякого рода оппозиционных движений было естественным ответом на жесткий тоталитарный курс сторонников Сталина. Проигравшие лидеры оппозиции, перемещенные на второй этаж власти, были не прочь половить «рыбку в мутной воде». К их числу относились и сторонники Троцкого.

Материалы рассекреченного в 1980 году в США архива Троцкого свидетельствуют, что в начале 30-х годов в СССР действовали как минимум две нелегальные организации, в 1932 году заключившие по установке Троцкого между собой пресловутый блок. Одна из них достаточно известна. Это так называемая «контрреволюционная троцкистская группа И. Н. Смирнова», в руководство которой входили Е. Преображенский, В. Тер-Ваганян, Н. Уфимцев. Она состояла из «капитулировавших» в свое время сторонников Троцкого, вернувшихся к активной

подпольной деятельности. Вторая группа (так называемая группа «О») известна гораздо меньше. В ее состав входили Осиновский (Оболенский), Гавен, Константинов, Кочерец, Переверзев и другие скрытые троцкисты. У группы был информатор в руководстве ОГПУ-НКВД, который не раз предупреждал троцкистов о готовящихся против них операциях. Так, с его помощью во время арестов в январе — октябре 1933 года некоторые члены группы И. Н. Смирнова успели уничтожить все компрометирующие их документы. По некоторым данным, этим информатором был начальник Секретно-политического отдела ОГПУ-НКВД в 1930—1936 годах и нарком внутренних дел Белоруссии в 1936—1937 годах комиссар госбезопасности 2-го ранга Г. А. Молчанов.

Таковы, если говорить коротко, были причины, толкнувшие Сталина на жестокие и решительные действия против троцкистской оппозиции внутри страны. Что касается заграницы, то и там положение было не менее сложным. В начале 30-х годов троцкистские группы уже действовали в США и Германии. Одной из самых многочисленных становится «левая оппозиция» в Греции. В Испании один из основателей ПОУМ Андреу Нин был в свое время секретарем Троцкого, и после начала там гражданской войны не раз приглашал его приехать в страну. В Китае оппозицию возглавил бывший секретарь КПК Чон Дусин. Возникла и итальянская группа из бывших сторонников Бордиги, которую возглавил Трессо (Бланко), ранее — секретарь одной из окружных организаций ИКП. К этому надо добавить, что сын Троцкого, Лев Седов, в 1931 году перебравшийся из Турции в Берлин, а в 1935 году — в Париж, не только издавал так называемый «Бюллетень оппозиции», но и поддерживал связь со сторонниками отца в СССР. Он был одним из основных организаторов так называемого IV (троцкистского) Интернационала, учредительный съезд которого открылся 3 сентября 1938 года под Парижем. На этом съезде присутствовал 21 делегат из 11 стран и именно к

IV Интернационалу решили присоединиться ставшие невозвращенцами сотрудники советской разведки Н. Рейсс, А. Бармин, В. Кривицкий.

Более того, сам Троцкий в октябре 1939 года согласился дать показания перед «Особым комитетом по антиамериканской деятельности Палаты представителей конгресса США» (так называемый «Комитет Дайса»), известным своей непримиримостью по отношению к коммунистическому и рабочему движению. А с 1940 года Троцкий стал передавать сотрудникам американского консульства в Мексике «конфиденциальные меморандумы» на известных ему деятелей коммунистического движения, представителей Коминтерна, агентов советской разведки в США, Франции, Мексике и других странах.

Из всего сказанного выше можно смело сделать вывод, что у Сталина и группы его сторонников в руководстве СССР, вовсе не желающих терять власть, были все основания для непримиримой борьбы с Троцким и его приверженцами.

Агенты ОГПУ-НКВД в окружении Троцкого

Итак, борьба с Троцким и его приверженцами началась. Прежде всего, как уже говорилось, были уничтожены все сторонники Троцкого в СССР. Коснулись репрессии и всех его родственников. В 1928 году, когда Троцкий находился в ссылке в Казахстане, умерла от туберкулеза его старшая дочь от первого брака — Нина. Ее родная сестра Зинаида Волкова вместе с сыном Севой в начале 1931 года выехала к отцу в Турцию. Но уже в 1933 году в Берлине, находясь в депрессивном состоянии, она покончила с собой. Сын Троцкого Сергей, увлеченный наукой, держался в стороне от политики, но это не спасло его. 1 июля 1935 года он был арестован, долго находился в Бутырской тюрьме, где от него требовали отречься от отца. В конце концов его осудили

на 5 лет, отправили в Воркуту, и в 1937 году расстреляли. Муж Зинаиды, Платон Волков, с конца 20-х годов находился в ссылке. После возвращения в апреле 1935 года он был сослан вторично и умер в Сибири. Не избежала этой участи и первая жена Троцкого Александра Соколовская.

За границей в окружение Троцкого была введена многочисленная агентура. Одними из первых были внедрены братья Соболевичюсы, сыновья богатого еврея-торговца из Литвы, позже более известные как Джек Собл и д-р Ричард Соблен. С 1929 года в течение трех лет они были ближайшими доверенными лицами Троцкого, имели доступ к шифрам и подставным адресам, которыми он пользовался для переписки со своими сторонниками в СССР. А так как он доверил им большую часть своей переписки, то она, разумеется, оказалась в руках ОГПУ. Более того, скорее всего с их помощью в марте 1931 года, когда Троцкий еще жил Турции, был подожжен его дом. Об этом происшествии Троцкий писал в Париж своему стороннику Е. Крыленко так:

«Вместе с домом погорело все, что было с нами и на нас. Пожар произошел глубокой ночью... Все вещи от шляп до ботинок стали жертвой огня, сгорела вся библиотека целиком, но по счастливой случайности сохранился архив, или, по крайней мере, важнейшая его часть...»⁶.

Еще одним агентом ОГПУ в окружении Троцкого был Анри Лакруа. В 1933 году по указанию Москвы он выступил с неожиданным заявлением о том, что троцкистская оппозиция не пользуется поддержкой в СССР и в мире в целом.

Внимательно следили чекисты и за сыном Троцкого Седовым. Так, с 1936 года разработкой Седова и его окружения занималась группа во главе с нелегалом ИНО НКВД болгаринном Б. М. Афанасьевым. Одному из агентов Афанасьева, некоему иностранному гражданину под псевдонимом «Томас» удалось войти в доверие к Седову и получать требуемую в Москве информацию. В 1936—

37 годах чекистами была установлена аппаратура прослушивания телефонов на квартирах Седова и его ближайшей сотрудницы Лилии Эстриной (так называемая операция «Петька»). А летом 1937 года, когда Седов отдыхал в Антибе, за его перемещениями следила агент НКВД Рената Штайнер, позднее принимавшая участие в ликвидации перебежчика Рейсса (Порецкого).

Но самым важным агентом в окружении Троцкого и его сына Седова был Марк Зборовский (оперативные псевдонимы «Тюльпан», «Кант» и «Мак»), о котором надо рассказать немного подробнее.

Марк (Мордка) Зборовский родился в феврале 1908 года в городе Умани Киевской губернии. В 1921 году он вместе с родителями уехал в Польшу, но в СССР у него остались родственники — сестра Берта и братья Ефим и Лев. В Польше он вступил в местную компартию, но вскоре был арестован за организацию забастовок и некоторое время провел в тюрьме, после чего, спасаясь от преследований полиции, выехал вместе с женой Региной (Ривкой) Абрамовной Леви в Берлин, а затем в Париж. Здесь его, жившего в глубокой бедности, и завербовал летом 1933 года сотрудник Секретно-политического отдела ОГПУ А. С. Адлер. После соответствующей проверки ему был присвоен агентурный номер «Б-187» и поставлена задача внедриться в ближайшее окружение Троцкого.

Эту задачу Зборовский выполнил блестяще. Вскоре в Москву ушло следующее сообщение:

«Как мы Вам сообщили, источник «Мак» стал работать в «Международном секретариате» троцкистов, где служит также жена сына Троцкого (Жанна Мартен — авторы). В процессе работы источник подружился с женой сына Троцкого, результатом чего явился перевод источника в русскую секцию в качестве как бы личного секретаря сына.

В настоящее время источник встречается с сыном чуть ли не каждый день. Этим самым считаем выполнен-

ной вашу установку на продвижение источника в окружение Троцкого»⁷.

В результате Сталин и другие советские руководители получили возможность читать как переписку Троцкого и Седова со своими сторонниками, так и написанные Троцким статьи еще до их публикации. Свидетельством тому может служить следующий документ:

*«Совершенно секретно.
тт. Сталину, Молотову.»*

Направляю Вам агентурно изъятые нами из текущей переписки Седова копии двух статей Троцкого от 13 и 15 января 1938 года под заглавием «Продолжает ли советское правительство следовать принципам, усвоенным 20 лет назад» и «Шумиха вокруг Кронштадта».

Указанные статьи намечены к опубликованию в мартовском номере «Бюллетеня оппозиции».

*Народный комиссар внутренних дел СССР
Генеральный комиссар государственной безопасности
28 февраля 1938 г. Ежов»⁸.*

А в августе 1937 года НКВД с помощью Зборовского получил список адресов многих приверженцев Троцкого. Случилось это после того, как Седов на время уехал из Парижа и поручил Зборовскому вести все дела: переписку, текущую корреспонденцию, связь с различными лицами, посылку почты и документов Троцкому и т. д. А для того, чтобы Зборовский мог делать все самостоятельно, он передал ему свой так называемый «маленький блокнот», котором были записаны все адреса, используемые Седовым для переписки. В донесении куратора Зборовского в Москву по этому поводу говорится:

«Как известно, об этом блокноте и его обладании мы мечтали в течение года, но нам никак не удавалось его заполучить ввиду того, что «Сынок» (кличка Седова в НКВД — авторы) никому его на руки не давал и всегда хранил при себе. Мы Вам посылаем этой почтой фото этих адресов. В ближайшее время мы их подробно

разработаем и пришлем. Имеется целый ряд интересных адресов...»⁹.

Кроме того, именно при помощи Зборовского в ночь с 6 на 7 ноября 1936 года было организовано ограбление архива Троцкого в Париже. (Правда, это был уже не первый случай, когда агенты ОГПУ выкрадывали бумаги Троцкого. Другой такой случай имел место в начале 1936 года в Норвегии. Там группа членов норвежского Национального объединения пробралась в дом депутата К. Кнудсена, где в то время проживал Троцкий, и выкрала его бумаги.) Дело в том, что Троцкий, перед тем как переехать в Норвегию, передал часть своего архива Институту исторических исследований в Париже, находившемуся в доме № 7 по улице Мишле. Зборовский, вместе с Седовым лично передававший туда документы, сообщил об этом своим операторам из НКВД, в результате чего было принято решение выкрасть эту часть архива. По свидетельству Судоплатова, руководил этой операцией Серебрянский. Именно его люди и выкрали документы. Важную роль в похищении архива Троцкого сыграл агент Серебрянского по кличке «Гарри». Это был англичанин Моррисон, имевший прочные связи в седьмом округе управления полиции Парижа.

Здесь необходимо заметить, что охота за архивами Троцкого шла постоянно. Так, упомянутый выше нелегал ИНО НКВД Афанасьев с конца 1936 по начало 1938 года провел во Франции ряд операций, в результате которых были похищены старый и новый архивы Седова, архив Международного секретариата, занимавшегося созданием IV (троцкистского) Интернационала, а позднее и новый архив этого секретариата.

После всех этих похищений огромное количество рукописей, статей и писем общим весом около 80 кг были тайно доставлены в Москву. Историк Д. Волкогонов в своей книге «Троцкий» пишет, что «в почте, которую ежедневно доставлял вождю А. Н. Поскребышев, не раз встречались доклады такого рода:

«Совершенно секретно.
Секретарю ЦК ВКП(б) — тов. Сталину.

Направляю Вам 103 письма, изъятые из архива Троцкого в Париже.

Письма содержат переписку Троцкого с американским троцкистом Истменом и его женой Еленой Васильевной Крыленко за 1929—1933 гг.

*Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Ежов»¹⁰.*

Таким образом, начиная с первых дней высылки Троцкого Сталин знал практически все, что замышлял противник и его сторонники. И, разумеется, активная деятельность Троцкого все больше раздражала его. В конце концов вождь пришел к выводу, что только смерть Троцкого может положить конец их затянувшейся вражде.

Правда, существует версия, что указание Сталина об убийстве Троцкого поступило в ОГПУ-НКВД гораздо раньше, чем считает большинство историков — то есть в начале 1939 года, когда к этой операции были подключены П. Судоплатов, Н. Эйтингон, И. Григулевич и другие, ставшие позднее известными, чекисты. По мнению Дмитрия Волконогова, первое такое распоряжение Сталина относится к маю 1931 года. Тогда Троцкий написал в Политбюро ВКП(б) обращение с целью убедить сталинское окружение в необходимости объединить все революционные силы в Испании для разжигания мировой революции. На этом обращении сохранилась следующая резолюция Сталина:

*«Молотову, Кагановичу, Постышеву,
Серго, Андрееву, Куйбышеву,
Калинину, Ворошилову, Рудзутaku.*

Думаю, что господина Троцкого, этого пахана и меньшевистского шарлатана, следовало бы огреть по голове через ИККИ. Пусть знает свое место.

И. Сталин»¹¹.

Однако если взглянуть на эти несколько строчек непредвзятым взглядом, то становится совершенно очевидным, что речь в них шла не о физической расправе над Троцким, а о том, чтобы Исполком Коминтерна (ИККИ) принял какую-нибудь резолюцию с его осуждением.

Впрочем, если верить дневникам самого Троцкого, Сталин стал вынашивать планы его убийства еще ранее — в середине 20-х годов. 18 февраля 1935 года Троцкий записывает в свой дневник следующее:

«Зиновьев говорил мне не без смущения: «Вы думаете, что Сталин не обсуждал вопроса о Вашем физическом уничтожении? Обдумывал и обсуждал... Примите необходимые меры».

По мнению того же Д. Волкогонова, в начале 1935 года заместитель начальника ИНО НКВД С. М. Шпигельглаз получил устное задание от Ягоды, которое тот, в свою очередь получил от Сталина, — ускорить ликвидацию Троцкого. Опытный разведчик, Шпигельглаз незамедлительно приступил к выполнению приказа, но Троцкий был чрезвычайно осторожен, в результате чего охота за ним затянулась.

Тем временем на стол Сталина ложились все новые документы, подогревающие его стремление как можно быстрее физически уничтожить Троцкого. Например, следующее донесение Зборовского в Москву от 11 февраля 1937 года:

«С 1936 года «Сынок» не вел со мной разговоров о терроре. Лишь недели две-три тому назад, после собрания группы, «Сынок» снова заговорил на эту тему. В первый раз он только теоретически старался доказать, что терроризм не противоречит марксизму. «Марксизм, — по словам «Сынка», — отрицает терроризм постольку, поскольку условия классовой борьбы не благоприятствуют терроризму, но бывают такие положения, в которых терроризм необходим». В следующий раз «Сынок» заговорил о терроризме, когда я пришел к нему на квартиру работать. Во время читки газет «Сынок» сказал, что, так

как весь режим в СССР держится на Сталине, то достаточно убить Сталина, чтобы все развалилось. Он неоднократно возвращался и подчеркивал необходимость убийства Сталина.

В связи с этим разговором «Сынок» спросил меня: боюсь ли я смерти и способен ли я был бы совершить террористический акт? На мой ответ, что все зависит от необходимости и целесообразности, «Сынок» ответил: все дело зависит от человека, способного к смерти. Как народовольцы. А мне еще сказал, что я человек слишком мягкий для такого рода дел»¹².

Так что не стоит удивляться тому, что на февральско-мартовском 1937 года Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин с яростью обрушился на Троцкого и его последователей. В результате в постановлении пленума по докладу Ежова НКВД предписывалось следующее:

«Обязать Наркомвнудел довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, с тем, чтобы подавить малейшее проявление их антисоветской деятельности.

Укрепить кадры ГУГБ, Секретно-политического отдела надежными людьми.

Добиться организации надежной агентуры в стране и за рубежом. Укрепить кадры разведки»¹³.

Испанская трагедия

В НКВД правильно поняли, что требует Сталин. В результате после пленума началось планомерное уничтожение троцкистов за рубежом.

Первыми попали под удар испанские троцкисты, благо в стране с 1936 года шла гражданская война и в Испании сотрудники НКВД находились вполне официально. Впрочем, имевшие там место-события, закончившиеся физическим уничтожением оппозиции республиканскому правительству, не следует воспринимать лишь

как борьбу с троцкизмом. На самом деле все обстояло гораздо сложнее.

Все началось с того, что на состоявшихся в Испании 16 февраля 1936 года парламентских выборах к власти пришло правительство Народного фронта, в который, кроме коммунистов, входили анархистская Народная конфедерация труда (НКТ), Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ). Потерпев поражение на выборах, правые партии решили взять власть насильственным путем, что привело к вооруженному мятежу генерала Франко, развязавшего кровопролитную гражданскую войну. Но если в лагере фашистов царил полное единомыслие, то республиканцев раздирали внутрипартийные противоречия, отрицательно сказывающиеся на ходе военных действий.

Главными виновниками сложившегося положения были лидеры ПОУМ, и прежде всего Андреу Нин. В прошлом один из руководителей коммунистического и профсоюзного движения в Испании, Нин в 1921 году приехал в Россию, где стал близким соратником Троцкого. Будучи председателем Красного интернационала профсоюзов и одним из руководителей Коминтерна, он неоднократно выезжал на нелегальную работу в Германию и Италию, а одно время даже являлся депутатом Моссовета. После высылки Троцкого из СССР Нин в 1930 году вернулся в Испанию, где возглавил испанских троцкистов. Со временем он стал отходить от Троцкого, и в 1935 году, объединившись с группой правых коммунистов, основал ПОУМ, вошедшую в Народный фронт. Однако эмиссары Коминтерна в Испании, памятуя, что Нин в свое время входил в руководство возглавляемой Троцким Международной коммунистической оппозиции, встретили новую партию в штыки, окрестив ее троцкистской. Впрочем, это не помешало представителям ПОУМ принять участие в выборах, а самому Нину занять пост министра юстиции в автономном правительстве Каталонии.

Когда же началась гражданская война, Нин и другие лидеры ПОУМ, отвергнув предложенную Коминтерном линию на укрепление Народного фронта, взяли курс на осуществление социалистической революции, создание рабоче-крестьянского правительства и установление диктатуры пролетариата, передачи предприятий рабочим, замену армии милицией, а государственных учреждений — Советами. В условиях гражданской войны эта программа неизбежно должна была привести к поражению республиканцев. Безусловно, это обстоятельство беспокоило как руководство СССР, так и советских представителей в Испании, посылавших в Москву тревожные сообщения. Так, 27 февраля 1937 года представитель НКВД в Испании Орлов (Фельдбин) направил в Центр доклад, в котором говорилось:

«Правительство Испании обладает всеми возможностями для победоносной войны. Оно имеет хорошее вооружение, прекрасную авиацию, танки, громадный резерв людей, флот и значительную территорию с базой военной промышленности, достаточной для такой «малой» войны (заводы Испано-Суиза и др.), продовольственную базу и прочее. Численность правительственных войск значительно превосходит войска неприятеля.

Вся эта машина, все эти ресурсы разъедаются межпартийной борьбой, при которой главная энергия людей употребляется на завоевание большего авторитета и власти в стране для своей партии и дискредитирования других, а не на борьбу с фашизмом...»¹⁴.

А 22 февраля в Москву ушло следующее сообщение Орлова:

«Основная организация ПОУМ находится в Каталонии. Согласно более или менее проверенной информации, в количественном отношении она представляет следующую картину: в Барселоне имеется около 5000 человек и примерно столько же сочувствующих; в Таррагоне — около 2000 человек; в Жероне — около 1000 и примерно 3000 в других городах и населенных пунктах Каталонии. Кроме того, в Барселоне у них имеется отряд

в 2000 человек, примерно половина которых вооружены. В течение некоторого времени сотрудничество ПОУМ с Федерацией испанских анархистов принимало антисоветскую направленность, которая вызвана последним судом над троцкистами (в СССР — авторы). Центральный комитет ПОУМ находится в Барселоне, в него входят четыре человека: Нин, Андраде, Усо и Кол»¹⁵.

Поэтому неудивительно, что советские руководители, и прежде всего Сталин, развернувший в это время бескомпромиссную борьбу с Троцким и его сторонниками по всему миру, очень скоро стали относиться к ПОУМ и ее лидерам более чем враждебно. Враждебность эта возрастала по мере усиления активности в Испании сторонников Троцкого, призывавших ПОУМ к открытой борьбе с Народным фронтом. С этой целью в стране был создан Революционный фронт молодежи, молодежная организация, объединившая молодых анархистов и поумовцев, а приехавшие со всего мира лидеры небольших групп, исключенные в разное время из компартий за правые или левые уклоны, даже попытались провести в Барселоне свою объединительную конференцию. Этот вызов, брошенный Сталину в тот момент, когда советское влияние в Испании укрепилось после победы республиканской армии при Гвадалахаре, стал для Нина и его сторонников фатальным.

5 марта 1937 года лидер испанских коммунистов Х. Диас выступил на закрытом собрании исполкома компартии с обращением, в котором клеймил членов ПОУМ как «агентов фашизма, укрывшихся за якобы революционными лозунгами». Тогда же представитель Коминтерна Стефанов, советский поверенный в делах Гайкин и Орлов предложили отправить в отставку премьер-министра Л. Кабальеро, отказавшегося санкционировать чистку ПОУМ, и заменить его более сговорчивым министром финансов Х. Негрином, который поддерживал коммунистов. У Орлова были все основания требовать смещения Кабальеро. Ведь еще в декабре 1936 года от агентов, внедренных в ПОУМ, он получил

сведения, что поумовцами и анархистами готовится вооруженное выступление в Барселоне. А в начале 1937 года подтверждение этой информации пришло из берлинской резидентуры ИНО НКВД, которая получила анонимное сообщение (как впоследствии оказалось, от Х. Шульце-Бойзена, одного из будущих руководителей нелегальной резидентуры ИНО НКВД в Германии «Красная капелла»), что германские агенты проникли в троцкистские круги в Барселоне с намерением в ближайшее время организовать путч. Кроме того, у Орлова имелись сведения, что лидеры ПОУМ готовятся начать террористические акты против коммунистов. Об этом свидетельствует донесение Орлова, отправленное в Москву в начале марта 1937 года:

«В настоящее время ряд лиц утверждены ЦК ПОУМ для террористической деятельности. Для руководства молодежной организацией ПОУМ назначены, во-первых, Теодор Санс, во-вторых, Мендес, в-третьих, еще один из руководителей организации по имени Лоренсо. Все они являются опытными террористами и принимали участие в различных вооруженных рейдах. Установлено, что группа Бланко (члена ПОУМ — авторы) готовила террористический акт против Рамона Горерро, бывшего комсомольского лидера, секретаря городской ячейки города Кордовы... В этом же году 3 или 4 февраля Муэль Себастьяно, секретарь окружной комсомольской ячейки Мадрида, получил анонимное письмо, в котором ему советовали оставить этот пост, угрожая в противном случае ликвидировать его и его семью. Письмо было подписано следующим образом: «Да здравствует испанская фаланга! Да здравствует ПОУМ!»¹⁶.

И действительно, многие коммунисты, судя по всему, были убиты троцкистами или поумовцами. Среди них — наиболее популярный вожак компартии в Каталонии Антонио Сессе. 10 февраля 1938 года троцкисты убили Леона Нарвича, одного из агентов Орлова, внедренного в ПОУМ. Он родился в России, ребенком вместе с родителями эмигрировал в Литву, затем жил в

Бельгии, где вращался в кругах коммунистов-оппозиционеров. В 1935 году он действовал уже в Париже среди русских эмигрантов, а с 1936 года — в Испании в качестве капитана интербригад. Через него шло финансирование местной троцкистской газеты «Голос ленинцев». Нарвич был внедрен в ПОУМ и сыграл большую роль в разоблачении и арестах лидеров этой организации. Судя по всему, его убила та часть троцкистов, которая вышла из ПОУМ и действовала в составе самостоятельной группы так называемых «большевиком-ленинцев». Члены этой группы, возглавлявшейся Грандизо Мунисом и Адольфо Карлини, были арестованы. Один из них, датчанин Аге Кьелсе, признал свое участие в убийстве Нарвича.

Однако в марте 1937 года, несмотря на нажим советских представителей, правительство Кабальеро устояло. Но уже в мае в Каталонии произошло вооруженное выступление сторонников ПОУМ и анархистов, более известное как Барселонский мятеж. Поводом для него послужил приезд в Барселону президента Асаньи и его обращение к провинциальному совету Каталонии. На следующий день, 3 мая, воспользовавшись постановлением совета взять под контроль телефонную станцию, анархисты при активной поддержке ПОУМ подняли вооруженный мятеж против республиканского правительства Народного фронта. Буквально в одночасье начались ожесточенные бои, продолжавшиеся три дня.

Вот одно из донесений Орлова, относящееся к этому времени:

«Сегодня, 7 мая, борьба носит жестокий характер, есть много раненых и убитых. Среди убитых генеральный секретарь Всеобщего союза трудящихся Сес и тяжело ранен начальник внутренней охраны Каталонии Эскобар. Убийства совершены при входе в Генералидад (правительство Каталонии — авторы). Участие ПОУМ в путче на стороне анархистов самое активное. Троцкистские барселонские газеты от 5 мая призывали к вооруженному восстанию. По радио передавался призыв к

бедным каталонским рабочим покончить с... марксистами и мирно соединиться с войсками Франко на арагонском фронте»¹⁷.

Волнения произошли и на фронте в поумовских и анархистских частях. В итоге восстание было подавлено лишь тогда, когда в Барселону были введены части штурмовой гвардии, прибывшие из Валенсии и других мест. Прямым результатом барселонского мятежа была гибель только в одной Барселоне 350 человек при 2600 раненых. Но гораздо более тяжелыми были военно-политические последствия этой акции: срыв тщательно подготовленного наступления на Северном фронте и потеря республиканцами Басконии, подрыв международного авторитета республики, кризис Народного фронта.

Разумеется, Москва не могла не отреагировать на случившееся и приказала испанским коммунистам потребовать отставки Кабальеро и ликвидации ПОУМ. После этого состоялось заседание Политбюро компартии Испании с участием представителей Коминтерна П. Тольятти и Э. Гере, на котором требования Москвы были приняты к неукоснительному исполнению. В результате 15 мая 1937 года Кабальеро ушел в отставку, а премьер-министром стал Негрин. Негрин сразу же обвинил поумовцев и анархистов в саботаже усилий, направленных на победу в войне, после чего ПОУМ была запрещена, а ее имущество конфисковано.

Но Сталину этого показалось мало, и по всей Испании начался кровавый террор, направленный против троцкистов и ПОУМ. Орлов получил указание Центра любым путем арестовать Нина и других руководителей ПОУМ и доказать их связь с Франко и немецкими фашистами. Выполняя приказ Москвы, Орлов, воспользовавшись тем, что недавно были разоблачены агенты нелегальной франкистской резидентуры в Мадриде, передал правительству Негрина сфальсифицированные документы, подготовленные с участием двух сотрудников испанской тайной полиции — А. Кастилья и Х. Хименеса.

Из этих документов следовало, что Нин и его сторонники сотрудничали с организацией «Испанская фаланга», а через нее с Франко и Германией. Эта операция была тщательно спланирована, о чем свидетельствует донесение Орлова в Москву от 23 мая 1937 года:

«Ввиду того, что это дело (разоблачение франкистской нелегальной резидентуры в Мадриде — авторы), по которому подавляющее большинство созналось, произвело серьезное впечатление на военные и правительственные круги и что это дело крепко документировано и обосновано полным сознанием обвиняемых, я решил использовать значимость и бесспорность дела для того, чтобы вовлечь в него руководство ПОУМ (связи которого мы действительно ищем при ведении следствия).

Мы составили прилагаемый документ, изобличающий руководство ПОУМ в сотрудничестве с организацией «Испанская фаланга» и через нее с Франко и Германией. Содержание этого документа мы зашифруем имеющимся в нашем распоряжении шифром Франко и напишем на обороте захваченного у организации плана расположения наших огневых точек в Каса дель Кампо. Этот шпионский документ об огневых точках прошел через пять рук. Все пятеро фашистов сознались в передаче документа друг другу для переотправки Франко. На другом захваченном документе мы напишем симпатическими чернилами несколько строчек безразличного содержания, и с этим документом начнем совместно с испанцами обнаруживать, нет ли на документах тайнописи. На этом документе мы испробуем несколько проявителей. Особый проявитель проявит эти несколько слов или строчек. Тогда этим проявителем мы начнем пробовать все другие документы и таким образом выявим составленное нами письмо, изобличающее руководство ПОУМ. Испанец, начальник контрразведывательного отдела, немедленно выедет в Валенсию в шифротдел военного министерства для расшифровки письма. Шифротдел, по нашим данным, располагает этим шифром Франко. Если даже при этом отдел почему-либо письма не

расшифрует, то мы «потратим пару дней» и расшифруем письмо.

Ждем от этого дела большого эффекта. После той роли, которую ПОУМ сыграл в Барселонском восстании, изобличение прямой связи одного из его руководителей с Франко должно содействовать принятию правительством ряда административных мер против испанских троцкистов и полностью дискредитировать ПОУМ как германо-франковскую организацию»¹⁸.

Предположения Орлова полностью оправдались. 16 июня 1937 года Нин и 40 других руководителей ПОУМ по приказу Негрина были арестованы, их милицейские батальоны расформированы, газета «Баталия» закрыта, а штаб-квартира ПОУМ в барселонском отеле «Фалькон» занята республиканскими войсками, действующими по приказу генерального директора безопасности полковника А. Ортеги.

17 июля Нин и другие лидеры ПОУМ были отправлены в тюрьму города Алькала-де-Энарес, где они подверглись интенсивным допросам с целью добиться признания в шпионской деятельности. Допросы вели Орлов и представитель Коминтерна В. Видали. Однако Нин категорически отрицал свою связь с фашистами, и тогда его подвергли пыткам. По воспоминанию Х. Горкина, одного из видных деятелей ПОУМ, чудом оставшегося в живых, через несколько дней пыток лицо Нина «представляло собой бесформенную массу». Но и тогда у него не удалось добиться никаких признаний.

Поскольку Нин так и не сделал признаний, необходимых для организации публичного процесса, а выпустить его на свободу было невозможно, Москва приняла решение о его ликвидации. Операцию «Николай» (так окрестили ликвидацию Нина) провел лично Орлов, которому помогали 3 испанца и агент НКВД «Юзик» — И. Григулевич, позднее ставший одним из самых успешных советских разведчиков-нелегалов. Сохранился отчет Орлова о проведении операции, написанный 24 июля 1937 года, в котором, в частности, говорится:

«Об участниках дела «Николая». Основные участники это — 1) Л. и 2) А. Ф.

И. М. был самым косвенным пособником. Когда он приносил кушать в арестное помещение и ему открывали ворота, наши люди прошли во двор... Полтавский должен был вам сообщить из Парижа о выезде к вам последнего участника операции — Юзика... Он служил мне переводчиком по этому делу, был со мной в машине у самого помещения, из которого мы вывозили объекта... Его значком полицейского мы избавлялись от слишком внимательного осмотра машин со стороны дорожных патрулей, когда мы вывозили груз»¹⁹.

Нин был расстрелян у отметки «17-й километр» на шоссе около Алькала-де-Энарес и захоронен в поле в ста метрах от дороги. А на вопросы о его местонахождении министерство юстиции республиканского правительства дало 5 апреля 1938 года следующий ответ:

«После надлежащего расследования выяснилось, что г-н Нин вместе с другими руководителями ПОУМ был арестован полицией Сегуридад, его перевели в Мадрид и заключили в предварительную тюрьму, специально подготовленную комиссаром мадридской полиции. Из этой тюрьмы он исчез, и до сих пор все, что было сделано, чтобы найти его и его охрану, оказалось безрезультатным»²⁰.

В архиве НКВД сохранилась и такая записка, явно раскрывающая обстоятельства убийства Нина: «Н. из Алкала де Энарес в направлении Перане де Тахунья, на полпути, в ста метрах от дороги, в поле. «Бом», «Швед», «Юзик», два испанца. Водитель «Пьера». «Виктор»²¹.

Что касается Троцкого, то он отозвался на исчезновение Нина статьей «Убийство Андрея Нина агентами Г.П.У.», опубликованной в «Бюллетене оппозиции» за № 58—59, в которой писал:

«Когда Андрей Нин, руководитель ПОУМ'а был арестован в Барселоне, не могло быть ни малейшего сомнения в том, что агенты ГПУ не выпустят его живым.

Намерения Сталина раскрылись с исключительной ясностью, когда ГПУ, которое держит в своих когтях испанскую полицию, опубликовало заявление, в котором Нин и все руководство ПОУМ'а обвиняются в том, что они являются «агентами» Франко.

Вздорность этого обвинения ясна всякому, кому известны хотя бы самые простые факты испанской революции. Члены ПОУМ'а героически боролись против фашистов на всех фронтах Испании. Нин — старый и неподкупный революционер. Он защищал интересы испанского и каталонского народов против агентов советской бюрократии. Именно поэтому ГПУ избавилось от него при помощи хорошо подготовленного «рейда» на барселонскую тюрьму. О том, какую роль сыграли в этом деле официальные испанские власти, можно только делать предположения...».

Следует отметить, что Нин был не единственным, в отношении которого в Испании была проведена «литерная операция» (так тогда в НКВД называли тайную ликвидацию неугодных лиц). Так, еще во время майских событий 1937 года в Барселоне под шумок был убит лидер радикального крыла анархистов итальянец Камилло Бернелли. Тогда же был убит руководитель молодежной организации анархистов Каталонии Альфредо Мартинес. Он считался особо опасным оппозиционером, так как создал в Каталонии Фронт молодых революционеров, объединяющий молодежные организации анархистов, ПОУМ и социалистов. Такое объединение, при котором коммунисты оказывались изолированными, было чревато большими опасностями.

Еще раньше, в апреле 1937 года из своего отеля в Барселоне бесследно исчез журналист Марк Рейн, сын известного меньшевика Абрамовича. Рейн представлял в Испании несколько левых шведских и французских изданий. Он был антикоммунистом и сочувствовал испанским «левакам». Другом Рейна был будущий канцлер Германии Вилли Брандт, на которого «исчезновение» Рейна произвело большое впечатление.

2 августа 1937 года исчез еще один из эмиссаров Троцкого, выходец из Чехословакии Ганс Фройнд (кличка «Мулен»). Фройнд вел большую работу среди членов ПОУМ и радикальных анархистов, стремясь склонить их к троцкизму.

13 сентября того же года после официального освобождения из тюрьмы исчез личный представитель Троцкого в Испании Эрвин Вольф. Вольф был одним из ближайших помощников Троцкого и прибыл в Испанию со специальной миссией. Через него Троцкий передавал инструкции своим испанским сторонникам.

В числе «исчезнувших» оказался и австрийский троцкист Курт Ландау, занимавший руководящие позиции в международном секретариате ПОУМ. С 23 сентября 1937 года о нем не было никаких вестей. А вот что писал в Москву о «деле Ландау» Орлов (на чекистском жаргоне эти ликвидации назывались «литерными делами»):

«Литерное дело Курта Ландау оказалось наиболее трудным из всех предыдущих. Он находится в глубоком подполье, и, несмотря на то что мы уже больше десяти дней ведем неусыпное наблюдение за видной анархисткой, которая, по ее же заявлению нашему источнику, является его связисткой и видится с ним ежедневно, мы его обнаружить не смогли еще»²².

Загадочная смерть Льва Седова

В середине 1937 года деятельность НКВД по уничтожению троцкистов была перенесена во Францию. Дело в том, что 17 июля 1937 года нелегальный резидент ИНО НКВД в Европе Н. Рейсс (Игнатий Порецкий) отослал в Москву письмо, в котором сообщал, что порывает с советской разведкой и присоединяется к IV Интернационалу, организацией первого съезда которого занимался в это время Седов. Подобное заявление стоило Рейссу головы. Его выследили в Швейцарии, и 4 сентября 1937 года он был расстрелян на дороге близ Лозанны

агентами НКВД. Следующим на очереди был сын Троцкого Лев Седов.

Вечером 8 февраля 1938 года у Седова резко обострились боли в аппендиксе. Операцию, с которой он так долго тянул, откладывать больше было нельзя. Поддавшись уговорам Зборовского, он ложится в небольшую частную парижскую клинику русских врачей-эмигрантов под именем месье Мартена, французского инженера. При этом о его местонахождении не знал никто, кроме его жены Жанны. Седов был прооперирован в тот же вечер и в последующие дни быстро шел на поправку. Но через четыре дня у него внезапно наступило ухудшение. В ночь на 13 февраля его видели идущим полуголым в лихорадочном состоянии по коридорам и палатам. Утром следующего дня состояние пациента было столь ужасным, что вызвало удивление у оперировавшего его врача. Его прооперировали еще раз, но улучшения не последовало, и 16 февраля 1938 года в возрасте 32 лет Седов скончался. По поводу смерти Седова в заявлении Международного секретариата IV Интернационала сообщалось:

«Лев Седов, наш товарищ Седов, сын Льва Троцкого, умер в среду 16 февраля в 11 часов 30 минут утра. Перевезенный за несколько дней до этого в больницу, где его подвергли операции («заворот кишок»), наш несчастный товарищ скончался от инфекции. Такова версия врачей».

Похоронили Седова на парижском кладбище Пер-Лашез в присутствии почти двух тысяч человек.

Французская полиция, проведя расследование, опираясь на заключение врачей, сочла, что его смерть наступила в результате послеоперационных осложнений, вызванных слабой сопротивляемостью организма, непроходимостью кишечника и падением сердечной деятельности. Но откуда полиции было знать об агенте НКВД Зборовском, уговорившем Седова лечь на операцию именно в русскую клинику, которая, вполне вероятно, принадлежала «Обществу репатриации русских эмигран-

тов», и о группе Серебрянского, которая занималась ликвидацией неугодных лиц с помощью медикаментозных средств.

Правда, официально в СССР всегда отвергали причастность НКВД к смерти Седова. С одной стороны, это подтверждается и протоколом допроса Шпигельглаза, где, в частности, есть и такие его показания:

«В первой половине 1938 года в Париже естественной смертью умер Седов. Я позвонил об этом Ежову. Он ответил: «Зайдите», и когда он прочел телеграмму, сказал: «Хорошая операция. Вот здорово мы его, а?»²³.

Я ничего ему не ответил, но не сомневаюсь, что он доложил в ЦК о том, что Седова убрали мы, т. к. через пару дней я зашел к бывшему начальнику Третьего отдела Минаеву, где *был* и Пассов. Минаев задал мне вопрос: «Как это вы разделались с Седовым?».

Небезызвестный Судоплатов, руководивший в 1939—1940 годах операцией по ликвидации Троцкого, в своих мемуарах также не говорит ничего конкретного о внезапной смерти Седова. «Доподлинно известно, — пишет он, — лишь то, что Седов умер в Париже, но ни в его досье, ни в материалах по троцкистскому интернационалу я не нашел никаких свидетельств, что это было убийство. Если бы Седова убили, то кто-то должен был бы получить правительственную награду или мог на нее претендовать. В то время, о котором идет речь, было много обвинений в адрес разведслужбы, которая якобы приписывала себе несуществующие лавры за устранение видных троцкистов, однако никаких подробностей или примеров не приводилось. Принято считать, что Седов пал жертвой операции, проводившейся НКВД»²⁴.

Однако то обстоятельство, что на допросах Шпигельглаз отрицал причастность разведки к убийству Седова, ни о чем не говорит. Эта операция была проведена, скорее всего, силами группы Серебрянского, которая подчинялась непосредственно наркому внутренних дел. А в пользу того, что Седов был убит, говорит следующий факт.

В 1937 году, после того как в Москве стало известно, что Седов приступил по указанию Троцкого к работе по организации первого съезда IV Интернационала, который должен был открыться летом 1938 года в Париже, НКВД получил указание похитить Седова. Проведение данной операции было поручено Серебрянскому. «В 1937 году, — писал Серебрянский позднее, — я получил задание доставить «Сынка» в Москву... Задание было о бесследном исчезновении «Сынка» без шума и доставке его живым в Москву»²⁵.

План похищения Седова был детально разработан. Были уточнены все его маршруты перемещения по Парижу, на месте предполагаемого похищения несколько раз проводилась репетиция захвата. Для доставки Седова в СССР было разработано два варианта. Согласно первому — переправить Седова в Москву предполагалось морем. С этой целью в середине 1937 года было приобретено небольшое рыболовецкое судно, а на окраине одного из северных портов Франции снят домик, где поселилась семейная пара агентов. По второму варианту Седова намечалось доставить в СССР по воздуху. С этой целью сотрудниками группы Серебрянского был куплен самолет, а надежный агент-летчик стал готовиться к спортивному перелету по маршруту Париж — Токио. В результате тренировок ему удалось довести время беспосадочного нахождения в воздухе до 12 часов, что позволяло при любых погодных условиях долететь до Киева. Всего в подготовке операции участвовало семь сотрудников Особой группы, в том числе и жена Серебрянского.

А раз операция была тщательно спланирована, то ничто не могло помешать людям Серебрянского убить Седова, если из Москвы поступил новый приказ: не похищать сына Троцкого, а ликвидировать его.

И еще одно обстоятельство. 26 ноября 1992 года французский журнал «L'Evenement de jeudi» опубликовал статью под заголовком «Бывшие сотрудники КГБ свидетельствуют», представляющую собой интервью, которое взял французский журналист Паскаль Кропа у двух быв-

ших сотрудников КГБ И. Прелина и Е. Соловьева. На вопрос Кропа о том, был ли убит сын Троцкого, И. Прелин, представившийся как член некой ассоциации ветеранов советских спецслужб, председателем которой является бывший генерал КГБ Федоров, ответил:

«Его (то есть Седова — авторы) убили. Генерал Судоплатов подтвердил это перед камерой...».

Следующим объектом НКВД среди троцкистов, предназначенным для ликвидации, стал немец Рудольф Клемент, бывший секретарь Троцкого в Барбизоне, руководивший после смерти Седова подготовкой к учредительному съезду троцкистского IV Интернационала. 13 июля 1938 года, в самый разгар своей деятельности, будущий секретарь будущего IV Интернационала таинственно исчез из своего дома в Париже. Две недели спустя Троцкий получил письмо, якобы написанное Клементом, в котором тот обвинял его в сотрудничестве с Гитлером и ряде других вымышленных преступлений. Троцкий письму не поверил и счел его фальсификацией НКВД. А еще через некоторое время в Сене был выловлен обезглавленный труп, в котором знавшие Клемента люди опознали его по характерным шрамам на кистях рук.

Как утверждал Судоплатов, Клемента ликвидировал сотрудник НКВД Александр Коротков. А произошло это так. Молодой агент НКВД Эйл Таубман, выходец из Литвы, проходивший в ИНО под псевдонимом «Юнец», сумел войти к Клементу в доверие и в течение полутора лет работал его помощником. Вечером 13 июля 1938 года, после того как в Москве было принято решение о ликвидации Клемента, Таубман предложил ему поужинать со своими друзьями и привел его на квартиру на бульваре Сен-Мишель, где уже находились Коротков и некий агент-турок, бывший офицер турецкой армии. Этот турок и заколол Клемента ножом, после чего его тело положили в чемодан, а затем выбросили в Сену. Когда же обезглавленный труп был найден и опознан французской полицией по характерным шрамам, Таубман, Коротков и турок уже находились далеко от Парижа.

Участие Таубмана и турка в ликвидации Клементы было отмечено руководством НКВД. Таубман сменил фамилию на «Семенов» и был послан на учебу в Институт химического машиностроения. Позднее он перешел на службу в органы госбезопасности. Турок же стал «хозяином» явочной квартиры в Москве.

Охота на Троцкого

Впрочем, несмотря на то что многочисленные сторонники троцкизма как в СССР, так и за рубежом были к 1938 году ликвидированы, главной целью НКВД оставался сам Троцкий.

Будучи депортированным из Норвегии, Троцкий вместе с женой Натальей Ивановной и внуком Севой 9 января 1937 года прибыл в мексиканский порт Тампико, где ему была устроена торжественная встреча. Затем специальный поезд доставил его в Мехико, где он первое время жил на вилле симпатизирующего ему всемирно известного мастера настенной живописи Диего Риверы. Но вскоре в целях безопасности Троцкий арендовал, а потом и купил большой дом в предместье мексиканской столицы Койоакане на улице Вены. Дом был капитально отремонтирован, его обнесли высокой стеной со сторожевыми площадками. После этого все, кто желал посетить Троцкого в его «крепости», должны были проходить через железные ворота под бдительным оком охранников, американских троцкистов.

Однако и здесь, в этом, как казалось, надежном убежище скоро обосновались агенты НКВД. Согласно разработанному Шпигельглазом плану, уже в начале 1938 года в секретариат Троцкого была внедрена испанка Мария де Лас Эрас Африка («Патрия»). Она начала сотрудничать с советской разведкой в Испании в 1937 году. Женщина легендарной судьбы, Африка после возвращения в 1939 году в Москву была зачислена в штат ИНО НКВД. Во время Великой Отечественной войны

Мария де Лас Эрас была радисткой в партизанском отряде Д. Медведева, а потом много лет находилась на нелегальной работе за границей, в частности в Латинской Америке, а потом в США, где одно время входила в нелегальную резидентуру небезызвестного В. Фишера (Р. Абеля). В СССР она вернулась лишь в 1967 году и, отойдя от активной разведывательной работы, занималась подготовкой молодых нелегалов. Умерла полковник Африка в 1988 году.

Кроме «Патрии» Шпигельглаз направил в Мексику еще двух агентов — Иосифа Григулевича («Фелипе»), участвовавшего в ликвидации лидера испанских троцкистов А. Нина, и испанца Виторио Видали («Марио»). В апреле 1938 года они на пароходе отплыли из Новороссийска в США, где установили связь с нью-йоркской резидентурой, которой руководил П. Д. Гутцайт. В июне Григулевич переправился в Мексику, а спустя некоторое время за ним последовал и Видали. Перед этим они получили от Гутцайта деньги, документы, условия связи и задание — закрепиться в Мексике, ознакомиться с ситуацией в стране и ждать контакта с представителем Москвы.

Была также предпринята попытка пристроить к Троцкому и Зборовского, чье положение после смерти Седова уже не устраивало Центр. В апреле 1938 года из Москвы в Париж прибыл специальный представитель НКВД «Вест», который на месте должен был решить, как использовать «Тюльпана». Прибыв на место, «Вест» первым делом послал шифровку Шпигельглазу: «Дор. Дуглас (псевдоним Шпигельглаза — авторы), приехал, устроился. Все в порядке...». А чуть позже, ознакомившись со сложившимся положением, «Вест» послал в Москву обстоятельный отчет. В нем он сообщил, что после смерти Седова положение Зборовского стало трудным и что наибольшая опасность для него исходит от Л. Эстрин («Соседки»), которую «Тюльпан» недооценивает. Ко всему прочему, отмечалось в шифровке, Зборовский «очень ленив по природе». Далее «Вест»

предлагал использовать Зборовского для получения информации о троцкистах в Европе, для чего ему следовало сосредоточиться на работе с «Бюллетенем оппозиции», и для оказания нужного НКВД влияния в русской секции IV Интернационала²⁶.

Но в Москве решили использовать Зборовского для проникновения к Троцкому. С этой целью Зборовский написал ему письмо. Однако секретарь Троцкого Ван оставил его без ответа. После этого разочарованный «Вест» шлет Шпигельглазу очередную шифровку, в которой предлагает в случае, если не удастся внедрить в охрану Троцкого Зборовского, направить в Мексику через Международный секретариат «пару-тройку немец-троцкистов», которые «нам могут оказаться очень ценными в будущем и в ином отношении...». Но идеям «Веста» так и не суждено было сбыться — ни Зборовский, ни немцы-троцкисты в Мексику к моменту убийства Троцкого так и не попали.

Кроме этих агентов в начале 1938 года во Францию для внедрения к троцкистам были направлены из Испании Кариад Меркадер и ее сын Рамон, сыгравший главную роль в убийстве Троцкого. (О них мы расскажем чуть позже.)

Но совершенно неожиданно все усилия Шпигельглаза пошли прахом. Дело в том, что в июле 1938 года бежал в США резидент ИНО в Испании Орлов, которому были известны некоторые детали готовящейся операции по ликвидации Троцкого. Более того, 27 декабря 1938 года он отправил Троцкому письмо, в котором предупреждал о готовящемся на него покушении. В этом письме, написанном от имени некоего американца Штейна, родственника бежавшего 13 июня 1938 года в Маньчжурию к японцам начальника Дальневосточного управления НКВД комиссара госбезопасности 3-го ранга Г. Люшкова, говорилось, что среди членов парижской организации троцкистов есть агент НКВД. Л. Эстрин, находившаяся в то время у Троцкого, вспоминала об этом письме следующее:

«Штейн имел якобы свидания с Люшковым до того, как тот оказался в Японии. Люшков вроде бы просил предупредить об угрозе, нависшей над «Стариком» (Троцким — авторы), и прежде всего от человека, которого зовут «Марком». Фамилию «Марка» Люшков не помнит»²⁷.

Далее в письме следовали точные приметы Зборовского и следующие подробности: «Марк» женат, носит очки, у него маленький ребенок. Штейн настойчиво советовал Троцкому не доверять никому, кто явится к нему с рекомендацией от «Марка», и предупреждал, что на него готовится покушение, которое совершит либо приехавший из Парижа «Марк», либо некий испанец, выдающий себя за троцкиста. Заканчивая письмо, Штейн предлагал Троцкому дать объявление в местной газете, по которому он мог узнать, что его послание получено.

Троцкий предложение Штейна принял и поместил в газете следующее объявление: «Ваше письмо получено и принято к сведению. Прошу явиться для личных переговоров». Однако Орлов-Штейн так к Троцкому и не приехал, после чего тот посчитал письмо провокацией и не изменил своего отношения к Зборовскому.

В Москве об анонимном письме Троцкому узнали из следующего донесения парижской резидентуры ИНО от 25 июня 1939 года:

«21 июня 1939 года «Соседка» (псевдоним Эстриной в НКВД — авторы) возвратилась из Америки. В тот же день «Тюльпан» встретился с ней в присутствии Эльзы и Гершуни. Она рассказала, что «Старик» прежде всего расспрашивал ее о «Тюльпане». Он сообщил ей, что на «Тюльпана» получен донос, написанный в двух экземплярах: один получен заказным, а другой — простым письмом. Автор доноса якобы родственник Люшкова, живет в Сан-Франциско, подписался фамилией «Штейн». Штейн имел якобы свидание с Люшковым, когда тот сбежал в Японию. Люшков передал Штейну ряд данных о работе советской разведки за границей и просил Штейна предупредить «Старика» о том, что среди них сидит

предатель по кличке «Марк», ходит в очках и имеет ребенка одного года. До 1938 года «Марк» работал с Николаевым и появился неизвестно откуда. Штейн сообщил, что «Марк» будто бы был членом Польской КП, но это не проверено. Фамилии «Марка» Люшков не помнит. «Марк» был тенью «Сынка», сообщал ГПУ материалы, крал троцкистский архив. Штейн просил «Старика» не доверять никому, кто явится к нему с рекомендациями от «Марка». ²⁸

Узнав о письме Штейна-Орлова, Шпигельглаз был вынужден срочно отозвать из Мексики «Патрию», «Фелипе» и «Марио», а проведение самой операции временно «заморозить». Де Лас Эрас Африка и Григулевич сумели выполнить приказ и благополучно покинули Мексику. А вот Видали не повезло — при пересечении мексиканско-американской границы из-за небрежно оформленных документов его арестовали. Впрочем, в скором времени усилиями нью-йоркской резидентуры он был освобожден и выдворен обратно в Мексику.

Однако решение «заморозить» операцию по ликвидации Троцкого оказалось для Шпигельглаза роковым. Сталин не простил ему невыполнение своего приказа. Как рассказывал Д. Волкогонову Судоплатов, Шпигельглаз «не выполнил задания по ликвидации Троцкого. Тогда такого простить не могли». В результате в ноябре 1938 года Шпигельглаз был арестован и 12 февраля 1940 года расстрелян. Кроме того, был отозван из Нью-Йорка и арестован Гутцайт, координировавший из США операцию по ликвидации Троцкого.

После ареста Шпигельглаза перед новым наркомом НКВД Л. Берия встал вопрос — кому поручить выполнение задания Сталина по ликвидации Троцкого, которое «вождь народов» и не думал отменять. Выбор Берия пал на Судоплатова, ожидавшего в это время назначенного на начало 1939 года партсобрания, на котором его должны были исключить из партии, и неизбежного после этого ареста. По его словам, он тогда каждый день являлся на работу, но ничего не делал. Остановли-

ваемся на этом моменте специально, чтобы подчеркнуть то обстоятельство, что к операции по ликвидации Троцкого Судоплатов был привлечен лишь в начале 1939 года после ареста ее предыдущего руководителя Шпигельглаза.

По воспоминаниям Судоплатова, в конце января или начале февраля Берия вызвал его в свой кабинет, упрекнул в том, что он ничего не делает, после чего приказал сопровождать его на важную встречу. И только когда машина Берия въехала через Спасские ворота в Кремль, Судоплатов понял, что его примет Сталин. Об этой аудиенции Судоплатов подробно рассказал в своих воспоминаниях:

«При нашем появлении Сталин поднялся из-за стола. Стоя посередине кабинета, мы обменялись рукопожатиями, и он жестом пригласил нас сесть за длинный стол, покрытый зеленым сукном. Рабочий стол самого Сталина находился совсем рядом в углу кабинета...

Берия Сталин выслушал с большим вниманием.

— Товарищ Сталин, — обратился тот к нему, — по указанию партии мы разоблачили бывшее руководство закордонной разведки НКВД и сорвали их вероломную попытку обмануть правительство. Мы вносим предложение назначить товарища Судоплатова заместителем начальника разведки НКВД, с тем чтобы помочь молодым партийным кадрам, мобилизованным на работу в органах, справиться с выполнением заданий правительства...

По словам Берия, закордонная разведка в современных условиях должна изменить главные направления своей работы. Ее основной задачей должна стать не борьба с эмиграцией, а подготовка резидентур к войне в Европе и на Дальнем Востоке. Гораздо большую роль, считал он, будут играть наши агенты влияния, то есть люди из деловых и правительственных кругов Запада и Японии, которые имеют выход на руководство этих стран и могут быть использованы для достижения наших целей во внешней политике. Таких людей следовало искать среди деятелей либерального движения, терпимо относя-

щихся к коммунистам. Между тем, по мнению Берия, левое движение находилось в состоянии серьезного разброда из-за попыток троцкистов подчинить его себе. Тем самым Троцкий и его сторонники бросали серьезный вызов Советскому Союзу. Они стремились лишить СССР позиции лидера мирового коммунистического движения. Берия предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом и назначить меня ответственным за проведение этих операций. В заключение он сказал, что именно с этой целью и выдвигалась моя кандидатура на должность заместителя начальника Иностранного отдела, которым руководил Деканозов. Моя задача состояла в том, чтобы, используя все возможности НКВД, ликвидировать Троцкого.

Возникла пауза. Разговор продолжил Сталин.

— В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена.

Он снова занял свое место напротив нас и начал неторопливо высказывать неудовлетворенность тем, как ведутся разведывательные операции. По его мнению, в них отсутствовала должная активность. Он подчеркнул, что устранение Троцкого в 1937 году поручалось Шпигельгаузу, однако тот провалил важное правительственное задание.

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

— Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем разгорится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не сможем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну.

У нас нет исторического опыта построения мощной индустриальной и военной державы одновременно с ук-

реплением диктатуры пролетариата, — продолжил Сталин, и после оценки международной обстановки и предстоящей войны в Европе он перешел к вопросу, непосредственно касавшемуся меня. Мне надлежало возглавить группу боевиков для проведения операции по ликвидации Троцкого, находящегося в это время в изгнании в Мексике. Сталин явно предпочитал обтекаемые слова вроде «акция» (вместо «ликвидация»), заметив при этом, что в случае успеха акции «партия никогда не забудет тех, кто в ней участвовал, и позаботится не только о них самих, но и обо всех членах их семей».

Когда я попытался возразить, что не вполне подхожу для выполнения этого задания в Мексике, поскольку совершенно не владею испанским языком, Сталин никак не прореагировал.

Я попросил разрешения привлечь к делу ветеранов диверсионных операций в гражданской войне в Испании.

— Это ваша обязанность и партийный долг находить и отбирать подходящих и надежных людей. Вам будет оказана любая помощь и поддержка. Докладывайте непосредственно товарищу Берия и никому больше, но помните: вся ответственность за выполнение этой акции лежит на вас. Вы лично обязаны провести всю подготовительную работу и лично отправить специальную группу из Европы в Мексику. ЦК санкционирует предоставлять всю отчетность по операции исключительно в рукописном виде.

Аудиенция закончилась, мы попрощались и вышли из кабинета. После встречи со Сталиным я был немедленно назначен заместителем начальника разведки. Мне был выделен кабинет на седьмом этаже главного здания Лубянки под номером 775 — когда-то его занимал Шпигельглас»²⁹.

Получив указания Сталина, Судоплатов немедленно приступил к разработке плана операции по ликвидации Троцкого, который получил название «Утка». Ведущая роль в ней отводилась опытному разведчику Науму Эй-

тингону. Первоначально план состоял в том, чтобы использовать для убийства Троцкого агентуру, завербованную Эйтингоном среди троцкистов в Западной Европе, и в особенности в Испании. Однако Эйтингон настоял на том, чтобы использовать в операции только тех агентов в Западной Европе, Латинской Америке и США, которые никогда не участвовали ни в каких действиях против Троцкого и его сторонников. В ходе разработки операции ее участники внимательно ознакомились с докладами прибывших в Москву де Лас Эрас Африки и Григулевича, в которых сообщались подробные сведения о системе внутренней и внешней охраны дома Троцкого, о порядке допуска туда посетителей и других важных подробностях жизни объекта «Утка». Кроме того, они выяснили, что Григулевич в нарушение данной ему инструкции начал, как он заявил, под свою личную ответственность искать людей для использования в «специальных целях». Для этого он установил контакты с некоторыми влиятельными лицами левой ориентации, обладавшими широкими связями в различных общественных сферах. Одним из таких людей был известный мексиканский художник Давид Альфаро Сикейрос, воевавший в Испании на стороне республиканцев и командовавший в чине подполковника 82-й бригадой.

Итогом работы Судоплатова и Эйтингона стал датированный 9 июля 1939 года «План агентурно-оперативных мероприятий по делу «Утка», который был доложен Сталину и одобрен им в начале августа 1939 года. В «Плане» говорилось следующее:

«В результате просмотра всех материалов, имевшихся в 5-м отделе ГУГБ по «разработке и подготовке ликвидации «Утки», установлено, что привлекавшиеся по этому делу люди использованы быть не могут.

Настоящий план предусматривает привлечение новых людей и будет построен на новой основе.

Цель: ликвидация «Утки».

Методы: агентурно-оперативная разработка, активная группа.

• Средства: отравление пищи, воды, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар — удушение, кинжал, удар по голове, выстрел. Возможно вооруженное нападение группы.

Люди: организатор и руководитель на месте «Том» (Эйтингон — авторы).

Вместе с «Томом» в страну выезжают «Мать» и «Раймонд» (Каридад и Рамон Меркадеры — авторы)...».

Далее в плане в общей форме определялись способы изучения ближайшего окружения и обстановки вокруг жилого дома Троцкого и прилагалась смета расходов — 31 тысяча американских долларов на 6 месяцев.

План подписали начальник ИНО П. Фитин, его заместитель П. Судоплатов и Н. Эйтингон, но без упоминания их должностей и воинских званий. На последнем листе данного документа есть и такая пометка: «Отп. в 1 экз. Печатал Судоплатов»³⁰.

Здесь надо немного отвлечься и рассказать, кем были «Мать» и «Раймонд», которым в планах Судоплатова отводилась главная роль.

Каридад Меркадер (в девичестве дель Рио) родилась в 1882 году в Сантьяго-де-Куба. Она была дочерью местного губернатора, либерала и вольнодумца — он первым издал указ об освобождении чернокожих рабов. Благодаря этому он мог бы до конца дней своих жить на Кубе в полном довольстве — его бы уважали и чтили. Но семья была испанская по происхождению и отбыла на родину в начале XX века. Каридад училась в хорошей школе, занималась верховой ездой, отличаясь отвагой и ловкостью. К ней многие сватались. Счастливым ее избранником стал Пабло Меркадер Марино, наследник владельца текстильной фабрики из Бадалона (округ Барселоны). Он нежно любил свою супругу, и она, судя по всему, платила ему взаимностью. У них родились четверо сыновей — Пабло, Рамон, Хорхе, Луис — и дочь Монсеррат. Но вскоре Каридад увлеклась идеями эмансипации и прав женщин и, как следствие этого, стала заниматься политикой.

В итоге Каридад сблизилась с анархистами. Не испытывая недостатка в средствах, она высказывала протесты против «эксплуататорских классов», вряд ли в то время задумываясь, как бы ей понравилось жить без ежегодных доходов своего мужа. Муж пытался образумить красавицу жену, но он был слишком мягок и добр, чтобы резко осадить бунтарку, и дело кончилось помещением Каридад в психиатрическую клинику.

Однако через некоторое время Каридад вновь оказывается на свободе. Бросив мужа и уехав во Францию вместе с детьми, получив при этом приличное содержание, она попыталась завести свою ферму. Но работа на земле у нее не удалась. Тогда она купила в Тулузе небольшой ресторан и вновь попыталась начать свой бизнес. Однако и ресторанный бизнес у нее рухнул. Причем, очевидно, на этот раз урон был настолько серьезен, что у несостоявшейся бизнесменши возникло желание покончить с собой.

Поняв, что на ниве предпринимательства ей успехов не достичь, Каридад вновь обратилась к политике и в скором времени вступила в Компартию Франции. В 1934 году она участвовала в восстании в Барселоне, а с 1936 года — в гражданской войне. В 1937 году на нее обратил внимание Эйтингон, в то время заместитель резидента ИНО в Испании, и с этого времени начинается ее длительный путь сотрудничества с советской разведкой.

Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес, второй сын Каридад, родился 7 февраля 1914 года в Барселоне. Когда Рамону было 5 лет, родители разошлись, и его мать с пятью детьми обосновалась в Париже. Будучи, как уже говорилось, женщиной увлекающейся и придерживающейся левых взглядов, она воспитала детей в том же духе. Рамон очень рано включился в революционное движение, а в июле 1936 года, после начала гражданской войны в Испании, Рамон вместе с братьями Пабло и Хорхе отправляется на фронт защищать республику. Старший, Пабло, командир бригады, вскоре погибает в боях

под Мадридом, а Рамон, раненный в плечо, после госпиталя назначается комиссаром XVII объединения Арагонского фронта. Там в его жизни происходит крутой поворот — на него обращают внимание сотрудники резидентуры НКВД в Испании. Резидент ИНО Орлов посчитал, что молодой и глубоко верующий в торжество коммунизма испанец вполне может стать прекрасным агентом, и с февраля 1937 года Рамон становится советским агентом.

Осенью 1938 года Меркадера направляют в Париж с задачей проникнуть в ряды американских троцкистов. В сентябре он с помощью агента НКВД Руби Вайль, позже ставшей секретарем Л. Буденца, главного редактора газеты Компартии США «Дейли Уоркер», знакомится с гражданкой США Силвией Аджеллофф, психологом по профессии и троцкисткой по убеждению. Ее старшая сестра Рут довольно часто исполняла обязанности секретаря при Троцком, а Силвия иногда помогала ей. В данный же момент Силвия принимала участие в подготовке учредительной конференции IV Интернационала, выполняя обязанности переводчика. Вайль представила Меркадера Силвии как Жака Морнара, состоятельного молодого человека, сына бельгийского дипломата, в настоящее время работающего спортивным фотокорреспондентом одного бельгийского пресс-агентства. 28-летняя Силвия, не блещущая красотой, благосклонно приняла ухаживания Меркадера. Между молодыми людьми очень быстро завязался легкий роман, но дальше этого дело не пошло. И поэтому, когда в феврале 1939 года Силвия отправилась домой, в Нью-Йорк, Меркадер остался в Париже.

Тем временем в Москве разработка плана по ликвидации Троцкого была завершена, и было решено создать две независимые друг от друга оперативные группы — «Мать» под руководством Каридад и «Конь», во главе с Сикейросом. После доклада о ходе подготовки операции Берия, тот решил, что Судоплатов должен лично вместе с Эйтингоном выехать во Францию, чтобы на месте

оценить группу «Мать», направляемую в Мексику. В июне 1939 года Судоплатов и Эйтингон по специально подготовленным фальшивым документам выехали в Париж по маршруту Москва — Одесса — Афины — Марсель — Париж. Там они провели тщательный инструктаж Меркадера, после чего тот 1 сентября 1939 года с документами на имя канадского гражданина Фрэнка Джексона через Италию направился в Нью-Йорк, где должен был вновь сблизиться с Силвией и через нее выйти на Троцкого.

А вот с отправкой в Мексику Эйтингона возникли проблемы. В связи с началом Второй мировой войны во Франции был ужесточен внутренний режим, и канадский паспорт Эйтингона без необходимых дополнительных документов стал бесполезным. В связи с этим французская резидентура во главе с Василевским получила указание Судоплатова, к тому времени вернувшегося в Москву, сделать все возможное для обеспечения Эйтингона документами для поездки в США. Василевский блестяще справился с поставленной перед ним задачей. О том, как были получены необходимые документы, Судоплатов рассказывал так:

«Василевскому потребовался почти месяц, чтобы выполнить это задание. Пока суд да дело, он поместил Эйтингона в психиатрическую больницу, главным врачом которой был русский эмигрант. По моему указанию Василевский использовал связи Моррисона (кличка «Гарри», по другим сведениям — «Генри». Этот агент ИНО НКВД работал во Франции под контролем Якова Серебрянского и сыграл немаловажную роль в операции по изъятию в декабре 1937 года части архива Троцкого — авторы), чтобы раздобыть «Тому» поддельный французский вид на жительство. Теперь «Том» стал сирийским евреем, страдающим психическим расстройством. Естественно, он был непригоден к военной службе, а документ давал ему возможность находиться во Франции и мог быть использован для получения заграничного паспорта. Василевский был уверен, что паспорт подлинный (французский чиновник получил соответствующую взят-

ку), но все же оставалась проблема получения американской визы.

Наша единственная связь с американским консульством осуществлялась через respectable бизнесмена из Швейцарии — в действительности это был наш нелегал Штейнберг. Однако тут возникла дополнительная трудность. Он отказался возвращаться в Москву, куда его отзывали в 1938 году. В письме он заявлял о своей преданности, но говорил, что боится чистки в НКВД. Василевский послал для встречи с ним в Лозанне офицера-связника, нашего нелегала Тахчианова. Его подстраховывал другой нелегал, Алахвердов. Во время встречи Штейнберг готов был застрелить связника, боясь, что это убийца. В конце концов он согласился устроить визу для сирийского еврея: он не узнал Эйтингона на фотографии в паспорте — тот отрастил усы и изменил прическу. Через неделю Штейнберг достал визу, и наш посланец вернулся с ней в Париж»³¹.

Получив иракский паспорт и американскую въездную визу, Эйтингон в октябре 1939 года благополучно прибыл в Нью-Йорк. Там он основал импортно-экспортную фирму, которую предполагалось использовать как центр связи. Кроме того, эта фирма предоставила «крышу» для Меркадера, который теперь мог совершать частые поездки в Нью-Йорк для встреч с Эйтингоном, который снабжал его деньгами. Впрочем, для связи с Мексикой в Нью-Йорк дополнительно был направлен из Москвы специальный представитель Центра П. П. Пастельняк, официально числившийся сотрудником генконсульства СССР под фамилией П. П. Кларин.

Через месяц, в ноябре 1939 года, Эйтингон выехал в Мексику, куда еще раньше из Франции приехала Каридад Меркадер. Перед отъездом Эйтингон получил из Москвы указания, датированные 11 ноября, в которых, в частности, говорилось:

«Свою научную работу продолжайте... Имейте в виду, что всякая научно-исследовательская работа, тем более в области сельского хозяйства, требует терпения, вдумчи-

вности и умения ожидать результатов. Готовясь к снятию урожая, помните, что плод должен быть полностью созревшим. В противном случае вкус плода будет плохой и Ваша научная работа не достигнет цели. Если нет уверенности, лучше выжидайте полного созревания. Чтобы внезапная буря не разрушила Ваши плантации, подыщите или создайте подходящую и надежную оранжерею, в которой займитесь исследовательской работой. Не делайте непродуманных экспериментов, идите к получению результатов наверняка, и тогда Вы действительно внесете ценный вклад в науку, но обязательно с таким расчетом, чтобы Ваши опыты не отразились на Вашем здоровье и здоровье Ваших ассистентов»³².

Прибыв в Мексику, Эйтингон установил связь с группой Сикейроса и организовал для нее надежное прикрытие. Кроме того, им была установлена прямая радиосвязь с Москвой при помощи двух радистов-нелегалов. Однако Берия посчитал, что группу боевиков в Мексике необходимо усилить. С этой целью из Москвы в Мексику был направлен Григулевич, прибывший на место в феврале 1940 года. По указанию Эйтингона он начал создавать третью, резервную, сеть для проведения операции «Утка». Кроме того, он тесно сотрудничал с группой Сикейроса, координируя ее действия и снабжая оружием и боеприпасами. Было у него и еще одно задание: установить контакт с внедренным в охрану Троцкого агентом по кличке «Амур», завербованным нью-йоркской резидентурой ИНО. Этим агентом был американец Роберт Шелдон Харт, выдававший себя за троцкиста и прибывший в Мексику в начале апреля 1940 года. Установив контакт с Хартом, Григулевич передал ему значительную сумму денег и договорился, что тот во время своего ночного дежурства откроет Григулевичу ворота виллы Троцкого. Вероятно, именно это обстоятельство и послужило поводом для включения Григулевича в боевую группу Сикейроса, когда тот в мае 1940 года, выполняя приказ Эйтингона, предпринял попытку убить Троцкого.

В ночь на 24 мая 1940 года группа из 20 человек, переодетых в форму мексиканской полиции и армии, под руководством Григулевича и Сикейроса подъехала к вилле Троцкого на четырех автомашинах. Кроме автоматов и зажигательных бомб боевики имели штурмовые лестницы и дисковую пилу. Григулевич подошел к воротам и окликнул дежурившего этой ночью Харта. Тот, как было договорено заранее, открыл входную дверь, и нападавшие стремительно ворвались в резиденцию Троцкого. Переодетый в форму майора мексиканской армии Сикейрос находился в первых рядах нападавших. Боевики перерезали телефонные провода и ворвались во внутренний дворик — патио, где Сикейрос и братья Ареналь открыли бешеный огонь по дому, в первую очередь — по спальне Троцкого. От неминуемой смерти его спасло то обстоятельство, что он вместе с женой успел упасть на пол и лежал без движения. Охранники Троцкого — Г. Робинс, О. Шуисслер, В. Карлей, Ч. Корнелл и Ж. Купер — ввиду внезапности нападения не сумели оказать боевикам Сикейроса ни малейшего сопротивления.

Расстреляв все патроны (позднее было установлено, что только по спальне было выпущено более 200 пуль), нападавшие скрылись, оставив несколько зажигательных бомб и заряд динамита, которые так и не взорвались. Всего же нападение продолжалось не более двадцати минут. Прибывшая на место мексиканская полиция вскоре установила, что ни замок ворот, ни одна из дверей дома не взломаны. При этом обнаружилось, что исчез дежурный личный охранник Троцкого Роберт Харт. Примерно через месяц его труп был обнаружен закопанным недалеко от деревушки Санта-Роса в местечке, известном под названием Ранчо-де-Тланинилапа, принадлежащем сообщнику Сикейроса электрику Мариано Эррера Васкесу. Полиция посчитала, что именно он открыл ворота нападавшим, а потом бежал вместе с ними. Эта версия еще более укрепилась после того, как отец Харта заявил, что его сын, уезжая из США, не сказал ему, что собирается присоединиться к

Троцкому, «к которому, как мы знали, он никогда не испытывал симпатии, поскольку был сторонником Сталина, что подтверждается находкой большого портрета этого деятеля братьями Боба в его нью-йоркской квартире». Убили же Харта, по мнению начальника секретной службы национальной полиции Мексики полковника Санчеса Салазара, как нежелательного свидетеля. Однако Троцкий не поверил в эту версию и приказал прикрепить у входа на виллу мемориальную табличку с надписью: «В память Роберта Шелдона Харта, 1915—1940, убитого Сталиным».

Но Салазар оказался прав. Харт действительно был ликвидирован как нежелательный свидетель. Убил его, спящего, двумя пулями в голову участник нападения на виллу Троцкого брат жены Сикейроса Луис Ареналь. В архивах сохранилось свидетельство Эйтинггона, датированное 9 марта 1954 года, в котором он говорит следующее:

«Во время операции было выявлено, что Шелдон оказался предателем. Хотя он и открыл дверь калитки, однако в комнате, куда он привел участников налета, не оказалось ни архива, ни самого Троцкого. Когда же участники налета открыли стрельбу, Шелдон заявил им, что если бы знал все это, то он, как американец, никогда не согласился бы участвовать в этом деле. Такое поведение послужило основанием для принятия на месте решения о его ликвидации. Он был убит мексиканцами»³³.

Интересно в этом плане и свидетельство Григулевича, высказанное им в беседе с бывшим дипломатом Ю. Папоровым, с которым он позднее работал в Госкомитете по культурным связям с зарубежными странами:

«— Почему вы его убили? Разве можно так расправляться со своими?»

— А что было с ним делать? Ведь его нужно было спрятать и потом нелегально вывозить из Мексики. Словом, хлопот не оберешься! И потом, влезь в шкуру Сикейроса. Ведь он телеграфировал в Москву, что Боб Шелдон их предал, и потому стреляли они в пустую кровать.

Москва приказала: предателя расстрелять! Что мы и сделали»³⁴.

О провале покушения на Троцкого было немедленно доложено Берия. Тот был взбешен и потребовал от Судоплатова подробного отчета.

8 июня за подписью Берия Сталину и Молотову было направлено спецсообщение, в котором говорилось:

«24 мая 1940 г. произведено нападение на дом Троцкого в Мехико. Наиболее полно обстоятельства освещает американская газета «Уорлд Телеграф». Приводим выдержки...

По существу происшедшего нами получено из Америки донесение нашего человека. Копия донесения прилагается».

В приложенном донесении говорилось:

а) О нашем несчастье Вы знаете из газет подробно. Отчет Вам будет дан, когда я или «Филипе» выберемся из страны.

б) Пока все люди целы, и часть уехала из страны.

в) Если не будет особых осложнений, через 2—3 недели приступим к исправлению ошибки, т. к. не все резервы исчерпаны.

г) Для окончания дела мне нужны еще 10—15 тыс. (долларов), которые нужно срочно прислать.

д) Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по вашему первому требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания.

30 мая. Том»³⁵.

А через несколько дней Судоплатов вместе с Берия вновь были вызваны к Сталину.

«На этот раз мы поехали к Сталину на ближнюю дачу, находившуюся в полчасе езды к западу от Москвы, — пишет об этом визите Судоплатов. — Первая часть встречи была весьма недолгой. Я доложил о неудачной попытке Сикейроса ликвидировать Троцкого, объяснив, что альтернативный план означает угрозу потерять анти-

троцкистскую сеть в Соединенных Штатах и Латинской Америке после уничтожения Троцкого.

Сталин задал всего один вопрос:

— В какой мере сеть в Соединенных Штатах и Мексике, которой руководит Овакимян, задействована в операции против Троцкого?

Я ответил, что операция Эйтингона, которому даны специальные полномочия самостоятельно вербовать и привлекать людей без санкции Центра, совершенно независима от Овакимяна, чья разведывательная деятельность под прикрытием нашей фирмы «АМТОРГ» осуществляется вне связи с акцией против Троцкого.

Сталин подтвердил свое прежнее решение, заметив:

— Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом. Приступайте к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия.

Я подготовил текст телеграммы и добавил в конце: «Павел шлет наилучшие пожелания».

«Павел» было кодовое имя Берия...

Вопреки тому, что пишут сейчас, Сталин вовсе не был в ярости из-за неудачного покушения на Троцкого. Если он и был сердит, то хорошо маскировал это. Внешне он выглядел спокойным и готовым довести до конца операцию по уничтожению своего противника, поставив на карту судьбу всей агентурной сети в окружении Троцкого»³⁶.

Убийство Троцкого

Тем временем в Мексике события шли своим чередом. После нападения стены виллы Троцкого обложили мешками с песком, на окнах и дверях установили сталь-

ные ставни, провели сигнализацию. В тридцати шагах от дома было выстроено специальное караульное помещение для отряда мексиканских полицейских. Кроме того, вокруг дома постоянно дежурили пять полицейских патрулей. Продолжался и поиск нападавших. К 17 июля личности почти всех нападавших были установлены. В сентябре 1940 года в провинции был разыскан и арестован скрывавшийся там Сикейрос. Но суд благожелательно отнесся к заявлению известного художника, из которого следовало, что нападение на виллу преследовало целью не убийство Троцкого, а выражение протеста против его пребывания в Мексике. В результате Сикейрос и остальные нападавшие были оправданы. Правда, позднее в своих мемуарах «Я был лихим полковником», осознав преступность подобных действий, Сикейрос написал: «Мое участие в нападении на дом Троцкого 24 мая 1940 года является преступлением».

Не сидел без дела и Эйтингон. После получения указаний из Москвы он приступил к выполнению запасного плана, в котором главная роль отводилась Рамону Меркадеру.

Как уже писалось выше, Меркадер 1 сентября 1939 года на пароходе отплыл из Франции в Нью-Йорк, где должен был вновь установить близкие отношения с Силвией Аджеллофф. Их встреча состоялась в сентябре 1939 года в Нью-Йорке. Меркадер объяснил Силвии, что не собирается участвовать в европейской войне, а поэтому дезертировал из своей части, нашел выгодную работу в Мексике и в настоящий момент проживает по паспорту на имя канадского гражданина Фрэнка Джексона. Силвия, которую друзья давно звали в Мексику, согласилась поехать туда вместе с ним. В Мехико, куда они прибыли в конце октября, Меркадер якобы устроился на работу в экспортно-импортную фирму, а Силвия вновь начала работать секретарем у Троцкого. Действуя крайне осторожно, Меркадер первый раз посетил дом Троцкого только в конце апреля 1940 года. Произошло это во время краткосрочной поездки Силвии в США, когда ее

друзья, Альфред и Маргарита Росмеры, с которыми она познакомила своего жениха Фрэнка Джексона, пригласили его в дом Троцкого. Лично же Троцкому его представили 28 мая 1940 года, уже после нападения на виллу боевиков Сикейроса. Услужливый, обаятельный молодой человек, жених Силви, лишь недавно ставший интересоваться политикой, понравился Троцкому, и с тех пор Меркадер стал регулярно бывать на вилле.

Здесь надо особо отметить, что первоначально Меркадер скорее выступал в роли внедренного агента, нежели убийцы. Но после провала покушения 24 мая Эйтингону ничего не оставалось делать, как поручить именно ему убийство Троцкого.

Позже Эйтингон рассказывал Судоплатову, что Меркадер сам вызвался выполнить задание. Он готов был застрелить, заколоть или убить Троцкого, нанеся ему удар тяжелым предметом. А в 1969 году Меркадер рассказал Судоплатову, что первоначально Эйтингон предложил следующее: в то время как Меркадер будет находиться на вилле Троцкого, сам Эйтингон, Каридад и группа из пяти боевиков предпримут попытку ворваться на виллу. И тогда во время перестрелки с охранниками Меркадер сможет без труда ликвидировать Троцкого. Но Рамон отказался от этого плана, сказав, что один приведет в исполнение приговор, вынесенный Троцкому.

Для того чтобы иметь возможность остаться с Троцким наедине, 17 августа 1940 года Рамон обратился к нему с неожиданной просьбой ознакомиться с написанной им статьей. Троцкий не мог отказать человеку, много раз бескорыстно оказывавшему услуги его близким, и согласился. 20 августа Меркадер принес Троцкому исправленную рукопись, и когда тот сел за стол ознакомиться с поправками, нанес сзади удар широким концом ледоруба. Входя на виллу, Меркадер надеялся, что сумеет без шума убить Троцкого и успеет покинуть дом до того, как об убийстве узнают окружающие. Поэтому он оставил свой автомобиль перед виллой, развернув его

в удобную для бегства сторону. А в 100 метрах от виллы его ждал еще один автомобиль, в котором находились Каридад и Эйтингон.

О том, что произошло в тот момент, когда Меркадер и Троцкий остались наедине, существует множество рассказов. На суде Меркадер дал следующие показания:

«Я положил свой плащ на стол таким образом, чтобы иметь возможность вынуть оттуда ледоруб, который находился в кармане. Я решил не упускать замечательный случай, который представился мне. В тот момент, когда Троцкий начал читать статью, послужившую мне предлогом, я вытащил ледоруб из плаща, сжал его в руке и, закрыв глаза, нанес им страшный удар по голове...

Троцкий издал такой крик, который я никогда не забуду в жизни. Это было очень долгое «А-а-а ...», бесконечно долгое, и мне кажется, что этот крик до сих пор пронзает мой мозг. Троцкий порывисто вскочил, бросился на меня и укусил мне руку. Посмотрите: еще можно увидеть следы его зубов. Я его оттолкнул, он упал на пол. Затем поднялся и, спотыкаясь, выбежал из комнаты...»

Судоплатову же Меркадер рассказывал о произошедшем несколько иначе.

«Рамон не закрыл глаза перед тем, как ударить Троцкого по голове небольшим острым ледорубом, который был спрятан у него под плащом, — пишет об этом разговоре Судоплатов. — Троцкий сидел и читал статью Меркадера, написанную в его защиту. Когда Меркадер готовился нанести удар, Троцкий, поглощенный чтением статьи, слегка повернул голову, и это изменило направление удара, ослабив его силу. Вот почему Троцкий не был убит сразу и закричал, призывая на помощь. Рамон растерялся и не смог заколоть Троцкого; хотя имел при себе нож.

— Представьте, ведь я прошел партизанскую войну и заколол ножом часового на мосту во время гражданской войны в Испании, но крик Троцкого меня буквально парализовал, — объяснил Рамон.

Когда в комнату вбежала жена Троцкого с охранниками, Меркадера сбили с ног, и он не смог воспользоваться пистолетом...

— Меня сбил с ног рукояткой пистолета один из охранников Троцкого. Потом мой адвокат использовал этот эпизод для доказательства того, что я не был профессиональным убийцей»³⁷.

Весьма интересные подробности убийства Троцкого поведал в 1995 году российскому журналисту Евгению Умеренкову Эдуардо Сенисерос, адвокат Меркадера, которому тот рассказывал о событиях того дня:

«Когда Меркадер вошел вслед за Троцким в его кабинет, то запер дверь изнутри. Этого было достаточно, чтобы Троцкий понял, что на него сейчас нападут. Он потянулся к ящику письменного стола, в котором лежал пистолет. Всегда утверждалось, что удар был нанесен сзади. Но медэкспертиза показала, что это не так. Троцкий заслонился от удара руками и тем чуть-чуть ослабил удар. Наверное, поэтому он и прожил еще несколько часов. Так что удар Меркадер нанес, стоя лицом к лицу с Троцким. Он мог бы убить его, как только вошел, но он хотел, чтобы Троцкий понял, что должно произойти.

— Значит, Троцкий догадался, что его собираются убивать?

— Однозначно. И Рамон дал ему это понять сознательно. Хотя он убил бы его в любом случае. Правда, он и сам не допускал возможности, что останется после покушения живым. Он готовился умереть и поэтому загодя не позаботился ни о какой защите. Потом он даже вытащил свой пистолет, чтобы спровоцировать огонь охраны, но сам не стрелял, потому что не хотел других смертей.

— Почему он выбрал такое необычное орудие убийства — ледоруб?

— Какая-то ничтожная вероятность того, что после покушения он останется жив, все же допускалась. И тогда единственным путем для бегства оставалась высо-

кая каменная стена. Для того, чтобы перебраться через нее, и нужен был ледоруб»³⁸.

Как бы там ни было, но удар ледоруба не убил Троцкого сразу. Вбежавшие охранники скрутили Меркадера и стали его избивать, но находящийся в сознании Троцкий остановил их словами: «Оставьте, не убивайте его. Пусть он все расскажет». Находящегося в полном сознании Троцкого тут же отвезли в больницу и прооперировали. Операцию проводили 5 хирургов. Но несмотря на все их усилия в половине восьмого вечера он потерял сознание и ровно через сутки скончался. Останки Троцкого были кремированы и захоронены в саду его дома в Койоакане, а над могилой воздвигнута стела. В 1962 году там же была похоронена и жена Троцкого Наталья Ивановна Седова.

В Кремле смерть Троцкого вызвала откровенную радость. Газета «Правда» от 24 августа 1940 года поместила статью «Смерть международного шпиона». Смерть Троцкого, как говорилось в заметке, наступила от «пролома черепа во время покушения». Покушавшийся был назван Жаком Мортонем Вандендрайшем, человеком из ближайшего окружения Троцкого. Анонимный автор в заключении писал: «Троцкий, организовавший злодейские убийства Кирова, Куйбышева, М. Горького, стал жертвой своих же собственных интриг, предательских измен, злодеяний».

Что касается Эйтингона и Каридад, то они немедленно по получении известия о покушении на Троцкого и аресте Меркадера покинули Мексику. В 1954 году, после ареста, Эйтингон показал по данному вопросу следующее:

Примерно в 10 часов вечера мексиканское радио сообщило подробности покушения на Троцкого. Немедленно после этого Эйтингон и «Мать» покинули столицу. Он выехал на Кубу по иракскому паспорту. Там получил болгарский паспорт и направился в Европу. По приезде в Москву устно доложил Меркулову и Берия. Никаких отчетов не писал³⁹.

Сталин высоко оценил заслуги всех участников убийства Троцкого и поддержал Берия, обратившегося к нему со следующим предложением:

«Сов. секретно
6 июня 1941 г.
ЦК ВКП(б) СКН СССР
Тов. Сталину И. В.

Группой работников НКВД в 1940 году было выполнено специальное задание.

НКВД СССР просит наградить орденами Союза ССР шесть товарищей, участвовавших в выполнении этого задания.

Прошу вашего разрешения.

Народный комиссар внутренних дел (Л. Берия)».

Резолюция Сталина была краткой:

«За (без публикации)».

В результате закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР за подписью Калинина и Горкина были награждены: орденом Ленина Меркадер Каридад Рамоновна и Эйтингон Наум Исакович; орденом Красного Знамени — Василевский Лев Петрович и Судоплатов Павел Анатольевич, орденом Красной Звезды — Григулевич Иосиф Ромуальдович и Пастельняк Павел Пантелеймонович⁴⁰.

Судьба Рамона Меркадера

Теперь необходимо сказать несколько слов о дальнейшей судьбе Рамона Меркадера. О ней подробно рассказывает Нил Никандров в своей статье «Нежелательный свидетель». После покушения он был арестован и помещен в тюрьму «Лекумберри». В момент ареста при нем было обнаружено письмо, датированное 20 августа 1940 года. В нем Меркадер, назвавший себя бельгийским подданным Жаком Морнармом, сообщал сведения о сво-

их родителей-бельгийцах, о своей учебе в Бельгии и Франции, о возникшем у него интересе к политической деятельности троцкистов, о знакомстве с некоторыми представителями этого движения. В письме Морнар подробно изложил мотивы, толкнувшие его на убийство, — разочарование в троцкизме как политическом движении и намерение Троцкого послать его в Советский Союз для совершения там диверсионных и террористических актов, в том числе и против Сталина.

Следствие по делу об убийстве Троцкого возглавил уже упомянутый полковник Салазар. С помощью бельгийского посланника в Мексике он быстро доказал, что арестованный не является бельгийским подданным Жаком Морнаром, но его настоящее имя было установлено гораздо позже.

По свидетельству Судоплатова, Берия дал указания не жалеть никаких денег для защиты Меркадера. Адвокаты должны были на суде доказать, что убийство было совершено на почве склок и внутреннего разброда в троцкистском движении.

На суде Меркадера защищали адвокаты Эдуардо Сенисерос, мексиканец, взявшийся за это дело по просьбе Каридад, и Офелия Домингес, кубинка. Однако суд не внял их доводам, и после длительной и сложной юридической процедуры в низовых судебных инстанциях в мае 1944 года суд федерального округа Мехико вынес окончательный приговор — 20 лет тюремного заключения, что являлось высшей мерой наказания в Мексике.

Несмотря на арест, Меркадера в Москве не забыли и не бросили окончательно. Эйтингон, оставляя Мексику, поручил особой группе осуществлять поддержку заключенного, снабжать его дополнительным питанием, деньгами, защищать от насилия со стороны уголовников, которых тюремное начальство использовало для давления на политических заключенных.

В мае 1943 года в Мексику прибыл новый резидент советской разведки Василевский, работавший там под именем Лев Тарасов, который в 1939—1940 годах, как

уже говорилось, принимал участие в обеспечении операции «Утка». Помимо прочих заданий, он должен был выполнить и сложную задачу освобождения Меркадера.

Все это время (два с лишним года) Рамон стойко выдерживал тюремные лишения, благо это было для него не первое заключение. Дело в том, что еще в 1930-е годы он был помещен в тюрьму за организацию забастовок и членство в комсомольской организации. Правда, в Мексике заключение было более суровым. Уголовные элементы третировали «политического» Меркадера отнюдь не моральными методами. Против их ножей было лишь одно средство — ножи. И Меркадер, пользуясь выделенными для этого средствами, нанял себе охрану из таких же бандитов. Кроме того, у него самого тоже был постоянно при себе нож с выкидным лезвием.

Москва не только пыталась помочь Рамону Меркадеру, но помогала и его матери Каридад Меркадер. Так, Берия, узнав о ее настойчивых просьбах уехать из страны, дал на это разрешение, поручив контрразведке тщательно за ней наблюдать.

Получив в 1944 году разрешение Берия уехать из СССР, Каридад выехала из Москвы вместе с другой сотрудницей НКВД, Анной Каратаевой (Инес). Без документов они отправились во Владивосток, оттуда в Сан-Франциско, а затем — в Мехико. По замыслам НКВД, из Мехико им предстояло следовать в Веракрус и потом в Гавану.

Но Каридад отказалась уезжать из Мехико. Она не могла смириться с мыслью, что здесь, в заточении, останется ее сын, а она снова, неведомо на какой срок, окажется так далеко от него. По этому поводу журналист Нил Никандров, долгое время занимавшийся судьбой Рамона Меркадера и Каридад, ссылается на воспоминания Юрия Маркова, в которых есть такие строки:

«Нечто подобное от нее ожидали. Материнская боль, необузданность чувств, недовольство нашей «медлительностью» в деле освобождения ее сына подтолкнули ее к неподчинению. Тогдашнему резиденту в Мехико Тарасо-

ву, который знал ее по Испании и Франции, было тяжело с «Кирой». Каридад постоянно укоряла его Эйтингоном, той разворотливостью и эффективностью, с которой «Том» проводил самые рискованные операции. Она не могла понять, что отчаянно-романтические времена в разведке миновали, а разведчики, имеющие «карт-бланш» на импровизации, безвозвратно ушли в прошлое. Разведоперации жестко контролировались мощным аппаратом Центра, для которого разведчик был «строго подотчетным» исполнителем. Каждый серьезный шаг согласовывался. За импровизации и отсебятину взывали»⁴¹.

Тем временем к концу 1944 года побег Рамона был полностью подготовлен. Было уже решено отправить его после освобождения в Веракрус, укрыть на одной из конспиративных квартир и затем с фальшивым кубинским паспортом отправить в Гавану. К сожалению, эта хорошо подготовленная операция сорвалась по вине Каридад. Она была вне себя от «медлительности» советских спецслужб, винила их в столь длительном заключении сына и, не задумываясь, стала действовать самостоятельно, даже не советуясь с резидентурой ИНО НКВД.

Ситуация усугублялась еще и тем, что Каридад Меркадер в Мехико уже бывала и раньше, причем далеко не в качестве туриста. Так, в 1936 году испанские власти направили ее в Мексику для закупки оружия. Поэтому спецслужбы Мексики, журналисты, общественность хорошо знали эту женщину. В результате за ней было установлено плотное наблюдение, что ни к чему хорошему привести не могло.

И, разумеется, появление в Мексике матери Рамона Меркадера не могло остаться без внимания тюремного начальства. Его содержание в тюрьме стало более жестким, к нему приставили дополнительных надзирателей. Кроме того, из Лекумберри в то время сбежали двое уголовников, и это заставило тюремщиков сменить часть персонала.

Необходимо было переждать это напряженное время, но активность Каридад Меркадер спутала нашей разведке все карты. Во многом испортило подготовку побега и то обстоятельство, что действовать Каридад начала через известную испанскую журналистку Марту Меллер.

Марта Меллер к тому времени была давно уже «на крючке» управления безопасности Мексики. Секретный агент Альваро Баэса, в свое время по поручению властей состоявший в охране Троцкого, имел от одного из своих полицейских осведомителей довольно подробные сведения о Меркадере. Этот осведомитель, которого звали А. Дарка, через полгода после убийства Троцкого написал донесение своему шефу, где указывал настоящее имя Жака Морнара, которого некогда знал как комсомольского активиста Барселоны Рамона Меркадера. Но это заявление не было принято всерьез.

Баэса вспомнил об этом донесении в 1944 году, в связи с появлением в Мехико Каридад Меркадер. Через свои многочисленные оперативные каналы он узнал, что «бельгиец» Жак Морнар действительно на самом деле испанец Рамон Меркадер. Тогда же секретному агенту стало известно, что об этом заключенном постоянно хлопочет испанская эмигрантка Марта Меллер, уже немолодая женщина, никогда не скрывавшая своих коммунистических убеждений, активно прославлявшая в своих публикациях Советский Союз и постоянно участвовавшая в работе Федерации защиты испанских эмигрантов (ФОАРЕ).

Надо отметить, что при такой твердой позиции репутация Марты Меллер была, тем не менее, подмочена. Мексиканские коммунисты, всегда страдавшие от внутреннего раскола в рядах своей партии, не доверяли журналистке, обвиняли ее в «скрытом троцкизме» и даже в сотрудничестве с немецкой разведкой, на основании того факта, что она много лет назад, еще в годы Первой мировой войны вышла замуж за скромного немецкого дипломата. Кроме того, партийные руководители догадывались о ее связях с НКВД и требовали от нее откоро-

вений — как и в чем она помогает советской разведке. Но она не нарушала своего слова, не разглашала доверенных ей тайн и в результате была исключена из рядов Компартии Испании. Между тем ей было о чем молчать. В 1939—1940 годах на ее квартире располагалась оперативная база Эйтингона, хранились документы, деньги, разрабатывались планы самых секретных операций.

Марта Меллер активно участвовала и в подготовке побега Рамона Меркадера из тюрьмы. Она даже пыталась оказывать давление на других агентов, Гарри и Хуана, упрекала их в медлительности. Тем это не нравилось, и они были рады политической опале испанской коммунистки — исключенную из рядов компартии Меллер постарались отстранить и от операции по освобождению Меркадера. Мотивы были старые — «троцкистка», «немецкая пособница» и пр.

Новому резиденту Каспарову, сменившему в Мехико Василевского, пришлось разбираться в этом внутреннем клубке партийных интриг. Вероятно, он не сомневался в преданности Меллер, но постоянное шпионство за нею «партийных соратников» могло сорвать любую операцию, тем более такую сложную, как побег Рамона Меркадера из Лекумберри.

Ситуация становилась все опаснее и все сложнее. И тут, как снег на голову, появилась Каридад Меркадер. Она не просто хотела наблюдать за операцией, ей необходимо было самой в ней участвовать. Она потребовала встречи с руководителем группы, задействованной в освобождении Рамона. Устраивать такую встречу было небезопасно, но другого выхода не было, и Каридад Меркадер встретила с сотрудником НКГБ Александром Купером.

Купер отработывал в то время несколько вариантов освобождения Меркадера. Но при этом он не терял надежды, что возможно будет договориться с мексиканскими властями. Такой вариант был, конечно, маловероятен, а с появлением Каридад, обратившей на себя пристальное внимание, стал и вовсе невозможен. Сначала

Купер убедил ее не вмешиваться в ход операции. Но вскоре ей показалось, что ее устраняют лишь для того, чтобы продолжать проволочки. При новой встрече с Мартой Меллер она заявила:

«Там, в Москве, я узнала всю двойственность внешней политики Советского Союза. В угоду высокой стратегии были преданы китайцы и греки, а Испанию и вовсе променяли на горсть чечевицы, хотя обманутые испанцы героически сражались на германском фронте, не жалея жизни. За четыре года прозябания в Москве меня ни разу не принял Сталин. Видимо, это называется «социалистической демократией». А здесь — в буржуазной Мексике, через месяц после приезда, стоило мне шевельнуть пальцем, и я получила аудиенцию у военного министра Карденаса и была записана на прием к президенту Камачо. Если бы не служение общей коммунистической идее, я бы давно порвала с НКВД и перешла на работу в компартию...».

Уверенная в нежелании Москвы вызволить ее сына, Каридад начала откровенно вредить делу и дезорганизовывать людей, в нем задействованных. Она говорила Куперу о том, что его жена в Москве живет в тяжелых условиях, на полуголодном пайке. Марте Меллер она выдала уже откровенную ложь, заявив, что ее сын Гарсиа, погибший на фронте, был вероятнее всего... расстрелян. Все это было губительно для дела, но Каридад не понимала этого. Она постоянно привлекала к себе внимание, стремясь к личному контакту с сыном. Так, в письме, переправленном в тюрьму, она пишет:

«Дорогой мой, я попала в Мехико случайно. Но теперь никакая сила не заставит меня уехать отсюда. Пока ты за решеткой, я тоже несвободна».

Адвокату Рамона пришлось организовать Каридад встречу с сыном. И хотя у него всегда бывало много посетителей — от просто сочувствовавших ему людей до вездесущих журналистов, эта встреча оказалась прямым сигналом для мексиканской разведки — она подтвердила, что Каридад приехала в Мехико ради Жака Морнара

и что того, вероятно, попытаются вскоре освободить. А значит, возможно будет накрыть московскую резидентуру в Мексике.

Между тем Каридад попыталась через профсоюзных лидеров Мексики организовать акции протеста в поддержку Морнара, обратившись в то же время к президенту Мексики с ходатайством о его помиловании. Но все эти ее шаги лишь подливали масла в огонь и окончательно погубили все планы Москвы по вызволению Меркадера из тюрьмы.

К тому же подготовка операции по освобождению Меркадера проводилась в сложной внешнеполитической ситуации: отношения Советского Союза и Мексики были натянутыми, и нашей разведке было необходимо работать особенно четко и осторожно. Беспорядочные и неумные действия Каридад связывали руки Куперу и его людям.

В конце концов Каридад и сама начала это понимать. Получив требование из Москвы написать отчет о своих действиях за границей, она составила его, но при этом намеренно смягчила некоторые детали.

Тогда же в резидентуре решились на последнее средство убеждения — Каридад передали письмо от сына. Вероятно, в это время он уже хорошо знал обо всех шагах, предпринятых его матерью в Мехико, и о том, что из-за нее он фактически почти лишился возможности выйти на свободу. Вероятно, в письме он высказал Каридад всю горечь и гнев по этому поводу.

Это было последним аргументом. Получив письмо сына, Каридад приняла решение уехать из Мексики. Ее отъезд позволил резидентуре вновь начать работу по освобождению Рамона Меркадера. Но ситуация была уже сильно испорчена.

Особенно усердствовал упомянутый выше секретный агент Баэса. Он был уверен, что руководит операцией советский резидент в Мехико Кумарьян (сменивший ранее работавшего в стране Каспарова). Но при всей уверенности агент ни в чем не мог заподозрить резидента —

тот был предельно осторожен. Баэса завел с ним личное знакомство, воспользовавшись удобным предложением — советское посольство продавало один из своих автомобилей, и Баэса явился туда якобы как покупатель. Кумарьян показался ему очень интересным человеком, и они неоднократно встречались позднее, но никаких «зацепок» хитрому мексиканцу так и не удалось сделать.

После проваленного Каридад плана побега ее сына в резидентуре возлагали большие надежды на дипломатический вариант его освобождения. Была предпринята попытка воздействовать на президента Мексики Алемана и добиться амнистии Жака Морнара. Но Мексика находилась в то время под сильным влиянием США, а там троцкисты пользовались большим влиянием. Поэтому под нажимом США отношения Мексики с Советским Союзом все более ухудшались. Начались гонения и провокации в отношении мексиканской компартии, ее руководители опасались полного разгрома и запрета. Осуществлялось давление на наше посольство. Дошло до нападения на советских дипкурьеров и их избивания, о котором проамериканская мексиканская пресса предпочла промолчать. Дважды обстреляли квартиру резидента Каспарова. Активно работало в Мехико созданное в сентябре 1947 года ЦРУ, действовавшее с предельной наглостью, ибо для него создавалась полная свобода действий — правительство Мексики не мешало американцам «работать». В мемуарах одного из агентов ЦРУ, Ховарда Ханта, подробно описаны методы, к которым прибегала американская разведка, ведя подрывную работу против Советского Союза. В дело шло все — от подсматриваний и подслушиваний до фабрикация пропагандистских книжек, которые писались профессиональными журналистами за хорошие деньги от имени бывших членов компартии и прочих «бывших», не брезговавших заработать таким образом: «Люди, сделанные в Москве» (Х. Эрнандес), «Жизнь и смерть в СССР» (В. Гонсалес) и пр.

На фоне всех этих событий нашей разведке становилось все труднее работать над планом освобождения Мер-

кадера. Что до самого Рамона, то он вел себя мужественно — не жаловался и ничего не требовал. Надо сказать, что усилиями своих доброжелателей и помогавшей ему советской группы он жил с достаточным комфортом. У него была просторная одиночная камера с телевизором, два раза в неделю ему разрешали свидания с невестой, Рокелией Мендосой, впоследствии ставшей его женой.

Правда, иногда узника одолевали тяжелые мысли и воспоминания. Один из прежних заключенных «черного замка» Феликс Варгаса Чакона в своей книге, написанной в 60-е годы, приводит такой эпизод:

«Жак Морнар... называл себя бельгийцем по национальности, но... в действительности был испанским анархистом... Я долго говорил с ним, и он открыл мне, что наибольшие муки совести вызывало у него не убийство Троцкого, а вовлечение [в дело] девушки по имени Силвия Аджеллофф, с которой он познакомился в Париже в 1938 году. Соблазненная им, девушка рассказала ему, что ее сестра служит секретарем у человека, который создал Красную Армию и которого Сталин отправил в изгнание. Морнар плакал, когда вспоминал, что во время суда Силвия кричала ему:

— Убийца! Выродок! Трус! Не успокоюсь, пока не узнаю, что ты покончил с собой в тюрьме!.. Грязная пешка ГПУ!».

Несмотря на все предпринятые попытки, освободить Меркадера досрочно не удалось, и он полностью отсидел положенный ему срок. В Москве же, ожидая его освобождения, заранее стали готовить для него пристанище.

Весной 1961 года к министру внутренних дел Чехословакии Рудольфу Бараку подошел представитель КГБ в ЧССР генерал П. Н. Медведев и сообщил о совершенно секретной телеграмме, содержание которой не знал даже советский посол, не говоря уже о Политбюро КПЧ. В ней говорилось, что Президиум ЦК КПСС обсудил вопрос о судьбе готовящегося выйти на свободу Меркадера. В результате было решено, что наиболее

правильным будет, если Меркадера встретит резидент чехословацкой разведки в Мехико, который доставит его на Кубу, а затем в Прагу. Резидента немедленно вызвали в ЧССР и подробнейшим образом проинструктировали. И именно он 6 мая 1960 года встретил Меркадера у ворот тюрьмы.

В тот же день Меркадер в сопровождении резидента самолетом вылетел в Гавану. Там он пробыл несколько дней, имел долгий разговор с Фиделем и Раулем Кастро, во время которого ему было предложено на выбор несколько мест для проживания: СССР, Болгария, Венгрия и Чехословакия. Меркадер выбрал ЧССР, и на следующий день на самолете в сопровождении двух чехословацких разведчиков вылетел в Прагу, где его встретили П. Медведев и заместитель министра внутренних дел ЧССР К. Клима.

В Чехословакии Меркадера поселили в местечке Еваны под Прагой. Он с интересом ознакомился с историческими памятниками Чехословакии и даже на несколько дней выезжал в ГДР. При этом все расходы по его содержанию взял на себя КГБ СССР. Однако вскоре чехословацкой контрразведке стало известно, что ЦРУ уже знает о местонахождении Меркадера. Поэтому было решено отправить его в Москву на военном самолете.

После прибытия Меркадера в Москву руководство КГБ СССР 25 июня направило в ЦК КПСС на имя Н. Хрущева записку с информацией об освобождении Меркадера и предложением о его награждении, предоставлении советского гражданства. В записке, в частности, было сказано:

«В силу своей безграничной преданности делу коммунизма и Советскому Союзу в период следствия и судебного разбирательства, а также на протяжении почти 20-летнего пребывания в тюрьме в условиях не прекращавшейся против него компании угроз и провокаций, проявил смелость, стойкость и высокую идейность, присущую настоящему коммунисту, и сохранил в тайне свою связь с органами государственной безопасности Советского Союза»⁴².

Советское правительство высоко оценило заслуги Меркадера, и 31 мая 1960 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось:

«За выполнение специального задания и проявленные при этом героизм и мужество присвоить тов. Лопесу Рамону Ивановичу (на это имя Меркадеру были оформлены все советские документы — авторы) звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»⁴³.

В печати данный Указ опубликован не был.

Заслуженную награду Меркадер получил 8 июня 1960 года в Кремле из рук Председателя Верховного Совета СССР Л. Брежнева.

О жизни Меркадера в СССР интересные воспоминания оставил Судоплатов:

«По специальному решению ЦК партии и по личному ходатайству Долорес Ибаррури (Пасионарии) Меркадера приняли на работу старшим научным сотрудником Института марксизма-ленинизма в Москве. Кроме того, им с женой предоставили государственную дачу в Кратове, под Москвой. Меркадер получал деньги от ЦК и от КГБ. В сумме это равнялось пенсии генерал-майора в отставке. Однако его отношения с КГБ оставались довольно напряженными в течение всех 60-х годов: он не переставал требовать сначала от Шелепина, а затем от Семичастного, чтобы Эйтингон и я были немедленно освобождены из тюрьмы. Он поднимал этот вопрос и перед Долорес Ибаррури, и перед Сусловым. Старейший член Политбюро Сулов не был тронут этим заступничеством, более того, в гневном раздражении по поводу того, что Меркадер позволил себе обратиться лично к нему, заявил Меркадеру: «Мы решили для себя судьбу этих людей раз и навсегда. Не суйте нос не в свои дела».

Сначала Меркадер жил в гостинице «Ленинградская» возле Ленинградского вокзала, а затем получил четырехкомнатную квартиру без всякой обстановки недалеко от станции метро «Сокол». Из тех, кто когда-то был связан

с Меркадером по работе, единственным, не подвергшимся репрессиям, оставался Василевский, хотя его и исключили из партии. Он вступился за Меркадера — и тому для его новой квартиры была предоставлена мебель. Жена Меркадера Рокелья Мендоса работала диктором в испанской редакции Московского радио. В 1963 году они усыновили двух детей: мальчика Артура двенадцати лет и девочку Лауру шести месяцев. Их родители были друзьями Меркадера. Отец, участник гражданской войны в Испании, бежал после поражения республиканцев в Москву, а позднее, вернувшись на родину в качестве агента-нелегала, был схвачен фашистами и расстрелян. Мать умерла в Москве во время родов.

Меркадер был профессиональным революционером и гордился своей ролью в борьбе за коммунистические идеалы. Он не раскаивался в том, что убил Троцкого, и в разговоре со мной сказал:

— Если бы пришлось заново прожить сороковые годы, я сделал бы все, что сделал, но только не в сегодняшнем мире. Никому не дано выбирать время, в котором живешь»⁴⁴.

В августе 1974 года Меркадер, у которого обнаружили к тому времени рак легкого, выехал на Кубу, куда за год до этого уехала с детьми его жена. На Кубе он работал советником министра внутренних дел и отвечал за положение в тюрьмах «острова Свободы». Многие вспоминают, что он много сделал для того, чтобы гуманизировать отношения к заключенным в кубинских тюрьмах. Кроме того, при нем были сокращены сроки наказания и разработана система социальной адаптации для тех, кто отбыл наказание.

На Кубе Меркадер прожил всего четыре года. 18 октября 1978 года он умер. Небезынтересно будет отметить, что за четыре месяца до его смерти, 17 июня 1978 года, бельгийская газета «Суар» сообщила о смерти настоящего Жака Морнара, о котором доподлинно известно только то, что он сражался в испанских интернациональных бригадах. О том, как его паспорт оказался у Меркадера,

настоящий Жак Морнар никогда не рассказывал и унес эту тайну с собой в могилу.

Прах Рамона Меркадера, согласно его завещанию, перевезли в Советский Союз и захоронили в Москве на Кунцевском кладбище. На гранитной плите его могилы была помещена надпись: «Герой Советского Союза Лопес, Рамон Иванович».

Мать Меркадера, Каридад, проживавшая в Париже, ненадолго пережила сына.

История жизни Меркадера в СССР неожиданно получила продолжение в 1991 году, когда его младший брат Луис выступил с заявлением, что Рамон был отравлен в Москве. По его словам, Меркадер все больше разочаровывался в советской действительности и начал настойчиво просить руководство КГБ отпустить его на Кубу. 9 мая 1974 года его пригласили в клуб КГБ на прием по случаю Дня Победы, где подарили золотые часы с надписью «Герою Советского Союза Рамону Лопесу в память о Дне Победы». А буквально через несколько дней он неожиданно тяжело заболел. Его поместили в кремлевскую больницу, где он пробыл три месяца между жизнью и смертью с подозрением на рак. По утверждению Луиса, болезнь Меркадера наступила в результате отравления радиоактивным таллием, находящемся в подаренных часах, что вызвало сначала болезнь легкого, а потом саркому кости левой руки. В подтверждение своей версии Луис ссылается на слова Эйттингона, якобы произнесенные им во время посещения Меркадера в кремлевской больнице. Тогда, пораженный внезапной болезнью Меркадера, Эйттингон шепнул Луису на ухо: «Что-то случилось. Что-то они с ним сделали, уж не отравили ли его».

В июле Меркадеру стало лучше, он выписался из больницы, а в августе его выпустили на Кубу. Однако в июле 1978 года во время завода подаренных часов у него самопроизвольно сломалась ключица плеча левой руки, на которой он их носил. Все это, вместе взятое, по мнению Луиса, служит доказательством насильственной

смерти его брата. Так это или нет, судить трудно. Но, говоря объективно, у КГБ не было причин убивать Меркадера. Ведь он до конца своих дней оставался преданным коммунистом, несмотря на то, что иногда позволял себе критику в адрес страны «развитого социализма».

* * *

В заключение необходимо сказать несколько слов о троцкизме как политическом течении. После смерти своего основателя троцкизм потерял большую часть авторитета и превратился в карликовые секты, впрочем, дожившие до наших дней. Но несмотря на малочисленность современных троцкистских организаций, в некоторых странах они имеют заметное влияние, особенно в период парламентских выборов. Так, например, в 1989 году на книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне был целый стенд с троцкистской литературой, а ее распространители говорили, что представляют «немецкую секцию всемирной партии социальной революции товарища Троцкого».

Впрочем, для Сталина последователи Троцкого до конца жизни оставались одними из главных противников, которых он преследовал, не останавливаясь ни перед чем. А последняя ликвидация троцкиста за границей, очевидно, была осуществлена в феврале 1953 года в Мюнхене. Причем ни тогда, ни позднее никто даже не понял, что речь шла об убийстве. Только в последнее время, когда стали доступны многие ранее не известные архивные документы, всплыла и эта операция.

Убитым был один из лидеров послевоенного троцкизма, некий Вольфганг Залус. Он родился в 1909 году в Праге, в молодости принимал участие в коммунистическом движении, а затем стал одним из лидеров чешских троцкистов, издавал центральный печатный орган чешских троцкистов — журнал «Искра». С 1933 года, после прихода к власти Гитлера в Германии, Залус, там же в Праге, руководил изданием газеты немецких троцкистов

«Наше слово». В годы Второй мировой войны он находился в концлагере, затем некоторое время жил в Праге, а после установления коммунистической власти в Чехословакии в 1948 году переехал в Мюнхен, где играл видную роль в немецком троцкистском движении.

Сейчас трудно сказать, чем так насолил Залус высшему советскому руководству, что оно отдало приказ о его ликвидации. Однако он был отдан, после чего сотрудники МГБ выполнили его. Об этом свидетельствует рапорт № 951/и министра МГБ Игнатьева, направленный в марте 1953 года на имя Маленкова, Берия, Молотова, Булганина и Хрущева. В рапорте Игнатьев сообщал:

«Ликвидация Залуса осуществлена через агента МГБ, немца по национальности, всыпавшего ему 13 февраля с. г. специальный препарат, вызывающий смерть через 10—12 дней. Вскоре после этого Залус заболел и в одном из госпиталей Мюнхена 4 марта с. г. умер. При проверке через различные источники выяснено, что отравление Залуса не вызвало у противника каких-либо подозрений. Врачи констатировали, что его смерть наступила в результате воспаления легких»⁴⁵.

Глава третья

Операции против НТС и других антисоветских организаций

Фактический разгром РОВС, который после похищения генерала Миллера так и не смог оправиться от нанесенного ему удара, заставил представителей «первой волны» русской эмиграции более не помышлять об активных самостоятельных действиях против СССР. Но при этом часть из них продолжала оказывать посильную помощь иностранным спецслужбам в проведении операций против Советского Союза. Так, в 1939 году члены белоэмигрантского «Союза русских патриотов» Безымянский, Лебедеко, Малхак, Смирнов и Зеленин вместе с бежавшим в Маньчжурию начальником Дальневосточного УНКВД Г. Люшковым участвовали в операции японской разведки «Медведь», целью которой было убийство находящегося на отдыхе в Сочи И. Сталина. Не сидели без дела и другие антисоветские организации. Из них наибольшую активность проявлял Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС), который со временем стал основным объектом внимания советских спецслужб.

НТС в системе антикоммунизма

К началу 30-х годов в русской эмиграции подросло молодое поколение. Воспитанная своими отцами в духе ненависти к большевизму, эмигрантская молодежь в то же время искала новые пути для борьбы с установившейся в СССР властью. Большое влияние на формирование мировоззрения молодежи оказал философ И. А. Ильин, издававший журнал «Русский Колокол» и призывавший к «сопротивлению злу силой», публицисты П. Б. Струве, Н. А. Цуриканов, писатели А. Амфитеатров, И. Лукаш.

Начиная с середины 20-х годов в Болгарии, Сербии, Чехословакии, Франции и других странах начали создаваться кружки русской молодежи, в дальнейшем вставшие на путь объединения. Осенью 1928 года эти кружки слились в Союз Русской Национальной Молодежи, провозгласивший лозунг: «Дело Союза — это продолжение белой борьбы». А 1 июля 1930 года в Белграде открылся первый съезд, окончательно объединивший отдельные союзы в Национальный Союз Русской Молодежи (НСРМ). Председателем НСРМ был избран герцог С. Н. Лейхтенбергский, возглавлявший группу НСРМ во Франции. Кроме того, на съезде был принят Устав НСРМ, учрежден Совет Союза и его Исполнительное Бюро. Официальным печатным органом Союза стала ежемесячная газета «За Россию», выходившая в Софии под редакцией Д. Завжалова.

На втором съезде НСРМ, проходившем с 25 по 29 декабря 1932 года, Союз был переименован в Национальный Союз Нового Поколения (НСНП). На этом же съезде в Устав НСНП был включен пункт, согласно которому членами Союза могли быть только лица, родившиеся не ранее 1895 года. Сделано это было для того, чтобы формально отгородиться от старшего поколения эмигрантов, нередко занимавшихся выяснением отношений между собой. Однако на практике часто делались исключения для тех, кто отвечал предъявляемым НСРМ

требованиям. Тогда же была сформулирована и основная задача НСРМ — подготовка национальной революции в России. При этом было выражено пожелание сотрудничать в этом направлении со всеми активными антикоммунистическими организациями русского зарубежья, и прежде всего с РОВС.

Унаследовав от генерала Кутепова идею террора, НСНП призывал к действиям именно такого рода. А так как среди эмигрантских организаций наибольшим опытом и возможностями в организации терактов на территории СССР обладал РОВС, то он стал первым союзником молодых антикоммунистов. Глава РОВС Миллер первоначально был весьма благорасположен к НСНП. Так, летом 1933 года он через начальника своей канцелярии письменно одобрил идеологическую линию газеты «За Россию» и рекомендовал выписывать ее всем воинским организациям, библиотекам и отдельным воинским чинам РОВС.

Однако со временем отношения между НСНП и РОВС стали портиться. Так, 7 декабря 1934 года Исполнительное Бюро НСНП в циркулярном письме председателям отделов и членам Совета сообщало:

«С Российским Общевоинским Союзом в целом наш Союз находится в дружеских отношениях и деловом контакте. К сожалению, приходится установить, что некоторые представители РОВСа на местах не придерживаются указаний об их взаимоотношениях с Союзом, данных из Центра, не понимая нашей сущности и общности наших задач, и проявляют непонятное недоброжелательство к нашему общему делу, доходя до сознательного причинения вреда Союзу»¹.

А после нескольких провалов, в частности Михаила Флоровского и Петра Ирошникова, пытавшихся по каналам РОВС в 1933 году пробраться на советскую территорию, НСНП принял решение действовать самостоятельно.

В результате Союзом были достигнуты некоторые успехи. Так, летом 1934 года на территорию СССР проник-

ли член НСНП Г. Прилуцкий с напарником. Побыв там некоторое время и собрав необходимую информацию, они благополучно вернулись в Финляндию. А с 1937 по 1938 год на территории СССР нелегально находился член НСНП Г. Околович, который также без особых сложностей вернулся обратно. Обнадеженные первыми успехами, руководители НСНП, установив в 1938 году контакт с польской разведкой, стали регулярно засылать своих эмиссаров в СССР с целью оседания. Перед этими нелегалами ставились следующие задачи: вербовка новых сторонников, осторожная антисоветская агитация и, по возможности, создание хаоса как предпосылки планируемой антисоветской революции.

Разумеется, в настоящее время члены НТС напрочь отвергают свою причастность к каким-либо террористическим актам, направленным против СССР. При этом они ссылаются на обращение НСНП «К новому поколению России» (июнь 1933 года), в котором говорилось: «Бесполезно убивать за тысячу верст от Москвы мелкого партийца или жечь стога сена в совхозах». И действительно, актов террора на территории СССР члены НСНП не совершали. Но по совершенно другой причине — у них не было для этого возможностей. Но там, где условия позволяли совершать диверсии, направленные против Советского Союза, руководство НСНП от них не отказывалось. Так, 30 августа 1937 года французская газета «Юманите» поместила на своих страницах заметку, в которой говорилось:

«Специальный корреспондент газеты сообщает: в ночь с субботы на воскресенье в ангаре аэродрома Туссю-Пари, где находились четыре из восьми самолетов, принадлежащих французскому обществу воздушного транспорта, вспыхнул пожар... Напомним, что недавно произошли загадочные происшествия еще с восемью самолетами такого же типа. Один из них совершил вынужденную посадку из-за аварии, другой рухнул в Сан-Реми-де-Шевру, и его пилот М. Матерон скончался в версальском госпитале. Два других самолета сели из-за

неисправности в Тулузе, а четыре других — пропали без вести...»².

И хотя французская полиция объявила награду в 100 тысяч франков тому, кто поможет раскрыть это преступление, его исполнители так и не были найдены. И только после войны выяснилось, что поджог находившихся на аэродроме Туссю-Пари самолетов, предназначенных для отправки в республиканскую Испанию, совершила террористическая группа под руководством главы парижского отделения НСНП В. Поремского. А непосредственным исполнителем был некто Фельдман.

Не гнушались члены НСНП и сотрудничеством с пришедшими в 1933 году к власти в Германии нацистами. Так, говоря о довоенном этапе деятельности НСНП, известный эмигрантский историк В. Варшавский писал: «Солидаризм есть фашизм. Так думали до войны и сами солидаристы, их друзья и их противники». Контакты эти были настолько плотными, что в 1937 году Риббентроп вызвал из Белграда в Берлин генерального секретаря и главного идеолога НСНП профессора М. Георгиевского и упрекнул его в том, что в программе Союза начисто отсутствует еврейский вопрос. После этого выговора еврейский вопрос в программу НСНП был внесен (в программе появился раздел, в котором говорилось об «ограничении прав граждан еврейской национальности»).

Кроме того, некоторые члены НСНП сотрудничали с немецкими спецслужбами. Сохранился интересный документ из архивов гестапо, захваченных советскими войсками в 1945 году, касающийся уже упоминавшихся Поремского и Георгиевского. В нем, в частности, говорится:

«Будучи руководителем организации НСНП во Франции, Владимир Порецкий поддерживал тесные связи с Михаилом Георгиевским — генеральным секретарем НСНП в Белграде, который находился на связи у советника германского посольства фон Янсена. В 1936 году Георгиевский дал указание Поремскому внедриться во французскую полицию, в связи с чем последний пытал-

ся, правда безуспешно, поступить на службу в парижскую префектуру...»³.

Неудача постигла Поремского потому, что во Франции прекрасно знали о его отношении к фашизму, о чем свидетельствует справка генеральной инспекции административной полиции Парижа № 157758/1 от 20 декабря 1939 года «О действиях русских германофилов», в которой о Поремском писалось как о яром стороннике немцев.

После начала Великой Отечественной войны положение НСНП стало очень сложным, особенно когда его руководство перебралось в Берлин. В рядах Союза наметился раскол. Часть членов теперь уже НТС (Народно-трудовой союз, с 1942 года) пошла на сотрудничество с фашистами. О их позиции можно судить по статье Е. Островского-Романова «Наша обязанность», опубликованной 19 сентября 1942 года в одной из днепропетровских оккупационных газет, в которой, в частности, декларировалось:

«Победоносная немецкая армия изгнала большевиков с Украины... Немецкий народ ведет борьбу не на жизнь, а на смерть с врагами не только Германии, а и всего цивилизованного мира. Ходом исторических событий мы лишены возможности оказывать помощь немецкому народу с оружием в руках. Но у нас есть руки, и мы можем работать. Наш труд поможет ускорить ход войны, приблизить ее победоносный для немецкого оружия конец»⁴.

Не имея возможности рассказать обо всех, кто в годы войны верой и правдой поддерживал немецких оккупантов, приведем в качестве примера А. Ширинкину.

Ариадна Евгеньевна Ширинкина родилась в 1920 году в семье эмигрантов. В 1937 году она вступила в белградское отделение НСНП и до начала Второй мировой войны работала там сначала на технической должности, а затем в качестве вербовщика новых членов из числа русских эмигрантов. После оккупации немцами Югославии Ширинкина начала сотрудничать с гестапо. А 30 ав-

густа 1941 года в отдел IV Д-3 Главного управления имперской безопасности (РСХА) было направлено следующее письмо:

«Прошу Вашу белградскую службу распорядиться о препровождении в Берлин нижеуказанного лица: Ширинкина Ариадна Евгеньевна, проживающая в Белграде, улица Стояна Протиса, 41. Профессия: студентка, возраст 23 года, холостая»⁵.

В Берлине Ширинкина была включена в группу членов НТС, выехавших во временно оккупированные районы СССР для помощи гитлеровцам в насаждении «нового порядка». По заданию минского отделения НТС она выезжала в Оршу, Брянск, Орел, а потом работала в могилевской резидентуре контрразведки «Зондерштаб-Р». Осенью 1944 года Ширинкину направили на обучение в разведшколу в Санкт-Иоган (Австрия), где она находилась до февраля 1945 года, а затем осуществляла негласный надзор за ближайшим окружением генерала Власова. После разгрома фашистской Германии Ширинкина попала под опеку американских спецслужб. С их помощью она в 1947 году выехала в Бельгию, где продолжала работать как на НТС, так и на западные спецслужбы.

Что касается другой части членов НСНП, то они категорически отказались от сотрудничества с нацистами и присоединились к антифашистскому движению. Многие из них подверглись репрессиям со стороны гестапо. Всего же за связь с партизанами и подпольщиками погибли или были расстреляны более 150 членов НТС. Кстати, именно это обстоятельство дало повод руководству НТС после войны утверждать, что Союз никогда не сотрудничал с фашистами.

Впрочем, все члены НТС, как сотрудничавшие с нацистами, так и боровшиеся против них, в равной мере не принимали Советскую власть. Поэтому после окончания войны НТС вновь взял курс на борьбу с Советским Союзом. Заручившись покровительством американской разведки, НТС прочно обосновался в ФРГ во

Франкфурте-на-Майне. Обстоятельства благоприятствовали Союзу, так как у него появилось много новых сторонников из числа бывших советских военнопленных и перебежчиков. В это же время происходит переориентация основных задач НТС с силовых методов борьбы на сбор разведывательных сведений и пропаганду. Такое решение вполне понятно, так как прошедшая война показала военную мощь СССР и слабость идеологической базы коммунистического режима.

Прежде всего при поддержке западных спецслужб была налажена издательская деятельность. Еженедельник «Посев» (1945—1949 гг.), затем ставший ежемесячным журналом, газеты «Эхо» (1946—1949 гг.) и «Новости» (1947—1948 гг.), журнал «Грани» (с 1946 г.) выходили общим тиражом более 10 тысяч экземпляров. А с лета 1950 года начала вести регулярные радиопередачи радиостанция НТС «Свободная Россия».

Кроме того, с 1951 года началась заброска на советскую территорию листовок. С этой целью в СССР запускали воздушные шары дальнего действия, оборудованные специальным сбрасывателем, обеспечивающим разброску листовок каждые 400—500 километров на пути полета шара. Некоторые воздушные шары имели высоту трехэтажного дома (более 20 метров в диаметре) и могли нести свыше 100 килограммов полезной нагрузки. Эти шары пересекали огромные расстояния. Так, один из таких шаров как-то достиг территории мордовских лагерей, а другой долетел аж до Южной Кореи. Всего же за период с 1951 по 1957 год с помощью шаров на территорию СССР было заброшено 97,4 миллиона листовок, 7,7 миллиона газет и 930 тысяч брошюр и журналов.

Вели члены НТС и прямую агитацию в советских зонах оккупации в Германии и Австрии. С этой целью в районах расположения советских войск устанавливались плакаты антисоветского содержания, расклеивались листовки, распространялись другие печатные издания. Также проводилась и активная работа среди советских беженцев, которых убеждали не возвращаться в СССР. А

16 января 1949 года Советом НТС была принята так называемая «молекулярная теория», целью которой было «усилить главное направление деятельности Союза — организацию Национальной революции в России».

«Молекулярная теория» исходила из того, что на территории СССР невозможно создание разветвленной подпольной структуры. Но это, по мысли автора «молекулярной теории» В. Поремского, не столь важно, если сама структура будет сведена к минимуму. По мысли Поремского, «молекулярный принцип» должен был действовать следующим образом:

— за границей существует Центр;

— он направляет всем «молекулам» одностороннюю безадресную информацию, чтобы усилить их идеи и действия;

— сами «молекулы» тоже прямо не связаны между собой, а сигнализируют друг другу безадресно, рисуя символы, распространяя литературу и тем самым сообщая друг другу о своем существовании.

Приводить в жизнь «молекулярный принцип» стали с начала 1950-х годов, когда НТС при поддержке ЦРУ приступил к заброске на территорию СССР небольших нелегальных групп. Однако эта акция закончилась полным провалом. Одна из первых таких групп, в состав которой входили Александр Маков, Александр Лахно, Дмитрий Горбунов и Сергей Ремиги, сброшенная с американского самолета 27 апреля 1953 года в районе Белой Церкви, была поймана советской контрразведкой. Всем членам группы было предъявлено обвинение по статьям 58-1«а», 58-8 и 58-9 УК РСФСР, и по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 22 мая 1953 года они были расстреляны.

Необходимо также отметить, что все это время НТС действовал в тесном контакте с другими антисоветскими организациями, например с «Лигой борьбы за народную свободу», «Российским народным движением», «Союзом борьбы за освобождение народов России» и многими

другими. Но все же главным партнером НТС в послевоенное время были западные спецслужбы. Этого не скрывали и сами лидеры НТС. Так, весной 1990 года член Совета НТС Б. Миллер в интервью корреспонденту газеты «Аргументы и факты» П. Лукьянченко заявил: «Было бы наивным полагать, что организация нашего толка на Западе может остаться без внимания со стороны таких спецслужб, как Интеллидженс Сервис или ЦРУ»⁶. Внимание же это заключалось в мощной финансовой подпитке НТС и привлечении членов Союза к сбору разведывательной информации и идеологическим диверсиям против СССР.

В начале 1950-х годов возросшая активность НТС и других антисоветских организаций не на шутку встревожила кремлевское руководство. Новый Первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев, понимая уязвимость идеологической базы советского режима, решил воспользоваться сталинским опытом борьбы с оппозицией за рубежом и санкционировал проведение силами КГБ специальных операций против наиболее активных представителей русской эмиграции.

«Счастливая» судьба Александра Керенского

Впрочем, и до прихода к власти Хрущева органы ОГПУ-НКВД внимательно наблюдали за деятельностью многих лидеров эмиграции. Одним из таких лидеров был бывший председатель Учредительного собрания Виктор Михайлович Чернов. Будучи эсером и защитником интересов крестьян в России, он был сторонником социализма. Однако принять большевистскую программу, основанную на насилии, Чернов не смог, и потому эмигрировал.

Находясь в эмиграции, Чернов продолжал искать пути «исправления ошибок революции». С этой целью он в 1926 году даже встретился в Праге с посланцем Стали-

на, который уговаривал его вернуться в СССР. Но вскоре он понял, что его просто пытаются заманить в Москву для расправы, и ехать категорически отказался.

Когда же в СССР началась коллективизация, за Черновым началось плотное наблюдение. Из архивов ИНО ОГПУ видно, что в его окружение было внедрено несколько агентов: «Лорд», «Лоуренс», «Лука», «Сухой». Так, в донесении «Лорда» от 30 ноября 1936 года подробно говорилось об установленном с помощью дворника Г. Фруманика наблюдении за квартирой Чернова в Праге, описывались соседи, окружение, подходы к дому, пути быстрого ухода из квартиры. Из этого можно сделать вывод, что против Чернова готовилась «литерная операция». Однако Чернов почувствовал слежку и переехал сначала в Париж, а потом в США.

Находясь в США, Чернов установил контакт с бывшим главой Временного правительства А. Керенским. А когда Германия напала на Советский Союз, выступил с заявлением, что война должна закончиться крушением двух диктатур — фашистской и сталинской. «После войны, — писал Чернов в издаваемом им журнале «За свободу», — русский солдат должен вернуться победителем на родину, освобожденную от тоталитарной диктатуры».

Разумеется, такие высказывания не могли пройти мимо НКВД. И на одном из агентурных донесений нарком НКВД Берия наложил следующую резолюцию:

«Тт. Фитину, Судоплатову. Надо наладить освещение групп Керенского и Чернова. 7 января 1942 года»⁷.

Начальник 4-го (диверсионного) управления НКВД Судоплатов уже через три дня отдал приказ усилить наблюдение за Керенским и Черновым. И если к последнему интерес пропал после того, как «Сухой» сообщил о том, что он тяжело болен и опасности не представляет, то за Керенским следили более чем внимательно.

Надо отметить, что судьба не баловала Александра Федоровича Керенского. Будучи председателем Временного правительства, он не сумел организовать отпор большевикам и послс Октябрьского переворота был вы-

нужден с помощью англичан через Мурманск бежать в Великобританию. Прибыв в июне 1918 года в Шотландию, он через некоторое время добился встречи с британским премьер-министром Ллойд-Джорджем и попытался уговорить его предпринять широкомасштабную интервенцию в Россию. Под впечатлением беседы с Керенским британский премьер выступил в парламенте, где поддержал сторонников интервенции. Однако реальных шагов в этом направлении англичане не предприняли. Керенский же продолжал искать союзников в Европе и с этой целью посетил Францию, где имел разговор с Клемансо, которого также горячо убеждал принять участие в интервенции.

Что же касается единомышленников Керенского в России — «Союза Возрождения» и правительства Омской директории — то они публично от него откристились. Вообще, редкий русский не плюнул в сторону бывшего премьера. Даже Милюков писал, что Керенский несет большую ответственность за разрушение России, чем кто-нибудь другой. Правда, Керенский тоже не оставался в долгу. Так, будучи в эмиграции, он вел кампанию против Деникина и Колчака, утверждая, что, придя к власти, они установят в России диктатуру. А после разгона Колчаком Омской директории он объявил о своем желании вернуться в Россию и возглавить борьбу за русскую демократию. Однако желание это так и не осуществилось.

В 20-е годы Керенский сначала жил в Париже и Берлине, где издавал газету «Дни», а затем в 30-е годы — в Великобритании. Когда же началась Вторая мировая война, он вновь стал заметной политической фигурой. Дело в том, что американцы и англичане рассматривали вопрос о признании бывшего правительства Керенского в качестве законной власти в России в случае поражения СССР в войне с Германией. Но, как известно, Германия потерпела поражение, и Керенский в роли правителя России так и не был востребован союзниками. После окончания войны он переехал в США, где занялся в

основном написанием своих мемуаров и книг по истории России.

Однако после начала «холодной войны» Керенский вновь появляется на политической сцене. Дело в том, что в тот период определенные силы США считали, что русская эмиграция может служить действенным оружием в борьбе против «империи зла». В результате в марте 1949 года в США было создано эмигрантское правительство — так называемая «Лига борьбы за народную свободу», — которую возглавил Керенский, ставший одновременно и главным редактором печатного органа «Лиги» — газеты «Грядущая Россия». Но целый ряд эмигрантских организаций, и в первую очередь НТС, не признали это «правительство», и американцы вскоре перестали его финансировать.

Что же касается Керенского, то он в 1951 году вышел из Лиги и возглавил существовавшее с 1948 года под руководством писателя Романа Гуля «Российское народное движение». Однако американцы не оставили свою идею создать антисоветскую коалицию из эмигрантских организаций. В результате ими был создан «Комитет друзей русского народа», где главную роль играли русскоязычные специалисты из Гарвардского университета, в том числе небезызвестный советолог Айзек Дон Левин. И именно он предложил объединить под одной крышей не только русские, но и сепаратистские организации, представляющие украинцев, белорусов, азербайджанцев, армян, грузин и народности Северного Кавказа и Средней Азии.

Переговоры о создании новой антисоветской организации начались в январе 1951 года в Фюссене, а в августе продолжились в Штутгарте. В конце концов в ноябре 1951 года в Висбадене была достигнута договоренность о создании «Совета освобождения народов России». В этот Совет помимо Керенского и возглавляемого им «Российского народного движения», вошли «Союз борьбы за освобождение народов России», «Союз борьбы за свободу народов России», «Лига борьбы за народную свобо-

ду», НТС, а также националистические сепаратистские организации.

Однако дело у вновь созданного Совета не заладилось. Не помогло даже переименование спонсорской организации — «Комитета друзей русского народа» — в «Американский комитет освобождения народов России», во главе которого поставили бывшего посла США в Москве адмирала Кёрка. Несмотря на мощную финансовую подпитку, «Совет освобождения народов России» развалился. Правда, на его базе в октябре 1952 года был создан «Координационный центр антибольшевистской борьбы» во главе с Керенским, бюро которого располагалось в Мюнхене. Однако и на этот раз ничего серьезного у Керенского и поддерживающих его американцев не вышло.

Разумеется, советское руководство внимательно наблюдало за происходящими событиями. И активность американцев в создании единой антисоветской организации вызвала в Кремле серьезное, но, как оказалось впоследствии, необоснованное беспокойство. В результате в начале 1952 года МГБ СССР получило указание ликвидировать Керенского. П. Судоплатов, бывший в то время начальником Бюро № 1 МГБ, в своих мемуарах рассказывает по этому поводу следующее:

«Кажется, тогда нам позвонил Маленков и сообщил, что ЦК поручает мне важное задание, в детали которого меня посвятит Игнатъев (министр МГБ — авторы). Вскоре я был приглашен к нему в кабинет, где, как ни странно, он был один. Поздоровавшись, Игнатъев сказал: «Наверху весьма озабочены возможностью формирования «Антибольшевистского блока народов» во главе с Керенским. Эту инициативу американской реакции необходимо решительно пресечь, а верхушку блока обезглавить. Мне приказано безотлагательно подготовить план действий в Париже и Лондоне, куда предполагается приезд Керенского».⁸

В результате в марте 1952 года под руководством Судоплатова была разработана операция по ликвидации

Керенского. Исполнителем данной акции был выбран сотрудник Бюро № 1 МГБ СССР капитан Николай Хохлов. Он должен был вместе с другой сотрудницей Бюро, Ивановой, выступавшей под видом его тетушки, выехать в Париж, где агент Бюро снабдил бы его полной информацией о подлежащем ликвидации «друге». (О том, что ликвидировать предстоит именно Керенского, Хохлову никогда не говорили.) Осмотревшись, Хохлов должен был застрелить «друга» из пистолета, замаскированного под авторучку «паркер». Но Хохлов отказался от этого задания, мотивируя свой отказ тем, что ему страшно браться за такое дело. После этого Судоплатов, понимавший бесперспективность данной операции, доложил Игнатьеву, что Хохлов, дескать, попал в поле зрения французской контрразведки, участвовать в операции не может, и предложил использовать в ней французскую боевую группу Бюро, которую возглавлял князь Гагарин. Однако Игнатьев не захотел брать на себя ответственность, в результате чего операция по ликвидации Керенского так и не состоялась.

Интересно, что уже после смерти Сталина возглавивший МВД Берия (с марта 1953 по март 1954 года МГБ и МВД были объединены в одно министерство) резко критиковал руководство разведки за примитивные и малоэффективные методы работы. По его словам, ликвидация престарелых деятелей эмиграции вроде Керенского не имели практического смысла. Однако когда при Хрущеве началась очередная «чистка» аппарата госбезопасности, арестованного Судоплатова обвинили кроме всего прочего и в том, что он не выполнил приказ Сталина и Маленкова о ликвидации Керенского.

Что же касается самого Керенского, то он умер своей смертью в 1970 году в возрасте 89 лет.

Разумеется, Керенский был не единственным из эмигрантов, в отношении которых сталинское руководство готовило акты террора. Но если Керенскому повезло и он так и не был убит, то судьба других эмигрантов была более печальной.

Так, например, в сентябре 1947 года в Западном Берлине советскими агентами был захвачен и вывезен в СССР член НТС Юрий Трегубов.

Юрий Андреевич Трегубов родился 4 апреля 1913 года в Петербурге в семье русского дипломата, работавшего одно время генеральным консулом в немецком городе Штеттине. Именно это обстоятельство позволило ему в январе 1926 года получить немецкие визы для своей жены и сына Юрия. (Сам он остался в СССР, где и умер в 1935 году.) Оказавшись в Германии и узнав о начавшихся в СССР первых партийных чистках, жена Трегубова решила не возвращаться на родину. Таким образом, Юрий Трегубов стал эмигрантом.

Окончив русско-немецкую гимназию Св. Георгия в Берлине, Трегубов в 1934 году, как и многие другие молодые россияне, выросшие за границей и ненавидевшие большевиков, вступил в НТС. А когда началась Великая Отечественная война, он вместе с четырьмя другими членами Союза стал работать преподавателем немецкого языка в особом лагере министерства восточных территорий Рейха. Когда же в 1943 году между фашистскими лидерами и частью руководства НТС начались размолвки, Трегубов поступил в РОА генерала Власова. Вскоре он уже имел чин поручика и занимал должность заместителя начальника личной канцелярии генерал-майора Ф. И. Трухина. После капитуляции Германии он не был распознан как власовец и в качестве простого немецкого солдата попал в чешский плен.

В плену Трегубов пробыл до августа 1946 года. Освободившись, он, как имевший с 1944 года немецкое гражданство, выехал в Западный Берлин, где в это время жила его мать. Устроившись на новом месте в качестве преподавателя немецкого и русского языка для американских офицеров, Трегубов вновь активно включился в антисоветскую деятельность, проводимую НТС, в результате чего попал в поле зрения МГБ СССР. И вскоре было принято решение похитить Трегубова и вывезти его на территорию Советского Союза.

С этой целью к Трегубову подвели агента — его бывшую одноклассницу по русско-немецкой гимназии в Берлине. Узнав, что ему необходимы два пропуска для выезда из Западного Берлина в западную зону оккупации Германии, чтобы перебраться туда вместе с матерью, она пообещала Трегубову достать их. А в качестве ответной услуги попросила его сходить с ней в небольшой Дойче театр, находившийся на границе между Западной и Восточной зонами Берлина. Трегубов согласился, и во время посещения театра был захвачен оперативной группой.

В Москве Трегубова подвергли многочисленным допросам. Вот что рассказал о них сам Трегубов в 1999 году в интервью заместителю главного редактора журнала «Посев» А. Окулову:

«Мои представления об интересе МГБ в отношении меня оказались совершенно неправильными. Я был несколько лет представителем союзной газеты «За Россию» в Германии, она расходилась в количестве от 130 до 150 иногда даже до 170 экземпляров, и я думал, что допросы будут вращаться вокруг темы газеты «За Россию». Но на самом деле оказалось не так. Меня почти не спрашивали о газете, так что у меня создалось впечатление, что МГБ вообще мало интересуется русской зарубежной эмигрантской прессой. Зато сразу же, хотя и очень осторожно, стали допытываться о том, что я знаю о закрытой работе НТС. Во-первых, что я знаю о союзной радиостанции «Льдина», о которой я действительно ничего не знал. Затем, что я знаю о системе «Зондерштаб Р». Об этом учреждении я слышал только одно название. Потом начались вопросы о разных членах союза».

В ходе следствия сотрудниками МГБ была сделана попытка завербовать Трегубова в качестве осведомителя, а когда она не удалась, его в январе 1950 года осудили к высшей мере наказания. Однако через несколько дней смертный приговор был заменен 25 годами исправительно-трудовых лагерей. После этого Трегубов был направлен в Воркуту, где работал на шахтах, а в январе

1953 года был переведен в Дубравный лагерь МВД в Тотьму.

Но в 1955 году Трегубову неожиданно повезло. Дело в том, что тогда в Москву с официальным визитом прибыл канцлер ФРГ К. Аденауэр, во время которого правительство СССР официально признало новое немецкое государство. В связи с этим Аденауэр потребовал от СССР освободить из советских лагерей всех немецких заключенных, что и было выполнено. А так как Трегубов с 1944 года имел немецкое гражданство и проходил как немецкий подданный во всех документах, «аденауэрская амнистия» коснулась и его. В результате в октябре 1955 года он был репатриирован в Западный Берлин, куда прибыл 11 октября 1955 года.

Безусловно, освобождение Трегубова произошло случайно, в результате бюрократической ошибки мелкого чиновника МГБ. Но сам он воспользовался этой ошибкой в полной мере и уже в 1957 году опубликовал книгу «Восемь лет во власти Лубянки. Записки члена НТС», в которой подробно описал все, что с ним произошло.

Похищение Александра Трушновича

Как уже говорилось, пришедший к власти в 1953 году Н. С. Хрущев, обеспокоенный размахом антикоммунизма на Западе, решил бороться с зарубежными антисоветскими организациями сталинскими методами, то есть путем физической ликвидации наиболее активных и пользующихся авторитетом лидеров эмиграции. Первой жертвой такой политики стал один из руководителей НТС Александр Трушнович.

Александр Рудольфович Трушнович, словенец по происхождению, родился 14 декабря 1893 года в городе Постойна в Словении (бывшая Австро-Венгрия) в семье железнодорожного служащего. Он получил образование в университетах Флоренции, Вены и Инсбрука. 8 августа 1914 года в связи с началом Первой мировой войны он

был мобилизован в австро-венгерскую армию и направлен в военное училище в Мариборе. После окончания училища Трушнович в чине подпоручика в составе 47-го пехотного полка был направлен на русский фронт. Но в июне 1915 года часть, в которой он служил, в районе города Залешике перешла на сторону русских войск.

В числе других военнопленных Трушнович был направлен в Тамбовскую губернию для проверки. Там он как славянин посчитал для себя невозможным воевать с Россией и в декабре 1915 года подал прошение на имя Николая II с просьбой направить его в Одессу в состав недавно сформированной «высочайшим повелением» 1-й Сербской добровольческой дивизии, что и было исполнено. В рядах этой дивизии он воевал до конца войны, был тяжело ранен. А когда в России началась Гражданская война, Трушнович не задумываясь вступил в белую армию. В корниловских частях он служил сначала пулеметчиком, а потом командовал пулеметной ротой. После поражения Белой армии в 1920 году Трушнович не смог эвакуироваться вместе со своими однополчанами, был арестован ЧК и дважды приговаривался к расстрелу. И оба раза его спасали чекисты-сербы. В конце концов они помогли ему бежать и достали новые документы, по которым он жил до 1934 года.

В 1934 году Сталин, желая установить хорошие отношения с Югославией, образованной в 1929 году, разрешил небольшой части сербов и словенцев вернуться на родину. В числе этой маленькой группы оказался и Трушнович, которому посчастливилось увезти с собой жену и сына. Приехав в Югославию, он до оккупации страны Германией занимается врачебной практикой в селе Морович (Срем), а также публикует книги «Старая и новая Россия» (издана в 1937 году на сербском языке) и «Хата на перекрестке» (издана в 1940 году на русском языке).

В начале 1941 года Трушнович становится членом НТС и переезжает в Белград. Здесь он в 1942—1944 годах возглавляет подпольную деятельность НТС в Сербии, поддерживает связь с сербской организацией «Сбор»,

возглавляемой Д. Летичем. В сентябре 1944 года при приближении советских войск к Белграду он выезжает в Германию и вступает в РОА, где занимает должность помощника начальника санитарной части. В апреле 1945 года по поручению генерала Власова он ведет переговоры с югославскими антикоммунистическими добровольческими частями о возможности ухода РОА в югославские горы. При выполнении этого приказа в австрийском Тироле Трушнович встречает передовые французские части и попадает в плен.

В июле 1945 года Трушнович переезжает в лагерь Менхедорф под Касселем (Германия), работает там лагерным врачом и даже издает медицинский журнал. Он продолжает поддерживать тесные связи с НТС. В 1946 году он был избран членом Совета НТС, а с 1952 года стал председателем Высшего суда Совести и Чести НТС. Основной сферой деятельности Трушновича была помощь так называемым «перемещенным лицам» — советским гражданам, оказавшимся после войны в Германии. В связи с этим в сентябре 1950 года он избирается председателем гамбургского «Комитета помощи православным беженцам», а затем создает «Берлинский комитет помощи беженцам» и становится его председателем. Кроме того, в мае 1951 года он входит как сопредседатель в «Свободный союз русско-немецкой дружбы».

Возглавив эти организации, Трушнович развернул активную работу среди советских «перемещенных лиц» с целью убедить их не возвращаться в Советский Союз. Здесь надо отметить, что получившее распространение со времен «перестройки» мнение, будто бы большинство из тех, кто не прислушался к словам Трушновича и вернулся в СССР, в скором времени оказались в лагерях ГУЛАГа, не соответствует действительности. На самом деле из 1 539 475 советских военнопленных, репатриированных к 1 марта 1946 года, репрессиям подверглись лишь 226 127 человек (14,7%) — в основном власовцы и участники других подобных формирований. При этом большинство из них в качестве наказания получили 6 лет

спецпоселений и уже в 1952—1953 годах были освобождены. Что же касается гражданских лиц, то из 2 660 013 репатриировавшихся советских граждан репрессиям подверглось 46 740 (1,8%) — опять-таки в основном пособники оккупантов.

Кроме того, под руководством Трушновича была развернута агитация среди советских военнослужащих, расквартированных в Восточной Германии. И надо сказать, что во многом агитация эта имела успех. Недаром во время подавления 16—17 июня 1953 года восстания в Берлине значительное количество солдат Красной Армии отказалось стрелять в берлинцев.

Разумеется, столь активная и довольно успешная деятельность НТС не могла остаться незамеченной Москвой. И вскоре там было принято решение похитить одного из лидеров Союза, а затем начать пропагандистскую кампанию о его «добровольном возвращении в Советский Союз и разрыве с НТС». Объектом похищения был избран Трушнович, причем приказ о проведении операции был отдан лично председателем КГБ И. Серовым с санкции ЦК КПСС.

Вечером 13 апреля 1954 года Трушнович отправился на квартиру к председателю Вильмерсдорфского районного отдела Союза вернувшихся военнопленных Гейнцу Глезке, расположенную в английском секторе Западного Берлина. Но он не знал, что Глезке был завербован КГБ, и что на квартире его поджидают три сотрудника (двое мужчин и одна женщина) 13-го отдела ПГУ КГБ, созданного совсем недавно для проведения террористических и диверсионных операций. Трушнович был оглушен железным прутком, после чего ему ввели сильнодействующий наркотик и на машине перевезли в Восточный Берлин. Позднее, по показаниям свидетелей, которых удалось найти западноберлинской полиции, было составлено официальное заключение. Вот небольшая выдержка из него:

«Между 20.30 и 20.45 свидетели видели, как по лестнице спускался мужчина, неся на плече другого мужчи-

ну, одежда и рост которого соответствуют одежде и росту д-ра Трушновича, в бессознательном состоянии. За ними следовала неизвестная свидетелям женщина и несколько позади Глезке... Глезке нес под мышкой ковер-дорожку. Перед домом ждала машина-лимузин «Опель-капитан» выпуска 1953 года с шофером...»⁹.

Однако получивший тяжелые телесные повреждения Трушнович умер во время перевозки в Восточный Берлин от удушья вследствие западения языка. Таким образом, основная задача похищения — перевербовка Трушновича и использование его в пропагандистской акции не удалась. Впрочем, руководство КГБ все же попыталось использовать исчезновение Трушновича в запланированных целях. Самого его тайно похоронили на одном из кладбищ ГДР, а вскоре в восточноберлинской газете «Тотлихе рундшау» было опубликовано сфабрикованное КГБ «Заявление доктора А. Р. Трушновича (почему я порвал с прошлым)». В заявлении говорилось о его добровольном переходе в Восточную Германию, вызванном продажностью эмигрантских кругов, политикой лжи, шпионажа и вооруженного терроризма НТС против Советского Союза.

Но на Западе никто не поверил в истинность подобного заявления. Уже вечером 15 апреля коменданты британского и американского секторов Западного Берлина генералы Оливер и Тиберман передали советскому представителю в Берлине генералу Деньгину резкий протест против похищения Трушновича. А представители крупнейших западных государств и ООН потребовали от СССР немедленно освободить Трушновича. Западная пресса также не осталась в стороне, начав очередную антисоветскую кампанию. Так, французская газета «Монд» 23 апреля 1954 года писала:

«Похищение в Берлине доктора Трушновича, по-видимому, доказывает, что политическая полиция СССР остается и сегодня верной традициям ГПУ, похитившего во Франции генералов Кутепова и Миллера... Эти действия находятся в полном противоречии с уважением к

правам человека, обязательным для великой страны, состоящей в ООН и вступившей в ЮНЕСКО».

А 19 мая 1954 года с письмом к Молотову обратилась жена Трушновича Зинаида Никаноровна. В частности, она писала:

«Я приехала в Женеву, чтобы обратиться к Вам как частное лицо, как жена. Я прожила с моим мужем 36 лет, и я не хочу оставлять его одного на склоне жизни. Я твердо решила жить с ним в стране по его выбору. Однако этот выбор должен быть сделан в условиях полной свободы. Я нахожусь сейчас в Женеве. Самолеты ежедневно курсируют между Швейцарией и Восточным Берлином.

Если бы моему мужу была бы предоставлена возможность, то он смог бы в любой момент прибыть в Женеву. Это положило бы конец всем моим сомнениям, так как при личной встрече я могла бы от него узнать все обстоятельства его исчезновения.

Я убеждена, что швейцарские власти гарантируют моему мужу полную безопасность и свободу в течение его пребывания в Женеве и гарантируют его от всякого давления, с чьей бы стороны оно ни исходило».

Но в ответ на все требования и призывы руководство СССР хранило полное молчание.

Долгое время о судьбе Трушновича ничего не было известно. Долгое время в СССР официально отрицали причастность советских спецслужб к исчезновению Трушновича. Положение изменилось только после августа 1991 года. 21 ноября 1991 года образованный в сентябре Общественный комитет имени Александра Трушновича (ОКАТ) направил в Центр общественных связей КГБ официальный запрос о судьбе Трушновича. А уже 16 января 1992 года в официальной беседе с председателем ОКАТ М. Горбаневским представитель ЦОС полковник А. Кондауров подтвердил, что КГБ СССР имел непосредственное отношение к «факту изъятия» А. Трушновича, а также пообещал предоставить имеющиеся по этому делу документы. Это произошло 17 июля 1992 года, ког-

да А. Кондауров и руководитель пресс-бюро СВР России Ю. Кобаладзе передали сыну Трушновича Ярославу документы, личные вещи, свидетельство о смерти и план захоронения отца. Однако имена исполнителей теракта названы не были, хотя А. Кондауров и заявил:

«Скрывать нам нечего. Похищение лидера НТС в 1954 году — очередное доказательство бесспорной для нас сегодня преступности сталинского режима»¹⁰.

Хохлов против Георгия Околовича

Разумеется, похищение Трушновича было не единственной спецоперацией советских органов госбезопасности, направленной против НТС. В составленной осенью 1953 года МВД СССР «Ориентировке по НТС» значились и другие видные деятели Союза. Одним из них был Георгий Сергеевич Околович, который, как уже говорилось выше, в 1937—1938 годах нелегально находился в Советском Союзе, а после Второй мировой войны, будучи председателем Исполнительного бюро НТС, руководил операциями по заброске в СССР нелегальных эмиссаров Союза.

Впрочем, как утверждают представители НТС, покушение на Околовича пытались совершить и до 1953 года. Например, М. Горбаневский и В. Батшев говорят о том, что в июне 1951 года в западной зоне оккупации Германии были разоблачены три агента МГБ, получившие задание похитить Г. Околовича. Во время задержания у них были изъяты усыпляющие средства и лом. Причиной провала операции стала утечка информации из Восточного Берлина. А в летом 1953 года в одном из городов Западной Германии была предпринята попытка похищения жены Околовича — Валентины Околович.

Правда это или нет, сказать трудно. Но в середине 1953 года в 9-м отделе МВД, ставшем преемником Бюро № 1, началась разработка операции «Рейн», целью которой была ликвидация Околовича. Санкционировал опе-

рацию «Рейн» Президиум Политбюро ЦК КПСС, (конкретно — Н. Хрущев и Г. Маленков), а контроль за ее выполнением осуществляли заместитель министра И. Серов и начальник Второго управления МВД (разведка за рубежом) А. Панюшкин. Непосредственным исполнителем теракта по предложению начальника 9-го отдела Л. Студникова был назначен уже упоминавшийся нами капитан КГБ Николай Евгеньевич Хохлов, на биографии которого имеет смысл остановиться более подробно.

Николай Евгеньевич Хохлов родился 7 июня 1922 года в Нижнем Новгороде. Его отец служил рядовым в царской армии, а в 1917 году примкнул к большевикам. Когда Хохлову было пять лет, родители развелись. Позднее его мать вышла замуж за сына известного художника и одновременно профессора Варшавского университета Михайловского. А в 1930 году семья Хохлова переехала из Нижнего Новгорода в Москву.

Николай Хохлов с детства тяготел к театру, и после окончания школы закончил курсы при театральной студии им. М. Хмелева, получив диплом режиссера. В декабре 1940 года он, как мастер художественного свиста, выезжал на гастроли по СССР со своей партнершей Агнесой Шур, а с весны 1941 года выступал вместе с ней в московском Эрмитаже. От военной службы он был освобожден из-за плохого зрения.

После начала Отечественной войны Хохлов пошел добровольцем в истребительный батальон НКВД, где был завербован сотрудниками Особой группы, возглавляемой П. Судоплатовым. Хохлов был отобран для работы в составе одной из подпольно-диверсионных групп, которые создавались на случай взятия немцами Москвы. Он был направлен в школу радистов и, пройдя ускоренное обучение, вошел в состав группы из четырех человек, предназначенной для действий в Москве в случае ее оккупации. «Эстрадного актера Хохлова всегда с большим интересом слушали на концертах, — вспоминал позднее Павел Судоплатов. — Мы думали о боевой опера-

нии группы из четырех артистов против немецкого офицерского собрания. Девушка-жонглер должна была бросить со сцены гранату, замаскированную под полено». ¹¹

Когда в январе 1942 года угроза захвата Москвы миновала, группа была расформирована. Как пишет в своих воспоминаниях Хохлов, в феврале он получил новое задание. Он должен был через Тбилиси выехать в Турцию, чтобы принять там участие в покушении на немецкого посла Франца фон Папена. Однако сразу после приезда в Тбилиси он заболел тифом, пробыл в больнице до середины мая 1942 года, в результате чего не смог принять участия в операции, которая, кстати говоря, провалилась.

После этого Хохлов прошел серьезную подготовку на конспиративной квартире НКВД. Он основательно изучил немецкий язык, для чего выезжал в лагерь для военнопленных под Красноярском, а в апреле 1943 года провел там целый месяц, выдавая себя за лейтенанта немецкой армии Вальтера Латте.

В августе 1943 года он с документами на имя оберлейтенанта Отто Витгенштейна вместе с другим агентом НКВД Карлом Кляйнюнгом был заброшен в Белоруссию к партизанам и вскоре принял участие в организации убийства гауляйтера Вильгельма фон Кубе. В этой операции участвовало несколько разведывательно-диверсионных отрядов 4-го управления и ГРУ. Лавры за ее успешный исход все присваивают себе. Но, судя по всему, главную роль в этом деле сыграли партизаны из отрядов Станислава Ваупшасова и Давида Кеймаха. Как бы то ни было, 18 сентября 1943 года Кубе был убит при помощи магнитной бомбы, подложенной в изголовье его кровати Еленой Мазаник, работавшей горничной в его доме. Мина была получена от Марии Осиповой, выполнявшей роль связной. Непосредственным руководителем операции был Николай Федоров — начальник разведки отряда ГРУ, возглавлявшегося Давидом Кеймахом. За эту операцию обе женщины получили звание Героя Советского Союза, Н. Федоров — орден Ленина, а

Хохлов и его напарник Кляйнюнг — ордена Отечественной войны I степени.

После убийства Кубе Хохлов в течение семи месяцев находился в лесах Белоруссии, иногда выходя с заданиями в Минск в немецкой форме. Затем он вместе с группой в 40 человек получил задание из Москвы двинуться для проведения партизанских операций в район озера Нароч в Литве. В Минск он вернулся уже вместе с наступающей Красной Армией. С сентября 1944-го по март 1945 года Хохлов находился в Москве, проживая на квартире своей матери. Здесь ему сообщили, что в дальнейшем он будет выполнять спецзадания за границей.

В марте 1945 года он с документами на имя гражданина Польши Станислава Левандовского был нелегально заброшен в Бухарест для вживания в образ европейца. Вживание затянулось, и Хохлов закрутил роман с румынкой Эмилией, на которой в скором времени (в апреле 1946 года) женился без санкции начальства.

Свержение румынского короля Михая и установление в Румынии коммунистической диктатуры вызвало у Хохлова, по его словам, отвращение. Поэтому 28 сентября 1949 года он направляет через специальные каналы рапорт об отставке, с тем чтобы продолжить образование. В октябре 1949 года Хохлов получил разрешение выехать в Москву, что он и сделал, бросив молодую жену, которая так и не узнала, кем на самом деле являлся ее муж.

В Москве он заявил начальству, что хочет уйти из разведки и продолжить образование. По утверждению Хохлова, Судоплатов якобы был категорически против его увольнения. Но в конце концов был достигнут компромисс — в 1950 году Хохлов поступил на филфак МГУ, оставшись при этом сотрудником МГБ в звании старшего лейтенанта и получая стипендию от своего ведомства. Вот что пишет по этому поводу в своих мемуарах Судоплатов:

«Я взял с собой Хохлова в Румынию, чтоб он, пожив там какое-то время, адаптировался к жизни на Западе.

Вернувшись в Москву, Хохлов находился в резерве МГБ в группе секретных агентов, которых планировалось использовать для «глубокого проникновения» на Запад. Для всех он вел жизнь обычного советского студента, получая на самом деле жалование в моем бюро, где проходил по негласному штату как младший офицер разведки. Его учеба в институте была прервана войной, и я без вступительных экзаменов устроил его на филологический факультет МГУ»¹².

В 1951 году Хохлов женился на своей бывшей однокласснице белоруске Янине, работавшей инженером-строителем. Узнав о службе Хохлова в «органах», она пришла в ужас и стала убеждать его порвать с разведкой. Но он не решался пойти на конфронтацию с начальством.

В марте 1951 года Хохлов был послан в Австрию с подлинным паспортом на имя австрийского гражданина Йозефа Хофбауэра с заданием устроить «крышу» для нелегальных сотрудников Бюро № 1. По утверждению Хохлова, он специально провалил это задание. На практике это выглядело так. Хохлов купил в Швейцарии шикарный аккордеон, который обнаружили австрийские таможенники, потребовавшие уплатить таможенный сбор. Однако денег у Хохлова не было, в связи с чем аккордеон задержали до уплаты суммы. Когда же Хохлов явился для оплаты в венское отделение полиции, у него отобрали паспорт, который удалось вернуть лишь с помощью взятки. Но при разборе обстоятельств провала в Центре пришли к выводу, что в неудаче виновата австрийская полиция, и Хохлов продолжал служить в органах МГБ.

Впрочем, Судоплатов рассказывает об этом эпизоде немного иначе:

«Хохлов несколько раз выезжал в Германию, Австрию и Швейцарию. Я хотел, чтобы он, используя свои внешние данные, а также свой артистизм, познакомился с балериной грузинского происхождения, танцевавшей в Парижской опере, которую часто видели в компании с американскими офицерами и персоналом натовской

штаб-квартиры. Его хорошие манеры и общительность помогли ему создать группу по сбору информации и, что было еще важнее, организовать боевой резерв для чрезвычайных ситуаций.

Сам Хохлов об этих планах ничего не знал. К моему сожалению и негодованию, он совершил непростительную ошибку, которую сам вначале не принял всерьез. В моих глазах, однако, это перечеркнуло всю его карьеру нелегала.

А дело было вот в чем. Хохлов попытался тайком вывезти в Австрию купленный в Швейцарии аккордеон. Таможенники задержали его, тщательно проверили документы и на несколько часов забрали паспорт. Как только Хохлов доложил о случившемся в Центр, мне стало ясно: легенде о герре Хофбауэре наступил конец.

Понятно, что для подготовки боевых операций по этой легенде он больше не годился. Хохлов сам попросил освободить его от выполнения своих обязанностей, и я удовлетворил его просьбу. В его личном деле должен храниться подписанный мною рапорт об отчислении его из бюро». ¹³

Как бы там ни было, но Хохлов после инцидента с аккордеоном не только остался в кадрах Бюро № 1, но начальство планирует его кандидатуру для выполнения спецзадания — в марте 1952 года ему поручают ликвидацию Керенского. Но, как утверждает сам Хохлов, посоветовавшись с женой, он отказался от задания, сославшись на то, что у него расшатаны нервы, дрожат руки и ноги. Но и на этот раз все закончилось для него благополучно. Вместо наказания за отказ от выполнения ответственного задания он был направлен в управление МГБ в Восточном Берлине на административную работу. В Карлсхорсте он занимался обработкой разведывательной информации и подбором кандидатов в агенты-боевики, которым предстояло действовать на Западе. Там же, в Берлине в августе 1952 года у Хохловых родился сын.

В 1953 году, вскоре после ареста Берия и начальника 9-го отдела МВД Судоплатова Хохлова вернули в Моск-

ву. А еще через некоторое время новый начальник 9-го отдела Л. Студников поручил ему составить список наиболее надежных боевиков, дела которых он проверял в Карлсхорсте. Когда же такой список был составлен, Студников и резидент 9-го отдела в Австрии С. Окунь сообщили Хохлову, что он назначается руководителем оперативной группы, которой поручено ликвидировать Георгия Околовича.

Операция готовилась весьма тщательно. В группу Хохлова были включены два восточногерманских агента — Ганс Кукович («Феликс») и Курт Вебер («Франц»), которых он отобрал в Берлине. Они прошли курс спецподготовки на базе 9-го отдела в Новогорске, где среди их инструкторов были знаменитые спортсмены — чемпион СССР по самбо Михаил Рубак и пятикратный чемпион СССР по стрельбе подполковник Годлевский. Убийство Околовича предполагалось совершить при помощи пистолета с электрическим спуском и глушителем, стреляющим отравленными цианистым калием пулями, который был замаскирован под пачку сигарет «Кемел».

В начале 1954 года подготовка операции была завершена и в феврале Хохлов, которому присвоили очередное звание капитан госбезопасности, выехал по старому паспорту на имя Хофбауэра за рубеж для выполнения задания. Прежде чем оказаться во Франкфурте, где проживал Околович, он довольно долго кружил по Европе с целью запутать следы. Сначала Хохлов приехал в Венецию, затем отправился в Рим, оттуда перебрался в Милан. Из Милана выехал в Цюрих, где встретился со своими помощниками. После этого один из агентов направился прямо во Франкфурт, а другой помог открыть Хохлову счета в банках Женевы и Лозанны, необходимые для безопасного отхода из Германии. И только после этого Хохлов через Вену вылетел во Франкфурт.

Но к этому времени, по утверждению Хохлова, он уже сделал свой выбор. 18 февраля 1954 года он зашел на квартиру Околовича во Франкфурте и представился, повергнув хозяина квартиры в полное замешательство. «Ге-

оргий Сергеевич, — обратился он к Околовичу, — я прибыл из Москвы. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза приказал вас ликвидировать. Убийство поручено моей группе». В результате убийство Околовича не состоялось. Сам Хохлов, после того как предупредил Околовича, собирался вернуться в Москву и доложить, что его миссия не увенчалась успехом. Однако Околович проинформировал о случившемся ЦРУ, и те решили вынудить Хохлова к измене, проведя без его ведома пресс-конференцию, на которой было объявлено, что Хохлов перешел на Запад.

Думается, что здесь будет уместно привести точку зрения на случившееся П. Судоплатова. Вот что он пишет:

«Один из последних начальников Хохлова, Герой Советского Союза Мирковский, мой бывший заместитель, рассказал мне, что его подопечный не хотел ехать на последнее задание. Посылали его не для ликвидации Околовича, а для подготовки этого убийства, выполнить которое должна была группа немецких агентов. Хохлов также не хотел брать с собой жену и сына в Австрию. Это означало, что он совсем не собирался бежать на Запад. На пресс-конференции, проводившейся в ЦРУ, он, однако, заявил, будто они с женой только и мечтали о побеге. Он приобрел шумную известность в западной прессе своими обращениями к правительствам «свободного мира» добиться выезда к нему жены и сына. Мирковский полагает, что с нашей стороны было ошибкой позволить Хохлову появляться на Западе с паспортом, который однажды уже привлек внимание спецслужб. Как мы предполагаем, он попал в руки ЦРУ и его принудили к сотрудничеству, но в этой отчаянной ситуации ему все-таки удалось послать условную открытку жене. Хотя она и была просмотрена ЦРУ, в ней все же содержался предупредительный сигнал о том, что он работает под «враждебным контролем». Ему не повезло — этот сигнал не был вовремя замечен. Два других агента, посланных нами для работы с Хохловым, были схвачены американцами: его заставили их выдать»¹⁴.

Интересно и мнение С. Окуня, считавшего операцию «Рейн» возмездием за дела НТС на оккупированной во время войны немцами территории СССР:

«С технической стороны это была уникальная операция, я не говорю о моральной стороне. Если бы не Хохлов... Это была неподходящая кандидатура, человек нестабильного темперамента. И жена, конечно, сыграла роль... Установили, что они дома вместе гадали на кофейной гуще, сеансы спиритизма устраивали, блюда двигали...».

Как бы там ни было, но 20 апреля 1954 года состоялась сенсационная пресс-конференция, на которой Хохлов рассказал об операции «Рейн» и продемонстрировал орудие убийства. А после пресс-конференции Хохлова переправили в США, где позднее он дал под присягой показания об операции «Рейн» комиссии Сената США и получил американское гражданство. Что же касается подручных Хохлова — Куковича и Вебера, то их на время задержали, а после суда выпустили. Почти сразу же после освобождения они были переброшены КГБ в Восточный Берлин.

После того как Хохлов остался на Западе, его жену Янину продержали пять месяцев на Лубянке, и, взяв подписку о неразглашении, отправили на пять лет в ссылку в Среднюю Азию вместе с двухлетним сыном. Сам Хохлов думал переправить семью на Запад, опираясь на поддержку ЦРУ. Но американцы, пообещав помочь, не смогли или не захотели этого сделать.

Самого Хохлова в СССР в 1954 году приговорили к смертной казни. И это не было простой формальностью. 17 сентября 1957 года во Франкфурте во время конференции антикоммунистических организаций ему подмешали в кофе радиоактивный таллий. Этот метод был избран в надежде, что следы таллия не будут обнаружены при вскрытии. Но немецкие, а затем и американские врачи, быстро распознав, что имеют дело с лучевой болезнью, спасли Хохлова от смерти.

После этого Хохлов включился в активную борьбу с советским режимом. Он организовал работу радиостанции НТС на Тайване, обучал антикоммунистических повстанцев в Южном Вьетнаме. Позднее он завершил свое образование в США и стал полным профессором психологии Калифорнийского университета. В 1958 году он издал книгу под названием «Право на совесть».

После развала СССР в 1991 году Хохлов был амнистирован Указом Президента Российской Федерации № 308 от 27 марта 1992 года. В июне 1992 года он впервые за 38 лет прибыл в Москву, где встретился с женой и сыном. Сейчас он живет в США. Что же касается сына Хохлова, то он стал профессором биологии Московского университета и как научный эксперт ездил в Соединенные Штаты. Впрочем, со своим отцом он впервые встретился только тогда, когда тот появился в их московской квартире в 1992 году.

* * *

Несмотря на предательство Хохлова, советское руководство не отказалось от проведения спецопераций против НТС. И буквально через два месяца состоялось похищение Трушновича. Можно назвать и еще несколько спецопераций:

— в июне 1954 года советскими агентами Геннадием и Марией Волковыми и Рудольфом Гинтером из собственной квартиры в австрийском городе Линц был похищен работник НТС Валерий Треммль;

— осенью 1954 года у памятника советским воинам в Западном Берлине был похищен и вывезен в СССР член НТС Георгий Хрулев;

— в 1955 году во время попытки похищения погиб член НТС Сергей Попов;

— в декабре 1955 года сдался западногерманским властям некий Вольфганг Вильдпретт, бывший уголовник, которого, по его словам, за 20 тысяч марок наняли убить В. Поремского.

Однако после процесса над сотрудником КГБ Б. Сташинским, состоявшегося в октябре 1962 года в Карлсруэ (ФРГ), когда СССР обвинили в убийстве украинских националистов Л. Ребета и С. Бандеры, спецоперации за рубежом были прекращены. Поэтому утверждения некоторых членов НТС о том, что КГБ до самого последнего дня своего существования продолжал проводить акции террора в отношении Союза, выглядят более чем сомнительно.

Однако и без спецопераций противостояние советских спецслужб и НТС ни на минуту не ослабевало и продолжалось до самого распада СССР и расформирования КГБ. После августа 1991 года НТС начал работать на территории России вполне легально. Но его идеи оказались невостребованы обществом, и в настоящее время Союз фактически прекратил свое существование.

Глава четвертая

Борьба с украинскими националистами

Не меньшую опасность, чем белая эмиграция, представляли для установившегося в России коммунистического режима украинские националисты. Имена С. Петлюры, Ю. Тютюника, Е. Коновальца, С. Бандеры говорят сами за себя. После долгой и кровопролитной борьбы остатки разгромленных отрядов украинских националистов оказались за пределами ставшей советской Украины. Но и находясь в эмиграции, они продолжали борьбу против Советской власти, не отказываясь и от актов террора.

Украинские националистические организации

После окончания Гражданской войны за границей оказались десятки тысяч украинцев, сражавшихся в свое время против Советской власти. Только в одной Польше их сосредоточилось не менее тридцати пяти тысяч. Центрами националистической украинской эмиграции являлись, помимо Варшавы и Львова, также Берлин, Прага, Париж и Вена. В эмиграции действовало большое коли-

чество различных партий, организаций и групп, враждующих между собой.

Так, в Германии большим влиянием пользовались сторонники бывшего марионеточного «гетмана» Павло Скоропадского. Его самозванная гетманская «управа» издавала в Берлине свой журнал. Бывшие сторонники Скоропадского во время его недолгого правления в период австро-немецкой оккупации Украины объединились в 1920 году в Вене в «Украинский союз хлеборобов-державников». В этот союз вошли такие «хлеборобы», как граф Монтрезор, Скоропис-Йолтуховский, князь Кочубей и другие. Лидером «хлеборобов» стал В. Липинский, в свое время являвшийся крупным земельным собственником в Умани. В 1922 году организацию возглавил сам бывший гетман, который постоянно проживал в Берлине, получая назначенную ему немецким правительством пенсию. Филиалы организации Скоропадского, помимо Германии и Австрии, действовали также в Чехословакии, Польше, Франции, США и Канаде. Рупором организации являлся журнал «Поступ». Большое содействие гетманцам оказывал главный противник православия и российско-украинского единства Львовский униатский митрополит Андрей Щептицкий.

В Чехословакии в 1921 году при поддержке местных властей был организован «Украинский громадский комитет» (Громком) во главе с бывшим лидером Центральной рады Михайло Грушевским. Впрочем, долго и мирно существовать в рамках Громкома националисты не смогли. В нем начались склоки и дразги, в результате чего в середине 20-х годов в нем остались только украинские эсеры во главе с Шаповалом, которые пользовались финансовой поддержкой чехословацкого правительства. Однако после многократных попыток примирить националистических вожakov чехословацкие власти махнула на них рукой и распустили комитет. Вместо него возникли целых три организации: «Украинский комитет», «Украинская громада» и «Украинское объединение». Характерной особенностью Чехословакии

явилось то, что местные власти всячески поощряли финансирование и создание украинских учебно-исследовательских учреждений, таких, как «Украинская хозяйственная академия», «Украинский свободный университет» и т. д.

Относительно скромное место среди националистов занимали сторонники Симона Петлюры. Первоначально в польском городе Тарнове открыто существовало так называемое петлюровское «правительство Украинской Народной Республики» со своим кабинетом министров и Советом республики. Петлюровское «бюро печати», используя возможности польского телеграфного агентства, распространяло по всему свету злостную клевету на Советскую Украину. Однако под давлением советских властей поляки были вынуждены распустить «правительство» и «парламент» «украинской народной республики», часть министров которой перебралась в Париж, где стала издавать еженедельник «Трезуб». Впрочем, в Польше вскоре был создан «Украинский центральный комитет», признанный польскими властями в качестве иностранного консульства.

После прихода к власти Юзефа Пилсудского, который благоволил петлюровцам, им стали оказывать всевозможную помощь, предоставляя права польского гражданства, устраивая на работу в государственные и военные учреждения. В Варшаве был открыт специальный «Украинский научный институт» — центр подрывной антисоветской пропаганды. На Волыни для петлюровцев создавались кооперативы, а петлюровское издательство «Украинская нива» получало дотацию от польского правительства. После убийства в 1926 году Симона Петлюры во главе его последователей встал Андрей Левицкий.

Кроме эмигрантских организаций, активную антисоветскую позицию занимали и буржуазные лидеры Западной Украины. Некоторые из них прикрывали свою антисоветскую позицию лозунгами одновременного противостояния полякам. Другие же фактически являлись польскими марионетками.

Стремясь расширить свою базу среди украинского населения Польши, волынский воевода Юзефский поддержал идею создания в 1931 году в городе Луцке «Волынского украинского объединения» во главе с Петро Певным. Еще раньше, в 1925 году, в Польше была создана довольно крупная организация «Украинское национально-демократическое объединение» (УНДО) во главе с Василем Мудрым и Дмитро Левицким. Выступая на словах против польского засилья, эта организация фактически потворствовала полякам, вступив на путь соглашательства с правящими кругами Польши.

В 30-е годы среди украинских националистов возникли и откровенно фашистские организации. Надо сказать, что вообще симпатии к фашизму среди украинской эмиграции были гораздо более сильны, нежели среди русской или белорусской. В 1933 году образовался откровенно фашистский «Фронт народного единства» во главе которого стал Дмитро Палив, старый националист, активно сражавшийся против России в годы Первой мировой войны и против Советов в годы Гражданской войны. Закончилась карьера Палива вполне закономерно: будучи одним из организаторов украинской дивизии СС «Галичина», он погиб во время Второй мировой войны. К числу профашистских организаций относилась и «Казачья рада» во главе с Полтавцем-Острияницей. «Казачья рада» поддерживала тесные связи с немецкими нацистами и получала от них всевозможную поддержку.

Однако самой крупной и опасной из эмигрантских организаций была «Организация Украинских Националистов» (ОУН). Первоначально ее основу составила «Украинская военная организация» (УВО), созданная 3 августа 1920 года в Праге. Ядро УВО представляла собой группа выходцев из Галичины, которые с начала Первой мировой войны в течение шести лет сражались против русских, польских и советских войск — первоначально в составе входивших в австро-венгерскую армию подразделений украинских «сичевых стрельцов», затем в составе «осадного корпуса сичевых стрельцов»,

а потом в составе «Украинской галицкой армии». Главарем УВО стал, впоследствии убитый П. Судоплатовым, — Евгений Коновалец — кровавый палач, известный своей расправой над рабочими киевского завода «Арсенал». Ближайшими его помощниками были — Андрей Мельник, Юрко Головинский, Роман Сушко и Рико Ярый. Интересно отметить, что для УВО было характерно парадоксальное пристрастие к Пилсудскому, несмотря на тон, который задавали представители львовской «элиты», и ненависть к Польше и всему польскому. Так, например, форму, методы деятельности и даже название своей организации лидеры УВО позаимствовали у созданной им в свое время «Польской организации войсковой».

С самого начала своей работы члены УВО развернули террористическую деятельность на территории Западной Украины. Многие из активистов организации погибли во время этих акций или были казнены польскими властями. Это, конечно, не могло не создать вокруг сторонников Коновальца определенный ореол мученичества и обеспечить им поддержку со стороны части населения Западной Украины, особенно среди студентов.

Помимо УВО, в 20-е годы возникли еще две связанные с ней политические организации — «Союз украинской национальной молодежи», созданный в Праге в 1924 году, и «Легия украинских националистов», возникшая там же годом позже. «Легия», в свою очередь, появилась в результате объединения нескольких мелких групп, одной из которых был «Союз украинских фашистов». Во главе ее стоял бывший подполковник Микола Сцибрский, претендовавший на роль идеолога и являвшийся одним из наиболее ярых проповедников фашизма среди украинских националистов.

Так как УВО являлась объединением бывших военнослужащих, аналогичным русскому РОВСу, то в конце 20-х годов возникла идея трансформировать ее в политическую организацию. В результате на проходившем с 27 января по 3 февраля 1929 года съезде в Вене УВО

объединилась с «Легией» и «Союзом украинской национальной молодежи» в единую организацию украинских националистов — ОУН. Вождем ОУН был провозглашен полковник Евгений Коновалец. Тогда же был утвержден флаг организации (красно-черный) и фашистское приветствие — поднятие вверх правой руки. В руководство организации — так называемый «провод украинских националистов» — вошли представители всех трех объединившихся групп. Однако преобладали в нем сторонники Коновальца.

В это же время начались усиленные попытки оуновских лидеров найти союзников по антисоветской деятельности в националистических движениях в разных странах, в том числе и в Германии. Но в первую очередь лидеры ОУН старались наладить связи со своими соседями и «коллегами» — литовскими националистами и национал-шовинистами.

ОГПУ-НКВД против ОУН

Безусловно, советские спецслужбы, и в первую очередь ИНО ОГПУ, внимательно наблюдали за действиями украинских националистов, находившихся в эмиграции. Так, в апреле 1924 года во время проведения Генуэзской конференции, советская разведка получила сведения о подготовке украинскими националистами террористических актов против членов советской делегации. В частности, была перехвачена переписка по этому вопросу между С. Петлюрой и В. Шульгиным. Своевременная и точная информация, представленная разведкой советскому руководству, помогла предотвратить готовящиеся теракты.

Возможно, что именно столь активная антисоветская деятельность Петлюры и стала причиной его убийства. Согласно официальной версии, он был убит в мае 1926 года в Париже неким Шоломом Шварцбардом из мести за еврейские погромы на Украине. Вот как, напри-

мер, изложил эту версию в своей книге «Серый генерал» французский журналист Ален Гэрен:

«Двадцать пятого мая 1926 года, вскоре после полудня, на углу бульвара Сан-Мишель и улицы Расин кто-то окликнул:

— Эй, пан Петлюра!

— Да, это я ...

— Так получай же, убийца! Вот тебе за твою резню! Вот тебе за погромы!

Шварцбард стрелял в Петлюру прямо на улице, прикончив его на тротуаре еще одним выстрелом, когда тот упал...

В октябре 1927 года суд оправдал Шварцбарда...

Смысл этого оправдания был ясен. Адвокат Шварцбарда А. Торрес рассказала о заключительной части этого судебного процесса: «Драматический инцидент произошел в связи с оглашением свидетельского показания украинского полковника Букатова, который, признавая факт погрома в Проскурове, назвал его «делом, внушенным богом». После этого гнусного выступления... у меня было чувство, будто бы судили сам процесс. Некоторые присяжные с трудом скрывали свое волнение. Я встала и сделала заявление о том, что, прежде чем приступить к защите, я хочу отказаться от своих восьмидесяти свидетелей. Большинство из них спаслись от погромов Петлюры. Некоторые приехали из США, Канады, Уругвая и Аргентины специально для того, чтобы рассказать перед судом о пережитых страданиях, об убийстве их детей, чтобы показать свои искалеченные руки, переломанные ноги...»¹.

Несколько месяцев спустя, в 1928 году, Анри Барбюс написал книгу, одна глава которой посвящена Шварцбарду. Барбюс пишет: «Петлюровские казаки... евреев раздевали догола и подвешивали за руки к потолку комнаты над горящими дровами... Одному старику сбрили бороду и заставили ее съесть, а потом, насладившись зрелищем, его зарезали... Людям отсекали руки, ноги, вырезали губы, выкалывали глаза; беременным женщи-

нам вспарывали животы. И если в домах бандиты вершили свои казни только холодным оружием, то на улицах беглецов, выбрасывавшихся из окон, расстреливали из винтовок и пулеметов... С 1917 по 1920 год по самому приблизительному подсчету было убито сто тысяч ни в чем не повинных людей. Атаман Петлюра разрешал и даже поощрял подобную массовую резню...».

Так рассказывают об убийстве Петлюры Гэрен и другие исследователи, считающие официальную версию безусловно верной. Но украинские националисты считали и до сих пор считают, что убийство Петлюры было спланированной акцией советских чекистов. В качестве доказательства они ссылаются на заявление бежавшего в 1954 году в США бывшего сотрудника КГБ Петра Дерябина, утверждавшего, что он «слышал в эмигрантском отделе КГБ, что убийство Петлюры было совершено этой организацией». Кроме того, они настаивают на том, что Шварцбард действовал по заданию советского агента Михаила Володина, который якобы специально приезжал из Берлина во Францию для организации убийства Петлюры.

И действительно, Володин — личность чрезвычайно загадочная. С достоверностью можно утверждать лишь то, что он реально существовал (его мемуары хранятся в эмигрантском так называемом «Пражском архиве» в ГАРФе, вывезенном после войны в СССР). По тем сведениям, которые нам удалось о нем собрать, после Октябрьской революции Володин возглавлял организацию так называемого Союза эсеров-максималистов на Дальнем Востоке. Эта левонародническая группа была широко известна своей склонностью к индивидуальному террору. А сам Володин якобы организовал и провел на Дальнем Востоке в 1920—1921 году ряд террористических актов. Впрочем, Володин в своих записках утверждает, что он лишь руководил профсоюзной организацией.

После окончания Гражданской войны Володин неизвестно как оказался в Чехословакии, где участвовал в рабочих беспорядках в Кладно, за что был выслан. По-

зднее он работал в советском полпредстве в Берлине, а во Францию приезжал якобы на конгресс Социалистической партии. Что в этом правда, а что нет — трудно сказать. Гораздо больше сведений известно о самом убийце.

Шолом Шварцбард родился в 1886 году в Бессарабской губернии в городе Измаиле. Позднее вместе с родителями он переехал в Подольскую губернию в Балту, где до 10 лет учился в хедере. Там же он освоил профессию часовщика, которая и стала его основным занятием. С ранней молодости Шварцбард присоединился к революционному движению, перевозил нелегальную литературу и оружие через границу. В 1906 году он был впервые арестован, а после освобождения бежал в Черновцы, где примкнул к анархистам. В дальнейшем он жил в Галиции, на Буковине, в Венгрии, в Швейцарии. В 1908 году он был арестован в Вене за кражу со взломом, отсидел в тюрьме 4 месяца и был выслан в Будапешт. Однако по другим данным, в 1907—1910 годах он был неоднократно арестован в Австро-Венгрии. В 1910 году Шварцбард переехал во Францию, поселился в Париже, а в годы Первой мировой войны поступил на службу во французский Иностраннный легион.

После революции 1917 года Шварцбард вернулся в Россию и принял активное участие в гражданской войне на Украине. В 1918 году он воевал против гайдамаков в Одессе, а позднее — против банд Григорьева и Петлюры. По некоторым данным Шварцбард был то ли организатором еврейских частей у Котовского, то ли, что правдоподобнее, служил у него в обозе. В конце 1920 года он вновь оказался в Париже, где длительное время охотился за Петлюрой.

После убийства Петлюры Шварцбард начал литературную деятельность. Он опубликовал свои воспоминания о гражданской войне на Украине в лондонской газете «Цайт», а также в еврейских периодических изданиях в США и в 1930—1934 годах выпустил две книги в Чикаго: «В споре с самим собой» и «В потоке времени». Кроме

того, он якобы издал в 1920 году в Париже сборник стихотворений «Мечты и действительность», однако не совсем понятно, как он мог успеть это сделать, учитывая, что во Франции он появился лишь в конце того же года.

Умер Шварцбард не в нацистском концлагере, как об этом ошибочно пишут, а в 1938 году в Кейптауне (ныне ЮАР). Был ли он агентом ВЧК-ОГПУ и убил Петлюру по заданию чекистов либо по собственной инициативе, можно будет узнать лишь после того, как архивы ФСБ станут действительно доступными для исследователей. Причем для этого не надо даже поднимать оперативных документов Иностранного отдела, а достаточно просмотреть следственные дела сотрудников ИНО ОГПУ во Франции 20-х годов.

Но вот что касается другого украинского националиста, Юрко Тютюнника, то он действительно стал объектом чекистской спецоперации, которую можно считать одной из самых удачных из проводившихся в начале 20-х годов.

Юрко Тютюнник, он же Юрий Иосипович Тютюнник, родился в 1891 году на Звенигородчине в селе Будище. Он получил высшее гуманитарное образование, изучал историю и украинскую филологию. С началом Первой мировой войны окончил военное училище и в звании прапорщика начал свою военную карьеру. Впрочем, в этот период Тютюнник не отличался особыми военными талантами, занимая адъютантские должности. В 1917 году поручик Тютюнник — адъютант командующего Симферопольским гарнизоном. В период формирования так называемой «украинской государственности» создает в Симферополе Украинский военный клуб имени Дорошенко, а затем на его базе — одноименный полк. От этого полка он едет в Киев на 2-й всеукраинский войсковой съезд, где в июле 1917 года становится членом Всеукраинского Совета войсковых депутатов, а затем остается в Киеве и работает при политсовете войскового Генерального секретариата.

В январе 1918 года Тютюнника посылают на родину, где он создает из своих земляков, так называемых «вольных казаков», Звенигородский полк для борьбы против красных отрядов Муравьева и Антонова-Овсеенко и становится в нем кошевым атаманом. В июле того же года Тютюнник — активный участник антигетманского Звенигородско-Тарашинского восстания. Он попадает в плен и сидит в Лукьяновской тюрьме в Киеве.

Во время антигетманского восстания 14 ноября 1918 года, когда войска Директории во главе с С. Петлюрой входили в Киев, заключенные подняли восстание и захватили большую часть города. Из этих повстанцев был сформирован ударный батальон, заместителем атамана которого стал Тютюнник. В январе 1919 года его направляют на Херсонщину к атаману Григорьеву. После перехода Григорьева на сторону Красной Армии и формирования из его отрядов 1-й бригады 1-й Заднепровской стрелковой дивизии Тютюнник становится начальником штаба бригады. В мае того же года Григорьев поднимает мятеж против Советской власти. Восстание охватывает огромную территорию Херсонской, Екатеринославской и Киевской губерний, однако вскоре терпит поражение. Тютюнник с частью восставших пробивается в июне 1919 года на соединение с петлюровской «армией УНР». Из его повстанцев формируют сразу две дивизии: 5-ю Киевскую и 12-ю Селянскую, сведенные в Киевскую группу во главе с Тютюнником. Группа участвует в походе на Киев, а затем воюет на юге против отрядов Якира.

Поздней осенью 1919 года петлюровскую армию охватывает тиф. Умирает, среди прочих, и командующий армией генерал Василь Тютюнник, с которым часто путают нашего героя. Остатки армии в декабре 1919 года выступают в так называемый «зимний поход» по тылам белых и красных. Тютюнник — помощник командующего армией генерала Михаила Омелянович-Павленко. После подписания украинскими националистами договора с поляками армию УНР размещают на Волыни, на правом

фланге польских войск. В это время Тютюнник получает звание генерал-хорунжего и становится командующим 4-й Киевской дивизией.

Хорошо осведомленные о «боевых качествах» украинских вояк, поляки не используют их в боевых действиях. Однако после завершения советско-польской войны Красная Армия 10 ноября 1920 года переходит в наступление против петлюровского 30-тысячного воинства и за 11 дней наголову разбивает его. Спасаясь от полного краха, «жовто-блакитники» бегут под защиту своих польских хозяев.

В начале 1921 года в Польше создается Партизанско-повстанческий штаб во главе с Тютюнником, который готовит новый поход на Советскую Украину. Формируются три «повстанческие группы» — волынская, подольская и бессарабская, общей численностью в 7 тысяч человек. Волынскую группу возглавляет сам Тютюнник. 4 ноября он со своими бандитами переходит границу и уже 6 ноября оказывается под Коростенем.

Советское командование хорошо подготовилось к встрече. Вторжение не было неожиданным. В штаб Тютюнника еще на польской территории был внедрен советский разведчик Сергей Карин (Даниленко), который передал в Центр планы бандитов. В двухдневных боях тютюнниковское войско было разбито, окружено и уничтожено. Сам он 17 ноября с небольшой группой с трудом прорвался на территорию Польши.

Однако несмотря на позорное поражение, ноябрьский рейд принес Тютюннику огромную популярность среди украинской националистической эмиграции. Поэтому он решает, что ему пришла пора выйти на первые роли и возглавить «борьбу украинского народа против московского империализма». Летом 1922 года на Украину отправляется атаман Тимош Гулий-Гуленко, возглавлявший во время тютюнникского рейда на Украину бессарабскую группу. Почти сразу же после его приезда в Одессу в июле 1922 года Одесский губотдел ГПУ получил информацию о появлении в городе крупного нацио-

налистического лидера. За атаманом установили наблюдение и вскоре его арестовали.

27 августа 1922 года в «Правде» было опубликовано покаяние, в котором Гулий-Гуленко заявлял: «Анализ всех событий привел меня к той мысли, что дальнейшая вооруженная борьба с Советами бесполезна и бессмысленна. Слишком уж жалкую роль мы играли во время последнего восстания, нанося непоправимый вред украинскому народу».

Хотя Тимош Гулий-Гуленко имел звание генерал-хорунжего и в армии УНР командовал Запорожской дивизией, его пример не пошел Тютюннику впрок. Он продолжал свою антисоветскую деятельность.

Понимая, что Тютюнник не успокоится, пока его не обезвредят, советские чекисты решили выманить его на территорию СССР. Осенью 1922 года в Киев с группой сотрудников Центра приезжает начальник Контрразведывательного отдела ОГПУ Артур Артузов. Он просматривает все дела по Тютюннику и дает указание полпреду ОГПУ на Правобережной Украине Григорию Евдокимову: «Мы должны во что бы то ни стало достать Тютюнника из Польши и этим самым положить конец бандитизму на Украине».

Евдокимов и его помощник, руководитель местного КРО Николай Николаев-Журид создают легендированную организацию с центром в Харькове — «Всеукраинская войсковая рада», она же «Рада трех». Сам Евдокимов выступает как руководитель рады Дорошенко, а Николаев-Журид — как секретарь рады Андриевский. В марте 1923 года в игру был включен арестованный к тому времени подполковник Волынской повстанческой армии Осадчий. С помощью этой агентурной комбинации и удалось заманить на Украину Тютюнника. В конце мая 1923 года (по другим данным — в июне) он был арестован после перехода через границу вместе с переправщиком Дулькевичем. Арестован был и другой главарь — Михаил Сепренский (Палий).

По другой версии, чекисты сразу не арестовали Тю-

тютюника, а предпочли играть с ним в «кошки-мышки», пока тот, не убедившись в тщетности усилий поднять народ на борьбу за «самостийность» Украины, сам не решил сдаться.

Еще до суда Тютюник написал покаяние. В его письме на имя В. П. Затонского говорилось:

«Тяжким путем я пришел к уверенности, что властвующие на Западе силы способны только угнетать украинский народ, а не помогать его освобождению. Эти силы, используя легкомысленные и окончательно деморализованные элементы нашей эмиграции, думают только о своем благополучии. Поскольку деморализованность эмиграции дошла до наивысшей степени, для меня стало понятным, что будущее Украины выковывается здесь, на Украине. Прошло уже несколько месяцев, как я перешел кордон и, находясь на территории УССР, изучаю действительное положение. В первую очередь меня интересовала природа власти на Украине. В том, что эта власть является властью рабочих, я никогда не сомневался. Но является ли она украинской властью, в этом у меня были сомнения, а в свое время даже уверенность в противоположном».

Дальше Тютюник пишет, что, ознакомившись с украинской действительностью, он понял, как глубоко заблуждался. «Сейчас на Украине украинская власть», — делал он вывод в своем письме. В подтверждение искренности своих намерений Тютюник сдал весь архив петлюровского штаба и вызвал на Украину из-за границы свою семью.

Каялся он и на суде, после чего 28 декабря 1923 года Президиумом ВУЦИК был амнистирован.

Некоторое время он преподавал в Школе червонных старшин, а затем стал киносценаристом, причем сам снимался в фильмах, где играл самого себя. 12 февраля 1929 года Тютюник был вновь арестован органами ОГПУ по статье 58-4 УК РСФСР (участие в антисоветском заговоре). Постановлением Коллегии ОГПУ от 3 декабря того же года он был приговорен к расстрелу. В

начале следующего года приговор был приведен в исполнение.

Впрочем, наибольшее беспокойство вызывало у советского руководства деятельность ОУН, лидеры которой, как уже говорилось, часто прибегали к тактике террора против советских представителей как на Украине, так и за рубежом. Поэтому неудивительно, что после убийства в октябре 1933 года во Львове террористом ОУН Николой Лемиком сотрудника ИНО ОГПУ Андрея Майлова, работавшего под дипломатическим прикрытием, председатель ОГПУ В. Менжинский издал приказ о разработке плана действий по нейтрализации террористических акций украинских националистов. Тогда же на запрос из Москвы Украинское ГПУ сообщило, что ему удалось внедрить в ОУН своего проверенного агента Лебеда, известного украинским националистам как Хомяк, о котором необходимо рассказать более подробно.

Василий Владимирович Лебедь родился в 1899 году в Галиции. В годы Первой мировой войны он служил в украинских формированиях австро-венгерской армии, так называемых «украинских сичевых стрельцах», затем попал в русский плен и с 1915 по 1918 год просидел вместе с будущим вождем ОУН Евгением Коновальцем в лагере для военнопленных под Царицыном. В Гражданскую войну он стал заместителем Коновальца и командовал пехотной дивизией, сражавшейся против частей Красной Армии на Украине. В 1920 году, после отступления отрядов Коновальца в Польшу, Лебедь остался на Украине, где вскоре и был привлечен к сотрудничеству с органами ВЧК.

Когда это произошло, доподлинно неизвестно. Однако сохранились два варианта повести, написанной неизвестным П. Судоплатовым, о некоем Василии Летюке, молодом украинском националисте, который еще в годы Гражданской войны, будучи одним из приближенных вождя украинских «сичевых стрельцов» Коновальца и даже руководителем его разведки, снабжал информацией большевистское подполье. Вполне возможно, что

прообразом главного героя являлся именно Василий Владимирович Лебедь.

Что касается дальнейшей судьбы В. Лебеда, то о ней известно немного. В годы Великой Отечественной войны он являлся сотрудником 4-го (диверсионного) управления НКВД, начальником которого был Судоплатов, был заброшен на Украину, где командовал одним из прославленных отрядов ОМСБОНа. После войны он продолжал служить в органах госбезопасности, работая в том числе и под прикрытием украинского дипломата за рубежом. Умер Лебедь в 70-е годы в Киеве.

Стоит также отметить, что в украинской националистической литературе Лебеда упорно именуют Хомяком. Неизвестно, действительно ли это была его настоящая фамилия, а Лебедем он стал, когда начал работать в ВЧК, или же наоборот. Однако смело можно утверждать, что к началу 30-х годов никаких сомнений в том, что Лебедь является руководителем националистического подполья на Украине, у Коновальца и других лидеров ОУН не было.

Во многом это было следствием того, что для эмигрантов Лебедь-Хомяк имел хорошо разработанную легенду, которая объясняла его широкие связи на Украине. Он якобы окончил специальные финансовые курсы в Харькове и работал там же в строительном тресте. Когда же в начале 30-х годов на Украине начались аресты, Лебедь по совету своего тестя скрылся из города, устроился с помощью знакомых моряков по фальшивым документам на советский корабль, на котором и прибыл в начале августа 1933 года в Бельгию. Здесь он встретился с Коновальцем и другими руководителями ОУН, которые достали ему документы на фамилии Найденко и Пригода. Около года он находился за границей и сумел за это время вступить в контакты с руководителями немецкого абвера в Берлине. И именно они, помимо прочего, сообщили Лебедею о том, что Коновальца дважды принимал Гитлер и что во время одной из встреч Гитлер предложил ему направить несколько оуновцев в нацистскую

партийную школу в Лейпциге для того, чтобы они прошли там курс обучения.

В октябре 1934 года Лебедь через Финляндию возвратился на Украину в Харьков и доложил своему руководству, что Коновалец рассматривает его как «своего человека» в СССР, способного провести подготовительную работу для захвата националистами власти в Киеве в случае войны, и что аналогичные расчеты строит в отношении него и немецкая разведка. Этим обстоятельством и решили воспользоваться в Москве для того, чтобы внедрить в ОУН своего сотрудника. Перед ним ставилась та же задача, что и других в проводимых чекистами в те годы операциях типа «Треста» — убедить эмигрантов в том, что их террористическая деятельность на Украине не имеет никаких шансов на успех, что власти немедленно разгромят небольшие очаги сопротивления и что надо держать все силы и подпольную сеть в резерве, пока не начнется война между Германией и Советским Союзом, и только в этом случае их использовать.

Эта операция началась в марте 1935 года, когда от Лебеда пришло письмо на конспиративный адрес ОУН в Финляндии. В нем он сообщал, что скоро прибудет в Хельсинки и хочет встретиться с представителями оуновского руководства. Кроме того, в своем письме Лебедь сообщал, что вместе с ним прибудет и его воспитанник, молодой активный националист, который на самом деле был сотрудником ИНО НКВД П. Судоплатовым. В июне 1935 года Лебедь вместе с Судоплатовым прибыли в Финляндию. Там Лебедь представил Судоплатова как Павла Грищенко, молодого поэта и своего воспитанника, вполне пригодного для работы в подполье. Выполнив эту задачу, Лебедь в августе того же года через Финляндию вернулся на Украину.

Здесь надо особо отметить, что у ИНО НКВД в это время появился еще один агент в ОУН, Кондрат Полуведько, недавно ставший главным представителем Коновальца в Финляндии. Полуведько, в период Гражданской войны получивший определенную известность в петлю-

ровских кругах (он был украинским эсером), рано порвал с эсерами, отошел от активной политической деятельности и некоторое время работал в системе наркомпроса Украины, занимая в нем довольно видное положение. Однако, когда в начале 30-х годов украинские чекисты обратились к нему с предложением выехать за границу для работы против украинских националистов, Полуведько выразил согласие им помочь. Для него была разработана легенда, согласно которой он входил в одну из националистических групп, ликвидированных в начале 30-х годов, был осужден, однако сумел бежать с Соловков в Финляндию.

Оказавшись в Хельсинки, Полуведько присоединился к здешним оуновцам и вскоре завоевал их полное доверие. Более того, после отъезда местного националистического лидера Ярослава Барановского в Аргентину его даже избрали главой Украинской Громады в Финляндии. Несколько позднее Полуведько стал членом ОУН и ее представителем в Хельсинки. Его главной задачей было поддержание связи между украинскими националистами в изгнании и их подпольной организацией в Ленинграде. Эти контакты были для оуновцев чрезвычайно важными, так как именно в Ленинграде, в знаменитой библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, они прятали свои архивы. И хотя в НКВД об этом знали давно, обнаружить архивы удалось лишь после окончания Второй мировой войны в 1949 году.

Что же касается Судоплатова, то он в конце 1935 года встретился с прибывшими в Хельсинки связными от Коновальца — Омеляном Сенник-Грибовским из Праги и Дмитро Андриевским из Брюсселя, вместе с которыми и отправился в Германию. В январе 1936 года Судоплатов прибыл в Берлин, где прожил полгода под именем «Норберт». Здесь он встретился с лидером ОУН Коновальцем. Встреча проходила на квартире, находившейся в здании Музея этнографии и выделенной Коновальцу абвером. А вскоре Судоплатова послали на три месяца в нацистскую школу в Лейпциге, где он имел возмож-

ность познакомиться с оуновским руководством. Слушателей этой школы, естественно, интересовала личность Судоплатова, едва ли не единственного из них выходца с Советской Украины, однако никаких проблем с его «легендой» не возникло. Более того, в общении со своими «коллегами» по нацистской партийной школе Судоплатов держался абсолютно уверенно и независимо: ведь он «представлял головную часть» их подпольной организации на Украине, в то время как они являлись всего лишь эмигрантами, существовавшими на немецкие подачки. Он имел право накладывать вето на их предложения, поскольку выполнял инструкции своего «дяди» («вуйко»). Поэтому если что-то в их высказываниях ему не нравилось, достаточно было просто сказать: «Вуйко не велел!»

На руку Судоплатову было и то обстоятельство, что в это время в рядах руководителей ОУН началась борьба за власть, которая шла между двумя их главными группировками: «стариками» и «молодежью». Первых представляли Коновалец и его заместитель и правая рука Андрей Мельник. Мельник был на год старше Коновальца, и они были женаты на родных сестрах. «Молодежь» же возглавляли Степан Бандера и Роман Шухевич. Судоплатов умело воспользовался этими распрями. Он сумел войти в доверие к Коновальцу, всячески прикидываясь его сторонником в борьбе против оппозиции «молодых». Пользуясь доверием смелого, энергичного, но недалекого Коновальца, он всячески разжигал неприязнь и недоверие между двумя поколениями лидеров ОУН.

Кроме того, Судоплатову удалось вместе с Коновальцем совершить поездки в Париж и Вену, где он встречался лидерами украинского правительства в изгнании и присутствовал на переговорах о возможном развертывании сил подполья на Украине в случае начала войны. Благодаря этому ему удалось установить, что вожди ОУН собираются при нападении Германии на СССР создать независимое Украинское государство. А для осуществле-

ния этих планов уже было создано две бригады общей численностью около двух тысяч человек. Кроме того, началась подготовка административных органов для областей «освобожденной» Украины.

В начале 1937 года в Москве было принято решение вывести Судоплатова на территорию СССР. Для этого его «дядя» Хомяк-Лебедь по конспиративным каналам прислал Коновальцу через Финляндию распоряжение о возвращении «племянника» на Украину, где его должны были оформить радистом на советское судно, регулярно заходившее в иностранные порты. Это якобы давало ему возможность поддерживать постоянную связь между подпольем ОУН на Украине и националистическими организациями за рубежом. Коновальцу идея пришла по душе, и он согласился с возвращением Судоплатова в СССР.

Летом 1937 года Судоплатов через Брюссель направился в Финляндию, где попытался нелегально перейти границу, но был задержан финским пограничным патрулем и доставлен в Хельсинки. Там он находился около месяца, пока с помощью людей Коновальца не был освобожден, и въехал в СССР легально через Эстонию.

Об успешных результатах работы Судоплатова было доложено высшему партийному руководству СССР и Украины — Сталину, секретарю ЦК Компартии Украины С. Косиору и Председателю Верховного Совета республики Г. Петровскому. А год спустя Судоплатова наградили орденом Красного Знамени.

Ликвидация Евгена Коновальца

В сентябре 1937 года Судоплатов, прикрываясь новой легендой — должностью радиста на грузовом судне, — вновь выехал за границу в Бельгию. Там он встретился с ближайшими помощниками Коновальца Дмитро Андриевским и Ярославом Барановским, которые передали ему 1000 долларов, после чего вернулся в Москву.

Тем временем в Кремле внимательно ознакомились с полученной в ходе поездки Судоплатова информацией, касающейся планов лидеров ОУН. Она не могла не вызвать серьезного беспокойства, особенно в связи с обострением международной ситуации и возможной войной между СССР и Германией. В результате было принято решение о проведении специальных операций против лидеров ОУН, и прежде всего — против Коновальца.

В середине ноября 1937 года Сталин вызвал к себе наркома НКВД СССР Николая Ежова, начальника ИНО НКВД Абрама Слуцкого и Павла Судоплатова. Вот что писал по этому поводу в своих мемуарах Судоплатов:

«Мне было тридцать, но я так и не научился сдерживать свои эмоции. Я был вне себя от радости и едва верил тому, что руководитель страны захотел встретиться с рядовым оперативным работником. После того как Сталин пожал мне руку, я никак не мог собраться, чтобы четко ответить на его вопросы. Улыбнувшись, Сталин заметил:

— Не волнуйтесь, молодой человек. Докладывайте основные факты. В нашем распоряжении только двадцать минут.

— Товарищ Сталин, — ответил я, — для рядового члена партии встреча с вами — величайшее событие в жизни. Я понимаю, что вызван сюда по делу. Через минуту я возьму себя в руки и смогу доложить основные факты вам и товарищу Ежову.

Сталин, кивнув, спросил меня об отношениях между политическими фигурами в украинском эмигрантском движении. Я вкратце описал бесплодные дискуссии между украинскими националистическими политиками по вопросу о том, кому из них какую предстоит сыграть роль в будущем правительстве. Реальную угрозу, однако, представлял Коновалец, поскольку он активно готовился к участию в войне против нас вместе с немцами. Слабость его позиции заключалась в постоянном давлении на него и возглавляемую им организацию со стороны польских властей, которые хотели направить украин-

ское национальное движение в Галиции против Советской Украины.

— Ваши предложения? — спросил Сталин.

Ежов хранил молчание. Я тоже. Потом, собравшись с духом, я сказал, что сейчас не готов ответить.

— Тогда через неделю, — заметил Сталин, — представьте свои предложения.

Аудиенция окончилась. Он пожал нам руки, и мы вышли из кабинета»².

После возвращения на Лубянку Ежов приказал заместителю начальника ИНО С. Шпигельглазу и Судоплатову приступить к работе над выполнением задания Сталина. Это не заняло много времени, и уже на следующий день на основе их предложений Слуцкий направил Ежову докладную записку. В ней предлагалось с целью интенсивного внедрения в ряды ОУН послать в Германию трех сотрудников украинского НКВД в качестве слушателей в нацистскую партийную школу. Вместе с ними предполагалось направить для подстраховки и одного подлинного украинского националиста, при этом не слишком сообразительного.

Ежов не стал задавать вопросов, однако предложил Судоплатову выехать в Киев и посоветоваться с руководителями Советской Украины Косиором и Петровским. В ходе этой встречи оба украинских руководителя проявили интерес к предложенной разведчиками двойной игре. Однако больше всего их заботило предполагавшееся тогда провозглашение независимой Прикарпатской Украины, которая могла стать центром притяжения всех националистических боевиков, а также плацдармом для работы германского абвера.

Через неделю после возвращения Судоплатова из Киева Ежов вновь вызвал его и отправился вместе с ним к Сталину.

«Ровно через неделю после моего возвращения в Москву Ежов в одиннадцать часов вечера вновь привел меня в кабинет Сталина, — пишет Судоплатов. — На этот раз там находился Петровский, что меня не удиви-

ло. Всего за пять минут я изложил план оперативных мероприятий против ОУН, подчеркнув, что главная цель — проникновение в абвер через украинские каналы, поскольку абвер является нашим главным противником в предстоящей войне.

Сталин попросил Петровского высказаться. Тот торжественно объявил, что на Украине Коновалец заочно приговорен к смертной казни за тяжчайшие преступления против украинского пролетариата: он отдал приказ и лично руководил казнью революционных рабочих киевского «Арсенала» в январе 1918 года.

Сталин, перебив его, сказал:

— Это не акт мести, хотя Коновалец и является агентом германского фашизма. Наша цель — обезглавить движение украинского фашизма накануне войны и заставить этих бандитов уничтожать друг друга в борьбе за власть. — Тут же он обратился ко мне с вопросом: — А каковы вкусы, слабости и привязанности Коновальца? Постарайтесь их использовать.

— Коновалец очень любит шоколадные конфеты, — ответил я, добавив, что, куда бы они с ним ни ездили, тот везде первым делом покупал шикарную коробку конфет.

— Обдумайте это, — предложил Сталин.

За все время беседы Ежов не проронил ни слова. Прощаясь, Сталин спросил меня, правильно ли я понимаю политическое значение поручаемого мне боевого задания.

— Да, — ответил я и заверил его, что отдам жизнь, если потребуется, для выполнения задания партии.

— Желая успеха, — сказал Сталин, пожимая мне руку.

Мне было приказано ликвидировать Коновальца»³.

После получения этого конкретного приказа о ликвидации Коновальца Слуцкий, Шпигельглаз и Судоплатов приступили к разработке вариантов предполагавшейся операции. Наиболее просто было застрелить Коновальца в упор. Однако в связи с тем, что его часто

сопровождал Ярослав Барановский, это представлялось вряд ли исполнимым.

Гораздо более реально было бы передать Коновальцу взрывное устройство, замаскированное под небольшой подарок. Этот вариант показался наиболее приемлемым: если часовой механизм сработает как положено, Судоплатов смог бы вовремя уйти с места встречи. Сотрудник отдела оперативной техники НКВД Александр Эрастович Тимашков получил задание изготовить взрывное устройство, внешне выглядевшее как коробка шоколадных конфет, расписанная в традиционном украинском стиле. При этом часовой механизм не надо было приводить в действие особым переключателем — взрыв должен был произойти ровно через полчаса после изменения положения коробки из вертикального в горизонтальное. Судоплатову надлежало держать коробку в первом положении в большом внутреннем кармане своего пиджака. Предполагалось, что он передаст этот «подарок» Коновальцу и покинет помещение до того, как мина сработает.

Ежов лично принял Судоплатова перед началом операции, а о том, как она была проведена, Судоплатов рассказывает следующее:

«Когда мы вышли от Ежова, Шпигельглаз сказал:

— Тебе надлежит в случае провала операции и угрозы захвата противником действовать как настоящему мужчине, чтобы ни при каких условиях не попасть в руки полиции.

Фактически это был приказ умереть. Имелось в виду, что я должен буду воспользоваться пистолетом «вальтер», который он мне дал.

Шпигельглаз провел со мной более восьми часов, обсуждая различные варианты моего ухода с места акции. Он снабдил меня сезонным железнодорожным билетом, действительным на два месяца на всей территории Западной Европы, а также вручил фальшивый чехословацкий паспорт и три тысячи американских долларов, что по тем временам было большими деньгами. По

его совету я должен был обязательно изменить свою внешность после «ухода»: купить шляпу, плащ в ближайшем магазине...

Я самым внимательным образом изучил все возможные маршруты побега в тех городах, где могла произойти наша встреча с Коновальцем. Для каждого из них у меня имелся детально разработанный план. Однако перед последней поездкой на встречу с Коновальцем возникли неожиданные проблемы. В ответ на мой звонок из Норвегии он вдруг предложил, чтобы мы встретились в Киле (Германия) или я прилетел бы к нему в Италию на немецком самолете, который он за мной пришлет. Я ответил, что не располагаю временем: хотя капитан судна и являлся членом украинской организации, но мне нельзя на сей раз отлучаться во время стоянок больше чем на пять часов. Тогда мы договорились, что встретимся в Роттердаме, в ресторане «Атланта», находившемся неподалеку от центрального почтамта, всего в десяти минутах ходьбы от железнодорожного вокзала. Прежде чем сойти на берег в Роттердаме, я сказал капитану, который получил инструкции выполнять все мои распоряжения, что, если не вернусь на судно к четырем часам дня, ему надлежит отплыть без меня. Тимашков, изготовитель взрывного устройства, сопровождал меня в этой поездке и за десять минут до моего ухода с судна зарядил его. Сам он остался на борту судна. (Позже Тимашков стал начальником отдела оперативной техники, именно он сконструировал магнитные мины: одной из них был убит немецкий гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе. Это произошло в 1943 году, а после окончания Второй мировой войны он служил советником у греческих партизан во время гражданской войны.)

23 мая 1938 года после прошедшего дождя погода была теплой и солнечной. Время без десяти двенадцать. Прогуливаясь по переулку возле ресторана «Атланта», я увидел сидящего за столиком у окна Коновальца, ожидавшего моего прихода. На сей раз он был один. Я вошел в ресторан, подсел к нему, и после непродолжительного

разговора мы условились снова встретиться в центре Роттердама в 17.00. Я вручил ему подарок, коробку шоколадных конфет, и сказал, что мне сейчас надо возвращаться на судно. Уходя, я положил коробку на столик рядом с ним. Мы пожали друг другу руки, и я вышел, сдерживая свое инстинктивное желание тут же броситься бежать.

Помню, как, выйдя из ресторана, свернул направо на боковую улочку, по обе стороны которой располагались многочисленные магазины. В первом же из них, торговавшем мужской одеждой, я купил шляпу и светлый плащ. Выходя из магазина, я услышал звук, напоминавший хлопок лопнувшей шины. Люди вокруг меня побежали в сторону ресторана. Я поспешил на вокзал, сел на первый же поезд, отправлявшийся в Париж, где утром в метро меня должен был встретить человек, лично мне знакомый. Чтобы меня не запомнила поездная бригада, я сошел на остановке в часе езды от Роттердама. Там, возле бельгийской границы, я заказал обед в местном ресторане, но был не в состоянии притронуться к еде из-за страшной головной боли. Границу я пересек на такси — пограничники не обратили на мой чешский паспорт ни малейшего внимания. На том же такси я доехал до Брюсселя, где обнаружил, что ближайший поезд на Париж только что ушел. Следующий, к счастью, отходил довольно скоро, и к вечеру я был уже в Париже. Все прошло без сучка и задоринки. В Париже меня, помню, обманули в пункте обмена валюты на вокзале, когда я разменивал сто долларов. Я решил, что мне не следует останавливаться в отеле, чтобы не проходить регистрацию: голландские штемпели в моем паспорте, поставленные при пересечении границы, могли заинтересовать полицию. Служба контрразведки, вероятно, станет проверять всех, кто въехал во Францию из Голландии.

Ночь я провел, гуляя по бульварам, окружавшим центр Парижа. Чтобы убить время, пошел в кино. Рано утром, после многочасовых хождений, зашел в парикма-

херскую побриться и помыть голову. Затем поспешил к условленному месту встречи, чтобы быть на станции метро к десяти утра. Когда я вышел на платформу, то сразу же увидел сотрудника нашей разведки Агаянца, работавшего третьим секретарем советского посольства в Париже. Он уже уходил, но, заметив меня, тут же вернулся и сделал знак следовать за ним. Мы взяли такси до Булонского леса, где позавтракали, и я передал ему свой пистолет и маленькую записку, содержание которой надо было отправить в Москву шифром. В записке говорилось: «Подарок вручен. Посылка сейчас в Париже, а шина автомобиля, на котором я путешествовал, лопнула, пока я ходил по магазинам». Агаянц, не имевший никакого представления о моем задании, проводил меня на явочную квартиру в пригороде Парижа, где я оставался в течение двух недель.

В газетах не было ни строчки об инциденте в Роттердаме. Однако эмигрантские русские газеты всю писали о будущей судьбе Ежова: по их мнению, он обречен как очередная жертва кампании чисток. Читая это, я не мог не смеяться про себя: «До чего же глупы все эти статьи. Ведь всего два месяца назад этот человек желал мне успеха в выполнении задания, и к тому же я сам видел, что товарищ Сталин полностью ему доверяет»⁴.

К рассказу Судоплатова необходимо добавить, что взрыв произошел в 12 часов 15 минут на главной улице Роттердама Колсингер, близ кинотеатра «Люмис». Сила взрыва была столь велика, что тело Коновальца было выброшено на проезжую часть. От правой ноги и левой руки ничего не осталось. Все тело было изуродовано, кроме головы, которая осталась цела. В результате взрыва также пострадало четверо прохожих-голландцев. При убитом был обнаружен паспорт на имя Йозефа Новака и счет от номера в гостинице «Централь».

Вскоре полиция выяснила, что убитый прибыл в отель в 11.15 и снял комнату. Приняв ванную, он пошел в кафе «Атланта», где в 11.45 встретился с высоким черноволосым мужчиной 30—35 лет, пришедшим на не-

сколько минут позже. Этот мужчина выпил пива, передал Коновальцу пакет, завернутый в бумагу и напоминавший по виду книгу, заплатил за пиво и ушел. После чего убитый также оплатил счет и вышел из кафе. Он перешел площадь, задержавшись ненадолго у кинотеатра «Люмис». В это время и раздался взрыв.

При обыске в комнате убитого были обнаружены пишущая машинка с украинским шрифтом, небольшое черное распятие и книга на немецком языке «История фашистского движения». В 15.30 на квартиру пришел Ярослав Барановский, который был арестован и на допросе сообщил, что убитый — лидер ОУН Евгений Коновалец, прибыл в ночь с 22 на 23 мая поездом из Берлина в Роттердам для встречи с неким «Валухом».

На следующий день после взрыва голландская полиция в сопровождении Барановского произвела проверку экипажей всех советских судов, находившихся в роттердамском порту. Они искали человека, запечатленного на фото, которое было в их распоряжении. Это была фотография, сделанная в свое время уличным фотографом в Берлине. Барановскому было известно, что Коновалец собирался встретиться с курьером-радиостанцией с советского судна, появившимся в Западной Европе. Однако он вовсе не был уверен, что это был именно тот самый курьер — «племянник Лебеда». Голландская полиция знала о телефонном звонке Коновальцу из Норвегии и, естественно, подозревала, что звонил его агент. Правда, никто не знал наверняка, с кем именно Коновалец встречался в тот роковой для него день.

Как утверждают украинские националисты, голландская полиция установила, что в порту Роттердама с 21 по 24 мая стояло советское торговое судно «Менжинский» (как это соотносится с тем фактом, что Судоплатов в своих воспоминаниях называет судно «Шилкой», непонятно) и что из офиса фирмы некоего Даниеля Вольфа в Роттердаме, известного своими прокоммунистическими симпатиями, в 15 часов в день убийства состоялся телефонный разговор с Москвой.

Из Парижа Судоплатов по подложным польским документам отправился сначала на машине, а затем поездом в Барселону. Местные газеты сообщали о террористическом акте в Роттердаме, где украинский националистический лидер Коновалец, путешествовавший по фальшивому паспорту, погиб при взрыве на улице. В газетных сообщениях выдвигалось несколько версий: либо его убили советские чекисты, либо агенты гестапо, либо соперничающая группировка украинцев, либо, наконец, поляки — в отместку за гибель генерала Перацкого.

Следует также добавить, что ни у абвера, ни у ОУН не было улик для раскрытия истинных причин гибели Коновальца. Конечно, они могли подозревать курьера или связника, прибывшего на встречу в Роттердам, но в их руках не было никаких доказательств.

В союзе с фашистской Германией

Гибель Коновальца вызвала раскол в ОУН. 27 августа 1939 года «старика» провозгласили новым вождем ОУН ближайшего соратника Коновальца Андрея Мельника. Но с этим решением были категорически не согласны «молодые», рвавшиеся во власть. Масло в огонь подлило освобождение в сентябре 1939 года немцами из польской тюрьмы Степана Бандеры, который был осужден за покушение на польского министра внутренних дел Б. Перацкого. В итоге в 1940 году «молодые» устроили бунт — в феврале Бандера собрал в Кракове конференцию, на которой был создан главный революционный трибунал, который вынес смертные приговоры многим сторонникам Мельника. Начались кровавые разборки, в ходе которых было уничтожено около 400 мельниковцев и более 200 бандеровцев. Окончательное размежевание произошло в апреле 1941 года, когда бандеровцы собрали в Кракове «великий сбор», после которого ОУН распалась на ОУН-М (мельниковцы) и ОУН-Б (бандеровцы).

Впрочем, внутренние разногласия не помешали ук-

раинским националистами заключить альянс с фашистской Германией. Как уже говорилось, немцы оказывали помощь ОУН деньгами и вооружением, а в ответ требовали активного участия в любых экстремистских действиях. Так, в начале 1941 года Бандера и Мельник получили от представителей абвера по 2,5 млн марок и надлежащее количество оружия, за что должны были начать выполнять следующие задачи:

— создать военные подразделения;

— сформировать походные группы ОУН для службы в администрации на оккупированных территориях Украины;

— готовить восстания в советском тылу.

С этими задачами оуновцы справились успешно. Ими были сформированы спецподразделение абвера «Нахтигаль» (Соловей), состоявший только из бандеровцев, и спецподразделение «Роланд», куда вошли мельниковцы, бандеровцы, петлюровцы и гетманцы. Обе эти части были включены в полк особого назначения «Бранденбург-800» и прославились своими зверствами в годы Великой Отечественной войны на территории Украины и Белоруссии.

После нападения Германии на Советский Союз оуновцы настолько скомпрометировали себя сотрудничеством с фашистами, что к 1942 году их вождям перестало доверять даже националистически настроенное украинское население. Поэтому с весны 1942 года они начали создавать новые боевые группы — «бойвки», на основе которых в начале 1943 года под антинемецкими лозунгами была сформирована Украинская повстанческая армия (УПА). Однако эти лозунги не имели никакого отношения к действительности, так как лидеры УПА по-прежнему поддерживали контакты с немцами.

Как пишет в своем очерке по истории УПА украинский историк Петро Содоль, на чьи данные мы в основном опираемся, первые отряды УПА возникли в Полесье и на Волыни. Весной и летом 1943 года бандеровские активисты развернули здесь большую работу по форми-

рованию из отдельных отрядов единой централизованной партизанской армии. Дело в том, что у них было в этот период по крайней мере два сильных конкурента. Это, с одной стороны, члены ОУН — сторонники Мельника, а с другой стороны — петлюровцы, возглавляемые старым агентом абвера Тарасом Боровцом, взявшим себе кличку «Тарас Бульба». Его партизан поэтому называли «бульбаши». Отряды «Бульбы» общей численностью до 2 тысяч человек размещались в районе Людвиполя в Ровенской области. В этот период они заключили перемирие с советскими партизанами под командованием знаменитого чекиста Дмитрия Медведева и собирали силы для дальнейшей борьбы за власть. Мельниковцы имели свои вооруженные отряды — три «сотни» в Тернопольской области и одну — во Владимир-Волыньском районе.

Боровец первым присвоил своим партизанам название УПА (правда, с добавлением «Полесская січ»), но в июне 1943 года переименовал свое «войско» в «Украинскую народно-революционную армию» (УНРА). Сделал он это после того, как бандеровцы напали на его отряды и отряды мельниковцев и разгромили их, присоединив к себе. В августе разборки между националистами закончились, после чего подавляющая часть оппонентов оказалась в подчинении у Бандеры. «Несогласный» Боровец бежал под крыло немцев в Варшаву, где преподавал в школе абвера.

Первым «главкомом» бандеровской УПА, действовавшей в районе Волини — Полесье (по оуновской терминологии, северо-западные украинские земли), был местный оуновский «авторитет» Дмитрий Клячковский, по кличке «Клим Савур», возглавлявший с начала 1942 года и «партийную организацию» бандеровцев в этом регионе. Начальником штаба у него с августа 1943 года являлся бывший петлюровский подполковник Леонид Ступницкий, который в 1921 году был ближайшим помощником Тютюнника во время его неудачного рейда на Украину. Работники штаба также были подобраны из бывших петлюровских офицеров⁵.

Волыноско-Полесская УПА контролировала и территорию Житомирщины и в конце 1943 года состояла из 4 военных округов (ВО). Командирами этих военных округов являлись Иван Литвинчук («Дубовый») — военный округ «Заграда» (северная Ровенщина и южная Пинщина), Юрий Стельмашук («Рудый») — военный округ «Туры» (Волынская и южная часть Брестской области), Петр Олейник («Эней») — военный округ «Богун» (южная Ровенщина, Кременечина с распространением на южную Подолию) и Федор Воробец («Верещака») — военный округ «Тютюнник» (Житомирская область).

Отряды УПА с Волыни и Полесья с лета 1943 года начинают проводить рейды в центральные области Украины. Во время этих рейдов уже осенью 1943 года на территории Винничины и в Уманских лесах создаются партизанские отряды под командованием Омельяна Грабца («Батько»), а в лесах Холодного Яра на Черкашине — под командованием Михаила Медведя («Карпович»), который был одновременно военным референтом в руководстве ОУН на «юго-восточных украинских землях» с центром в Днепропетровске.

Параллельно с УПА на территории Галичины (по бандеровской терминологии — «западные украинские земли») оуновцы создают целую сеть подпольных военных курсов, на которых с сентября 1941 по июнь 1943 года проводят обучение своих боевиков. В связи со знаменитым рейдом советских партизан Ковпака на территорию Галичины в июне 1943 года, а также в связи с мобилизацией украинской молодежи в дивизию СС «Галичина» местное руководство ОУН принимает решение форсировать здесь создание своих военных формирований. На территории Галиции они получили название «Украинская народная самооборона» (УНС). Естественно, под «самообороной» понималась оборона не от немецких оккупантов, а от советских партизан, в борьбе с которыми УНС сразу же приняла самое активное участие. Создателем и руководителем УНС был Александр Луц-

кий («Богун»). В декабре 1943 года УНС была переименована в УПА-Запад.

В августе 1943 года УПА выпустила в свет свою политическую программу в виде листовки «За что борется УПА». В частности, в ней было сказано:

«УПА борется за Самостийную Соборную Украинскую Державу на украинской земле. За новый справедливый строй и порядок на Украине без панов, помещиков, капиталистов и большевистских комиссаров».

В этот период бандеровцы делают ставку на раскол многонационального СССР. Считается, что в формированиях УПА, помимо украинских, были и азербайджанские, узбекские, грузинские и татарские отряды (от 1 до 2 тысяч человек). В связи с этим на территории южной Ровенщины 21—22 ноября 1943 года бандеровцы провели так называемую Конференцию порабощенных народов Восточной Европы и Азии, на которой якобы присутствовали представители 13 национальностей СССР. Насколько попытки ОУН-УПА всерьез развалить в тот период Советский Союз были серьезны, сейчас трудно судить. По крайней мере, эмиссары с Западной Украины действовали во многих советских республиках. В свою очередь и местные националисты посылали к ним своих представителей.

В этот период на Волыни и в Полесье бандеровцам главным образом приходилось иметь дело с солдатами венгерской армии, которые по поручению немцев охраняли здесь железные и шоссейные дороги. Представители УПА вступили в переговоры с венгерским командованием и заключили с ним секретный договор, который действовал в течение всей войны. Эти свои контакты с венграми ОУН никогда не отрицала, в то время как связи с немецким командованием и немецкой разведкой после окончания Второй мировой войны всячески замалчивались. Как бы то ни было, главным противником УПА в этот период являлись не немцы, а советские партизаны — действовавшие в этом регионе подразделения Ковпака, Сабурова, Федорова, Бегмы и других.

Именно с ними бандеровцы вели войну не на жизнь, а на смерть.

В ноябре 1943 года были созданы Главное командование и Главный военный штаб УПА, которым подчинялись все отряды на территории Западной Украины. Последняя, в свою очередь, делилась на три «края» или «генеральных военных округа» (ГВО). Первоначальная УПА, созданная на территории Волыни и Полесья, стала называться УПА-Север. Бывшая УНС в Галичине, как мы уже писали, — УПА-Запад. Была создана также УПА-Юг на территории Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области, Винничины и южных районов. Краевой войсковой штаб УПА-Юг был организован в конце января 1944 года в южной Ровенщине. Он контролировал также территорию, на которой действовали отряды военного округа «Богун» из УПА-Север. В некоторых документах УПА-Юг иногда именуется УПА-Восток. Разные авторы по-разному трактуют этот вопрос, однако практически все сходятся в том, что было только три генеральных военных округа.

УПА-Север по-прежнему возглавлял Дмитрий Клячковский, УПА-Запад возглавил Василь Сидор («Шелест»), который сменил схваченного чекистами Александра Луцкого, а УПА-Юг — Василь Кук («Лемеш»). Наиболее организованной и боеспособной из них, безусловно, являлось УПА-Запад. В 1944 году она состояла из шести военных округов. Первым военным округом (г. Львов) командовал «Хмара», вторым военным округом («Буг») (Львовская область, Любачевщина и Холмщина) Остап Линда («Ерема»), третьим округом («Лисоня») (Тернопольская область с Рогатинщиной без Кременетчины) — Омельян Полевый («Очеред»), четвертым («Говерла») (Станиславская, ныне Ивано-Франковская, область с Буковиной без Рогатинщины) — Иван Будковский («Гуцул»), пятым (Драгобичская область) — Иван Белейлович («Дзвинчук»), шестым («Сан») (Лемковщина, Перемышльщина и Ярославщина) — Яков Черный («Ударник»).

Однако такую структуру УПА-Запад сохраняла только в течение года. Позднее она была реформирована. Первый и пятый округа были ликвидированы и включены в соседние. Весь командный состав их также сменился. Львовский ВО «Буг» в 1944—46 годах возглавлял Василь Левкович («Вороний»), Подольский ВО «Лисоня» в 1943—44 годах — Омелян Полевый («Очеред»), в 1945—46 годах — Осип Беспалко («Остап»), в 1947 году — Владимир Якубовский («Бондаренко»), Карпатский ВО «Говерла» в 1944—49 годах — Микола Твердохлеб («Гром»), Закерзоньский ВО «Сан» в 1945—47 годах — Мирослав Онишкевич («Орест»).

На территории 4-го военного округа «Говерла» помимо трёх тактических участков, находившихся в непосредственном подчинении командующего «Говерлы», имелся и «отдельный» участок «Макивка», который подчинялся непосредственно главнокомандующему УПА Роману Шухевичу.

Хотя УПА действовала на значительной территории западной Украины, южной Белоруссии и юго-восточной Польши, а частично также на территории Чехословакии и центральной и южной Украины, однако наиболее крупные и боеспособные ее отряды были сконцентрированы на территории военных округов «Говерла» и «Сан». Их командующие Микола Твердохлеб и Мирослав Онишкевич могут считаться наиболее удачливыми среди «полевых командиров».

Главкомом УПА после реорганизации в 1944 году стал знаменитый Роман Шухевич («Тарас Чупринка»). Начальником Главного военного штаба был назначен Дмитрий Грицай («Перебейнос»), его заместителем — Олекса Гасин («Лыцарь»). Штаб состоял из его начальника, который был одновременно заместителем главнокомандующего УПА, и семи отделов: оперативного, разведывательного, хозяйственного, кадрового, боевой подготовки, политвоспитания и военных инспекторов.

Грицай недолго оставался на посту начальника штаба. В конце 1945 года он пытался пробраться через Чехосло-

вакию на территорию Западной Германии, однако в результате совместных оперативных действий сотрудников НКГБ и чехословацкого министерства госбезопасности был схвачен и покончил с собой в пражской тюрьме в декабре 1945 года. Гасин сменил его на посту начальника штаба. Он был убит 31 января 1949 года во Львове недалеко от здания главпочты во время перестрелки с чекистами.

Подавляющее большинство полевых командиров УПА (Шухевич, Грицай, Гасин, Кук, Сидор, Луцкий и некоторые другие) входили в элиту оуновского подполья. Все они еще в 20-е годы сдружились между собой, вместе руководили ученическими, студенческими, спортивными, националистическими организациями, вместе организовывали террористические акты, сидели в тюрьмах. В то же время выдвинулась и группа «периферийных» националистов, которые в ходе боевых операций сумели продвинуться в руководящий слой ОУН-УПА. Такими, к примеру, были Дмитро Клячковский и Микола Твердохлеб.

В 1944 году в составе УПА действовало 11 военных округов: два в УПА-Юг, ими командовали Остап Качан («Саблюк», 1943—44 год) и Омелян Грабец («Батько», 1943—44 год), три в УПА-Север и шесть в УПА-Запад. В августе 1944 года УПА-Север было реформировано на 2 военных округа — «Завихост», командующие Юрко Стельмашук («Рудый», 1944—45 год), Иван Литвинчук («Дубовый», 1945—46 год) и «444», командующий Федор Воробец («Верещака», 1944—46 год), а УПА-Запад в феврале 1945 года — на 4 округа. УПА-Юг после 1944 года фактически не существовало.

Каждым военным округом руководили командир и его штаб, дублирующий структуру главного штаба. Округ, в свою очередь, делился на тактические участки. Основной боевой единицей УПА являлась «сотня» (рота). 3—4 сотни могли объединяться в «курень» (батальон). Куреня, в свою очередь, составляли «загон» (полк). Все военные подразделения, находившиеся на территории

одного округа, образовывали «группу» (дивизию). Формально в УПА, таким образом, насчитывалось 11 дивизий, составлявших 3 корпуса.

Стандартная организация сотни была следующая: «рой» (отделение) — 10—12 бойцов, три роя составляли «чету» (взвод), три-четыре «четы» — непосредственно сотню. Впрочем, комбинации были различные, в зависимости от местности. В состав сотни входил также «рой» войсковой полевой жандармерии, политвоспитатель, санитар, связники и разведчики. Командир первой «четы» являлся заместителем командира сотни.

Командир куреня имел свой штаб, политвоспитателя, капеллана, врача и референта службы безопасности (СБ). Самый авторитетный из командиров сотен являлся заместителем командира куреня.

Каждое подразделение УПА имело свое особое название. В целях конспирации эти названия дублировались. Например, сотня могла называться по имени ее командира, имела собственное самоназвание и порядковый номер. Причем все они неоднократно менялись. В период 1943—44 годов в УПА было несколько подразделений кавалерии, артиллерия, а по некоторым данным — даже танки и самолеты.

В УПА имелась своя система воинских званий. Рядовые — стрелец, старший стрелец; сержанты — вестун, старший вестун, булавный, старший булавный; офицерские — хорунжий, поручник, сотник, майор, подполковник, полковник, генерал-хорунжий. Звания присваивались в соответствии с занимаемой должностью. Так, во главе сотни, как правило, стоял поручник, куреня — сотник, загона — майор, военного округа — подполковник, главного военного округа — полковник. Генерал-хорунжим в УПА был только один Шухевич.

С января 1944 года была введена система наград, включавшая в себя, кроме прочего, золотой, серебряный и бронзовый «Кресты боевой заслуги».

В своей деятельности УПА опиралась на подпольный аппарат ОУН, без которого вряд ли смогла бы долго

существовать. После ареста в 1941 году Степана Бандеры руководителями ОУН на Украине являлись Микола Лебедь (1941—43 гг.), Роман Шухевич (1943—50 гг.) и Василь Кук (1950—54 гг.). Первичной ячейкой ОУН являлась станица, они объединялись в «куст», кусты — в район, районы — в надрайон, те — в округа, округа — в области, а области — в края или земли. Во главе каждой структуры стояло руководство — так называемый «провод». В конце 1943 года было три «земли»:

Западные украинские земли (ЗУЗ) — руководитель Роман Кравчук («Петр», 1943—51 гг.), затем Микола Твердохлиб (кличка «Грим», 1951—54 гг.);

Северо-Западные украинские земли (ПЗУЗ) — руководитель Дмитрий Клячковский (в этом качестве имевший кличку «Охрим», 1942—45 гг.), затем Микола Козак (кличка «Смок», 1945—48 гг.) и Василь Галаса («Орлан», 1948—53 гг.);

Средне-Восточные украинские земли (ОСУЗ) — руководитель Василь Кук («Лемеш», 1943—49 гг.) и Василь Бей («Улас», 1949—52 гг.).

В свою очередь, земли делились на края. Так, в состав ЗУЗ входило 4 края:

Карпатский край, именовавшийся «Запад-Карпаты», проводники Роман Мокрый («Байда», 1944 г.), Ярослав Мельник («Роберт», 1945—46 гг.), Василь Сидор («Шелест», 1946—49 гг.), Ярослав Косарчин («Байрак», 1949—51 гг.), Василь Охримович («Грузин», 1951—52 гг.);

Львовский край, включавший Львовскую и Дрогобычскую области и именовавшийся «Буг-2», проводники Дмитро Слюзар («Золотар», 1944—45 гг.), Зиновий Тершаковец («Федир», 1946—48 гг.), Осип Дякив («Наум», 1948—50 гг.), Евген Пришляк («Ярема», 1950—52 гг.);

Подольский край («Подилля»), включавший Тернопольскую область, проводники Иван Шанайда («Данила», 1945—46 гг.), Осип Беспалко («Остап», 1946—47 гг.) и Василь Бей («Улас», 1947—49 гг.);

Закарпатский край («Сан») — юго-восточная часть Польши, проводник Ярослав Старух («Стяг», 1945—47 гг.).

В состав ПЗУЗ входили два края: Восточный край «Одесса» и Западный край «Москва» («Днипро»), охватывавшие Волынскую и Ровенскую области. Проводниками «Одессы» были Петро Олейник («Эней», 1944—45 гг.), Федор Воробец («Верещака», 1945—46 гг.), Степан Янишевский («Далекий», 1946—48 гг.). Западный край «Днипро» возглавлял Иван Литвинчук («Дубовый», 1944—52 гг.).

В период начавшейся в 1946 году чекистской операции «Берлога» только на территории СССР удалось выявить также большое количество местных «проводов»: 14 окружных, 37 надрайонных и 120 районных. Эта структура называлась «оргсеткой» или «гражданской сеткой».

25 августа 1943 года участники 3-го чрезвычайного «великого сбора» ОУН избрали свой руководящий орган — Бюро провода ОУН. Его руководителем стал Роман Шухевич, имевший в качестве политического лидера другую кличку — «Тур». Его заместителем был Дмитрий Маевский («Тарас»), членом бюро — Ростислав Волошин («Павленко»). Микола Лебедь возглавил контрольный орган — Головную раду — и руководил референтурой связи.

Подполье ОУН взяло на себя важнейшие функции поддержки партизан: контрразведку — знаменитая «служба безпеки» (СБ), подготовку резервов — в каждом селе создавались «отряды кустовой самообороны», связи, медицинского обеспечения.

Организатором и руководителем службы безопасности был Микола Арсенич («Березовский»). Арсенич еще в 30-е годы вошел в руководство ОУН и пользовался абсолютным доверием Бандеры и Шухевича. Окруженный отрядом МГБ, он погиб в перестрелке вместе со своей женой 23 января 1947 года в окрестностях села Жуков Березанского района Тернопольской области. Четыре брата Арсенича также входили в УПА и погибли в боях. Арсенича сменил Ярослав Дякон («Дмитро»), погибший в ноябре 1948 года.

Красный Крест в западноукраинских землях возглав-

ляли Катерина Зарицкая («Монета») в 1943—47 годах и Галина Дидик («Анна») в 1947—49 годах. Надо сказать, что активистки украинского Красного Креста оказывали большую помощь в укрывательстве главкома УПА Шухевича, который был, что называется, «ходок», и всю систему своего пребывания в подполье поставил на использовании женщин.

Для того чтобы придать себе солидность, накануне прихода Красной Армии ОУН-УПА решили создать свое своеобразное правительство. 11—15 июня 1944 года в огромном доме лесника в Самбирском лесу на Дрогобынщине прошел съезд, на котором 20 участников, в основном бандеровцы и их «попутчики», провозгласили создание «Украинской головной визвольной рады». Ее номинальным президентом и руководителем президиума (аналог подпольного парламента) избрали Кирилла Осьмака, бывшего украинского эсера и кооператора, который в 20—30-е годы находился на территории СССР и, таким образом, символизировал единство восточной и западной Украины. Как и положено «зиц-председателю», сразу после съезда Осьмак попал в руки чекистов.

Руководителем Генерального секретариата был избран все тот же Роман Шухевич, на этот раз под кличкой «Лозовский». Было создано три «министерства». Шухевич стал министром военных дел, Лебедь — иностранных, а Волошин — соответственно, внутренних. Лебедь выехал на Запад, где стал представителем УГВР перед западными странами.

Большое внимание в УПА придавалось идейно-воспитательной работе. Ее руководителем являлся Яков Бусел («Галина»). Бусел, наряду с Ростиславом Волошиным, являлся одним из немногих негаличан в руководстве ОУН. Он погиб 15 сентября 1945 года в селе Бишки на Тернопольщине. Обстоятельства его смерти до сих пор точно не известны. Есть подозрение, что его ликвидировали свои же. Дело в том, что летом 1944 года на территории, уже освобожденной Красной Армией, Бусел и его сторонники провозгласили создание так называемой

«Народно-освободительной революционной организации» (НВРО), после чего последовали крупные разборки между полевыми командирами. Для чего создавалась НВРО и почему ее создание вызвало такие последствия — до сих пор толком никто не знает. Можно лишь предположить, что Волынско-Полесские руководители УПА хотели пойти на компромисс с Советской властью, за что и поплатились.

Наряду с Яковом Буселом главными теоретиками и пропагандистами ОУН-УПА в начале их «борьбы» против Советской власти были Иосип Позичанюк («Шугай», «Шаблюк») и Дмитро Маевский («Тарас»). В 1947—49 годах руководителем политико-воспитательного отдела главного штаба являлся Петро Федун («Петро Полтава»). Наряду с ним идейно-политической и теоретической работой руководил Осип Дякив («Горновый», «Наум»).

Имела УПА и свои печатные органы: газеты «Доброї» (редактор Бусел) и «Повстанец» (редактор Микола Дюжий («Вировый»)). Выходил и сатирический журнал «Украинский перець» (редактор Ярослав Старух [«Синий»]). Во всех военных округах и тактических подразделениях издавались свои газеты и журналы, самым знаменитым из которых был «Шлях перемоги», который издавался в военном округе «Говерла» под редакцией поэта Михайла Дьяченко («Марко Боеслав»): ОУН также имела свои печатные органы: журнал «Идея и чин» (редакторы Дмитрий Маевский и Мирослав Прокоп [«Владимир»]), а в 1948—51 годах — «Осередок информации и пропаганды» (редактор Петро Федун). Свои издания выпускали и региональные отделы ОУН.

Как мы видим, ОУН-УПА располагали мощной разветвленной структурой, большим количеством хорошо обученных кадров, проверенной годами системой поддержки. Разгромить такую организацию было чрезвычайно сложно. Каждый раз, уничтожая ту или иную банду, сотрудники советских спецслужб убеждались, что на ее месте появляется новая. В связи с этим в Москве очень

скоро пришли к выводу о необходимости ликвидации прежде всего главарей ОУН-УПА на территории СССР и Польши. О том, кто были эти люди, где они скрывались и как их ловили, лучше всего говорит следующий документ:

«Совершенно секретно
Министру внутренних дел Украинской ССР
Генерал-лейтенанту Тов. Строкач
8 октября 1946 г.
№ 1/13948

Разработанным УББ МВД УССР планом по агентурному делу «Берлога» на август — октябрь с. г. предусматривалось провести ряд активных агентурно-оперативных мероприятий в местах вероятного их укрытия. Так:

— в Бережанском и Козовском районах, Тернопольской области, по розыску проводника ОУН Шухевича Романа и референта «СБ» «Михаиле», которые в течение продолжительного времени укрываются в этих районах и имеют там значительную пособническую базу;

— в Рогатинском районе, Станиславской области, по розыску члена центрального провода и проводника ОУН т. н. «Западных украинских земель» («ЗУЗ») «Петро», он же «Панас»;

— в Стрийском районе, Дрогобычской области, по розыску членов центрального провода шефа штаба УПА «Лыцарь»;

— в Подгаецком районе, Тернопольской области, по розыску оргреферента центрального провода «Лемиш» и т. д.

Предварительные результаты реализации плана показывают, что направленная в Тернопольскую область оперативная группа МВД УССР вследствие своей малочисленности развернула работу только по ликвидации оргреферентуры центрального провода, возглавляемой «Лемишем», по розыску [же] других членов ОУН положительных результатов не достигнуто, хотя и известны были места их вероятного укрытия.

Это дает основание считать, что в условиях, когда главари ОУН и подчиненные им референтуры тщательно законспирированы и укрываются в различных местах, розыск их необходимо вести не одной, а одновременно несколькими оперативными группами, дислоцируя их в районах вероятного укрытия главарей ОУН.

Разработка оперативной группой МВД УССР оргреферентуры центрального провода, несмотря на достигнутые результаты (арест «Арсена» и «Довбны» и др.), в целом ведется недостаточно активно.

В течение месяца УББ не добилось развернутых показаний от «Арсена» и «Довбны» о местах укрытий «Лемиша» и других членов центрального провода.

До настоящего времени точно не установлено, работал ли радиоузел «Арсена» и с кем [он] поддерживал связь.

Недостаточно уделяется внимания приобретению из числа выявленных связей «Лемиша» и «Арсена» целевой агентуры для разработки руководящего подполья ОУН.

По связям «Арсена» проведен ряд гласных арестов, в частности содержания подпольной радиомастерской Тимкевича и др., которые могли бы быть с успехом использованы для внедрения в подполье ОУН.

В целях решительной активизации работы по вскрытию и ликвидации руководящего подполья ОУН ПРЕДЛАГАЮ:

1. Сформировать дополнительно четыре оперативные группы, возглавив их опытными оперативными работниками.

Каждой оперативной группе придать подвижной отряд войск МВД численностью 50-70 человек и спецгруппу.

2. Сформированные группы направить на розыск и ликвидацию проводника ОУН Шухевича Романа, референта «СБ» «Михайло» и проводника ОУН «Западно-украинских земель» («ЗУЗ») Петро и шефа штаба УПА «Лыцаря».

Ранее созданную опергруппу использовать для дальнейшей разработки и ликвидации оргреферентуры, возглавляемой «Лемишем».

Места дислокации оперативных групп установить в зависимости от добытых за последнее время материалов о местах укрытия членов центрального провода.

3. Руководство работой оперативных групп в контактировке проводимых ими мероприятий возложить на начальника УББ МВД УССР.

4. В ходе разработки членов центрального провода ОУН изъятие лиц, проходящих по связи с ними, производить после того, когда будет установлено, что их невозможно использовать в оперативных целях.

5. Активизировать следственные мероприятия по делу «Арсена» и др. арестованных лиц из его группы. Продумать целесообразность вербовки «Грабар» и «Чеховича» как лиц, представляющих оперативный интерес.

6. Планы агентурно-оперативных мероприятий по разработке и ликвидации главней ОУН разрабатывать ежемесячно в разрезе референтур и представлять в МВД СССР к 10 числу каждого месяца.

К этому же числу представлять докладную записку о результатах выполнения плана за прошедший месяц.

Об исполнении донести «...» октября 1946 года.

*Заместитель министра внутренних дел СССР
генерал-лейтенант В. Рясной»⁶.*

Выполняя этот план, советские спецслужбы развернули планомерную охоту на подпольных руководителей ОУН-УПА, действующих на территории УССР. А для того чтобы читатель получил представление о том, как проходили операции по ликвидации националистического подполья на Западной Украине, приведем следующую небольшую хронику⁷:

24 февраля 1944 года в Черном лесу Ивано-Франковской области в бою с рейдовой группой 215-го стрелкового полка внутренних войск НКВД под командованием старшего лейтенанта Евтухина погиб командующий Ста-

ниславским тактическим участком «Черный лес» майор УПА Василь Андрусак («Резун»).

10 июля 1944 года в лесу Литинского района Винницкой области в бою с подразделением внутренних войск НКВД погиб Омелян Грабец («Батько»), командующий одним из двух военных округов УПА-Юг.

22 августа 1944 года в бою с подразделением внутренних войск НКВД во время перехода линии фронта в селе Гай Нижний Дрогобичского района Львовской области был убит Ростислав Волошин («Березюк»), один из трех членов Бюро Провода ОУН и один из руководителей УГВР. При этом была арестована его жена Нина Волошина («Домаха»).

18 декабря 1944 года застрелился, будучи раненым в бою в окрестностях села Залесье Здолбуновского района Ровенской области, поручик УПА Остап Качан («Саблюк»), командующий одним из двух военных округов УПА-Юг.

21 декабря 1944 года в селе Юшковичи близ Ходорова в бою с подразделением внутренних войск НКВД погиб Иосип Позичанюк («Шугай», «Шаблюк»), один из руководителей политвоспитательной работы ОУНУПА, член УГВР. Вместе с ним погибли руководящие работники ОУНУПА Борис Вильшинский («Орел») и Кость Цмоц («Модест»).

23 декабря 1944 года вблизи Перемышля в бою с подразделением внутренних войск НКВД погиб поручик УПА Яков Черный («Ударник»), командующий 6-м военным округом УПА-Запад «Сан».

В январе 1945 года захвачен живым спецгруппой НКГБ, действовавшей под видом бойцов УПА, Александр Луцкий («Беркут»), организатор Украинской национальной самообороны на Галичине, первый командующий УПА-Запад.

26 января 1945 года работниками НКГБ захвачен больной тифом и раненый Юрий Стельмашук («Рудый»), командующий военным округом «Завихост» УПА-Север. 6 августа 1945 года он был приговорен к расстрелу.

12 февраля 1945 года в селе Суск Костопольского района Ровенской области в бою с подразделением 223-го особого стрелкового батальона внутренних войск НКВД погиб полковник УПА Дмитро Клячковский («Клим Савур», «Охрим»), командующий УПА-Север и краевой проводник ОУН на Северо-Западных украинских землях.

4 июля 1945 года выкурены из укрытия братья Микола и Петро Дюжие. Микола Дюжий («Вировый») — сотник УПА, секретарь Президиума УГВР, был осужден на 20 лет и вышел на свободу только в 1955 году. Петро Дюжий («Арсен») — референт пропаганды Провода ОУН, член Провода ОУН, был осужден на 25 лет и освобожден в 1960 году.

В тот же день в селе Девятники Жидачевского района Львовской области погиб в укрытии, окруженный спецгруппой НКВД, вместе с большой группой руководителей ОУН-УПА Михайло Медведь («Карпович», «Кременецкий»), начальник штаба УПА-Север.

19 июля 1945 года в селе Клещевка Рогатинского района Ивано-Франковской области в бою со спецгруппой НКВД погиб майор УПА Василь Брылевский («Боровый», начальник штаба УПА-Запад).

15 сентября 1945 года в бою с подразделением внутренних войск НКВД в селе Бишки Козивского района Тернопольской области погиб Яков Бусел («Галина»), начальник политвоспитательного отдела главного штаба УПА.

19 декабря 1945 года во время перехода чехословацко-немецкой границы захвачен чешскими пограничниками майор УПА Дмитро Грицай («Перебийнос»), начальник главного штаба УПА. Покончил с собой в Пражской тюрьме 22 декабря 1945 года. Бывший вместе с ним Дмитро Маевский («Тарас»), заместитель руководителя Бюро Провода ОУН и политический референт Бюро Провода, застрелился при аресте.

В тот же день в селе Бесиды Жовковского района Львовской области в бою со спецотрядом НКВД погиб

Дмитро Слюзар («Золотар»), краевой проводник ОУН Львовского края.

В 1946 году захвачен живым работниками МГБ Омелян Полевый («Очеред»), поручик УПА, командующий 3-м военным округом УПА-Запад «Лисоня», сотрудник краевого штаба УПА-Запад. Он был осужден на 25 лет и вышел на свободу лишь в 1971 году.

15 января 1946 года в бою со спецгруппой НКВД, действовавшей под видом группы бойцов УПА, был ранен и захвачен живым поручик УПА Федор Воробец («Верещака»), командующий военным округом УПА-Север «444» и краевой проводник Восточного края «Одесса». Он был осужден на 25 лет тюремного заключения и умер в 1959 году в Иркутской области.

17 февраля 1946 года в бою с подразделением внутренних войск НКВД в селе Молотничи Жидачевского района Львовской области погиб Петро Олейник («Эней»), проводник ОУН Восточного края «Одесса».

В марте 1946 года в лесу Бережанского района Тернопольской области вместе с женой погиб в бою с подразделением внутренних войск НКВД Иван Шанайда («Данило»), краевой проводник Подольского края.

30 октября 1946 года погиб вместе с женой, штабом и охраной в перестрелке со спецгруппой МГБ в схроне в районе села Липы Ярослав Мельник («Роберт»), краевой проводник ОУН Карпатского края.

18 декабря 1946 года выкуренный из укрытия, попал живым в руки работников МГБ Василь Левкович («Вороний»), полковник УПА, командующий 2-м военным округом УПА-Запад «Буг». Он был осужден на 25 лет и освобожден в 1961 году.

17 июля 1947 года в бою с ротой внутренних войск МВД, пробиваясь из окружения, в Козловском районе Тернопольской области погиб майор УПА Владимир Якубовский («Бондаренко»), командующий 3-м военным округом УПА-Запад «Лисоня».

В августе 1947 года на территории Чехословакии живым захвачен сотник УПА Иван Белейлович («Дзвин-

чук»), руководитель группы курьеров. Позднее передан чехословаками МГБ СССР.

3 августа 1947 года в селе Телячье Подгаецкого района Тернопольской области в укрытии после часового боя со спецгруппой НКВД погиб Осип Беспалко («Остап»), краевой проводник ОУН Подольского края и командующий 3-м военным округом УПА-Запад «Лисоня».

17 сентября 1947 года близ местечка Духна на Любачевщине (Польша), окруженный спецотрядом польской госбезопасности, взорвался в бункере Ярослав Старух («Стяк»), член Провода ОУН и проводник Закерзонского края (Польша).

В тот же день был захвачен живым Петро Федорив («Дальнич»), краевой референт СБ Закерзонского края. Расстрелян в 1950 году в Варшаве.

2 марта 1948 года органами польской госбезопасности во Вроцлаве арестован Ярослав Онышкевич («Орест»), майор УПА, командующий 6-м военным округом УПА-Запад «Сан». Расстрелян 6 июля 1950 года.

12 августа 1948 года в Долинском районе Ивано-Франковской области сдался, окруженный оперативной группой МГБ, Степан Янишевский («Далекий»), краевой проводник Восточного края «Одесса». Осужден в Ровно.

4 ноября 1948 года в бою со спецотрядом МВД на территории Львовской области погиб Зиновий Тершаковец («Федир»), краевой проводник ОУН Львовского края, командующий 2-м военным округом УПА-Запад «Буг».

8 февраля 1949 года в бою со спецгруппой МГБ около села Петушки Млиновского района Ровенской области погиб майор УПА Микола Козак («Смок»), заместитель краевого проводника ОУН на Северо-Западных украинских землях.

14 апреля 1949 года вместе с женой Надеждой Романовой погиб в бою со спецгруппой МГБ в укрытии около села Перегинское Ивано-Франковской области Василь Сидор («Шелест», «Ростислав», «Вышитый», «Ле-

совик»), краевой командир УПА-Запад, член Провода ОУН, краевой проводник ОУН Карпатского края, генеральный судья ОУН.

9 ноября 1949 года в перестрелке с чехословацкими жандармами погиб Степан Стебельский («Хрин»), командующий Дрогобычским тактическим участком УПА «Макивка». В свое время он командовал сотней УПА «Ударники-5», уничтожившей 28 марта 1947 года заместителя министра обороны Польши генерала Кароля Сверчевского.

Весной 1950 года захвачен опергруппой МГБ в спецкрытии Григорий Голяш («Бей»), руководитель спецсвязи Провода ОУН и руководства УПА во Львове (явка была в пивной). При аресте пытался застрелиться. Весной 1951 года покончил с собой, выбросившись из окна 4-го этажа львовской тюрьмы.

5 марта 1950 года на своей подпольной квартире спецгруппой МГБ в бою был убит главнокомандующий УПА Роман Шухевич. Во время захвата работниками МГБ подпольной квартиры Шухевича задержана живой (пыталась отравиться) Галина Дидик («Анна»), руководительница «Украинского Красного Креста» на Западно-украинских землях и ближайшая помощница Шухевича. Осуждена на 25 лет заключения, освобождена в 1971 году.

28 ноября 1950 года в окрестностях села Великополе Яворовского района Львовской области погиб в бою со спецгруппой МГБ Осип Дякив («Горновый», «Наум»), проводник Львовского края, член Провода ОУН, заместитель главы УГВР.

13 декабря 1951 года около села Сваричев Рожнятовского района Ивано-Франковской области погиб сотник УПА Ярослав Косарчин («Байрак»), на момент гибели — краевой проводник ОУН Карпатского края.

22 декабря 1951 года вместе с Романом Кравчуком в бункере в окрестностях села Букачевцы Рогатинского района Ивано-Франковской области погиб Петро Федун («Петро Полтава», «Север»), руководитель Бюро информации УГВР, член УГВР, заместитель главы ге-

нерального секретариата УГВР, член Провода ОУН, майор УПА.

19 января 1952 года, окруженный в схроне спецгруппой МГБ, погиб в бою Иван Литвинчук («Дубовый»), проводник ОУН Западного края «Москва» («Днипро»), командующий УПА-Север в звании майора, заместитель проводника ОУН на Северо-Западных украинских землях.

22 января 1952 года выкурен из укрытия работниками МГБ Евген Пришляк («Ярема»), краевой проводник ОУН Львовского края. Осужден на 25 лет, освобожден в 1977 году.

В мае 1952 года в селе Чернихов Зборовского района Тернопольской области погиб Василь Бей («Улас»), проводник ОУН на Средне-Восточных украинских землях (ОСУЗ), член Провода ОУН. До этого еще 8 февраля 1951 года он был арестован в Виннице вместе с надрайонным проводником Демчуком в ходе чекистской операции, дал согласие на перевербовку, однако, вернувшись в подполье, продолжил бандитскую деятельность.

5 октября 1952 года захвачен в засаде работниками МГБ Василь Охримович («Грузин»), проводник ОУН Карпатского края. Приговорен к расстрелу военным трибуналом 19 мая 1954 года.

11 июня 1953 года в Кременецких лесах спецгруппой НКВД живым захвачен Василь Галаса («Орлан»), проводник ОУН на Северо-Западных украинских землях, член Провода ОУН. Был осужден и вышел на свободу только в 1960 году.

19 мая 1954 года в своем схроне на горе Березовичке юго-восточнее села Зеленого Надворнянского района в Карпатах погиб вместе с женой Ольгой Герасимович Микола Твердохлиб («Грим»), командующий 4-м военным округом УПА-Запад «Говерла», руководитель СБ Карпатского края, проводник ОУН на Западно-украинских землях.

Таким образом, к середине 50-х годов оуновское подполье на территории Украинской ССР было полностью

разгромлено. Однако это не стало окончанием многолетней войны между украинскими националистами и Советской властью, так как находившиеся на Западе лидеры ОУН по-прежнему продолжали свою антисоветскую и террористическую деятельность.

Убийство Льва Ребета

После окончания Второй мировой войны находящиеся в эмиграции украинские националисты постоянно враждовали между собой. В результате вскоре образовалось несколько враждующих друг с другом конкурирующих организаций. Так, еще в 1945—46 годах ряд эмигрантских вождей ОУН выступили против лидерства Бандеры. Это были Владимир и Евгений Стахив, Иван Бутковский, Зиновий Марцюк. А в 1947 году возникла новая оппозиция в лице Мирона Прокопа, Василя Охримовича, Ивана Гриньоха, Дария и Льва Ребетов. В начале 50-х годов произошел первый раскол. Образовалась группа во главе с Миколой Лебедем, Гриньохом, Охримовичем и Омеляном Логушем. Чуть позднее была создана еще одна раскольническая организация во главе с Юрием Лопатинским, Львом и Дарием Ребетами и Зеноном Марцюком. Таким образом, в эмиграции существовало как минимум три группы, претендовавшие на роль продолжателей дела Коновальца.

Впрочем, внутренние разногласия не помешали украинским националистам продолжить антисоветскую деятельность, опираясь на поддержку стран Запада, и прежде всего Англии и США. И уже в конце 40-х годов, в связи с начавшейся «холодной войной», они сделались разменной монетой в руках американских и английских спецслужб, которые в обмен на предоставление финансовой помощи требовали от них предоставления людей для заброски на территорию СССР шпионов и диверсантов.

Для подготовки и обучения забрасываемых в СССР диверсантов в западногерманских городах Бинде и Мин-

деле, а также в Лондоне были созданы специальные центры. Руководили центрами кадровые разведчики западных спецслужб, а тонкостям нелегальной работы на Украине курсантов обучали соратники Бандеры. Кроме того, сами националисты на средства, полученные от западных спецслужб, забрасывали на территорию Украины своих эмиссаров.

Уже в конце 1940 и начале 1950-х годов с самолетов без опознавательных знаков в районы горно-лесных массивов Западной Украины было заброшено несколько групп парашютистов, основной задачей которых было разжигание вооруженной борьбы против Советской власти. Так, осенью 1949 года в Николаевском районе Львовской области американцы сбросили двух парашютистов. Примерно в то же время такую же операцию провели и англичане. В мае 1950 года в Ивано-Франковской области американцы сбросили на этот раз уже четырех парашютистов. Летом 1951 года они вновь сбросили в районе Карпат четырех агентов. В августе и ноябре 1952 года с американских самолетов в Прикарпатье десантировались еще две группы украинских националистов.

Интересно в этом плане свидетельство бывшего сотрудника ЦРУ Гарри Розитцке, который в своей книге «Секретные операции ЦРУ» пишет, что в сентябре 1949 года самолетом без опознавательных знаков из американской зоны оккупации Германии на территорию Советского Союза были заброшены два националиста, прошедшие 10-месячную подготовку в американской разведшколе. По его утверждению, они якобы продержались до ноября 1953 года. Касается этого вопроса и советский разведчик Ким Филби. В своей книге он пишет:

«В 1951 году, после нескольких лет упорной работы, ЦРУ все еще надеялось послать на Украину своего «политического» представителя с тремя помощниками для установления контактов с «движением Сопротивления». ЦРУ наскребло даже резервную группу из 4 человек, чтобы послать ее в случае, если первая группа бесследно исчезнет».

Однако ни первая, ни вторая группа своих заданий не выполнили, сразу же оказавшись в руках советских органов госбезопасности.

Не теряли времени и англичане. Вот что пишет об использовании украинских националистов английской разведкой в своих мемуарах «Моя тайная война» тот же Филби:

«Первая группа агентов, которую англичане снабдили радиопередатчиком и другими тайными средствами связи, была направлена на Украину в 1949 году и — исчезла. В следующем году послали еще две группы, но о них тоже не было ни слуху ни духу.

В 1951 году в течение месяца англичане выбросили три группы по 6 человек в каждой. Самолеты отправлялись с аэродрома на Кипре. Одна группа была сброшена на полпути между Львовом и Тернополем, другая — неподалеку от верховьев Прута, в районе Коломыи, и третья — в пределах Польши, в районе истоков Сана. Чтобы избежать дублирования и перекрытия районов, англичане и американцы обменивались точной информацией относительно времени и географических координат своих операций».

Что же касается самих оуновцев, то и они в этот период старались переправить в СССР своих эмиссаров. Наиболее крупными руководителями ОУН-УПА, заброшенными на Украину, были Мирон Матвиейко («Усмих») и Василь Охримович («Грузин»). Их засылка была связана с расколом, произошедшим в рядах ОУН в эмиграции. Каждая из конкурирующих групп стремилась заручиться поддержкой своих единомышленников в подполье на Украине. Это был неоценимый капитал в глазах их западных покровителей.

Мирон Матвиейко представлял группу Бандеры. Он был близким доверенным человеком главаря ОУН. Так же как и Бандера, он происходил из семьи униатского священника. Родился Матвиейко в 1914 году в селе Беремивцы Зборовского района Тернопольской области. Окончил гимназию во Львове и тогда же вступил в

молодежную организацию ОУН. В 1939—41 годах Матвиейко жил в Берлине. Во время Великой Отечественной войны занимался контактами оуновской службы безопасности с немецким абвером, а после освобождения Бандеры из концлагеря стал его ближайшим помощником. В ночь с 14 на 15 мая 1951 года Матвиейко вместе с группой своих соратников был сброшен с английского самолета на территорию Украины и почти сразу же попал в руки МГБ. А после того как он понял бесполезность продолжения борьбы, стал сотрудничать с чекистами. Впоследствии он начал новую жизнь — работал бухгалтером, женился, вырастил троих детей и мирно скончался 1 мая 1981 года в селе Павлив, в котором и проживал.

Конкуренты Бандеры сбросили на Украину с американского самолета 19 мая 1951 года Василя Охримовича с тремя сопровождающими. Он встретился со всеми видными лидерами ОУН-УПА, в том числе с «Петром» (Роман Кравчук), «Севером» (Петро Федун), «Жаром» (Степаном Гаврилюком), перезимовал в схроне у Василя Кука. Но осенью 1952 года он попал в чекистскую засаду и был схвачен. В отличие от Матвиейко, Охримович, очевидно, не проявил доброй воли и желания сотрудничать с органами, и был, как мы уже писали выше, расстрелян.

Безусловно, такая активность украинских националистов и их контакты с западными спецслужбами не могли не тревожить советское руководство. Поэтому пришедший к власти после смерти Сталина Хрущев продолжил политику своего предшественника по отношению к оппозиции, и в том числе к оуновцам. В начале 50-х годов он дал санкцию на проведение спецопераций против находящихся в эмиграции лидеров НТС, а в 1957 году одобрил план ликвидации одного из идеологов ОУН Льва Ребета. По замыслу КГБ убийство Ребета должно было спровоцировать выступления (в том числе и террористические) его сторонников против группы Бандеры.

Главным исполнителем операции по ликвидации Ребета был назначен 25-летний агент 13-го отдела ПГУ КГБ (диверсии и террор) Богдан Николаевич Сташинский. Интересно отметить, что он не являлся кадровым сотрудником КГБ, а был в 1951 году завербован во время учебы в Львовском университете капитаном МГБ Ситниковским.

Ликвидировать Ребета предполагалось из специального оружия, изготовленного в оружейной лаборатории КГБ (так называемое «хозяйство Железного») и представлявшего собой газовый пистолет, который стрелял струей ядовитого газа из разбиваемой бойком ампулы с цианистым калием. Позднее во французской газете «Монд» от 11 октября 1962 года было дано подробное описание этого пистолета:

«Последняя новинка в арсенале образцового шпиона — это... бесшумный пистолет, приводимый в действие электрической батарейкой напряжением полтора вольта и стреляющий ампулами, в которых содержится летучий яд, изготовленный на основе цианистого калия. Через шесть минут этот яд не оставляет никаких следов в организме человека. Если говорить о технической стороне дела, то оружие сделано из алюминия; в нем имеется три цилиндра, вставленные один в другой. В первом цилиндре находится пружина с толкателем. Спусковой рычаг освобождает пружину, и она выбрасывает толкатель вперед, через второй цилиндр. В этот момент капсула, или ампула, содержащая жидкость, разбивается и жидкость выпрыскивается в лицо жертве. Спазма кровеносных сосудов наступает мгновенно, жертва теряет сознание, и через несколько минут наступает смерть. При вскрытии врач может лишь установить, что сердце остановилось, и делает заключение о сердечном приступе»⁸.

Выбирая именно это оружие, в 13-м отделе считали, что ничего не подозревающий патологоанатом, скорее всего, напишет в заключении, что причиной смерти явилась сердечная недостаточность.

Перед тем как приступить к выполнению операции, Сташинский провел испытание своего оружия. Прибыв на базу КГБ в Карлсхорсте в Восточном Берлине, он проверил действие пистолета на собаке. Отведя ее в лес и привязав к дереву, он произвел выстрел. Собака заби-лась в конвульсиях и через несколько секунд сдохла.

Убедившись таким образом в надежности своего ору-жия, Сташинский приступил к подготовке убийства Ре-бета. Для того чтобы изучить образ жизни и привычки Ребета, Сташинский осенью 1957 года четыре раза выез-жал в Мюнхен, внимательно наблюдая за своей жертвой. А в начале октября он получил приказ ликвидировать объект.

9 октября 1957 года Сташинский с фальшивыми до-кументами приехал в Мюнхен и стал выбирать удобный момент для проведения ликвидации. Такой случай пред-ставился ему вечером 12 октября. Устроившись в пара-дном дома, где проживал Ребет, Сташинский дождался, когда тот подъехал к дому и, отпустив телохранителя, поднялся к себе на третий этаж. И в тот момент, когда Ребет открывал двери своей квартиры, Сташинский вы-стрелил ему в лицо из пистолета. Убедившись, что Ребет мертв, он немедленно покинул место убийства, приняв по пути таблетку атропина — противоядия от возможно-го воздействия цианистого калия. В тот же вечер он само-летом вылетел в Западный Берлин, откуда благополучно вернулся в ГДР.

После ликвидации Ребета начальник ПГУ КГБ А. Са-харовский направил в ЦК КПСС следующее сообщение:

«14. 11. 1957
№ 2261-с

Посылаю письмо лично Хрущеву Н. С. о мероприятии в Германии. Письмо исполнено от руки на 2 листах. Без оставления копии в секретариате Комитета. Исполнитель т. Сахаровский, ПГУ»⁹.

Смерть Ребета ни у кого не вызвала никаких подозре-ний. Как и предполагали организаторы убийства, меди-

цинское заключение, сделанное после вскрытия, гласило, что смерть Ребета наступила в результате сердечной недостаточности. Впрочем, это обстоятельство несколько спутало планы КГБ, так как «естественная» смерть Ребета не спровоцировала конфликт между его сторонниками и Бандерой.

Смерть Степана Бандеры

Удачно проведенная операция вдохновила ее инициаторов, и в мае 1958 года руководством КГБ с санкции ЦК КПСС и лично Хрущева было принято решение ликвидировать главу украинских националистов Степана Бандеру.

Степан Андреевич Бандера, всю свою сознательную жизнь борющийся с Советской властью, родился в 1909 году в селе Старый Угрынив Станиславского уезда (ныне Ивано-Франковская область) в семье священника униатской церкви. Образование он получил в Стрыйской гимназии, а затем на агрономическом факультете Львовского университета, где, впрочем, практически не учился. Еще в годы учебы в гимназии он примкнул к подпольной украинской организации, созданной Коновальцем. В 1929 году он вступил в только что образованную ОУН, а уже в 1933 году стал проводником (руководителем) Львовской краевой экзекутивы ОУН.

Однако свой авторитет у украинских националистов Бандера заработал не умелым руководством, а террористическими актами. Первыми его жертвами стали — кузнец из села Двирци на Львовщине Михаил Белицкий, профессор философии Львовской украинской гимназии Иван Бабий, студент Львовского университета Яков Бачинский и сотрудник ИНО ОГПУ Андрей Майлов, работавший под прикрытием должности секретаря советского консульства во Львове.

После прихода к власти Гитлера Бандера через Рихарда (Рико) Ярого был завербован абвером в качестве

агента и даже прошел курс обучения в спецшколе в Данциге. И именно он по приказу руководителей абвера организовал убийство польского министра внутренних дел Бронислава Перацкого, который решительно возражал против планов Гитлера по захвату данцигского коридора. Бандера лично возглавил группу оуновских террористов, и 15 июня 1934 года в Варшаве Перацкий был убит. И хотя непосредственному убийце — Григорию Мацейко — удалось бежать, вся остальная группа вместе с Бандерой была арестована польской полицией. Состоявшийся вскоре суд приговорил Бандеру к смертной казни, которую ему заменили пожизненным заключением.

Однако в абвере не забыли о своем исполнительном агенте. После захвата Польши гитлеровскими войсками в сентябре 1939 года Бандера был освобожден из тюрьмы и возглавил так называемых «молодых» украинских националистов, боровшихся против лидера ОУН Мельника. Итогом этой борьбы стал раскол ОУН в апреле 1941 года.

Впрочем, занимаясь борьбой за лидерство в ОУН, Бандера не забывал и про своих друзей из абвера. Однако уже в августе 1941 года он был арестован, но на этот раз немцами. По этому поводу бывший полковник абвера Эрвин Штольц впоследствии говорил следующее:

«Причиной ареста стал тот факт, что он в 1940 году, получив от абвера большую сумму денег для финансирования оуновского подполья и организации разведывательной деятельности против Советского Союза, пытался их присвоить и перевел в один из швейцарских банков...».

Разумеется, деньги из банка были возвращены, а сам Бандера до октября 1944 года содержался под арестом в концлагере Заксенхаузен, где проживал в отдельном особняке под надзором полиции. Но когда в 1944 году положение Германии стало критическим, Бандеру в Заксенхаузене посетил Гиммлер, заявивший ему:

«Необходимость вашего вынужденного пребывания под арестом, вызванная обстоятельствами, временем и

интересами дела, отпала. Начинается новый этап нашего сотрудничества — более ответственный, чем раньше. Собирайте своих людей, идите и действуйте. Помните, что наша победа обеспечит и ваше будущее».

Оказавшись на свободе, Бандера уже в октябре 1944 года при содействии абверкоманды-202 начинает организовывать диверсионные группы ОУН в тылу советских войск на Украине. О том, какие задачи ставил Бандера перед своими диверсантами, можно судить по следующей его директиве (приводится в сокращении):

«Под влиянием большевистской действительности менее стойкие элементы, безусловно, в абсолютном большинстве перейдут на сторону советов. Они вдвойне опасны для нашей дальнейшей борьбы: их массовый переход на сторону советов подорвет престиж ОУН и УПА, а их активная борьба, в которую они, безусловно, включатся вместе с большевиками против ОУН, исключит любую возможность подпольной работы на западноукраинских землях.

Поэтому необходимо срочно и совершенно секретно, во имя великого национального дела вышеупомянутые элементы ОУН и УПА ликвидировать двояким способом:

а) посылать большие и меньшие отряды УПА на бой с большевиками и создавать ситуации, чтобы советы их уничтожали на постах и в засадах;

б) территориальные группы и других лиц станичного и районного масштаба должна уничтожить надрайонная и районная служба безопасности...».

Зимой 1944—1945 гг. Бандера в составе одной из групп боевиков действовал в тылу Красной Армии под Краковом. От неминуемой гибели его спас небезызвестный оберштурмбанфюрер СС Отто Скорцени, который по личному приказу Гитлера вывел Бандеру через Чехословакию и Австрию в зону оккупации союзников. «Это был трудный рейс, — вспоминал потом Скорцени. — Я вел Бандеру по радиомаякам, оставленным в Чехословакии и Австрии в тылу ваших (советских — авторы) войск.

Нам нужен был Бандера. Мы верили ему. Гитлер приказав мне спасти его, доставив в рейх для продолжения работы. Я выполнил это поручение...».

После войны Бандера обосновался в Мюнхене под именем Стефана Поппеля и продолжал руководить работой ОУН, сотрудничая с американской, английской и западногерманской разведками. Однако немало сил и времени отнимала у него борьба с раскольниками в самой ОУН, о чем уже говорилось выше.

Для подготовки покушения на Бандеру в мае 1959 года Сташинский выехал в Роттердам на ежегодную мемориальную заупокойную службу по погибшему в 1938 году Коновальцу. На кладбище Роттердама он внимательно разглядывал Бандеру, стараясь запомнить мельчайшие детали. Тем временем резидентура КГБ в Западной Германии достала точное описание местожительства Бандеры, его распорядок дня и даже дубликат ключа от подъезда его дома. В самом конце мая Сташинский уже был в Мюнхене и даже застал Бандеру в одиночестве около гаража. Но в последний момент появился посторонний человек, и Сташинский поспешно ретировался. По дороге он выкинул свой пистолет, а в Карлсхорсте доложил начальству, что считает выполнение данного задания крайне трудным. Однако операция по ликвидации Бандеры была на контроле в Политбюро ЦК КПСС, и поэтому соображения Сташинского не были приняты во внимание.

В октябре 1959 года Сташинский вновь направляется в Мюнхен. На этот раз всё прошло успешно. 15 октября в 11 часов 30 минут утра Сташинский в подъезде дома № 7 по Крейтмайрштрассе выстрелил в лицо ядовитым газом открывавшему дверь своей квартиры Бандере и, убедившись в его смерти, спешно возвратился в ГДР. Поначалу, обнаружив труп некоего Стефана Поппеля, западногерманская полиция вновь посчитала, что смерть наступила в результате сердечной недостаточности. Но когда выяснилось, что под этим именем проживал Бандера, у немецких властей возникли подозрения относительно его

смерти. Было произведено повторное исследование трупа, которое обнаружило в желудке Бандеры остатки синильной кислоты, а на лице микроскопические осколки от ампулы с ядом. Тогда, чтобы запутать следствие, службой дезинформации ПГУ КГБ в западную печать была запущена версия о том, что Бандеру убили по инициативе министра по делам беженцев ФРГ Теодора Оберлендера, с которым тот тесно сотрудничал в годы Второй мировой войны.

Впрочем, кроме этой версии убийства Бандеры на Западе выдвигались и другие. По одной из них Бандера покончил жизнь самоубийством, приняв яд после того, как узнал о том, что его ближайший соратник Матвиейко стал сотрудничать с КГБ и несколько лет обманывал его. Но все же по основной версии, которую оуновцы считали наиболее вероятной, убийство Бандеры было совершено советскими спецслужбами.

Надо сказать, что руководство СССР до самого последнего момента отрицало свою причастность к убийству Бандеры. Так, например, журналист официального органа ЦК КПСС газеты «Правда» И. Тихомиров даже в 1990 году в статье «Псевдомоисей», опубликованной 19 октября, на полном серьезе утверждал, что Бандеру убрали с дороги спецслужбы Западной Германии по требованию все того же Оберлендера.

После убийства Бандеры в КГБ царил ликование. Зампредседателя КГБ П. Ивашутин даже обратился в ЦК КПСС с ходатайством о награждении исполнителя акции Сташинского, в котором отмечал его значительную роль в «мероприятиях по пресечению антисоветской деятельности украинских националистов за границей». Сам Сташинский тоже чувствовал себя героем. В декабре 1959 года его вызвали в Москву, где председатель КГБ А. Шелепин в торжественной обстановке вручил ему орден Красного Знамени и зачитал приказ о награждении, в котором говорилось, что награда вручается за «успешное выполнение особо важного задания правительства».

Сташинскому также сообщили, что он направляется на курсы, где продолжит изучение немецкого языка и выучит английский, после чего он три или пять лет проведет на Западе, выполняя новые задания того же характера. В принципе, из него готовили нелегального шефа резидентуры по «мокрым делам». «Работа вас ждет нелегкая, но почетная», — напутствовал Сташинского на церемонии награждения председатель КГБ Шелепин.

Но этим предсказаниям не суждено было сбыться. Дело в том, что в жизни Сташинского произошел поворот. Еще находясь в Берлине, он влюбился в восточную немку Инге Польш, которая была яркой антикоммунисткой. Несмотря на все старания начальства прекратить их связь, Сташинский и Инге в апреле 1960 года, скрывшись на время от наблюдения, обвенчались. Поставленное перед фактом руководство было вынуждено отправить их на медовый месяц в Сочи. Там под влиянием жены Сташинский во многом пересмотрел свои взгляды и стал чуть ли не большим антикоммунистом, чем Инге.

Летом 1961 года перед родами Инге выехала в Восточный Берлин. Сташинского же подозрительное начальство оставило в Москве, несмотря на все его просьбы. Но когда в Москву пришло известие, что только что родившийся сын Сташинского неожиданно умер от воспаления легких, его вынуждены были отпустить на похороны. В Берлине под влиянием смерти сына Сташинский признался жене, что является боевиком-убийцей. Правда, это не остановило супругов в твердом намерении бежать на Запад. Вечером 12 августа за день до того, как пути бегства с Востока перекрыла Берлинская стена, Сташинский и Инге, оторвавшись от наружного наблюдения, бежали в Западный Берлин.

В ФРГ Сташинский сдался властям и признался в убийстве Ребета и Бандеры. Суд над ним состоялся в октябре 1962 года в Карлсруэ. Учитывая признание и раскаяние подсудимого, суд приговорил его к восьми годам тюремного заключения за соучастие в убийстве.

Оглашая приговор, судья заявил, что главным виновником является советское правительство, которое узаконило политические убийства. Отсидел Сташинский недолго и вскоре попал под амнистию. После освобождения при помощи спецслужб ФРГ он и Инга сменили фамилию, документы и скрылись в неизвестном направлении, справедливо опасаясь мести как бандеровцев, так и КГБ.

В КГБ после бегства Сташинского полетели головы. По словам сотрудника хельсинкской резидентуры КГБ А. Голицына, бежавшего на Запад в декабре 1961 года, как минимум 17 сотрудников КГБ были уволены или разжалованы. Но что самое главное, измена Хохлова в 1954 году и Сташинского в 1961 году и широкая международная огласка суда над последним заставили Политбюро ЦК КПСС отказаться от практики убийств как средства проведения политики за пределами социалистического лагеря.

* * *

Противостояние советских спецслужб и украинских националистов продолжилось и после убийства Бандеры. Так, в период с 1959 по 1969 год КГБ СССР одна за другой проводились крупномасштабные оперативные операции «Звено», «Трасса», «Тропа», в ходе которых было захвачено и обезврежено 53 эмиссара ОУН. Одна из последних таких операций, получившая название «Бумеранг», началась в середине 60-х годов в Лондоне и закончилась только в 1988 году. В ее центре находился гражданин Польши, родственник жены Шухевича Томас Белинский. Он работал генеральным директором мебельного предприятия и по этой причине имел возможность часто выезжать в западные страны и в СССР.

Белинский был завербован оуновцами в Великобритании и согласился возглавить оуновское подполье на территории Польши и СССР. Однако советская контрразведка вовремя обратила внимание на эту авантюру, и

вся деятельность Белинского на протяжении 20 лет проходила под непосредственным контролем сотрудников советских и польских органов госбезопасности. Сам Белинский, он же «Стефан», он же «Адам», а также некоторые другие вожаки липовой организации — «Гордон» в Польше, «Мирон» во Львове, «Славутич» в Киеве и некоторые другие — даже не догадывались, что работают под контролем КГБ. Другие же участники операции — львовский врач Святослав Панчишин и киевский журналист Юрий Иванченко — с самого начала работали по заданию КГБ СССР.

В 1992 году Украина стала независимой страной, но члены ОУН и им подобные к этому событию не имеют ни малейшего отношения.

Глава пятая

Спецоперации в годы Великой Отечественной войны

Как мы отмечали в предисловии, тема нашей книги — спецоперации советской разведки — чрезвычайно мало освещалась в отечественной литературе. Однако, как ни странно, менее всего рассказывалось о спецоперациях, проведенных в годы Великой Отечественной войны. Это трудно объяснить, однако мало ли было в нашей недавней истории необъяснимых явлений. Поэтому мы считаем необходимым рассказать о действиях советских спецслужб в эти тяжелые для нашей страны годы как на оккупированной территории Советского Союза, так и за его пределами.

Покушение на фон Папена

Одной из спецопераций, проведенной советской разведкой в годы Великой Отечественной войны, было неудавшееся покушение на посла Германии в Турции — Франца фон Папена. Впрочем, несмотря на многочис-

ленные свидетельства, официальные представители российской разведки до сих пор отрицают свою причастность к этой операции. Так, в 4-м томе «Очерков истории российской внешней разведки», вышедшем в 1999 году под редакцией директора СВР РФ В. И. Трубникова, в очерке «Венгерские мотивы на турецкой земле» говорится:

«В последнее время в некоторых публикациях получила распространение версия о причастности советской разведки к организации покушения на фон Папена, повторяющая утверждение турецких властей. В архиве СВР России документов, свидетельствующих в пользу этой версии, нет».

Вполне возможно, что в СВР документов действительно не сохранилось, так как эта операция проводилась сотрудниками 4-го управления НКВД и Разведупра РККА. Поэтому нам пришлось воспользоваться широким кругом открытых источников¹. Но прежде чем приступить к рассказу о покушении, необходимо сказать несколько слов о самом фон Папене.

Франц фон Папен начал свою политическую деятельность в марте 1930 года, когда вошел в состав нового немецкого правительства, возглавляемого лидером партии Центра Г. Брюнингом. Вершиной его политической карьеры стал 1932 год. Тогда, 30 мая кабинет Брюнинга был отправлен в отставку, а фон Папену было поручено сформировать новое правительство. Будучи до ноября 1932 года канцлером Германии, фон Папен очень много сделал для того, чтобы к власти в стране пришел Гитлер. В 1933 году, после прихода к власти фашистов, фон Папен был назначен вице-канцлером и имперским комиссаром Пруссии. На этих постах он оставался до 1934 года, пока Гитлер не почувствовал в нем конкурента и не назначил 30 июня 1934 года послом в Австрию. В Вене фон Папен пробыл до 1938 года, а в 1939 году был направлен послом Германии в Турцию.

Здесь надо отметить, что Турция, несмотря на официально провозглашенный нейтралитет, занимала откры-

венно прогерманскую позицию. Так, 18 июня 1941 года турецкое правительство заключило с Германией Пакт о дружбе и ненападении. Поэтому главной задачей фон Папена, которую поставил перед ним Гитлер, было склонить Турцию к войне против СССР на стороне Германии. С первых дней своего пребывания в Анкаре фон Папен развил бурную деятельность в этом направлении. Впрочем, все его усилия оказались безрезультатными.

Однако гораздо больше беспокоили Москву активность фон Папена в поисках путей для заключения сепаратного мира между Германией с одной стороны, и Англией и США — с другой, которую он стал проявлять после провала блицкрига и поражения вермахта под Москвой. Так, в начале 1942 года советской разведкой была получена информация о том, что близкий к фон Папену немецкий дипломат от имени оппозиционной группы «Германия без Гитлера, но с военным правительством» предложил англичанам следующие условия мира:

— Британская империя сохраняется в неприкосновенности.

— Германия выводит войска из Чехословакии и Польши, оставив в их районе коридор, соединяющий ее территорию с Данцигом, и в районе Катовиц.

— Государства Восточной Европы восстанавливаются в довоенных границах.

— Прибалтийские государства объявляются самостоятельными.

— На этих условиях достигается договоренность и с СССР.

Такие контакты фон Папена казались Москве тем более опасными, что союзники видели в нем нового руководителя Германии в случае, если бы заговор немецких военных против Гитлера, о существовании которого они имели достоверные сведения, увенчался успехом. Разумеется, допустить такое развитие событий Сталин не мог, так как в этом случае Советский Союз исключался бы из числа будущих ведущих мировых дер-

жав. В результате начальник 4-го (диверсионного) управления НКВД П. Судоплатов получил приказ ликвидировать фон Папена.

Разработка и организация покушения на фон Папена была возложена на заместителя начальника 4-го управления НКВД Эйтингона, прибывшего в Анкару под фамилией Наумов. А его ближайшими помощниками были резидент НКВД в Турции Лев Василевский и опытный нелегал ГРУ Иван Винаров, руководивший группой агентов-болгар, переброшенных в Турцию в сентябре — октябре 1941 года, которые и должны были осуществить убийство фон Папена.

24 февраля 1942 года болгарский боевик турецкого происхождения Омером Токата попытался совершить на фон Папена покушение. В 10 часов утра на главной улице Анкары — бульваре Ататюрка — он попытался приблизиться к направляющемуся в немецкое посольство фон Папену и бросить в него бомбу. Однако бомба, замаскированная под приемник «Телефункен», взорвалась раньше времени у него в руках. Этим взрывом сам Токата был убит, а еще несколько человек ранено. При этом сам фон Папен и его жена, находившиеся на другой стороне улицы, были лишь сбиты с ног взрывной волной и отделались легким испугом. Буквально через минуту после взрыва они поднялись на ноги и продолжили свой путь в германское посольство.

Практически сразу после взрыва правительство Турции выступило со следующим официальным сообщением:

«24 февраля 1942 года. В 10 часов утра на бульваре Ататюрка в Анкаре взорвалась бомба, разорвав на части одного человека, который в этот момент проходил в указанном месте, неся что-то завернутое в руках. Полагают, что этот завернутый предмет был бомбой, которая разорвалась. Германский посол Папен и его жена, которые шли с противоположной стороны, находились на расстоянии 17 метров от места, где разорвалась бомба. От удара взрывной волны они упали на землю, но затем

поднялись невредимыми и достигли здания посольства. Начато расследование обстоятельств взрыва. Министр внутренних дел и прокурор немедленно направились на место происшествия. Президент республики и глава правительства послали в германское посольство своих начальников кабинетов, а министр иностранных дел и генеральный секретарь министерства иностранных дел лично посетили фон Папена. Тот факт, что взрыв произошел в близости от фон Папена, побуждает прокурора серьезно обратить внимание следствия на возможность того, что злонамеренный акт был направлен против немецкого посла».

Турецкие власти незамедлительно начали расследование обстоятельств неудавшегося покушения и вскоре выяснили, что за спиной террористов стояли советские спецслужбы. Турецкая полиция нашла на месте взрыва каблук от обуви Токата с клеймом гостиницы, где он провел последние дни. В результате был арестован руководитель Токата — некий студент Абдурахман, а затем и его помощник парикмахер Сулейман. На допросе Абдурахман показал, что в октябре 1941 года посетил советское посольство в Анкаре. Там он имел встречу со старшим помощником военного атташе майором авиации Новиковым, которому предложил купить документы о подготовке покушения на Сталина. Однако Новиков слушать его не стал и выгнал вон. Но вскоре Абдурахман изменил свои показания и стал утверждать, что после отказа Новикова купить документы он вместе с Токатой отправился в Стамбул, где был завербован сотрудниками советского генерального консульства и торгпредства Корниловым и Павловым, которые являлись главными организаторами неудавшегося покушения.

Турки немедленно предъявили советскому посольству ультиматум о выдаче Павлова и Корнилова для суда над ними. Первоначально советские официальные представители отклонили это требование, однако после четырехдневной осады посольства были вынуждены согласиться. Турецкие власти с необычайной поспешностью

провели расследование и уже через пять недель передали Павлова, Корнилова, Абдурахмана и Сулеймана суду по обвинению в покушении на германского посла. На суде, который проходил с 1 по 30 апреля 1942 года, Павлов и Корнилов категорически отрицали свою вину, в то время как Абдурахман и Сулейман ее подтверждали. В результате суд признал обвиняемых виновными в совершении преступления и приговорил Павлова и Корнилова к 20 годам тюремного заключения, а Абдурахмана и Сулеймана к 10 годам заключения каждого.

(Позднее, в ноябре 1942 года по кассационной жалобе Павлова и Корнилова турецкий кассационный суд отменил приговор из-за многочисленных нарушений процессуальных норм, допущенных при судебном разбирательстве, и направил дело на новое расследование. В результате приговор Абдурахману и Сулейману остался прежним, а Павлову и Корнилову срок заключения был сокращен до 16 лет.)

А через несколько дней после вынесения приговора турецкая полиция получила новую информацию о неудавшемся покушении. Дело в том, что 3 мая 1942 года сотрудник резидентуры ГРУ в Анкаре Исмаил Ахмедов попросил у турецких властей политического убежища. Пытаясь заслужить признательность турок, он рассказал им все, что знал о работе резидентур ГРУ и ИНО НКВД в Анкаре и Стамбуле, выдал двух нелегалов, с которыми работал в Турции, и дал подробные показания о «деле Папена». Ахмедов назвал имена основных организаторов покушения и причину, по которой оно не удалось. По его словам, уровень подготовки Токата был крайне низок. Он слишком рано снял предохранитель мины, в результате чего взорвался сам. Кроме того, Ахмедов раскрыл настоящее имя одного из осужденных по «делу Папена» советских дипломатов — Георгия Мордвинова — «Павлова», о котором следует рассказать более подробно.

Георгий Иванович Мордвинов родился 23 апреля (5 мая) 1896 года в деревне Бурнашово Верхне-Удинского уезда Тарбагатайской волости в Бурятии в семье крес-

тьянина-батрака. В годы Первой мировой войны он воевал на Юго-западном фронте в команде конных разведчиков 75-го Сибирского стрелкового полка. После Октябрьской революции он вступил добровольцем в Красную Армию, а в 1918 году был направлен на работу в Забайкальскую ЧК. С 1924 по 1929 год он находился на командных должностях в пограничных войсках и органах ОГПУ, а в 1930 году по линии разведки был командирован сначала в Монголию, а потом в Китай. В 1937 году, в разгар репрессий Мордвинов был уволен из НКВД по приказу Ежова и до 1940 года работал в исполкоме Коминтерна. После начала Великой Отечественной войны Мординова возвращают в НКВД и назначают начальником отделения 4-го управления. А в октябре 1941 года его направляют в Турцию для подготовки покушения на фон Папена.

После неудавшегося покушения на фон Папена карьера Эйтингона висела на волоске. Сталин и Берия были в ярости, и Судоплатову с трудом удалось отстоять своего заместителя. Разумеется, в такой обстановке не приходилось и думать об освобождении осужденных Павлова и Корнилова. Но спустя два года, в связи с изменившейся ситуацией на фронтах Второй мировой войны, турецкие власти пересмотрели свое отношение к делу о взрыве на бульваре Ататюрка. Президент Турции Исмет Иненю своим указом амнистировал Павлова и Корнилова, а также 100 захваченных турецкими спецслужбами советских агентов, работавших на ГРУ, НКВД, фронтовые и армейские разведорганы. В августе 1944 года Павлов и Корнилов были освобождены из анкарской тюрьмы и возвратились в Москву.

Убийство Кубе

Другой спецоперацией, проведенной советской разведкой в годы Великой Отечественной войны и получившей позднее широкую известность, стала ликвидация

гауляйтера Белоруссии Вильгельма фон Кубе. Но прежде чем приступить к рассказу о ней, необходимо сказать несколько слов о самом Кубе.

Вильгельм фон Кубе родился в 1887 году, изучал историю и общественные науки, был профессиональным журналистом. В 1919 году он вступил в крайне правую Немецкую национальную народную партию в Берлине, а также создал и возглавил молодежную организацию партии «Молодежь Бисмарка». По своему характеру фон Кубе был человеком довольно склочным и неуживчивым. В 1923 году его со скандалом выставили из партии и он перешел в еще более правую Немецкую фелькишескую (народническую) партию свободы, от которой в 1924 году прошел в рейхстаг. В 1928 году, в условиях кризиса фелькишеского движения и подъема НСДАП, Кубе вместе с большинством лидеров и депутатов фелькишеской партии перешел к Гитлеру. С 1928 по 1933 год он являлся депутатом прусского ландтага и председателем нацистской фракции в ландтаге. В это время Кубе также был одним из руководителей правого крыла партии и критиковал Гитлера за сотрудничество с коммунистами. Одновременно он являлся гауляйтером провинции Остмарк, а после прихода нацистов к власти — обер-президентом провинции Бранденбург и Позен — Западная Пруссия и одновременно гауляйтером Курмарка. Но в 1936 году карьера Кубе едва не прервалась. Он был разоблачен как анонимщик, обвинивший тестя Мартина Бормана в том, что он женат на еврейке. Впрочем, ему удалось выкрутиться, и 17 июля 1941 года его назначили генеральным комиссаром генерального округа «Белоруссия».

Здесь стоит отметить, что в нашей литературе довольно сильно преувеличивают ранг Кубе в иерархии немецких оккупационных властей. Дело в том, что генеральный округ «Белоруссия» был одним из 10 генеральных округов (был еще и 1-й отдельный округ). Непосредственно над Кубе находился рейхскомиссариат «Остланд» во главе с рейхскомиссаром Г. Лозе, а над самим Лозе —

Министерство по делам оккупированных территорий на Востоке во главе с министром А. Розенбергом и его заместителем и постоянным представителем министра на оккупированной территории А. Мейером. Следует заметить, что, например, возглавлявший немецкую оккупационную администрацию на Украине Эрих Кох занимал должность рейхскомиссара рейхскомиссариата «Украина», находясь, таким образом, на ступеньку выше Кубе.

Став гауляйтером Белоруссии, Кубе с первых дней своего правления начал проводить на ее земле политику уничтожения «неполноценных» славянских и иных народов. Уже через год после начала оккупации в рапорте рейхскомиссару восточных территорий Лоозе от 31 июля 1942 года он писал:

«В исключительно деловом сотрудничестве с бригаденфюрером СС Ценнером и особенно руководителем СД оберштурмбанфюрером СС Штраухом в последние 10 недель мы ликвидировали в Белоруссии 55 000 евреев. В Минской области еврейство полностью истреблено, без нанесения какого-либо ущерба рабочей силе. В преимущественно польском Лидском округе уничтожено 16 000 евреев, в Слониме 8000 евреев и т. д.».

Подобная деятельность Кубе вызвала негодование всего населения Белоруссии, и кровавый гауляйтер был приговорен к смерти. Однако долгое время привести приговор в исполнение не удавалось. Так, летом 1943 года группа разведчиков из спецотряда НКВД С. Ваупшасова устроила засаду на южной окраине Минска на шоссе Минск — Локшица, в районе которого была загородная резиденция Кубе. Несколько дней просидели разведчики в засаде, однако машина гауляйтера так и не появилась. В конце августа 1943 года Ваупшасов, получив сведения о том, что на 6 сентября в Минске назначен большой банкет по поводу 10-летия прихода Гитлера к власти, вновь направил в город группу диверсантов. В этот раз подпольщица Волчек заложила мину в здании офицерской столовой, где работала официанткой. В результате

взрыва погибло, по одним данным, 22, по другим — 36 высокопоставленных фашистских чиновников. Вскоре взлетела на воздух и столовая в университетском городке Минска, оборудованная для обслуживания офицеров-эсэсовцев. Здесь также ожидалось прибытие Кубе, однако он не приехал. От взрыва погибло 30 и было ранено 50 гитлеровцев. Спустя некоторое время одному из подпольщиков удалось попасть на прием к Кубе, однако его поведение вызвало подозрение охраны. Возникла перестрелка, во время которой подпольщик погиб.

Однако несмотря на многократные попытки сотрудников НКВД организовать убийство Кубе, его ликвидировали военные разведчики из ГРУ. Это были бойцы спецотряда ГРУ «Дима», который возглавлял Давид Ильич Кеймах. Заместителем командира отряда был Герой Советского Союза майор Николай Петрович Федоров, непосредственно руководивший вместе с комиссаром отряда Харитоном Александровичем Хатаговым группой, осуществившей операцию.

Исполнителями акции были Мария Борисовна Осипова и Елена Григорьевна Мазаник. Осипова — мать двоих детей, перед войной была членом Верховного суда Белоруссии. Мазаник была замужем за работником НКВД и работала официанткой в столовой ЦК КП(б) Белоруссии. В начале войны муж Мазаник эвакуировался вместе с другими работниками НКВД, но ей самой не удалось выехать из Белоруссии, и она осталась в Минске. Сначала она работала на кухне офицерского казино при генеральном комиссариате, а затем при помощи адъютанта Кубе — Вильденштейна, чью квартиру она убирала, так сказать, по совместительству, попала на работу горничной в трехэтажный особняк самого Кубе.

Особняк гауляйлера располагался в саду. Первый этаж был отведен под кухню, прачечную и хозяйственные службы. На втором находились спальня Кубе, столовая, ванная и три детских комнаты. На третьем этаже — кабинет Кубе, комната его жены Аниты, гостиная, две комнаты адъютанта и две комнаты для гостей.

Мазаник непосредственно убирала третий этаж. Перед приемом на работу она дала присягу на верность рейху и фюреру, а также обязалась сообщать немецким властям о любых проявлениях антигерманских настроений и не разглашать того, что узнает по службе. В особняке Кубе ее звали «Гросс Галина» («Большая Галина»), так как была и другая девушка из прислуги, которую звали «Кляйн Галина» («Маленькая Галина»).

Необходимо отметить, что Осипова к этому времени уже активно сотрудничала с минскими подпольщиками и партизанами и проходила в спецгруппе «Дима» под псевдонимом «Черная». И именно ей удалось убедить Мазаник, до этого отвергавшую все попытки установить с ней контакт, в том, что она имеет дело с настоящими советскими партизанами, а не с немецкими провокаторами. 27—29 августа 1943 года Осипова организовала посещение сестрой Мазаник Валентиной Шуцкой базы спецотряда «Дима», после чего все сомнения были рассеяны.

Было решено, что Кубе уничтожат с помощью мины. Сначала хотели использовать две мины, но потом остановились на одной, так как специалист из отряда разъяснил, что синхронных взрывов практически не бывает: у мин с химическим элементом разница во времени взрыва достигает 10 минут. Мину было необходимо положить под матрац Кубе в его спальне на втором этаже. С большим трудом и риском для жизни Осипова доставила мину из отряда к себе на квартиру, а 20 сентября передала ее Мазаник. 21 сентября 1943 года в 2 часа ночи Мазаник и Шуцкая включили часовой механизм мины. Утром они завернули ее в носовой платок и положили в дамскую сумочку Мазаник. Ей удалось беспрепятственно пронести мину в особняк, а днем, обманув немку-уборщицу второго этажа, подложить мину на пружины кровати под матрацем практически у изголовья Кубе. 22 сентября 1943 года в 2 часа ночи, через 20 минут после того, как Кубе лег в постель, взрыватель мины сработал.

Убийство Кубе вызвало смятение среди чиновников немецкой оккупационной администрации и в прессе рейха. Для выяснения обстоятельств убийства по распоряжению преемника генерального комиссара генерала Курта фон Готтберга была создана «Большая Особая комиссия». Немцам удалось схватить не успевших скрыться участников операции: Н. П. Дрозда, его жену, дочь Регину, подпольщиков Н. В. Похлебаева и М. Г. Грибовскую. Все они погибли. Кроме того, по приказу фон Готтберга после окончания работы комиссии был оцеплен городской квартал, в котором жила Мазаник. Белорусские «добровольные помощники» схватили в своих квартирах 300 человек мужчин, женщин и детей и расстреляли их как возмездие за покушение на Кубе. О расстреле население было публично извещено.

Сохранился интересный немецкий документ, опубликованный в журнале «Неман», — «Заключение особой комиссии о покушении на генерального комиссара Кубе», в котором подробно описана смерть гауляйтера и ход расследования:

«В ночь на 22.9.1943, в 0.40 в спальне генерального комиссара и гауляйтера Вильгельма Кубе взорвалась мина, причем у Кубе взрывом была вырвана левая часть груди и оторвана левая рука. Ранения, безусловно, были смертельны. Его труп в полуобгоревшем состоянии был извлечен из загоревшейся спальни поднятой по тревоге охраной и чиновниками генерального комиссариата. Лежавшая рядом с ним жена, Анита Кубе, урожденная Линденколь, находившаяся на 8-м месяце беременности, не пострадала и отделалась лишь нервным шоком. Его трое детей, которые спали в другой комнате, отделенной от спальни ванной комнатой, также не пострадала. Силой взрыва оборудование спальни почти полностью искалечено. Находящийся в Минске по ул. Театральной № 27 жилой дом, примыкающий непосредственно к зданию генерального комиссариата, внешне остался неповрежденным. При осмотре места происшествия немедленно назначенной «Большой Особой ко-

миссией» (...) в результате просеивания мусора и обломков обнаружены и изъяты небольшие остатки материала. На основании прежних расследований, проводимых этой же комиссией в связи с минными диверсиями в различных важных немецких учреждениях, оберштурмфюрер Брейер установил, что в данном случае речь идет об остатках материала взрывателя замедленного действия магнитной мины английского производства неопределенного срока действия. Использованная мина предположительно была заведена на 12-часовой срок действия. В ходе экспертизы на месте несомненно установлено, что мина была прикреплена в нижней части матраца Кубе к пружинам и там взорвалась. В пользу такого предположения говорят и ранения гауляйтера. Действие мины было локализовано матрацем и телом гауляйтера. Этим и объясняется то, что его жена осталась невредимой. Так как дом гауляйтера день и ночь охранялся его собственной охраной численностью в 12 чел. из числа полиции службы порядка, то с самого начала речь могла идти только об ограниченном круге лиц из числа домашнего персонала и посещающих лицах. Поэтому расследование ограничилось исключительно немедленным установлением круга лиц, которые в течение последних дней перед покушением побывали в доме гауляйтера.

На месте преступления были арестованы 4 девушки, постоянно работавшие домработницами (прислужгой). Их проверка первоначально не обнаружила никаких взаимосвязей с убийством. Только утром 22.9.1943 г. удалось все же выяснить, что единственная проживающая вне дома из-за недостатка места домработница Елена Мазаник, 4.4.1914 г. рождения (по кличке Галина) не обнаружена в своей квартире в Минске, по ул. Театральной, 48, кв. 10. Так как в данных обстоятельствах уже возникло известное подозрение, ее квартира была взломана. Выяснилось, что квартира почти пуста. Проживающей с ней вместе сестры Валентины Шуцкой, 1918 года рождения (кличка Валя) также в доме не оказалось. Собственными расследованиями через различных агентов, которые об-

шались с сестрами, было выяснено, что М., несмотря на то, что поддерживала отношения с немцами, очевидно, с целью сбора разведывательных сведений, считалась ярой противницей немцев. Так, недавно, уходя, она заявила своей подруге, что она гордится тем, что является русской и что русские при Советской власти жили лучше, чем при немцах. Стало известно, что ее первый муж расстрелян немцами как партизан, а второй муж работал шофером в НКВД в Минске. Она рассказала нашему агенту, что сама являлась служащей Центрального комитета НКВД. Этим самым предположение, что только Мазаник могла быть убийцей, оказалось правильным, предположение, которое в ходе дальнейшего расследования подтвердилось. (...)

М. пришла как обычно на службу в дом гауляйтера в 7.00, жаловалась остальной прислуге на сильную зубную боль и около 10.30 покинула дом. Свой ранний уход она скрыла даже от сестры; через подругу она попросила фрау Кубе перенести ее выходной день на 21.9.1943 г. По особому распоряжению гауляйтера она, как белоруска, лечилась у немецкого зубного врача, но 21.9.1943 г. у него не появлялась. В ходе дальнейшей проверки круга знакомых сестер натолкнулись на якобы возлюбленного М. по имени «Степан», работающего начальником почтового отделения в генеральном комиссариате, которым оказался Стефан Тильнер. Благодаря этому теперь имелась возможность выяснить деревню, куда обе сестры обычно ездили к своей матери. В этой деревне, Малая Масюковщица, действительно был установлен дом матери, однако он оказался закрытым и полностью опустошенным. (...) Расследованием установлено, что имущество дома было вывезено на двух повозках, причем возница был некий Павел Король, проживающий в соседней деревне. По сообщению последнего и с его помощью удалось установить дом в пригороде Минска, по ул. Заславской, 35-а, кв. 6. Владелица этого дома Мария Дубова, 19.5.1908 года рождения, сначала отрицала, что приняла беглянок, но после долгого запирательства и с

очной ставки создалась, что действительно приняла беглянок за 100 нем. марок, а их добро и имущество спрятала у своего соседа Николая Дрозда. Беглянками были Валентина Шуцкая и ее мать Анна Шуцкая с двумя маленькими детьми Валентины Шуцкой. При обыске в доме Дрозда действительно в тайном подвале были обнаружены различные предметы одежды, среди которых находилось и темно-синее пальто, бесспорно опознанное как собственность Мазаник. Далее в поленище дров, в спичечной коробке, найдены 2 капсюля-взрывателя, которые, по заявлению Дрозда, были доставлены туда некой «Марией», именуемой «Черная Мария», которая позже была установлена как Мария Осипова, 30 лет. Владелец дома Николай Дрозд, 15.8.1886 года рождения, а также его жена Елена Дрозд, 1890 года рождения, и дочь Регина Дрозд, 1923 года рождения, были арестованы незадолго до осуществления подготовленного побега. Дрозд признал, что 18.9.1943 г. ожидая Марию Осипову и Марию Дубову на мосту в Минске, когда те возвращались из дер. Вяча и получил от них 2 мины. Эти мины он занес к себе домой, где сама Осипова спрятала их в саду. Находящаяся также под арестом Дубова вынуждена была сознаться, что эти показания соответствуют действительности, и что она эти мины получила от незнакомого ей мужчины в лесу рядом с дер. Вяча. Этот незнакомый мужчина, по данным Д., принадлежит к партизанам.

В ходе следствия было также установлено, что Осипова с апреля этого года жила у Дрозда и неоднократно совершала так называемые «Служебные поездки». Точно так же во время проживания в доме Дрозда она проводила ярую антинемецкую пропаганду и в этом отношении оказывала на свое окружение довольно успешное и авторитетное воздействие. (...) Дрозд признал, что ему было известно об Осиповой как о чрезвычайно активном агенте партизан. Она также предлагала ему в случае преследования перебросить его и его семью в Москву. Нет сомнения, что Мария Осипова на рассвете 21.9.1943 г.

доставила мины в Минск, где лично или через связника передала их Мазаник, которая к этому времени находилась еще в своей квартире по ул. Театральной, 48. Этот связник был установлен в лице Георга Куликова, 23.5.1918 года рождения, в задачу которого, среди прочего, входила передача пакетов и писем Мазаник или Осиповой. И еще его задача состояла в сборе информации о настроении населения и немецких войск, мест дислокации отдельных немецких частей и другой важной информации для Осиповой. В этих целях он использовал некоего Владимира Зубко, 17.11.1912 года рождения, работающего музыкантом в «Немецком доме» в Минске. (...)

В связи с арестом Куликова и Зубко вскрыта широко разветвленная, хорошо организованная разведывательная служба партизан и их пособников. Нашупаны важные нити, которые ведут к новому заговору и покушению и указывают на дальнейших связников разведывательной службы. (...) Объявлен розыск Мазаник и ее родственников, равно как и Марии Осиповой и Тони, но не следует рассчитывать на успех, так как вышеназванные после исполнения особого задания через Марию Осипову самолетом из ближайшего партизанского района переброшены в Москву. (...)

Давая оценку всей сути этого дела, следует констатировать, что Мария Осипова является главарем, действующим по заданию Москвы, то есть НКВД. Непосредственной исполнительницей, как уже упоминалось, также является Елена Мазаник, являющаяся сотрудницей НКВД. Благодаря своей работе Мазаник легко было собирать и передавать в последующем в Москву информацию о жизни и обычаях семьи Кубе и другие важные сведения.

Дрозд и Дубову следует рассматривать как закоренелых коммунистов. Они использовали Куликова и Зубко в качестве активных связников. Находящиеся под арестом родственники Дрозда (жена и дочь) знали о преступной деятельности названных выше лиц. (...)

Против арестованных (...) я предлагаю применить строжайшие государственно-полицейские меры.

Дело передать в отдел IV для дальнейшего использования и завершения».

Мария Борисовна Осипова и Елена Григорьевна Мазаник были вывезены на самолете в Москву, где 29 октября 1943 года им было присвоено звание Героев Советского Союза. Сестра Мазаник Валентина Григорьевна Шуцкая и Николай Петрович Федоров были награждены орденами Ленина.

Осипова и Мазаник встретили день Победы в Минске. Что же касается Федорова, то после ликвидации Кубе он был направлен в Ровно с заданием уничтожить гауляйтера Украины Э. Коха. Но во время подготовки операции Кох был отозван с Украины, и она не состоялась. В дальнейшем Федоров возглавлял партизанский отряд особого назначения в районе Ковеля, где во взаимодействии с другими партизанскими отрядами установил контроль за железнодорожными магистралями. Его люди не только посылали в Москву важную информацию, но и совершали в тылу противника многочисленные диверсии. В 1944 году отряд Федорова переправился через Западный Буг, вышел в район Люблина и, установив связь с польскими партизанами, начал проводить диверсии на железных и шоссейных дорогах. В этих боях 17 апреля 1944 года Федоров погиб.

На посту гитлеровского наместника в Белоруссии Кубе сменил группенфюрер СС Курт фон Готтберг. Как уже говорилось, в отместку за убийство своего предшественника он приказал уничтожить жителей нескольких кварталов Минска. Однако и за Готтбергом по приказу из Москвы началась охота. Операция по его ликвидации была разработана разведчиками спецгруппы «Юрий», десантированной в мае 1943 года в Минскую область в составе 18 человек. Командиром группы был опытный сотрудник НКГБ Эммануил Куцин. В состав группы также входили 4 немца. Одной из основных задач группы было осуществление актов возмездия над гитлеровскими

палачами и их приспешниками. Группа базировалась сначала в отряде Лопатина, а затем Ваупшасова.

Вскоре Куцину удалось создать свою агентурную сеть в Минске. В ее состав входили учительница М. Чижевская и ее дочь Елена, минская комсомолка, студентка медицинского института Н. Моисеева, доцент Белорусского университета Е. Зубкович, бухгалтер О. Беляева (Вербицкая), коммунисты Л. Драгун и Ф. Простак и другие. Разведчикам группы «Юрий» вскоре стало известно, что на 30 октября 1943 года в резиденции минского гебитскомиссара Фрайтага в Лошице (близ Минска) назначено совещание с участием Готтберга. Был разработан план спецоперации, руководство которой взял на себя сам Куцин. В Минск были переправлены мины, гранаты, взрывчатка. Немец-антифашист Карл Кляйнюнге из группы Куцина смастерил специальное взрывное устройство и переправил его в Лошицу, где передал через подпольщицу Беляеву непосредственным исполнителям теракта М. и Е. Чижевским и Н. Моисеевой, служившим на вилле Фрайтага. Подпольщицы сумели пронести мину в особняк и установить в печи гостиной. Однако немцам удалось обнаружить мину и арестовать подпольщиц, которые позднее были казнены².

Спецакции Николая Кузнецова

Из всех спецопераций, проведенных в годы Великой Отечественной войны, наибольшую известность получили акты возмездия, осуществленные знаменитым советским разведчиком Николаем Кузнецовым. Это был уникальный в своем роде разведчик и террорист, имевший большой стаж контрразведывательной работы еще до войны. О Кузнецове у нас писали много, однако неточно. И только недавно появилась прекрасная книга Теодора Гладкова «С места покушения скрылся». Будучи лично знаком с легендарными командирами Кузнецова Дмит-

рием Медведевым и Александром Лукиным, Гладков посвятил не одно десятилетие изучению обстоятельств жизни и деятельности Кузнецова.

Николай Иванович Кузнецов родился в 1911 году в деревне Зырянка Свердловской области в семье старообрядцев. При крещении он получил имя Никанор, какое и носил до 1930 года. Во время учебы в школе Кузнецов обнаружил незаурядные способности, особенно к иностранным языкам. Волею судеб среди его учителей и ближайшего окружения оказалось много, как принято сейчас говорить, «носителей языка»: преподавательница немецкого училась в свое время в Швейцарии, преподаватель труда — из бывших военнопленных-чехов, живший неподалеку аптекарь — австриец.

После окончания семилетки в 1926 году Кузнецов поступил в Лесной техникум в поселке Талица. Здесь в том же году он был принят кандидатом в члены ВЛКСМ, а спустя год — в члены ВЛКСМ. В декабре 1929 года Кузнецова как выходца из семьи «социально чуждого элемента» исключают из комсомола (в 1931 году он добился восстановления в комсомоле, однако в члены ВКП(б) впоследствии никогда не вступал).

После окончания техникума Кузнецов работал помощником таксатора в Земельном управлении Кудымкара — столице Коми-Пермяцкого национального округа. В декабре 1930 года он женился, однако уже через три месяца развелся с женой. Здесь же в Кудымкаре с Кузнецовым случилась большая неприятность. Выяснив, что его начальник и еще несколько сослуживцев составляют подложные ведомости на получение незаработанных денег и продуктов, он обратился в милицию. В ноябре 1932 года состоялся суд, который приговорил к длительным срокам заключения действительно виновных, и, как это ни странно, осудил на 1 год исправительных работ по месту работы и самого Кузнецова.

С этого же времени началось сотрудничество Кузнецова с органами ОГПУ в качестве сотрудника негласного штата. С 1932 года он числился под агентурным псев-

донимом «Кулик», с 1934 года — «Ученый», а с 1937 года — «Колонист». С конца 1933 года Кузнецов меняет несколько мест работы. Он работает в производственном отделе местного леспромхоза, в коми-пермяцком «Многопромсоюзе», в местном «Промкоопхозе», счетоводом в кустарной артели «Красный молот». В июне 1934 года из Кудымкара Кузнецов переезжает в Свердловск. С июля 1934 года он — статистик в тресте «Свердлес», затем — чертежник на Верхисецком заводе. Наконец, с мая 1935 года Кузнецов работает в конструкторском отделе Уралмаша.

Здесь стоит отметить, что версия о том, что Кузнецов учился в это время на вечернем отделении индустриального института и на курсах немецкого языка, попавшая даже в сборник СВР «Ветераны внешней разведки России», — не более чем миф. На самом деле совершенствовать немецкий язык Кузнецов мог, общаясь с многочисленными немецкими специалистами, работавшими на заводе. Общение с ними было для него хорошей разговорной практикой, позволявшей освоить не только «классический», но и различные диалекты немецкого языка.

Работал Кузнецов на заводе недолго. В январе 1936 года он уволился и, если так можно выразиться, «перешел из любителей в профессионалы», став спецагентом НКВД, а затем агентом-маршрутником. В период сталинских чисток Кузнецов был арестован и провел несколько месяцев во внутренней тюрьме Свердловского управления НКВД. Однако в его деле разобрались и выпустили на свободу.

В середине 1938 года Кузнецова переводят в Москву. Он начинает работать по заданиям центрального аппарата контрразведки. До начала войны он участвует во многих блестящих операциях советских контрразведчиков с иностранными дипломатами и специалистами.

С началом войны Кузнецова под новым псевдонимом «Пух» заносят в список спецагентов, предназначенных для заброски в Германию.

С началом войны Кузнецова долго и тщательно готовили сотрудники украинского отдела 4-го управления НКВД — непосредственно заместитель начальника отдела Лев Ильич Сташко, начальник отделения капитан госбезопасности Анатолий Семенович Вотоловский, его заместитель лейтенант госбезопасности Саул Львович Окунь и сотрудник отделения сержант госбезопасности Федор Иванович Бакин. Затем его судьба неоднократно перерешалась. В конце концов в июне 1942 года Кузнецов обратился к своему руководству со следующим рапортом:

«Настоящим считаю необходимым заявить Вам следующее: в первые же дни после нападения гитлеровских армий на нашу страну мною был подан рапорт на имя моего непосредственного начальника с просьбой об использовании меня в активной борьбе против германского фашизма на фронте или в тылу вторгшихся на нашу землю германских войск.

На этот рапорт мне тогда ответили, что имеется перспектива переброски меня в тыл к немцам за линию фронта для диверсионно-разведывательной деятельности и мне велено ждать приказа. Позднее, в сентябре 1941 г. мне было заявлено, что ввиду некоторой известности моей личности среди дипкорпуса держав оси в Москве до войны... во избежание бесцельных жертв, посылка меня к немцам пока не является целесообразной. Меня решили тогда временно направить под видом германского солдата в лагерь германских военнопленных для несения службы разведки. Мне была дана подготовка под руководством соответствующего лица из военной разведки. Эта подготовка дала мне элементарные знания и сведения о германской армии... 16 октября 1941 г. этот план был отменен и мне было сообщено об оставлении меня в Москве на случай оккупации столицы германской армией. Так прошел 1941 год. В начале 1942 г. мне сообщили, что перспектива переброски меня к немцам стала снова актуальной. Для этой цели мне дали элементарную подготовку биографического характера. Однако осуществления этого плана до сих пор по неизвестным

мне причинам не произошло. Таким образом, прошел год без нескольких дней с того времени, как я нахожусь на полном содержании советской разведки и не приношу никакой пользы, находясь в состоянии вынужденной консервации и полного бездействия, ожидая приказа. Завязывание же самостоятельных связей типа довоенного времени исключено, т. к. один тот факт, что лицо «германского происхождения» оставлено в Москве во время войны, уже сам по себе является подозрительным. Естественно, что я как всякий советский человек горю желанием принести пользу моей Родине в момент, когда решается вопрос о существовании нашего государства и нас самих. Бесконечное ожидание (почти год!) и вынужденное бездействие при сознании того, что я безусловно имею в себе силы и способности принести существенную пользу моей Родине в минуту, когда решается вопрос, быть или не быть, страшно угнетает меня. Всю мою сознательную жизнь я нахожусь на службе в советской разведке. Она меня воспитала и научила ненавидеть фашизм и всех врагов моей Родины. Так не для того же меня воспитывали, чтоб в момент, когда пришел час испытания, заставлять меня прозябать в бездействии и есть даром советский хлеб? В конце концов, как русский человек, я имею право требовать дать мне возможность принести пользу моему Отечеству в борьбе против злейшего врага, вторгшегося в пределы моей Родины и угрожающего всему нашему существованию! Разве легко мне в бездействии читать в течение года сообщения наших газет о тех чудовищных злодеяниях германских оккупантов на нашей земле, этих диких зверей?

Тем более, что я знаю в совершенстве язык этих зверей, их повадку, характер, привычки, образ жизни. Я специализировался на этого зверя. В моих руках сильное и страшное для врага оружие, гораздо серьезнее огнестрельного. Так почему же до сих пор я сижу у моря и жду погоды?

Дальнейшее пребывание в бездействии я считаю преступным перед моей совестью и Родиной. Поэтому про-

шу Вас довести до сведения верховного руководства этот рапорт. В заключение заявляю следующее: если почему-либо невозможно осуществить выработанный план заброски меня к немцам, то я с радостью выполнял бы следующие функции:

1. Участие в военных диверсиях и разведке в составе парашютных соединений РККА на вражеской территории.

2. Групповая диверсионная деятельность в форме германских войск в тылу у немцев.

3. Партизанская деятельность в составе одного из партизанских отрядов.

4. Я вполне отдаю себе отчет в том, что очень вероятна возможность моей гибели при выполнении заданий разведки, но смело пойду на дело, т. к. сознание правоты нашего дела вселяет в меня великую силу и уверенность в конечной победе. Это сознание дает мне силу выполнить мой долг перед Родиной до конца.

3 июня 1942 г.

«Колонист»

г. Москва»³.

Из приведенного документа видно, какую хорошую подготовку получил Кузнецов. Его многочисленные просьбы наконец были приняты во внимание, и летом 1942 года он был зачислен в отряд особого назначения 4-го управления НКВД, которым командовал Д. Н. Медведев («Тимофей»). В августе 1942 года он был заброшен с парашютом в глубокий тыл противника, в Сарненские леса Ровенской области. В связи с особой важностью заданий, стоявших перед Кузнецовым, он был законспирирован даже в самом отряде, в котором значился как Николай Васильевич Грачев.

Действовать Кузнецову предстояло в городе Ровно, превращенном немцами в столицу рейхскомиссариата «Украина». Здесь находились основные штабы и учреждения немецкой администрации, в том числе и резиденция рейхскомиссара Украины Эриха Коха. Одновремен-

но Ровно являлось и центром генерал-бецирка «Волынь». В Ровно функционировал и немецкий суд во главе с оберфюрером СА Альфредом Функом, штаб командующего «Остентруппен» (восточные войска) генерал-майора Ильгена, штаб начальника тыловых воинских частей на Украине генерал-лейтенанта Китцингера и другие учреждения.

Главной задачей, стоявшей перед Кузнецовым, была ликвидация рейхскомиссара Украины Эриха Коха. Кузнецов действовал под видом обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта, кавалера двух «Железных крестов». Прекрасное знание языка, умение сходитьсь с людьми, огромная сила воли и смелость превращали его в идеального исполнителя спецопераций. Охота на Коха к моменту прибытия Кузнецова в отряд уже шла полным ходом. Один за другим в штабе отряда разрабатывались планы его уничтожения. Один из таких планов носил название «Самодетельность». В соответствии с ним группа бойцов в количестве 23 человек, переодетых в военную форму и владевших немецким языком, под командованием Кузнецова должна была произвести налет на резиденцию. Для этого группу специально обучали исполнять немецкие песни. Однако от плана пришлось отказаться.

Другой план предусматривал ликвидацию Коха 20 апреля 1943 года на большом митинге по случаю дня рождения фюрера. Группа разведчиков во главе с Кузнецовым явилась на площадь. Они должны были забросать трибуну гранатами, а затем скрыться. Однако Кох в Ровно в тот день не приехал.

Еще один план предусматривал ликвидацию Коха, который регулярно прилетал в Ровно из своей кенигсбергской резиденции, по дороге из аэропорта в город. В шести километрах от Ровно у села Тынное была устроена засада. Однако Кох так и не объявился. Как оказалось, он срочно вылетел в Берлин на похороны погибшего 2 мая 1943 года начальника штаба СА В. Лютце. Тогда разведчики пошли на сложную агентурную комбинацию. Выясни-

лось, что дрессировщик собак Коха обер-ефрейтор Шмидт часто посещает ресторан «Дойче гоф» и испытывает большую нужду в деньгах, так как содержит дорогостоящую любовницу, некую Ядвигу. Эта Ядвига была соседкой жены одного из агентов отряда поляка Яна Каминского. Через нее Кузнецова — оберлейтенанта Зиберта — свели со Шмидтом. Кузнецов заказал у Шмидта дорогостоящего щенка и щедро за него заплатил. Расположив таким образом к себе дрессировщика, он поделился с ним своей «проблемой»: необходимо во что бы то ни стало оставить в Ровно «невесту» Зиберта — «фрейлин Довгер, фольксдойче, отца которой убили партизаны».

Шмидту не составило особого труда помочь Кузнецову. Он передал заявление Зиберта с просьбой об аудиенции у Коха через адъютанта рейхскомиссара капитана Бабаха. Знаменитая впоследствии аудиенция, неоднократно описанная в литературе, состоялась 31 мая 1943 года. Первой неожиданностью для Кузнецова было то, что его и Довгер Кох принимал по очереди, а не вместе. Совершить покушение не представлялось никакой возможности. Вот как сам Кузнецов описал произошедшее:

«У меня в кармане на боевом взводе со снятым предохранителем лежал «вальтер» со спецпатронами, в кобуре еще один пистолет. В коридорчике перед кабинетом меня встретила черная ищейка, за мной шел один из приближенных. Войдя в кабинет, я увидел Коха, и перед ним двое, которые сели между мной и Кохом, третий стоял за моей спиной, за креслом черная собака. Беседа продолжалась около тридцати-сорока минут. Все время охранники как зачарованные смотрели на мои руки. Кох руки мне не подал, приветствовал издали поднятием руки, расстояние было метров пять. Между мной и Кохом сидели двое, и за моим креслом сидел еще один. Никакой поэтому возможности не было опустить руку в карман. Я был в летнем мундире, и гранаты со мной не было»⁴.

Неудача с покушением на Коха только подстегнула Кузнецова к дальнейшей деятельности по ликвидации руководителей гитлеровской администрации на территории Украины. Так как напуганный размахом партизанского движения Кох практически покинул Ровно, предпочитая отсиживаться в Кенигсберге, главным «объектом охоты» стал правительственный президент, заместитель Коха — Пауль Даргель. Под непосредственным руководством Медведева был составлен план его ликвидации, который и предстояло осуществить Кузнецову.

За несколько недель тщательного наблюдения распорядок дня и привычки Даргеля были хорошо изучены. Наблюдатели установили, что на обед он постоянно ходил пешком домой, благо его особняк располагался неподалеку от здания рейхскомиссариата. При этом на улице выставлялась охрана, а самого Даргеля сопровождал адъютант с ярко-красной кожаной папкой в руках. Уничтожить Даргеля должны были Кузнецов, Николай Струтинский и Иван Калинин. Струтинский уже не раз бывал в Ровно, хорошо изучил расположение улиц и к тому же умел превосходно водить машину. Задачей Калинина было достать автомобиль — дело в том, что он работал шофером ровенского гебитскомиссара доктора Веера и имел свободный доступ в гараж.

Операцию по ликвидации Даргеля, получившую название «Дар», было решено провести 20 сентября 1943 года. В этот день Калинин взял из гаража светло-коричневый «опель» с номерным знаком РКУ, на котором Кузнецов доехал до рейхскомиссариата и, остановившись в переулке, стал ждать Даргеля. Ровно в час тридцать из здания вышел военный чиновник, которого сопровождал майор с ярко-красным портфелем. Они успели сделать лишь несколько десятков шагов, как их нагнал светло-коричневый «опель», из которого выскочил пехотный офицер и четыре раза выстрелил в чиновника и его адъютанта. После того, как они упали на землю, офицер вскочил в машину и скрылся с места происшествия.

Кузнецов и его спутники немедленно вернулись в отряд. А через несколько дней связные доставили номер ровенской газеты «Волинь», где было напечатано следующее сообщение:

«В понедельник 20 сентября, в 13 часов 30 минут, на улице Шлосс в Ровно были убиты выстрелами сзади руководитель главного отдела финансов при рейхскомиссариате Украины министерский советник доктор Ганс Гель и кассовый референт Винтер. Те, кто дал убийце поручение, действовали по политическим мотивам».

Как оказалось, Кузнецов ликвидировал не Даргеля, а Геля. Позднее стало известно, что министра Гель за несколько дней до покушения прибыл в Ровно из Берлина и на первых порах по приглашению Даргеля поселился в его особняке на Шлоссштрассе. Сам Даргель в этот день по какой-то серьезной причине задержался в рейхскомиссариате, а Гель вышел из здания в обычное время и был убит Кузнецовым.

Впрочем, командование отряда и руководство 4-го управления было довольно проведенной операцией. Ведь министерский советник финансов Ганс Гель тоже являлся достаточно крупной и значимой фигурой. Кроме того, в результате этой операции были скомпрометированы союзники немцев бандеровцы. Дело в том, что Кузнецов «обронил» на месте убийства бумажник, незадолго до этого изъятый у эмиссара ОУН, прибывшего из Берлина. В бумажнике находился паспорт с разрешением на поездку в Ровно, членский билет берлинской организации ОУН и директива (в виде личного письма) ее ответвлениям на Волини и Подолии, а также 140 рейхсмарок, 20 американских долларов, несколько советских купюр по десять червонцев и три золотые царские десятки. Что касается директивы, то она была составлена в отряде Медведева и содержала указание: в связи с явным проигрышем Германией начать действовать и против немцев, чтобы хоть в последний момент как-то привлечь симпатии населения. В результате за причастность к убий-

ству Геля и Винтера гитлеровцы арестовали, а затем расстреляли около тридцати видных националистов, а также сотрудников так называемого «Украинского гестапо».

Что же касается Даргеля, то охота на него была продолжена. 8 октября 1943 года Кузнецов вместе со Струтинским вновь подстерег Даргеля около его дома и несколько раз выстрелил в него. Однако Даргель опять остался невредим. И только с третьей попытки операция удалась. 20 октября 1943 года Кузнецов, как и в первый раз, на автомобиле подъехал к зданию рейхскомиссариата, а когда Даргель вышел на улицу, бросил в него гранату. В результате Даргель был сильно контужен и надолго попал в госпиталь.

Следующей операцией Кузнецова было похищение немецкого майора Мартина Геттеля, который проявлял подозрительное любопытство к личности обер-лейтенанта Зиберта. Как выяснилось, Геттель, значившийся сотрудником рейхскомиссариата, на самом деле являлся сотрудником контрразведки абвера. 20 октября 1943 года его заманили на квартиру одного из агентов группы, служащего «Пакетаукциона» голландца Альберта Гласа. Дальнейшая его судьба неизвестна.

После поимки Геттеля 10 ноября было совершено покушение на еще одного заместителя Коха — Курта Кнута. В этот день Кузнецов, Струтинский, Альберт Глас и Иван Корицкий в шесть часов вечера у выезда с улицы Легионов совершили налет на машину Кнута. Кузнецов метнул противотанковую гранату, после чего автомобиль врезался в забор, а передняя его часть развалилась. Затем разведчики буквально изрешетили то, что осталось от машины, автоматными очередями. Шофер был убит, но Кнуту невероятно повезло: взрывом его бросило на поля, так что осколки и пули прошли выше. В результате он отделался контузией и легким ранением.

А спустя всего несколько дней после этого покушения была проведена спецоперация против командующего «восточными войсками» генерал-майора Ильгена.

15 ноября он был захвачен группой во главе с Кузнецовым прямо в своем доме. Операции предшествовало тщательное изучение распорядка и образа жизни Ильгена. Этим занимались помощники Кузнецова разведчицы Лидия Лисовская и Мария Микота. Операция прошла успешно, несмотря на то, что 48-летний Ильген, в молодости мясник, отличался недюжинной физической силой. Попутным «уловом» был случайный захват личного шофера Коха капитана Пауля Гранау, который на свою беду оказался случайным свидетелем покушения. Ильгена и Гранау вывезли из города на хутор, допросили и, в связи с невозможностью переправить в отряд, ликвидировали.

Буквально на следующий день, 16 ноября Кузнецов лично ликвидировал президента Верховного суда на Украине руководителя Главного отдела права рейхскомиссариата сенатс-президента Верховного суда в Кенигсберге, чрезвычайного комиссара по Мемельской области, главного судью штурмовых отрядов СА группы «Остланд» оберфюрера Альфреда Функа. Операция была тщательно продумана и спланирована. В очередной раз использовалась вошедшая в поговорку немецкая пунктуальность. Было установлено, что Функ ежедневно утром брился в одной и той же парикмахерской. Кузнецов ждал его прямо за входной дверью в здании суда. Когда в 8.59 Функ открыл дверь, Кузнецов застрелил его тремя выстрелами в упор, затем спокойно прошел по коридору направо к боковой двери, на ходу сменил фуражку, сел в машину и был таков. Охрана бросилась в погоню, однако, перепутав машины, схватила ни в чем не замешанного немецкого майора.

Здесь необходимо отметить, что в связи с многочисленными описаниями подвигов Кузнецова у многих сложилось впечатление, что кроме него в отряде Медведева никто не совершал акций возмездия. Но это не так. Вот лишь несколько примеров обратного. Бывший офицер Красной Армии В. Борисов 10 ноября 1943 года подложил мину в здание Ортскомендатуры, в результа-

те чего трое сотрудников были убиты и четверо ранены. 14 ноября 1943 года М. Шевчук бросил противотанковую гранату в окно казино. В результате погибло 7 немецких военнослужащих, а 21 человек был ранен. 15 ноября тот же М. Шевчук подложил мощное взрывное устройство в чемодане в зал ожидания 1-го класса железнодорожного вокзала. Ночью произошел взрыв. Погиб 21 старший офицер (от майора и выше) и около 120 офицеров было ранено. В возникшей после взрыва между самими немцами перестрелке погибли еще 4 солдата. 2 января 1944 года В. Серов прямо на улице застрелил из пистолета начальника штаба командующего войсками тыла фон Клюка. Всего же разведчиками из отряда Медведева было уничтожено 11 генералов и приравненных к ним чиновников.

Что же касается Кузнецова, то он в конце декабря 1943 года получил новое задание — развернуть разведывательную работу во Львове. Само его появление в городе вызвало у местных подпольщиков такое воодушевление, что двое из них — Степан Пастухов («Хуст») и Михаил Кобеляцкий («Этна») застрелили лейтенанта СС возле кинотеатра «Риальто», а ночью, воспользовавшись вспыхнувшей во время воздушной тревоги паникой — немецкого генерала. Всего же они уничтожили свыше 20 немецких офицеров и агентов СД.

Задачей Кузнецова во Львове было уничтожение губернатора «дистрикта Галиция» Оттона Вехтера или его заместителя Отто Бауэра. Интересно отметить, что предшественника Вехтера Карла Лаша расстреляли за воровство сами немцы. Добраться до Вехтера Кузнецову не удалось, поскольку, как сообщили в канцелярии губернатора, тот был болен и никуда не выходил. Однако Отто Бауэру не повезло. В 7.45 утра 9 февраля 1944 года он и его ближайший помощник, шеф канцелярии президиума правительства дистрикта земельный советник юстиции доктор Генрих Шнайдер были убиты на одной из центральных улиц Львова, ныне носящей имя писателя-националиста Ивана Франко.

А еще до убийства Бауэра и Шнайдера Кузнецов провел акцию в штабе люфтваффе, также находившемся в центре Львова. Здесь им были убиты подполковник ВВС Ганс Петер и обер-ефрейтор Зейдель. В немецком рапорте по поводу этого убийства сказано следующее:

«31 января 1944 года около 17.20 в здании военно-воздушных сил Лемберг, Валштрассе, 11а, был застрелен подполковник Ганс Петерс.

Около 17.00 неизвестный в форме гауптмана без разрешения посетил указанное здание. Он был задержан охраной здания и был доставлен к подполковнику Петерсу... При проверке его командировочного предписания гауптман, который назвался Паулем Зибертом, тремя выстрелами в упор застрелил подполковника Петерса. Гауптман сумел незаметно скрыться. На месте преступления найдены три гильзы калибра 7,65 мм, которые к сему и прилагаем».

Свою последнюю акцию Кузнецов совершил 12 февраля 1944 года в 18 километрах от Львова, когда у него проверяли документы у села Куровицы. Им был убит майор фельджандармерии Кантор. Дальнейшая судьба Кузнецова до сих пор точно не выяснена. Не вызывает сомнения, что он погиб в марте 1944 года, и что так или иначе к этому делу причастны бандеровцы из УПА. Однако, как и где это произошло, даже Теодор Гладков не сумел точно установить.

Завершая рассказ о Кузнецове, мы хотим отметить, что он никогда не достиг бы таких успехов, если бы не умелое руководство со стороны опытных сотрудников госбезопасности, таких, как Д. Медведев и А. Лукин, а также помощь его мужественных соратников и соратниц Николая Струтинского, Яна Каминского, Мечислава Стефаньского, Михаила Шевчука, Лидии Лисовской, Марии Микоты, Валентины Довгер и других, ибо каждая операция, проведенная им, была плодом совместных усилий большого коллектива разведчиков и диверсантов.

Охота на Гитлера

Как известно, в годы Великой Отечественной войны советская разведка провела большое число операций по ликвидации генералов и старших офицеров вермахта, а также высших партийных и гражданских чиновников фашистской Германии. Но все же главным объектом советских спецслужб был канцлер Германии Адольф Гитлер.

Идея организовать акцию, направленную на физическое уничтожение Гитлера, возникла осенью 1941 года, когда немецко-фашистские войска рвались к Москве. Советское руководство не исключало возможность захвата противником столицы, в связи с чем Управлению НКВД по Москве и 2-му (диверсионному) отделу НКВД было поручено создать московское подполье и заминировать главные административные и хозяйственные объекты города. Выполняя приказ, начальник 2-го отдела Судоплатов поставил перед будущими подпольщиками задачу: в случае взятия Москвы и прибытия Гитлера в город попытаться организовать на него покушение, например, во время предполагаемого парада на Красной площади. Опыт проведения подобных операций у советской разведки был. Так, 21 сентября 1941 года в Киеве была взорвана заранее заминированная смотровая площадку «Вид» Верхней лавры, в результате чего было уничтожено большое число немецких штабных офицеров. А 3 ноября спецгруппа НКВД под командованием капитана Лутина взорвала радиофугас, заложенный в киевском Успенском соборе, и чуть было не уничтожила гауляйтера Украины Эриха Коха и верного союзника Гитлера президента Словакии епископа Йозефа Тисо.

Но, как известно, фашисты были отброшены от Москвы и больше о парадах на Красной площади не помышляли. А вот во 2-м отделе, в 1942 году преобразованном в 4-е (разведывательно-диверсионное) управление НКВД, замысел уничтожить Гитлера не оставили.

Внимательно отслеживая перемещения фюрера, в 4-м управлении установили, что со второй половины июля по октябрь 1942 года Гитлер находился в своей полевой ставке «Вервольф» («Оборотень»), оборудованной под Винницей. Оттуда он руководил боевыми действиями, периодически вылетая в Берлин или в свою баварскую резиденцию «Бертгоф». Получив эту информацию, в Москве решили начать подготовку операции по уничтожению Гитлера во время очередного посещения им полевой ставки. Так как действующие в районе Винницы партизанские отряды были малочисленны и недостаточно вооружены, было решено привлечь для выполнения операции специальный диверсионный отряд «Победители» под командованием Д. Медведева, с июня 1942 года действовавший под Ровно. Осенью 1943 года партизаны Медведева захватили документы, среди которых находился подробный план полевой ставки фюрера. Но операцию пришлось отменить, так как в 1943 году Гитлер посетил «Вервольф» лишь один раз в октябре, да и то ненадолго.

Впрочем, главные события разворачивались не под Винницей, а в самой Германии. Именно там, по замыслу Судоплатова и его заместителя Эйтингона, следовало нанести фюреру смертельный удар. Разумеется, для этого было необходимо направить в рейх человека, который смог бы, не вызывая подозрений у гестапо, организовать покушение на Гитлера. И такой человек нашелся. Звали его Игорь Миклашевский⁵.

Игорь Львович Миклашевский родился в 1918 году и был сыном известной артистки камерного театра Августы Миклашевской, которой влюбленный в нее Сергей Есенин посвятил следующие строки:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

У мужа Августы Миклашевской, танцора Льва Лащина, была сестра Инна, вышедшая замуж за довольно

известного артиста Всеволода Блюменталь-Тамарина. Будучи личностью неординарной, Блюменталь-Тамарин ни в одном театре долго не уживался, блестяще играл с небольшой собственной труппой трагические роли и пользовался репутацией неуравновешенного человека, склонного к «загулам». Осенью 1941 года, когда немцы подошли к Москве, он остался на своей даче в Новом Иерусалиме, а затем при невыясненных обстоятельствах перешел на их сторону. Вскоре немцы начали использовать его в пропагандистских операциях против Красной Армии — выступая по радио и на специальных радиостановках, размещенных на переднем крае, Блюменталь-Тамарин призывал красноармейцев сдаваться в плен. Позднее он был переведен в Берлин, где продолжал выступать по радио, а потом стал одним из руководителей так называемого «Русского комитета», занимавшегося вербовкой среди советских военнопленных солдат для немецкого «Восточного легиона».

Начальник 4-го управления Судоплатов решил использовать предательство Блюменталь-Тамарина для внедрения в Германию своего агента и направить к нему с этой целью его племянника Игоря Миклашевского. Следует отметить, что это решение было вполне обоснованным. Встреча дяди с племянником должна была обеспечить Миклашевскому хорошее прикрытие. Кроме того, до войны Миклашевский был боксером, чемпионом Ленинградского военного округа, а значит, обладал необходимой физической подготовкой.

Зимой 1941 года красноармейца Миклашевского, служившего в войсках ПВО Ленинградского фронта, неожиданно вызвали в штаб. Там майор НКВД долго расспрашивал его о службе, семье, а затем предложил выполнить ответственное задание в тылу противника. После недолгого раздумья Миклашевский ответил согласием. Его немедленно отправили в Москву, где он начал готовиться к заброске в Германию.

В начале 1942 года Миклашевский во время ночного боя перешел на сторону немцев и заявил, что давно

искал случая сдать в плен. Разумеется, на слово ему не поверили. Последовали многочисленные проверки в контрразведке, во время которых к нему подсаживали провокаторов, а один раз даже инсценировали расстрел. Но Миклашевский выдержал испытание — ему стали доверять, а весной 1942 года освободили из концлагеря и зачислили в «Восточный легион». Не остался в стороне и Блюменталь-Тамарин. Узнав о том, что его племянник перешел на сторону немцев, он добился встречи с ним, а потом забрал к себе в Берлин.

В Берлине Миклашевский вступил в «Русский комитет», но политикой занимался мало — гораздо больше его интересовал бокс. Однажды, во время одного из боев на него обратил внимание знаменитый Макс Шмелинг — чемпион мира и гордость нацистского спорта, лично знакомый с лидерами фашистской Германии. Он подарил Миклашевскому свою фотографию с автографом, которая, учитывая популярность немецкого боксера в Германии, стала для советского разведчика своего рода визитной карточкой.

Оказавшись в Берлине, Миклашевский дал знать в Москву, что готов приступить к выполнению задания. Вскоре к нему из Югославии прибыла группа в составе трех опытных разведчиков, бывших офицеров белой армии, обладавших навыками подпольной и диверсионной деятельности. Именно они под руководством Миклашевского и должны были, по замыслу Судоплатова, начать подготовку покушения на фюрера. А для того чтобы получить возможность проникнуть в ближайшее окружение Гитлера, Миклашевский установил контакт со знаменитой немецкой актрисой Ольгой Чеховой, человеком яркой и необычной судьбы.

Родилась Ольга Чехова в 1896 году в семье инженера-железнодорожника Константина Книппера. Будучи натурой одаренной, она сначала попробовала свои силы в скульптуре, но затем обратилась к театру. В 1916 году она вышла замуж за известного русского актера Михаила Чехова. Брак этот, правда, был непродолжительным, и в

1921 году супруги развелись. Большую роль в жизни актрисы сыграла и ее тетка — знаменитая Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, одна из основательниц МХАТа, жена великого русского писателя Антона Чехова.

В 1922 году Ольга Чехова выехала в Германию, где добилась ошеломляющего успеха. В справке, составленной в ноябре 1945 года начальником 4-го отдела СМЕРШ генерал-майором Утехиным, по этому поводу говорится:

«В 1922 году Чехова Ольга с целью получения образования в области кинематографии выехала за границу и до последнего времени проживала в Германии — Берлин, Гросс-Глинике в собственном доме. Проживая за границей, получила известность как киноактриса и снималась в кинофильмах в Германии, Франции, Австрии, Чехословакии, на Балканах и в Голливуде (США). Одновременно с этим со дня капитуляции Германии играла в частных театрах Берлина. В 1936 году получила звание «государственной актрисы Германии»⁶.

В июне 1945 года Ольга Чехова была доставлена в Москву, где некоторое время жила на конспиративной квартире СМЕРШ. Там ее подробно расспрашивали о связях с руководителями фашистской Германии. В своих объяснениях Чехова подтвердила, что действительно неоднократно бывала на приемах в министерстве пропаганды, где встречалась с Гитлером, Герингом, Геббельсом, Риббентропом и другими нацистскими лидерами. Но эти встречи носили только официальный характер. Так как у СМЕРШ не было никаких компрометирующих Чехову материалов, то ее по указанию Берия отпустили назад, в Германию. Осенью 1945 года в ряде западных газет появились сообщения о том, что Чехова была «русской шпионкой, которая овладела Гитлером», и что в Москве ее принимал Сталин и наградил орденом Ленина. Однако подобные публикации вскоре прекратились, и до самой смерти знаменитой актрисы в 1980 году никто не обвинял ее в контактах с советской разведкой.

Но на самом деле «королева нацистского рейха», как называли Чехову в Германии, и близкая подруга любов-

ницы Гитлера Евы Браун действительно сотрудничала с советской разведкой. Бывший начальник 4-го управления Судоплатов в своих мемуарах пишет по этому поводу следующее:

«Известная актриса Ольга Чехова, бывшая жена племянника знаменитого писателя, была... через родню в Закавказье связана с Берия. Она поддерживала регулярные контакты с НКВД. У нас существовал план убийства Гитлера, в соответствии с которым Радзивилл (польский князь, агент НКВД — авторы) и Ольга Чехова должны были обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру»⁷.

Первый раз Миклашевский попытался установить контакт с Ольгой Чеховой, поджидая ее с огромным букетом роз у входа в театр. Но поговорить им не удается, и Миклашевский просит своего дядю Блюменталь-Тамарина взять его с собой на один из приемов, где будет Ольга Чехова, чтобы высказать ей свое восхищение. В результате в середине 1942 года связь с Ольгой Чеховой была установлена.

Однако возможности Ольги Чеховой в предстоящей операции были весьма ограничены, и Миклашевский был вынужден послать в Москву сообщение о том, что использовать ее для организации покушения на Гитлера не представляется возможным. Правда, в другом донесении он сообщал, что у него есть возможность организовать покушение на Геринга, однако такая перспектива Москву не особенно интересовала. А в 1943 году Миклашевский получил неожиданный приказ из Центра — разработку операции по ликвидации Гитлера прекратить.

Разумеется, отменить такую операцию ни руководство разведки, ни даже Берия самостоятельно не могли. Приказ об этом последовал лично от Сталина, которому регулярно докладывали о ходе подготовки операции. Что же касается причин, из-за которых операция по убийству Гитлера была отменена, то начальник 4-го управления Судоплатов пишет в своих мемуарах следующее:

«В 1943 году Сталин отказался от своего первоначального плана покушения на Гитлера, потому что боялся: как только Гитлер будет устранен, нацистские круги и военные попытаются заключить сепаратный мир с союзниками без участия Советского Союза.

Подобные страхи не были безосновательными. Мы располагали информацией о том, что летом 1942 года представитель Ватикана в Анкаре по инициативе папы Пия XII беседовал с немецким послом Францем фон Папеном, побуждая его использовать свое влияние для подписания сепаратного мира между Великобританией, Соединенными Штатами и Германией. Помимо этого сообщения от нашего резидента в Анкаре, советская резидентура в Риме сообщала о встрече папы с Майроном Тейлором, посланником Рузвельта в Ватикане, для обсуждения беседы кардинала Ронкалли (позднее он стал папой Иоанном XXIII) с фон Папеном. Подобное сепаратное соглашение ограничило бы и наше влияние в Европе, исключив Советский Союз из будущего европейского альянса. Никто из кремлевских руководителей не хотел, чтобы подобный договор был заключен»⁸.

Получив указание Сталина, Судоплатов, как уже говорилось, приказал прекратить разработку операции, хотя к тому времени Миклашевскому удалось наметить план ликвидации Гитлера в одном из берлинских театров. В 1944 году Судоплатов и нарком НКГБ Меркулов вновь подняли перед Сталиным вопрос об убийстве Гитлера, но и на этот раз получили указание, что этого делать не надо. В результате покушение на Гитлера так и не состоялось, хотя, по утверждению Судоплатова, разрабатываемая Миклашевским операция имела все шансы на успех.

Что же касается Миклашевского, то он в конце 1944 года после ликвидации своего дяди Блюменталь-Тамарина бежал во Францию, где присоединился к бойцам Сопротивления. Вместе с ними он устраивал диверсии на военных объектах фашистов, во время операции

по взрыву подземного завода был тяжело ранен. В конце 1945 года Миклашевский вернулся в Москву, был награжден орденом Красного Знамени и продолжил свою спортивную карьеру.

Спецоперации на оккупированных территориях

Рассказ о спецоперациях советской разведки в годы Великой Отечественной войны был бы неполон без описания терактов, которые совершили многочисленные партизанские отряды и спецгруппы НКВД и ГРУ, находившиеся в тылу немецко-фашистских войск. К сожалению, о этих спецоперациях и до настоящего времени писалось очень мало. И только в 1991 году появилась книга А. Зевелева, Ф. Курлата и А. Казицкого «Ненависть, спрессованная в тол», в которой в главе «По приговору партизан» сделана попытка в какой-то степени осветить эту тему. Правда, там рассказывается лишь о терактах, совершенных бойцами Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР.

Как пишут авторы книги «Ненависть, спрессованная в тол», в годы войны бойцы ОМСБОН подготовили и осуществили 87 «актов возмездия», т. е., попросту говоря, терактов. Впрочем, в литературе приводилась и другая цифра — 67 генералов гитлеровской армии, войск СС и крупных политических деятелей рейха. Среди них генерал-лейтенант Лансель — командир 121-й пехотной дивизии, генерал Реннер — командир 174-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант Карл Борнеман — командир 442-й дивизии особого назначения, генерал-лейтенант фон Виртц (18-я армия), генерал-лейтенант Рудольф Пешель — командир 6-й авиаполевой дивизии, генерал-полковник Боддиен, контр-адмирал Бемер, обергруппенфюрер Вальтер Шталлекер — начальник эйнзатц-группы «А», обергруппенфюрер СС Виктор Лутце — заместитель Гитлера по руководству СА (штурмовыми от-

рядами), оберфюреры Беленберг и Альфред Функ, В. Кубе — гауляйтер Белоруссии и многие другие. Пять генералов были пленены партизанами и переданы командованию Красной Армии.

Осуществить эти «акты возмездия» было, безусловно, чрезвычайно трудно, ибо деятельность бойцов ОМСБОНа протекала на территории, чрезвычайно насыщенной войсками и спецслужбами противника. Как пишут Зевелев, Курлат и Казицкий:

«Необходимы были точные знания и учет конкретной обстановки, в частности, сложной системы охраны гитлеровских палачей. На них — инициаторов и руководителей злодейских акций, жертвами которых были сотни тысяч зверски замученных и убитых мирных граждан и военнопленных, — в первую очередь и были направлены акты справедливого возмездия. Каждому из них предшествовала тщательная разведка, поиск конкретных исполнителей, разработка различных вариантов их действий, обеспечение их боевыми средствами (мины, взрыватели, взрывчатка, оружие и т. д.). В этой работе штабы и разведка спецотрядов и спецгрупп опирались на активную помощь подпольщиков и связных. Нередко последние добровольно брали на себя роль непосредственных исполнителей актов возмездия. В этих случаях делалось все возможное для обеспечения безопасности их и членов их семей.

Каждый совершенный акт возмездия, особенно над высшими представителями гитлеровской администрации, имел широкий общественный резонанс и большое психологическое и нравственное значение. Он утверждал неминувность наказания главных преступников, торжество справедливости, непобедимость народа, силу духа и волю к победе которого не могли сломить самые жестокие репрессии»⁹.

Вместе с тем совершенные в годы Великой Отечественной войны индивидуальные теракты в тылу противника имели и, так сказать, обратную сторону. Об этом тоже пишут авторы книги «Ненависть, спрессован-

ная в тол», судя по всему, непосредственные участники событий:

«Каждый такой акт, бесспорно, являлся проявлением справедливого возмездия военным преступникам за совершенные ими злодеяния. Подготовка и осуществление буквально каждого такого акта были связаны для непосредственных исполнителей со смертельным риском и предельным психическим накалом. Они требовали от них крайнего напряжения духовных и физических сил, готовности к самопожертвованию, подлинного героизма. Эти акции, несомненно, демонстрировали силу партизанского движения, вызывали подъем патриотических сил населения оккупированных территорий. Но нельзя не отметить и то, что они вызывали и такую ответную реакцию, как массовое истребление мирных жителей. Так было, например, после убийства гауляйтера Кубе, когда в Минске были уничтожены тысячи мирных жителей. Так было и после покушения на фон Готтберга, когда фашисты убили в районе Канаровки более 1000 человек, а остальных жителей этого района Минска увезли в лагерь смерти Тростенец. Так было и в ряде других случаев»¹⁰.

Скорее всего, именно по этой причине в годы застоя особенно и не афишировали эти акты возмездия. В наше же время о них не пишут просто по причине утраты интереса к истории Великой Отечественной войны. В этой связи мы коротко остановимся на некоторых спецоперациях, которые провели партизаны, бойцы спецгрупп 4-го управления НКВД и военной разведки в годы Великой Отечественной войны.

В ночь на 13 августа 1942 года шестеро партизан, в том числе 15-летний Ленья Голиков, устроили засаду на шоссе Псков — Луга. Ими был уничтожен гитлеровский генерал Рихард Виртц, проезжавший на легковой автомашине. Вот как сам Голиков описал эту операцию:

«Вечером 12 августа 1942 года мы, шестеро партизан, выбрались на шоссе Псков — Луга и залегли недалеко от

деревни Варницы. Ночью движения не было. На рассвете 13 августа из Пскова показалась маленькая легковая машина. Шла быстро, но у мостика, где мы находились, машина пошла тише. Партизан Васильев бросил противотанковую гранату, но не попал. Вторую гранату бросил из канавы А. Петров. Машина не сразу остановилась, а прошла еще метров 20 и почти поравнялась с нами. Мы лежали за кучей камней. Из машины выскочили два офицера. Я дал очередь из автомата — не попал... Офицер, сидевший за рулем, побежал через канаву в сторону леса. Я дал по нему несколько очередей из своего ППШ, Петров стрелял по второму офицеру, который все время оглядывался, кричал и отстреливался. Петров из винтовки убил этого офицера. Тогда вдвоем мы побежали к первому офицеру. Сорвали погоны, взяли портфель, документы; он оказался генералом инфантерии Рихардом Виртцем, ехавшим из Кенигсберга на совещание в свой корпус в Лугу»¹¹.

В феврале 1943 года сотрудники НКВД из спецгруппы «Сокол» разработали план операции под кодовым названием «Кабанья голова». Основной целью операции была ликвидация гауляйтера Белоруссии Кубе, а также руководителя окружной фашистской администрации Фридриха Фенса. Разведчикам удалось завербовать лесника, который сообщал им даты ожидаемых приездов нацистских главарей, любивших поразвлечься охотой на кабанов. В этот раз лесник сообщил время и предполагаемое место очередной охоты, а также маршрут движения. 16 февраля 1943 года бойцы спецгруппы во главе с командиром К. Орловским устроили засаду. Было решено ждать возвращения нацистов с охоты. Сидеть в засаде пришлось почти 12 часов. Самого Кубе среди охотников не оказалось, однако в одних из 11 саней ехал гебитскомиссар Фенс. Орловский бросил первую шашку, после чего началась перестрелка. Однако когда Орловский размахнулся, чтобы бросить вторую шашку, один из немцев случайно попал в детонатор и шашка взорвалась в его руке. Тем не менее бойцы спецгруппы перебили всех немцев и

эсэсовскую охрану. Сам Орловский, которому ампутировали правую руку и кисть левой, еще полгода командовал спецгруппой, и только после третьего вызова вылетел в Москву.

Наиболее значительный и вместе с тем «темный» теракт был совершен в мае 1943 года на Украине. Вот что сказано по этому поводу в фундаментальной книге «Всемирная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941—1944», авторство которой приписывается Пантелеймону Пономаренко — возглавлявшему в годы войны Центральный штаб партизанского движения Ставки Верховного Главнокомандования:

«18 мая 1943 г. на дороге вблизи Винницы украинскими партизанами был уничтожен вместе с эскортом обергруппенфюрер СС В. Лутце, начальник штаба СА и заместитель Гитлера по руководству штурмовыми отрядами. Торжественные похороны Лутце состоялись в Берлине, причем было объявлено «по психологическим причинам», что он погиб на советско-германском фронте «в результате автомобильной катастрофы»¹².

После этой фразы в книге, приписываемой Пономаренко, стоит мало что объясняющая сноска: *Modern guerilla warfare: Fighting Communist guerilla movements, 1941—1961 / Ed. by F. Markosanka. Glencoe, 1962. P. 115.* Между тем есть веские основания предполагать, что в данном случае мы имеем дело с широко известной бывшим советским гражданам так называемой «припиской». Дело в том, что убийство из засады Виктора Лутце приписывают себе также и так называемые «бандеровцы» из Украинской Повстанческой армии (вряд ли авторы «пономаренковской» книги под «украинскими партизанами» имели в виду именно их). При этом бандеровцы называют более точную дату гибели Лутце — 2 мая, и конкретный отряд, который совершил акцию. Отряд входил в «курень», которым командовал Алексей Шум по кличке «Вовчак». Называют они и более точное место гибели Лутце — дорога Брест — Ковель.

Однако не факт, что не врут и бандеровцы. Лутце

могли убить и сами сопровождавшие его гестаповцы по приказанию своего шефа Генриха Гиммлера. Широко известно, что руководитель штурмовиков ненавидел все-сильного рейхсфюрера, плел против него всевозможные интриги и мало заботился при этом о собственной безопасности.

10 июня 1943 года группа партизан из отряда «Буревестник» совершила нападение из засады на немецкую колонну на выезде из города Шацка Минской области. Колонна приезжала в Шацк для награждения местных гитлеровцев и полицаев, отличившихся в борьбе против партизан. От своих связных партизаны заранее знали о времени прибытия колонны и логично рассчитали, что лучше нападать после того, как состоится церемония награждения и «обмывания» наград. В результате операции были убиты областной комиссар Людвиг Эренлейтнер, правительственный инспектор Генрих Клозе, начальник областной жандармерии Карл Зандфросс и еще 33 фашиста, уничтожено 4 легковых и одна грузовая машины.

1 сентября 1943 года партизаны отряда «Большевик» бригады «За Родину» (кстати, среди них была группа перешедших на сторону партизан полицаев во главе с лейтенантом Столбовским) устроили засаду на дороге Алтухово — Коломино Орловской области. Они совершили нападение на две легковые автомашины, шедшие в сопровождении грузовика с охраной до 30 человек. Столбовский дал команду атаковать и сам открыл огонь по передней машине. Его бойцы атаковали вторую машину, а также грузовик. Здесь произошла рукопашная схватка, 12 немцев были убиты и ранены, остальные бросились к лесу. По захваченным документам было установлено, что среди убитых находился генерал-лейтенант Карл Борнеман, командир 442-й дивизии особого назначения, длительное время руководивший операциями против партизан, действовавших в тылу немецких 2-й танковой и 4-й армий, а также его адъютант капитан Гартунг.

14 сентября 1943 года в крупном железнодорожном узле Овруче разведчики из спецотряда НКВД «Олимп» (командир В. Карасев) взорвали гебитскомиссариат, в здании которого размещались, помимо кабинетов и квартир гебитскомиссара Венцеля и его заместителей, квартиры других высших офицеров, а также штабы и казармы карательных и охранных отрядов. Погибло более 40 немцев, в том числе гебитскомиссар Венцель, его заместитель Шлиффен, заместитель по пропаганде Гиллер, комендант города Залзберг и другие. В Берлин отправили 6 гробов с останками высокопоставленных лиц.

Провести эту операцию, приуроченную к 10-летию прихода Гитлера к власти, было чрезвычайно сложно. Разведчик спецгруппы Батян связался со слесарем городской водопроводной сети Федосенко, имевшим пропуск в здание гебитскомиссариата, а через него — с истопником паровой котельной здания Каплюком. В Москве утвердили план операции и направили в отряд два самолета со взрывчаткой. Каплюк многократно проделывал нелегкий путь в 40 километров из Овруча в лагерь спецгруппы и оттуда уносил тол к себе домой. Его жена и дети вместе с обедом носили тол по частям в котельную. Таким образом удалось накопить 150 килограммов тола. Затем в котельную, также по частям, перенесли взрыватель.

12 декабря 1943 года группа подпольщиц осуществила серию взрывов на Минском аэродроме, где они работали. До этого подпольщицы с риском для жизни переносили из леса и хранили на аэродроме мины, взрывчатку и взрывные устройства. На воздух взлетело общежитие летного состава, в котором погибло несколько десятков летчиков, уничтожены цистерны с горючим и два самолета, взорвавшихся в воздухе. В одном из них погибли генерал и два полковника.

28 июня 1944 года бойцы Смоленского партизанского полка «13» (командир Гришин) на дороге Стехово-Мокровичи Бельничского района Белоруссии из засады атаковали легковую автомашину, шедшую под охраной бро-

немашины, самоходного орудия, команды в 25 человек и 4 мотоциклистов. Подпустив колонну на расстояние около 50 метров, партизаны открыли ружейно-пулеметный огонь. Шедшая впереди бронемашина была подбита выстрелами из ПТР, после чего партизаны бросились в атаку, обратив в бегство расчет самоходного орудия и мотоциклистов. Захваченные в плен немцы показали, что они охраняли назначенного командующим 4-й армией генерала Файфера, который подорвался в машине.

1 октября 1944 года в порту Вентспилс латышские подпольщики совершили нападение на группу немецких военно-морских офицеров и уничтожили их. По сообщению немецкого главного военно-морского командования, среди погибших был адмирал Беммер и сопровождавшие его лица.

Широко практиковалось и похищение нацистских офицеров, чиновников и руководителей местной администрации. Так, в районе Борисова, где немцы создали крупную разведшколу, сотрудники НКВД из спецгруппы «Бывалые», которой командовал Петр Лопатин, с помощью завербованного ими бургомистра Борисова Парабковича захватили командира разведшколы полковника Нивеллингера, который имел неосторожность явиться на квартиру к бургомистру. После этого чекистами по пути из Клецка в Борисов в доме лесника был захвачен обер-лейтенант нацистской разведшколы Фозе. Его заставили сыграть роль своеобразной «подсадной утки». На шоссейной дороге Бобруйск-Клецк Фозе под контролем разведчиков остановил машину нового начальника разведшколы майора Гозенберга, который был также захвачен и, как и его предшественник, отправлен в Москву.

В Житомире разведчики из спецотряда НКВД «Ходоки» Евгения Мирковского среди бела дня захватили в офицерской столовой капитана войск СС Армина с ценными документами. Во время этой же операции они взорвали кабинет гебитскомиссара Житомира — Магиса, здание редакции националистической газеты «Голос Волини» и телеграф.

Долгое время не было ясности по поводу «вывода» на базу спецгруппы Лопатина немецкого офицера, именовавшегося Карлом Кругом, сотрудника разведотдела штаба военно-воздушных сил группы армий «Центр». Считалось, что именно он сообщил наиболее ценные сведения относительно предстоящего наступления немцев на Курской дуге. Сообщалось также, что от Круга советские разведчики узнали координаты и ориентиры 42 фашистских военных аэродромов, а также информацию о системе их противовоздушной обороны, типах самолетов, размещении складов авиабомб и т. д. И только недавно «Военно-исторический журнал» (1995, № 1) привел документ, рассказывающий о настоящем имени немецкого офицера и подробностях этой, одной из самых результативных спецопераций 4-го управления в годы войны.

«СООБЩЕНИЕ

НКГБ СССР № 307/М В ГКО
о выводе в район расположения
оперативной группы П. Г. Лопатина
офицера германской армии Глузгалса
23 мая 1943 г.

17 марта 1943 года нами в Борисовский район Минской области БССР была переброшена оперативная группа в составе 21 человека под руководством Лопатина Петра Григорьевича с задачей проведения подрывной работы на коммуникациях противника.

В настоящее время группа т[ов.] Лопатина в результате проведенной вербовочной работы возросла до 300 человек за счет местного населения и бывших военно-служащих Красной Армии, попавших в плен и окружение противника.

В начале [1943 года] группой были получены данные об антифашистских настроениях инженер-лейтенанта германской армии Глузгалса, шефа отдела связи военно-воздушных сил Центральной группы войск, дислоцированного в Минске.

Для проверки этих данных и возможного привлечения Глузгалса к сотрудничеству с нами оперативной группой было решено подставить к нему агента-женщину под псевдонимом «Вера».

«Вере» удалось установить с Глузгалсом близкие отношения и с согласия т[ов.] Лопатина выйти за него замуж. После соответствующей обработки «Вера» поставила перед Глузгалсом вопрос о переходе на сторону Красной Армии.

11 мая [текущего года] Глузгалс принял решение перейти на нашу сторону и вместе с «Верой» направился в расположение нашей оперативной группы.

Глузгалс до окончательной проверки искренности его перехода на нашу сторону изолирован и находится под специальным наблюдением.

В результате допросов, проведенных на месте, Глузгалс показал о себе следующее:

Глузгалс — по национальности немец, в 1928 году получил звание инженера электротехники и точной механики, окончил высшую школу при имперском почтовом ведомстве. В германской армии с 1935 года, с 1940 по 1942 год находился во Франции, а с октября 1942 года — в Минске в качестве шефа отдела связи военно-воздушных сил Центральной группы войск.

Т[ов.] Лопатин сообщил нам по радио следующие сведения военного характера, полученные им от Глузгалса: от помощника начальника штаба группы войск, дислоцированного в Орле, генерал-майора Вильферкинга Глузгалсу якобы известно, что генеральный штаб германской армии намечает летом текущего года прорвать фронт в районе г. Орла, пойти на Сталинград и отрезать Кавказ. После падения Сталинграда форсировать Волгу и организовать захват Урала, куда к этому времени должны быть заброшены специальные десантные войска для удара с тыла. После захвата Урала — повести наступление на Москву.

По данным Глузгалса, с 1 апреля [текущего года] в

район Орла подвозятся войска, танки, артиллерия, авиация и другая техника для подготовки прорыва.

На аэродромах в районе Брянска находятся советские самолеты, в свое время захваченные противником, предназначенные для заброски диверсионных групп в тыл СССР, в частности в районы Урала, с задачей проведения подрывной работы на железных дорогах и в военной промышленности.

Глузгалс показывает, что немцы активно подготавливаются к химической войне: 1 декабря 1942 года по германской армии был издан секретный приказ верховного [главно]командования закончить подготовку к химической войне к февралю 1943 года.

Глузгалс сдал в оперативную группу полученный им в штабе военно-воздушных сил Центральной группы немецких войск новый противогаз, который якобы впервые выдается штабным офицерам и сохраняется в секрете.

Глузгалс утверждает, что на центральном участке фронта немцы сосредоточили до 1000 самолетов. Ставка командования военно-воздушных сил центрального участка фронта, возглавляемая полным генералом авиации Ритером фон Граймом, размещена в г. Орше.

Глузгалс сообщил дислокацию 32 аэродромов центрального участка фронта (17 действующих и 15 строящихся), данные о количестве самолетов на аэродромах и состоянии противовоздушной обороны.

НКГБ СССР считает целесообразным поручить командующему авиацией дальнего действия т[ов.] Голованову доставить Глузгалса в Москву для передачи его в распоряжение Генерального штаба Красной Армии.

Вместе с Глузгалсом будет доставлена также агент «Вера».

*Народный комиссар
государственной безопасности Союза ССР.*

Особо упорно советские спецслужбы пытались уничтожить руководителей так называемой «Локотской рес-

публики». Для того чтобы понять степень их опасности, расскажем о них поподробнее.

После захвата немцами Орловской области жители местечка Локоть Брасовского района Константин Воскобойников и Бронислав Каминский стали активно помогать немецким оккупационным властям. Воскобойников (он же Лошаков, он же инженер Земля) родился в 1895 году в селе Смела Киевской губернии. До революции окончил юридический факультет Московского университета, служил в царской армии. В 1921 году участвовал в антисоветском повстанческом движении на Волге. После Гражданской войны он изменил фамилию и окончил электропромышленный факультет московского института, после чего работал в столичном отделе мер и весов. В 30-е годы он был репрессирован, отбыл ссылку, а затем устроился на работу преподавателем Локотского лесного техникума.

Бронислав Каминский родился в 1899 году в Витебске и был сыном поляка и немки. В 20-е годы учился в Петрограде, где изучал химию и получил диплом инженера. Позднее Каминский активно участвовал в работе Ленинградского клуба техники, где завязал контакты с инженерами из Англии, Германии и Финляндии. В 1935 году был арестован за связь «с польской и немецкой разведкой» и сидел в Москве в Бутырской тюрьме. Вскоре он был осужден на 10 лет, однако позднее его дело было пересмотрено и Каминский был выслан в Нижний Тагил, откуда перебрался в Локоть, где работал инженером местного спиртзавода.

17 октября 1941 года германское командование назначило Воскобойникова бургомистром Локотской волостной управы. Его заместителем стал Каминский. Именно здесь, в Локте немцы решили провести беспрецедентный эксперимент — создать самоуправляющийся русский район с «мягким», практически незаметным режимом. Этому эксперименту покровительствовал министр по делам оккупированных областей на Востоке — Альфред Розенберг, а руководило им непосредственно коман-

дование немецкой 2-й танковой армии во главе с генерал-полковником Рудольфом Шмидтом.

В Локте немцы оставили только небольшой гарнизон и несколько офицеров для связи, а сами ушли на Восток. Тем не менее они осуществляли малозаметный, но весьма эффективный контроль, прежде всего через Локотское отделение «Виддер» «Абверштелле 107», которое возглавлял майор Грюнбаум. «Виддер» находился в подчинении абверкоманды особого назначения в Орле (полковник Герлиц). Координировал деятельность всех немецких спецслужб, а помимо абвера здесь действовали также СД (оберштурмфюрер СС Генри Леляйт) и тайная полевая военная полиция ГФП, специальный штаб под кодовым названием «Корюк-532» при штабе 2-й танковой армии. Начальником отдела по борьбе с партизанами и подпольем в нем являлся капитан фон Крюгер. Под пристальным вниманием этих «покровителей» Воскобойников и Каминский и начали свою деятельность.

Прежде всего в районе были ликвидированы колхозы, их имущество и инвентарь розданы крестьянам. При этом каждая семья получила земельный надел. По данным историка Игоря Еромолова, крестьяне были обложены налогами меньшими, чем при Советской власти. От налогов освобождались инвалиды, престарелые, люди, не имевшие скота или огорода, а также получающие зарплату меньше 250 рублей в месяц. В поселке появились органы самоуправления, суды, учреждения здравоохранения, образования и культуры, начала выходить газета «Голос народа». 19 июня 1942 года территория Локотской волостной управы была расширена. Был создан Особый Локотский округ в составе 8 районов — шести районов Орловской области: Брасовского, Комаричского, Севского, Навлинского, Суземского, Михайловского и двух районов Курской области: Дмитровск-Орловского и Дмитриев-Льговского. Была также введена своя символика — Георгий Победоносец на бело-синекрасном триколоре.

Кроме того, Воскобойников и Каминский для уси-

ления влияния на население пытались организовать и свою партию. 25 ноября 1941 года был опубликован манифест от имени так называемой Народной Социалистической партии России «Викинг» («Витязь»). Это экзотическое название должно было напомнить русскому населению о призвании варягов при создании русской государственности. В манифесте партии указывалось, что она была создана «в подполье сибирских концентрационных лагерей» и что она берет на себя обязательство создать правительство, которое обеспечит спокойствие, порядок и все условия для процветания мирного труда. Как и программа НСДАП, программа локотских предателей состояла из 12 пунктов, в том числе и пункта, призывающего к беспощадному уничтожению евреев и бывших комиссаров. Провозглашались свобода частного предпринимательства. При этом в собственности государства сохранялись леса, недра, железные дороги и крупные предприятия. Крестьянам была обещана передача пахотной земли в вечное пользование с правом аренды и обмена, но без права продажи, приусадебный участок с правом наследования и обмена. Была провозглашена амнистия всех комсомольцев и рядовых членов партии, а также и других коммунистов, которые будут с оружием в руках бороться против «сталинского режима». В течение декабря 1941 года было создано 5 ячеек партии. Ее центр находился в самом поселке Локоть, под охраной 200 полицаев.

В своем приказе генерал-полковник Шмидт предписывал немцам не вмешиваться в дела управления округом и ограничиваться лишь «советами и помощью». В литературе даже бытует рассказ о том, что локотская полиция арестовала двух немецких солдат, ограбивших мельницу и убивших ее хозяина. Они якобы были приговорены локотским судом к расстрелу и расстреляны на центральной площади. Насколько это верно, сказать трудно.

В декабре 1941 года, получив санкцию германского командования, руководители Локотской волостной управы начали создавать добровольческие полицейские от-

ряды в основном из числа бывших военнослужащих Красной Армии (командный состав — лейтенанты РККА). В июне 1942 года, одновременно с преобразованием волостной управы в окружную, Бронислав Каминский был по приказу генерал-полковника Шмидта назначен командующим созданной в пределах округа милиции на правах командира бригады и приступил к формированию так называемой «Русской освободительной народной армии» (РОНА). В конце 1942 года армия насчитывала 10 тысяч человек, сведенных в 13 батальонов, и имела на вооружении орудия, минометы и пулеметы.

По данным советской разведки, в начале 1943 года было уже 15 батальонов численностью 12—15 тысяч человек, а к середине 1943 года — 20 тысяч, в том числе 5 пехотных полков, танковый батальон, артдивизион, саперный батальон и батальон охраны. Это была довольно большая сила, учитывая, что всего на территории Локотского особого округа проживало 350 тысяч человек. РОНА использовалась исключительно для борьбы с местными партизанами. Лишь в период наступления Красной Армии в феврале — марте 1943 года ее подразделения совместно с частями немецкой и венгерской армий были задействованы в оборонительных боях.

Понятно, что в этой ситуации в Москве довольно быстро поняли, какую свинью Советской власти подложило гитлеровское командование в лице Локотского округа. Поэтому было принято решение бросить против округа лучшие силы. В бригаде Каминского действовали агенты оперативных групп «Дружные», «Боевой», «Сокол» 4-го управления НКВД. В ночь на 8 января 1942 года несколько партизанских спецгрупп на 120 подводах с разных концов ворвались в Локоть во время проведения учредительного собрания партии Воскобойникова и Каминского. В кровопролитном сражении 54 полиция были убиты, а обер-бургомистр Воскобойников смертельно ранен. Вскоре он умер на операционном столе, не дождав-шись присланных из Орла врачей. Нападению подверглись также офицерская казарма и тюрьма. Советские

спецгруппы также понесли серьезные потери и, уклоняясь от боя с карателями, ушли в лес.

После гибели Воскобойникова вопрос о создании партии временно был снят, и только 29 марта 1943 года Каминский издал приказ о создании оргкомитета из 5 человек по созданию НСПР. Однако было уже поздно, поскольку фронт неотвратимо приближался к территории района.

Следующим обер-бургомистром Локотского района был назначен Каминский, сосредоточивший, таким образом, в своих руках всю полноту гражданской и военной власти в округе. Неоднократно советские чекисты пытались уничтожить Каминского, однако каждый раз ему удавалось ускользнуть от возмездия. Один раз партизанский связной вручил ему книгу, в которую была искусно вмонтирована электромина, однако тот уже в машине заметил это и за несколько минут до взрыва выбросил мину в окно. В июле 1942 года машина Каминского попала в засаду и он был легко ранен. Через несколько дней чекисты подбросили адъютанту обер-бургомистра и начальнику разведки РОНА Капкаеву записку о том, что организатором этого нападения якобы являлся начальник Комарического отдела полиции Масленников и его окружение. Каминский уже до этого имел зуб на Масленникова, который тайно расправился с его доверенным лицом Александром Раздубевым. В результате Масленников и следователи Гладков и Третьяков были публично повешены, а командир роты Паршин выпорот шомполами и разжалован.

Подобную же операцию пытались повторить вновь, натравив заместителя Каминского — председателя военно-полевого суда Мосина на сменившего Масленникова на посту командира Комарического полка Мозалева. Однако дело окончилось только смещением последнего с должности. В феврале 1943 года на самого Мосина было совершено покушение. Одновременно мина была установлена на двери начальника локотской полиции Иванина. Но дверь открыл его сын.

Партизаны также уничтожили начальника штаба 6-го батальона РОНА Алексея Кытчина, который предал подпольную организацию, готовившую восстание и переход на сторону партизан.

После того как Красная Армия освободила территорию Локотского округа, РОНА была передислоцирована в Белоруссию, а оттуда в Польшу. Один из ее полков под командованием «подполковника» Фролова (бывшего лейтенанта РККА) активно участвовал в подавлении Варшавского восстания, проявив при этом невиданную жестокость и мародерство. Вскоре после этого сам Каминский был расстрелян немцами, которые не могли больше терпеть разлагающего влияния мародерства его подчиненных.

Интересно, что после ухода «бригады Каминского» примерно в тех же местах в Брянских лесах действовали многочисленные отряды «зеленых». В Мглинском и Суражском районах их возглавлял некий Роздымаха, вскоре убитый в бою с оперативными войсками НКВД. После его гибели бандитов возглавили братья Козины, один из которых служил до того в полиции. В Красногорском районе (на границе с Белоруссией) действовала крупная банда Войтенкова, в Трубчевском районе — отряды Дудоря, Землянка, Казана, Лунькова и других. Наиболее крупными «зелеными» бандами были банда братьев Козины и Ледовкина.

Для ликвидации «зеленых» НКВД СССР выделил в распоряжение начальника Брянского УНКВД дивизию оперативных войск. Вслед за частями Красной Армии в села и города входили чекисты, уже имевшие на руках заранее составленные списки всех предателей, сотрудничавших с немцами. Брянским «зеленым» уделили внимание и главари НТС. 28 июня 1944 года с немецких самолетов были сброшены две группы по 18 человек, одна во главе с Хасановым, другая во главе с Курбан-Чары и Украинным. Они должны были объединить «зеленых» в борьбе в тылу Красной Армии. Парашютистов схватили, у них были обнаружены бланки, программа и устав НТС.

С помощью радиста одной из групп была устроена радиоигра с немцами. В результате 4 сентября те сбросили еще 13 человек, а 6 сентября — двоих. Все они попали в руки сотрудников НКГБ.

Уже после войны органы государственной безопасности СССР вели планомерную и тщательную охоту за всеми руководителями Локотского округа. Большинство из них было выловлено, привезено в родные места и понесло заслуженное наказание. Среди них — предатель Шестаков (он же Арсенов, он же Михайлов). Этот бывший офицер РККА после захвата немцами Орла создал там подложную подпольную организацию, так называемый «ревком», в который вступило около 200 человек. В феврале 1943 года все они были арестованы гитлеровцами. Сам Шестаков получил звание обер-лейтенанта германской армии и стал ближайшим помощником майора Грюнбаума в отделе «Видер» «Абверштелле 107». После наступления Красной Армии он бежал со своими хозяевами в Померанию, затем в Берлин и Австрию, откуда тайно перебрался в Румынию, где жил по документам Деошеску. Однако и там его разыскали брянские чекисты, вывезли в СССР и после суда расстреляли.

Разумеется, это далеко не полный список спецопераций, проведенных в тылу немецко-фашистских войск партизанскими отрядами и отдельными диверсионными группами. Подробный рассказ об этом занял бы несколько томов. Впрочем, и приведенных примеров, как нам кажется, вполне достаточно для того, чтобы по достоинству оценить самоотверженность и настойчивость, с которыми действовали в тылу противника партизаны и разведчики.

* * *

Великая Отечественная война была тяжелым испытанием, выпавшим на долю нашего народа. И прежде всего потому, что речь шла не просто о существовании советского государства, а о судьбе всех людей, населяющих

нашу страну. Ведь ни для кого не секрет, что фашисты намеревались физически уничтожить большую часть «неполноценного», по их меркам, населения СССР, а оставшихся обратить в рабов. Поэтому в ответ на террор, развязанный гитлеровцами на территории Советского Союза, в их тылу развернулась широкая партизанская и диверсионная деятельность.

Главная организующая роль в этой деятельности безусловно принадлежала советским спецслужбам. И, как видно из эпизодов, о которых шла речь в этой главе, они успешно справились с поставленными перед ними задачами. В результате оккупационные немецкие власти и представители военного командования не могли чувствовать себя в безопасности. И в то же время в тылу советских войск немцам практически не удалось организовать каких-либо серьезных диверсий или терактов.

Глава шестая

Ликвидации перебежчиков

Еще одним направлением проводимых за рубежом операций советских спецслужб была ликвидация так называемых невозвращенцев и предателей. Ни в коей мере не оправдывая с моральной точки зрения эту практику, хотим отметить, что такие крайние меры применялись в подавляющем большинстве случаев только к сотрудникам спецслужб. И связано это было с тем, что вред, который они наносили своим предательством, оборачивался не только разгромом агентурных сетей советской разведки, но и арестами и расстрелами агентов. Достаточно вспомнить, что предательство сотрудника ИНО ОГПУ Г. Агабекова привело к аресту более 400 человек, из которых четверо были казнены.

Понимая, что живущие за границей разведчики имеют возможность сравнивать уровень жизни в стране пребывания и в СССР, причем не в пользу последнего, руководство Советского Союза предпринимало многочисленные меры для того, чтобы побег был невозможен. Так, 8 июля 1934 года был принят закон, предусматривающий, что в случае бегства за рубеж военнослужащего репрессиям подвергались его родственники. Их выслали

в отдаленные районы Сибири даже при условии, что они не знали о намерении родственника бежать. Кроме того, сотрудникам разведки под расписку было объявлено о том, что если кто-либо не вернется в СССР, то его близкие будут лишены свободы сроком до 10 лет. При этом, если сбежавший выдал государственные тайны, его родственники могут быть расстреляны, а он сам подвергнется внесудебному преследованию в любой стране мира. Такая практика особенно активно применялась в 1920—40-х годах, хотя после предательства в 1945 году сотрудника ГРУ И. Гузенко Сталин отказался санкционировать его ликвидацию, заявив, что убийство перебежчика нанесет ущерб авторитету СССР.

После смерти Сталина такого рода операции были прекращены. (Во всяком случае о них ничего не известно.) Единственным исключением было похищение в 1975 году Н. Артамонова. Так что неоднократные заявления О. Гордиевского, В. Резуна и других предателей о том, что за ними «охотятся» советские и российские спецслужбы, можно считать чисто пропагандистским шагом с целью обратить на себя внимание западной публики.

Владимир Нестерович (Ярославский)

Одним из первых невозвращенцев, ликвидированных советскими спецслужбами за рубежом, стал сотрудник Разведупра РККА Владимир Нестерович, проходивший в кадрах военной разведки под фамилией Ярославский.

Владимир Степанович Нестерович родился в 1895 году в Белоруссии. Перед Первой мировой войной он работал слесарем в железнодорожных мастерских на станции Гомель, откуда в 1915 году был призван в армию. Во фронтовых окопах Нестерович проявил незаурядную личную храбрость и командирские способности, за что был произведен в офицеры. В 1916 году он окончил ускоренный

курс офицерского училища и вскоре получил чин штабс-капитана.

Восторженно приняв свержение царизма, Нестерович в 1917 году вступил в РСДРП(б), был избран членом солдатского комитета своего полка, а начиная с января 1918 года активно участвовал в Гражданской войне в рядах Красной Армии. В январе — сентябре 1918 года он командовал 1-м Московским революционным полком, в сентябре 1919 — июне 1920 года был командиром бригады 42-й стрелковой дивизии. Проявив себя как способный военачальник, он уже в феврале — августе 1920 года командовал 42-й стрелковой дивизией, а в сентябре-октябре 1920 года — 9-й кавалерийской дивизией. О том, как он воевал, можно судить по приказам о награждении его за бои в 1919 году орденом Красного Знамени и за бои в 1920 году почетным революционным оружием.

«ПРИКАЗ

РВСР № 132 от 16 марта 1920 г.

Награждается орденом Красного Знамени... командир 1-й бригады 42-й стрелковой дивизии тов. Нестерович Владимир Степанович за боевые отличия, выразившиеся в следующем: 7 июля 1919, когда 42-я стрелковая дивизия находилась в составе перешедшей в наступление на Белгород, Вайлуки Ударной группы 13-й и 8-й армий, 1-я бригада под командованием тов. Нестеровича, сбив сильного противника и находясь впереди других частей дивизии, лихим ударом заняла г. Новый Оскол, продвигаясь далее на юг. 20 августа 1919 г. тов. Нестерович во главе эскадрона выдвинулся вперед за пехотные части и налетом занял станцию Бибиково, несмотря на сопротивление пехоты и бронепоезда противника.

В тяжелых боях под г. Корочей 24—26 августа, когда переброшенная на фронт 42-й дивизии конница Шкуро окружала отдельные части, тесня превосходящими силами 42-ю и 12-ю дивизии, тов. Нестерович, попав в окружение противника с 371-м и 372-м полками, исключи-

тельной энергией, личной инициативой и искусным командованием вывел части из тяжелого положения с целым рядом опасных боев, сохранив всю материальную часть. В бою 4 октября 1919 под дер. Валова, когда наши части дрогнули под напором противника и стали отступать, тов. Нестерович на мотоцикле с небронированным автомобилем ворвался в линию цепей противника и сильным пулеметным огнем во фланг сбил его и увлек наши части в удачное контрнаступление. В первой половине октября при общем отступлении частей 13-й армии, когда 42-я стрелковая дивизия, выдвинувшись уступом вперед на левом фланге 13-й армии, имела влево более чем 100 верст прорыва до частей 8-й армии, Ударная группа силою около двух бригад под командованием тов. Нестеровича вела удачные бои, нанося удары во фланг и тыл зарвавшемуся противнику в направлении на город Ливны. В боях 7—12 октября той же операции под Навесное и Гатище тов. Нестерович, лично руководя частями, выехал на автомобиле с пулеметом во фланг противнику и, одновременно выслав обходную группу на другой фланг, захватил в плен у противника 45-линейное орудие в полной упряжке с зарядными ящиками и снарядами. Отходя параллельно отступлению всего фронта только по приказу вместе с другими частями дивизии, группа тов. Нестеровича в течение октября приковывала к себе главные силы противника, облегчая положение соседей, и за указанный период взяла в плен у противника 45-линейное орудие, 4 пулемета, более 300 пленных, из коих 3 офицера, 352 винтовки, много обоза, снарядов и патронов. В боях на подступах к городу Ельцу, имея в тылу бронепоезд противника и обнаженный правый фланг, 1-я бригада форсировала реку Большая Чернава, отбросив превосходные силы противника; причем 20 октября под личным руководством тов. Нестеровича была взята служившая ключом позиции противника сл. Чернава, а оборонявшая ее в числе других частей офицерская рота 2-го Марковского полка прижата к реке и целиком перебита ввиду отказа сдаться в плен.

3 ноября при переходе всей армии в наступление части 1-й бригады под личным управлением тов. Нестеровича, опять-таки не имея связи с правым соседом — 3-й дивизией, отставшей более чем на 20 верст, уступом назад двинулись во фланг противнику, прошли более 25 верст от линии реки Большой Чернавы к городу Ливны, последовательно сбивая с подступа к городу упорно оборонявшегося противника и разбив наголову у самого города 1-й и 2-й Марковские полки, штурмом заняли город, захватив 375 пленных с офицерами, 10 пулеметов, много артиллерийских запасных частей и другого имущества.

5 декабря 1919, когда противник в составе корпуса генерала Мамонтова до 1000 сабель прорвал стык 42-й и 9-й дивизий, неожиданно подошел к городу Новому Осколу, грозя ликвидировать всю удачную операцию дивизии и отрезать находившиеся в это время на линии Волоконовка, т. е. в 35 верстах южнее города Нового Оскола, части 3-й бригады 42-й дивизии, тов. Нестерович, командуя 1-й бригадой, находившейся в диврезерве, сумел с поразительной быстротой искусно ввести в бой свои части и остановил врага в 4-6 верстах от города. Перейдя в контрнаступление и личным примером увлекая части, сбил противника, далеко погнав его в южном направлении, и подставил его под удар 6-й кавдивизии Конармии, разбившей белых наголову обходом с тыла у Волоконовки»¹.

«ПРИКАЗ

РВСР № 4 от 5 января 1921 г.

Награждается Почетным революционным оружием бывший комбриг-124 42-й стрелковой дивизии, ныне начальник той же дивизии, тов. Нестерович Владимир Степанович за отличие, вызвавшееся в следующем: в бою 7 июня 1920 тов. Нестерович, будучи комбригом-124, получил задачу выбить из с. Перво-Константиновка противника, прорвавшего нашу укрепленную позицию севернее Перекопа и овладевшего указанным селением. Названный товарищ с присущей ему храброс-

тью и мужеством лично повел в наступление свои части, которые под руководством своего доблестного командира после ожесточенного боя с превосходными силами противника, введшего в бой большое количество артиллерии, танки и бронемашин, ворвались в названное селение, сбили неприятеля, взяв при этом пленных и один танк. Далее тов. Нестерович, понимая серьезность задачи, все время находился в цепи под ружейным и артиллерийским огнем неприятеля, отдавая лично приказания, в результате чего вверенные ему части не только выбили противника из названного селения, но, сдержав таким образом натиск врага, вынудили его оттянуть часть своих сил, направленных на соседнюю справа дивизию, чем было облегчено положение на фронте. В бою 11 июня у с. Аскания-Нова тов. Нестерович, командуя группой (124-я и 154-я бригады), лично руководил наступлением своих частей на это селение и во главе 42-го кавполка одним из первых ворвался в него, захватив при этом пленных. Благодаря личной храбрости и умелому руководству части тов. Нестерович не только взял с. Аскания-Нова, но в течение дня удерживал его в своих руках, чем вынудил противника подтянуть резервы для новой контратаки².

Впрочем, сам Нестерович, вспоминая об этом времени, говорил: «Порой мне казалось, что я команду гусарами Михельсона, усмиряющими крестьянское восстание Пугачева. С той только разницей, что теперь с обеих сторон бессмысленный бунт»³.

После Гражданской войны Нестерович окончил военную академию и был направлен на работу в Разведупр РККА. В 1923 году его назначили резидентом в Вену, где он находился под фамилией Ярославский и занимался координацией работы по балканским странам. Поворотным пунктом в его работе в советской военной разведке стал взрыв в кафедральном соборе в Софии, организованный членами Болгарской коммунистической партии при поддержке Коминтерна.

Целью взрыва, произошедшего 16 апреля 1925 года,

было убийство главы болгарского правительства Александра Цанкова, пришедшего к власти в результате военного переворота 9 июня 1923 года, и членов его кабинета. После ликвидации членов правительства, по замыслу организаторов этого теракта, должны были начаться рабочие вооруженные выступления, неизбежно перерастающие в коммунистическую революцию. Но вся эта безумная затея с треском провалилась. Хотя бомба взорвалась во время службы и погибло около 150 человек, ни Цанков, ни его министры не пострадали. А в результате все непосредственные участники покушения были казнены и на коммунистов обрушился шквал репрессий.

Нестерович, прекрасно осведомленный об истинных причинах и руководителях взрыва, решил порвать с Разведупром и, покинув свой пост в Вене, выехал в Германию. Прибыв в Берлин, он отправился к французскому консулу и предложил ему некую информацию в обмен на предоставление французского паспорта и беспрепятственного проезда во Францию. Кроме того, опасаясь возможных провокаций со стороны бывших сослуживцев, он просил в случае крайней необходимости зачислить его в Иностранный легион. Выслушав Нестеровича, консул направил его в город Майнц, где располагались части французской оккупационной армии, в казармах которых он и поселился до принятия французами окончательного решения.

Однако вскоре после побега Нестеровича в ОГПУ поступило донесение, в котором говорилось, что, находясь в Германии, он связался с представителями английской разведки. Это обстоятельство крайне обеспокоило советское руководство. В результате начальник ИНО ОГПУ Трилиссер отдал приказ о ликвидации Нестеровича. И уже 6 августа 1925 года Нестерович был отравлен в одном из кафе Майнца, расположенного недалеко от казарм, где он проживал. Отравили его, подмешав яд в пиво, работники военного аппарата Германской коммунистической партии братья Голке.

О ликвидации Нестеровича косвенным образом свидетельствуют документы, опубликованные в 20-е годы неким Михаилом Георгиевичем Сумароковым, известным также как Якшин и Павловский. Этот человек работал в советском полпредстве в Берлине и 1 августа 1924 года стал невозвращенцем. Настоящее его имя — Петр Михайлович Карпов. Он родился в 1896 году в Петербурге. После своего бегства Сумароков утверждал, что до революции он был членом партии эсеров, а после революции служил в органах ВЧК, в частности на Украине. Позднее якобы он был послан под видом дипломата на зарубежную работу. Сразу заметим, что никаких следов службы Сумарокова на Украине до сих пор ни в московских, ни в украинских архивах не обнаружено, и должности, которые он приписывает себе, занимали совершенно другие люди.

После того как Сумароков стал невозвращенцем, он быстро сблизился со знаменитым антикоммунистом, руководителем целой организации по изготовлению фальшивых документов Владимиром Григорьевичем Орловым и стал деятельным сотрудником его организации. Документы, которые мы привели, помечены 1925 годом, тогда как Сумароков бежал за год до этого. Скорее всего, эти документы являются апокрифом, а вернее, полуапокрифом. Так, во втором документе странным образом переплетены правда и ложь — утверждается, что Сидней Рейли не был убит в перестрелке на границе, а схвачен чекистами (что противоречило официальной советской версии, но являлось правдой), но с другой стороны, утверждается, что он был тяжело ранен, что является абсолютной ложью. Скорее всего, эти «документы» были плодом коллективного творчества Орлова, Сумарокова и их коллег, превративших публикацию антикоммунистических фальшивок в доходный бизнес.

Однако любая фальшивка должна нести в себе зерна правдивой информации, чтобы ей поверили. Поэтому мы посчитали возможным привести эти документы, но в

слегка измененном виде. В первоисточнике фамилии и названия некоторых городов даны в зашифрованном виде, но рядом приводится их расшифровка, сделанная публикаторами, то есть Орловым и Сумароковым.

«Сов. секретно
Письмо лит. «ПЛ»
29 августа 1925 г.

Уважаемый товарищ

Ваше сообщение об исполнении поручения в Майнце получили. Необходимо устранить свидетелей. Особенно дочь владельца ресторана.

Нами установлено, что Ярославский имел связи с каким-то англичанином, приехавшим из Америки в Париж, и к нему он и порывался ехать.

Об установлении его личности нами сообщено в Париж.

Требовать от французских товарищей возвращения излишков не следует.

С комприветом М. Трилиссер».

«Сов. секретно
Письмо лит. «ПЛ»
1 октября 1925 г.

Уважаемый товарищ

29 сентября с. г. во время перехода границы б[ыл] задержан англичанин Сидней Георгиевич Рейли, проникший в Ленинград из Финляндии под подложным паспортом Николая Михайловича Штейнберга; его два товарища во время перестрелки были убиты. Рейли тяжело ранен.

При расследовании оказалось, что Ярославский находился с Рейли в давних тайных отношениях, и Ярославский поручил ему вывезти его ценности, спрятанные в Ленинграде. Рейли с этими ценностями и был захвачен.

Необходимо установить:

1. Когда начались связи Ярославского с Рейли.
 2. Через кого и где осуществлялись связи.
 3. Что мог Ярославский в Вене, Берлине или Москве сообщить англичанам и американцам через Рейли.
 4. Кто были спутники Рейли и какое они имели отношение к Ярославскому.
 5. Обследовать и выяснить план действий и связи Рейли, жены Сиднея Рейли.
- Поручаем настоящую задачу выполнить вне очереди.

С комприветом М. Трилиссер»⁴.

Игнатий Дзевалтовский

Судьба Игнатия Дзевалтовского во многом схожа с судьбой Владимира Нестеровича. Оба они участвовали в боях Первой мировой войны, оба после революции встали на сторону большевиков, оба находились на нелегальной работе за границей, оба стали невозвращенцами и оба погибли при неясных обстоятельствах.

Игнаций Людвигович-Марианович Дзевалтовский-Гинтовт, он же Дзевалтовский, Юрин-Дзевалтовский, Игнатий Львович Юрин, Игнаций Гинтовт-Дзевалтовский, Игнатий Львович Дзевалтовский родился 14 июля 1888 года в городке Плекишк Виленского уезда в дворянской семье. Он окончил реальное училище, два курса Политехнического института, четыре курса естественно-го факультета Психоневрологического института, после чего занялся педагогической деятельностью. В это же время он, как и многие другие представители интеллигенции, увлекся учением Маркса и с 1903 года активно включился в революционное движение в Литве, Латвии, Польше и Петербурге. А в 1907 году он становится членом ППС, фракции Пилсудского.

В 1907—1908 годах Дзевалтовский продолжил обучение в Австро-Венгрии, но перед началом Первой мировой войны вернулся в Россию и 29 сентября 1914 года

был зачислен в Павловское военное училище юнкером на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. По окончании ускоренного 4-месячного курса военного времени он 1 февраля 1915 года был произведен в прапорщики лейб-гвардии Гренадерского полка и продолжил службу в запасном батальоне этого же полка. А в августе 1915 года был направлен в действующую армию командиром 14-й роты.

В боях Дзевалтовский проявил себя храбрым офицером и поэтому в марте 1917 года, будучи штабс-капитаном, был избран председателем полкового комитета и членом армейского комитета 11-й армии. В апреле 1917 года он вступил в РСДРП(б) и до июля был председателем солдатского комитета запасного батальона Гренадерского полка. В июле 1917 года за отказ идти в наступление Дзевалтовский был отдан под суд, но в конце концов оправдан.

Октябрьская революция застаёт Дзевалтовского в Петрограде. Он принимал активное участие во взятии Зимнего дворца, а 26 октября 1917 года был назначен комиссаром (комендантом) Зимнего дворца. Впрочем, в то время на одной должности долго не засиживались. Не был исключением и Дзевалтовский. Так, с 27 октября он — один из 4 комиссаров ВРК в штабе Петроградского военного округа. С 1 ноября 1917 года — член штаба ВРК. С ноября 1917 года — член ВЦИК. С 16 ноября 1917 по 7 октября 1919 года — главный комиссар военно-учебных заведений Республики. Одновременно с 24 июня 1918 года по 13 мая 1919 года он был военным комиссаром Всероссийского Главного штаба, а с 25 декабря 1918 года — председателем центральной временной комиссии по борьбе с дезертирством.

Затем судьба забросила Дзевалтовского на Украину. Он был членом РВС 12-й армии, затем заместителем наркома по военным делам Украины, а с 6 августа 1919 года — наркомом по военным делам Украины. В октябре 1919 года Дзевалтовский был назначен помощником командующего Восточным фронтом. А когда была

образована Дальневосточная республика (ДВР), временно исполнял должность ее военного министра.

Однако летом 1920 года карьера Дзевалтовского резко меняется. Он переходит на дипломатическую работу, и с июня 1920 года по ноябрь 1921 года под фамилией Юрин находится в Пекине во главе дипломатической миссии ДВР. После возвращения из Китая он был назначен наркомом иностранных дел Дальневосточной республики, но пробыл на этом посту всего около года. В 1922—23 году он — уполномоченный Наркомата рабоче-крестьянской инспекции в Ростове, а затем с августа 1923-го по январь 1924 года — заместитель председателя общества «Добролет».

В мае 1924 года Дзевалтовского направляют на работу в Коминтерн, что было, в общем-то, неудивительно, учитывая его национальность и знание иностранных языков. Почти сразу же его командировали в Вену, откуда велась вся работа на Балканах. Как нам удалось точно установить, в это время он работал под псевдонимом «Мариан» и принимал самое активное участие в подготовке коммунистической революции в Болгарии. Об этом свидетельствуют его доклады из Болгарии, хранящиеся в Москве в Российском Центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) в фонде Коминтерна, а также информация о «Мариане» в болгарском издании «Сочинений» Димитрова.

В конце 1924 года Дзевалтовского из Болгарии направляют в Грецию, после чего его следы теряются. В Греции он так и не появился. Впрочем, существует документ, опубликованный уже упоминавшимся нами Сумароковым, из которого следует, что Дзевалтовский стал невозвращенцем и попросил защиты у польских властей.

«Сов. секретно

Письмо лит. «ПК»

2 ноября 1925 года

Уважаемый товарищ

В марте месяце с/г был командирован в Прибалтику т. Дзевалтовский, который бежал в Польшу и был укрыт польскими властями. Последние широко пользуются его

Первые жертвы спецопераций:



Турецкий авантюрист Энвер-паша, бывший военный министр Турции



Атаман А. И. Дутов, генерал-лейтенант, атаман Оренбургского казачества



Генерал В. Л. Покровский (слева), убит в Болгарии в 1922 г., и руководивший его убийством чекист С. Г. Фирин (фото справа)



Командующий отдельной
Семиреченской армией
Б. В. Анненков



Б. В. Анненков (слева) и Н. А. Денисов перед
судом



П. Н. Врангель –
предполагаемая жертва ОГПУ



Генерал А. П. Кутепов, глава РОВС –
погиб в ходе попытки похищения в
Париже в 1930 г.

Лидеры украинских националистов – жертвы спецопераций:



Лидер ОУН С. Бандера



Конкурент С. Бандеры, один из лидеров ОУН Л. Ребет



Генерал Ю. Тютюнник – руководитель антибольшевистского движения в начале 20-х годов



С. Петлюра



А. Шумский – видный украинский коммунист, обвиненный в национализме, – одна из жертв спецопераций



Бесследно исчезла в США порвавшая с советской разведкой Ж. С. Пойнтц



И. Рейсс (И. Порецкий) – советский разведчик, ставший невозвращенцем и убитый чекистами

Чекисты – организаторы «ликвидаций» в 1937–1938 гг.



Заместитель
начальника ИНО НКВД
С. Шпигельглаз



А. Коротков –
организатор убийства
Агабекова и Клементя



Б. Афанасьев – один
из убийц И. Рейсса



В. Правдин – один из
убийц И. Рейсса



В.С. Гражуль – сотрудник
НКВД, участник похищения
генерала Е. Миллера



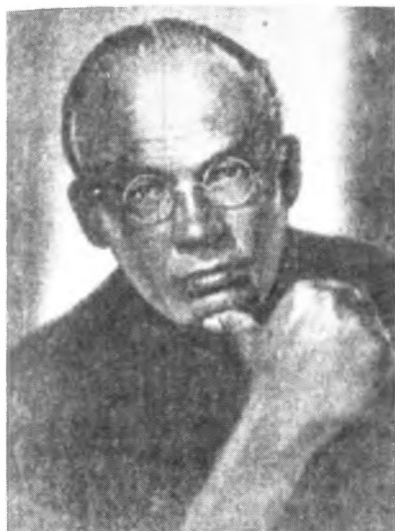
Г. Шильдбах,
подруга И. Рейсса,
заманившая его
в ловушку



С. Эфрон и его жена
М. Цветаева.
С. Эфрон являлся агентом
НКВД и подозревался в
участии в убийстве И. Рейсса



Супруги генерал Н. В. Скоблин и певица Н. В. Плевацкая, агенты ИНО НКВД



Иван Солоневич – философ, жертва покушения НКВД в Болгарии



Вилли Мюнценберг, видный коммунист, порвавший со Сталиным. Его гибель до сих пор остается загадкой



Жертвы «чисток» НКВД в период гражданской войны в Испании
Андреас Нин (слева) и Марк Рейн (справа)



Чекисты, участвовавшие в ликвидации Л. Троцкого



Н. Эйтингон



Убийца Троцкого Р. Меркадер



Л. Василевский



И. Григулевич



Лев Троцкий



Предполагаемые участники убийства Троцкого американец Джордж Минк (слева) и итальянец Витторио Видали (справа)



Сын Троцкого
Лев Седов



Их ближайший соратник, агент
НКВД, польский коммунист Марк
Зборовский



Секретарь Троцкого Рудольф
Клемент



В годы войны спецоперации в основном проводило 4-е управление НКВД. Руководитель 4-го управления П. Судоплатов (третий слева) и его соратники



И. Миклашевский, участник предполагавшегося покушения на Гитлера



Г. И. Мордвинов, участник
покушения на фон Папена в Турции



Э. С. Куцин, резидент 4-го
управления в Минске



Я. И. Серебрянский –
организатор похищения
Кутепова, один из
руководителей партизанского
движения в годы войны



Знаменитый Н. И. Кузнецов, лик-
видировавший многих руководи-
телей немецкой администрации
на Украине



Самую знаменитую акцию – убийство В. Кубе – совершили сотрудницы ГРУ
Е. Г. Мазанник (слева) и М. П. Осипова (справа)



КГБ проводило операции против лидеров НТС.
А. Р. Трушнович – жертва похищения



Николай Хохлов
(справа) и его
предполагавшаяся
жертва Георгий
Околович

Николай Хохлов
(слева) дает
интервью после
неудачного
покушения на
Околовича





Otto John, ehemals Präsident des Verfassungsschutzes. Er bekommt 4120 DM monatlich Unterstützung

Отто Ион, руководитель западногерманской разведки, был «выведен» КГБ на территорию ГДР



Ян Масарик – министр иностранных дел Чехословакии. Предполагаемая жертва МГБ

THE KABUL TIMES



Одна из последних жертв спецопераций – Амин

сведениями и провалива[ю]т наших ответственных работников. Дзевалтовский с собой захватил 300.000 червонцев.

Ввиду того, что Дзевалтовский предложил свои услуги французам и может проехать через Германию, надлежит принять меры для задержания его в Германии впредь до особого распоряжения.

С комприветом М. Трилиссер»⁵.

Как и в случае с Нестеровичем, мы не вполне уверены в подлинности этого документа. Однако в ноябре 1925 года, ровно через год после исчезновения Дзевалтовского, в ряде эмигрантских газет появилась информация, что он обратился к польским властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища. В фонде Бурцева, хранящемся в ГАРФе, нам попала запись относительно Дзевалтовского. По информации Бурцева, он был отравлен женщиной-агентом, подосланной ИНО ОГПУ. Трудно сказать, насколько это соответствует действительности.

Однако несомненно то, что Дзевалтовский был связан по работе в Вене с Нестеровичем. Также несомненно, что в его биографии было много сомнительных эпизодов. Первый — это то, что до революции он состоял в той фракции Польской партии социалистов, которой руководил Пилсудский. Второй — в 1918 году его жена была арестована в Москве за то, что вербовала офицеров для отправки их на Юг к Корнилову. Третий — будучи руководителем военно-учебных заведений республики, Дзевалтовский оказался замешанным в разоблаченных чекистами заговорщических организациях белых офицеров «Тактический центр», «Национальный центр» и других. Поэтому версия об отравлении Дзевалтовского по приказу Трилиссера выглядит вполне обоснованной, особенно если учесть, что он очень много знал о деятельности советских спецслужб и Коминтерна на Балканах по подготовке вооруженных выступлений местных коммунистов.

Георгий Агабеков

Еще одним кадровым сотрудником советской разведки, ставшим невозвращенцем, а позднее и предателем; был работник ИНО ОГПУ Георгий Агабеков. Своим предательством он нанес агентурной сети ОГПУ огромный ущерб. И поэтому неудивительно, что вскоре за ним началась настоящая охота.

Георгий Сергеевич Агабеков (настоящая фамилия Арутюнов) родился в 1895 году в Ашхабаде. Перед Первой мировой войной он учился в Ташкентской гимназии, но с началом военных действий в 1914 году был мобилизован в армию и до октября 1916 года воевал на фронте. Потом он был направлен в Ташкентскую школу прапорщиков, после окончания которой служил командиром взвода и переводчиком с турецкого языка при штабе 46-го полка Румынского фронта. С началом революции Агабеков покинул армию, а в марте 1918 года в Одессе вступил в отряд Красной гвардии.

С 1918 по 1920 год Агабеков служил в Красной Армии. Воевал в Туркестане, где командовал частями Красной гвардии, а затем в Сибири против армии Колчака. В 1920 году он вступил в ряды РКП(б) (партийный билет № 539303) и был назначен командиром батальона войск внутренней службы в Екатеринбурге. В том же 1920 году Агабекова переводят в ЧК Екатеринбурга, где он занимает должность помощника уполномоченного по борьбе с контрреволюцией и ведает секретной агентурой.

С 1922 года, учитывая знание Агабековым персидского языка, его переводят в ЧК Туркестанского фронта, а затем в контрразведывательный отдел ТуркГПУ, где он занимался проблемами Средней Азии и Афганистана. В 1922 году он был направлен в Бухару в качестве начальника агентуры. Там он наладил дело таким образом, что в его руки попал весь разведывательный аппарат бухарского штаба. Его активность и способности были замечены руководством. В результате в 1924 году Агабеков был переведен в центральный аппарат ИНО ОГПУ и в апре-

ле того же года командировается в Кабул. В Афганистане он работал под прикрытием должности помощника заведующего бюро печати посольства, одновременно считаясь уполномоченным советского торгпредства по кабульскому району.

В конце 1926 года Агабекова назначают резидентом ИНО ОГПУ в Тегеран. Там он добился больших успехов в приобретении шифров и перехвате корреспонденции аккредитованных в Иране консулов иностранных государств. Кроме того, он успешно организует возвращение из Афганистана и Персии беженцев, вербует в качестве агентов русских эмигрантов, подкупает вождей белуджских и курдских племен с целью вооруженного выступления против Англии ввиду предполагаемой войны Великобритании с СССР. Но были у него и провалы. Так, несмотря на все усилия, ему не удалось задержать и доставить обратно в СССР бежавшего в Иран в январе 1928 года бывшего секретаря Сталина Бориса Бажанова.

В апреле 1928 года Агабеков возвращается в Москву и назначается начальником сектора по Ближнему и Среднему Востоку ИНО ОГПУ. Назначение на столь высокий пост свидетельствовало о доверии к нему не только со стороны ОГПУ, но и высшего руководства страны. На этой должности он остается до октября 1929 года. А затем его направляют нелегальным резидентом в Турцию на место арестованного за связь с Троцким и позднее расстрелянного Я. Блюмкина. 27 октября 1929 года на пароходе «Чичерин» он прибыл в Стамбул с документами на имя армянского коммерсанта Нерсеса Овсепяна.

В сферу его будущей деятельности, помимо самой Турции, входили Сирия, Палестина и Египет. Кроме того, перед ним стояла задача не только организовать сбор интересующей советскую разведку информации, но и разработать планы антибританской деятельности на Ближнем Востоке.

Но к тому времени, по утверждению самого Агабекова, его отношение к Советской власти кардинально ме-

няется. И осенью 1929 года он принимает решение не возвращаться в СССР. В конце января 1930 года Агабеков обращается к английским властям в Стамбуле с просьбой предоставить ему политическое убежище. Явившись к военному атташе британского посольства, он сообщил свое настоящее имя и должность и пообещал предоставить всю известную информацию о советской разведке. Военный атташе внимательно выслушал Агабекова и пообещал передать его предложения заинтересованным лицам. Выждав несколько недель, Агабеков повторил свое предложение, на этот раз сотруднику английского консульства в Стамбуле Роджерсу, и вновь без особого успеха. И только в мае 1930 года англичане попросили его написать автобиографию, приложив к ней свой послужной список. Агабеков незамедлительно представил требуемые бумаги, в конце которых приписал:

«По причинам личного характера я не намерен возвращаться в Россию. Обращаясь к вам, я снова подтверждаю, что готов выехать в Лондон или в любое другое место, которое вы установите, для окончательных переговоров. Если же в конечном счете выяснится, что вы не заинтересованы в моих услугах, я буду просить только оплатить мне расходы по переезду. Остаюсь в ожидании ответа.

Н. Овсепян»⁶.

Тут необходимо остановиться на причинах личного характера, о которых упоминает Агабеков. Дело в том, что все же настоящей причиной предательства Агабекова была, как это ни удивительно, любовь. Нелегальный резидент ИНО, как мальчишка, влюбился в 20-летнюю англичанку Изабел Стритер, у которой брал уроки английского языка. Роман, начавшийся как легкий флирт, вскоре стал единственным смыслом его жизни. Родители Изабел, пришедшие в ужас от ее выбора, отправили дочь во Францию. Но Агабеков последовал за ней, и ценой предательства добился своего — в ноябре 1930 года они поженились. Забегая вперед, скажем, что их

бурная любовь вскоре угасла. В апреле 1936 года они разошлись, и Изабел, вернув себе девичью фамилию, уехала в Англию. В 50-е годы она работала стенографисткой то в парламенте, то в британских посольствах за границей. Умерла Изабел Стритер в возрасте 62 лет 27 ноября 1971 года в Нью-Йорке, где служила в английской миссии ООН.

Получив от Агабекова требуемые бумаги, англичане так и не могли решить, кто перед ними — провокатор или настоящий перебежчик. Тем временем, как уже говорилось, родители отправили Изабел во Францию. Тогда потерявший голову Агабеков 19 июня 1930 года на пароходе «Тадла» отправляется из Стамбула в Марсель, а оттуда в Париж, где открыто порывает с советской разведкой и делает соответствующие заявления в эмигрантской и французской прессе.

«До настоящего времени работал честно и преданно для Советской России, — писал он сразу после бегства в одной из эмигрантских газет Парижа. — В последние два года я стал замечать, что революционный энтузиазм в СССР стал переходить среди коммунистических низов в подхалимство и бюрократизм, вырождаясь в заботу о сохранении своих мест и боязни лишиться куска хлеба. Среди коммунистических верхов вопрос о революции свелся к борьбе за портфели.

В то время как эта привилегированная группа варится в собственном соку и, бросая революционные фразы о свободе и пр., на самом деле душил всякое проявление свободы — в это время рабочий класс приносит колоссальные материальные и моральные жертвы для осуществления преступно-фантастической пятилетки и физически истребляется, а крестьянство загоняется в колхозы и разоряется дотла, ибо, фактически разрушая индивидуальное хозяйство, сталинское правительство не дает взамен ничего. Результаты этого — перманентный голод в такой аграрной стране, как Россия. В области внешней политики — лживые революционные призывы к рабочим Запада. Одновременно с провозглаше-

нием лозунга «освобождение угнетенного Востока» сталинское правительство ведет империалистическую политику в Китае, Персии, Афганистане и на всем Ближнем Востоке, что я докажу фактами в своей готовящейся к печати книге.

В области торговли я считаю преступным при наличии фактического голода в России вывоз из СССР продуктов и трату вырученных денег на заполнение карманов совчиновников и поддержку компартий других стран.

С режимом, создающим невыносимую жизнь громадному стопятидесятиmillionному народу СССР и властвующим силой штыков, несознательности армии и неорганизованности классов рабочих и крестьян, — я обещаю отныне бороться.

Я имею сотни честных друзей-коммунистов, сотрудников ОГПУ, которые так же мыслят, как и я, но, боясь мести за рубежом СССР, не рискуют совершить то, что делаю я.

Я — первый из них, и пусть я послужу примером всем остальным честным моим товарищам, мысль которых еще окончательно не заедена демагогией нынешнего ЦК.

Я зову вас на борьбу за подлинную, реальную, настоящую свободу!»?

Став невозвращенцем, Агабеков рассчитывал заработать на жизнь публикацией своих мемуаров. И действительно, в сентябре 1929 года они были опубликованы под названием «ОГПУ» в парижской эмигрантской газете «Последние новости». А в 1931 году мемуары Агабекова вышли отдельной книгой на английском языке в Нью-Йорке и назывались «ОГПУ: русский секретный террор». Вскоре после этого вышел и русский оригинал книги, подготовленный к печати при помощи русских эмигрантов, проживающих в Берлине.

Появление книги Агабекова для очень многих обернулось трагедией. Так, в Иране она вызвала переполох. Дело закончилось тем, что в июле — августе 1932 года власти арестовали более 400 человек (250 в Тегеране,

130 — в Хорасане, 50 — в Западном Азербайджане). Четверо из них были расстреляны, а 27 приговорены к тюремному заключению. А до этого, 1 июля 1931 года, был принят «Закон о наказании лиц, занимающихся деятельностью, направленной против безопасности и независимости страны», наказания по которому предусматривали осуждение на срок от 3 до 15 лет и смертную казнь. Результатом этих действий властей стал разгром в Иране просоветского коммунистического и национально-освободительного движения. Другим важнейшим последствием выхода в свет мемуаров Агабекова стало то, что доверие правящего в то время Реза-шаха Пехлеви к СССР было подорвано, и со стороны Ирана были приложены немалые усилия к тому, чтобы по возможности в наибольшей степени сократить сотрудничество с Советским Союзом. Кроме того, за всеми сотрудниками советского посольства в Иране был установлен жесткий контроль, что очень затрудняло работу резидентур ИНО ОГПУ и Разведупра РККА. И это только в одном Иране. А ведь не следует забывать, что Агабеков сдал всю известную ему агентурную сеть не только в Иране, но и на всем Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Думается, нелишне будет привести здесь заметку «Агабеков», опубликованную в парижской эмигрантской газете «Возрождение» под рубрикой «Письмо в редакцию». Автор заметки — Г. Львов, в прошлом глава двух кабинетов Временного правительства:

«Милостивый государь, господин редактор! Два дня назад я получил от своего приятеля, живущего в Персии, человека с большим положением в прошлом и безупречной репутацией, письмо, содержащее характеристику личности Агабекова. Вот выдержка, касающаяся этого человека:

«В последних номерах «Возрождения» и «Последних новостей» много пишут об Агабекове... Этот мерзавец теперь перебежал к эмиграции и выпускает книгу на русском, французском, английском и персидском языках о деятельности большевиков на Востоке и в Персии.

Агабеков большой негодяй, и ему никто не должен верить. В Персии хорошо знают этого мерзавца, потому очень интересуются его книгой. В Тегеране он гордо заявил, что собственноручно расстрелял не менее 50 человек».

Узнав о предательстве Агабекова, в ИНО ОГПУ незамедлительно начали принимать контрмеры. Уже 2 июля 1930 года во все резидентуры были разосланы шифротелеграммы с перечнем оперативных сотрудников и агентов, которых было необходимо отозвать в Москву или временно заморозить их деятельность. И тогда же было принято решение о незамедлительной ликвидации предателя.

Вначале с этой целью в Париж выехали сотрудники Особой группы во главе с Серебрянским. Потом такое же задание получил нелегальный резидент ИНО в Италии Е. Мицкевич. Но с наскока убрать Агабекова не удалось, и в 1931 году ОГПУ была разработана операция «Филомена», имевшая целью заманить его в Болгарию, там похитить и доставить в СССР.

При осуществлении этого плана было решено использовать советского эмигранта греческого происхождения Нестора Филию, который стремился вывезти из СССР свою жену Евдокию и дочь Анну, оставшихся в городе Николаеве. Пытаясь найти людей, которые могли бы помочь ему, Филия познакомился с неким французским инженером А. Лекоком и уроженцем Одессы греком Ж. Паниотисом, оказавшимся агентом ОГПУ. Узнав о том, что жена Филии имеет в одном из женеvских банков счет на 100 миллионов франков, Паниотис рассказал об этом другому агенту ОГПУ в Париже, С. Минцу.

Убедившись, что счет мадам Филия в Женеве не фикция, они сообщили об этом в Москву, где решили использовать сложившуюся ситуацию для похищения Агабекова. Предполагалось, убедив его в подлинности истории Нестора Филии, предложить ему как бывшему работнику ОГПУ организовать за приличную плату побег двух женщин из СССР, заманить в ловушку и вывез-

ти в Москву. Паниотис и Минц привлекли к операции своего знакомого англичанина Стопфорда, который в конце сентября 1931 года встретился с Агабековым и сначала попросил только совета — как добыть заграничные паспорта в Москве. Но уже спустя несколько дней он предложил Агабекову самому организовать выезд двух женщин из России, разумеется, за соответствующее вознаграждение. В середине октября в Брюсселе состоялась еще одна встреча Агабекова со Стопфордом и другим агентом ОГПУ, действовавшим в Швейцарии под псевдонимом Отто Эгер. Последний якобы должен был финансировать операцию.

Месяц спустя Агабеков выехал в Болгарию. По дороге он нанес ОГПУ целый ряд ощутимых ударов. Так, будучи в Вене, он задержался на 10 дней, дав показания австрийской полиции по так называемому «Делу Земмельмана» (о нем мы расскажем отдельно). Кроме того, он назвал имя резидента ИНО в Вене Михаила Горба, работавшего под прикрытием атташе по печати в советском полпредстве в Вене, и его помощника Игоря Лебединского, занимающего должность заведующего паспортным отделом. Но по прибытии в Софию его вызвал к себе шеф болгарской полиции Прелявский, который заявил, что в интересах самого Агабекова немедленно покинуть Болгарию, не заезжая в Варну — конечный пункт его путешествия. В результате Агабекову ничего не оставалось, кроме как вернуться в Брюссель.

Однако в ОГПУ решили не отказываться от намеченного плана, заменив Варну румынским портом Констанца. Но на этот раз Агабеков заподозрил неладное и поставил в известность о предложении Филии своих покровителей из западных спецслужб, после чего 23 декабря выехал из Брюсселя в Бухарест. В это время ОГПУ тщательно готовилось к похищению. В Марселе было зафрахтовано греческое судно «Елена Филомена» с командой в 20 человек, из которых семерых сразу же заменили агентами ОГПУ. Капитаном судна был грек Катаподис. С ним находилась и его «невеста» — немка по фамилии Гаублер.

В конце декабря 1931 года Агабеков одновременно с Лекком прибыл в Констанцу. Здесь Леккок представил предполагаемой жертве еще одного компаньона — болгарина. На самом деле это был советский разведчик, резидент нелегальной резидентуры в Турции Г. Цончев, действовавший под прикрытием владельца фирмы «Цончев-Герон». Но Агабеков уже не сомневался, что все дело Филии — провокация советской разведки с целью его похищения.

9 января 1932 года в Констанцу прибыла «Филомена». На ее борту находился агент ОГПУ Г. Алексеев, которому была отведена роль исполнителя похищения или, в зависимости от обстоятельств, убийства. Однако в течение следующих двух дней заманить Агабекова на борт судна не удалось. Румынская секретная служба, установившая постоянное наблюдение за Агабековым с момента пересечения им границы, вечером 11 января задержала с поличным Алексеева возле ресторана «Юбилейный», когда тот пытался застрелить Агабекова. «Филомена» была конфискована, ее команда во главе с капитаном арестована, также были задержаны Цончев и Леккок. Кроме того, во время следствия были разоблачены еще несколько советских агентов в Бухаресте, Стамбуле и некоторых других европейских столицах.

Разумеется, после очередного провала почти всей агентуры ОГПУ на Балканах и продолжающихся публичных разоблачений оставлять безнаказанным Агабекова с точки зрения руководства страны и ОГПУ было нельзя. Поэтому охота за ним не прекращалась и длилась еще девять лет, закончившись только весной 1938 года его смертью. Понимая, что над ним нависла угроза неминуемой смерти, Агабеков в сентябре 1936 года еще раз попытался круто изменить свою судьбу и отправил советским властям письмо, заканчивающееся следующими словами:

«Моим единственным желанием сейчас является хоть немного умалить тот вред, который я нанес советской власти своим предательством. Этим документом я, види-

мо, отдаю себя вполне сознательно на Ваше усмотрение, и как бы суров ни был Ваш приговор, я ему подчинюсь беспрекословно. Но я просил бы только одного, это умереть на работе. Умереть с сознанием, что я принес хоть какую-нибудь пользу своей Власти и своей Родине».

Однако это послание осталось без ответа. Что же касается обстоятельств смерти Агабекова, то они до сих пор точно не известны. По версии, распространенной на Западе, он был заманен агентом НКВД Зелинским на франко-испанскую границу под предлогом выгодной перепродажи вывозимых из Испании произведений искусства. Попавшись на удочку, он во время одной из ходок через границу был сброшен в пропасть. Но по версии Судоплатова Агабеков был убит в Париже. Вот что он пишет по этому поводу в своей книге «Разведка и Кремль»:

«Сообщалось, что Агабеков исчез в Пиренеях на границе с Испанией. Но это не так. На самом деле его ликвидировали в Париже, заманив на явочную квартиру, где он должен был договориться о тайной сделке по вывозу бриллиантов, жемчуга и драгоценных металлов, принадлежащих богатой армянской семье. Армянин, которого он встретил в Антверпене, был подставкой. Он-то и заманил Агабекова на явочную квартиру, сыграв на национальных чувствах. Там на квартире его уже ждал бывший офицер турецкой армии. Это был боевик, вместе с которым находился молодой нелегал Александр Коротков, позднее (уже в 50-е годы) ставший начальником нелегальной разведки КГБ СССР. Турок убил его ножом, после чего тело Агабекова захихнули в чемодан, который вывезли и выкинули в море. Труп так никогда и не был обнаружен»⁸.

Георг Земмельман

Дело Георга Земмельмана, убитого в 1931 году, интересно тем, что в нем, как в капле воды, отразилась кадровая политика русских и европейских коммунистов,

принимавших в свои ряды проходимцев и доверявших им весьма деликатные поручения. А такой беспринципный подход к подбору агентов и доверенных лиц советских спецслужб часто приводил к тому, что их работа ставилась на грань провала.

Начать следует с того, что Земмельман (р. в 1899 г.) первоначально придерживался правых взглядов. Он входил в состав немецкого Союза офицеров, союза «Олимпия», союза фронтовиков «Берлин-Штеглиц» и являлся членом Национал-социалистической свободной партии. Более того, Земмельман был еще и завзятым мошенником и аферистом. После увольнения из кайзеровской армии он раздобыл себе офицерское удостоверение и с его помощью служил в расплодившихся тогда в Германии многочисленных фрайкорах (добровольческие вооруженные формирования), а также в полицейских отделениях и частях рейхсвера. Но этого ему показалось мало, и он занялся торговлей оружием. Впрочем, этот бизнес не принес ему удачи. Один из сообщников выдал Земмельмана полиции, после чего суд в 1925 году приговорил его к году тюремного заключения и поражению в правах на два года.

Находясь в камере предварительного заключения потсдамской тюрьмы Земмельман познакомился с неким коммунистом Грюнертом, которому, очевидно, удалось склонить его к сотрудничеству с КПГ. В результате благодаря Грюнерту Земмельман получил адвоката от КПГ, который добился для него отсрочки заключения и отмены приговора о лишении гражданских прав. Более того, сразу же после освобождения из тюрьмы 24 марта 1924 года Земмельман приступил к работе в разведывательной службе КПГ, полностью контролировавшейся ОГПУ.

По поручению своих новых партийных начальников Земмельман возобновил переписку со старыми знакомыми в Лейпциге и Кельне, занимавшими руководящие посты в правоконсервативной организации «Стальной шлем». Под предлогом того, что он якобы является со-

трудником министерства рейхсвера, Земмельман запрашивал в государственных учреждениях сведения о военных союзах. Таким путем ему удалось получить важные сведения о «Стальном шлеме», союзах «Оберланд», «Викинг», «Юнгдо» и «Олимпия», об их связях с рейхсвером, а также о вооружении германской армии.

Тем временем разведывательная служба КПГ предпринимала усилия для отмены вынесенного Земмельману приговора, а также для облегчения ему доступа к источникам информации. С этой целью в сентябре 1925 года он под видом отставного обер-лейтенанта вступил в группу «Медная колесница», являвшуюся частью союза Танненберга, и создал в Берлине ее отделение, которое сам и возглавил. В мае 1926 года, когда Земмельмана направили в Баварию, он передал свой пост Гансу Барриону, известному под кличкой «Курт Мертенс». Сам же Земмельман, получив от разведывательной службы КПГ фальшивые документы на имя доктора Финка, стал работать заместителем Фрица Риттера фон Крауссера, руководителя Южно-немецкого округа союза Танненберга в Мюнхене. На все запросы о докторе Финке Крауссер получил из Берлина от Мертенса положительные ответы, в результате чего Земмельману удалось вступить в относящиеся к союзу Танненберга объединения «Народный офицерский союз» и «Старый имперский флаг». Благодаря этому он не раз принимал участие в совещаниях руководства союза Танненберга, а также в переговорах с народными союзами Австрии и Италии. Находясь в Баварии, Земмельман поддерживал связь с руководителем разведывательной службы КПГ в южнобаварском округе К. Ганцем и несколько раз встречался с членом ЦК КПГ О. Брауном. Всего же в период с 17 мая по 15 октября 1926 года он передал в Берлин в разведслужбу КПГ и резидентуру ИНО ОГПУ около 45 подробных рапортов о положении в Баварии.

Однако работа Земмельмана на разведку КПГ длилась недолго. Дело в том, что, когда в августе 1926 года из бюро «Немецкого народного офицерского союза» в

Баварии исчезли атлас рейхсвера и карта военных округов, Крауссер написал заявление в полицию. В результате 16 сентября 1926 года был арестован К. Ганц, у которого обнаружили конверт на имя доктора Финка, в котором находились бумаги Земмельмана. Земмельмана также арестовали, и 7 июля 1928 года уголовный сенат имперского суда приговорил его к двум с половиной годам тюремного заключения.

Однако в тюрьме Земмельман вновь не задержался, так как вскоре был освобожден по амнистии. Выйдя на свободу, он продолжил свои контакты с КПГ, а затем был передан в распоряжение ИНО ОГПУ. Его устроили в филиал торгпредства СССР в Гамбурге, после чего он начал выполнять задания непосредственно советской разведки. Так, в конце 20 — начале 30-х годов он выполнял задания в Румынии, за что румынским судом был заочно осужден на 14 лет тюремного заключения. Будучи вынужденным бежать из Румынии, он сначала перебрался в Кельн, а потом в Вену. Весной 1931 года Земмельман женился на немецкой девушке, что привело к неожиданным для него результатам. Узнав о его женитьбе, в Москве решили, что после этого он стал представлять угрозу разведывательной работе, и немедленно уволили.

Обиженный увольнением с хорошо оплачиваемой работы, Земмельман обратился в редакцию одной из венских газет с предложением написать серию статей о советском шпионаже в Германии, Австрии и ряде других стран. В частности, Земмельман собирался рассказать о подпольных фабриках по изготовлению фальшивых паспортов для советских спецслужб и об использовании Компартии Германии в целях привлечения военных к промышленному шпионажу. Особое место в его разоблачениях должно было занять описание подлинной деятельности Ганса Киппенбергера, члена Политбюро Компартии Германии. Киппенбергер, отвечающий в Политбюро КПГ за связь партийного подполья с советской разведкой, в 1930 году был избран депутатом парламен-

та. В течение трех лет, до захвата власти нацистами, он продолжал работать на советскую разведку, пользуясь депутатской неприкосновенностью и членством в комиссии по военным делам рейхстага.

Однако совершить эти разоблачения Земмельман не успел, так как его угрозы вызвали быструю реакцию со стороны Москвы. Сербский коммунист Андрей Пиклович, который утверждал, что он студент-медик, 27 июля 1931 года спокойно отправился на квартиру к Земмельману и застрелил его, после чего сдался австрийской полиции. На состоявшемся в 1932 году судебном процессе Пиклович признал себя виновным в убийстве, но заявил, что убить Земмельмана его побудило стремление «бороться до конца против капиталистического господства» и что он действовал для предотвращения предательства и гибели многих борцов за пролетариат. После поднявшейся в коммунистической прессе кампании в защиту Пикловича, проходившей на фоне инспирированных коммунистами демонстраций в его защиту, суд присяжных не смог прийти к единому решению. В результате Пиклович был оправдан и освобожден.

Здесь интересно отметить, что в октябре 1931 года находящийся проездом в Вене Агабеков, желая оказать помощь австрийским властям, опознал в Пикловиче своего бывшего коллегу по ОГПУ И. Шульмана. Шульман, по утверждению Агабекова, был членом РКП(б) с 1918 года, в 1923—24 годах осуществлял под видом дипломатического курьера связь между резидентурами ИНО ОГПУ в Берлине и Лондоне, с 1925 года заведовал спецлабораторией резидентуры ИНО в Италии, а с 1929 года возглавлял в Москве так называемый «черный кабинет», занимавшийся изготовлением фальшивых документов. Более того, по утверждению Агабекова, именно Шульман в свое время лично приготовил для него фальшивый персидский паспорт, с которым тот появился в Стамбуле. Правда, заявления Агабекова подтверждения не получили, и Пиклович остался для суда Пикловичем.

Дмитрий Навашин

Убийство в 1937 году в Париже советского невозвращенца Дмитрия Навашина так и не было раскрыто французской полицией. Существует несколько версий его гибели. И поскольку согласно одной из них он был ликвидирован сотрудниками НКВД, мы сочли необходимым рассказать о «деле Навашина», тем более что о нем не так уж много публикаций в отечественной прессе.

Дмитрий Сергеевич Навашин родился в 1889 году в семье известного киевского профессора-ботаника. Решив стать юристом, он изучал юриспруденцию в Киевском университете Святого Владимира. Тогда же он увлекся поэзией и приобрел некоторую известность как молодой поэт-символист. Он посещал московский Литературно-художественный кружок, где иногда читал свои стихи. Сохранилось письмо Валерия Брюсова Андрею Белому, написанное 4 апреля 1909 года:

«Дорогой Борис Николаевич!

Позвольте рекомендовать вам Дмитрия Сергеевича Навашина, молодого поэта, который читал мне свои очень интересные стихи и сказки. Надеюсь на ваше к нему внимание.

Ваш всегда Валерий Брюсов».

Впрочем, Андрей Белый довольно сдержанно отзывался о произведениях Навашина:

«...единственное их достоинство, — писал он, — та юная свежесть, которая присуща и многим другим начинающим, не попавшим, однако, на страницы «Северных цветов»».

Несмотря на поэтические упражнения, Навашин помнил и о грубой прозе жизни. Перед Первой мировой войной ему удалось сколотить небольшой капитал на финансово-промышленных операциях в Сибири. Кроме того, в 1916 году Навашин вступил в масонскую ложу «Астрея» и до самой смерти оставался в рядах «вольных каменщиков».

После окончания университета Навашин поступил в Красный Крест и во время Первой мировой войны был направлен его представителем в Копенгаген. Когда произошла Октябрьская революция, он эмигрировал в Стокгольм, однако в 1921 году возвратился в Советскую Россию и в течение трех лет работал директором Промбанка.

В начале 20-х годов Навашин был направлен в Париж. Официально он занимал должность технического советника торгпредства СССР и вице-директора (а позднее и директора) советского банка на авеню де л'Опера, через который шла вся франко-советская торговля. Но на самом деле он являлся информатором ИНО ОГПУ и, как сейчас говорят, «агентом влияния». По словам бывшего министра де Монзи, ставшего другом Навашина, у него завязывались громадные связи в деловых и политических кругах. Как утверждал де Монзи, вокруг Навашина кружились десятки дельцов, занимавшихся учетом советских векселей на крайне выгодных для них условиях: дело в том, что в те годы советские векселя еще не учитывались в Банк де Франс.

Приехав в Париж, Навашин на короткое время вернулся в масонскую ложу «Астрея», в которой состоял в России в 1916—1917 годах, однако вскоре перешел во французскую ложу. Среди его ближайших друзей были не только видные дельцы, банкиры, масоны Великого Востока, но и министры и сенаторы Франции, как, например, уже упомянутый де Монзи, благодаря которому он вошел в местную ложу. Живя в Париже, Навашин выпустил две книги по политэкономии на французском языке, а также периодически публиковал статьи во французских журналах.

Уже после убийства Навашина эмигрантская газета «Меч» от 13 марта 1937 года в статье «Таинственный Навашин» так описывала его деятельность во Франции:

«В 1922 году мы застаем Навашина уже в Париже, в качестве агента «КРО» — отдел экономической и финансовой разведки Чeka. Начальником этого отдела был

Артузов. Навашин за свою работу в Париже получал хорошее вознаграждение — около 800 долларов в месяц. Деньги он получал через небезызвестное общество «Аркос», во главе которого стоял Скобелев, бывший министр Временного правительства Керенского. Сам Скобелев был назначен на свой пост благодаря влиянию Навашина. В это время финансовой работой большевиков за границей заведовал Красин. Общество «Аркос» служило ширмой для коммерческой работы большевиков во Франции, где в 1923 году они не могли еще выступать открыто.

Задачей Навашина было устройство коммерческих дел и примирение левых французских кругов с большевиками. В обоих отношениях Навашин преуспевал. Участие СССР в известных Лионских ярмарках началось благодаря его стараниям. Он же добился расширения франко-советского товарообмена.

Политическая работа Навашина сводилась к пропаганде в масонских кругах. Навашин был видным масоном. В это время масонство в СССР подвергалось сильному преследованию. В 1924 году, когда во Франции пришел к власти левый картель, Навашин процветал. Он вращался в правительственных кругах. Масонам он обещал, что в СССР их деятельность снова будет разрешена. Чека согласилась на это, желая поднять авторитет Навашина во французских кругах. Видные масоны в СССР были выпущены из тюрьмы. Ложи в Москве и Ленинграде были восстановлены. Но одновременно эти ложи были взяты под пристальное наблюдение Чека. Специальный отдел Чека под руководством Пивоварова проводил это наблюдение.

Когда советские масонские ложи в Москве и Ленинграде хотели восстановить связь с ложей «Великого Востока» во Франции, то эта связь осуществлялась через двух доверенных курьеров — Окурко и Богуна, — оба агенты Чека. Эти люди втерлись в масонскую организацию через посредство «брата Навашина». Таким образом, Пивоваров и его высшее начальство Дзержинс-

кий были в курсе дел не только русских, но и французских масонов.

Успешная деятельность Навашина во Франции привела к тому, что им заинтересовались сотрудники английской разведки. Вот что писалось по этому поводу в уже упомянутой статье «Таинственный Навашин»:

«Таким образом, Навашин успешно вел в Париже свою работу, что в конце концов обратило внимание могущественной и деятельной английской контрразведывательной организации, известной под именем «Интеллидженс Сервис». Эта организация постановила привлечь Навашина к сотрудничеству. Тут, по-видимому, были пущены в ход сразу две пружины. Во-первых, Навашин имел какие-то связи с «Интеллидженс Сервис» еще во время великой войны в России, где эта организация работала очень энергично и роль ее была довольно двусмысленной. Навашин сохранил связь с этой организацией и впоследствии, в первое время революции. Таким образом, Навашин был, вероятно, в ее руках. С другой стороны, Интеллидженс Сервис решило воздействовать на громадное честолюбие Навашина, который мечтал о политической роли. Перед ним раскрыли самые радужные перспективы, если он согласится работать на постепенное «примирение большевиков с Западом».

Тем крупным агентом английской организации, которому было поручено привлечь Навашина, был бывший офицер английской армии Виктор Лич. По поручению своей организации, он вел ожесточенную борьбу с большевиками в первые годы революции. Он последовательно участвовал в попытках переворота — латыша Берзина, в восстаниях в Ярославле, Самаре, Казани, Пензе. Он помогал в организации и снабжении антибольшевиков деньгами. Он принимал деятельное участие в работе «Центрокаспа» — якобы независимого правительства, обосновавшегося при английской поддержке в Баку. Все эти попытки провалились. Теперь он явился к Навашину в Париже, переговорил с ним, и, после некоторых ко-

лебаний, Навашин согласился сотрудничать с «Интеллидженс Сервис» — все в той же экономической области. Он должен был снабжать английскую разведку данными об экономике СССР...

Навашин стал агентом английской разведки «№ 178». Он продолжал свою работу, систематизируя для англичан сведения об экономике СССР и ведя пропаганду во французских кругах. В скором времени Навашин был вызван в Берлин, в советское полпредство. Его хотел видеть крупный чекист-ревизор Гольденштейн, приехавший за границу, чтобы наводить порядки среди агентов. Но сам Гольденштейн не стал разговаривать с Навашиным, а сдал его на руки одному из своих помощников, Миرونору. От этого последнего Навашин узнал, что ему нужно выехать в Москву. Навашина пожелали видеть стоявшие в то время у власти Ягода и Трилиссер.

Навашин опасался ехать в Москву. Он испросил разрешения предварительно закончить некоторые дела в Париже, что ему было позволено. Тут Навашин встретился с Личем и сообщил ему о вызове в Москву. «Интеллидженс Сервис» дало Навашину крупные деньги (5000 фунтов) и указало, что в СССР он должен войти в связь с двумя агентами английской разведки — Василием Шпиреном и Андреем Чернухиным, из которых последний был служащим Наркомвнешторга. Навашин поехал в Москву».

Впрочем, в Москве Навашин долго не задержался и вскоре вернулся во Францию. Но оба английских агента, Шпирен и Чернухин, были расстреляны ГПУ (в 1928 и в 1929 году). Разумеется, эта поездка в Москву не была для Навашина единственной — за время работы в Париже он неоднократно бывал в СССР по служебным надобностям. Однако в 1931 году, когда ему предложили вернуться в Советский Союз и занять высокий пост в одном из комиссариатов, он вдруг решил остаться во Франции. Впрочем, невозвращенцем он стал без лишнего шума, уволился из банка и зажил частной жизнью.

Но при этом материальное положение Навашина не изменилось. Он по-прежнему жил в особняке, который обходился ему около 20 тысяч франков в год, бывал на приемах у государственных деятелей Франции, принимал их у себя, держал двух секретарш и по утрам ходил гулять в Булонский лес с двумя породистыми собаками. Именно там 25 января 1937 года он и был найден убитым.

О том, как произошло убийство, писали многие французские газеты. Вот, например, что сообщала по этому поводу эмигрантская газета «Меч» от 31 января 1937 года в статье «Загадочное убийство невозвращенца»:

«Д. С. Навашин имел обыкновение каждое утро совершать прогулку в Булонском лесу, вблизи которого он жил.

25 января он, как обыкновенно, в 9 часов утра вышел на прогулку, держа на привязи двух своих собак. На нем был спортивный, элегантный костюм; в руке он держал тяжелую палку с острым железным наконечником, которая, в случае надобности, могла бы послужить и оружием.

В 10 час. 30 мин. он прошел мимо молочной фермы и свернул с дороги в лес.

То, что произошло дальше, стало известным из показания единственного свидетеля убийства, счетовода ле Вефа.

— Прогулка моя в лесу, — рассказывает ле Веф, — была прервана начавшим накрапывать дождем. Поджидая автобус, я заметил в нескольких десятках метров, среди кустарника, двух субъектов, которые не то боролись, не то дрались.

Продолжалось это всего несколько секунд. Затем раздалось три выстрела. Один из боровшихся упал на землю, другой бросился бежать в сторону Сюрен, держа в руке револьвер. Судя по тому, как он бежал, этому человеку не больше 25—30 лет. Это человек спортивного вида. Одет он был в серую фуфайку. Пиджака на нем не было...

Я подбежал к месту происшествия. Собаки выли, и мне пришлось отогнать их камнями от тела хозяина. Человек лет пятидесяти лежал, уткнувшись ничком в землю. Правая щека его была изуродована пулей. По-видимому, другая пуля попала в сердце, потому что на груди также быстро показалась кровь.

Неизвестный был убит наповал.

Ле Веф дал знать полиции. На убитом не нашли никаких документов. Труп опознала служанка, которую жена Навашина, обеспокоенная долгим отсутствием мужа, послала на поиски.

Экспертиза, проведенная полицейским врачом, показала, что Навашин был убит кинжалом, напоминающим штык, а не револьверной пулей...

Сходясь во мнении, что убийство совершено на политической почве, газеты высказывают различные предположения. Большинство газет связывают убийство с московским процессом, считая его делом ГПУ, тем более что на месте убийства найден кусок «Humanite» (газета французских коммунистов — *авторы*), выпавшая из кармана убийцы. Газеты крайнего левого лагеря стараются перебросить обвинение на гестапо, указывая на антифашистскую деятельность Навашина».

Как пишет в своей книге «Люди и ложи» Нина Берберова, в ходе следствия, предпринятого Сюрте Жене-раль, были допрошены десятки людей, начиная с жены и дочери и кончая министром де Монзи, дававшим показания при закрытых дверях. Был даже привезен для дачи показаний недавний перебежчик, большевик Крюков-Ангарский, покинувший Москву в 1930 году и живший теперь под другой фамилией. По его мнению, Навашин «и порвал, и не порвал» с Москвой и, может быть, только делал вид, что протестует против подготовки московских процессов.

Родственники Навашина отмечали, что движущим стимулом его жизни была «жажда политических и коммерческих авантур», что он был тесно связан с М. М. Литвиновым и полностью отрицали как советские

версии убийства Навашина (гестапо и троцкистами), так и западные (органами НКВД). При этом они заявили, что убийство скорее всего уголовное, а версию о причастности НКВД отвергали, так как «стилет — чисто европейское орудие убийства», а «закат Литвинова еще не стал свершившимся фактом».

Впрочем, следствие не дало никаких результатов. Убийца, молодой блондин в спортивном пальто, которого издали видел единственный свидетель — счетовод ле Веф, — так никогда и не был найден. Несмотря на тщательную проверку банковского счета и записных книжек Навашина, ни один след не привел к аресту убийцы. В результате дело было закрыто.

Кто и зачем убил Навашина, доподлинно неизвестно до сих пор, хотя на Западе твердо уверены, что его ликвидировали агенты НКВД. В пользу этой версии говорят, например, публикации газеты «Пари Суар», появившиеся сразу после убийства Навашина. Из них следует, что в известных русских кругах Парижа существовало убеждение, что Навашин долгое время был банкиром Льва Троцкого, так как с 1930 года все средства, поступавшие в распоряжение Троцкого со всего света и даже из СССР, посылались в Париж на имя Навашина. Что же касается «чисто европейского орудия убийства», то это, разумеется, аргумент несерьезный. Достаточно вспомнить, что всего семь месяцев спустя в Париже сотрудниками НКВД был убит известный предатель и невозвращенец Г. Агабеков. По свидетельству Судоплатова, он был заколот кинжалом на квартире, куда его заманили агенты НКВД, а его труп был выброшен в море. Кроме того, сотрудник английской разведки Виктор Лич, завербовавший Навашина, незадолго до его убийства сам был убит в Монте-Карло при загадочных обстоятельствах. И еще. После публикации материалов следственного дела Артузова нет никаких сомнений в том, что Навашин до конца своих дней оставался его наиболее доверенным агентом во Франции. Но к 1937 году Артузов попал в опалу и фактически был отстранен

от операций за границей. А в мае 1937 года он был арестован и через три месяца расстрелян.

Как видно из вышесказанного, у НКВД были причины ликвидировать Навашина. Но это только предположения. Так что вопрос — кто организовал убийство Навашина — остается открытым.

Натан Рейсс (Игнатий Порецкий)

Убийство нелегального резидента ИНО НКВД Порецкого еще в конце 1930-х годов стало предметом широкого обсуждения в печати. С тех пор прошло много времени, стали известны ранее секретные документы, но интерес к этому делу не утихает до сих пор.

Настоящее имя этого человека, известного как Игнатий Станиславович Порецкий (Людвиг), — Натан Маркович Рейсс. Он родился 1 января 1899 года в небольшом галицийском городке Подволочиск на границе России и Австро-Венгрии в еврейской мелкобуржуазной семье. Во время учебы в Львовской гимназии он увлекся идеями социализма, а после поступления на юридический факультет Венского университета окончательно связал свою судьбу с коммунистическим движением.

Вступив в 1919 году в Коммунистическую рабочую партию Польши, Рейсс работал связником в Юго-Восточном бюро ИККИ и в Коммунистической партии Восточной Галиции. В 1920 году он ведет нелегальную работу в Польше, занимаясь агитацией среди польских солдат, и организывает диверсии на коммуникациях польских войск. Вскоре он был арестован и осужден на пять лет тюремного заключения.

В 1921 году, будучи освобожденным под залог, Рейсс прибыл в Москву, где вместе со своим другом детства Кривицким (о нем речь пойдет позже) был завербован для работы в Разведупре РККА. С 1921 года он снова работал в Польше, а в 1923 году был послан в Берлин для подготовки вооруженного восстания. В Берлине Рейсс

был подключен к работе военного аппарата Коммунистической партии Германии, точнее, его «советско-инструкторской» части. После провала ноябрьского восстания Рейсса в 1925 году перебросили в венскую резидентуру ГРУ под начало резидента А. В. Емельянова. В Вене Рейсс принимал участие в ряде довольно деликатных дел, связанных с локализацией провалов. Так, он был наверняка замешан в убийстве Ярославского, о котором уже говорилось.

Деятельность Рейсса в Германии и Австрии была высоко оценена руководством ГРУ. Прибыв в 1927 году в Москву, он был повышен в звании и получил крайне редкий в те времена для разведчиков орден Красного Знамени. Тогда же он стал членом ВКП(б).

Через некоторое время Рейсс вновь был направлен в зарубежную командировку. Пробыв несколько месяцев в Чехословакии, где он легендируется, налаживает работу военного аппарата КП Чехословакии и внедряет группы информаторов на военные заводы, Рейсс переезжает в Голландию и сменяет нелегального резидента ГРУ Макса Максимова (Фридмана). Работа в Голландии была чрезвычайно важна, так как главным образом именно из этой страны велась разведка против Великобритании после разрыва с ней дипломатических отношений в 1927 году. Самым большим успехом Рейсса в это время было привлечение к сотрудничеству местного коммуниста Генри Пика, ставшего одним из лучших агентов-вербовщиков. Именно Пик завербовал в 1935 году капитана Джона Герберта Кинга, служившего в английском МИДе шифровальщиком.

В конце 1929 года Рейсс возвращается в Москву и некоторое время работает начальником архивного отдела ГРУ. Возможно также, что он преподавал в Военной школе для польских коммунистов. А в 1931 году как один из наиболее профессиональных разведчиков Рейсс в числе большой группы военных разведчиков переходит на работу из ГРУ в ИНО ОГПУ. Вместе с ним переходит в ОГПУ и его друг Кривицкий. Это скорее всего было

связано с общим усилением роли ОГПУ в системе советской разведки и с тем, что в органах госбезопасности постоянно испытывался недостаток высококвалифицированных кадров.

В том же 1931 году Рейсс выехал в свою последнюю заграничную командировку по паспорту гражданина Чехословакии — коммерсанта Ханса Эберкарда. Сначала он устроился в Берлине, а после прихода к власти Гитлера перебрался в Париж, где вместе с другими нелегалами (Б. Базаровым, Ф. Парпаровым, В. Зарубиным, Т. Малли) занимался сбором сведений о планах фашистской Германии. Его информаторы находились в Генштабе, спецслужбах и Имперской канцелярии Третьего Рейха, в Швейцарии в Лиге наций. В конце 1936 года Рейсс получил сведения о начале переговоров между торговым представителем СССР в Германии Д. Канделяки и имперским советником по экономике Я. Шахтом, инициатором которых был И. Сталин. А в январе 1937 года к нему поступила информация о том, что на переговорах вырабатывается проект советско-германского соглашения. Не было для него секретом и то, что в Москве идут аресты старых большевиков и членов зарубежных компартий, что новое руководство НКВД во главе с Н. Ежовым перетряхивает кадры старого ОГПУ, что началась «чистка» зарубежных резидентур. Под различными предлогами резиденты и наиболее информированные сотрудники отзывались в СССР и бесследно исчезали. Самому Рейссу также неоднократно предлагали прибыть в Москву для назначения резидентом в США. Поэтому, когда в феврале 1937 года из СССР вернулась его жена Элизабет, которая привезла предостережения друзей ни в коем случае не возвращаться в Москву, Рейсс решил, что его разрыв со сталинским режимом неизбежен.

В мае 1937 года, после приезда из Москвы Кривицкого, отозванного туда в начале года, Рейсс принял окончательное решение. 17 июля 1937 года через жену своего связного Лидию Грозовскую он передал пакет для отправки в СССР. В пакете находилось удостове-

ние члена Польской коммунистической партии и письмо в ЦК ВКП(б) следующего содержания:

«Это письмо, которое я пишу вам сейчас, я должен был бы написать гораздо раньше, в тот день, когда «шестнадцать» были расстреляны в подвалах Лубянки по приказу «отца народов».

Тогда я промолчал. Я также не поднял голоса в знак протеста во время последующих убийств, и это молчание возлагает на меня тяжкую ответственность. Моя вина велика, но я постараюсь исправить ее, исправить тем, что облегчу совесть.

До сих пор я шел вместе с вами. Больше я не сделаю ни одного шага рядом. Наши дороги расходятся! Тот, кто сегодня молчит, становится сообщником Сталина и предаст дело рабочего класса и социализма!

Я сражаюсь за социализм с двадцатилетнего возраста. Сейчас, находясь на пороге сорока, я не желаю больше жить милостями таких, как Ежов. За моей спиной шестнадцать лет подпольной деятельности. Это немало, но у меня еще достаточно сил, чтобы все начать сначала. Потому что придется именно «все начать сначала», спасти социализм. Борьба завязалась уже давно. Я хочу занять в ней свое место.

Шумиха, поднятая вокруг летчиков над Северным полюсом, направлена на заглушение криков и стонов пытаемых жертв на Лубянке, Свободной, в Минске, Киеве, Ленинграде, Тифлисе. Эти усилия тщетны. Слово правды сильнее, чем шум самых мощных моторов.

Да, рекордсмены авиации затронут сердца старых американских леги и молодежи обоих континентов, ослепленной спортом, это гораздо легче, чем завоевать симпатии общественного мнения и взволновать сознание мира! Но пусть на этот счет не обманываются: правда проложит себе дорогу, день правды ближе, гораздо ближе, чем думают господа из Кремля. Близок день, когда интернациональный социализм осудит преступления, совершенные за последние десять лет. Ничто не будет забыто, ничто не будет прощено. История сурова: «гени-

альный вождь, отец народов, солнце социализма» ответит за свои поступки: поражение китайской революции, красный плебисцит, поражение немецкого пролетариата, социал-фашизм и Народный фронт, откровения с мистером Говардом, нежное заигрывание с Лавалем; одно гениальнее другого!

Этот процесс будет открытым для публики, со свидетелями, со множеством свидетелей, живых или мертвых: они все еще раз будут говорить, но на этот раз скажут правду, всю правду. Они все предстанут перед судом, эти невинно убиенные и оклеветанные, и рабочее интернациональное движение реабилитирует их всех, этих Каменевых и Мрачковских, этих Смирновых и Мураловых, этих Дробнис и Серебряковых, этих Мдивани и Окуджав Раковских и Андерсов Нин, всех этих шпионов и провокаторов, агентов гестапо и саботажников!

Чтобы Советский Союз и все рабочее интернациональное движение не пали окончательно под ударами открытой контрреволюции и фашизма, рабочее движение должно избавиться от Сталиных и сталинизма. Эта смесь худшего из оппортунистических движений — оппортунизма без принципов, крови и лжи — угрожает отравить весь мир и уничтожить остатки рабочего движения.

Беспощадную борьбу сталинизму!

Нет — Народному фронту, да — классовой борьбе! Нет — комитетам, да — вмешательству пролетариата, чтобы спасти испанскую революцию. Такие задачи стоят на повестке дня!

Долой ложь «социализма в отдельно взятой стране»! Вернемся к интернационализму Ленина!

Ни II, ни III Интернационалы не способны выполнить эту историческую миссию: раздробленные и коррумпированные, они могут лишь помешать рабочему классу, они лишь помощники буржуазной полиции. Ирония судьбы: когда-то буржуазия выдвигала из своих рядов Кавеньяков и Галифе, Треповых и Врангелей. Сегодня именно под «славным» руководством обоих Интерна-

ционалов пролетарии сами играют роль палачей собственных товарищей. Буржуазия может спокойно заниматься своими делами; повсюду царят «спокойствие и порядок»; есть еще Носке и Ежовы, Негрины и Диасы. Сталин их вождь, Фейхтвангер их Гомер!

Нет, я не могу больше. Я снова возвращаюсь к свободе. Я возвращаюсь к Ленину, к его учению и его деятельности.

Я собираюсь посвятить мои скромные силы делу Ленина: я хочу сражаться, потому что наша победа — победа пролетарской революции — освободит человечество от капитализма, а Советский Союз от сталинизма.

Вперед, к новым битвам за социализм и пролетарскую революцию! За создание IV Интернационала!

Людвиг. 17 июля 1937 года.

PS. В 1928 году я был награжден орденом Красного Знамени за заслуги перед пролетарской революцией. Я возвращаю вам этот прилагаемый к письму орден. Было бы противно моему достоинству носить его в то время, как его носят палачи лучших представителей русского рабочего класса. («Известия» опубликовали в последние две недели списки недавно награжденных, о заслугах которых стыдливо умолчали: это были исполнители казней)»⁹.

Отсылая пакет, Рейсс считал, что его не вскроют до самой Москвы. Однако письмо прочитали еще в Париже, и вскоре во Францию прибыл заместитель начальника ИНО Шпигельглаз с сотрудниками Особой группы при наркоме НКВД, в обязанности которых входило устранение за границей тех, кому вынесли смертные приговоры.

Первая попытка захватить или ликвидировать Рейсса не удалась. Для этой цели Шпигельглаз вызвал из Голландии Кривицкого, назначив ему встречу на парижской выставке в Венсенне, где и показал письмо Рейсса. Однако Кривицкий, ничем не выдав себя, сумел пре-

дупредить своего друга о грозившей опасности, и Рейсс скрылся в Швейцарии, прихватив с собой выделенные ему для оперативных нужд деньги. Тогда Шпигельглаз подключил к поискам Рейсса нелегальных сотрудников и агентов ИНО во Франции, работавших под прикрытием белоэмигрантской организации «Союз возвращения на Родину». Поисками Рейсса занимались Сергей Эфрон (муж Марины Цветаевой), Николай Клепинин, Вадим Кондратьев, Вера Гучкова-Трэйл. Выследили Рейсса с помощью Ренаты Штайнер, уроженки Швейцарии, агента НКВД с 1936 года, следившей за сыном Троцкого Л. Седовым.

Заманила же Рейсса в ловушку, устроенную Шпигельглазом, Гертруда Шильдбах, еврейка-коммунистка, бежавшая от нацистского режима, друг семьи Рейсса, привлеченная им к работе на советскую разведку. Шильдбах написала Рейссу письмо, сообщив, что ей срочно нужен его совет. Она встретила с Рейссом и его женой в кафе в Лозанне. Правда, Шильдбах не нашла в себе сил до конца следовать инструкциям Шпигельглаза и передать Элизабет коробку шоколадных конфет, отравленных стрихнином, которую позднее обнаружила швейцарская полиция. 4 сентября 1937 года она сумела заманить Рейсса на тихую дорогу, где его в упор расстреляли сотрудники НКВД, ставшие позднее известными следствию как Франсуа Росси (он же Ролланд Аббиа) и Шарль Мартины. В последний момент Рейсс, вероятно, понял, что его заманивают в ловушку. Когда полиция нашла его тело, в кулаке у него был зажат клочок седых волос Шильдбах. Такова официальная версия, которую уточняет в своей книге П. Судоплатов:

«Рейсс вел довольно беспорядочный образ жизни, и агентурная сеть Шпигельглаза в Париже весьма скоро его засекала. Ликвидация была выполнена двумя агентами: болгаринном (нашим нелегалом) Борисом Афанасьевым и его зятем Виктором Правдиным. Они обнаружили его в Швейцарии и подвели к нему за столик в маленьком ресторанчике в пригороде Лозанны. Рейсс с

удовольствием выпивал с двумя болгарами, прикинувшимися бизнесменами. Афанасьев и Правдин имитировали ссору с Рейсом, вытолкнув его из ресторана и запихнув в машину, увезли. В трех милях от этого места они расстреляли Рейсса, оставив труп лежать на обочине дороги.

Я принял Афанасьева и Правдина на явочной квартире в Москве, куда они вернулись после выполнения задания. Вместе с ними был и Шпигельглаз, который их курировал. И Афанасьев, и Правдин были награждены орденами Красного Знамени. По специальному правительственному постановлению мать Правдина, проживающая в Париже, получила пенсию»¹⁰.

Разночтения между официальной версией и утверждением Судоплатова легко устраняются, если предположить, что Роланд Росси и Виктор Правдин, а также Шарль Мартиньи и Борис Афанасьев, одни и те же лица. Биографии Росси и Правдина совпадают до мелочей, а у Афанасьева и Мартиньи несколько разнятся. Здесь возможны несколько вариантов: либо кадровый сотрудник НКВД Афанасьев работал во Франции под фамилией Мартиньи и с соответствующей легендой, либо Мартиньи не принимал участия в убийстве Рейсса, но скрылся в СССР.

10 ноября 1937 года начальник ИНО ГУГБ НКВД Слуцкий представил Ежову рапорт с ходатайством о награждении сотрудников разведки, успешно выполнивших задание по делу «Раймонда» (И. Рейсса) и «Деда» (главы РОВСа генерала Миллера, похищенного в Париже и вывезенного пароходом «Мария Ульянова», отплывшим из Гавра 22 сентября 1937 года.) Предполагалось наградить: орденом Ленина Шпигельглаза С. М., орденом Красного Знамени Правдина В. С., Григорьева М. В., Косенко Н. Г., Гражуль В. С., Афанасьева Б. М., Долгорукова А. Л. и орденом Красной Звезды Арсеньеву М. С. Ежов собственноручно вписал в проект указа фамилии Судоплатова и Зарубина с предложением наградить их орденом Красного Знамени, и 13 ноября

1937 года вышел указ ВЦИК (без публикации в печати) о награждении чекистов «За самоотверженное и успешное выполнение специальных заданий Правительства СССР».

В Лозанне после обнаружения трупа Рейсса швейцарская полиция начала расследование по факту убийства. Сотрудники полиции не приняли во внимание подброшенное НКВД анонимное письмо, в котором сообщалось, что убитый занимался международной контрабандой оружия. После допроса Штайнер были установлены личности террористов и определены мотивы преступления — политическое убийство. К делу подключилась французская криминальная полиция, и расследование приняло другой оборот.

22 ноября 1937 года комиссар криминальной полиции Дирекции Национальной безопасности Папэн Робэр произвел обыск в доме № 65 по улице Потэн в Париже, где проживали бывший белый офицер Сергей Эфрон и его жена Марина Цветаева, великая русская поэтесса. Документы, изъятые при обыске, неоспоримо свидетельствовали, что хозяин квартиры сотрудничал со спецслужбами СССР. Были также получены неопровержимые доказательства против эмигранта Вадима Кондратьева, работавшего разносчиком хлеба, таксистом, помощником наборщика и неожиданно разбогатевшего. По представлению официальных швейцарских органов в Париже арестовали Лидию Грозовскую, сотрудницу советского посольства во Франции, передавшую последнее письмо Рейсса. Тогда же был арестован и некий Пьер Дюломе, который вместе со Штайнер вел слежку за Рейссом. Он провел двенадцать месяцев в предварительном заключении за «добровольное соучастие в ассоциаций преступников». Итогом работы следствия был разгром «Союза возвращения на Родину».

Но основным организаторам удалось скрыться. Судьба их сложилась по-разному. Главный из них — Сергей Михайлович Шпигельглаз вернулся в Москву после похищения в Париже генерала Миллера и был отмечен

руководством НКВД. Однако уже в 1939 году он был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Германии и расстрелян. С. Эфрон, Н. Клепинин и В. Кондратьев бежали после убийства Рейсса в Испанию, откуда выехали в СССР. Вскоре по прибытии в Советский Союз Кондратьев умер от туберкулеза, а Эфрон и Клепинин арестованы как шпионы и расстреляны.

И все же самая главная загадка в деле Рейсса состоит в том, почему именно от него так быстро поспешили избавиться. Ведь были и другие перебежчики, грозившие выступить с разоблачениями советского режима, и очень многие из них умерли своей смертью. И потом, если в ходе ликвидации неугодного лица вскрывался след НКВД, операция считалась проваленной, а тут за проваленную операцию, вызвавшую шумную антисоветскую компанию в прессе и приведшую к арестам целого ряда агентов, были розданы ордена. По мнению историка-архивиста Никиты Петрова, столь поспешное убийство Рейсса связано с тем, что он знал о тайных переговорах бывшего секретаря ВЦИК А. Енукидзе с немцами: в 1929 году с министром иностранных дел Штреземаном, в 1932 году — с военным министром Шляйхером и, наконец, в 1934 году — с заместителем Гитлера по партии Гессом. Если верить дневниковым записям Литвинова, изданным на Западе в 50-е годы, Сталин как-то на заседании Политбюро спросил Литвинова, знают ли иностранцы о тайных переговорах с немцами. Он настаивал, что необходимо предотвратить любую утечку информации. Узнав, что материалы о переговорах были у Рейсса, Сталин кричал на Ежова: «Убейте его, или я убью того, кто не выполняет мои приказы». Разумеется, выжить после этого Рейсс не мог¹¹.

В 1990 году история Рейсса получила неожиданное продолжение. С запросом о реабилитации И. Рейсса (Порецкого) в Комиссию по реабилитации Прокуратуры СССР обратился швейцарский историк Питер Хубер. Он поднял вопрос о восстановлении честного имени И. Рейсса (Порецкого) в судебном порядке. Прокуратура Со-

юза ответила на этот запрос год спустя. В официальном документе говорилось, что Порецкий Игнатий Станиславович (Игнац Рейсс), рожденный в 1899 году, находился в служебной командировке за границей. В 1937 году после присвоения крупной денежной суммы и похищения строго секретных документов он отказался вернуться в СССР. Юридически уголовное дело против него не возбуждалось, поэтому нет оснований ставить вопрос о его реабилитации в судебном порядке.

Вальтер Кривицкий

10 февраля 1941 года в номере 532 скромной вашигтонской гостиницы «Бельвю» был найден мертвым Вальтер Кривицкий, бывший сотрудник ИНО НКВД, в 1937 году вслед за своим другом и тоже сотрудником ИНО Рейссом отказавшийся возвращаться в Москву. Его предательство нанесло советской разведке непоправимый урон. Достаточно лишь сказать, что протоколы его допросов английской контрразведкой засекречены до сих пор. Поэтому неудивительно, что интерес к его личности не утихает и по сей день.

Вальтер Германович Кривицкий (настоящие имя и фамилия — Самуил Гершевич Гинзберг) родился 28 июня 1899 года в городе Подволочиске в семье торгового служащего. Он закончил Львовскую гимназию, а затем Венский университет, где и приобщился к революционной деятельности. В 1919 году он вступил в Коммунистическую рабочую партию Польши и сразу включился в активную нелегальную работу по линии Коминтерна в Австрии и Польше. Принимал деятельное участие в советско-польской войне 1920 года, организуя в тылах польской армии диверсии, забастовки и акты саботажа. В 1921 году Кривицкий становится штатным сотрудником Разведупра РККА, проходит обучение на специальных курсах и во время событий 1923 года в Германии, известных как «германский Октябрь», направляет-

ся туда для оказания помощи немецким коммунистам в организации вооруженного восстания. Он работает в Руре, в то время оккупированном Францией, в Силезии, ставшей ареной германо-польского противостояния, в Саксонии, где находилось центральное руководство готовящегося коммунистического переворота.

В 1925 году, после реорганизации всех легальных и нелегальных резидентур советских спецслужб в Германии, Кривицкий возвращается в Москву. Но уже в июне 1926 года его снова направляют за рубеж на нелегальную работу. В этот период он действует на территории Германии, Франции и Италии, а с 1929 года назначается нелегальным резидентом в Гааге (Голландия). Судя по всему, его работа была признана весьма успешной, поскольку в 1928 году его награждают почетным оружием с надписью «Стойкому защитнику пролетарской революции от Реввоенсовета Советского Союза», а в феврале 1931 года за образцовое выполнение правительственных заданий вручают орден Красного Знамени.

В 1931 году Кривицкий в числе большой группы военных разведчиков переходит на работу в ИНО ОГПУ. А в октябре 1935 года капитана госбезопасности Кривицкого направляют нелегальным резидентом в Голландию, где он выступает как австриец Мартин Лесснер, торговец произведениями искусства. Его работа в Гааге была очень плодотворной. Весной 1936 года агент, которого курировал Кривицкий, получил доступ к кодовой книге японского посольства в Берлине и к содержащимся в ней шифрам по немецко-японским переговорам между Риббентропом и японским военным атташе генералом Хироси Осимой. С тех пор переписка между Осимой и Токио проходила через руки Кривицкого, и Москва была полностью в курсе переговоров, закончившихся подписанием 25 ноября 1936 года немецко-японского антикоминтерновского пакта. За эту операцию Кривицкий был представлен к ордену Ленина.

В декабре 1936 года начальник ИНО НКВД Слуцкий, прибыв в Гаагу, объявил Кривицкому странный приказ:

«Отберите из ваших людей двух человек, способных сыграть роль немецких офицеров. Они должны обладать достаточно представительной внешностью, чтобы сойти за военных атташе, должны изъясняться, как военные, и должны быть исключительно надежными и сильными. Отправьте их ко мне в срочном порядке. Это чрезвычайно важно».

Приказ Кривицкий выполнил, но его смысл стал понятен позднее, когда он узнал о похищении в Париже главы РОВС генерала Миллера. Тогда же, в декабре 1936 года он получил информацию о начале по инициативе Сталина переговоров между главой советской торговой миссии в Берлине Д. Канделаки и Я. Шахтом, где прощупывалась почва для заключения советско-германского политического договора. На время переговоров Кривицкий получил приказ из Москвы «заморозить» работу своей агентуры в Германии. В то время Гитлер не проявил интереса к заключению союза с СССР. Однако, когда в марте 1937 года Кривицкий был вызван в Москву, он узнал от нелегального резидента ИНО НКВД в Германии В. Зарубина, сопровождавшего Канделаки в Москву для доклада Сталину, что тот дал оптимистическую оценку перспектив соглашения с Гитлером.

Находясь в Москве, Кривицкий, не меньше чем переговорами с фашистской Германией, был потрясен ширящимися процессами против старых большевиков и арестами среди сотрудников НКВД и ГРУ, сам при этом ожидая ареста со дня на день. На его глазах арестовывают бывших коллег, в том числе М. Максимова и С. Залесскую. Еще ранее, в ноябре 1936 года были арестованы бывшие руководители нелегального военного аппарата Компартии Германии, с которыми Кривицкий был тесно связан с начала 20-х годов. 18 марта 1937 года он присутствовал на собрании офицеров в клубе НКВД, когда новый нарком внутренних дел СССР Ежов объявил о раскрытии очередного масштабного контрреволюционного заговора. Ежов поведал, что заговорщики проникли в самое сердце НКВД, а глав-

ным предателем был сам Ягода. Работая в свое время на царскую охранку, заявил Ежов, Ягода был завербован немецкой секретной службой и внедрен в ВЧК. К тому моменту, когда он был освобожден от занимаемой должности, ему удалось поставить шпионов на все ключевые посты в НКВД. Некоторые из них, по сообщению Ежова, уже были арестованы. Собравшиеся громко аплодировали этому сообщению; хотя большинство из них знало, что все, что здесь сказал Ежов, было неправдой. По словам Кривицкого, они аплодировали, показывая свою преданность.

Но несмотря на репрессии, самого Кривицкого в конце мая 1937 года вновь направляют в Гаагу. Здесь он встретился со своим старым другом Рейссом. Между ними состоялся доверительный разговор, после которого Рейсс принял окончательное решение порвать со сталинским режимом и остаться на Западе. Сам Кривицкий еще некоторое время колебался, но вскоре его колебаниям пришел конец.

В июле 1937 года, сразу после принятия Рейссом решения не возвращаться в СССР, Кривицкого вызвал в Париж заместитель начальника ИНО НКВД Шпигельглаз. Встретившись с Кривицким в ресторане на бульваре Монпарнас, Шпигельглаз поведал ему, что прибыл сюда с миссией чрезвычайной важности. Он сообщил Кривицкому, что Рейсс предатель и подлежит ликвидации. Кривицкий должен оказать необходимую помощь сотрудникам Особой группы, прибывшим из Москвы. Кроме того, он должен передать в распоряжение Шпигельглаза двух человек, отобранных по указанию Слуцкого. Кривицкий не мог не выполнить приказов Шпигельглаза, но ему удалось предупредить Рейсса по телефону о грозящей опасности, и тот успел скрыться. Правда, это не спасло его друга. 5 сентября 1937 года Кривицкий узнал из газет, что тело Рейсса, изрешеченное пулями, было найдено в Швейцарии, недалеко от Лозанны. А почти через три недели, 22 сентября он узнал о похищении в Париже главы РОВС генерала Миллера.

Так как Кривицкий был тесно связан с Рейссом, он имел все основания опасаться за свою судьбу. И после получения приказа о возвращении в Москву он решает по примеру Рейсса стать невозвращенцем. В октябре 1937 года он переезжает из Гааги в Париж и через адвокатов вдовы Рейсса Элизабет Порецки устанавливает связь с сыном Троцкого Седовым, издававшим здесь «Бюллетень оппозиции». 5 декабря 1937 года Кривицкий передает Седову текст открытого письма в рабочую печать, где заявляет о своем разрыве с советской разведкой:

«18 лет я преданно служил коммунистической партии и Советской власти в твердой уверенности, что служу делу Октябрьской революции, делу рабочего класса. Член ВКП с 1919 года, ответственный военно-политический работник Красной Армии в течение многих лет, затем директор Института военной промышленности, я в течение многих последних лет выполнял специальные миссии Советского правительства за границей. Руководящие партийные и советские органы постоянно оказывали мне полное доверие; я был дважды награжден (орденом Красного Знамени и почетным оружием).

В последние годы я с возрастающей тревогой следил за политикой Советского правительства, но подчинял свои сомнения и разногласия необходимости защищать интересы Советского Союза и социализма, которым служила моя работа. Но развернувшиеся события убедили меня в том, что политика сталинского правительства все больше расходится с интересами не только Советского Союза, но и мирового рабочего движения вообще.

Через московские публичные — и еще больше тайные — процессы прошли в качестве «шпионов» и «агентов гестапо» самые выдающиеся представители старой партийной гвардии: Зиновьев, Каменев, И. Н. Смирнов, Бухарин, Рыков, Раковский и другие, лучшие экономисты и ученые Пятаков, Смилга, Пашуканис и тысячи других — перечислить их здесь нет никакой возможности.

Не только старики, все лучшее, что имел Советский Союз среди октябрьского и послеоктябрьского поколений, — те, кто в огне Гражданской войны, в голоде и холоде строили Советскую власть, подвергнуты сейчас кровавой расправе. Сталин не остановился даже перед тем, чтобы обезглавить Красную Армию. Он казнил ее лучших полководцев, ее наиболее талантливых вождей: Тухачевского, Якира, Уборевича, Гамарника. Он лживо обвинил их — как и все другие свои жертвы — в измене. В действительности же именно сталинская политика подрывает мощь Советского Союза, его обороноспособность, советскую экономику и науку, все отрасли советского строительства.

При помощи методов, кажущихся невероятными на Западе, — которые еще станут известны (например; на допросе Смирнова и Мрачковского), Сталин — Ежов вымогают у своих жертв «признания» и инсценируют позорные процессы.

Каждый новый процесс, каждая новая расправа все глубже подрывает мою веру. У меня достаточно данных, чтобы знать, как строились эти процессы, и понимать, что погибают невинные. Но я долго стремился подавить в себе чувство отвращения и негодования, убедить себя в том, что, несмотря на это, нельзя покидать доверенную мне ответственную работу. Огромные усилия понадобились мне — я должен это признать, — чтобы решиться на разрыв с Москвой и остаться за границей.

Оставаясь за границей, я надеюсь получить возможность помочь реабилитации тех десятков тысяч мнимых «шпионов» и «агентов гестапо», действительно преданных борцов рабочего класса, которые арестовываются, ссылаются, убиваются, расстреливаются нынешними хозяевами режима, который эти борцы создали под руководством Ленина и продолжали укреплять после его смерти.

Я знаю — я имею тому доказательства, — что голова моя оценена. Знаю, что Ежов и его помощники не останутся ни перед чем, чтоб убить меня и тем самым

заставить замолчать; что десятки на все готовых людей Ежова рыщут с этой целью по моим следам.

Я считаю своим долгом революционера довести обо всем этом до сведения мировой рабочей общественности.

5 декабря 1937 г. В. Кривицкий (Вальтер)»¹².

Узнав об измене Кривицкого, Ежов немедленно направил во Францию оперативников Особой группы при наркоме НКВД, и Кривицкий не прожил бы и месяца, если бы не решительная акция французского правительства, которое предоставило ему вооруженную охрану. В МИД Франции был вызван советский поверенный в делах Гиршфельд. Его попросили довести до сведения Советского правительства, что французская общественность так возмущена только что совершенным похищением бывшего царского генерала Миллера, что в случае повторения советскими агентами аналогичных действий — похищения или убийства на французской территории неугодных СССР лиц — правительство Франции окажется вынужденным порвать дипломатические отношения с Советским Союзом. Впрочем, это не помешало Кривицкому позже утверждать, что на его жизнь во Франции было совершено два покушения.

В ноябре 1937 года Кривицкий был представлен сыну Троцкого Л. Седову. Впоследствии он так писал об этой встрече:

«Когда я встретился с Седовым, я откровенно сказал ему, что пришел не для того, чтобы присоединиться к троцкистам, а скорее за советом и из чувства товарищества. Он принял меня сердечно. Впоследствии мы встречались почти ежедневно. Я научился восхищаться сыном Льва Троцкого как личностью. Никогда не забуду бескорыстной помощи и поддержки, которую он оказал мне в те дни, когда за мной охотились сталинские агенты. Он был еще очень молод, но при этом исключительно одарен — обаятельный, знающий, деятельный. На суде в Москве, когда его обвиняли в измене, было

сказано, что он получал крупные суммы от Гитлера и от японского императора. Я же обнаружил, что Седов живет жизнью революционера, весь день работая на дело оппозиции, нуждаясь в более качественном питании и одежде»¹³.

В марте 1938 года, когда в СССР проходил процесс по делу Бухарина и Рыкова, к Кривицкому обратился Б. Суварин, являвшийся в начале 20-х годов одним из лидеров французской компартии, а к этому времени порвавший с коммунистическим движением, а затем и Г. Бержере, депутат французского парламента, с предложением прокомментировать происходящие в Москве события. Выполняя их просьбу, Кривицкий опубликовал в меньшевистской газете «Социалистический вестник» ряд статей, посвященных московским процессам.

В 1938 году Кривицкий переезжает в США, где в апреле 1939 года в журнале «Сатердей Ивнинг Пост» печатает серию статей, в которых, среди прочего, рассказывает о проходивших в 1936 году тайных советско-германских переговорах. После заключения в августе советско-германского пакта о ненападении он становится признанным специалистом по советской политике, к мнению которого прислушиваются многие видные политические деятели на Западе. Это обстоятельство дало ему возможность в короткий срок издать книгу «Я был агентом Сталина», позже переведенную на многие языки.

После этих публичных выступлений на Кривицкого обратили внимание английские спецслужбы. Он был вызван в Англию и в своих показаниях, данных следователю Джейн Арчер, назвал более ста имен советских агентов. В числе прочего он сказал, что у НКВД есть источник — молодой англичанин, работающий в Испании в качестве журналиста. Речь, очевидно, шла о К. Филби, но к своему краткому заявлению Кривицкий не смог ничего добавить, а у английской службы безопасности были в это время другие, более важные дела, чем проведение расследования по этому неопределенному факту. Впрочем,

предвидя подобный поворот событий, советская разведка отозвала или заморозила многих из тех агентов, с которыми Кривицкий в то или иное время сталкивался в своей работе за рубежом. Но, к сожалению, это не спасло от разоблачения шифровальщика английского МИД Кинга, с 1935 года работавшего на СССР.

В начале 1941 года Кривицкий получил новый вызов в Лондон. А в понедельник, 10 февраля 1941 года, Телма Джексон, горничная скромного вашингтонского отеля «Бельвю», в 9.30 утра обнаружила тело Кривицкого на кровати с простреленной головой. Рядом с кроватью весь в крови лежал пистолет, а на столике три прощальные записки следующего содержания:

«Дорогие Таня и Алик!

Мне очень тяжело. Я очень хочу жить, но это невозможно. Я люблю вас, мои единственные. Мне трудно писать, но подумайте обо мне, и вы поймете, что я должен сделать с собой. Таня, не говори сейчас Алику, что случилось с его отцом. Так будет лучше для него. Надеюсь, со временем ты откроешь ему правду ...

Прости, тяжело писать. Береги его, будь ему хорошей матерью, живите дружно, не ссорьтесь... Добрые люди помогут вам — но только не враги! Моя вина очень велика.

Обнимаю вас обоих.

Ваш Валя».

Внизу было приписано:

«Я написал это вчера на ферме Добертова. В Нью-Йорке у меня не было сил писать. В Вашингтоне у меня не было никаких дел. Я приехал к Добертову, потому что нигде больше не мог достать оружия».

Вторая записка была адресована адвокату Кривицкого и написана по-английски:

«Дорогой м-р Валдман, моя жена и сын будут нуждаться в Вашей помощи. Пожалуйста, сделайте для них все, что можете.

Ваш Вальтер Кривицкий.

Р. С. Я побывал в Виргинии, т. к. знал, что там я смогу достать пистолет. Если у моих друзей будут неприятности, помогите им, пожалуйста. Они хорошие люди. Зачем мне понадобился пистолет, им неизвестно».

Третья записка, на немецком языке, была обращена к Сюзанне Лафолетт, либеральной писательнице и другу Кривицкого:

«Дорогая Сюзанна, полагаю, у тебя все в порядке. Умирая, я надеюсь, что ты поможешь Тане и моему бедному мальчику. Ты была верным другом.

Твой Вальтер»¹⁴.

Несмотря на то что на пистолете не были обнаружены отпечатки пальцев Кривицкого, а вышедшая из головы пуля не найдена, следствие пришло к выводу, что имело место самоубийство. Этой же точки зрения придерживаются и бывшие сотрудники НКВД. Так, например, П. Судоплатов пишет, что Кривицкий «застрелился в результате нервного срыва, не справившись с депрессией».

Напротив, большинство западных исследователей (например, Г. Брук-Шеперд) считают, что Кривицкий был убит советскими агентами, и называют в качестве исполнителей имена двух его голландских сотрудников — журналиста Г. Бусса и его секретаршу М. Веркер. При этом они ссылаются на то, что никто из постояльцев гостиницы не слышал выстрела, хотя пистолет Кривицкого был без глушителя. А его вдова утверждала, что он никогда не заканчивал свои письма постскриптумом. Более того, она настаивала на том, что в записке, адресованной ей, была ключевая фраза, которую в полиции неправильно перевели: «Это очень тяжело. Я очень хочу жить, но жить мне больше не позволено». К тому же сам Кривицкий за несколько недель до смерти сказал своим друзьям: «Если вам придется услышать или прочесть в газетах, что я покончил с собой, — ни в коем случае не верьте!»

Впрочем, загадка смерти Кривицкого до сих пор так и остается загадкой. Но объективно у НКВД были причины его ликвидировать. Ведь он не только дал показания английской контрразведке, но и 11 сентября 1939 года выступил перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, где перечислил всех руководителей советской агентурной сети в Америке, начиная с 1924 года и заканчивая резидентом Разведупра РККА Б. Буковым, прибывшим в США в 1935 году. В апреле 1940 года отчет о допросе Кривицкого английским следователем Джейн Арчер попал в руки небезызвестного Д. Маклейна, который имел все основания опасаться, что во время очередных допросов Кривицкий может дать МИ-5 зацепку, достаточную для его разоблачения. И о своих опасениях он, безусловно, поставил в известность Москву, которая предприняла необходимые меры безопасности.

Вильгельм Мюнценберг

Вильгельм (Вилли) Мюнценберг, о котором пойдет речь, был одним из тех иностранцев, которые получили советское гражданство, но по ряду причин отказались возвращаться в Советский Союз. Однако пока не обнаружено никаких документальных доказательств того, что он являлся сотрудником советских спецслужб. Более того, обстоятельства его смерти до сих пор неизвестны. Но его судьба служит прекрасной иллюстрацией того, как в конце 1930-х годов заканчивалась жизнь коммуниста и функционера Коминтерна, который хоть в чем-то перечил Москве.

Вильгельм Мюнценберг родился 14 августа 1889 года, в Эрфурте в семье лесничего, ставшего позднее владельцем деревенского трактира. С 15 лет он начал работать на эрфуртской обувной фабрике, где в 1906 году вступил в социал-демократический рабочий образовательный союз «Пропаганда». С этого момента началась его активная

политическая деятельность, связанная с международным коммунистическим движением.

В 1910 году Мюнценберг в качестве странствующего подмастерья отправился в Швейцарию и поселился в Цюрихе, где устроился разносчиком в аптеке. Впрочем, этой работой он практически не занимался, так как все основное время уделял политике, где вскоре добился больших успехов. Будучи одним из основателей объединения Социалистической молодежи Швейцарии, Мюнценберг в 1914 году становится его руководителем. В это же время он очень близко сошелся с проживающим в Швейцарии В. Лениным, который явно выделял его среди других местных социал-демократов. Особенно Ленин восторгался редактируемой Мюнценбергом газетой «Интернационал молодежи», которую усиленно рекомендовал для чтения всем членам РСДРП(б).

Во время Первой мировой войны Мюнценберг руководил боевыми забастовками и демонстрациями швейцарских рабочих, за что был арестован полицией и интернирован в лагерь для иностранцев. Там в мае 1918 года он написал и опубликовал брошюру «Борьба и победа большевиков», а после революции в Германии вернулся на родину. В Германии Мюнценберг возглавил группу «Спартаконцев» в Штутгарте, а после образования Компартии Германии стал ее членом и руководителем немецкого молодежного коммунистического движения.

В 1919 году по заданию Ленина Мюнценберг участвовал в организации Коммунистического Интернационала Молодежи (КИМ), учредительный съезд которого прошел 20 ноября в Берлине. А в 1921 году он становится сотрудником созданного при Коминтерне секретного Отдела международных связей (ОМС). ОМС работал в тесном контакте с ИНО ОГПУ и Разведуправлением РККА и вовлекал в секретную разведывательную работу иностранных коммунистов и сочувствующих, поскольку те охотнее помогали Коминтерну, чем советской разведке. Поэтому очень многие агенты ОГПУ-НКВД в 30-х годах были уверены, что работают именно на Коминтерн. По-

мимо вербовки агентуры ОМС занимался проведением «активных мероприятий» — формированием нужного СССР общественного мнения в зарубежных странах. Именно в этой сфере деятельности Мюнценберг достиг огромных успехов.

В 1921 году Мюнценберг основал и возглавил знаменитый Международный фонд помощи рабочим (МФПР) со штаб-квартирой в Берлине. А в 1926 году он руководил уже целым концерном. Так, в Германии в его распоряжении были две ежедневные газеты «Вельт ам Абенд» и «Берлин ам Морген», иллюстрированный журнал «Анруф», журналы «Дер Роте Ауфбау» и «Арбейтер иллюстрирте», вторая по величине иллюстрированная газета Германии «АИЦ», журналы на французском и английском языках, чехословацкая еженедельная газета «Ди вельт ам Зонтаг». Кроме того, он возглавлял кинопредприятие «Межрабпром», а также издательство «Нойендойчен ферлаг», сеть торговли фильмами и всеобщую библиотеку «Универсум библиотек». Недаром в это время его называли «гением пропаганды КПГ», а его издания и предприятия — «концерном Мюнценберга».

Будучи генеральным секретарем МФПР, Мюнценберг организовал целый ряд компаний в поддержку рабочих всего мира, в 1927 году по поручению Коминтерна создал знаменитую «Всемирную лигу борьбы против империализма за национальную независимость», а в 1928 году, будучи членом рейхстага, основал рейхскомитет «Союз друзей СССР». Кроме того, при МФПР были организованы так называемые «клубы простаков» для интеллигенции. После поджога Рейхстага 27 февраля 1933 года и развязанной нацистами антикоммунистической «охоты за ведьмами», Мюнценберг перенес свою штаб-квартиру из Берлина в Париж, где в июне 1933 года основал наиболее влиятельный из всех «клубов простаков» — «Всемирный комитет помощи жертвам немецкого фашизма». Находясь в Париже, Мюнценберг вместе с Отто Кацем в августе 1933 года написал «Коричневую книгу» о терроре Гитлера и поджоге Рейхстага, ставшую

библией антифашистов. Побывав после издания «Коричневой книги» в Москве, Мюнценберг получил одобрение ОМС и ИНО НКВД на создание международного комитета юристов с целью организации контрпроцесса «поджигателей» Рейхстага. Такой процесс состоялся 13 сентября 1933 года в Лондоне, и хотя не оправдал полностью ожиданий Мюнценберга, на нем был сделан вывод о том, что «существуют серьезные основания для подозрений, что Рейхстаг был подожжен ведущими деятелями национал-социалистической партии».

Своей активной работой Мюнценберг смог добиться большей степени независимости и свободы действий на международной арене, чем любой другой видный деятель Коминтерна. Но после 1936 года это уже не могло нравиться Москве. В октябре 1936 года его вызвали в СССР и предложили передать парижскую организацию чешскому коммунисту В. Шмералю. А вскоре в Интернациональной контрольной комиссии Мюнценбергу предъявили обвинение в «недостатке революционной бдительности». Суть обвинений сводилась к тому, что он привлек к сотрудничеству некую Лиану Кляйн, отец которой якобы был агентом Франко и получал от дочери информацию об организации Мюнценберга. Опровергнув все обвинения, Мюнценберг скоро догадался, что «дело Кляйн» было только предлогом, чтобы покончить с ним самим. Тогда, с большим трудом, применив всю свою энергию и хитрость, с помощью П. Тольятти он выезжает из СССР.

Прибыв в Париж, Мюнценберг передал новому уполномоченному Коминтерна Шмералю полную отчетность, касающуюся всех комитетов и издательств, находившихся под его контролем; а сам сосредоточился на работе в созданном им Немецком народном фронте. Но уже на учредительном съезде Мюнценберг столкнулся с интригами со стороны своих товарищей по КПГ. С осени 1937-го по осень 1938 года эмигрантское руководство КПГ распространяет про него всевозможные слухи, а с другой стороны, все время пытается склонить к поездке

в СССР. Такое предложение делает ему и сотрудник резидентуры ИНО НКВД в Париже — Белицкий (В. Гражуль). Да и сам Г. Димитров прислал из Москвы два письма: в первом он обещал важное задание, а во втором писал, что понимает, какие трудности возникли у Мюнценберга в Париже, и что все может разрешиться, как только тот приедет в СССР. Но Мюнценберг прекрасно понимал, зачем его настойчиво приглашают в Москву. Так, в беседе с одним американским коммунистом на вопрос: «Да что же может с вами случиться?» — он не без юмора ответил: «Они всего лишь расстреляют меня, как и других, а потом, лет через 10, объявят, что допустили большую ошибку». Кстати, он ошибся на 30 лет. СЕПГ реабилитировала Мюнценберга в партийном отношении лишь в 1989 году.

Видя, что заманить Мюнценберга в СССР не удастся, в Москве дали команду снять его со всех постов в КПГ и возбудить против него персональное дело в ИКК, что и было сделано. Тогда осенью 1938 года Мюнценберг выходит из КПГ и создает независимый «Рабочий комитет немецких социалистов и рабочих социалистов Австрии», объединяющий пять левосоциалистических групп немецкой и австрийской эмиграции. Не забывает он и о публицистике. В 1939—40 годах выходит целый ряд его статей, посвященных преступлениям сталинского режима. Разумеется, такое поведение посвященного во многие секретные дела бывшего функционера Коминтерна не могло не насторожить Москву, и за Мюнценбергом со стороны советских спецслужб было установлено постоянное наблюдение.

После начала Второй мировой войны и нападения Германии на Францию Мюнценберг, как и другие немецкие эмигранты, был интернирован в лагерь Ла Вернье. В связи с наступлением немцев французы сняли с лагеря охрану, и Мюнценберг вместе с несколькими заключенными, не желая попасть в руки гестапо, решил бежать в Швейцарию. По дороге группа разделилась, и Мюнценберг вместе с неизвестным рыжеволосым нем-

цем продолжили путь вдвоем. Больше живым его никто не видел. А в октябре 1940 года его тело было найдено повешенным на дереве в Коугнинском лесу около деревни Монтань под Греноблем, на юго-востоке Франции. По-видимому, он был убит в июне 1940 года. Версия самоубийства маловероятна по двум причинам. Во-первых, все оставшиеся в живых участники побега (кроме как в воду канувшего рыжеволосого немца) в один голос утверждали, что Мюнценберг был энергичен, весел и полон сил. Во-вторых, его лицо было страшно изуродовано. И скорее всего, это было сделано для того, чтобы нашедшие тело не смогли опознать труп.

До сих пор оставшиеся в живых участники тех событий и историки спорят, кто был организатором убийства Мюнценберга. Известно, что приказ о расправе над Мюнценбергом был отдан Гитлером, и за ним охотилось гестапо. Но аналогичный приказ был отдан и Сталиным, у которого было гораздо больше оснований желать Мюнценбергу смерти и гораздо больше возможностей осуществить его ликвидацию.

Константин Волков

Операция, которую провело 1-е управление НКГБ в отношении своего сотрудника полковника Константина Волкова, нельзя назвать ликвидацией в прямом смысле этого слова. Но в то же время участвовавшие в ней сотрудники советской разведки во многом действовали как при выполнении спецзадания. И надо сказать, причины для этого у них были.

Эта история началась 27 августа 1945 года, когда вице-консул советского посольства в Турции Константин Волков направил вице-консулу Великобритании Чэнтри Пэйджу просьбу о безотлагательной встрече. Было время отпусков, посол Великобритании отсутствовал, а большинство служащих посольства на лето переехало из Анкары в Стамбул. Поэтому просьба была оставлена без

ответа. Тогда 4 сентября Волков лично явился в старое консульское здание в Стамбуле. Его приняли вице-консул Пэйдж и первый секретарь посольства Джон Рид, исполнявший обязанности переводчика.

Волков очень нервничал, излагая цель своего визита. Оказалось, что он является полковником, заместителем резидента НКГБ в Турции, и принял решение бежать на Запад. Он заявил, что хотел бы получить паспорта для себя и жены для въезда на Кипр и 27 500 фунтов стерлингов. В обмен на политическое убежище он предлагал англичанам досье, документы и информацию, собранные им во время работы в британском Иностранном отделе в Центре: список советских агентов в Турции, адреса зданий НКГБ в Москве, данные о системе их охраны, слепки с ключей, графики смен дежурных охранников. Но самым важным было его заявление о советских агентах в Англии, причем двое из них, по его словам, работали в министерстве иностранных дел, а семеро — в британской разведывательной службе, один из которых исполнял обязанности руководителя отдела британской контрразведки в Лондоне.

Позднее, разбирая обстоятельства дела Волкова, англичане пришли к выводу, что два агента в МИДе, о которых он упоминал, были, по всей видимости, Бёрджесс и Маклейн. Среди семи агентов в разведке, несомненно, были К. Филби, Э. Блант, Дж. Кэрнкросс, Л. Лонг и Дж. Клагмэн. А двумя другими могли быть Седрик Белфрэйдж, который во время войны два года работал в Британском координационном центре безопасности в Нью-Йорке, и офицер британского Управления специальных операций (SOE), имя которого не называется до сих пор.

Рид вместе с Пейджем решили, что о предложении Волкова следует поставить в известность посла Великобритании в Турции сэра Мориса Питерсона. Однако тот выразил крайнее неудовольствие от этого известия, так как уже давно пытался остановить проникновение сотрудников СИС под дипломатическим прикрытием в по-

сольство. «Я не допущу, чтобы мое посольство превратилось в гнездо шпионов, — заявил Питерсон. — Если вы хотите заниматься этими делами, выбирайте для этого Лондон». Это решение посла отключило от дела Волкова резидента СИС в Турции Сирила Макрэя, которого не проинформировали о произошедшем, и привело к печальным для Волкова последствиям.

Когда Волкову сказали, что о его просьбе придется проинформировать Лондон, он согласился, но выдвинул ряд условий. Первое: отчет о беседе должен быть написан от руки, а не напечатан на машинке, так как в британском посольстве есть русский агент. Второе: связь с Лондоном по его вопросу должна вестись дипломатической почтой, поскольку все радиосообщения между Лондоном и посольством в Москве уже в течение двух с половиной лет расшифровываются. Третье: ответ он будет ждать не более 21 дня. Обговорив эти условия, Волков покинул британское посольство.

19 сентября 1945 года донесение, написанное в Стамбуле Ридом, было доставлено в СИС, где легло на стол начальника 9-го отдела (контрразведка против коммунистических стран и организаций) небезызвестного Кима Филби. Как глубоко внедренный «крот» НКГБ, он сразу понял величину грозящей ему опасности. Вот что он написал по этому поводу в своей книге «Моя тайная война»:

«Я сразу же отверг идею советовать проявлять осторожность в деле Волкова под предлогом возможной провокации. В тот момент это никакой пользы мне не принесло бы, а с точки зрения длительной перспективы могло бы явиться компрометирующим меня фактором. Единственно правильный путь — действовать смело. Я доложил Мензису (начальник СИС в то время — автор), что, по моему мнению, речь идет о деле чрезвычайной важности. Мне потребуется какое-то время, чтобы разобраться в его существовании, и, исходя из информации, которая, возможно, будет получена, выработать соответствующие рекомендации»¹⁵.

В тот же день Филби сообщил о Волкове своему оператору из лондонской резидентуры НКГБ Б. Кротову, который немедленно поставил в известность Центр. 21 сентября консульство Турции в Москве выдало визы двум сотрудникам НКГБ, выступающим как дипкурьеры. Одним из них был начальник 5-го отдела 1-го Управления Андрей Макарович Отрошенко. По прибытии в Стамбул выяснилось, что Волков заболел и находится на лечении в больнице французского консульства. Это могло осложнить выполнение задачи, так как предатель, заподозрив что-то неладное, мог обратиться за помощью к англичанам или французам. Поэтому при помощи врача Волкова убедили в необходимости пройти медицинский осмотр на территории советского консульства. Ничего не подозревающий Волков дал согласие, и только увидев в посольстве Отрошенко, понял, что его ожидает. 24 сентября Волков и его жена, накачанные до беспамятства наркотиками, были доставлены в сопровождении охранников на военный самолет и вывезены в Москву. Судьба Волкова была решена, и вскоре его расстреляли.

Что же касается действий СИС, то они, благодаря принятым Филби контрмерам, были крайне медлительны. Лишь 22 сентября в Лондоне решили, что Филби необходимо разобраться с делом Волкова лично. Задержавшись в пути из-за погодных условий, Филби прибыл в Стамбул только 26 сентября, в пятницу. Но британское посольство не работало по выходным, и поэтому попытку связаться с Волковым Пэйдж, Рид и Филби предприняли только в понедельник 29 сентября. Но в советском посольстве им ответили сначала, что Волков вышел, потом, что Волков в Москве, а когда на следующий день Пэйдж лично посетил посольство, заявили, что не знают никакого Волкова.

В своем отчете СИС о провале Волкова Филби выдвинул несколько версий: пьянство, неосторожность, прослушивание НКГБ его квартиры, неожиданное изменение решения. Так как в СИС Филби пользовался абсо-

лютым доверием, то история с Волковым непосредственно ему не угрожала. Однако после побега в СССР в 1951 году Д. Маклейна и Г. Бёрджесса досье Волкова вытащили из архивов и неудачные попытки Филби дискредитировать Волкова обернулись важной частью обвинения против него самого.

Николай Артамонов

Похищение бывшего офицера ВМФ СССР Николая Артамонова было одной из последних известных на сегодняшний день спецопераций советских спецслужб. Трудно сказать, почему советским руководством было принято решение о похищении перебежчика, ставшего двойным агентом. Ведь если бы даже Артамонов предстал перед советским судом и публично «разоблачил» происки американской разведки, во всем мире развернулась бы компания по обвинению СССР в государственном терроризме, что могло привести к политической изоляции Кремля. Но, к несчастью для Артамонова, в Москве решили вывести его на территорию СССР, и он закончил свою жизнь на полу автомобиля.

Николай Федорович Артамонов родился в 1926 году в семье кадрового офицера военно-морского флота, что и определило его судьбу. После окончания военно-морского училища он был направлен на Балтийский флот, где сделал стремительную карьеру. В 32 года Артамонов был капитаном 3-го ранга и самым молодым командиром эсминца Балтийского флота. В дальнейшем его ожидало блестящее будущее, многие даже поговаривали о скором переводе его в Главный морской штаб, где ему было обеспечено адмиральское звание.

Но тут в его жизнь ворвалась молодая, красивая полька Ева Гора. Потеряв от любви голову, Артамонов, бросив жену и маленького сына, на военном катере бежал с любовницей в Швецию, где обратился за помощью к ЦРУ. В справке управления «К» (внешняя контр-

разведка) ПГУ КГБ по делу Артамонова по этому поводу говорится следующее:

«В воскресенье 7 июля 1959 года изменил Родине, совершив побег в Швецию из польского порта Гдыня, где находился в составе советской эскадры. Под предлогом рыбалки вышел в море на служебном катере со своей любовницей двадцатидвухлетней красавицей полькой Евой Горой...

Как показал на следствии моторист катера Илья Попов, Артамонов приказал ему следовать в Швецию под угрозой применения оружия. Когда же они прибыли туда, то в присутствии официальных шведских лиц Артамонов настойчиво предложил Попову вернуться в Советский Союз, поскольку «на Западе ему делать нечего». Попов вернулся на родину. Артамонов и Ева Гора обратились к шведским властям с просьбой о политическом убежище. На четвертый день они его получили. В Стокгольме шведские спецслужбы передали их резидентуре ЦРУ заместителю резидента Полу Гарблеру, работавшему под «крышей» посольства США.

Из Швеции ЦРУ переправило Артамонова, как обычно поступают с предателями из СССР, в ФРГ во Франкфурт-на-Майне на свою базу, где в течение месяца его опрашивали о советском флоте. Он сообщил все, что знал. Затем был доставлен в США, где ему предоставили политическое убежище, а в начале 60-х годов секретным специальным актом Конгресса — американское гражданство»¹⁶.

В США Артамонов получил новые документы на имя Никласа Джорджа Шадрина, женился на Еве и был принят на работу аналитиком в Разведуправление министерства обороны (РУМО) в отдел, обрабатывающий информацию о советском военно-морском и гражданском флотах. Кроме того, его устроили на контрактной основе в ЦРУ консультантом в советский отдел. В деньгах Артамонов не нуждался, поскольку регулярно выступал с лекциями перед советологами по проблемам обороноспособности СССР, а Ева Бланка (такова была ее новая

фамилия), по специальности зубной техник, открыла зубоврачебную практику на дому.

К 1966 году резидентура ПГУ КГБ в Вашингтоне установила место проживания Артамонова, после чего в Центре было решено сделать к нему вербовочный подход. С этой целью в марте 1966 года в Вашингтон был направлен сотрудник управления «К» Игорь Петрович Кочнов. Он должен был встретиться с Артамоновым и предложить ему начать сотрудничать с советской разведкой в обмен на обещание амнистии (в 1959 году Военная коллегия Верховного суда СССР заочно приговорила Артамонова к расстрелу) и помощь оставшейся в Ленинграде семье.

Однако, как потом выяснилось, Кочнов поступил довольно необычным образом, что можно расценивать как предательство. Через неделю после приезда в Вашингтон он позвонил домой жене заместителя директора ЦРУ Ричарда Хелмса и сказал, что у него имеется информация, представляющая интерес для американской разведки. Хелмсу не показалось странным, что Кочнов узнал его домашний телефон. «Мое имя всегда значилось в телефонной книге, — позднее вспоминал он. — В то время я жил на Фессенден-стрит». Поэтому встреча Кочнова с сотрудниками ЦРУ состоялась буквально на следующий день после его звонка. Во время беседы Кочнов сделал американцам весьма странное, если не сказать более, предложение. Он заявил, что является сотрудником ПГУ КГБ и послан в США с заданием узнать местонахождение советского перебежчика Николая Артамонова и установить с ним контакт. Суть предложения Кочнова сводилась к следующему: ЦРУ помогает ему выйти на Артамонова, его карьера в КГБ резко пойдет вверх, что станет только на руку ЦРУ, поскольку он, Кочнов, будет для американцев внедренным агентом.

Столь дерзкое предложение Кочнова подверглось в ЦРУ серьезному обсуждению. В конце концов после продолжительных размышлений и согласований с ФБР было решено согласиться на столь нестандартную операцию и

свести Кочнова с Артамоновым. «Мы включили его в игру, — вспоминал позднее сотрудник ЦРУ К. Джонс, назначенный ведущим оперативником Кочнова. — Мы чувствовали, что это необходимо сделать, а что нам было терять?». В результате Кочнов, получивший в ЦРУ псевдоним «Китти Хок», встретился под контролем ФБР с Артамоновым, который сделал вид, что изменил своим убеждениям. Правда, Хелмс, звонок Кочнова к которому положил начало этой истории, впоследствии утверждал, что никогда не одобрял ни одного аспекта данной операции. «С моей стороны никогда не было ни малейшего намерения разрешить Шадрину встречу с какими-то русскими, — настаивал он. — Кто бы ни руководил этим, это был не я. Я не припоминаю, чтобы меня спрашивали, согласен ли я связать этого парня («Китти Хок») с Шадриным. Я не помню, чтобы кто-то просил меня принять такое решение. Это бессмысленно. Я бы не одобрил этого»¹⁷.

Со своей стороны Кочнов сообщил ЦРУ и ФБР ряд сведений о работе КГБ в США. Так, он дал информацию, которая позволила окончательно установить личность таинственного «Саши», агента КГБ, о котором говорил перебежчик Голицын. Им оказался майор армии США, завербованный КГБ в Западной Германии и передававший СССР секретные материалы во время Кубинского кризиса. Второе важное сообщение Кочнова касалось Игоря Орлова, офицера советской военной разведки, попавшего в немецкий плен в 1944 году и позднее работавшего на ЦРУ в Западной Европе. После бегства в США Голицына он также попал под подозрение как «крот» КГБ и был уволен из ЦРУ. Кочнов подтвердил, что в 1965 году Орлов посещал посольство СССР в Вашингтоне, где говорил о том, что его допрашивают агенты ФБР, и просил таблетки с ядом на случай непредвиденных обстоятельств.

Проведя ряд встреч с Артамоновым, Кочнов через несколько месяцев сообщил американцам, что его отзывают в Москву, и передал Артамонова на связь вашинг-

тонской резидентуре. В дальнейшем, в период с 1966 по 1971 год Артамонов, проходивший в ПГУ под псевдонимом «Ларк», находился на связи с сотрудником линии «КР» американской резидентуры Александром Соколовым. До 1968 года его искренность не вызывала никаких сомнений. Он регулярно встречался со своим оператором и выполнял все его задания. В Центре Артамонов числился важным и особо охраняемым источником.

Теперь стоит сделать небольшое, но необходимое отступление. В своих мемуарах О. Калугин пишет, что «КГБ устроил его (Артамонова — авторы) сына в Военную академию, создал условия благоприятствия для всей семьи»¹⁸. Тут стоит внести некоторые уточнения. Сыну Артамонова, которого усыновил его дед-адмирал, действительно разрешили поступить в офицерское училище. Но во время получения офицерского звания он был поставлен в наряд. При этом начальник училища заявил: «Сыну предателя нечего делать на плацу в этот торжественный день!». Что же касается жены Артамонова, то КГБ весьма плотно опекал ее вплоть до августа 1991 года. Так что до «условий благоприятствия» семье Артамонова было очень далеко.

В течение ряда лет Артамонов встречался с Соколовым, передавая ему подготовленную в ФБР дезинформацию. Но к 1969 году у КГБ возникли определенные подозрения в двойной игре Ларка. Поэтому в его отношении провели ряд проверочных мероприятий, в ходе которых было установлено, что он работает под контролем американских спецслужб. После этого в Москве было принято решение выкрасть Артамонова и доставить его на территорию СССР.

С этой целью в начале 1971 года Соколов сообщил Артамонову, что срок его командировки в США истек и что теперь оператор Артамонова будет разведчик-незаконник. Эту информацию Артамонов воспринял спокойно, а у его кураторов из ЦРУ и ФБР она вызвала откровенную радость. Весной 1971 года в Монреале произошла встреча Артамонова с заместителем начальника внешней

контрразведки ПГУ Б. Копейко. Во время этой встречи Копейко сообщил Артамонову, что сотрудники Центра проведут с ним еще две-три встречи вне США для обучения работе на специальной радиотехнике, отработки новых условий связи и т. д. После этого личных контактов сотрудников КГБ с Артамоновым не было, а в Центре начали разрабатывать операцию по его выводу в СССР.

В марте 1973 года начальником управления «К» ПГУ был назначен Калугин, который взял на себя руководство данной операцией. В результате было решено похитить Артамонова в Вене, куда его предполагалось заманить под предлогом встречи с нелегалом. Вот что пишет об этом в своей книге А. Соколов:

«В середине 1975 года под руководством Калугина началась проработка операции по захвату Ларка в Вене, которая намечалась на 18 декабря. В этот приезд планировалось провести с ним три встречи под предлогом обучения работе на новом радиопередатчике, передачи условий связи, а на последней встрече — личное «знакомство» с нелегалом. Исходили из того, что он прибудет в сопровождении сотрудников ЦРУ, которые будут обеспечивать его безопасность, каким-то образом контролируя встречи. Предполагалось, что на последней встрече Ларку предложат поехать на машине в другой район Вены для знакомства с нелегалом и проведут его физический захват с применением хлороформа. После усыпления в этой же машине доставят в условленное место на границе с Чехословакией и передадут оперативной группе ПГУ, специально направленной для этой цели из Москвы. Под видом нелегала выступит сотрудник Центра...

Общее руководство операцией осуществлял из Праги заместитель начальника разведки контр-адмирал Михаил Усатов. Он также координировал все действия с чехословацкими органами госбезопасности и венской резидентурой ПГУ. Калугин обеспечивал прием Ларка на границе с Чехословакией и доставку его в Москву. В его группе находилась врач-терапевт медицинского отделе-

ния ПГУ Татьяна. В операции в Вене принимали участие Олег Козлов, Михаил Курышев и Владимир Держановский»¹⁹.

Артамонов приехал в Австрию вместе с женой Евой Бланкой в сопровождении сотрудника управления безопасности ЦРУ Брюса Соли и сотрудницы ФБР Синтии Хосмэнн. Все они остановились в гостинице «Бристоль». Первая встреча Артамонова с сотрудниками ПГУ Козловым и Курышевым произошла вечером 18 декабря и не вызвала у наблюдающих за ней Соли и Хосмэнн никаких подозрений. Вторая состоялась на следующий день, и вновь Артамонов и американцы не заметили ничего подозрительного.

Вечером 20 декабря Артамонов направился на встречу с нелегалом, которая должна была состояться в другом районе города. Около собора Фотифкирхе на Рузвельтплац, недалеко от американского посольства его уже ждали Козлов и Курышев. Они предложили Артамонову сесть в машину, а когда она тронулась, набросили ему на лицо салфетку, смоченную хлороформом. Через несколько секунд Артамонов потерял сознание и был беспрепятственно доставлен на австрийско-чехословацкую границу.

Калугин, первый публично поведавший о похищении Артамонова, в своих мемуарах так описывает те события:

«В декабре 1975 года «Ларк» прибыл в Австрию с женой якобы в отпуск для катания на горных лыжах. В течение двух дней его знакомили с основными приемами работы на радиопередатчике, на третий — обещали встречу с нелегалом. Когда он вышел на обусловленное место в машине, ему набросили на лицо маску с хлороформом, сделали усыпляющий укол для гарантии и повезли в сторону чехословацкой границы. Там его перетащили на свою территорию, но обнаружили, что он, не выдержав стресса, скончался от острой сердечной недостаточности. Смерть констатировал словацкий врач, которого мы пригласили через пограничников, а позже в

Москве, куда труп был доставлен на спецсамолете КГБ, начальник 4-го Главного управления Минздрава СССР Евгений Чазов подтвердил первоначальный диагноз. При вскрытии оказалось, что у «Ларка» развивался рак почки и жить ему оставалось недолго. Похоронили его под латышской фамилией на одном из московских городских кладбищ»²⁰.

Однако Соколов в своей книге дает иную версию случившегося:

«Когда Калугин и другие подошли к машине, то увидели, что она застряла на обочине дороги. Калугину доложили, что захват Ларка прошел удачно. Тот пришел в сознание, вел себя спокойно, постоянно повторял: «Зачем вы все это делаете?» Настроение его подавленное, но физическое состояние вполне нормальное, помощь врача не требуется. Все занялись обсуждением вариантов, как скорее вытолкнуть машину на дорогу и не привлечь внимания посторонних... Минут через десять Калугин, делая вид, что хочет проверить поведение Ларка, подошел к машине, достал свое более сильное, чем хлороформ, спецсредство, открыл заднюю дверцу и набросил салфетку на лицо спокойно сидевшего Ларка. Тот сразу же потерял сознание. Калугин столкнул его с сиденья на железный пол машины и ушел. Позднее он объяснял работникам и затем в Центре, что, заметив, как Ларк пытался выйти из машины, решил снова усыпить его, применив свое спецсредство.

Прошло полчаса, прежде чем стало понятно, что машину не вытащить еще какое-то время. Нужно было торопиться. Решили переправить Ларка на чехословацкую сторону. Все подошли к машине и стали вытаскивать его. Он находился без сознания, тяжело и с хрипом дышал, еле слышно стонал. Носилок не было, пришлось нести на руках. Но это оказалось не просто. Ларк весил свыше ста килограммов. Тогда кто-то вынул из багажника случайно оказавшийся там кусок брезента, Ларка положили на него и потащили волоком к границе. Примерно на полпути остановились и решили подогнать легко-

вую машину с чехословацкой стороны. С трудом затащили в нее Ларка, все еще находящегося без сознания, и положили на железный пол.

В машину набилось шесть человек; в том числе и доктор Татьяна. В дороге она несколько раз предлагала остановиться, осмотреть Ларка и при необходимости ввести лекарство, в том числе снимающее действие хлороформа, но когда Калугин разрешил это сделать, было поздно. Остановились примерно через час и увидели, что Ларк мертв...

Цинковый гроб переправили в Москву. Вскрытие «особо секретного тела» провели не в морге госпиталя КГБ, а поручили известному академику Евгению Чазову. Согласно медицинскому заключению, Ларк скончался от сердечной недостаточности, наступившей вследствие передозировки наркотического средства. Его безымянно кремировали, прах из морга не брали...

Передозировкой явилось сильнодействующее усыпляющее спецсредство Калугина, примененное им без каких-либо оснований. Как говорили очевидцы, после выхода из-под наркоза Ларк был не в силах совершить хоть какие-либо действия для побега»²¹.

В своей книге Соколов обвиняет Калугина в преднамеренном убийстве Артамонова по заданию ЦРУ, агентом которого он являлся начиная с 1959 года. Работал ли Калугин на американцев или нет, это вопрос не нашей книги. Но вот что интересно. В своих мемуарах Калугин утверждает, что похищение Артамонова было организовано с целью приведения в исполнение смертного приговора, вынесенного ему в 1959 году. Это категорически отрицает бывший начальник ПГУ В. Крючков. По его словам, Артамонова похитили, чтобы выяснить обстоятельства оперативной игры, которую через него вели с КГБ американцы. Эти утверждения не выглядят убедительно, но других причин, по которым было принято решение похитить Артамонова, никто не привел. Кроме того, несмотря на провал операции, непосредственных

ее участников наградили. Так, Калугин за похищение Артамонова получил орден Красного Знамени.

В США исчезновение Артамонова вызвало волну негодования. Многие видные политики и юристы потребовали от советского и американского правительств публичного отчета о его судьбе. Дошло до того, что помимо Киссинджера и Бжезинского в дело вмешался даже президент США — Форд, обратившийся с посланием к Л. И. Брежневу с просьбой ответить, где находится Артамонов. Ответ Брежнева не заставил себя ждать: «Мы бы сами хотели знать, где он сейчас находится».

Исчезновение Артамонова ввергло причастных к его делу сотрудников ЦРУ и ФБР в состояние шока. Сразу же возник вопрос о том, кем же был на самом деле Кочнов, по вине которого и началась эта операция. Но к единому мнению прийти не удалось. Так, сотрудник контрразведывательного отдела ФБР Джеймс Нолэн был убежден, что Кочнов был подставой КГБ. Это убеждение основано на том, что он больше ни разу не появлялся как источник ЦРУ. «По моему мнению, если бы «Китти Хок» был подлинным, они (русские) никогда бы не отозвали его из Соединенных Штатов, — утверждал Нолэн. — Или он вскоре бы вернулся сюда. Смотрите, у вас 200 офицеров КГБ в Соединенных Штатах, и они не могут найти Шадрина. Он приезжает и находит его за 12 часов без посторонней помощи, чего не смогли сделать две крупные резидентуры в Нью-Йорке и Вашингтоне. Он действительно провернул блестящую операцию в Соединенных Штатах, следовательно, должен был вернуться, но он не вернулся. Он появлялся в Москве и в других местах, но поговорить с ним было невозможно. Это должно было подсказать вам через какое-то время, что здесь что-то не так. Ему следовало бы приколоть Красную Звезду и отправить сюда назад заместителем резидента, но его не направили»²². Однако другой сотрудник ЦРУ, В. Гмиркин, проведенный в конце 70-х годов расследование дела Артамонова по заданию контр-

разведывательного отдела ЦРУ, пришел к выводу, что Кочнов был настоящим перебежчиком. В 1985 году ЦРУ получило первую информацию, пролившую свет на судьбу Артамонова. Бежавший в августе в США В. Юрченко сообщил на допросах, что Артамонов был похищен в Вене сотрудниками КГБ. Поскольку при похищении он оказывал сопротивление, то ему дали слишком большую дозу хлороформа, после чего он умер, не придя в сознание. А в 1990 году ЦРУ была получена новая информация о Кочнове. Из нее следовало, что он умер в Москве своей смертью.

Предателем Кочнов действительно был. Вернувшись из Вашингтона, он вскоре со скандалом развелся. От увольнения из КГБ его спасла женитьба на дочери министра культуры СССР Е. А. Фурцевой. Кочнова вывели в действующий резерв и направили работать в Академию наук, хотя материально к тому времени он был обеспечен.

После появления в 1977 году в газете «Вашингтон Пост» статьи, где рассказывалось о звонке Кочнова Хелмсу, Кочнов был взят в оперативную разработку. Но прямых доказательств его предательства получить не удалось. В начале 80-х годов он скоропостижно скончался.

* * *

Заканчивая разговор о ликвидации перебежчиков, мы хотим обратиться к Михаилу Петровичу Любимову, автору книги «Шпионы, которых я люблю и ненавижу», вышедшей в свет в Москве в 1998 году. Там на странице 384 он пишет:

«Где ты, мстящая рука КГБ и ГРУ?»

Чистейший миф. Зато публика-дура до сих пор охает и хватается за голову. Если Резун (сотрудник ГРУ, бежавший в 1978 году из Женевы в Англию — авторы) назовет мне хоть одного предателя — а их сонмы! — которого в последние 30 лет покарала бы пресловутая рука

за кордоном (не дома, тут она горазда!), я готов отрубить себе руку и выслать ему дипломатической почтой через английское посольство».

По этому поводу нам хочется сказать следующее. Уважаемый Михаил Петрович! Мы считаем, что похищение Артамонова и его смерть можно считать карательным действием «мстящей руки КГБ». Произошла же сия операция в последние 30 лет, а точнее — за 23 года до написания Вами вышеуказанных строк. Разумеется, мы не будем кровожадно требовать, чтобы Вы отрубили себе руку и послали ее в Англию Резуну. Британские дипломаты могут упасть в обморок, когда Вы принесете им такую посылочку. Но вот выпить с Вами бутылку армянского коньяка за Ваш счет мы не откажемся.

Глава седьмая

Спецоперации

против иностранных граждан

Деятельность советских спецслужб за границей по устранению неудобных кремлевскому руководству лиц до самого распада СССР была строго засекречена. Советская партийная и государственная номенклатура не желала, чтобы кто-либо знал о том, что по ее указанию за рубежом не раз осуществлялись акты политического терроризма.

Между тем террористическая деятельность советских спецслужб, проводимая по приказу вождей ВКП(б) и КПСС, наносила непоправимый урон авторитету первой страны социализма и советской внешней политике. Противозаконное и преступное вмешательство в политическую жизнь зарубежных стран настраивало международную общественность против Советского Союза и отталкивало иностранные правительства от конструктивного диалога и партнерства с Москвой. Кроме того, именно из-за этих актов террора органы госбезопасности СССР имеют за рубежом такую нелестную славу.

В настоящее время завеса тайны, скрывавшая эти факты деятельности советских спецслужб, немного приоткрылась. Поэтому у нас есть возможность рассказать о некоторых спецоперациях, проводимых против иностранных граждан на территории зарубежных государств.

Неудавшееся покушение на Маннергейма

Как известно, после Октябрьской революции входившая в состав Российской империи Финляндия получила независимость. Однако финские коммунисты надеялись по примеру российских большевиков организовать в стране революцию и вооруженным путем прийти к власти. Но этого не произошло, так как большинство финнов не поддержали коммунистов, и в начале 1918 года возглавивший армию генерал Маннергейм разгромил вооруженные отряды финской Красной гвардии, после чего их вожди были вынуждены бежать в Советскую Россию.

О Маннергейме, ставшем национальным героем Финляндии, необходимо рассказать особо. Барон Карл-Густав Маннергейм родился в 1867 году в Финляндии в семье выходцев из Швеции. Он получил прекрасное образование в кадетском корпусе в Хамина, Гельсингфорском лицее и Николаевском кавалерийском училище в Петербурге, после чего поступил на военную службу в российскую армию. Командуя кавалерийским эскадронном, он отличился в русско-японскую войну, во время которой за сражение под Мукденом был досрочно произведен в полковники.

После окончания войны Маннергейма по указанию Генерального штаба направляют в военно-научную экспедицию по странам Центральной Азии. Целью экспедиции было картографирование малоизвестных тогда в Генштабе территорий. В 1906—1908 годах он проехал русский и китайский Туркестан, достиг Пекина, а оттуда перебрался в Японию. В ходе экспедиции Маннергейм зани-

мался не только картографированием, но и проводил этнографические и антропологические исследования. Так, он первым из европейцев беседовал с таинственным тогда далай-ламой и даже получил от него разрешение сделать фотографии сцен богослужения буддийских монахов.

После возвращения из экспедиции Маннергейма производят в генерал-майоры свиты Его Величества, а затем назначают командиром гвардейского Его Величества Уланского полка. В дальнейшем он командовал дивизией и армией, принимал участие в Первой мировой войне. Интересную характеристику Маннергейма оставил неизвестный царский, а затем советский генерал Игнатьев, в 1895 году начавший службу в конной гвардии. В своей книге «Пятьдесят лет в строю» он пишет:

«Непосредственным моим начальником оказался поручик барон Маннергейм, будущий душитель революции в Финляндии. Швед по происхождению, финляндец по образованию, этот образцовый наемник понимал службу как ремесло. Он все умел делать образцово и даже пить так, чтобы оставаться трезвым.

Он, конечно, в душе глубоко презирал наших штатских в военной форме, но умел выражать это в такой полушутливой форме, что большинство так и принимало это за шутки хорошего, но недалекого барона. Меня он взял в оборот также умело и постепенно доказал, что я, кроме посредственной верховой езды да еще, пожалуй, гимнастики, попросту ничего не знаю».

Когда в октябре 1917 года в Петрограде власть захватили большевики, генерал-лейтенант Маннергейм сразу же вышел в отставку и уехал в Финляндию. А уже через два месяца ему поручают разогнать отряды финской Красной гвардии, при помощи которых местные коммунисты пытались захватить власть. Маннергейм успешно справился с этой задачей, после чего вновь ушел в отставку. Впрочем, она была недолгой. Дело в том, что после отделения от России финны пригласили править страной немецкого принца Фридриха Карла Гессенского.

Но его коронация так и не состоялась: Германия к тому времени потерпела поражение в мировой войне, а кайзер отрекся от престола. И тогда финны вручили власть Маннергейму. Ему присваивается звание правителя Финляндии, чтобы он в этом качестве выработал основы будущего государственного строя и добился дипломатического признания Финляндии ведущими западными странами.

Маннергейм успешно справился и с этими задачами, после чего на первых президентских выборах, состоявшихся в июле 1919 года, правые партии выдвинули его своим кандидатом. Однако президентом он в этот раз не стал, уступив представителю социал-демократов Карлу Стольбергу.

В октябре 1919 года Маннергейм, занимавший пост командующего финскими вооруженными силами, обратился с письмом к правительству, в котором призвал его организовать военный поход против Советской России. Аргументы его были следующие: большевики сейчас слабы как никогда, защитить Петроград они не смогут, необходимо действовать и т. д. Но правительство не последовало призывам Маннергейма, так как о его письме стало известно общественности, которая отнеслась к предложению генерала крайне негативно.

О письме Маннергейма узнали и в Советской России, что привело к неожиданным последствиям. Дело в том, что, хотя Финляндия и Россия находились в состоянии войны, уже началась подготовка мирных переговоров, закончившихся 14 октября 1920 года подписанием Тартуского мирного договора. Однако заключение мира с Финляндией грозило финским коммунистам и красногвардейцам, вынужденным скрываться в Петрограде, крушением их планов возвращения на родину. Поэтому руководители военной организации Коммунистической партии Финляндии выступили с предложением ликвидировать Маннергейма, посмевшего угрожать колыбели революции. При этом они рассчитывали, что после убийства Маннергейма переговоры с Финляндией будут со-

рваны, а значит, останется возможность продолжить войну «до полной победы финского пролетариата». Предложение финских коммунистов ликвидировать Маннергейма поддержали руководители Петроградской ЧК и Петроградского военного округа, которые серьезно опасались финской интервенции.

В результате операция по ликвидации Маннергейма была утверждена. Деньги и оружие для ее проведения выделил военный комиссариат Петрограда и ПЧК, а ее непосредственное исполнение было возложено на Военную интернациональную школу, где в то время обучалось около полутора тысяч финских красногвардейцев. Планирование операции было поручено комиссару школы Эйно Рахья.

Вскоре группа террористов была подобрана. Возглавил ее выпускник школы 1919 года — финн Александр Векман. Убежденный большевик, он родился в Петербурге, где до революции работал токарем на одном из заводов. В годы Гражданской войны он воевал в рядах Красной Армии, а после окончания Военной интернациональной школы командовал батареей на границе с Финляндией в местечке Валкеасаари. Кроме него в группу вошли еще семь финских краскомов, окончивших школу вместе с Векманом, — Александр Суокас, Кард Сало, Вяйно Луото, Эмиль Куутти, Яльмар Форсман, Александр Энтрох и Антти Поккинен. И хотя Векман всех их знал и полностью им доверял, конечная цель операции держалась от членов группы в секрете.

В январе 1920 года операция вступила в практическую фазу. Первым нелегально перебрался в Финляндию Энтрох, в задачу которого входила подготовка группы обеспечения из числа местных жителей и организация базы для остальных боевиков. Вскоре им был привлечен к операции слесарь Теодор Сядервирте, ставший главным помощником террористов, и рабочий Антон Лонка. Тем временем другой член группы, Куутти, получил задание перебросить в Финляндию оружие. Первоначально для проведения теракта планировалось использовать пуле-

мет, но потом от этой идеи отказались и остановились на легком стрелковом оружии.

В марте 1920 года в Финляндию направились Векман, Суокас и Сало. Имея при себе фальшивые документы и крупную сумму денег, они ночью по льду переправились из Кронштадта в район поселка Инно, а оттуда порознь на попутных телегах и пешком отправились в Хельсинки. Там, на квартире Сядервирте, находившейся на улице Силгасааренкату, члены группы встретились и разделили деньги. Но о том, что им предстоит убить Маннергейма, они узнали от Векмана только во время второй встречи, которая состоялась 1 апреля. Тогда же были обсуждены сведения о привычках генерала, маршрутах его передвижений и системе охраны, которые были получены от группы обеспечения. Было решено убить Маннергейма 4 апреля в городе Тампере во время парада шюцкора (финской белой гвардии). Исполнителя акции выбрали по жребию. Им стал Сало.

На следующий день Векман, Суокас и Сало поодиночке отправились в Тампере, где 3 апреля встретились в кафе на улице Хяменкату. Во время встречи Векман передал Сало крупнокалиберный кольт и сообщил, что стрелять придется на этой же улице, когда Маннергейм, следуя верхом во главе колонны, поравняется с террористом. Что же касается Векмана и Суоаса, то они, вооруженные кольтom и вальтером, должны были подстраховывать Сало, находясь неподалеку от него. После уточнения всех деталей члены группы обошли город, тщательно осматривая пути отхода.

4 апреля 1920 года, в первый день Пасхи, Маннергейм, приветствуемый толпами горожан, возглавил парад. Но когда он проследовал по улице Хяменкату и оказался около Сало, выстрела не последовало. Как выяснилось впоследствии, тот просто струсил. Векман и Суокас также не смогли произвести выстрелы, так как потеряли в толпе Сало и упустили удобный момент.

5 апреля Сало, не встретившись со своими товарищами, вернулся в Хельсинки. А 6 апреля туда же приехали

Векман и Суокас. Их встреча носила бурный характер. — Векман называл Сало жалким трусом и грозил пустить ему пулю в лоб, если тот на очередном параде, который должен был состояться в Хельсинки 13 апреля, не убьет Маннергейма или военного министра Финляндии Бруно Яландера, за которым группа обеспечения также веда постоянным наблюдением.

Однако и на этот раз у Сало не хватило духа осуществить задуманное. Вечером после парада он пришел на квартиру к Сядервирте, отдал ему оружие и, не дожидаясь Векмана, попытался скрыться где-нибудь в Финляндии, так как возвратиться в Россию он, естественно, не мог. Однако 23 апреля он был арестован финской полицией.

После бегства Сало план покушения на Маннергейма рухнул окончательно, и члены группы приняли решение покинуть Финляндию. Векман, Суокас, Сядервирте и Лонка направились в Россию. Но им не повезло — 21 апреля они были арестованы полицией в поезде Хельсинки — Выборг. Форсману и Луото удача улыбнулась, и они благополучно прибыли в Петроград. Что касается Энтроха, Куутти и Поккенена, то они решили осесть в Финляндии. В июле — августе Поккенен побывал в Петрограде и получил инструкции относительно дальнейшей деятельности.

12 ноября 1920 года в городе Турку состоялся процесс над арестованными террористами. Суд приговорил Векмана к 12 годам и Сало к 10 годам тюремного заключения «за участие в тайном антигосударственном заговоре, за измену государственному строю и родине». Подготовка покушения на Маннергейма подсудимым не инкриминировалась, так как оно не состоялось. Суокас был приговорен к 6 годам тюрьмы. Он обвинялся в тех же преступлениях, за исключением измены родине. Вину Лонка суду доказать не удалось, и он был оправдан.

Что же касается Сядервирте, то он стал активно сотрудничать со следствием и дал показания на своих товарищей, за что был освобожден от судебной ответ-

ственности. Но на свободе он пробыл недолго и вскоре погиб в результате взрыва гранаты, брошенной Энтрохом. При этом были ранены двое прохожих, один из которых скончался в больнице. По данному факту полиция провела расследование и довольно быстро задержала Энтроха, Куутти и Лонка. Суд приговорил их за совершенные убийства, а также подготовку к убийству, измену родине и попытку свержения государственного строя к пожизненному заключению.

Впрочем, не все участники этой истории отбыли положенные сроки заключения. Так, 5 июля 1921 года Суокас совершил вместе еще с 6 заключенными побег из тюрьмы Тампере и благополучно добрался до Советского Союза. А 18 июня 1926 года оказались на свободе Векман и Энтрох. Их и еще шесть финнов и двух русских по тайному соглашению между СССР и Финляндией обменяли на финских белогвардейцев, находившихся в советских тюрьмах.

Так закончилась попытка покушения на генерала Маннергейма. Надо думать, что она сыграла не последнюю роль в том, что финские власти долгое время опасались СССР, что в конце концов привело к печально известной зимней войне 1939—1940 годов и к союзу Финляндии с гитлеровской Германией во время Второй мировой войны.

Убийство Энвер-паши

Убийство Энвер-паши нельзя назвать спецоперацией в полном смысле этого слова. Скорее это была специальная войсковая операция, проведенная силами армий и спецслужб. Но на ее примере можно составить представление о том, какими методами устанавливалась советская власть в Средней Азии.

Биография международного авантюриста и предводителя басмачества Энвер-паши заслуживает подробного описания. Он родился 23 ноября 1881 года в Стамбуле в

семье мелкого чиновника Министерства общественных работ Ахмед-бея. Выбрав для себя военную карьеру, он начал службу младшим офицером в маленьком провинциальном гарнизоне в Македонии. Обстановка в те дни на окраинах Турции была сложная. Албанцы, болгары, греки, македонцы не желали более находиться под властью турок и вели против них партизанскую войну. В боях против партизанских отрядов капитан Энвер-бей отличился, за что был досрочно произведен в майоры.

Но когда летом 1908 года начальник одного из гарнизонов в Македонии, сослуживец Энвера лейтенант Ниязи-бей, поднял восстание против султана, Энвер присоединился к нему. В результате султан капитулировал, и к власти в Турции пришли члены партии «Иттихад ве терраки» («Единство и прогресс»), позднее получившие прозвище «младотурки». Участие в восстании круто изменило судьбу Энвер-паши. После прихода к власти «младотурок» он был назначен военным атташе в Берлин, где приобрел обширные связи в немецких военных кругах и даже стал личным другом кайзера Вильгельма. В 1911 году Энвер-паша возвращается в Стамбул и почти сразу выезжает в Северную Африку, где началась итало-турецкая война. И хотя в этой войне Турция потерпела поражение, на карьере Энвер-паши это не отразилось: он получил чин генерала и продолжал оставаться одним из лидеров «младотурок».

«Звездный час» Энвер-паши наступил после поражения Турции в Первой балканской войне. 23 января 1913 года он во главе отряда офицеров ворвался на заседание правительства и заставил великого визиря обратиться к султану с просьбой об отставке всего кабинета. В результате он уже через год становится лидером захватившего власть в стране «триумвирата» (Энвер-паша, Талаат-паша и Джемаль-паша), главой партии «младотурок», военным министром и по совместительству начальником Генерального штаба. Тогда же Энвер сумел удачно решить и личные вопросы, став мужем племянницы султана. Но его триумф был коротким. Втянув

Турцию в Первую мировую войну на стороне Германии, Энвер и «младотурки» просчитались. Страны Четверного союза потерпели в войне поражение, и после капитуляции Турции, подписанной в Мудросской бухте острова Лемнос 30 октября 1918 года, Энвер-паша и два других члена триумvirата были вынуждены бежать в Германию.

Оказавшись в охваченной революцией Германии, Энвер-паша скоро понял, что его старым друзьям сейчас не до него. А когда в июне 1919 года турецкий трибунал заочно вынес членам триумvirата смертный приговор, он решается на неожиданный шаг — предлагает свои услуги Москве. Установив контакты с находившимся в Берлине К. Радеком, Энвер выразил желание вместе с большевиками принять участие в освобождении народов Востока от ига колонизаторов Запада, прежде всего Англии. В Москве предложение Энвер-паши, имевшего большой авторитет среди мусульман Востока, вызвало немалый интерес, и вскоре с ним было заключено соглашение о сотрудничестве. Первым отправился в Советскую Россию Джемаль-паша, а оставшийся в Германии Энвер-паша объявил себя сторонником идей Коминтерна и в начале 1920 года опубликовал ряд статей, призывающих к борьбе с колонизаторами.

Тогда же Энвер-паша предпринял несколько попыток выехать в Советскую Россию. Но ему дважды не везло. Первый раз самолет, на котором он летел, совершил вынужденную посадку в Литве, и принятый за шпиона Энвер оказался в виленской тюрьме, откуда через два месяца после настойчивых просьб генерала фон Секта был депортирован обратно в Германию. Вторая попытка также была неудачной — он был арестован в Латвии и провел там в тюрьме три месяца. И лишь в августе 1920 года через Белосток, где находился в то время так называемый «Польревком», созданный во время войны с Польшей, он наконец добрался до Москвы. О том, что в это время Энвер-паша представлял для большевистского руководства огромный интерес, свидетельствуют телеграммы Дзержинского Ленину и члену

РВС Западного фронта И. Смилге от 11 августа 1920 года. Ленину Дзержинский докладывал следующее:

«Сегодня ночью из Германии прибыл Инвер-паша с двумя турками и бывшем уже у нас летчиком Лео. Направляю их сегодня Смилге».

А Смилге была отправлена телеграмма такого содержания:

«Сегодня ночью из Германии прибыл Инвер-паша с двумя турками... Направляю их Вам через Гродно. Ленин извещен»¹.

В Москве Энвер-паше и его «штабу» предоставили для проживания особняк князей Голицыных, а его так называемая «Миссия Али-бея» получила дипломатический статус, хотя никакого правительства реально не представляла. Более того, ему периодически выдавались ссуды в 500 тысяч немецких марок, которые использовались для содержания штаба, а также для поддержки действующей в Стамбуле политической организации «Каракол», находившейся под влиянием Энвера. В это же время Энвер-паша с помощью Радека установил контакты с рядом лиц в советском руководстве и побывал на приемах у Ленина, Л. Троцкого, Г. Зиновьева, Г. Чичерина, Э. Склянского, Л. Карахана.

Надо отметить, что Восток в планах большевиков и Коминтерна занимал важное место. Они намеревались объединить усилия пролетарского коммунистического движения в развитых капиталистических странах с национально-освободительным некоммунистическим движением на Востоке. В этой связи намечалось установить контакты с кемалистами в Турции и Амануллой-ханом в Афганистане, находившихся в конфликте с англичанами, и использовать Кабул и Туркестан (тогда автономная республика в составе РСФСР) в качестве плацдарма для наступления на Индию.

Для выполнения задуманного прежде всего было необходимо реорганизовать афганскую армию. С этой целью в Кабул еще в 1919 году был направлен соратник Энвера Джемаль-паша, деятельность которого получила

высокую оценку у военного руководства. Так, в отчете разведывательного отдела Туркестанского фронта за 1922 год констатировалось, что его «влияние чувствовалось в каждом мероприятии по организации, встречало вполне благоприятную почву для своей работы, но основные начала реорганизации армии, проводившиеся в связи с реформой всего политического строя страны, в окончательном виде еще не осуществлены». Джемаль-паша находился в Афганистане вплоть до 1922 года, когда на некоторое время выехал в Тифлис, где был убит армянским националистом.

Что касается Энвер-паши, то он в сентябре 1920 года отправился в Баку, где состоялся Первый Конгресс угнетенных народов Востока. На конгрессе Энвер выступал от имени некоего «Союза революционных организаций Марокко, Алжира, Туниса, Триполи, Аравии и Индонезии» и в своей речи выразил симпатии Советской России, заявив о готовности вести борьбу против общего врага — мирового империализма.

После окончания конгресса Энвер-паша обосновался в Батуме, намереваясь, скорее всего, вернуться в Турцию и оттеснить ее нового лидера Кемалю от власти. Но такое развитие событий самого Кемалю явно не устраивало, и он обратился к советскому руководству с требованием убрать Энвера из Батуми. Кремль, не желая ссориться с Кемалем, приложил максимум усилий для того, чтобы отправить Энвера в Бухару, где он должен был оказать помощь Джемаль-паше, временно находившемуся в Москве.

4 октября 1921 года Энвер-паша прибыл в Бухару. Осмотревшись, он начал искать пути, которые дали бы ему возможность вновь оказаться на вершине власти. В конце концов он решил порвать с большевиками и присоединиться к басмаческому движению в Туркестане. С этой целью он установил контакт с турецкими офицерами, с которыми был знаком, будучи военным министром Турции. В начале ноября 1921 года он с их помощью под видом охоты выехал в Восточную Бухару, где в

январе 1921 года встретился с эмиром бухарским и заключил с ним соглашение о совместных действиях против большевиков. Первоначально у Энвера был лишь небольшой отряд численностью около 30 человек, но уже после первых стычек с частями Красной Армии его отряд вырос до 300 хорошо вооруженных и обученных бойцов. Энвер выпускал прокламации, которые подписывал: «Заместитель эмира Бухары, зять халифа, сейид Энвер». А когда в марте 1922 года рескриптом эмира бухарского он был объявлен главнокомандующим мусульманскими войсками и заместителем эмира, заказал себе печать с титулом «Верховный главнокомандующий всеми войсками ислама, зять халифа и пророк Мухаммеда». Тогда же он послал в Москву письмо с требованием вывести советские войска из Туркестана.

Переход Энвер-паши на сторону басмачей дал очередной толчок антисоветским выступлениям в Средней Азии. В своем докладе в Москву заместитель генерального консула в Душанбе Насырбаев писал:

«...во всех районах, не занятых Красной Армией, восстановлена власть беков, полевой штаб начал военное обучение, открылись оружейные мастерские, восстановлена регулярная связь с эмиром Бухарским и Афганистаном, откуда получают материальное снабжение и живую силу. Установлена связь с басмачами в Фергане. В настоящее время у Энвера 10 тыс. бойцов при 16 пулеметах. Полевой штаб находится в кишлаке Касрерун... в 12 верстах от Байсуна... Энвер с каждым днем крепнет, и необходимо как можно быстрее ликвидировать эту авантюру, ибо она в недалеком будущем может принять крайне серьезный характер»².

А в конце мая 1922 года разведотдел Туркестанского фронта докладывал:

«Агентурными данными отмечается всевозрастающая организованность отрядов Энвер-паши, который является не только фактическим командующим всеми вооруженными силами повстанцев, но и идейным руководителем панисламской организации всего Туркестана. Аген-

турными данными отмечается прибытие к Энверу отрядов ферганских и самаркандских басмачей и поддержание непрерывной связи с Бухэмиром. Энвер получает моральную и материальную помощь Афганистана. Повстанческое движение идет под лозунгом освобождения от русских»³.

Всего же, по данным Всероссийского главного штаба, в январе 1922 года против частей Туркестанского фронта действовало 97 банд общей численностью 20 342 человека, а к маю их количество выросло до 116; в которых находилось около 25 тысяч человек.

В связи с обострением обстановки в Бухаре в Москве решились на жесткие меры. Была вновь создана Бухарская группа войск в составе двух стрелковых полков, двух отдельных кавполков и кавалерийской бригады. В начале июня 1922 года группа перешла в наступление и у Байсуна разгромила основные силы Энвер-паши. Потерпев поражение, Энвер-паша отошел в глубь Восточной Бухары, но через некоторое время был достигнут около Бальджуана, где 1 августа его отряды были рассеяны окончательно. О том, как завершилась операция по ликвидации Энвер-паши, подробно описал Я. Мелькумов, командовавший в то время 1-й отдельной кавалерийской Туркестанской бригадой:

«Командир бригады (8-й отдельной Туркестанской кавбригады, разгромившей Энвера под Бальжуаном — авторы) Богданов направил 16-й кавалерийский полк на Хавалинг с задачей разгромить шайку Чары-Есаула. Одновременно был сформирован сводный эскадрон, в который из обоих полков были взяты наиболее опытные бойцы и лучшие лошади. Во главе эскадрона Богданов поставил опытного командира Ивана Савко. Эскадрон получил задачу найти и уничтожить Энвер-пашу. 15-й кавалерийский полк, обескровленный в бою за Бальджуан, и конно-горная батарея вместе со штабом бригады остались в Бальджуане.

Эскадрон Савко ушел из Бальджуана на север, ведя тщательную разведку, и 3 августа остановился на привал

вблизи небольшого селения. По соседству семья дехканина снимала в саду персики. Несколько красноармейцев пошли им помогать.

Вскоре один из них вернулся, отозвал командира эскадрона в сторону и сообщил ему, что, по словам дехканина, Энвер-паша и Довлятман-бий находятся в кишлаке Чаган. Савко сам поговорил с дехканином, и тот сказал, что из Чагана вернулся его брат, который своими глазами видел Энвера.

В большом и богатом кишлаке Чаган, расположенном в 25 километрах северо-восточнее Бальджуана, была своя мечеть, в которую ходило молиться все окрестное население. И Энвер-паша, остававшись в Чагане, еще лелеял надежду воздействовать на религиозные чувства дехкан и, пополнив свои потрепанные банды, вновь повести их на борьбу против Советской власти. Кишлак лежал в стороне от больших дорог, и Энвер чувствовал себя здесь в полной безопасности.

Чтобы не спугнуть Энвера, Савко задержался на привале до вечера, и только с наступлением темноты эскадрон двинулся вперед. На рассвете подошли к Чагану. Укрыв лошадей в окраинных садах, бойцы буквально по-пластунски пробрались в кишлак. С минарета муэдзин призвал правоверных к утренней молитве.

Вооруженные джигиты личной охраны Энвера, оставленные у мечети при лошадях, кутались в халаты от знобкого утреннего ветра, дувшего с гор. Савко приказал навести пулеметы на площадь перед мечетью, но огня не открывать.

Но вот утренняя молитва закончилась, из мечети стали выходить вооруженные джигиты. Оттеснив жителей, они образовали живой коридор. На пороге мечети появился Энвер-паша в сопровождении Довлятман-бия и других курбашей. Они не спеша прошли к лошадям. И тут Савко приказал пулеметчикам открыть по этой группе огонь.

Началась паника. Коноводы быстро подали лошадей, и эскадрон пошел в атаку. Через несколько минут пло-

шадь перед мечетью опустела. Среди убитых местные жители опознали Энвера и Довлятман-бия. Оба они были скошены пулеметными очередями»⁴.

Впрочем, после смерти Энвер-паши антикоммунистические выступления в Средней Азии под флагом ислама не прекратились — изменилась только их форма. А причиной тому была непродуманная и авантюристская советская внешняя политика на Востоке (одно приглашение Энвера чего стоит), в результате которой Восточная Бухара еще долгое время оставалась ареной партизанской войны.

Исчезновение Джульет Пойнтц

В 30-е годы деятельность советских спецслужб за рубежом стала более активной. В это время органы ОГПУ-НКВД, как уже говорилось, провели ряд спецопераций против представителей белой эмиграции, троцкистов, украинских националистов и невозвращенцев. Кроме того, были ликвидированы и некоторые иностранные граждане, которых кремлевское руководство посчитало для себя опасными. В большинстве случаев они бесследно исчезали. Одним из самых загадочных таких случаев можно считать исчезновение в 1937 году американской гражданки, в прошлом видной деятельницы Компартии США, работавшей на советскую военную разведку, Джульет Пойнтц.

Джульет Стюарт Пойнтц родилась 25 ноября 1886 года в Омахе, штат Небраска, в семье ирландских католиков. Ее отец был адвокатом. В 19 лет Пойнтц покинула свой дом в Небраске и отправилась в Нью-Йорк. Здесь она закончила Бернارد-колледж Колумбийского университета и получила звание магистра искусств. Свое образование она продолжила в Англии в Оксфордском университете и в Лондонской школе экономики, куда была приглашена Генеральной федерацией женских клубов.

После возвращения в США Пойнтц в 1909 году вступила в Социалистическую партию. Обосновавшись в

Нью-Йорке, она в 1908—1910 годах работала в эмиграционной комиссии США, а затем в Американской ассоциации по трудовому законодательству и в Бюро трудовых исследований школы Рэнда, директором которой являлась в 1914—1915 годах. В 1915—1919 годах она была директором международного профсоюза портних и по совместительству преподавала в Колумбийском университете.

В 1913 году Пойнтц вышла замуж за доктора Фредерика Франца Людвига Глезера, атташе германского консульства в Нью-Йорке. Это было довольно странное замужество, учитывая радикальные социалистические взгляды Пойнтц. По этому поводу в литературе встречается совершенно анекдотическая версия, по которой Пойнтц вышла замуж за немецкого дипломата с целью шпионить за немецкой деятельностью в США и посылать эту информацию русским большевикам.

Будучи левой социалисткой, Пойнтц в 1919 году после образования Коммунистической партии США вступила в ее ряды, почти сразу же выдвинувшись в число партийных лидеров. Однако вскоре она подверглась критике за свои связи с одним из партийных оппозиционеров, Людвигом Лоре. Лоре был исключен из КП США и некоторое время работал на ИНО ОГПУ, пока не был разоблачен в том, что сам фабриковал свои донесения. Но сама Пойнтц избежала исключения из партии вместе с ним. Более того, она продолжала занимать видные посты в КП США, была директором Нью-Йоркской рабочей школы, руководила женским отделом партии и некоторое время являлась секретарем американской секции МОПРа. А на рубеже 30-х годов Пойнтц даже была членом Женского секретариата Профинтерна, то есть поднялась уже до международного уровня в коммунистическом движении. В этот же период она баллотировалась от КП США на должность генерального прокурора штата Нью-Йорк, являлась организатором Общества дружбы с СССР и коммунистического профсоюза Лиги «Единство» в США.

Однако в начале 30-х годов в связи с непрекращающимися дразгами внутри Компартии США над Пойнтц вновь нависла угроза исключения. Тогда же (очевидно, в 1934 году) советская разведка сделала ей предложение выйти из партии и переключиться на работу в пользу Разведупра РККА. По некоторым данным, уже и до этого предложения Пойнтц выполняла отдельные задания советских спецслужб в Европе и Китае. Так или иначе, но в 1934 году, после инструктажа в Москве, она вернулась в Америку и приступила к работе, с огромной энергией и энтузиазмом вербуя агентов, в основном в академической среде, а также среди деятелей культуры.

Но в 1937 году Пойнтц якобы сказала своему старому другу итальянскому анархисту Карло Треске (родился в 1879 году, с 1904 года жил в США, активно занимаясь журналистской деятельностью), что она разочаровалась в СССР и решила отойти от шпионской деятельности. Более того, она якобы пригрозила, что напишет мемуары, в которых расскажет все, что знает о неприглядных сторонах коммунистического движения.

Однако 3 июня 1937 года, вскоре после разговора с Треской, она исчезла из своей нью-йоркской квартиры. Несколько позднее Пойнтц видели возле ее апартаментов на Манхэттене в Американской женской ассоциации, после чего она пропала окончательно. Об исчезновении Пойнтц объявил ее поверенный Элис Либерман, который заявил, что проник в ее квартиру, где обнаружил нетронутую одежду и ценные вещи. Нетронутым оставался и банковский счет Пойнтц на 10 тысяч долларов (позднее, в 1944 году, когда она была официально признана умершей, деньги были переданы ее сестре Юэли Пойнтц).

Нью-Йоркская секция службы поиска пропавших людей искала Джульет Пойнтц длительное время, в том числе официально обращаясь в коммунистические ячейки, штаб-квартиру партии и в партийные газеты. Но никаких следов Пойнтц не было обнаружено. В это время уже упоминавшийся Карло Треска также развернул ши-

рокую кампанию поисков Пойнтц. Он обращался в различные американские газеты, однако также без всякого успеха. 7 февраля 1938 года Треска провел первую пресс-конференцию, во время которой ознакомил присутствовавших с известными ему фактами. Он связал исчезновение Пойнтц с так называемым делом супругов Робинсонов-Рубинсов — советских разведчиков, отозванных из США в СССР и репрессированных. Треска также отметил, что муж Пойнтц, доктор Глезер, умерший в 1933 году, работал в немецком консульстве в Нью-Йорке. Кроме того, Треска обратился в официальные органы и попросил Верховного Федерального судью засвидетельствовать исчезновение Пойнтц. Во время приема он повторил свои обвинения: «Джульет Стюарт Пойнтц захвачена советскими спецслужбами и вывезена в СССР, так как слишком много знала».

В декабре 1937 года американские коммунисты руководитель пресс-службы партии Адамсон и член Политбюро Хэтэуей сделали официальные заявления, что в компартии ничего не знают о судьбе Пойнтц, которая покинула ряды партии в 1934 году. Центральный орган партии газета — «Дейли Уокер» обвинила Треску в том, что он выдумал историю с исчезнувшей американской гражданкой. Однако Треска продолжал свою кампанию, заявив, что к похищению Пойнтц причастны два советских шпиона — Шахно Эпштейн и Джордж Минк.

Эпштейн (Шахно) Александр Борисович родился в 1883 году в Литве в семье раввина. В 1903 году он вступил в Бунд и участвовал в революционной деятельности, за что был арестован. В 1906 году он бежал из России, поселился в Австрии, потом в Швейцарии. В 1909—1917 годах Эпштейн жил в США, активно печатался в еврейской социалистической печати. В 1917 году после Февральской революции он вернулся в Россию, стал одним из активистов Бунда, а в 1919 году вступил в РКП(б). С 1921 по 1929 год Эпштейн находился в США, где принимал самое деятельное участие в еврейском коммунистическом движении. По возвращении в СССР он

работал редактором в различных еврейских и русских изданиях, а в 1930-е годы его вновь направили за рубеж, на этот раз с секретными заданиями, в том числе по линии разведки. В дальнейшем он занимал пост ответственного секретаря Еврейского антифашистского комитета. Умер Эпштейн 21 июля 1945 года.

По версии Трески, Шахно работал на ОГПУ с 1930 года, был любовником Пойнтц и вовлек ее в шпионскую деятельность. Их видели вместе в Нью-Йорке в конце мая 1937 года. Он также якобы сопровождал Джульет во время ее встречи с Треской. 11 августа 1937 года Эпштейн покинул США на корабле «Куин Мэри» и вернулся в СССР.

Второго шпиона, Джорджа Минка, Треска считал непосредственным убийцей, или, по крайней мере, организатором убийства Пойнтц. Минку было около 40 лет, он также был выходцем из России и работал таксистом в Филадельфии. Несколько лет он руководил деятельностью американского отделения Союза моряков и транспортных рабочих (прокоммунистического профсоюза, тесно связанного с советской разведкой). С 1930 года Минк в основном жил в Москве и работал в Профинтерне, выезжая за границу, в том числе и в Германию. Совершенно точно установлено, что Минк в это время работал на советскую военную разведку. Летом 1935 года из-за его невоздержанности (пытался изнасиловать горничную в гостинице) произошел колоссальный провал Разведупра в Дании. Минк получил 18 месяцев тюремного заключения, однако через год вернулся в СССР. В ноябре 1936 года его якобы видели в Москве в компании Джульет Стюарт Пойнтц. Позднее он будто бы участвовал в гражданской войне в Испании под именем Альфреда Херца. Считается, что Минк-Херц руководил в Барселоне оперативной группой НКВД. В этом качестве он якобы участвовал в похищении журналиста Марка Рейна, а также в убийстве лидера ПОУМ — Андреа Нина и итальянского анархиста Камило Бернери.

В истории смерти Минка также очень много неясного.

По одной версии, Минк был отозван из Испании и расстрелян в СССР. А по другой, высказанной главой ФБР Эдгаром Гувером в октябре 1940 года, еще до покушения на Троцкого в мае 1940 года Минк был убит группой троцкистов во главе с секретарем Троцкого — Джозефом Хансеном. Труп его был сброшен в кратер вулкана. Утверждают, что фотография Минка была направлена Троцкому в Койоакан, где в апреле 1938 года его опознал на улице один мексиканский троцкист.

Впрочем, никаких конкретных доказательств в пользу своей версии Треска не привел, и история с исчезновением Пойнтц была бы забыта, если бы не ее неожиданное продолжение. 11 января 1943 года двое неизвестных застрелили самого Карло Треску в тот момент, когда он выходил из редакции своей газеты «Иль Мартелло», а затем скрылись на машине с места преступления. Это убийство так и осталось нераскрытым, и существуют по крайней мере три версии случившегося.

По первой из них убийство было делом рук мафии. Считалось, что в нем замешан местный «авторитет» Кармине Галанте. Известный гангстер «Лакки» Лучано заявил, что может опознать убийц. Вторая версия приписывает убийство Трески итальянским фашистам, которым он чрезвычайно досаждал своей неумеренной активностью. По третьей версии убийство Трески — дело рук НКВД. Ему, якобы не могли простить участия в Комитете в защиту Льва Троцкого и членства в комиссии Дьюи, разоблачений Шахно Эпштейна и Джорджа Минка, а также многолетней кампании по поводу пропавших супругов Робинсонов-Рубинсов и Джульет Стюарт Пойнтц. Непосредственным организатором убийства Трески называли итальянского коммуниста Витторио Видали. Видали периодически жил в США еще с 20-х годов, а его имя связывали со многими убийствами. Так, когда в 1929 году в Мексике был убит лидер кубинских коммунистов Хулио Антонио Мелья, в этом первоначально обвинили Видали, однако потом пришли к выводу, что убийцами были агенты кубинского диктатора Мачадо.

Интересно, что любовница Мельи, знаменитая актриса и фотохудожник Тина Модотти стала после его убийства любовницей самого Видали. Позднее Видали обвиняли в похищении и убийстве Андреа Нина в Испании в 1937 году, а еще позднее — в убийстве Льва Троцкого в Мексике. В номере своей газеты «Иль Мартелло» от 15 мая 1942 года Треска посвятил Видали целую страницу, где назвал его главарем шпионов, похитителей и убийц. За несколько дней до смерти, узнав, что Видали находится в Нью-Йорке, он сказал своим друзьям: «В его присутствии я чувствую запах смерти. Я спрашиваю себя, кто будет следующей жертвой?».

Впрочем, доказательств того, что в исчезновении Джульет Пойнтц и в убийстве Карло Трески замешаны советские спецслужбы, до сих пор нет. И до того времени, пока не будут изучены архивы ФСБ, эти предположения остаются только бездоказательными версиями.

Похищение Рауля Валленберга

В самом конце Второй мировой войны советские спецслужбы вновь стали практиковать проведение спецопераций против иностранных граждан на территории зарубежных стран. Одной из первых таких операций стало задержание сотрудника шведской дипломатической миссии в Венгрии — Рауля Валленберга. Арестованный в 1945 году в Будапеште советской военной контрразведкой СМЕРШ и бесследно исчезнувший в сталинских тюрьмах, он стал национальным героем Швеции, человеком-легендой, который, как было сказано на специальных слушаниях в Конгрессе США, более чем кто-либо заслужил право «считаться святым». Судьбой Валленберга стали интересоваться сразу же после его ареста. А в 1991 году даже была создана совместная российско-шведская рабочая группа по делу Валленберга. Однако до сих пор обстоятельства смерти шведского дипломата остаются неизвестными.

Но перед тем как приступить к рассказу о злоключениях Валленберга, стоит сказать несколько слов о его семье. Шведские специалисты по генеалогии и геральдике предупреждают своих клиентов, что их исследования ограничиваются периодом до XVII века. Но и этого отрезка времени вполне достаточно, чтобы убедиться в правильности выбранного Маркусом Валленбергом девиза, взятого им при посвящении в рыцари ордена св. Серафима: «Существовать, но невидимо!» И действительно, все потомки основателя шведской финансовой империи Валленбергов старались действовать сообразно этой формуле. Так, в XVIII веке Якоб Валленберг, отправившийся на корабле «Финланд» в Ост-Индию, опубликовал после возвращения книгу о своих приключениях, озаглавленную «Мой сын на галере». Но анонимно.

Таких примеров можно привести множество, особенно в XX веке. В 1942 году резидент НКВД в Стокгольме Б. Рыбкин участвовал в заключении между СССР и Швецией тайного экономического соглашения, по которому в обмен на платину Москва получила высококачественную шведскую сталь. Банк, осуществлявший эту сделку, принадлежал семейству Валленбергов. А в 1944 году при активном участии Маркуса Валленберга начались секретные переговоры между представителями Советского Союза и Финляндии, закончившиеся подписанием 4 сентября 1944 года мирного договора.

Рауль Густав Валленберг родился в 1912 году в Стокгольме. Хотя он и принадлежал к клану Валленбергов, которых иногда называют «шведскими Рокфеллерами», большого состояния у него не было, и он мечтал о своем бизнесе, который приносил бы ему значительные прибыли. Человек с сильной волей, желающий прославиться, он был антифашистом и имел обширные связи в США, где в свое время закончил Мичиганский университет по специальности архитектора. Но при этом до начала Второй мировой войны он дважды приезжал в Венгрию с деловыми визитами и даже был удостоен

личной встречи с адмиралом М. Хорти, с 1919 года бывшим фактически диктатором в стране.

Когда в Европе разразилась война, Валленберг, работавший в экспортно-импортной фирме, принадлежавшей Кальману Лауэру, поступил в Национальную гвардию. Судьба Валленберга круто изменилась в начале лета 1944 года после встречи Лауэра с Ивером Ольсеном, американским разведчиком, работающим на Управление стратегических служб (УСС) и находящимся в Стокгольме под «крышей» сотрудника посольства США. Узнав, что Лауэр венгерский еврей, Ольсен сразу же попросил его найти шведа «с крепкими нервами», который мог бы отправиться в Будапешт и заняться спасением евреев, отправляемых в лагеря смерти. Лауэр предложил Рауля Валленберга.

В конце июня 1944 года на курорте Сальтшебаден состоялась встреча Ольсена с Валленбергом, которому для этого было предоставлено увольнение из части. В ходе беседы Валленберг дал согласие на сотрудничество с американцами по линии разведки и Совета по делам беженцев войны США. И уже в скором времени по настоянию Вашингтона он был направлен в шведское посольство в Венгрии в качестве генконсула. Этому назначению помогли и венгры. Сохранилась записка агента ЦРУ, датированная 1954 годом, в которой говорится, что находившийся в Стокгольме венгр Кальман Гейер «помог внедрить Рауля Валленберга в Венгрии во время Второй мировой войны в качестве агента Управления стратегических служб»⁵.

Валленберг прибыл в Будапешт 9 июля 1944 года. Официальной целью его миссии было спасение от неминуемой смерти венгерских евреев. Осмотревшись и наладив контакт с венгерскими властями и немецким военным командованием, Валленберг развил бурную деятельность. Так, он добился отправки из Венгрии в Швейцарию пяти эшелонов с заключенными концлагерей. За это нейтральная Швеция поставила Германии партию

грузовиков, сделанных на заводе «Скания-Вабне», который контролировало семейство Валленбергов. Часть прибыли от этой сделки пошла на счет Валленберга. Кроме того, он использовал так называемые «охранные сертификаты» с изображением шведской короны. Посещая пункты сбора евреев для отправки в концлагеря, он громко выкрикивал наиболее распространенные фамилии, и часть обреченных, сообразив, в чем дело, бросалась к нему, получая защиту со стороны шведского правительства.

Общее число спасенных Валленбергом людей неизвестно. Назывались разные цифры: от явно нереальных 200 тысяч до более объективных 20 тысяч человек. Но даже если спасенных им было меньше, это нисколько не умаляет его подвига. Следует отметить, что деятельность Валленберга вызывала раздражение представителей СС в Венгрии. Начальник отдела IVB4 гестапо Адольф Эйхман, отвечавший за «окончательное решение» еврейского вопроса, даже организовал на него покушение, закончившееся, правда, неудачно. Позднее, во время обеда с Валленбергом, Эйхман пообещал предпринять новую попытку, на что швед только улыбнулся.

Что касается работы Валленберга на УСС, то она была не менее активна. Дело в том, что Венгрия была тем регионом, где у УСС практически не было агентуры. «Управление стратегических служб, — вспоминает бывший сотрудник ЦРУ Макарган, — не имело активной команды агентов в Венгрии в конце войны». Поэтому вполне верно утверждение другого бывшего сотрудника ЦРУ, Джеймсона, заявившего, что Валленберг был «ценным сотрудником американской разведки, что было редкостью в том районе мира в то время». Свои донесения Валленберг посылал дипломатической почтой через Стокгольм, а о характере выполняемых им поручений можно судить по донесению в Вашингтон из резидентуры отдела SI (секретная разведка) УСС в Бари (Италия) от 7 ноября 1944 года, в котором говорится, что Валлен-

берг установил связь с руководителями венгерского Сопротивления, в том числе и с Г. Соосом. Целью этих контактов была вербовка агентов, готовых на сотрудничество с УСС. А как утверждает один из бывших сотрудников шведской миссии фотограф Т. Вереш, Валленберг во время осады Будапешта советскими войсками занимался фотографированием позиций частей Красной Армии⁶.

О разведывательной деятельности Валленберга советским спецслужбам стало известно еще до взятия Будапешта. По свидетельству генерал-лейтенанта Белкина, в то время заместителя начальника СМЕРШ, в 1945 году во все фронтовые управления военной контрразведки была разослана ориентировка на Валленберга, в которой говорилось, что он подозревается в сотрудничестве с немецкой, американской и английской разведками, и предписывалось установить за ним постоянное наблюдение с целью установления его контактов. Одним из информаторов о деятельности Валленберга был русский граф и бельгийский подданный М. Толстой-Кутузов, завербованный ИНО НКВД в 30-х годах. В Будапеште он работал в миссии Красного Креста, а осенью 1944 года получил должность в отделе «В» шведской дипломатической миссии в Венгрии, который контролировал выполнение немцами Женевской конвенции в отношении советских военнопленных. Согласно его сообщениям, Валленберг поддерживал контакты с сотрудниками немецкой разведки, в том числе и с руководителем VI управления РСХА В. Шелленбергом. Правда, здесь надо отметить, что контакты Валленберга с представителями немецких спецслужб во многом были вынужденными. Без них он не смог бы спасти обреченных на уничтожение евреев.

13 января 1945 года Валленберг был арестован офицерами СМЕРШ в штабе 151-й дивизии, куда он явился по требованию советского командования. По поводу задержания Валленберга в архивах сохранился следующий документ:

1. Находящегося в 151 СД секретаря шведской миссии Рауля Валленберга проводить немедленно к командиру 18 СК генерал-майору Афонину, обеспечить его сохранность и удобство передвижения.

2. Связь Рауля Валленберга с внешним миром воспретить.

3. Получение и исполнение донести.

14.1.45 23.30 Курприянов».

На документе имеется следующая резолюция:

«т. Павловскому, т. Поветкину. Немедля выяснить, что за секретарь, где все посольство».

А на полях документа отражены результаты выяснения:

«— Взяли его 13.1.45 на ул. Бенцур (пришел сам).

— Остальные члены посольства в западной части.

— Отказался уходить в тыл, заявив, что на его ответственности около 7000 шведских граждан в восточной части города»⁷.

Несколько дней Валленберг находился под усиленной охраной без связи с внешним миром в штабе 2-го Украинского фронта, а потом был отправлен в Москву. Сохранилось донесение, в котором говорится, что «арестованный Рауль Валленберг отправлен 25.1.45 г., старший конвоя капитан Зеньков Николай Матвеевич»⁸.

В Москву Валленберга доставили 6 февраля, что следует из учетной карточки внутренней тюрьмы НКГБ. По словам его сокамерника Г. Рихтера, когда Валленберга везли в Москву, он находился в хорошем настроении и даже вел визуальную разведку, результаты которой заносил в записную книжку, маскируя их как материалы к задуманному им шпионскому роману. Судя по имеющимся в архивах документам, первое время Валленберг содержался во внутренней тюрьме на Лубянке, потом в Лефортово, а затем его снова перевели во внутреннюю тюрьму НКГБ. Допрашивали его следователи Сверчук,

Кузьмишин и Копелянский. Согласно журналам регистрации вызова на допрос Внутренней тюрьмы НКГБ и Лефортовской тюрьмы, первый допрос Валленберга состоялся 8 февраля 1945 года, а последний — 11 марта 1947 года.

Что же касается причин ареста Валленберга, то прежде всего надо отметить, что он не мог быть произведен без санкции высшего партийного руководства. Об этом говорит и тот факт, что приказ о его аресте подписал Булганин, в то время заместитель Сталина по Наркомату обороны. Отдавая такой приказ, в Москве вероятнее всего рассчитывали использовать Валленберга в качестве объекта вербовки или как заложника, с помощью которого можно было бы использовать семейство Валленбергов для получения выгодных кредитов на Западе. Вполне возможно, что его собирались использовать и как важного свидетеля закулисных связей деловых кругов Запада и фашистской Германии в годы войны на Нюрнбергском процессе. Впрочем, выдвигались и другие версии. Так, американский журналист Д. Бартал считает, что Валленберга собирались использовать, чтобы скомпрометировать еврейские организации, в том числе и небезызвестную «Джойнт».

Однако к 1947 году обстановка изменилась. Валленберг категорически отказался работать на советскую разведку, Нюрнбергский процесс закончился, а семейство Валленбергов не высказывало заинтересованности в его освобождении. О причинах такой странной позиции поведал в интервью Шведскому телеграфному агентству (ТТ) сводный брат Валленберга — Ги фон Дардель, заявивший: «Причина состояла в том, что империя Валленбергов осуществляла в конце второй мировой войны крупные дела в Венгрии и Германии, о которых Рауль знал, возможно, слишком много»⁹. Кроме того, шведское правительство с апреля 1945 года забрасывало НКВД СССР запросами о его судьбе: было послано 8 нот и состоялось 5 устных бесед. Поэтому вопрос о дальнейшей судьбе Валленберга Кремлю необходимо было решить

как можно быстрее, и 14 мая 1947 года Вышинский, являвшийся тогда заместителем В. Молотова по разведывательной работе, направил на его имя служебную записку:

«Тов. Молотову.

В конце 1944 г. шведы обратились в НКВД СССР с просьбой взять под защиту первого секретаря шведской миссии в Будапеште Рауля Валленберга.

16 января Миссии было сообщено, что Валленберг обнаружен и взят советскими военными властями под свою защиту.

24 апреля 1945 г. шведы сообщили в НКВД СССР, что среди отправленных из Будапешта в Швецию сотрудников Миссии Валленберга не оказалось, и просили его разыскать. Эти запросы со стороны шведов в дальнейшем многократно повторялись как в письменной (8 нот), так и в устной форме (5 бесед).

15 июня 1946 г. на приеме у тов. Сталина б. шведский посланник Седерблом обратился к тов. Сталину с просьбой поручить навести справки о судьбе Валленберга...

...мы неоднократно, устно и письменно, запрашивали в течение 1945 и 1946 гг. «Смерш», а позднее МГБ о судьбе и местопребывании Валленберга, в результате чего лишь в феврале с. г. в разговоре с тов. Новиковым тов. Федотов сообщил, что Валленберг находится в распоряжении МГБ, и обещал доложить Вам лично о дальнейших мероприятиях МГБ по этому делу.

Поскольку дело Валленберга до настоящего времени продолжает оставаться без движения, я прошу Вас обязать тов. Абакумова представить справку по существу дела и предложения о его ликвидации»¹⁰.

В последнем абзаце этой записки Вышинский предлагает не закрыть дело и выпустить Валленберга (тогда бы была использована формулировка «прекратить дело»), а фактически настаивает на том, чтобы глава МГБ Абакумов представил план уничтожения арестованного как

нежелательного лица для советского руководства. Последствия не заставили себя ждать. По официальной версии Валленберг 17 июля 1947 года умер в камере Лубянской тюрьмы, о чем говорится в следующем рапорте на имя Абакумова:

«Докладываю, что известный Вам заключенный Валленберг сегодня ночью в камере внезапно скончался предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда.

В связи с имеющимся от Вас распоряжением о личном наблюдении за Валленбергом прошу указания, кому поручить вскрытие трупа на предмет установления причины смерти.

*Начальник санчасти тюрьмы
полковник медицинской службы
Смольцев. 17.VII.47 г.»*

Кроме того, на рапорте есть приписка Смольцева: «Доложил лично министру. Приказано труп кремировать без вскрытия. 17. VII. Смольцев»¹¹.

Но скорее всего Валленберг не умер, а был убит. Для этого было достаточно перевести его в спецкамеру «Лаборатории-Х», которая находилась рядом с Лубянской тюрьмой, и под видом лечения сделать смертельную инъекцию. Это не составляло никакого труда, тем более что начальник лаборатории Майрановский имел большой опыт в проведении таких операций, начиная с 30-х годов. Разумеется, санчасть тюрьмы не была поставлена в известность о сделанной инъекции и констатировала смерть Валленберга в обычном порядке.

В это же время МИД получил указание отвечать на запросы шведов, что Валленберга в СССР нет. И уже 18 августа 1947 года Вышинский направил послу Швеции в СССР письмо, в котором, в частности, говорилось:

«В результате тщательной проверки установлено, что Валленберга в Советском Союзе нет и он нам неизвестен.

Действительно, 14 января 1945 года Министерство иностранных дел СССР получило краткое сообщение, основанное на косвенных данных одного из командиров воинских частей, которая вела бои в Будапеште, о том, что на улице Бенцур якобы был обнаружен Валленберг...

Проводились тщательные расследования и розыск Валленберга, однако это к положительным результатам не привело, а советский офицер, сообщавший о Валленберге, не найден. В лагерях для военнопленных и интернированных Валленберг также обнаружен не был...»¹².

Впрочем, спустя 10 лет советское руководство официально признало, что Валленберг умер в 1947 году в Лубянской тюрьме от сердечного приступа. Эта версия и до сих пор считается официальной, хотя имеются все основания утверждать, что Валленберг был ликвидирован по указанию кремлевского руководства.

Ян Масарик — убийство или самоубийство?

Разумеется, похищение и убийство Валленберга было не единственной спецоперацией такого рода, проведенной советской разведкой в период с 1944 по 1953 год. Так, например, 8 декабря 1944 года в той же Венгрии был задержан, переправлен в СССР и помещен в Лефортовскую тюрьму голландский лейтенант Геррит ван дер Ваалс, в свое время бежавший из немецкого плена и как Валленберг помогавший спасти венгерских евреев. А когда в Москве узнали, что Ваалс 23 марта 1948 года награжден королевой Нидерландов Вильгельминой «Бронзовым крестом», с ним произошло то же, что и с Валленбергом. Согласно справке ФСБ РФ от 30 июня 1999 года «в 1948 году в связи с заболеванием почек Ван дер Ваалс был помещен в больницу Бутырской тюрьмы, где 11 августа 1948 года умер от туберкулеза легких и кишечника».

Однако наиболее запутанным является так называемое «дело Яна Масарика», видного политического дея-

теля и министра иностранных дел Чехословакии, сына первого президента республики. По официальной версии он покончил с собой — его тело нашли под окнами Чернинского дворца в Праге 10 марта 1948 года. С тех пор ведутся нескончаемые споры, была ли эта смерть политическим убийством, осуществленным советскими или же чешскими спецслужбами, либо действительно имело место самоубийство, связанное с тем, что в феврале того же года власть в Чехословакии перешла в руки политических оппонентов Масарика из Компартии Чехословакии во главе с Клементом Готвальдом.

Ян Масарик родился в 1886 году. После того как в результате Первой мировой войны Чехословакия получила независимость, он поступил на дипломатическую службу. С 1919 по 1922 год Масарик занимал пост советника чехословацкого посольства в Лондоне, потом работал в Праге в центральном аппарате МИДа, а в 1925 году вернулся в Англию, но уже в качестве посла. Будучи послом, он выступал за создание системы коллективной безопасности в Европе. Поэтому, когда в 1938 году было заключено печально знаменитое Мюнхенское соглашение, он в знак протеста оставил свой пост и ушел в отставку.

В 1938—39 году Масарик посетил США, где выступал с лекциями, в которых призывал к борьбе против «стран оси» (Германия, Италия и Япония). В 1939 году он вернулся в Англию, где его и застала Вторая мировая война. Не желая оставаться в стороне от борьбы своего народа против немецких оккупантов, Масарик в 1940 году становится министром иностранных дел в эмигрантском чехословацком правительстве в Лондоне, в 1941 году — заместителем председателя этого правительства, а в апреле 1945 года занял пост министра иностранных дел в правительстве президента Бенеша, созданного на освобожденной территории Чехословакии в Кошицах.

Как политический деятель и человек, Масарик питал теплые чувства к русскому народу и его стране. В 1946 и 1947 годах он посетил СССР в составе правительствен-

ной делегации. Однако вскоре его отношение к Советскому Союзу изменилось. Причиной тому послужила сталинская политика по советизации Чехословакии, направленная на то, чтобы сместить президента Бенеша и поставить у власти коммуниста Готвальда. Особенно резко выступил Масарик против событий февраля 1948 года, когда правительство Народного фронта, полностью состоящее из коммунистов, при поддержке полиции и службы госбезопасности, находящихся под контролем МГБ СССР, фактически захватило власть в стране.

А 10 марта 1948 года тело Масарика, как уже говорилось, было найдено под окнами Чернинского дворца. Его внезапная смерть породила множество слухов и домыслов. По официальной версии, Масарик покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна своего кабинета. Однако многие считали, что Масарика выбросили из окна и что сделано это было по указанию советских спецслужб. Правда, никаких конкретных доказательств сторонники этой версии не приводили.

В очередной раз дискуссия об обстоятельствах смерти Масарика развернулась в начале 90-х годов, когда было опубликовано письмо Масарика Сталину, написанное 9 марта, то есть накануне гибели. Оно было обнаружено в архиве ЦК КПЧ, где лежало в специальном фонде бывшего лидера страны Антонина Новотного. В нем Масарик писал:

«Господин маршал,

это письмо я решил написать Вам в последние минуты своей жизни, вслед за тем, как принял бесповоротное решение, которое осуществляю в считанные часы.

Знаю, что это вызовет немало дискуссий как среди моих друзей, так и среди недругов: ведь самоубийство не является оружием политика, если только не совершается перед лицом полного краха его деятельности либо в ответ на общественное презрение, вызванное именно таким крахом. Я не говорю о военных преступниках: Гитлере, Геринге, Геббельсе, Гимmlере и других, которые таким путем пытались избежать справедливого воз-

мездия, назначенного за совершенные ими преступления. И сам Клемансо, человек из гранита и стали, носил при себе яд с решимостью воспользоваться им в случае, если бы французская армия в многострадальный период 1917—1918 годов потерпела поражение от Германии. Так же и Наполеон принял в Фонтенбло яд, который хранил еще со времен русского похода из боязни оказаться пленником русских казаков, предводитель которых, атаман Платов, клялся повесить его на русской березе в отместку за надругательство, которому интервенты подвергли Россию...

Не считаю себя человеком такого закала, как Клемансо, и никогда мне не приходила в голову возможность самоубийства по политическим мотивам. Я жил и действовал в парламентских условиях, при которых неудачи столь же обыденная вещь, как и успехи, причем и те, и другие весьма умеренны в атмосфере постоянной борьбы, не достигающей, однако, того драматического накала, который столь типичен для тоталитарного режима или военного периода. Тем не менее сегодня я решился — причем окончательно и без малейшего колебания. Я говорил об этом в нашем последнем разговоре с президентом Бенешем: именно этот разговор явился для меня кульминацией и поставил точку в размышлениях, долго зревших у человека, считающего жертву неминуемой; то есть это не следствие какого-то преходящего неврастенического кризиса.

Еще в ранней моей молодости отец мне внушал, что без прямой и действенной поддержки России Чехословакия никогда не сможет выстоять в борьбе против германского наплыва. Эта идея укоренилась во мне так же глубоко, как и у большинства чешских политиков. Мы всегда полагали, что в защите от германизма не можем положиться ни на какую иную страну, кроме России. Мюнхен протрезвил и тех из нас, кто еще надеялся на активную солидарность Англии. Мои личные контакты с американскими государственными деятелями убедили меня в том, что Соединенные Штаты, как и Англия, не

способны понять, что защита Чехословакии от германизма служит одной из важнейших гарантий мира в мировом масштабе.

В 1920 году, когда советские части под командованием Буденного приближались к Львову, мой отец вместе с Эдуардом Бенешем пригласили к себе Вашего посла Мостовенко и сделали перед ним знаменательное заявление: они подчеркнули, что с того дня, когда русские части займут западную Галицию, наше государство признает права России на Закарпатскую Украину со столицей в Ужгороде — в знак наших симпатий; кроме того, они указали, что готовы немедленно подписать с вами союзнический договор. И это несмотря на то, что ваши части шли тогда в сражения со словами «Интернационала» на устах...

Еще в 1914 году чешские военнослужащие из состава австрийской армии массами сдавались в плен русским, хотя в Австрии существовал почти парламентский режим, тогда как русские войска еще сражались за царя, властвовавшего самодержавно и деспотично. Но ведь это были русские, наши давние братья.

Вспоминаю о нашей встрече в Москве, состоявшейся при подписании союзнического договора. Тогда Вы мне сказали, что СССР и в дальнейшем будет проводить традиционную политику славянского братства и возрожденной Чехословакии нечего опасаться, будто вновь может дойти до рецидива германского вторжения.

Никогда не забуду о нашей работе с г-ном Молотовым в Сан-Франциско; тогда я открыто и искренне говорил ему, что могу не соглашаться с некоторыми предложениями вашей делегации, однако дружба с вашей страной — основной фактор нашей внешней политики и мы всегда останемся с вами. Тогда Вы поблагодарили меня в личном письме, которое я заботливо сохранил как залог нашего искреннего и дружественного сотрудничества.

Я не чинил ни малейших препятствий при передаче СССР Подкарпатской Руси. Наоборот — был рад осуще-

ствлению того, что хотелось моему отцу еще в 1920 году. Старался ускорить — насколько это было в моих силах — предоставление вашей стране чешских урановых шахт — в подтверждение того, что, окажись СССР втянутым в какой-либо вооруженный конфликт, мы всегда остались бы на вашей стороне.

Не в последнюю очередь совсем недавно я без колебаний последовал совету г-на Молотова, когда обсуждалось, принять ли Чехословакии американские кредиты или отвергнуть их; мы отклонили эту помощь, еще раз явно демонстрируя, что внешняя политика моей страны тесно связывает себя с интересами СССР.

Сразу вслед за возникновением правительственного кризиса в Чехословакии мне хотелось узнать Ваш личный взгляд на требования КПЧ. Вы были так любезны, что в ответ на мои вопросы направили мне дружеское письмо и прислали г-на Зорина. Я был весьма признателен Вам за чистосердечие и откровенность, которые Вы проявили, касаясь некоторых проблем деликатного свойства. Вы разъясняли мне, что по соображениям превентивной безопасности для СССР необходимо иметь в Праге сильную власть, неколебимо верную духу русско-чешского союзничества. Г-н Зорин говорил со мной в том смысле, что Вы безраздельно доверяете президенту Бенешу и мне, но что, однако, в нашем федеральном собрании множество изменников и заклятых врагов СССР, которые готовятся осуществить государственный переворот и дать абсолютно иной курс нашей внешней политике, провоцируя конфликт между Россией и Америкой, что вызвало бы гражданскую войну в Чехословакии. Некоторые факты, о которых сообщал г-н Зорин, были действительно тревожащими, хотя я и не мог разделить все его выводы.

Но так или иначе, а вопрос Вы поставили совершенно ясно, указали, что коммунистическая партия ни в коем случае не помышляет о советизации страны, дело касается лишь исполнения патриотического долга чешских коммунистов, а также их долга перед славянс-

кой общностью. Г-н Зорин заклинал меня поддержать Готвальда в его атаке на Бенеша; у меня и сейчас звучит в ушах его серьезный и просительный голос, его заверения в абсолютной необходимости того, чтобы сын Масарика помог уберечь Чехословакию от гражданской войны, спас страну, славянскую солидарность и целый мир. И еще добавил, что мой отказ означал бы поражение нашей панславянской политики и мог вызвать глубокие перемены в ориентации всей вашей внешней политики.

Я внял Вашим аргументам и поддержал г-на Зорина в его переговорах с Бенешем, получив и устное и письменное заверение, что коммунистическая партия не злоупотребит ситуацией для захвата всей власти и насаждения в нашей стране экономических и политических принципов, глубоко чуждых для нашего народа и его истории. Вам, разумеется, хорошо известно, что мое участие сыграло решающую роль и что после этого вмешательства президент Бенеш дал согласие на создание нового правительства Готвальда; так были предотвращены гражданская война в стране и разрыв с СССР. Вся моя моральная ответственность была поставлена на карту перед президентом и моей родиной.

Вскоре, однако, я понял, что коммунистическая партия ни в малейшей мере не собирается держать обещаний, которые мне были даны. Официальная власть в нашей стране абсолютно ничего уже не значит. Воцарился режим, при котором законы создаются «комитетами действия». В тюрьму отправляют людей, единственная вина которых заключается в том, что в довоенный период они выступали против коммунистов. Их бросают за решетку, хотя часто дело касается верных друзей и сторонников братского союзничества с Россией. В моем собственном министерстве «комитет действия» аннулирует мои распоряжения и отдает свои приказы моим служащим. Это означает, что у нас в самом деле налицо советский режим с той лишь разницей, что советы называются «комитетами действия».

В Чехословакии уже не приходится говорить о свободе. Свобода сменилась гнетом, которому одна партия подвергает всех своих политических противников, готовя почву для установления полицейского и авторитарного государства.

Знаю, что понятие свободы Вы толкуете иначе, чем я. В вашей стране решающую роль играют явно материальные потребности и интересы. Однако мы привержены системе, которая не имеет ничего общего с полицейским режимом, который надвигается в Чехословакии. Я получаю десятки писем от своих друзей, упрекающих меня в том, что я способствовал воцарению этого режима и изменил всему, что сделал для родины мой отец. Президент Бенеш в нашем последнем разговоре поставил мне в укор доверие обещаниям г-на Зорина, сделанным от Вашего имени.

Конечно, я мог бы публично признать свою ошибку, заявить во всеуслышание об отставке, мог бы включиться в борьбу против правительства Готвальда и его политики. Но это означало бы и выступление против вашего правительства, против законной власти в России! А сын Масарика никогда бы не пошел против власти, вершащей судьбу России, никогда не дал бы шанса противникам России, которые только и ждут ваших ошибок и просчетов, чтобы максимально воспользоваться ими в борьбе против колыбели славянства. Я не один, кого обманули посулы г-на Зорина. И я не один, кто отказывается от борьбы за идеалы свободы, поскольку она оборачивается и борьбой против России. Нас тысячи и тысячи, интеллектуалов, без которых вам никогда не построить защитный бастион в Центральной Европе, без которых любые ваши меры превентивной безопасности могут оказаться однажды тщетными: потому что, если возникнет момент смертельной опасности для вашей страны и всего славянства, вы не найдете здесь ничего иного, кроме власти, которую ненавидит вся страна, которую презирает цвет нации и которая опирается только на штыки своей полиции и жандармерии.

Не могу жить без свободы. Не могу, однако, и бороться за нее, потому что Ян Маса́рик не может — даже и косвенно — выступать против России и ее власти. Чувствую себя поручителем за Ваши обещания, которые я передал Бенешу, заложником своей совести в исполнении этих обещаний. Мне не остается ничего иного, как умереть, совершенно неслышно умереть, чтобы и этим не воспользовались как удобным предлогом те, кому хотелось бы спровоцировать в Чехословакии гражданскую войну.

У Вас еще есть время отступить от политики советизации моей страны. Поспешите, ибо вскоре может стать уже поздно.

Ян Маса́рик

Чернинский дворец, Прага. 9 марта»¹³.

Казалось бы, из этого письма со всей очевидностью следует, что Маса́рик покончил жизнь самоубийством. Однако очень многие в Чехии посчитали его фальшивкой. Так, они указали на то, что письмо нашли не в оригинале, а в переводе с французского. Но всем известно, что Маса́рик был известен как большой патриот, тонкий стилист и мастер родной речи, а значит, писать на французском предсмертное письмо не стал бы. Часть исследователей указывала и на то, что в письме встречаются противоречия «с историческими реалиями». Так, автор книги о Маса́рике — И. Борж указывает, что Маса́рик не мог встречаться со Сталиным после подписания союзнического договора, как сказано в письме. Договор заключили в декабре 1943 года в Москве, а Маса́рик с июня 1943 года по февраль 1944 года находился с официальной миссией в Америке. А министр иностранных дел Чехословакии в 1968 году — И. Гаек указал, что в 1920 году у СССР не было своего посла в Чехословакии, а следовательно, упомянутый в письме Мостовенко не мог занимать эту должность.

Однако бывший офицер чехословацкого Генштаба — Ш. Кошар, в 1940-х годах занимавший должность экс-

перта по текстам, заявил, что летом 1948 года получил для оценки фотокопию письма Сталину с собственноручной подписью Масарика. Он утверждал, что после смерти Масарика министр внутренних дел В. Носек действительно обнаружил в его кабинете два запечатанных письма, одно из которых было адресовано Сталину. А фотокопию письма для Генштаба удалось добыть чехословацкому разведчику в Лондоне. В приложенной к фотокопии справке, которую читал Кошар, говорилось, что оригинал также находится в Лондоне и был получен английской разведкой «от какого-то русского полковника, который попросил политическое убежище в английском секторе Западного Берлина. Из СССР он прибыл с курьером к командующему советскими войсками. Разведчик далее указывал, что в Москве этому человеку был поручен перевод письма, полученного Сталиным. А отправившись с дипломатической миссией в Германию, он увез оригинал с собой и передал в Интеллидженс сервис. Возможно, Сталин даже не успел толком познакомиться с письмом, поскольку чешского не знал». Что же касается самого письма, то Кошар никогда не сомневался в его подлинности¹⁴.

После заявления Ш. Кошара дискуссия о смерти Масарика поутихла. Но в 1996 году российский телевизионный канал НТВ выдвинул еще одну версию гибели Масарика. Во время трансляции популярной программы «Времечко» было показано интервью с одной видной советской разведчицей, участницей гражданской войны в Испании. В послевоенное время она находилась на оперативной работе в Чехословакии под прикрытием художника-оформителя детских книг. Совершенно неожиданно во время своего интервью она вдруг заявила, что знает обстоятельства гибели Масарика. По ее словам, он действительно был ликвидирован советской оперативной группой, которой руководил чекист с шестью орденами Красного Знамени. Понятно, что речь шла об Александре Короткове, в 40-х годах бывшим начальником управления нелегальной разведки. Правда,

в Чехии, судя по всему, никакого резонанса это заявление не вызвало.

Как бы там ни было, но вина советского руководства в смерти Масарика действительно есть. Как заявил еще в 1968 году бывший секретарь Масарика — Л. Соукуп, его физического убийства, возможно, и не было, но было убийство моральное.

Спецоперации против маршала Тито

Установление советского контроля над странами Восточной Европы в послевоенные годы проходило в очень напряженной обстановке. Но если в Польше, Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании коммунисты сталинского толка в конце концов одержали полную победу, то в Югославии победного шествия сталинизма не произошло. В результате в конце 40-х годов отношения между СССР и Югославией испортились настолько, что советские спецслужбы получили от Сталина указание любым путем ликвидировать югославского лидера Иосипа Броз Тито.

Конфликт между Сталиным и Тито начался в 1948 году, когда последний отказался поддержать идею о создании федерации Болгарии и Югославии. Не привыкший встречать сопротивление, Сталин вышел из себя. Из Югославии были отозваны советские военные советники, а на состоявшемся в июне 1948 года в Бухаресте заседании Информбюро (преемник Коминтерна, распущенного в 1943 году) А. Жданов огласил доклад «О положении в КП Югославии», в который лично Сталиным было вписано:

«Всю ответственность за создавшееся положение несут Тито, Кардель, Джилас и Ранкович. Их методы — из арсенала троцкизма. Политика в городе и деревне — неправильна. В компартии нетерпим такой позорный, чисто турецкий террористический режим. С таким режимом должно быть покончено».

Позднее, уже на XX съезде КПСС, Хрущев говорил, что потерявший чувство реальности Сталин заявил следующее: «Достаточно мне пошевелить мизинцем, и Тито больше не будет». Но время шло, а Тито продолжал жить и проводить свою политику. Тем самым многие имели возможность убедиться, что Сталин далеко не всесилен, чего он допустить никак не мог. В результате в МГБ были заведены литературные дела «Стервятник» и «Нерон», куда собирались компрометирующие Тито материалы.

Но проведение операции по ликвидации Тито затруднялось тем обстоятельством, что отдел контрразведки Управления государственной безопасности (УДБ) Югославии, возглавляемый генералом Е. Шашичем, уничтожил на территории страны практически всю агентуру советских спецслужб. Так, были арестованы завербованные МГБ военный атташе Югославии в Москве генерал Б. Полянец и его сотрудники — офицеры УДБ М. Перович, С. Павич и С. Стоилкович. Позднее по обвинению в шпионаже арестовали заведующего военным отделом ЦК КП Хорватии генерала Р. Жигича, заместителя министра тяжелой промышленности М. Калафатича, офицеров Генштаба НОАЮ И. Корду и А. Зорича, сотрудников аппарата Коминформа Н. Ковачевича, Д. Озрена и А. Штумпфа и еще целый ряд поддерживающих Москву югославских коммунистов. Всего же в 1948—53 годах в Югославии было арестовано 29 советских агентов.

Но несмотря на сложную оперативную обстановку в Югославии, Сталин был недоволен тем, что подготовка операции по ликвидации Тито не продвигается. Чувствуя его растущее раздражение, Берия и сменивший В. Абакумова на посту министра МГБ С. Игнатьев стали лихорадочно искать пути быстрее выполнения указания вождя народов.

В результате к поздней осени 1952 года было разработано несколько вариантов устранения Тито, и все они были связаны с использованием агента «Макса» — нелегала МГБ, в свое время участвовавшего в ликвидации А. Нина в Испании и Л. Троцкого в Мексике. Вскоре

Сталину был направлен следующий документ, написанный от руки в единственном экземпляре:

«МГБ СССР просит разрешения на подготовку и организацию теракта против Тито с использованием агента-нелегала «Макса» — тов. Григулевича И. Р., гражданина СССР, члена КПСС с 1950 года (справка прилагается).

«Макс» был переброшен нами по костариканскому паспорту в Италию, где ему удалось завоевать доверие и войти в среду дипломатов южноамериканских стран и видных костариканских деятелей и коммерсантов, посещавших Италию.

Используя эти связи, «Макс» по нашему заданию добился назначения на пост Чрезвычайного и Полномочного посланника Коста-Рики в Италии и одновременно в Югославии. Выполняя свои дипломатические обязанности, он во второй половине 1952 года дважды посетил Югославию, где был хорошо принят, имел доступ в круги, близкие к клике Тито, и получил обещание личной аудиенции у Тито. Занимаемое «Максом» в настоящее время положение позволяет использовать его возможности для проведения активных действий против Тито.

В начале февраля с. г. «Макс» был вызван нами в Вену, где с ним была организована встреча в конспиративных условиях. В ходе обсуждения возможностей «Макса» перед ним был поставлен вопрос, чем он мог бы быть наиболее полезен, учитывая его положение. «Макс» предложил предпринять какое-либо действенное мероприятие лично против Тито.

В связи с этим предложением с ним была проведена беседа о том, как это он себе представляет, в результате чего выявились следующие возможные варианты осуществления теракта против Тито.

1. Поручить «Максу» добиться личной аудиенции у Тито, во время которой он должен будет из замаскированного в одежде бесшумно действующего механизма выпустить дозу бактерий легочной чумы, что гарантиру-

ет заражение и смерть Тито и присутствующих в помещении. Сам «Макс» не будет знать о существовании применяемого препарата. В целях сохранения жизни «Максу» будет предварительно привита противочумная сыворотка.

2. В связи с ожидаемой поездкой Тито в Лондон командировать туда «Макса» с задачей, используя свое официальное положение и хорошие личные отношения с югославским послом в Англии Велебитом, попасть на прием в югославском посольстве, который, как следует ожидать, Велебит даст в честь Тито.

Теракт произвести путем бесшумного выстрела из замаскированного под предмет личного обихода механизма с одновременным выпуском слезоточивых газов для создания паники среди присутствующих с тем, чтобы создать благоприятную обстановку для отхода «Макса» и скрытия следов.

3. Воспользоваться одним из официальных приемов в Белграде, на который приглашаются члены дипломатического корпуса. Теракт произвести таким же путем, как и во втором варианте, поручив его самому «Максу», который как дипломат, аккредитованный при югославском правительстве, будет приглашен на такой прием.

Кроме того, поручить «Максу» разработать вариант и подготовить условия вручения через одного из костариканских представителей подарка Тито в виде каких-либо драгоценностей в шкатулке, раскрытие которой приведет в действие механизм, выбрасывающий моментально действующее отравляющее вещество.

«Максу» предложено было еще раз подумать и внести предложения, каким образом он мог бы осуществить наиболее действенные мероприятия против Тито. С ним обусловлены способы связи и договорено, что ему будут даны дополнительные указания.

Считали бы целесообразным использовать возможности «Макса» для совершения теракта против Тито. «Макс» по своим личным качествам и опыту работы в разведке подходит для выполнения такого задания.

Просим Вашего согласия»¹⁵.

Резолюции Сталина на этом документе нет. Но как вспоминает Судоплатов, в то время начальник Бюро № 1 МГБ, ответственного за диверсионные операции за рубежом, Сталин в феврале 1953 года вызывал его в Кремль, чтобы прокомментировать этот план покушения на Тито. Вот что он пишет об этом:

«Сталин передал мне написанный от руки документ и попросил прокомментировать его. Это был план покушения на маршала Тито. Я никогда раньше не видел этого документа, но Игнатъев пояснил, что инициатива исходила от Рясного и Савченко, заместителей министра государственной безопасности...

Я сказал Сталину, что в документе предлагаются наивные методы ликвидации Тито, которые отражают некомпетентность в подготовке плана... Я сказал, что «Макс» не подходит для подобного поручения, так как он никогда не был боевиком-террористом. Он участвовал в операции против Троцкого, против агента охраны в Литве, в ликвидации лидера троцкистов в Испании А. Нина, но лишь с задачей обеспечения выхода боевиков на объект атаки. Кроме того, из документа не следует, что прямой выход на Тито гарантирован. Как бы мы о Тито ни думали, мы должны отнестись к нему как к серьезному противнику, который участвовал в боевых операциях в военные годы и, безусловно, сохранит присутствие духа и отразит нападение. Я сослался на нашего агента «Вала» — Момо Джуровича, генерал-майора в охране Тито. По его отчетам, Тито был всегда начеку из-за напряженного внутреннего положения в Югославии...

Однако Сталин прервал меня и, обращаясь к Игнатъеву, сказал, что это дело надо обдумать еще раз, приняв во внимание внутренние «драчки» в руководстве Югославии. Потом он пристально посмотрел на меня и сказал, что так как это задание важно для укрепления наших позиций в Восточной Европе и для нашего влияния на Балканах, подойти надо к нему исключительно ответственно, чтобы избежать провала, который имел

место в Турции в 1942 году, когда сорвалось покушение на посла Германии фон Папена»¹⁶.

После совещания у Сталина началась предварительная проработка операции. Григулевича, получившего приказ из Москвы о подготовке к теракту, обязали написать письмо жене, которое в случае его провала должно было попасть в руки спецслужб Тито. В этом письме, как и в аналогичном, написанном Меркадером перед покушением на Троцкого, излагалась версия, что это акт одиночки, совершенный по политическим мотивам. Трудно представить, что чувствовал в это время Григулевич, прекрасно понимавший, что шансов выйти сухим из воды у него нет. Но тут вмешался его величество случай. В марте 1953 года Сталин умер, и операция по ликвидации Тито по указанию Берия, стремившегося установить с Югославией дружеские отношения, была отменена.

Исчезновение Отто Йона

После смерти Сталина ставший во главе Советского Союза Н. Хрущев не отказался от практики проведения спецопераций для воздействия на внешнеполитический курс зарубежных государств. Одной из первых таких операций, проведенных при Хрущеве, было похищение в 1954 году президента Федерального ведомства по охране конституции (ФВОК) ФРГ — Отто Йона, которое и в настоящее время таит в себе немало загадок. И главная из них — был ли Йон похищен сотрудниками КГБ, как утверждал он сам, или добровольно перешел в Восточный Берлин, как посчитали западногерманские судьи.

А началась эта история 20 июля 1954 года. Глава ФВОК (служба безопасности ФРГ) Отто Йон, находясь в Западном Берлине по случаю десятой годовщины покушения на Гитлера вместе с другими оставшимися в живых участниками заговора, внезапно исчез после поминальной молитвы в евангелической церкви. Известие

о его исчезновении распространилось с быстротой молнии, затмив все прочие новости. Так, газета «Самди-суар» писала: «Как только в западных канцеляриях узнали об исчезновении шефа секретных служб Федеративной Германии, оно было воспринято как удар грома». Крайне обеспокоенный произошедшим, канцлер ФРГ Конрад Аденауэр немедленно дал указание начать расследование по факту исчезновения Йона, а тому, кто мог сообщить о его местонахождении, было обещано выплатить 500 000 марок.

Но когда спустя три дня стало известно, что Йон находится в ГДР и попросил там политическое убежище, тон высказываний западногерманских политиков резко изменился. Так, министр внутренних дел ФРГ Г. Шредер заявил: «Я никогда не скрывал, что доктор Йон не казался мне подходящей кандидатурой для того поста, который он занимал». Что же касается журналистов, то они были еще категоричнее: «Самая крупная катастрофа в истории секретных служб... Хуже, чем измена начальника штаба австрийской армии, продавшего русским мобилизационные планы, в тысячу раз хуже, чем действия шпионки Мата Хари»¹⁷.

Однако в декабре 1955 года Йон неожиданно для всех вернулся в ФРГ, где был арестован и отдан под суд. Во время следствия он утверждал, что был похищен сотрудниками КГБ, но суд не поверил ему и приговорил к четырем годам тюрьмы. Выйдя на свободу, Йон до самой смерти пытался добиться пересмотра своего дела, но каждый раз безрезультатно. Так что же случилось 20 июля 1954 года? Для того чтобы разобраться в этом, следует внимательно ознакомиться с биографией главы ФВOK.

Отто Йон родился 19 марта 1909 года в Магдебурге, в семье служащего. Закончив университет и получив степень доктора юридических наук, он хотел начать дипломатическую карьеру. Но так как при Гитлере для этого необходимо было быть членом нацистской партии, а Йон отказался в нее вступать, то он стал юрисконсультантом в авиакомпании «Дойче люфтганза» и одновременно

открыл адвокатскую контору в Берлине. Ненавидя фашизм, он вместе с братом Гансом участвовал в заговоре против Гитлера. После провала покушения 20 июля 1944 года Йону удалось бежать из Германии и через Испанию и Португалию добраться до Англии. А вот его брату не повезло — он был арестован и казнен.

Находясь в Англии, Йон с 15 декабря 1944 года и до начала 1948 года состоял на службе у английского правительства, работая на британскую разведку СИС. В 1948 году он открывает в Лондоне адвокатскую контору, но при этом продолжает сотрудничать с СИС, выступая свидетелем обвинения на судебных процессах над военными преступниками. В конце 1949 года, после создания ФРГ, Йон вернулся на родину и попытался устроиться на работу в МИД. Получив отказ, он не оставляет попыток поступить на государственную службу и в 1950 году становится исполняющим обязанности, а с 26 октября 1951 года — первым президентом Федерального ведомства по охране конституции.

Федеральное ведомство по охране конституции (ФВОК) было создано 27 сентября 1950 года и являлось первой официальной секретной службой ФРГ. Основным направлением деятельности ФВОК была борьба с левым и правым радикализмом и иностранным шпионажем, а его агентурная сеть не должна была выходить за пределы Западной Германии. Однако несмотря на то что одной из главных задач ФВОК была борьба со сторонниками фашизма, в его руководстве оказалось много бывших сотрудников спецслужб третьего Рейха. Так, вице-президентом ФВОК был назначен бывший полковник абвера Альберт Радке, а всего на руководящих постах в этом ведомстве было около 40 бывших членов нацистской партии.

Разумеется, это обстоятельство не облегчало положение Йона, тем более что он продолжал активно преследовать нацистов. Например, в 1953 году с его подачи был арестован и отдан под суд неофашистский лидер — доктор Вернер Науман, создавший в Аргентине под вывес-

кой газеты «Вег» крупный неонацистский центр. Такое поведение Йона вызывало возмущение у многих западногерманских политиков: министра внутренних дел Г. Шредера, руководителя внешней разведки Р. Гелена, статс-секретаря ведомства канцлера Х. Глобке, курировавшего все спецслужбы, и других государственных чиновников. Был возмущен либеральными настроениями Йона и канцлер ФРГ Аденауэр, принявший решение избавиться от «розового адвокатишки» при первом же подходящем случае.

Разумеется, советские спецслужбы в то время внимательно отслеживали ситуацию в ФРГ, и от них не укрылось то положение, в котором оказался Йон. Разведотдел аппарата уполномоченного КГБ в Германии начал активно составлять его психологический и политический портрет. Выяснилось, что Йон был блестящим, светским человеком, обладающим большим обаянием и любящий вызывать восхищение. Играя на тщеславии, можно было легко завоевать его расположение. Кроме того, было установлено, что он страдал пристрастием к спиртным напиткам, которое граничило с алкоголизмом. Перебрав, он терял контроль над собой, совершал непредсказуемые поступки, мог впасть в буйство или слезливую прострацию. Позднее преемник Йона — А. Радке, занимавший при нем пост вице-президента ФВОК, так говорил об этом его пороке: «Алкоголь он потреблял меньше, чем большинство других людей. Но на официальных приемах не умел остановиться вовремя. Алкоголь переносил плохо»¹⁸. Но как политик Йон был порядочным человеком, избегал интриг в коридорах власти и был сторонником образования новой, демократической и нейтральной, объединенной Германии.

Именно на последнем обстоятельстве сотрудниками КГБ было решено построить разработку Йона. Дело в том, что в это время Советский Союз выступил на берлинском совещании министров иностранных дел с предложением заключения мирного договора между ГДР и ФРГ и создания временного общегерманского прави-

тельства, имея дальнейшей целью объединение Германии. Однако весной 1954 года Англия, США и Франция отклонили советские предложения, так как со временем хотели включить ФРГ в создаваемое Европейское оборонительное сообщество (ЕОС), а потом и в НАТО. Но многие в ФРГ считали, что предложения Москвы заслуживают самого серьезного внимания. Такой же точки зрения придерживался и Йон.

Для того чтобы установить с Йоном контакт, КГБ был задействован модный западноберлинский врач Вольфганг Вольгемут, являвшийся давним агентом советской разведки. Связь с ним поддерживалась через агента «Гуммеля», в конце 40-х годов из-за угрозы провала выведенного из ФРГ в Восточный Берлин. Вольгемут подходил для этой цели как нельзя лучше, так как до войны был знаком с братом Йона Гансом, а самому Йону не раз помогал преодолеть зависимость от алкоголя. Весной 1954 года Вольгемут дважды встречался с Йоном и получил от него согласие на встречу с советскими представителями в Восточном Берлине. Но при этом Йон поставил условие, что встреча должна носить конспиративный характер и что разговаривать он будет только с русскими. Конкретные сроки встречи не оговаривались, но было условлено, что Йон при удобном случае на автомобиле Вольгемута пересечет секторальную границу в Берлине и таким же образом вернется назад.

Такой случай представился не сразу, а только через два месяца. 13 июля 1954 года Йон выехал из Кельна, где на Людвигштрассе, 12, находилась штаб-квартира ФВОК, и прибыл в Западный Берлин, куда собрались на траурную церемонию по погибшим в годы фашистской диктатуры оставшиеся в живых участники покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. О своем участии в церемонии Йон сообщил Вольгемуту и получил от него заверения, что в случае, если он согласится на встречу с русскими, все его условия будут выполнены.

О том, что произошло 20 июля 1954 года, существует две версии. Согласно утверждению самого Йона, вече-

ром 20 июля Вольгемут при помощи сильного наркотика ввел его в бессознательное состояние и на своей машине перевез в Восточный Берлин, а затем в Карлсхорст, где размещалась штаб-квартира КГБ в ГДР. Там сотрудники КГБ предложили ему сотрудничать с ними, от чего он категорически отказался. Впрочем, под давлением обстоятельств он согласился выступить по радио с заявлением, в котором выразил свое несогласие с политикой канцлера ФРГ К. Аденауэра и попросил политического убежища. Но сделано это было, по словам Йона, только для того, чтобы не обострять отношения с КГБ и просто-напросто выжить. Усыпив своими выступлениями бдительность похитителей, он при первой возможности бежал на Запад. Никаких секретов, к которым имел отношение по долгу службы, он не выдал и не назвал ни одного имени известных ему агентов ФВОК.

Но, как уже говорилось, Федеральный верховный суд ФРГ отнесся к этому заявлению Йона скептически, решив, что он перешел в ГДР добровольно. Многие считали, что Вольгемут в тот вечер хорошенько накачал Йона виски, а потом убедил бежать, сыграв на его страхах перед возрождением нацизма. Но В. Чернявский, в 1953—56 годах занимавший должность начальника разведотдела аппарата уполномоченного КГБ в Германии и непосредственно принимавший участие в деле Йона, утверждает, что обе версии далеки от действительности.

По словам Чернявского, примерно в 19 часов 20 июля автомобиль, в котором находились Йон и Вольгемут, пересек секторальную границу в районе Инвалиденштрассе, где его встретили начальник отделения западногерманского отдела аппарата уполномоченного КГБ В. Кучин и оперработник Шабров, на связи у которого находился «Гуммель». Они доставили Йона и Вольгемута на виллу КГБ в районе Вайссензе, где и состоялась первая беседа с шефом ФВОК. Во время разговора Йон согласился с предложенной СССР схемой предстоящего объединения Германии и обещал сделать все от него зависящее, чтобы она быстрее воплотилась в жизнь. Кро-

ме того, он согласился на обмен информацией о нацистских военных преступниках между ФВОК и КГБ, но отказался взять на себя какие-либо агентурные обязательства. Не высказал Йон определенной точки зрения на предложение остаться в ГДР и войти в состав ее руководства, с тем чтобы более активно бороться за объединение Германии. Но так как разговор шел за столом, обильно уставленным бутылками со спиртным, Йон вскоре опьянел и потерял контроль над собой. Тогда ему незаметно дали снотворного, и после того как он заснул, перевезли в Карлсхорст.

Утром 21 июля Йон, проснувшийся только после обеда, в разговоре с уполномоченным КГБ в Германии генерал-лейтенантом Питоврановым в ответ на предложение остаться в ГДР вновь не дал конкретного ответа. И только утром 22 июля после беседы с Чернявским Йон под давлением обстоятельств (возвращение в Западный Берлин грозило немедленным арестом) согласился остаться в ГДР. Утром 23 июля он наговорил на пленку сообщение о том, что перешел в ГДР, попросил политическое убежище и мотивировал свой поступок, после чего запись немедленно ушла в эфир. А 11 августа 1954 года Йон выступил на пресс-конференции в Доме прессы с участием более 300 журналистов, где подробно обосновал свои действия и заявил, что по доброй воле примкнул к Комитету за единую Германию.

Выступления Йона вызвали на Западе большой резонанс, в результате чего решение о создании ЕОС так и не было принято. Но после этой внушительной победы Москва потеряла всякий интерес к Йону и руководство КГБ попыталось «пристроить» его в ГДР. Йон почувствовал себя обманутым и стал говорить, что хочет вернуться на Запад. Удерживать его не стали. «Что ж, если хочет — пусть уходит, — заявил тогдашний председатель КГБ И. Серов. — Мы не будем его задерживать».

12 декабря 1955 года загримированный Йон под фамилией Фишер на машине датского журналиста Бонде-Хендриксена, выступавшего под фамилией Фогель, приехал в Западный Берлин, а оттуда на самолете вылетел в

Кельн, где вместе с Бонде-Хендриксеном написал статью о том, как ему удалось спастись от советских спецслужб. Но уже 23 декабря Йон был арестован по ордеру федерального прокурора Вихмана, в котором говорилось о «презумпции виновности в государственной измене». Однако официальное обвинение в государственной измене Йону было предъявлено только 24 августа 1956 года. А через три месяца в 3-й уголовной палате Федерального конституционного суда Карлсруэ начался судебный процесс, закончившийся 22 декабря 1956 года вынесением приговора о заключении Йона в тюрьму на четыре года за «преднамеренный обман и измену».

Из четырех лет Йон отсидел только два года. Выйдя на свободу, он неоднократно подавал заявление в суд о пересмотре своего дела, и всякий раз ему в этом отказывали на том основании, что он не представил достаточных доказательств своей невиновности. Это решение основывалось на письменном заявлении Вольгемута, в котором тот утверждал, что Йон перешел в ГДР добровольно. Все попытки Йона найти свидетелей, которые могли бы достоверно подтвердить факт его похищения в Западном Берлине агентами КГБ, не увенчались успехом, и он до конца жизни ходил с клеймом предателя. И только в 1986 году президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер личным распоряжением разрешил выплачивать Йону небольшую пенсию по старости.

В 1968 году Йон издал книгу «Я дважды возвращался на родину», в которой подробно изложил свою версию случившегося. А в 1993 году на немецком телеканале ARD был показан документальный фильм, снятый тележурналистом Кристофом Фредером, в котором утверждается, что Йон действительно был похищен и насильно вывезен в Восточный Берлин. Объясняя свою настойчивость, Йон говорил: «Не хочу умирать предателем».

Последние годы жизни Йон провел в Австрии, в Инсбруке, влача жалкое существование. Смерть настигла его весной 1997 года в возрасте 88 лет. Он так и не сумел добиться реабилитации и до сих пор считается человеком, изменившим своей родине.

Гибель Амина

Ликвидация в декабре 1979 года президента Афганистана Хафизуллы Амина официально считается последней спецоперацией советских спецслужб за рубежом. Но перед тем как рассказать о ней, следует остановиться на причинах, по которым Кремль отдал приказ о ее проведении.

27 апреля 1978 года в Афганистане произошла так называемая саурская революция. Президент Афганистана Дауд, за 5 лет до этого свергнувший последнего афганского короля Захир Шаха, был схвачен и тут же расстрелян. Власть в стране перешла к Народно-Демократической партии Афганистана (НДПА), а Афганистан провозглашен Демократической Республикой. Новый президент страны Нур Мухаммед Тараки и премьер-министр Хафизулла Амин объявили о вступлении Афганистана на социалистический путь развития.

Все, что происходило в Афганистане, всегда волновало руководство СССР. И не только потому, что Афганистан, имея общую с нашей страной границу протяженностью около 2,5 тысячи километров, был, как это модно теперь говорить, «мягким подбрюшьем» Советского Союза. Достаточно сказать, что близость Афганистана к Таджикистану, где на Памире были открыты богатейшие залежи урановой руды, делала его «зоной жизненно важных интересов» СССР. Поэтому просьбы Тараки к советскому руководству о помощи, в том числе оружием и военной техникой, были встречены в Москве положительно.

Но в сентябре 1979 года президент Тараки в результате переворота был смещен со своего поста рвущимся к власти Амином. А последовавшее затем тайное убийство Тараки и шквал репрессий, обрушившихся на Афганистан, заставили Москву пересмотреть свое отношение к Амину. Несмотря на то что он при каждом удобном случае подчеркивал свою лояльность «великому северному соседу», в искренность его слов в Москве верили

мало. Так, в записке, датированной 29 октября 1979 года и направленной в ЦК КПСС А. Громыко, Ю. Андроповым, Д. Устиновым и Б. Пономаревым, говорилось:

«Обстановка в Афганистане после событий 13—16 сентября с. г., в результате которых Тараки был отстранен от власти и затем физически уничтожен, остается крайне сложной.

В стремлении укрепиться у власти Амин, наряду с такими показными жестами, как начало разработки проекта конституции и освобождение части ранее арестованных лиц, на деле расширяет масштабы репрессий в партии, армии, государственном аппарате и общественных организациях. Он явно ведет дело к устранению с политической арены практически всех видных деятелей партии и государства, которых он рассматривает в качестве своих действительных или потенциальных противников...

В последнее время отмечают признаки того, что новое руководство Афганистана намерено проводить «более сбалансированную политику» в отношении с западными державами. Известно, в частности, что представители США на основании своих контактов с афганцами приходят к выводу о возможности изменения политической линии Афганистана в благоприятном для Вашингтона направлении.

Поведение Амина в сфере отношений с СССР все более обнажает его неискренность и двуличие...»¹⁹.

Так что неудивительно, что в декабре 1979 года в Кремле было принято решение о ликвидации Амина и замене его вызывавшем большее доверие Бабраком Кармалем. Но как и всякий восточный деспот, Амин уделял огромное внимание личной безопасности. Поэтому покушение на него, совершенное в начале декабря 1979 года афганскими террористами, закончилось неудачей, хотя сам Амин и его племянник Асадулли были легко ранены. Сорвалась и вторая попытка, совершить которую должна была группа спецназа КГБ СССР в середине декабря. Тогда спецназовцы на двух БТРах поджидали Амина на

маршруте его движения. Но он показался на трассе в сопровождении пяти танков, и операция была отменена. В результате было принято решение: взять штурмом резиденцию Амина — дворец Тадж-Бек. Штурм дворца должен был начаться в момент ввода в Афганистан ограниченного контингента советских войск, чего, кстати, настойчиво добивался сам Амин.

Первые подразделения советских войск и спецназа КГБ СССР были направлены в Афганистан летом 1979 года, после того как на заседании Политбюро, состоявшемся 29 июня 1979 года, было одобрено предложение МИД СССР, КГБ СССР, Минобороны и Международного отдела ЦК КПСС, где в пункте 4 говорилось:

«4. Для обеспечения охраны и обороны самолетов советской авиаэскадрильи на аэродроме «Баграм» направить в ДРА, при согласии Афганской Стороны, парашютно-десантный батальон в униформе (комбинезоны) под видом авиационного технического состава. Для охраны сопосольства направить в Кабул спецотряд КГБ СССР (125—150 чел.) под видом обслуживающего персонала посольства. В начале августа с. г., после завершения подготовки, направить в ДРА (аэродром «Баграм») спецотряд ГРУ Генерального Штаба с целью использования в случае резкого обострения обстановки для охраны и обороны особо важных правительственных объектов...».

Согласно разработанному плану, получившему название «Шторм-333», захват дворца Амина должен был осуществляться силами спецподразделений КГБ СССР «Гром» и «Зенит» при поддержке так называемого «мусульманского» батальона спецназа ГРУ.

Группа «Гром» состояла из сотрудников антитеррористического подразделения «А» 7-го управления КГБ СССР, созданного в июле 1974 года и более известного как группа «Альфа». Первые девять бойцов группы «А» были направлены в Афганистан в марте 1979 года после убийства террористами в Кабуле американского посла Адолфа Даббса. Их задачей было обеспечить безопасность советского посольства и представительства КГБ в Кабуле.

В начале декабря в Кабул прибыло еще 11 человек, а 23 декабря в Афганистан вылетели остальные сотрудники группы «А». Из них и была составлена группа «Гром» численностью 24 человека под командованием майора Михаила Романова.

Группа «Зенит» была одним из спецподразделений ПГУ (внешняя разведка) КГБ, созданных летом 1979 года после обострения обстановки в Афганистане. Формирование группы было поручено преподавателю спецкафедры Высшей школы КГБ полковнику Григорию Бояринову. Первый раз бойцы группы «Зенит» были направлены в Кабул в июле 1979 года. Позднее сотрудники «Зенита», как и бойцы других спецгрупп ПГУ — «Каскад» и «Омега», — не раз бывали в Афганистане. Для штурма дворца Амина была направлена группа «Зенит» под командованием майора Якова Семенова численностью 25 человек. (Позднее, 19 августа 1981 года решением Политбюро и Совмина СССР на базе групп «Зенит», «Каскад» и «Омега» было создано спецподразделение ПГУ «Вымпел», организационно подчиненное управлению «С» (нелегальная разведка)).

Специальный батальон ГРУ, позже получивший неофициальное название «мусульманский», начал создаваться в мае 1979 года по приказу начальника ГРУ генерала армии П. И. Ивашутина. Формированием батальона, в который отбирали в частях Туркестанского и Среднеазиатского военных округов только лиц коренных национальностей среднеазиатских республик СССР, занимался полковник В. Колесник. Он полностью выполнил поставленную перед ним задачу, за исключением того, что экипажи зенитных самоходных установок ЗСУ-23-4 «Шилка» были сформированы из славян: Дело в том, что других подготовленных специалистов в Советской Армии не было. К ноябрю формирование батальона численностью около 500 человек было закончено. Его командиром был назначен майор Халбаев. 12 ноября переброска «мусульманского» батальона самолетами военно-транспортной авиации из Ташкента на аэродром «Баграм» была

закончена. Там солдат батальона переодели в афганскую военную форму, после чего они приступили к охране аэродрома. 17 декабря Халбаев получил приказ начать ввод батальона в Кабул, а 21 декабря батальон передислоцировался к дворцу Тадж-Бек якобы для усиления охраны Амина.

Резиденция Амина, дворец Тадж-Бек, более походивший на крепость, был укреплен и охранялся весьма основательно. Он представлял собой трехэтажное здание с массивными стенами, расположенное на господствующей высоте. Подойти к нему незамеченным было невозможно, а попасть к воротам можно было только по круговой дороге, вьющейся по крутым склонам холма. Внутри дворца охрану несли национальные гвардейцы, набранные из родственников Амина и его особо доверенных лиц. Их казармы находились на третьем этаже дворца. Вторую линию охраны составляли семь постов вокруг дворца. На каждом посту находилось по четыре гвардейца, которых сменяли через два часа. Внешнюю линию обороны дворца составляли позиции бригады охраны, состоящей из трех мотопехотных и танкового батальонов. Позиции располагались на некотором удалении от дворца и были усилены вкопанными в землю танками Т-54. Командовал бригадой охраны майор Джандад, в свое время закончивший Рязанское училище ВДВ. Общая же численность охранявших дворец подразделений составляла около 2,5 тысячи человек. Кроме того, рядом с дворцом находился зенитный полк, а чуть подальше здание Генерального штаба афганской армии. «Мусульманский» батальон, прибывший к дворцу 21 декабря, согласно диспозиции, расположился между позициями бригады охраны и линией постов.

23 декабря полковника Колесника и командира «мусульманского» батальона Халбаева вызвали в советское посольство к Главному военному советнику генерал-полковнику С. Магометову. Он выслушал их доклад, после чего все направились в представительство КГБ, где резидент генерал-лейтенант Б. Иванов предложил подумать

над планом штурма дворца Амина. План разрабатывали всю ночь, и утром 24 декабря Колесник доложил его Магометову и Иванову. После долгих обсуждений командованию батальона было сказано — ждите. В тот же день, 24 декабря, в резидентуре КГБ состоялось совещание с участием Иванова, командира группы «Зенит» Семенова, командира группы «Гром» Романова и начальника управления «С» ПГУ КГБ генерал-майора Ю. Дроздова, отвечавшего за координацию действий подразделений КГБ и Минобороны. На совещании командиров групп ознакомили с обстановкой и поставили задачу — взять штурмом дворец Амина. Вечером личный состав групп «Гром» и «Зенит» выехал из Кабула и прибыл в расположение «мусульманского» батальона.

Тем временем командование «мусульманского» батальона, понимая, что успех штурма зависит прежде всего от внезапности, разработало специальный план учений, по которому проводились: стрельбы, подъем личного состава батальона по тревоге, занятие установленных участков обороны, развертывание, отражение нападения и т. д. Первое время такие действия батальона вызывали сильную тревогу у командования охраны дворца. Начальник охраны Джандад лично звонил Колеснику, из его штаба в расположение батальона приезжали адъютанты. Всем им объясняли, что батальон проводит плановые учения, на которых отрабатывается боевая задача по отражению внезапного нападения на дворец. Более того, Колесник и Халбаев сами ездили к Джандаду и втолковывали ему смысл происходящего. В результате охрана дворца постепенно привыкла к «учениям» батальона и перестала на них реагировать. А они продолжались и 25, и 26, и в первую половину дня 27 декабря.

Прибывшие в расположение «мусульманского» батальона бойцы «Грома» и «Зенита», переночевав в отведенной им казарме, с утра начали подгонять выданную им афганскую военную форму. А командиры групп Романов и Семенов вместе с Колесником и Халбаевым приступили к рекогносцировке местности и уточнению де-

талей предстоящей операции. Последняя рекогносцировка была проведена Романовым и Семеновым утром 27 декабря. В сопровождении двух бойцов, Мазаева и Федосеева, они на машине отправились в офицерский ресторан, расположенный на холме рядом с дворцом, якобы для того, чтобы заказать столик к Новому году для советских офицеров. Для этого им пришлось миновать три КПП, на каждом из которых их подолгу задерживали для проверки личности и цели посещения дворца. Однако все трудности были благополучно преодолены, столик в ресторане заказан, а по пути командиры групп уточнили расположение оборонительных позиций охраны дворца.

На основании рекогносцировок и другой разведывательной информации был составлен план штурма дворца Амина. Согласно плану три роты «мусульманского» батальона должны были блокировать каждая по батальону охраны и не допустить их выдвижение ко дворцу. Часть сил батальона предназначалась для разоружения зенитного полка. Большое значение придавалось захвату вкопанных в землю танков, которые держали под прицелом все подступы к дворцу. Для этой цели выделялось 15 человек во главе с заместителем командира батальона капитаном Сатаровым и 2 снайпера из спецгрупп КГБ. Еще одна рота батальона и группы «Гром» и «Зенит» должны были непосредственно штурмовать дворец.

Штурм Тадж-Бека, поддерживаемый огнем двух «Шилок», на шести БМП и БТР должны были вести бойцы «Грома» и «Зенита». Группа «Гром» на четырех БМП, двигаясь по кольцу серпантина, выходит к дворцу. Группа «Зенит» на двух БТР выдвигается к пешеходной лестнице и, преодолев ее, соединяется с бойцами «Грома». Там одновременным ударом группы начинают штурм дворца. При этом бойцы «Зенита» блокируют первый этаж и прикрывают бойцов «Грома», которые действуют на втором этаже, где расположены апартаменты Амина. Подгруппа «Грома» под командованием Г. Толстикова и часть бойцов «мусульманского» батальона должны бло-

кировать противоположную сторону дворца, пресекая всякую возможность бегства или подход подкреплений. На подгруппу «Зенита», в которую вошли Бояринов, Поддубный и Кувылин, возлагалась задача взорвать узел связи дворца. Для того чтобы во время штурма можно было узнать своих (так как все были одеты в афганскую форму), на рукаве у каждого штурмующего была надета белая повязка. Кроме того, был предусмотрен сигнал голосом по имени командиров групп: «Миша» — «Яша».

25 декабря 1979 года в 15 часов 00 минут по московскому времени начался ввод советских войск в Афганистан. Первыми перешли границу подразделения 108-й мотострелковой дивизии, переправившиеся через Амударью и, минуя Пули-Хумри и Саланг, двинувшиеся на Кабул. В это же время началась переброска на аэродром «Баграм» самолетами военно-транспортной авиации частей ВДВ. Всего для переброски личного состава, техники и снаряжения в течение 47 часов было сделано 343 самолеторейса и доставлено в Кабул 7700 человек, 894 единицы техники и 1062 тонны грузов. К сожалению, не обошлось без аварий. Вечером 25 декабря при посадке в аэропорту «Баграм» потерпел аварию военно-транспортный самолет, на борту которого находились 40 десантников, бензовоз и боеприпасы. Все, находившиеся на борту самолета, погибли, а пожар продолжался всю ночь.

26 декабря командование «мусульманского» батальона устроило ужин для офицеров охраны дворца Амина. Во время ужина поднимались тосты за советско-афганскую дружбу и боевое содружество. При этом афганским офицерам старались налить побольше спиртного, пытались их разговорить и получить какую-либо новую информацию. И в то же время офицеры «мусульманского» батальона часто вместо водки наливали себе в рюмки воду.

А днем 27 декабря Амин устроил прием в своем дворце по случаю ввода советских войск в Афганистан. На последовавшем затем торжественном обеде присутствовали члены Политбюро НДПА, министры и члены их семей. Кроме того, на вечер было намечено выступление Амина

по афганскому телевидению, и поэтому во дворец были приглашены многие высшие афганские военачальники. Во время обеда Амин заявил присутствующим:

«Советские дивизии уже на пути сюда. Я вам всегда говорил, что великий сосед не оставит нас в беде. Все идет прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко, и мы сообща обсуждаем вопрос: как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи»²¹.

После второй перемены блюд гости перешли в другое помещение, где был накрыт чайный стол. Но неожиданно почти все они и сам Амин почувствовали себя плохо. Затем некоторые из них стали терять сознание. Испуганная жена Амина немедленно вызвала командира национальной гвардии М. Экбаля, который стал звонить в военный госпиталь Чарсад Бистар и в поликлинику советского посольства, подозревая, что произошло преднамеренное отравление. Продукты и соки были немедленно отправлены на экспертизу, а повара взяты под стражу.

Отравление Амина и его гостей действительно имело место. Вот что пишет по этому поводу в своих мемуарах В. Крючков, в то время начальник ПГУ КГБ:

«В окружение Амина была заранее внедрена наша агентура и штурмующие подразделения действовали не вслепую. Кроме того, мы с самого начала исключили возможность оказания организованного сопротивления — непосредственно перед началом штурма Амин вместе со своим ближайшим окружением был усыплен. Снотворный порошок незаметно подмешал в еду один наш нелегал, который работал «под крышей» в президентской охране»²².

Этим нелегалом был подполковник 8-го отдела (прямые действия) управления «С» Михаил Талёбов, азербайджанец по национальности. Он прекрасно владел фарси и несколько лет в качестве нелегала прожил в Кабуле, вполне сходя за местного уроженца. Осенью 1979 года ему удалось получить место повара во дворце Амина.

Именно Талемов подсыпал в еду отравляющее вещество во время приема. Позднее, воспользовавшись паникой во время штурма, он сумел благополучно выбраться из дворца.

После того как в Кабуле стало известно об отравлении Амина, во дворец прибыла группа советских военных врачей: полковник А. Алексеев, В. Кузнеченков и другие. В помещениях дворца они увидели лежащих и сидящих в неестественных позах людей. Многие из тех, кто очнулся, стонали от боли. Однако личный врач Амина подполковник Велоят потребовал, чтобы прежде всего помощь была оказана Амину. Тот лежал в своей спальне с закатившимися глазами, пульс еле прослушивался. Советские врачи немедленно сделали ему промывание желудка, уколы, поставили капельницу. Через некоторое время Амин пришел в себя, и первыми его словами был вопрос: «Почему это случилось в моем доме? Кто это сделал?»²³.

Отравление Амина и его гостей очень встревожило командира национальных гвардейцев Экбаля и начальника охраны Джандада. По их указанию вокруг дворца были выставлены дополнительные посты и приведена в боевую готовность расположенная неподалеку танковая бригада. Так что, вопреки утверждению Крючкова, попытка отравить Амина и его окружение не только не облегчила штурм дворца, а наоборот, привела к усилению охраны президентской резиденции. В связи с этим время начала штурма было перенесено на более ранний срок.

В 19.00 в Кабуле подгруппа «Зенита» под командованием Б. Плескунова на трех УАЗах выехала на площадь, где находился колодец Центрального узла связи, связывавшего столицу со всей страной. В колодец заложили 46 килограммов пластиковой взрывчатки, и в 19.15 мощный взрыв отрезал Кабул от остального мира. В это же время подгруппы «Грома» под командованием Е. Чудеснова и А. Савельева с боем взяли здания Министерства внутренних дел (Царандоя) и Штаба Военно-воздушных

сил. Но главные события разворачивались во дворце Тадж-Бек.

Около шести часов вечера в расположение «мусульманского» батальона позвонил генерал-полковник Магомедов и приказал начинать штурм дворца как можно быстрее. В 19.00 капитан Сатаров из «мусульманского» батальона, П. Климов и Д. Волков из «Грома» и два снайпера из «Зенита» выехали на машине для захвата вкопанных в землю танков. В 19.15 на посту 3-го батальона охраны, мимо которого проезжала группа, неожиданно прозвучали выстрелы. Они послужили сигналом к началу штурма. Тотчас две «Шилки» из «мусульманского» батальона по команде капитана Паутова открыли по дворцу огонь прямой наводкой. К сожалению, огонь «Шилок» не причинял почти никакого вреда толстым стенам дворца. Более того, многочисленные рикошеты их снарядов только затрудняли действия штурмующих.

С первыми выстрелами «Шилок» группы «Гром» и «Зенит» начали движение к дворцу на БТР и БМП, водителями и командирами которых были бойцы «мусульманского» батальона из роты старшего лейтенанта Шарипова. Один из БТРов «Зенита» был подбит, но это не помешало его бойцам достичь дворца и десантироваться в «мертвой зоне» близ центральных дверей. Туда же на БМП прорвались и бойцы «Грома». Огонь защитников дворца был настолько плотным, что БМП и БТР гудели от пуль, как барабаны. Вот что вспоминает об этом участник штурма Э. Козлов: «Огонь был страшнейший. Я еще сидел в БМП и только выставил ногу наружу, ее тут же прострелили. Сразу!».

В результате столь плотного огня уже после первых минут штурма из 24 бойцов «Грома» было ранено 13. Однако несмотря на потери, штурмующие ворвались во дворец и начали бой за первый и второй этажи. Вот что вспоминает об этих минутах будущий командир группы «А», Герой Советского Союза В. Карпухин:

«В первые минуты боевого соприкосновения было очень тяжело. Охрана резиденции — сильная, высокообу-

ченая, отлично вооруженная. И главное, почти в четыре раза превышающая нас в живой силе. По всем воинским наукам силы обороняющихся во столько раз могут быть меньше, но никак не наступающих. Иначе атака обречена. Помогли нам мощный напор и, как ни странно, безысходность. Нас выручить уже никто не мог, тыла никакого. Ранены были практически все. Гвардейцы отчаянно защищали дворец, мы отчаянно рвались вперед»²⁴.

В ходе боя подгруппа Бояринова взорвала узел связи дворца. Вспоминает С. Кувылин:

«Бояринов говорит мне: «Ну что, надо узел связи взрывать. Теперь нас двое, пошли вдвоем». Опираясь на автомат, пошел. Хорошо недалеко было, добрались. Ну а там что? Как обычно: кабели, аппаратура. Шнуры повyderгивали, телефоны разбили. Бояринов говорит: «Нет, Серега, так не пойдет, давай гранатами забросаем». Покидали туда гранаты, дверь закрыли. Рвануло как надо».

А вот что рассказывает о штурме дворца Амина другой его участник, Н. Берлев из группы «Гром»:

«Пошли вперед по коридору. Справа-слева двери. Вышибали двери ногами и швыряли в комнаты «эргэдешки», добавляя вслед из автомата. От взрывов у самих брызгала кровь из ушей и из носа. Дошли до лифта. Вдруг в конце коридора показался гвардеец из охраны с автоматом, но не выстрелил (патроны кончились), а вскочил в лифт. Пока его створки закрывались, Карпухин успел засунуть туда гранату. Взрыв, лифт заклинило. Откуда-то появился полковник Бояринов из ПГУ. Только он от лифта отошел, сверху, из лестничного пролета, его срезало очередью. Карпухин и Плюснин тут же весь пролет прошили из автоматов. Сверху выпал сначала автомат, потом гвардеец».

Во время штурма врачи Алексеев и Кузнеченков находились за стойкой бара. Вдруг около них показался Амин. Он был в белых адидасовских трусах и майке, а в руках держал флаконы с физиологическим раствором. Алексеев, выскочив из-за стойки, подбежал к нему и первым делом вытащил из вен иглы. Амин приказал

своему адъютанту сообщить в советское посольство о нападении на дворец, но тот доложил ему, что дворец как раз и штурмуют советские. Амин не поверил и даже швырнул в адъютанта пепельницу со словами: «Врешь, не может быть!» Но после того как ему не удалось связаться по телефону ни с Генеральным штабом, ни с командованием 4-й танковой бригады, он обреченно сказал: «Я об этом догадывался. Все верно». В дальнейшем в ходе перестрелки Амин был убит. Вместе с ним погибли два его сына и врач полковник Кузнеченков, находившийся рядом с ним в баре. Дочери Амина были ранены: одна в колено, а у другой осколок пробил икроножную мышцу.

В общей сложности штурм Тадж-Бека продолжался 40—45 минут. Из группы «Гром» погибли Зудин и Волков, а из группы «Зенит» — Бояринов, Суворов и Якуцев. Многие были тяжело ранены. Потери «мусульманского» батальона составили 5 человек убитых и 35 раненых. Однако после взятия дворца стрельба не прекратилась. Всю ночь по дворцу стреляли танки, а под утро генерал-майор Дроздов поднял спецназ командой: «Приготовиться к отражению атаки!» Оказалось, что расположенная неподалеку так называемая «голубая дивизия» стала выдвигаться к дворцу, намереваясь отбить его. Утро не принесло спокойствия. Вот что, например, вспоминает Г. Толстиков из «Грома»:

«Удивительное было утро: свежее, ясное, воздух такой, что дышишь — и надышаться не можешь. А главное, все поверили в то, что кончился этот кошмар. Я вышел из дворца, встал у колоннады, шурился на солнышко. Вдруг — очередь. Офицер, молодой парнишка, не помню — десантник ли он или из «мусульманского» батальона — схватился за живот и падает, гаснет. И не понять, откуда стреляли»²⁷.

После того как штурм Тадж-Бека был завершен, а Амин убит, радиостанция Кабула передала сообщение, в котором говорилось: «Сегодня сломана машина пыток Амина и его приспешников — диких палачей, узурпато-

ров и убийц десятков тысяч наших соотечественников, отцов, матерей, сестер, братьев, сыновей и дочерей, детей и стариков...». А ночью труп Амина, завернутый в ковер, под руководством замполита «мусульманского» батальона А. Сахатова был похоронен недалеко от дворца Тадж-Бек. Никакого надгробия на его могиле поставлено не было. Недалеко от него в братской могиле похоронили других афганцев, погибших во время штурма дворца, в том числе и двух сыновей Амина. Оставшихся в живых родственников бывшего президента, а также его жену и раненых дочерей доставили в Кабул, где их немедленно посадили в тюрьму.

Днем 28 декабря Дроздов, Романов, Семенов и командование «мусульманского» батальона прибыли в Кабул в советское посольство. Дроздов доложил Иванову, а Колесник — Магометову и резиденту ГРУ о выполнении поставленной задачи. От них информация ушла в Москву председателю КГБ, начальнику ГРУ, министру обороны и далее в ЦК КПСС.

31 декабря генерал-майор Дроздов и полковник Колесник прибыли в Москву, где их немедленно принял Ю. Андропов, а потом начальник Генерального штаба маршал Огарков. В своей книге «Нужная работа» Дроздов вспоминает об этих визитах следующее:

«По возвращению из Кабула в Москву 31 декабря нас принял Ю. В. Андропов.

— Трудно было? — спросил он.

— Да, через 35 лет вспоминать молодость трудно...

— Понимаю. Пробовали разрубить узел иначе, а пришлось вот так.

В середине того же дня я с одним из офицеров ГРУ, принимавшим участие в операции, был на приеме у начальника Генштаба маршала Н. В. Огаркова. Николай Васильевич внимательно выслушал наш доклад и принял от нас единственный документ, характеризующий все особенности боя: лист карты с нанесенной обстановкой, задачами подразделений спецназа и таблицей взаимодействия. Маршал бросил быстрый взгляд на карту и

спросил: «Почему не утверждена?» Мы промолчали. Обычно сдержанный, он выругался в адрес не утвердивших боевой документ, встал и положил лист карты в свой приоткрытый сейф.

Я не осуждаю двух генералов, которым не хватило мужества поставить свои подписи, утвердить документ, воспользовавшись правом, предоставленным им руководством страны. Мы уходили выполнять задание правительства, сознавая, что можем не вернуться, оставляя, как принято в таких случаях, все на сохранение другим. Их же поступок оставил щемящее чувство досады: мы рисковали жизнью, они возможной оглаской личной причастности к этому событию. Может быть, этот их шаг характеризовал их личное отношение к решению руководства страны? Не знаю, но разделяю возмущение маршала Н. В. Огаркова»²⁸.

За штурм дворца Амина закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение специального задания Советского правительства и проявленные при этом мужество и героизм Бояринову Г. И. (посмертно), Карпухину В. Ф., Козлову Э. Г. и Колеснику В. В. было присвоено звание Героя Советского Союза. Многие участники штурма были награждены орденами Ленина, Красного Знамени и другими орденами и медалями.

* * *

Подводя итоги, можно отметить, что спецоперации, проводимые с целью повлиять на политику того или иного государства, не принесли советскому руководству желаемого результата, а ущерб, наносимый авторитету Советского Союза в результате их огласки, был огромен. Так что неудивительно, что в конце концов от их проведения отказались, хотя время от времени у руководства спецслужб возникало желание тряхнуть стариной. Свидетельство тому воспоминания генерал-лейте-

нанта КГБ Н. Леонова, который в своей книге «Лихо-
летье» пишет:

«После военного переворота в Чили, когда режим Пиночета развернул в стране компанию террора против тех, кто, будучи у власти, не решался прибегнуть к насилию... у нас в информационно-аналитическом управлении родился план освобождения политических узников во главе с Л. Корваланом, которые находились на небольшом острове в Магеллановом проливе в специальном концентрационном лагере. В операции должны были принять участие торговое судно, под верхней палубой которого находились бы три укрытых военных ударных вертолета, и две подводные лодки, которые скрытно, в погруженном состоянии, должны были стоять в условленном месте в определенное время. Контроль за морской и воздушной обстановкой должен был обеспечиваться средствами космической разведки. Вертолеты поднимаются с палубы торгового судна при подходе к зоне расположения концлагеря и на бреющем полете атакуют казармы охраны и радиостанцию лагеря. Внезапность и мощь удара должны были подавить всякое сопротивление. После этого с вертолетов высаживается небольшой штурмовой десант, который довершает дело — обеспечивает посадку узников на вертолеты, которые переправляют их на подводные лодки вместе со штурмовой группой. После завершения операции вертолеты предполагалось взорвать, чтобы они рассыпались на куски и затонули на большой глубине. Торговое судно продолжало бы свой обычный рядовой рейс.

План был дерзкий, не без элементов авантюры, но вполне реальный и посильный для разведки. У нас были снимки и макеты лагеря, на которых можно было отработать все элементы операции. Но, как говорится, бодливой корове Бог рог не дает. Наш план не получил поддержки и одобрения ни у кого. Причем не было сделано даже попытки обсудить его с профессиональной точки зрения»²⁹.

В связи с этим кажется более чем сомнительным утверждение бывшего сотрудника 8-го Главного управления КГБ В. Шеймова о том, что за покушением на Папу Римского Иоанна-Павла II в 1981 году стоят советские спецслужбы. (Бежавший в 1980 году в США Шеймов в своей книге «Башня тайн» пишет, что он, дескать, присутствовал при получении в 1978 году генералом В. Павловым, возглавляющим представительство КГБ в Польше, телеграммы от Ю. Андропова, в которой говорилось: «Соберите информацию о том, каким образом можно приблизиться к папе?»)

Но несмотря на отказ проводить спецоперации собственными силами, советское руководство продолжало до последнего дня использовать боевиков других государств и террористических организаций типа ООП. Последние на протяжении многих лет регулярно проходили обучение в специальных лагерях на территории СССР, и им даже выдавались следующие удостоверения:

«Настоящее свидетельство выдано Раафату Абд Эр-Рахману Сильми в том, что он в сентябре 1980 г. поступил и в январе 1981 г. окончил Офицерские курсы по специальности командир разведывательного взвода. Настоящее свидетельство дает право на самостоятельное выполнение работ, связанных с полученной специальностью»³⁰.

Впрочем, и в этом случае особых дивидендов Советский Союз не получал, хотя в помощи «братским» спецслужбам никогда не отказывал. Пример тому — ликвидация невозвращенца В. Маркова болгарской разведкой в Лондоне.

Глава восьмая

Органы террора в структуре ОГПУ-НКВД-КГБ

Рассказ о проводимых советскими спецслужбами спецоперациях был бы неполон без сведений о тех отделах или управлениях органов государственной безопасности СССР, на которые возлагалось их проведение. Тем более, как нам кажется, в многочисленных публикациях о спецоперациях постоянно происходит путаница в названиях отделов (управлений), датах их образования, именах руководителей и т. д. Надеемся, что данная глава поможет читателю разобраться в том, кто и когда отвечал за проведение той или иной спецоперации.

Органы террора: Особая группа и ее преемники

В начале 20-х годов спецоперации за рубежом проводились совершенно разными структурами ВЧК-ОГПУ. Так, например, ликвидация атамана Дутова была проведена сотрудниками Семиреченской областной ЧК при помощи работников Джанкертского пункта Разведупра

РККА. А генерал Покровский был убит сотрудниками ИНО ОГПУ, работавшими в Болгарии под прикрытием миссии советского Красного Креста.

Такое положение дел продолжалось довольно долго. Однако в конце 20-х годов была создана Особая (специальная) группа при председателе ОГПУ В. Менжинском. Точная дата ее создания неизвестна. Так, П. Судоплатов в своих мемуарах пишет:

«На короткое время в 1930 году Эйтингон становится заместителем Серебрянского, начальника Особой группы при председателе ОГПУ. Этот самостоятельный и независимый от Иностранного отдела разведывательный Центр был создан Менжинским, преемником Дзержинского, в 1926 году как параллельная разведывательная служба для глубокого внедрения агентуры на объекты военно-стратегического характера и подготовки диверсионных операций в Западной Европе и Японии в случае войны»¹.

Но, скорее всего, Судоплатов ошибается. Дело в том, что Серебрянский вернулся в Москву из Франции в 1928 году, а в апреле 1929 года был назначен начальником 1-го отделения ИНО ОГПУ (нелегальная разведка). Поэтому датой создания Особой группы можно считать 1930 год, когда в ОГПУ после заседания Политбюро ЦК ВКП(б), посвященного возможной войне, была образована Спецгруппа при Иностранном отделе, руководителем которой был назначен Я. Серебрянский. Хотя и не исключено, что Серебрянский и его подчиненные выполняли отдельные специальные поручения и до этого.

В июле 1934 года, после образования НКВД СССР, статус Специальной группы изменился. Она была переподчинена непосредственно наркому внутренних дел и стала называться Специальная группа особого назначения при Секретариате НКВД. Начальником группы был назначен Я. Серебрянский, у которого было два заместителя: С. М. Перевозников и А. И. Сыркин-Бернарди.

Перевозников Самуил Маркович (1904—1941). Родился в семье раввина в станице Жагоры Ковенской губернии. В 1922—26 годах учился в Германии, где вступил в КПГ. В 1926 году переехал в СССР, где получил советское гражданство и перевелся в ВКП(б). Первоначально работал в Профинтерне. В ОГПУ с 1933 года. 21 сентября 1939 года арестован. 7 июля 1941 года осужден к ВМН и 28 июля 1941 года расстрелян.

Сыркин-Бернарди Альберт Иоахимович (1895—1940). Родился в городе Вильно в семье издателя. В 1914—17 годах член ПСД-интернационалистов. С 1918 года член РКП(б). В ОГПУ с 1927 года. Капитан госбезопасности. Арестован 31 ноября 1939 года. 8 августа 1940 года приговорен к ВМН и расстрелян.

Спецгруппа имела свою отдельную от ИНО ГУГБ агентурную сеть. Кроме того, в составе группы была своя химическая лаборатория, в которой создавались специальные химические вещества и сильнодействующие яды и бактерии. Из наиболее громких и установленных операций Спецгруппы можно назвать похищение главы РОВС генерала Кутепова, подготовку похищения и вывоза в СССР сына Троцкого — Льва Седова и ликвидацию перебежчика Н. Рейсса (И. Порецкого).

Спецгруппа просуществовала до ноября 1938 года, когда приказом нового наркома внутренних дел Л. Берия была расформирована. Ее начальник Серебрянский и большинство сотрудников были арестованы и осуждены.

Однако после начала Великой Отечественной войны Особая группа была создана вновь. 5 июля 1941 года при наркоме НКВД образована Специальная группа для проведения актов террора и диверсий в тылу противника и за границей. Начальником группы был назначен старший майор госбезопасности П. Судоплатов. Впрочем, статус группы не соответствовал возлагаемым на нее задачам, и поэтому на ее основе 3 октября 1941 года был создан 2-й отдел НКВД. Но и эта мера была признана недостаточной. В результате приказом НКВД СССР от 18 января 1942 года на основе 2-го отдела было образова-

но 4-е управление НКВД (разведка, террор и диверсии в тылу противника). Начальником управления был назначен старший майор госбезопасности П. А. Судоплатов, заместителями — старший майор госбезопасности Н. Д. Мельников и майор госбезопасности В. А. Какучая. А приказом НКВД СССР от 20 августа 1942 года заместителем начальника 4-го управления был назначен старший майор госбезопасности Н. И. Эйтингон².

Структура нового управления была следующей:

4 УПРАВЛЕНИЕ НКВД (113 чел. по штату)

Руководство

Секретариат

Финансовая группа

Информационно-учетное отделение

1 ОТДЕЛ (зарубежный)

Руководство

Секретариат

1 отделение (Европейское)

2 отделение (Африка, Дальний Восток)

3 отделение (Ближний Восток, Турция, Иран, Афганистан, арабские страны, Средняя Азия, Закавказье)

4 отделение (работа по военнопленным и интернированным)

2 ОТДЕЛ (территории СССР, оккупированные и угрожаемые противником)

Руководство

Секретариат

1 отделение (г. Москва и Московская область)

2 отделение (УССР, Молдавская ССР, Крымская АССР)

3 отделение (БССР)

4 отделение (области РСФСР, Карело-Финская ССР)

5 отделение (Литва)

6 отделение (Латвия)

7 отделение (Эстония)

8 отделение (вербовка спецслужбы из числа з/к лагерей)

9 отделение (учетное)

3 ОТДЕЛ

Руководство

Секретариат

1 отделение (технической подготовки)

2 отделение (оперативное)

3 отделение (материально-технического снабжения)

1 и 2 отряды взрывников

4 ОТДЕЛ

Руководство

Секретариат

1 отделение («Д»)

2 отделение («ТН»)

3 отделение (подготовки)

4 отделение (материально-техническое)

ОТДЕЛЬНАЯ РОТА САПЕРОВ

ШТАБ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ И ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ (15 чел.)

Руководство

1 отделение (истребительные батальоны)

2 отделение (партизанские отряды)

Что касается войсковых подразделений, входящих в 4-е управление, то о них необходимо сказать особо.

Практически сразу после начала войны, 26 июня (по другим данным — 27 июня) приказом НКВД были сформированы войска Особой группы. Начальником этих войск был назначен комбриг Павел Михайлович Богданов, заместителем начальника (с октября 1941 года — начальник) Михаил Федорович Орлов, начальником штаба — Вячеслав Васильевич Гриднев (в 1942—1943 годах командовал ОМСБОНом), руководителями разведки — Антуфеев и майор Б. К. Спиридонов. Первоначально войска Особой группы включали в себя две бригады, состоявшие из батальонов, которые, в свою очередь, делились на отряды, а отряды — на спецгруппы.

В октябре 1941 года войска Особой группы были перестроены в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН). Она состояла из двух мотострелковых полков: четырехбатальонного и трехба-

тальонного, со специальными подразделениями. К последним относились отряды спецназначения, школа младшего начсостава и специалистов, саперно-подрывная рота, авторота и рота связи. В октябре 1943 года бригада была полностью переориентирована на выполнение спецзаданий командования в тылу врага и переименована в Отдельный отряд особого назначения НКГБ СССР.

Что же касается самого 4-го управления, то оно после разделения в апреле 1943 года наркомата внутренних дел на НКГБ и НКВД было передано наркомату государственной безопасности и под тем же номером просуществовало до 1946 года, когда было упразднено приказом МГБ № 00447 от 9 октября 1946 года. Однако еще до расформирования 4-го управления в системе МГБ 4 мая 1946 года был создан Отдел «ДР» (служба проведения диверсий и актов индивидуального террора), начальником которого был назначен генерал-лейтенант Судоплатов, а его заместителем — генерал-майор Эйтингон. Главной задачей Отдела «ДР» была организация специальной агентурно-разведывательной работы за рубежом и внутри страны.

Через четыре года министр госбезопасности В. Абакумов и его 1-й заместитель Огольцов направили в ЦК ВКП(б) следующую записку за № 6990/А от 4 августа 1950 года:

«Совершенно секретно
Центральный Комитет ВКП(б)
товарищу Сталину И. В.

Представляем Вам два проекта постановления ЦК ВКП(б):

Первый — об организации Бюро № 1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей, утверждении положения об этом Бюро и назначении начальником Бюро тов. Судоплатова П. А. и его заместителем тов. Короткова А. М.

Второй — об организации Бюро № 2 МГБ СССР по выполнению специальных заданий внутри Советского

Союза, утверждению положения об этом Бюро и назначении начальником Бюро тов. Дроздова В. А., ныне работающего заместителем министра государственной безопасности Украинской ССР (справка прилагается).

*Абакумов
Огольцов»³.*

Разумеется, вопрос о создании Бюро № 1 и Бюро № 2 был согласован со Сталиным заранее, так как уже в начале сентября 1950 года вышли следующие постановления ЦК:

«П77/309

9 сентября 1950 года.

309. — Вопрос МГБ СССР.

Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Организовать в МГБ СССР Бюро № 2 по выполнению специальных заданий внутри Советского Союза.
2. Утвердить Положение о Бюро № 2 МГБ СССР.
3. Утвердить начальником Бюро № 2 МГБ СССР т. Дроздова В. А., освободив его от должности заместителя министра государственной безопасности Украинской ССР.

Секретарь ЦК⁴

П77/310

9 сентября 1950 года.

310. — Вопрос МГБ СССР.

Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Организовать в МГБ СССР Бюро № 1 по диверсионной работе за границей.
2. Утвердить Положение о Бюро № 1 МГБ СССР.
3. Утвердить начальником Бюро № 1 МГБ СССР т. Судоплатова П. А., заместителем начальника Бюро № 1 МГБ СССР т. Короткова А. М., освободив его от работы в Комитете Информации.

Секретарь ЦК»⁵.

На том же заседании Политбюро была утверждена специальная инструкция МГБ СССР (протокол П77/309), согласно которой в отношении «вражеских элементов» допускалось принимать меры по «пресечению» их деятельности «особыми способами по специальному разрешению».

На основании данных постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) приказом МГБ № 00532 от 28 сентября 1950 года было создано Бюро № 1 (начальник Судоплатов), а приказом МГБ № 00533 от 28 сентября 1950 года — Бюро № 2 (начальник Дроздов). Оба бюро действовали на правах управлений и подчинялись непосредственно министру.

Мы специально привели полностью эти документы, чтобы читателю было понятно, что вопрос об организации диверсионно-террористической деятельности как за рубежом, так и внутри страны был поставлен и решен высшими партийными и государственными руководителями Советского Союза. Ведь именно они посчитали возможным для себя физически устранять неудобных им лиц, и именно они отдавали соответствующие приказы на их ликвидацию.

Что касается Бюро № 2, то на него, как следует из «Положения о Бюро № 2», возлагались задачи: «наблюдение и подвод агентуры к отдельным лицам, ведущим вражескую работу, пресечение которой в нужных случаях и по специальному разрешению МГБ СССР может производиться особыми способами». К таким способам относились «компрометация, секретное изъятие, физическое воздействие и устранение». А как следует из докладной записки начальника Бюро № 2 Дроздова министру внутренних дел Круглову от 6 августа 1953 года: «...Штат бюро состоял из 12 гласных и 60 негласных сотрудников... Бюро имело специальные объекты: оперативный гардероб, специальный зашифрованный соответствующим образом гараж, конспиративные и явочные квартиры... Личный состав Бюро... тренировался и обучался по специальным планам... Некоторые сотрудни-

ки находились на особом положении, т. е. были устроены на работу в различные учреждения и на учебу»⁶.

Об операциях, проводимых Бюро № 2, практически ничего не известно. И хотя в докладной записке в Президиум ЦК от 17 сентября 1953 года Круглов и Серов пишут, что «...По имеющимся у нас данным Бюро № 2 МГБ никаких оперативных заданий не выполняло», в той же записке чуть ниже говорится, что «в 1951 и 1952 годах несколько групп сотрудников из Бюро № 2 направлялось в Литву и на Северный Кавказ для практической помощи МГБ по ликвидации националистического формирования и бандитизма»⁷.

А вот Бюро № 1, которым руководил Судоплатов, выполняло по заданию руководства страны ликвидацию неугодных ему лиц. Об этих операциях Судоплатов упомянул в своем письме Президиуму XXIII съезда КПСС:

«В 1946 г. на меня и Эйтингона была возложена миссия организовать и возглавить Спец. Службу МГБ СССР. В нашу задачу входила организация специальной агентурно-разведывательной работы за рубежом и внутри страны против врагов партии и советского государства. В частности, согласно специальному постановлению Политбюро УК ВКП (б), мы готовили боевые операции во Франции, Турции, Иране. Однако, в последний момент, мы получили приказ отложить их. Внутри же страны, в период второй половины 1946 г. и в 1947 году, было проведено 4 операции:

1) По указанию членов Политбюро ЦК ВКП(б) и 1-го секретаря ЦК КП(б) Хрущева, по плану, разработанному МГБ УССР и одобренному Хрущевым, в гор. Мукачеве был уничтожен Ромжа — глава греко-католической церкви, активно сопротивлявшийся присоединению греко-католиков к православию;

2) По указанию Сталина, в Ульяновске был уничтожен польск. гр-н Самет, который, работая в СССР инженером, добыл сов. секретные сведения о советских подводных лодках, собираясь выехать из Сов. Союза и продать эти сведения американцам;

3) В Саратове был уничтожен известный враг партии Шумский, именем которого — шумскизм, — называлось одно из течений среди украинских националистов. Абакумов, отдавая приказ об этой операции, ссылаясь на указания Сталина и Кагановича;

4) В Москве, по указанию Сталина и Молотова, был уничтожен американский гр-н Оггинс, который, отбывая наказание в лагере во время войны, связался с посольством США в СССР, и американцы неоднократно посылали ноты с просьбой о его освобождении и выдаче разрешения на выезд в США.

В соответствии с Положением о работе Спец. Службы, утвержденной правительством, приказы о проведении перечисленных операций отдавал бывший тогда Министр гос. безоп. Абакумов.

Мне и Эйтингону хорошо известно, что Абакумов по всем этим операциям докладывал в ЦК ВКП(б)»⁸.

Из всех этих операций стоит остановиться на одной из них, а именно на убийстве Оггинса.

Исаак Оггинс, американский коммунист, был давним агентом Коминтерна и НКВД и в 30-е годы выполнял секретные задания в Китае, на Дальнем Востоке и США. Его жена — Нора — также была агентом НКВД и отвечала за обслуживание конспиративных квартир во Франции и США. В 1938 году Оггинс въехал в СССР по фальшивому чехословацкому паспорту, а 20 февраля 1939 года был арестован по подозрению в двойной игре. Его обвинили в шпионаже и предательстве и постановлением Особого Сопещения при НКВД СССР приговорили к 8 годам ИТЛ.

Жена Оггинса в 1939 году вернулась в США. Первое время она считала, что ее муж находится в СССР по оперативным соображениям, но потом поняла, что он арестован. Тогда она вступила в контакт с американскими спецслужбами, надеясь таким путем вызволить мужа из СССР. В 1942 году по просьбе американских властей ей разрешили встретиться с мужем в Бутырской тюрьме,

что только усилило желание американцев освободить его и использовать в своих целях. Такая опасность особенно усилилась после провала в 1945—1946 годах агентурных сетей советской разведки в Канаде и США. Поэтому руководство МГБ и государства приняли решение о ликвидации Оггинса. В связи с этим министр МГБ Абакумов направил в СМ СССР следующую докладную записку:

«Совершенно секретно.
Совет Министров СССР
21 мая 1947 года
товарищу Сталину И. В.
товарищу Молотову В. М.

Докладываю Вам о следующем:

В апреле 1942 года американское посольство в СССР нотой в адрес Министерства Иностранных Дел СССР сообщило о том, что, по имеющимся у посольства сведениям, американский гражданин Оггинс Исай находится в заключении в лагере в Норильске. Посольство по поручению Государственного департамента просило сообщить причину его ареста, срок, на какой осужден Оггинс, и состояние его здоровья.

В связи с настояниями американского посольства, по указанию товарища Молотова 8-го декабря 1942 года и 9-го января 1943 года состоялось два свидания представителей посольства с осужденным Оггинс. Во время этих свиданий Оггинс сообщил, что он арестован как троцкист, нелегально въехавший в Советский Союз по чужому паспорту для связи с троцкистским подпольем в СССР.

Несмотря на такое заявление, американское посольство в Москве неоднократно возбуждало вопрос перед МИД СССР о пересмотре дела и досрочном освобождении Оггинс (так в тексте документа — авторы), пересылало письма и телеграммы Оггинс его жене, проживающей в США, а также сообщало МИД СССР, что признает Оггинс американским гражданином и готово репатриировать его на родину.

9 мая 1943 года американскому посольству было сообщено, что «соответствующие советские органы не считают возможным пересматривать дело Оггинс».

20 февраля 1939 года Оггинс был действительно арестован по обвинению в шпионаже и предательстве. В процессе следствия эти подозрения не нашли своего подтверждения, и Оггинс виновным себя не признал. Однако Особое Совещание при НКВД СССР приговорило Оггинс к 8 годам ИТЛ, считая срок заключения с 20 февраля 1939 года... Появление Оггинс в США может быть использовано враждебными Советскому Союзу лицами для пропаганды против СССР.

Исходя из этого, МГБ СССР считает необходимым Оггинс Исайя ликвидировать, сообщив американцам, что Оггинс после свидания с представителями американского посольства в июне 1943 года был возвращен к месту отбытия срока наказания в Норильск и там в 1946 году умер в больнице в результате обострения туберкулеза позвоночника.

В архивах Норильского лагеря нами будет отражен процесс заболевания Оггинс, оказанной ему медицинской и другой помощи. Смерть Оггинс будет оформлена историей болезни, актом вскрытия трупа и актом погребения.

Ввиду того, что жена Оггинс находится в Нью-Йорке, неоднократно обращалась в наше консульство за справками о муже, знает, что он арестован, — считаем полезным вызвать ее в консульство и сообщить о смерти мужа.

Прошу ваших указаний.

Абакумов».

По данной докладной записке Сталиным и Молотовым было принято решение о ликвидации Оггинса. Его доставили в спецлабораторию, которой руководил Майрановский, и сделали под видом профилактического осмотра смертельный укол. Участие подчиненных Судоплатова в данной операции, проведенной по прямому приказу высших руководителей страны — Сталина и Молотова, сводилась к тому, что они организовали похороны

тела Оггинса в Пензе и оформили дату захоронения 1946 годом.

Просуществовали Бюро № 1 и Бюро № 2 недолго. В марте 1953 года умер Сталин и по решению Берия в апреле 1953 года МГБ СССР и МВД СССР были слиты в объединенное МВД СССР под его началом. В результате этой реорганизации приказом МВД СССР № 00177 от 29 апреля 1953 года на базе Бюро № 2 была организована Специальная оперативная группа (СОГ) при 1-м главном управлении (контрразведка) МВД по розыску вражеских агентов-парашютистов. Начальником СОГ был назначен полковник М. С. Прудников. Но уже 12 мая 1953 года приказом МВД № 00258 СОГ была реорганизована во 2-й отдел 1-го главного управления МВД СССР.

Что касается Бюро № 1, то приказом МВД СССР № 00318 от 30 мая 1953 года на его базе был организован 9-й отдел МВД (проведение актов индивидуального террора и диверсий) во главе с генерал-лейтенантом Судоплатовым. Однако просуществовал этот отдел недолго. Почти сразу после ареста Берия приказом МВД СССР № 00601 от 31 июля он был упразднен, а его начальник Судоплатов 21 августа 1953 года арестован. Интересно отметить, что новый министр внутренних дел СССР С. Круглов на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС утверждал, что 9-й отдел Берия создал без разрешения ЦК КПСС и подбирал для него кадры лично, в обход управления кадров МВД СССР.

Впрочем, свято место пусто не бывает, и уже осенью 1953 года новое руководство МВД направляет в ЦК КПСС следующую записку:

«17 сентября 1953 года
№ 876/к

В Президиум ЦК КПСС
тов. Маленкову Г. М.

В соответствии с указанием комиссии ЦК КПСС по разведывательной работе представляем... проект постановления ЦК КПСС «Об организации 12 (специального)

отдела при Втором Главном (разведывательном) управлении МВД СССР», а также структуру, штаты и Положение об этом отделе.

*Просим рассмотреть
С. Круглов, И. Серов, А. Панюшкин»¹⁰.*

О том, какие задачи ставились перед новым отделом, можно судить по Положению о 12-м отделе. Вот некоторые выдержки из него:

«1. 12-й отдел выполняет специальные задания по диверсии и террору в капиталистических странах.

Все мероприятия по линии 12-го отдела проводятся только после предварительного доклада и получения санкции ЦК КПСС...

3. На 12-й отдел возлагаются следующие задачи:

— проведение диверсий на важных военно-стратегических объектах и коммуникациях главных агрессивных государств...

— осуществление актов террора в отношении наиболее активных и злобных врагов Советского Союза из числа деятелей капиталистических государств, особо опасных иностранных разведчиков, главарей антисоветских эмигрантских организаций и изменников родине;

— организация секретного изъятия и доставка на нашу территорию лиц, вывоз которых в СССР вызывается особой необходимостью;

— организация похищений и доставка в СССР новейших образцов вооружений и военной техники капиталистических государств, применяя в необходимых случаях подкуп и другие средства ...

4. В целях выполнения вышеизложенных задач 12-й отдел:

— выявляет и изучает военные базы... изыскивает подходы к этим базам и насаждает на них агентуру, способную осуществить диверсионные мероприятия...

— подбирает и готовит в СССР, странах народной демократии и капиталистических государствах специаль-

ные кадры нелегалов как из числа советских граждан, так и иностранцев, преданных Советскому Союзу...

— для проведения мероприятий по диверсии и террору создает в капиталистических странах нелегальные резидентуры и подвижные боевые группы, способные организовать эту работу...

— для легализации разведчиков и агентов-нелегалов создает в капиталистических странах необходимые прикрытия — коммерческие предприятия, торговые фирмы, пансионы, гаражи, кафе и пр. (...)

9. В целях подбора необходимой агентуры, а также для продвижения нелегалов в капиталистических странах, 12-му отделу разрешается иметь свои оперативные группы в странах народной демократии, Китайской Народной Республике и Германской Демократической Республике...

17 сентября 1953 г. А. Панюшкин»¹¹.

Осенью 1953 года Хрущев утвердил постановление об организации 12-го отдела МВД СССР. Были утверждены также Положение, структура и штаты отдела. В общей сложности 12-й отдел должен был насчитывать 82 штатных сотрудника и 10 региональных отделений. Если же говорить о сфере интересов отдела, то о ней можно судить по следующему документу:

«Совершенно секретно
Президиуму Центрального Комитета КПСС
тов. Маленкову Г. М.
тов. Хрущеву Н. С.

Министерством внутренних дел Союза ССР агентурным путем разведан один из крупнейших складов боеприпасов и горюче-смазочных материалов американских войск в Австрии, расположенный близ местечка Рум (район гор. Инсбрук) во французской оккупационной зоне...

Одновременно агентурой найдена возможность про-

никнуть на этот склад и заложить в штабеля с бензином взрывные снаряды.

Представляя Вам план операции по диверсии, просим санкционировать ее проведение.

С. Круглов

А. Панюшкин

12 декабря 1953 года № 1958/к»¹².

Когда 13 марта 1954 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР (КГБ), 12-й отдел МВД был расформирован. На его месте в составе 1-го Главного управления (разведка за границей) был образован 13-й отдел, получивший неофициальное название «отдел «мокрых дел». Его задачи были такие же, как и у 12-го отдела МВД, — проведение диверсий и актов террора за рубежом.

Надо отметить, что 13-й отдел действовал весьма активно. Так, уже в апреле 1954 года его сотрудниками был похищен из Западного Берлина один из лидеров НТС, А. Трушнович, в октябре 1957 года ликвидирован один из лидеров, ОУН Л. Ребет, а в октябре 1959 года убит С. Бандера.

Однако бегство на Запад в августе 1961 года убийцы Бандеры Б. Сташинского серьезно скомпрометировало 13-й отдел в глазах советского руководства. В результате он был расформирован, и в 1969 году на его месте был организован отдел «В» ПГУ КГБ, который в отличие от 13-го отдела имел более широкую организацию. В его функции, кроме непосредственного проведения террористических актов, входила подготовка чрезвычайных планов, которые предусматривали диверсии в различных коммунальных службах, на транспорте, на объектах связи и управления в зарубежных странах в случае начала войны или возникновения кризиса, способного привести к войне.

О том, что это были за планы, можно судить (хотя и с большой осторожностью) по утверждениям бывшего

сотрудника отдела «В» капитана О. А. Лялина, работавшего в лондонской резидентуре ПГУ КГБ и в сентябре 1971 года попросившего у англичан политического убежища. Согласно его заявлениям, отдел «В» планировал проведение диверсий в Лондоне, Вашингтоне, Париже, Риме, Бонне и других столицах западных государств. В каждой столице сотрудникам отдела «В» было приказано наметить важнейших руководителей и следить за их перемещениями, чтобы в случае возникновения критической ситуации ликвидировать их. Кроме того, сотрудники отдела «В» в зарубежных резидентурах должны были вербовать агентов из числа местных жителей, которые могли бы помогать им в работе и обеспечивать поддержку нелегалов отдела «В».

Касаясь диверсий, которые предполагалось осуществить в Лондоне, Лялин назвал планы затопления лондонского метро, взрыв станции раннего оповещения о ракетном ударе в Файлингдейле, нападение на военные объекты, в частности, уничтожение на земле стратегических бомбардировщиков. По словам Лялина, его главная задача заключалась в выявлении наиболее важных объектов, которые необходимо было нейтрализовать в случае начала войны. Одним из безумных планов отдела «В», сравнимых с планами ЦРУ по устранению Ф. Кастро, был план, по которому агенты под видом посыльных и курьеров должны были разбрасывать по коридорам правительственных учреждений бесцветные ампулы с ядом, которые убивали каждого, кто на них наступал.

В результате откровений Лялина в Англии была полностью раскрыта агентурная сеть отдела «В», а в других странах Запада начались активные поиски нелегалов. В отдельных случаях они увенчались успехом. Так, во Франции Управление по охране территории по наводке Лялина сумело обнаружить два склада с оружием в Бретани, которое предназначалось для законсервированных агентов на случай волнений или вооруженного конфликта.

После предательства Лялина и высылки из Англии 105 советских разведчиков и дипломатов в ПГУ КГБ сло-

жилась сложная ситуация. По распоряжению Политбюро ЦК КПСС отдел «В» был расформирован, а его сотрудники отозваны из зарубежных резидентур. Почти все руководители Лялина были уволены из разведки, а некоторые из КГБ.

Позднее в середине 70-х годов функции отдела «В» были возложены на 8-й отдел (прямые действия, саботаж, убийства) управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ. Впрочем, по утверждению генерал-майора КГБ Ю. Дроздова, с 1979 по 1991 год возглавлявшего управление «С», 8-й отдел «был не чем иным, как информационной и научно-исследовательской разведывательской структурой, отслеживающей оперативными средствами все, что касалось сил специального назначения стран НАТО»¹³. Однако, по словам того же Дроздова, отдел проводил подготовку спецрезервистов на случай военных действий. Надо сказать, что о деятельности 8-го отдела практически ничего не известно, если не считать того, что его сотрудник подполковник М. Талев, устроившийся осенью 1979 года поваром в резиденцию президента Афганистана Х. Амина, попытался отравить его вместе с охраной перед штурмом дворца.

В заключение необходимо сказать несколько слов о спецподразделении ПГУ КГБ «Вымпел». Решение о создании в системе КГБ СССР совершенно секретного подразделения специального назначения было принято 19 августа 1981 года на совместном закрытом заседании Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Его основой стали нештатные группы «Зенит», «Каскад» и «Омега», в 1979 году принимавшие участие в штурме дворца Амина. Структурно группа «Вымпел» вошла в управление «С» ПГУ КГБ и подчинялась непосредственно начальнику разведки. А решение о задействовании группы принималось на уровне Политбюро ЦК КПСС. Официальное название группы — Отдельный учебный центр (ОУЦ) или войсковая часть 35690. Территориально группа располагалась в подмосковном городе Балашиха.

Основным назначением группы «Вымпел» было проведение разведывательных действий в глубоком тылу противника; агентурная работа, диверсии на стратегически важных объектах, захват судов и подводных лодок, охрана советских учреждений за рубежом, борьба с террористическими организациями и т. д. Боевую практику бойцы группы проходили в диверсионных подразделениях Кубы, Никарагуа, Вьетнама и других стран. Так, например, в Анголе и Мозамбике они действовали под видом военных советников. Но основную «обкатку» группа прошла в Афганистане.

После событий августа 1991 года группа «Вымпел» сначала была передана в Межреспубликанскую службу безопасности (МСБ), а затем в Агентство федеральной безопасности (АФБ) РФ. 24 января 1992 года, после создания Министерства безопасности РФ группа «Вымпел» вошла в его состав на правах самостоятельного управления. Но уже в скором времени группа была передана в Главное управление охраны РФ.

Однако после того, как бойцы группы отказались в октябре 1993 года штурмовать здание Верховного Совета РФ, группа указом Президента РФ от 25 января 1994 года была переведена из ГУО в МВД РФ. Но из более чем 500 сотрудников группы только 50 человек согласились служить в МВД. В результате группа «Вымпел» как таковая перестала существовать.

Лаборатория «Х»

Когда говорят о подразделениях спецслужб, отвечающих за проведение спецопераций и актов террора, то наибольший интерес вызывает так называемая лаборатория «Х», занимавшаяся производством и испытанием отравляющих веществ. О существовании этой лаборатории стало известно после процесса над Берия, однако до сих пор многие аспекты ее деятельности покрыты завесой тайны.

Первая секретная токсикологическая лаборатория в СССР была создана еще в 1922 году и называлась «Специальным кабинетом». По некоторым данным, ее курировал сам Ленин, а возглавлял в течение первых лет врач И. Н. Казаков, осужденный в 1938 году по одному процессу с Бухариным и Ягодой. Вполне возможно, что после смерти Дзержинского в 1926 году ее непосредственным руководителем стал сам Менжинский. Так ли это или нет, сейчас практически установить невозможно. Доподлинно известно лишь то, что на даче у Менжинского действительно была оборудована какая-то химическая лаборатория, в которой он сам постоянно работал. Имеются доказательства, что секретная токсикологическая лаборатория действительно существовала, и до 1937 года формально находилась при Всесоюзном институте биохимии (ВИБХ).

В 1935 году при Спецгруппе особого назначения при наркомате НКВД, которой руководил Я. Серебрянский, была создана своя токсикологическая лаборатория. Считается, что ее создание было вызвано неудачной попыткой отравить Л. Троцкого в Париже при помощи приобретенного за границей яда, но ничего конкретного о ее работе неизвестно. После ареста Серебрянского в ноябре 1938 года ее расформировали. Интересно, что после своего ареста Ягода на допросах категорически отрицал, что яды, изготавливаемые в лаборатории Серебрянского, планировалось использовать для отравления руководителей партии и правительства. В частности, во время выяснения обстоятельств знаменитой попытки отравления нового наркома Ежова, якобы предпринятой самим Ягодой и его окружением, имя Серебрянского не фигурировало. (Отравить Ежова, согласно версии следствия, пытались с помощью изготовленного на основе ртути препарата, распыляемого с помощью пульверизатора.) И это при том, что всех других своих сотрудников Ягода безжалостно «сдавал» на следствии.

Что же касается лаборатории при Всесоюзном институте биохимии, то в 1937 году ее официально передали в

ведение НКВД под контроль первого заместителя наркома М. Фриновского. Организационно лаборатория входила в состав 12-го отдела НКВД (отдел оперативной техники), которым руководил старший майор госбезопасности С. Б. Жуковский, бывший приближенным человеком Ежова. После падения Ежова он был арестован и в 1940 году расстрелян.

После создания 9 июня 1938 года 2-го спецотдела (оперативной техники) НКВД, который возглавил комиссар госбезопасности М. С. Алехин, спецлаборатория была передана в его подчинение. Именно Алехин летом 1937 года пригласил на работу в качестве начальника токсикологической лаборатории Г. М. Майрановского, о котором речь пойдет чуть позже. После ареста 13 сентября 1938 года Алехина (расстрелян в 1939 году) 2-й спецотдел некоторое время возглавлял Савич, который впоследствии застрелился.

20 февраля 1939 года 2-й спецотдел был разделен на два самостоятельных отдела:

- 2-й спецотдел НКВД (отдел оперативной техники, начальник Е. П. Лапшин, штат — 621 человек);
- 4-й спецотдел НКВД (отдел лабораторий, начальник — М. П. Филимонов, штат — 61 человек).

После этой реорганизации лаборатория Майрановского перешла в ведение 4-го спецотдела, которым руководил майор госбезопасности, впоследствии, после отмены спецзваний полковник Михаил Петрович Филимонов. Он являлся также кандидатом химических наук и, судя по всему, обеспечивал лаборатории Майрановского наиболее благоприятные условия для деятельности.

В феврале 1941 года после образования НКГБ СССР 4-й спецотдел был расформирован, а лаборатория передана в 4-й спецотдел НКГБ, начальником которого был назначен майор госбезопасности, а после отмены спецзваний — полковник Евгений Петрович Лапшин. Заместителем Лапшина являлся Осинкин, выпускник Школы оргпартработников при ЦК ВКП(б). В июле 1941 года 4-й спецотдел опять вернули в НКВД СССР.

Когда же в апреле 1943 года вновь был образован НКГБ (позднее МГБ), то лаборатория вошла в состав отдела «Б» (отдел оперативной техники). В это время ее работу курировали генерал-майор Кравченко, а затем генерал Железов.

Теперь настало время рассказать о заведующем токсикологической лабораторией Майрановском.

Григорий Моисеевич Майрановский родился в многодетной семье в городе Батуми, где его родители держали платную столовую. Он окончил гимназию и осенью 1917 года поступил в Тифлисский медицинский институт, где вступил в еврейскую социалистическую организацию «Бунд» (Всеобщий еврейский рабочий союз). Позднее, при меньшевиках он перебрался в Баку, где его брат Абрам являлся одним из руководителей местного «Бунда». Здесь Майрановский незадолго до самороспуска «Бунда» вступил в члены РКП(б).

В 1927 году Майрановский переезжает в Москву, где работает сначала врачом в терапевтической клинике, затем ассистентом на университетской кафедре, а позднее заведующим амбулаторией на одной из московских фабрик. В последней должности он по совместительству начал подрабатывать в биохимическом институте. Заметив способности и интересы Майрановского, ему предложили должность заведующего токсикологическим отделением Центрального санитарно-химического института наркомздрава.

Позднее Майрановский возглавляет токсикологическую лабораторию Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ). Здесь с ним случился неприятный казус. Заметив его интерес к зарубежным и секретным разработкам по теме, его заподозрили в неблагонадежности и исключили из партии «за развал работы спецлаборатории и попытку получить доступ к секретным сведениям». Однако Майрановский написал жалобу в ЦКК, где разобрались и вынесли резолюцию: «Решение парткома ВИЭМа отменить, тов. Майрановского в рядах ВКП(б) восстановить». Опозорившиеся ру-

ководители ВИЭМа, однако, обратно Майрановского на работу к себе не взяли, и он вновь вернулся в Центральный санитарно-химический институт наркомздрава на должность заведующего организационно-плановым отделом. Здесь его заметили сотрудники НКВД, и летом 1937 года пригласили к себе на работу. Непосредственно устраивал Майрановского на работу заместитель начальника 12-го отдела НКВД комиссар госбезопасности Алехин.

В это время помимо токсикологической лаборатории Майрановского при 12-м отделе НКВД также действовали бактериологическая лаборатория С. Н. Муромцева, занимавшаяся разработкой токсинов бактерий для оперативного применения, лаборатория телемеханических приборов Моница, лаборатория по разработке и изготовлению документов оперативного прикрытия. Муромцев до прихода в лабораторию работал в Институте экспериментальной ветеринарии заведующим лабораторией микробиологии. Еще в 1935 году он стал доктором биологических наук по совокупности работ.

Объекты отдела размещались в подмосковном Кучине и на 2-й Мещанской улице в Москве. Позднее к ним прибавилось помещение для проведения экспериментов над людьми в Варсонофьевском переулке рядом с Лубянской. Помещение было тщательно законспирировано и выглядело как обычная поликлиника. Поставкой подопытных из числа приговоренных к высшей мере наказания занимался комендант НКВД В. М. Блохин. Официально лаборатория занималась изучением воздействия на организм отравляющих веществ, поражающих дыхательные органы, и разработкой защиты от них. К моменту прихода Майрановского работа только разворачивалась, хотя уже проводились эксперименты по применению отравляющих веществ к осужденным к высшей мере наказания.

Среди сотрудников выделялся кандидат биологических наук Сергей Аничков, который сам являлся осужденным и жил прямо в лаборатории. Другие сотрудники

лаборатории — Филимонов, Григорович, Емельянов, старший научный сотрудник лаборатории профессор и впоследствии академик ВАСХНИЛ Муромцев и бывший ассистент кафедры фармакологии 1-го Московского медицинского института В. М. Наумов.

Надо сказать, что до прихода в лабораторию Майрановский уже обладал некоторым опытом работы с отравляющими веществами, в частности с ипритом, и имел кое-какие научные наработки по данной теме. А накануне войны, в июле 1940 года Майрановский успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Биологическое действие продуктов при взаимодействии иприта с кожей» в ВИЭМ. ВАК при Комитете высшей школы отклонил решение Ученого совета ВИЭМ на том основании, что диссертация требует доработки. Однако во время войны в 1943 году по представлению наркома НКГБ В. Н. Меркулова было возбуждено ходатайство о присвоении Майрановскому степени доктора медицинских наук и звания профессора по совокупности работ без защиты диссертации. В своем ходатайстве Меркулов указывал, что «за время работы в НКВД тов. Майрановский выполнял 10 секретных работ, имеющих важное оперативное значение». Таким образом в 1943 году Майрановский стал наконец доктором наук и профессором, а заодно и получил звание полковника.

В годы Великой Отечественной войны лаборатория входила в состав 4-го управления НКГБ, которое возглавлял П. Судоплатов. Впрочем, как показал сам Майрановский, задания от Судоплатова он начал получать еще с осени 1938 года. В это время лаборатория занималась производством в большом количестве специальных средств для диверсионных групп, партизанских отрядов и агентуры, действовавших в немецком тылу. В конце войны Майрановский даже был награжден по одному приказу вместе с руководителями управления Судоплатовым и Эйтингоном. А после войны яды использовали для ликвидации неугодных лиц на территории СССР и за границей.

В это время лаборатория Майрановского занималась производством отравленных пуль. Необходимо было, чтобы орудие убийства стреляло практически бесшумно и поражало сразу насмерть, независимо от того, в какую часть тела попадала пуля. Проводились также эксперименты с самопишущими ручками, карандашами, зонтами, трубчатыми зажигалками. Создавались облегченные пули, пустоты в которых заполняли ядом аконитином. Также во время войны велись испытания с рицином — химическим соединением, которое позволяло добиться от подсудимых правдивых показаний. Рицин не принес желаемого результата, однако Майрановский случайно наткнулся на другие средства. Впоследствии он вспоминал:

«Во время моих опытов по применению ядов, которые я испытывал на осужденных к высшей мере наказания, я столкнулся с тем, что некоторые из ядов могут быть использованы для выявления так называемой откровенности у подсудимых лиц. Этими веществами оказались хлораль-скополамин (КС) и фенаминбензедрин («кола-с»).

При употреблении хлораль-скополамина я обратил внимание, что, во-первых, дозы его, указанные в фармакопее как смертельные, в действительности не являются таковыми. Это мной было проверено многократно на многих субъектах. Кроме того, я заметил ошеломляющее действие на человека после приема КС, которое держится примерно в среднем около суток. В тот момент, когда начинает проходить полное ошеломление человека и начинают проявляться проблески сознания, тормозные функции коры головного мозга еще отсутствуют. При проведении в это время метода рефлексологии (толчки, щипки, обливание водой) можно выявить у испытуемого ряд односложных ответов на коротко поставленные вопросы.

При применении «кола-с» появляется у испытуемого сильно возбужденное состояние коры головного мозга, длительная бессонница в течение нескольких суток, в

зависимости от дозы. Появляется неудержимая потребность высказаться.

Эти данные натолкнули меня на мысль об использовании этих веществ при проведении следствия для получения так называемой откровенности у подследственных лиц»¹⁴.

Этими экспериментами Майрановского заинтересовался сам Меркулов, который назначил начальника 2-го управления Федотова куратором этих опытов. Эксперименты проводились либо в кабинете Л. Райхмана, либо в следственной части по особо важным делам 2-го управления наркомата госбезопасности. Они тянулись несколько лет и, судя по всему, завершились безрезультатно.

После окончания войны в сентябре-октябре 1945 года Майрановского и его помощников Наумова и Смыкова командировали в Германию с заданием разыскать немецких специалистов, ознакомиться с уровнем, достигнутым нацистами в аналогичной сфере деятельности. С помощью военной контрразведки СМЕРШ Майрановский с коллегами просмотрели многочисленную документацию гестапо, концлагерей и научных учреждений, опросили множество немцев и бывших советских военнопленных. Одновременно Наумов сумел приобрести зарубежную научную литературу по фармакологии и достать необходимые для экспериментов реактивы. По результатам поездки Майрановский сделал доклад, в котором констатировал, что результаты, достигнутые немецкими специалистами-токсикологами, «значительно ниже наших».

Однако в 1946 году у Майрановского начались неприятности. Новый министр госбезопасности В. Абакумов потребовал прекратить все эксперименты с участием лиц, не имеющих решений Особых совещаний или обвинительных приговоров об осуждении к смертной казни, а учитывая, что в это время в СССР в очередной раз была отменена смертная казнь, это означало фактическое приостановление деятельности лаборатории.

В 1949 году лабораторию разделили на фармакологическую (во главе с Наумовым) и химическую (во главе с Григоровичем). Майрановский, таким образом, оказался не у дел и вплоть до своего ареста в декабре 1951 года он в лаборатории не работал.

Любопытно, что еще при расформировании лаборатории выяснилась значительная недостача сильнодействующих ядовитых препаратов. После того как начались аресты чекистов-евреев, оказалось, что все эти яды хранятся у них на квартирах. Вот что показал на допросе 9 января 1952 года курировавший лабораторию генерал Железов:

«Только после ареста Свердлова, Эйтингона и самого Майрановского многие яды были обнаружены и в значительной части компенсировали ту недостачу, которая числилась за Майрановским. Кроме того, у названных мною лиц были найдены совершенно новые вещества и яды, которые не были внесены в документы лаборатории».

Свердлова и Эйтингона арестовали практически в то же время, что и Майрановского. Наличие в этом списке Эйтингона понятно. Он по должности имел отношение к лаборатории, кроме того, являлся известным специалистом по спецоперациям. Удивляет упоминание Андрея Свердлова, сына небезызвестного Якова Свердлова и племянника французского генерала Зиновия Пешкова. Дело в том, что в 30-е годы, еще молодым человеком, Андрей Свердлов был арестован, причем среди прочего фигурировали обвинения в террористических замыслах. Однако в ход пошли широкие связи его матери, в результате его не только не осудили, но взяли на руководящую работу в НКВД. Ни по должности (он занимался в основном следственными делами), ни по другим признакам никакого отношения к ядам Свердлов-младший иметь не мог.

Летом 1951 года Майрановского вызывали в следственную часть МГБ для допроса, а 13 декабря того же года арестовали. В качестве обвинений ему предъявили шпионаж в пользу Японии, хищение и незаконное хра-

нение ядовитых веществ, злоупотребление служебным положением. Позднее хранение ядов квалифицируется как подготовка к совершению террористических актов, а обвинение в шпионаже вскоре исчезает из дела.

Находясь в тюрьме, Майрановский отчаянно боролся за свою реабилитацию, написал несколько писем на имя министра государственной безопасности.

«Министру государственной безопасности СССР гражданину С. Д. Игнатьеву от арестованного Майрановского Г. М., бывшего сотрудника лаборатории отдела оперативной техники МГБ СССР.

В течение 1941—1943 гг. мною была разработана проблема по выявлению «откровенности» у подсудимых лиц (заметьте, о неудачно завершившихся более поздних своих изысканиях он предпочитает не упоминать — авторы).

Осуществление этой разработки было основано на теории физиологии И. П. Павлова о сущности процессов мышления, происходящих в центральной нервной системе (головного мозга), а именно — процессах возбуждения, торможения, которые в здоровом организме взаимно (диалектически) уравновешиваются.

Исходя из этого, мною был применен ряд препаратов, воздействующих то на тормозную деятельность, то на область возбуждения коры головного мозга, с подавлением и преобладанием то в одной, то в другой стороне процессов.

Эта работа бывшим тогда наркомом государственной безопасности В. Н. Меркуловым была поручена для проверки бывшему начальнику 2-го Главного управления МГБ СССР П. В. Федорову. Предложенная методика была проведена с моим участием на ряде подсудимых лиц.

Метод оказался удовлетворительный и дал положительные результаты. Однако он имеет и некоторые недостатки и требовал дальнейшей доработки.

Вся работа активировалась и получила от бывшего наркома В. Н. Меркулова положительную оценку.

В последующем мои теоретические разработки в этом направлении были представлены через начальника отдела оперативной техники Железова бывшему министру Абакумову с подробнейшим планом дальнейшей разработки проблемы.

Однако ответа на мое предложение не последовало.

Вторично (в конце 1951 — начале 1952 года) мною были еще раз представлены соображения бывшему министру Абакумову об использовании моего метода у арестованных уголовных подсудимых. Но и здесь я не получил ответа.

Если вы сочтете мое предложение интересным для министерства, то ввиду особой секретности разработки прошу выделить доверенное лицо, которому я бы мог полностью и подробно рассказать о проделанной работе, о сущности метода, который я употреблял, и мои новые планы в этой области.

Если мне будет оказано доверие и самому принять участие в этой разработке, я сочту это большим счастьем для себя.

Все материалы и акты по данной разработке находятся в отделе оперативной техники МГБ СССР.

Г. Майрановский

19 декабря 1952 г.»

Однако эти обращения не помогли, и вскоре решением Особого совещания при МГБ Майрановский Григорий Моисеевич был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 193-17, пункт «а», и 179 Уголовного кодекса РСФСР и приговорен к 10 годам тюремного заключения.

Однако и после объявления приговора Майрановский не успокоился, продолжая писать письма во все мыслимые инстанции, и в частности обратился к Берия:

«Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!

Вся моя сознательная жизнь была посвящена только одной цели: построению социализма-коммунизма. В юношеские годы (17—18 лет) я, случайно обманувшись,

непростительно вошел в организацию «Бунда», где числился формально и не вел там никакой работы. Я никогда этого не скрывал. Разобравшись в ее буржуазно-националистической программе, я сбросил это «грязное белье» и, вступив в ВКП(б), с 1920 года вел активную парторботу, проводил неуклонно генеральную ленинско-сталинскую линию партии большевиков, активно боролся против вылазок всяческих врагов (троцкистов, бухаринцев и проч.). В августе 1937 года был мобилизован ЦК ВКП(б) из Всесоюзного института экспериментальной медицины, где был заведующим токсикологической лабораторией, в органы социалистической разведки абсолютно честно и безгранично преданно. Моей рукой был уничтожен не один десяток заклятых врагов советской власти, в том числе и националистов всяческого рода (и еврейских) — об этом известно генерал-лейтенанту П. А. Судоплатову.

В органах госбезопасности я организовал специальную службу на научных основах согласно вашим указаниям, что не сможет отрицать ни один из моих клеветников. С приходом Абакумова, благодаря подтасованным «фактам» заинтересованной лично семейственно-организованной группки его сподвижников, моя основная научная работа была прервана. Мною же разрабатывались методики специальной техники на совершенно новых основах, преподанных мне лично Вами.

Приступив к организации специальной лаборатории для органов разведки на научных основах, мною было выдвинуто положение, что кроме лаборатории, оснащенной по последнему слову науки и техники на материале подопытных животных, необходимо поставить проверочно-исследовательскую работу на людях с целью проверки как имеющихся литературных данных, так и получаемых у нас в лаборатории, действия различных ядовитых и снотворно-наркотических веществ. Это положение было поддержано руководством министерства и лично Вами.

Таким образом, помимо одной лаборатории, на одном из наших объектов под моим руководством была организована такая совершенно секретная испытатель-

ная научно-исследовательская лаборатория. Вами было утверждено положение этой особой лаборатории и узко ограниченный круг лиц, имевший доступ в нее, которые только одни и знали о ее существовании. Планы и отчеты этих лабораторий утверждались Вами или В. Н. Меркуловым. Последний неоднократно беседовал со мной по обоим видам работы и знакомился лично при посещении. По приходе в министерство Абакумова эта особая работа захирела и закончилась к декабрю 1949 года. Как я понял после ареста, делалось это вредительски, для обмана. В 1951 году лаборатория была ликвидирована. Штат ее из более 20 работников распущен, научное оборудование разбазарено. Это совпало с разоблачением деятельности Абакумова и обновлением руководства МГБ СССР.

К сожалению, надежды на осуществление моих научных разработок, к которым благожелательно отнесся новый министр Игнатьев в беседе со мной в октябре 1951 года, были остановлены моим арестом по анекдотическому и дикому обвинению меня в националистической деятельности. В окружении абакумовских сподвижников работать мне приходилось в сложных условиях: мою особую добавочную работу, которая продолжалась до 1950 года (об этой работе известно Вам, В. Н. Меркулову и П. А. Судоплатову), я не имел права разглашать и посвящать мое начальство вплоть до бывшего начальника отдела Железова. В этом переплете я не нашел правильного разрешения задачи, я сделал непростительные преступные ошибки: незаконное хранение сильнодействующих средств (не смертельно опасных), которые остались от прежней моей деятельности и с которыми я планомерно собирался работать впредь, так как был все время — до последнего обманно обнадеживаем.

Никаких злых, преступных помыслов у меня никогда не было. Для преступных целей я легко мог бы использовать более совершенные и значительно сильные средства. Здесь сказались моя обывательская успокоенность, преступное благодушие и беспечность в мелкобуржуазном интеллигентско-дон-кихотовском желании работать, и работать только на благо советской разведки. Я получил

по заслугам. Я обращаюсь к Вашему великодушью: простите совершенные мною преступные ошибки, дайте мне возможность не вести паразитическую жизнь, когда вся страна ведет величественную созидательную стройку коммунизма при лязганьи волчьих зубов врагов — американского империализма, когда дорога каждая минута. Я остался коммунистом-большевиком. Я получил хороший урок. Готов выполнять все Ваши задания на благо нашей любимой Родины...

Г. Майрановский.

Владимирская тюрьма МВД СССР

21 апреля 1953 года».

Но письмо осталось без ответа, и вскоре Майрановский посылает Берия очередное послание:

«Я, Майрановский Григорий Моисеевич, был мобилизован ЦК ВКП(б) в августе 1937 года из Института экспериментальной медицины (ВИЭМ), где я был заведующим токсикологической лабораторией, — в органы госбезопасности на работу по организации специальной токсикологической лаборатории (отравляющих и наркотических веществ).

У меня есть предложения по использованию некоторых новых веществ: как ряда снотворного, так и смертельного действия — в осуществление этой вполне правильной Вашей установки, данной мне, что наша техника применения наших средств в пищевых продуктах и напитках устарела и что необходимо искать новые пути воздействия через вдыхаемый воздух.

Все эти неосуществившиеся работы я готов передать в любое время по Вашему указанию.

Бутырская тюрьма

Г. Майрановский.

Москва. 17 июля 1953 г.».

Однако это письмо привело к обратному результату. Дело в том, что вскоре Берия был арестован, а письмо попало к старшему следователю следственной части по

особо важным делам майору Молчанову, который доложил начальству:

«В связи с разбором поданной Майрановским жалобы о пересмотре его дела вскрылись новые обстоятельства, из которых видно, что им в 1938 году по указанию Берии была создана совершенно секретная научно-исследовательская лаборатория, которая занималась изготовлением различных отравляющих веществ. Кроме того, по заданию Берии Майрановский до конца 1949 года занимался разработкой вопроса отравления пылеобразными веществами через вдыхаемый воздух. Есть необходимость провести тщательное расследование, для чего передать дело в Прокуратуру Союза ССР».

В результате вместо освобождения Майрановский вновь был вынужден давать показания. И тогда стали всплывать на свет божий жуткие подробности деятельности лаборатории.

Так, например, на допросе 28 августа 1953 года Майрановский показал, что всего им было использовано «около 100 человек осужденных, из которых более половины умерло в результате проведенных исследований». А допрошенный 1 сентября 1953 года Судоплатов показал: «Таких протоколов было не менее 150 штук, то есть таких испытаний яда над людьми было не менее чем над 150 приговоренными к высшей мере наказания». На допросе 23 сентября Майрановский сообщил следствию: «При исследовании мы яды давали через пищу, различные напитки, вводили яды при помощи уколов шприцем, тростью, ручкой и других колющих, специально оборудованных предметов. Также вводили яды через кожу, обрызгивая и поливая ее оксимом (смертельно для животных в минимальных дозах). Однако это вещество для людей оказалось не смертельным, оно вызывало лишь сильные ожоги и большую болезненность».

Во время следствия над так называемыми «бериевцами» стали известны и другие подробности деятельности лаборатории. Так, 14 октября бывший начальник 2-го спецотдела «А», расстрелянный позднее вместе с Берия,

А. Я. Герцовский показал, что Майрановский «принимал участие в испытаниях яда на осужденных к высшей мере наказания. Об этом мне говорил в 1940 или в 1941 году бывший заместитель начальника второго отдела Наркомата госбезопасности Калинин. Один раз в мою бытность начальником второго отдела «А», кажется, в 1941 году по распоряжению Кобулова мною были выделены Блохину для проведения опытов Филимоновым и Майрановским четверо военнопленных немцев, осужденных к высшей мере наказания за злодеяния против советских граждан. Блохин, доставив этих осужденных в помещение, где производились опыты, пригласил меня посмотреть помещение, так как я в нем ни разу до того не был. Я пришел, заключенные к этому времени уже находились в камерах, осмотрел помещение. Филимонова и Майрановского в помещении этом не видел. Лично в производстве опытов над осужденными я не участвовал и трупов умерщвленных людей не видел. А подписывали ли я акты об исполнении приговоров над этими осужденными, я не помню. Вероятнее всего, их подписывал Подобедов — начальник отделения из отдела «А» и принимавший в тот период времени участие в исполнении приговоров».

На вопрос о других случаях умертвления заключенных в спецлабораториях Герцовский показал: «В бытность мою начальником 1-го спецотдела НКВД СССР с января 1942 года, а затем начальником отдела «А» НКВД-МГБ СССР случаев выдачи осужденных к высшей мере наказания для этой цели кроме того, о котором я только что рассказал, я не помню. Если они имели место, то без моего участия. До 1942 года, когда я не работал начальником 1-го спецотдела, я к исполнению приговоров вообще не имел никакого отношения и об опытах Майрановского знал только со слов Калинина. Он рассказывал о применении ядов над осужденными в присутствии Баштакова и, кажется, в его кабинете. Калинин рассказывал о том, каким образом производились отравления осужденных Майрановским. Но подробнос-

тей, приводимых тогда Калининым, я не помню. Присутствовал ли Баштаков при производстве опытов над людьми, я не знал».

На вопрос о том, кто из его подчиненных имел отношение к спецлаборатории, Герцовский показал: «К случаям умертвления осужденных Майрановским и Филимоновым, по-моему, имели отношение только Калинин, Подобедов и, кажется, Баштаков. Но Калинин умер незадолго до войны, Подобедов последнее время работал начальником 1-го спецотдела в МВД Украины. О Баштакове я показания давал».

На допросе 23 октября Герцовский показал:

«— О производстве опытов я узнал еще до начала войны со слов Калинина. Когда, почему и с чьего разрешения начали производиться те опыты над осужденными, я не знаю. Но когда в январе 1942 года меня назначили начальником 1-го спецотдела, ко мне официально обратились Блохин с Филимоновым. Они и рассказали о такой практике. Фактически дело происходило таким образом. Филимонов приходил к Подобедову, который получал приговоры на осужденных к высшей мере наказания и отбирал нескольких осужденных. По какому признаку, не знаю. Затем Филимонов спрашивал у меня, кому я буду докладывать приговоры, то есть Меркулову или Кобулову, для получения санкции на их исполнение, с тем чтобы у одного из этих заместителей наркома получить разрешение на выдачу нужных ему осужденных для производства опытов. Когда я после этого докладывал приговоры на осужденных к высшей мере наказания — Меркулову или Кобулову, — то обычно получал указание: передать Блохину разрешение выдать Филимонову или Судоплатову такое-то количество осужденных для производства опытов. Чаще я докладывал приговоры с высшей мерой наказания Меркулову, как первому заместителю НКВД СССР, а потом — как наркому госбезопасности СССР. После этого Блохин в присутствии представителя отдела «А», проверявшего личность осужденных, получал их у начальника тюрьмы и отвозил

осужденных в специальное помещение, которое находилось под его охраной. Когда наступала смерть осужденных, Блохин вызывал Подобедова, они отправлялись в это помещение и там составляли акт об исполнении приговора...

— Какое количество осужденных за время вашей работы начальником 1-го спецотдела и отдела «А» было выдано Филимонову для производства опытов?

— Я не могу, даже примерно, назвать число осужденных, переданных Филимонову для производства опытов. Такого учета ни 1-й спецотдел, ни отдел «А» не вели, а мое личное участие в этом деле заключалось в передаче распоряжения от Меркулова или Кобулова Блохину о выдаче осужденных.

— Вот выписка из показаний Блохина от 19 сентября 1953 года: «В мою задачу входила доставка арестованных в специальные камеры. Всей работой руководил Берия или его заместители — Меркулов и Кобулов. Они давали задание 1-му спецотделу или отделу «А» подобрать соответствующих арестованных из числа лиц, приговоренных к расстрелу, — дряхлых или цветущих по состоянию здоровья, по возрасту — молодых или старых, по помятости — худых или полных. В соответствии с этим заданием отдел «А» или 1-й спецотдел из числа лиц, приговоренных к высшей мере наказания, подбирали соответствующих людей, и предписания с указанием фамилий арестованных передавались мне. Всякий раз, получив предписание, я лично у Меркулова или Кобулова перепроверял правильность этих предписаний и необходимость доставки этих арестованных к Майрановскому. При подтверждении Меркуловым или Кобуловым указания я доставлял осужденных к Майрановскому».

— Что бы вы могли пояснить по этому поводу?

— За время моего пребывания начальником 1-го спецотдела и отдела «А» заданий на подбор осужденных для производства опытов отдел ни от кого не получал и такого подбора не производил. Как я уже показывал выше, Филимонов обычно подходил к Подобедову и по

приговорами отбирал нужное ему количество лиц для получения разрешения у Меркулова или Кобулова на выдачу ему осужденных для производства опытов. Ездил ли предварительно Филимонов в тюрьму для отбора осужденных к высшей мере наказания по признакам, указанным Блохиным, я не знаю. Подобедов не мог ездить в тюрьму вместе с Филимоновым для производства такого отбора осужденных без моего разрешения. А так как Подобедов у меня таких разрешений не брал, я думаю, что он в тюрьму для отбора арестованных не ездил. Отдельных предписаний на выдачу Блохину осужденных, над которыми производились опыты, не составлялось. Осужденные выдавались Блохину начальником тюрьмы по обычным предписаниям военных трибуналов для исполнения приговоров. Передача же осужденных Филимонову Блохиным для производства опытов производилась по устному распоряжению Меркулова или Кобулова, которое передавалось Блохину через меня. И, как видно из показаний Блохина, перепроверялось лично у Меркулова или Кобулова... Я понимал, что распоряжения Меркулова или Кобулова о приведении в исполнение приговоров путем умерщвления, а не путем расстрела, как это указывалось в приговорах суда, является нарушением закона. Но я считал эти нарушения в условиях войны оправданными по соображениям, изложенным выше.

— Вы признаете, что эти случаи приведения в исполнение приговоров путем умерщвления скрывались от органов прокуратуры и представители прокуратуры не привлекались в этих случаях ни к участию в исполнении приговоров, ни к участию в составлении актов о приведении в исполнение приговоров?

— Порядок приведения в исполнение приговоров над осужденными к высшей мере наказания путем умерщвления без участия прокурора был установлен еще до моего назначения начальником отдела. Я в этом порядке ничего не изменил. Не имея возможности ввиду секретности постановления опытов указывать в актах действитель-

ный способ исполнения приговора, в актах в таких случаях способ приведения в исполнение приговоров вообще не указывался.

— А вы лично давали указания своим подчиненным Подобедову и Балишанскому в случаях умерщвления осужденных не привлекать прокуроров к исполнению приговоров?

— Я таких указаний не давал, и в этом не было надобности, так как такова была сложившаяся в подобных случаях практика ещё до меня.

— Тогда вам придется познакомиться с показаниями Балишанского, на которого вы только что ссылались. Они несколько расходятся с вашими. Будучи допрошенным, он сообщил следователю вот что: «Примерно в 1945 году, во время войны, меня вызвал к себе Герцовский и дал указание взять материалы на трех осужденных к высшей мере наказания немцев, содержащихся во внутренней тюрьме, пойти во внутреннюю тюрьму к Миронову, проверить личность осужденных по материалам, имевшимся в отделе «А» (то есть с приговором или решением Особого совещания) и вместе с Блохиным или Яковлевым доставить осужденных в помещение, где приводятся в исполнение приговоры. При этом Герцовский сказал, чтобы к исполнению приговоров над этими тремя осужденными прокурора не привлекать».

Далее Балишанский показал, что эти трое осужденных были умерщвлены в лаборатории Майрановского.

«— Правильно ли показал Балишанский об указаниях в отношении прокурора, которые ему дали вы? Если это так, то попрошу объяснить, почему вы избегали присутствия прокурора?»

— Я не помню, давал ли я такое указание Балишанскому, но думаю, что необходимости в этом не было, так как Балишанский, принимая спецработу от Подобедова, был им проинструктирован о порядке ее исполнения...».

Кроме Герцовского по поводу лаборатории Майрановского дал показания и правая рука Берия, его заместитель Б. З. Кобулов. Он, в частности, заявил:

«— Лаборатория полковника Филимонова была создана на базе бывшей личной химической лаборатории Менжинского. С работой этой лаборатории я лично столкнулся во время войны. Она занималась изготовлением для НКВД и Наркомата обороны средств и диверсионной техники для боевых групп, действовавших в тылу противника. Кроме того, в лаборатории имелось отделение, которое изучало возможности изготовления ядов.

— Кто персонально возглавлял это отделение?

— Это отделение возглавлял Майрановский.

— Как оформлялись опыты с точки зрения учета: кого доставляли, каков был результат и так далее?

— На этот вопрос я ответить не могу. Ответ на него может дать сам Майрановский. Видимо, велись дневники записей опытов.

— Не считаете ли вы, что подобные опыты являются преступлением против человечности?

— Я этого не считаю, так как конечной целью опытов была борьба с врагами Советского государства. НКВД — это такой орган, который мог применять подобные опыты над осужденными врагами Советской власти и в интересах Советского государства. Как работник НКВД, я выполнял эти задания, но как человек, считал подобного рода опыты нежелательными.

— На ком испытывалось действие ядов, изготовленных в отделении Майрановского?

— К работе этого отделения я отношения не имел, но слышал, что Филимонов ставил вопрос перед Берией или Меркуловым (точно не знаю) о разрешении ему испытания некоторых ядовитых препаратов на арестованных, приговоренных к расстрелу. Получил ли он такое разрешение, я не знаю.

— А за что был осужден Майрановский?

— Не знаю. Дело я это не читал.

— Скажите, для какой цели в 1953 году Майрановский из Владимирской тюрьмы, где отбывал наказание, был этапирован в Москву?

— Я такого случая не помню. Лично с ним я не разговаривал...».

«Всплыла» лаборатория Майрановского и во время процесса над «бериевцами» — закрытом судебном заседании Специального судебного присутствия Верховного суда СССР 18—23 декабря 1953 года. В частности, член суда Михайлов спросил Берия:

«Подсудимый Берия, в процессе предварительного следствия вы показывали: «Я признаю, что то, о чем свидетельствует Майрановский, является страшным, кровавым преступлением. Я давал Майрановскому задание о производстве опытов над осужденными к высшей мере наказания». Эти показания вы подтверждаете?»

Берия. Да, подтверждаю.

Член суда Михайлов. И далее, на вопрос, был ли Меркулов полностью в курсе деятельности секретной лаборатории, вы ответили: «Безусловно, был полностью в курсе этого, так как он больше занимался этим». Подтверждаете это показание?

Берия. Да, подтверждаю.

Председатель. Подсудимый Меркулов, вы согласны с показаниями Берии?

Меркулов. Я не знаю, что Берия подразумевает под словами «полностью в курсе». Я только 8 раз давал разрешения о выдаче Майрановскому осужденных...».

После расстрела Берия вновь стали вызывать на допросы Майрановского и находившихся в заключении или на свободе людей, имевших отношение к его лаборатории. Среди них были Александр Григорович, Евгений Лапшин, Сергей Муромцев, Наум Эйтингон, Михаил Филимонов, Владимир Подобедов, Аркадий Осинкин, Петр Яковлев, Василий Наумов. Вот некоторые выдержки из их показаний.

Александр Григорович: «Майрановский провел исследования ядов примерно над 100—150 заключенными. Я или Щеголев только отвешивали яд, а Майрановский замешивал его в пищу и через работника спецгруппы давал заключенному. В случаях, когда яд не оказывал

смертельного воздействия, Майрановский сам шприцем вводил смертельную дозу. Кроме того, исследование ядов производилось путем инъекций при помощи шприца, колодок или путем выстрелов отравленными пулями в жизненно неопасные участки тела...».

Евгений Лапшин: «Я был в спецлаборатории, в помещении Блохина, где приводились в исполнение приговоры осужденных к ВМН, когда испытывалась трость-колодка. Пошел я туда по заданию Меркулова...».

Сергей Муромцев: «В спецлаборатории была обстановка непрерывного пьянства Майрановского, Григоровича, Филимонова вместе с работниками спецгруппы. Майрановский поражал своим зверским, садистским отношением к заключенным. Некоторые препараты вызывали у них тяжелые мучения. Я вынужден был обратиться к Блохину и со слезами уговаривал его помочь мне освободиться от этой работы...».

Наум Эйтингон: «Я присутствовал при производстве опытов в лаборатории Майрановского. Подопытными были четыре человека немцев, осужденные к ВМН как активные гестаповцы, участвовавшие в уничтожении советских людей. Было применено впрыскивание в кровь яда курарина. Яд действовал почти моментально, смерть наступала минуты через две...».

Михаил Филимонов: «Судоплатов и Эйтингон требовали от нас спецтехники, только проверенной на людях... Были случаи, когда при мне проводились испытания ядов, но я старался избегать присутствовать при этом, так как не мог смотреть на действие ядов на психику и организм человека. Некоторые яды вызывали очень тяжелые мучения у людей. Чтобы заглушить крики, приобрели даже радиоприемник, который и включали при этом».

В результате дело Майрановского не было пересмотрено, и свой срок он отбыл, что называется, «от звонка до звонка». После освобождения в начале 1962 года ему было запрещено жить в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик. Остаток жизни Майрановский про-

вел в одном из НИИ, переехавших в Махачкалу во время Великой Отечественной войны. Умер он в 1967 году.

Заканчивая разговор о лаборатории Майрановского, стоит привести письмо Судоплатова, написанное им во Владимирской тюрьме 9 марта 1966 года и адресованное Президиуму XXIII съезда КПСС. По этому письму можно судить о том, как причастные к работе лаборатории люди всеми силами пытались доказать, что они не имеют к ней никакого отношения. Так, Судоплатов пишет:

«Когда... было организовано 4-е управление НКВД СССР, ему был предан 4-й Спец. Отдел. Он занимался изысканиями и изобретениями диверсионной техники, а также имел отделения токсикологии и биологии, занимавшиеся изучением и исследованием всевозможных ядов. Отдел был придан 4-му Управлению, т. к. нам нужно было организовать диверсионную работу в тылу противника и мы нуждались в большом количестве всякой подрывной техники. И этой частью работы Отдела мы руководили.

Что же касается отделений токсикологии и биологии, то они продолжали работать по темам и планам, утвержденным в свое время Меркуловым и Берия. Работу этих отделов ни я, ни Эйтингон не контролировали и не имели права в нее вмешиваться. Работа этих отделений проводилась под личным наблюдением 1-го зам. наркома Меркулова, что он и признал в своих показаниях, выписки из которых имеются в моем деле. Он же, Меркулов, утверждал планы работ этих отделений, отчеты, давал новые задания по работе. Работой по этим планам непосредственно занимались: н-к отдела Филимонов — фармаколог, кандидат наук; н-к отделения Муромцев — доктор биологич. наук; н-к отделения Майрановский — доктор медицинск. наук. Эти работники непосредственно ходили на доклады к Меркулову, Берии, получали от них указания, отчитывались за свою работу. Ни я, ни мой зам. Эйтингон никогда на этих докладах не присутствовали и никакого отношения к этой части работы не имели. По указанию Меркулова и Берия Отдел Филимо-

нова обслуживал и снабжал оперативной техникой и другие оперативные управления и отделы НКВД-НКГБ СССР. Нам было запрещено интересоваться этой частью отдела Филимонова. Такое положение существовало до 1946 г. мая месяца, когда был назначен новый министр гос. безоп. СССР Абакумов.

Возникновение 4-го Спец. Отдела и особенно его работа с отравляющими веществами относится к 1937—1938 гг., когда наркомом был Ежов. Руководил этой работой Алехин, потом генерал-лейтенант Лапшин и с 1939 г. полковник Филимонов. Муромцев и Майрановский самые старые работники Отдела и являются организаторами этой работы. С 1937 года у них была Спец. Лаборатория при Коменданте НКВД СССР генерал-майоре Блохине. Эта Лаборатория действовала на основе Положения и Инструкции, которые были утверждены наркомом Берия. Доступ в Лабораторию, контроль за ее деятельностью, участие в ее работе было разрешено только тем лицам, кто участвовал в разработке вышеуказанного Положения, Инструкции и подписались под этими документами.

Ни я, ни Эйтингон не подписывали этих документов, никогда их не видели и никто нас с ними не знакомил...

В 1946 году Абакумов, восстанавливая полную самостоятельность отдела Филимонова, приказал Блохину (коменданту МГБ СССР) ликвидировать находившуюся при нем Лабораторию. Папку же с актами о работе этой Лаборатории передали на хранение в Спец. Службу МГБ СССР, которую возглавляли я и Эйтингон. Эта папка, печатанная, с надписью на ней 1-го зам. министра Огольцова, что ее разрешается вскрыть только с разрешения министра, вплоть до ареста, находилась у меня в сейфе».

Впрочем, работы по исследованию и применению отравляющих веществ в спецоперациях, проводимых советскими спецслужбами, продолжались и после аре-

ста Майрановского и роспуска его лабораторий. Об этом можно судить, например, по ликвидации Л. Ребета и С. Бандеры, которых убили при помощи специального пистолета, стреляющего струей газа из разбиваемой ампулы с цианистым калием. Да и после работы в этом направлении никогда не прекращались. Так, в одном из номеров газеты «Аргументы и факты» за 1992 год была опубликована небольшая заметка «Наркодиспансер КГБ»:

«По утверждению хорошо осведомленных лиц, секретная лаборатория № 12, в которой КГБ готовил яды для проведения диверсий за рубежом, в частности политических убийств, не только существует, но и процветает. Обслуживая главным образом внешнюю разведку, до недавнего времени она формально находилась в подчинении 3-го Главного управления Минздрава СССР. В этой лаборатории проходят практику разведчики-«нелегалы», которых готовят для длительной работы за рубежом.

По утверждениям осведомленных лиц, основные разработки 12-й лаборатории в последние годы касались не столько ядов, сколько психотропных веществ, «развязывающих» язык. Эти препараты использовались как при допросах лиц, арестованных у нас за шпионскую деятельность, так и по политическим мотивам. В редких случаях к ним прибегали тогда, когда дело касалось самих сотрудников КГБ. Говорят, что обработке психотропными средствами, разработанными в 12-й лаборатории, в частности, подвергся такой высокопоставленный офицер КГБ, как Виталий Юрченко, похищенный в Риме американской разведкой. В 1985 году, совершив побег из застенков ЦРУ, Юрченко никак не мог вспомнить, какие же государственные секреты выманили у него американцы во время допросов с применением все тех же психотропных веществ. И вот сотрудники 12-й лаборатории якобы с усилием решили эту задачу, в свою очередь подвергнув Юрченко воздействию нарко-

тиков. По сведениям из тех же источников, Юрченко за согласие на проведение рискованного опыта над собой был награжден орденом»¹⁵.

* * *

Заканчивая рассказ о структуре органов госбезопасности, отвечавших за выполнение спецопераций, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, такие подразделения стали создаваться уже с конца 20-х годов, что говорит о том, что проведение спецопераций стало одним из основных направлений деятельности ОГПУ-НКВД.

Во-вторых, несмотря на то, что такие подразделения периодически расформировывались, окончательно они не переставали существовать никогда. А значит, проведение актов диверсий и террора никогда не снималось партийным и государственным руководством СССР с повестки дня.

В-третьих, в ходе проведения спецопераций часто применялись отравляющие вещества, а для их производства и испытаний была создана специальная лаборатория. Причем в качестве «подопытных кроликов» в ней использовались живые люди, что является грубейшим нарушением не только юридических, но и нравственных законов.

Послесловие

Как уже говорилось в предисловии, работая над этой книгой, мы не ставили перед собой невыполнимой задачи рассказать о всех спецоперациях советской разведки, проводившихся за годы существования Советского Союза. Это попросту невозможно. Ведь до сих пор даже примерно не известно, сколько было таких операций. В то же время нельзя, хотя бы в общих чертах, не коснуться тех белых пятен, о которых не упомянуто в нашей работе.

Прежде всего это относится к спецоперациям, проводившимся дальневосточными чекистами. О некоторых из них весьма скупо сообщают историк-эмигрант Петр Балакшин в своем двухтомнике «Финал в Китае», а также современный автор Михаил Назаров в «Истории русской эмиграции». Так, согласно Балакшину, зимой 1926 года на улице города Маньчжурия советскими агентами был похищен и вывезен в СССР полковник Ктиторов. В то же время из Восточной Маньчжурии (район Мулинских копий) с помощью хунхузов (китайские разбойники), издавна связанных с большевиками, были захвачены или убиты полковник Жилинский, А. А. Рудых, «партизаны» (т. е. белобандиты, периодически проникавшие на территорию СССР) Овечкин-Петров, По-

нявкин и другие. Позже в том же районе убиты «партизаны» Синев, Стрелков, Шошлов, Рудых-младший и другие. Опять-таки по Балакшину, агенты ОГПУ из Гродеково, некие Баженко и Князев, убили старого «партизана» Дудко по кличке «Монашек».

В 1931 году на территории Маньчжурии был захвачен и выведен на территорию СССР крупный монгольский политический деятель Мэрсэ (Го Даофу). Мэрсэ с начала 20-х годов являлся лидером так называемого «Движения молодых монголов» и даже входил в руководство Профинтерна. Возглавляемая им Народно-революционная партия Внутренней Монголии при подстрекательстве властей Монгольской Народной Республики периодически устраивала всевозможные заварухи и восстания. Однако в конце 20-х годов Мэрсэ встал на путь предательства и вошел в состав гоминьдановского Комитета по делам Монголии и Тибета. После оккупации японцами Барги он вновь сменил хозяев, променяв китайцев на японцев. Советская резидентура под руководством Николая Шилова (Кук) провела спецоперацию, косвенным результатом которой было снятие с поста руководителя японской разведки в Маньчжурии полковника Уэда.

В 1932 году красные партизаны и хунхузы на китайской территории близ станции Эхо разгромили отряд белогвардейского «Братства Русской Правды» во главе с И. Стрельниковым. Из всего отряда спасся лишь один человек. А в декабре 1932 года был убит руководитель Дальневосточного отдела все того же «Братства Русской Правды» полковник Горбунов.

В 1933 году Иностраннный отдел Восточно-Сибирского полпредства ОГПУ во главе с Борисом Гудзем провел дерзкую операцию на территории Маньчжурии. Группой советских бурят — агентов ОГПУ во время вспыхнувшего на территории Китая очередного восстания был выкраден и вывезен на территорию СССР соратник атамана Семенова полковник Топхаев. А в августе 1935 года в Трехречье был убит ближайший помощник атамана Семенова генерал Тирбах.

В конце 1945 года якобы агентами НКВД был убит глава Харбинского отдела НТС Константин Алексеев.

Но одной из самых загадочных спецопераций, проведенных на территории Китая, является убийство 4 июня 1928 года знаменитого генерала Чжан Цзолиня (1876—1928). Этот бывший главарь хунхузской банды, воевавшей на стороне японцев во время русско-японской войны, с 1918 года являлся фактическим правителем северо-восточных провинций Китая. Чжан Цзолин однозначно ориентировался на Японию и пользовался ее полной поддержкой. Широко распространена версия, что когда генерал решил сменить внешнеполитическую ориентацию на проамериканскую, японцы расправились с ним. Чжан Цзолин был убит во время взрыва на железной дороге. Покушавшиеся воспользовались тем, что железнодорожный узел на стыке Пекин-Мукденской и Южно-Маньчжурской железных дорог вблизи Мукдена охранялся не китайскими, а японскими солдатами, и заложили взрывчатку в виадукте Южно-Маньчжурской железной дороги. Считается, что электрический запал привел в действие японский майор Томи по приказу главкома Квантунской армии. Чжан Цзолин был тяжело ранен в грудь и через несколько часов скончался в Мукденском госпитале. А сразу на месте погибли генерал У Цзяншен и еще 16 человек.

Однако во время так называемой «перестройки», когда в печати появились документы, по-новому раскрывающие биографии некоторых наших чекистов, всплыло, что какое-то отношение к этому взрыву имел Наум Эйтингон. Однако никаких подробностей никогда не приводилось. Все это тем более странно, что сами японцы на Токийском процессе признали свое участие в устранении Чжан Цзолиня.

Перенесемся теперь с Дальнего Востока в Европу. Здесь в свое время из Австрии исчез советский разведчик Витольд Штурм де Штрём, личность весьма примечательная. Выходец из довольно известной польской семьи (его брат был крупным ученым), сам адвокат и член фракции Пил-

судского в Партии польских социалистов, Штурм де Штрём вместе с левым крылом ППС перешел в компартию и даже стал кандидатом в члены ЦК КП Польши. В начале 20-х годов он работал в военном отделе партии.

Штурм де Штрём являлся ключевой фигурой в неких, до сих пор не выясненных переговорах и совещаниях, которые проводили в 1921—22 годах польские офицеры — сторонники Пилсудского из Польской организации войсковой (ПОВ) с руководством Компартии по созданию объединенной социалистической организации в армии. В дальнейшем он работал на советскую разведку. Исчез Штурм де Штрём, по одной версии, на рубеже 1929—1930 годов во время прогулки в Альпах — погиб или был убит советской разведкой, а по другой версии — пропал из Вены в 1933 году. Интересно, что именно в это время (1933—1934 годы) в СССР была арестована большая группа бывших соратников Штурм де Штрёма по левому крылу ППС Пилсудского, перешедших позднее в компартию и обвиненных в том, что они являлись агентами ПОВ. Очевидно, эти события были как-то связаны между собой.

Некоторый свет на исчезновение Штурм де Штрёма проливает письмо отстраненного в то время от должности Артура Артузова на имя наркома внутренних дел Ежова, в котором Артузов среди прочих своих заслуг упоминает поимку Штурм де Штрёма, осуществленную с помощью резидента ИНО ОГПУ Казимира Баранского, а также некоего «провокаatora Витковского», очевидно, посланного за границу с целью заманить в СССР Штурм де Штрёма.

Массу вопросов вызывают и некоторые другие смерти, произошедшие за границей. Об одних из них мы уже писали: это дело Петлюры, Врангеля, Нестеровича, Дзевалтовского, Льва Седова, Джульет Стюарт Пойнтц и т. д. В этом же контексте могут быть рассмотрены и следующие случаи.

В ноябре 1926 года бесследно исчез из Парижа ближайший помощник генерала Кутепова генерал-майор

Николай Августович Монкевиц. Монкевиц перед Первой мировой войной возглавлял русскую военную разведку, и ныне, благодаря историческим романам, широко известен в этом качестве. Он являлся доверенным человеком великого князя Николая Николаевича и одним из руководителей Высшего монархического совета. Вместе с дочерью и сыном Монкевиц проживал в Фонтенбло. Там же жил и генерал Деникин, хороший знакомый Монкевица по службе в царской армии. Естественно, генералы часто навещали друг друга. Как-то в ноябрьский вечер Монкевиц засиделся у Деникина дольше обычного — до начала второго часа ночи. Он выглядел чем-то озабоченным. После того как генералы попрощались, Монкевиц вышел на улицу, и с тех пор никто его больше не видел. Несмотря на все усилия, предпринятые Деникиным, Кутеповым, а также французской полицией, ничего не удалось выяснить. Осталась записка: «во избежание лишних расходов на погребение прошу мое тело не разыскивать».

Эмигрантский историк Борис Прянишников в своей чрезвычайно интересной книге «Незримая паутина» цитирует по этому случаю злорадное письмо генерала Врангеля от 15 ноября 1926 года одному из своих друзей:

«В области «работы» генерала Кутепова — крупный скандал. За последнее время целым рядом лиц получены сведения, весьма неблагоприятные для ближайшего помощника ген. К. — генерала Монкевица. Недавно в управлении генерала Хольмсена были получены документы, подтверждающие преступную связь этого генерала с большевиками. Предупрежден и сам генерал Кутепов, однако этому отказался верить. На днях Монкевиц исчез, оставив записку, что, запутавшись в деньгах, кончает жизнь самоубийством. Однако есть все основания думать; что это — симуляция. Тупа нигде не найдено, и следы генерала Монкевица следует, видимо, искать в России».

Монкевиц исчез в ноябре 1926 года. За несколько месяцев до этого, в мае, в том же Париже, как мы помним, был застрелен лидер украинской эмиграции

Симон Петлюра. А в промежутке между этими двумя смертями, 7 июня в местечке Левиль под Парижем также покончил с собой лидер грузинской эмиграции знаменитый Николай (Карло) Семенович Чхеидзе (1864—1926 гг.), причем самым зверским образом — перерезал себе горло ножом. При этом он также оставил записку: «Следите за движением и руководите».

В 1933 году в том же Париже «при загадочных обстоятельствах» скончался небезызвестный Аркадий Полунин, организатор убийства в Лозанне советского дипломата Вацлава Воровского в 1923 году. Полунин был матерым врагом Советской власти. Капитан царской армии, доброволец у Алексеева, начальник контрразведки дивизии у генерала Крейтора, сотрудник разведотдела у Деникина, он эмигрировал вместе с остатками врангелевцев из Крыма и в эмиграции оставался одной из самых активных фигур антисоветской борьбы. В момент своей «внезапной смерти» Полунин занимался расследованием обстоятельств похищения генерала Кутепова.

Однако загадочные смерти происходили не только в Париже. Летом 1927 года, в самый разгар советско-английского противостояния, неожиданно скончался широко известный немецкий генерал Макс Гофман. Как пишет в своих мемуарах Вальтер Шелленберг, причина его смерти осталась невыясненной. Отметим лишь два обстоятельства. Во-первых, Гофман являлся бесспорным лидером среди той части германских военных и экономических кругов, которые делали ставку на возрождение Германии в качестве авангарда «крестового похода» против СССР (в отличие от другой части военных во главе с генералом фон Сектом, которая выступала за союз с СССР против Антанты). Во-вторых, с середины 20-х годов Гофман установил тесные связи с лидерами английских «интервенционалистов» и даже ездил в Лондон, где проводил с ними переговоры. В частности, он встречался с английским разведчиком Локкер-Лэмпсоном, тем самым агентом, с которым вступила в контакт и группа генерала Врангеля накануне его загадочной смерти.

Заканчивая разговор о спецоперациях советских спецслужб, мы считаем необходимым напомнить читателям, что проведение актов террора и диверсий на территории иностранных государств не является советским изобретением. Более того, на протяжении всего XX века спецслужбы всех стран мира практиковали такого рода операции. Для того чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров.

11 июня 1937 года во Франции агентами итальянской военной разведки СИМ были убиты братья Карло и Нелло Росселли, лидеры организации итальянских эмигрантов-антифашистов «Справедливость и свобода».

12 сентября 1943 года отряд из 50 немецких десантников под командованием Отто Скорцени освободил арестованного Бенито Муссолини, содержащегося под охраной 250 человек в высокогорном отеле «Спорт», расположенном в местечке Гран Сасо в Апеннинах.

В декабре 1944 года агент американской разведки УСС Мо Берг предпринял попытку ликвидировать немецкого физика В. Гейзенберга, занимавшегося разработкой ядерной программы Германии. Он пришел на лекцию Гейзенберга, которую тот читал в Цюрихе, имея в кармане пистолет, из которого должен был застрелить ученого. Но замешкавшись, Берг упустил удобный момент, и Гейзенберг остался жив.

11 мая 1960 года сотрудники израильской разведки МОССАД с благословения премьер-министра Израйля Бен-Гуриона похитили в Буэнос-Айресе и тайно вывезли в Тель-Авив нацистского преступника Адольфа Эйхмана, ответственного за уничтожение евреев в годы Второй мировой войны. 31 мая 1961 года Эйхман был повешен по приговору израильского суда.

В апреле 1961 года при поддержке США кубинские эмигранты высадили десант на Кубе в районе Плайя-Хирон, имея задачу свергнуть правительство Фиделя Кастро. Итогом этой авантюры стал самый грандиозный провал за всю историю ЦРУ. Однако американцы не успокоились. На сегодняшний день только официально

установлено 8 случаев покушений на Кастро, совершенных агентами ЦРУ.

8 октября 1967 года по приказу Феликса Родригеса, проходившего в картотеке ЦРУ как специальный агент «Рамос», был убит захваченный в плен в Боливии Че Гевара.

21 сентября 1976 года в США сотрудниками пинчотовской спецслужбы ДИНА был взорван в своей машине Орландо Летельер, социалист и сторонник свергнутого в 1973 году президента Чили Сальвадора Альенде.

В мае 1985 года агентами французских спецслужб было потоплено судно «Рэйнбоу Уорриор», принадлежавшее экологической организации «Гринпис». Причиной данного теракта стало нежелание французского правительства допустить в мировые СМИ утечку данных об испытании Францией ядерного оружия на атолле Моруроа в Тихом океане.

В 1987 году в Риме агенты МОССАД похитили и вывезли в Израиль физика-атомщика Мордехая Вануну, в свое время работавшего в израильском ядерном центре Димон. Вся его вина заключалась в том, что он в октябре 1986 года опубликовал в английской газете «Санди Таймс» материалы, свидетельствующие о наличии у Израиля ядерного оружия. В августе 1987 года Вануну был приговорен к 18 годам тюремного заключения.

В 1989 году американские войска оккупировали суверенную Панаму и в нарушение всех международных законов вывезли в США президента страны генерала Мануэля Норьегу. Ему было предъявлено обвинение в контрабанде кокаина и отмывании наркóдолларов, после чего суд в апреле 1992 года приговорил его к 120 годам тюремного заключения.

22 апреля 1991 года сотрудники ЦРУ днем прямо на улице в Берлине захватили и тайно вывезли в США Джеффри Карни. Карни, бывший сержант армии США, в 1985 году бежал в ГДР, где попросил политического убежища. Вывезенного в США Карни американский суд приговорил к 38 годам тюремного заключения, хотя к

этому времени он являлся гражданином объединенной Германии.

Этот список можно продолжать до бесконечности.

Кстати, проведением опытов с отравляющими веществами и психотропными средствами занимались в годы Второй мировой войны не только гитлеровцы или японцы, но и «лидеры демократического мира» — американцы. А уже в 1953 году в ЦРУ была утверждена сверхсекретная программа «МК-Ультра», целью которой было исследование «тайного применения химических и биологических веществ». В результате этих исследований в период с 1953 по 1963 год пострадало более 200 человек, тайно ставших подопытными кроликами ученых, работавших на американские спецслужбы.

Впрочем, американцы были не одиноки. Например, испанская спецслужба СЕСИД начиная с 1988 года использовала в качестве подопытных кроликов для испытаний психотропных средств (так называемая «Операция Менгеле») мадридских нищих.

А в заключение напрашивается еще один неутешительный вывод. XX век с первых своих дней стал веком организованного террора. Правительства государств всего мира посчитали для себя возможным широко использовать специальные операции. Но в 60-е годы наступила неизбежная расплата — террористы из многочисленных левацких, мусульманских и других экстремистских организаций заставили содрогнуться от ужаса весь мир. Однако джина терроризма, неразумно выпущенного из бутылки в начале века, будет очень трудно загнать обратно. Яркий тому пример — события, развернувшиеся в настоящее время в Чечне.

Приложение

Яков Серебрянский

Фамилия Серебрянского мало о чем говорит даже современному читателю. А до недавнего времени о нем знали лишь те немногие исследователи, по тем или иным причинам знакомые с самыми секретными операциями советской разведки. Между тем именно Серебрянский был организатором похищения в Париже в 1930 году главы РОВС генерала Кутепова и вывоза из Франции архива Троцкого, его считали своим учителем такие известные нелегалы, как В. Фишер и Р. Абель, а в чекистских кругах о нем ходили легенды. Если посмотреть подшивки советских газет за 30-е годы, то там можно найти указы о награждении Я. Серебрянского «за выдающиеся заслуги перед партией и правительством», «за выполнение особо важного правительственного задания». Но, как и многие другие сотрудники советских спецслужб тех лет, он по надуманным обвинениям был арестован, причем дважды, и закончил свою жизнь в тюрьме.

Яков Исаакович Серебрянский (Бергман) родился в 1892 году в городе Минске в семье приказчика. Он окончил городское 4-классное училище, во время учебы в котором в 1907 году вступил в ученическую организацию эсеров, а в 1908 году стал членом Партии эсеров-максималистов. Позднее Серебрянский переехал в Могилев, где как эсер-боевик принимал участие в убийствах сотрудников охраны, организовавших в городе еврейские погромы.

В 1909 г. был арестован как соучастник убийства начальника минской тюрьмы. В 1910 г. административно выслан в Витебск, где служил электромонтером на витебской электростанции. В 1911-м вернулся в Минск. В 1912 г. был призван в армию и служил в 122-м тамбовском полку в Харькове. С началом Первой мировой войны — в 105-м оренбургском полку на Западном фронте.

Революция застала Серебрянского в Баку, где он работал электромонтером на газовом заводе. Он вновь стал одним из эсеровских активистов, получил партбилет ПСР, участвовал в деятельности местной эсеровской организации, являлся членом Бакинского Совета, сотрудником Продкома и был делегатом от партии эсеров на Первом съезде Советов Северного Кавказа. После освобождения Баку от мусаватистов, Серебрянский служил в Красной Армии начальником отряда по охране продовольственных грузов. Здесь он познакомился с небезызвестным Яковом Блюмкиным, который во время Гилянской экспедиции взял Серебрянского с собой в Иран и устроил в Особый отдел Персидской Красной Армии. После поражения Гилянской республики, Серебрянский приехал в Москву, где продолжил службу в органах ВЧК-ОГПУ, став секретарем Административно-организационного отдела ВЧК.

Но несмотря на работу в ВЧК, Серебрянский продолжал поддерживать связь со своими бывшими друзьями-эсерами, что сыграло с ним злую шутку — дважды, в декабре 1921 года и в марте 1922 года он был арестован своими же сослуживцами. В результате после второго ареста Президиум ОГПУ вынес решение: лишить Серебрянского права работать в политических, розыскных и судебных органах, а также в НКВДе. Однако уже в ноябре 1923 года это решение было отменено, и Серебрянский вновь оказывается на работе в органах госбезопасности, на этот раз в Иностранном отделе. А до этого, в октябре 1923 года его принимают кандидатом в члены ВКП(б).

В 1923 году вместе с Блюмкиным он выезжает в Палестину, где в течение двух лет действует как разведчик-нелегал — сначала в качестве помощника Блюмкина, а потом самостоятельно. О важности поставленных перед ним задач говорит тот факт, что перед отъездом его принял зампред ОГПУ В. Менжинский и напутствовал его пожеланием делать за границей все, что будет полезно для революции. Можно предположить, что именно в этот период Серебрянским было осуществлено

внедрение в боевое сионистское движение. Во всяком случае известно, что во время своей палестинской командировки он завербовал большую группу иммигрантов — уроженцев России: А. Н. Ананьева (он же И. К. Кауфман), Ю. И. Волкова, Р. Л. Эске-Рачковского, Н. А. Захарова, А. Н. Турыжникова и ряд других. Именно они составили костяк его боевой группы, известной позднее как «группа Яши». Также вполне возможно, что с их помощью была осуществлена операция по похищению в Париже в январе 1930 года руководителя РОВС генерала Кутепова. В 1924 году к Серебрянскому присоединилась его жена, Полина Натановна, не будучи официальным сотрудником ИНО ОГПУ, сопровождала его в многочисленных зарубежных поездках.

В 1925—1928 годах Серебрянский — нелегальный резидент ИНО ОГПУ в Бельгии и во Франции. В 1927 году он приезжал в СССР для того, чтобы пройти партчистку и быть принятым в члены ВКП(б). А в апреле 1929 года по возвращении в Москву Серебрянского назначают начальником 1-го отделения ИНО ОГПУ (нелегальная разведка).

Здесь надо отметить, что к этому времени первый председатель ОГПУ Ф. Дзержинский умер, а его место занял В. Менжинский, который вскоре назначил Серебрянского начальником только что созданной Особой группы при председателе ОГПУ. Под этим названием действовало независимое от Иностранного отдела разведывательное подразделение, задачей которого являлось глубокое внедрение агентуры на объекты военно-стратегического характера в США, Западной Европе и Японии, а также проведение диверсионных и террористических операций на случай войны.

«Группа Яши», как неофициально называли Особую группу, не только имела отдельную от ИНО агентурную сеть за границей, но и выполняла ответственные поручения руководства страны. Да и сам характер операций, в которых участвовали сотрудники, говорит о многом:

Так, в 1929 году именно Серебрянскому было поручено организовать похищение в Париже председателя РОВС генерала А. Кутепова. Кутепов, ставший главой РОВС после внезапной и таинственной смерти в апреле 1928 года первого председателя Союза — генерала Врангеля, усилил засылку на территорию СССР боевиков-террористов, чем сильно встревожил Москву. Преувеличивая истинную силу и размах белого движе-

ния, кремлевское руководство санкционировало операцию по похищению Кутепова. Во Францию для организации похищения был направлен Серебрянский и заместитель начальника КРО ОГПУ С. Пузицкий. На месте им, по непроверенным данным В. Бурцева, оказывали необходимую помощь резиденты ИНО во Франции Зиновий Волович и Н. Кузьмин, а также нелегал ОГПУ А. Фихнер.

Утром в воскресенье 26 января 1930 года в 10 часов 30 минут Кутепов вышел из своей квартиры в доме № 26 по рю Русселе, сказав жене, что направляется на панихиду по генералу Каульбарсу в церковь Союза галлиполийцев. Но на панихиду генерал так и не пришел, и больше его никто не видел, так как в 11 часов на углу рю Удино и рю Руссиле двое неизвестных втолкнули Кутепова в стоявший рядом серо-зеленый автомобиль, сделали инъекцию морфия и доставили в Марсель к борту находящегося там советского парохода. На борт его провели под видом сильно пьяного члена экипажа. Но слабое сердце генерала не выдержало наркоза, и он умер от сердечного приступа на борту парохода в сотне миль от Новороссийска. 30 марта 1930 года за удачно проведенную операцию Серебрянский был награжден орденом Красного Знамени.

Сразу же после операции по похищению Кутепова Серебрянский по указанию Ягоды и Артузова начинает создавать самостоятельную агентурную сеть в различных странах для организации террора и диверсий на случай войны. Будучи асом разведки, Серебрянский лично завербовал свыше 200 человек. В 1931 году Серебрянского арестовали в Румынии, но вскоре он был освобожден и продолжил свою деятельность. В 1935 году Серебрянский получил звание старшего майора госбезопасности. А с декабря 1936 года он — начальник Группы особых заданий при наркомате внутренних дел СССР.

В 1932 г. он выезжает в командировку в США и минимум трижды: в 1934, 1936, 1937-м — в Париж.

Одним из объектов разработки Особой группы в этот период был сын Троцкого Лев Седов, проходивший в ОГПУ-НКВД под псевдонимом «Сынок». Седов, полностью разделявший политические взгляды отца, в 1937 году приступил по его указанию к работе по организации первого съезда IV Интернационала, который должен был открыться летом 1938 года в Париже. В связи с этим в Москве начали разработку операции

по похищению Седова, проведение которой было поручено Серебрянскому. «В 1937 году, — писал он позднее, — я получил задание доставить «Сынка» в Москву... Задание было о бесследном исчезновении «Сынка» без шума и доставке его живым в Москву».

План похищения Седова был детально разработан. Были уточнены все его маршруты перемещения по Парижу, на месте предполагаемого похищения несколько раз проводилась репетиция захвата. Для доставки Седова в СССР было разработано два варианта операции. Всего в подготовке операции участвовало семь сотрудников Особой группы, в том числе и жена Серебрянского.

Однако похищение Седова так и не состоялось — в феврале 1938 года он умер после операции по удалению аппендицита. Правда, сама смерть Седова до сих пор вызывает немало вопросов. Его прооперировали в частной парижской клинике русских врачей-эмигрантов вечером 8 февраля, и в последующие дни он быстро шел на поправку. Но неожиданно через четыре дня наступило ухудшение. В ночь на 13 февраля его видели идущим полуголым в лихорадочном состоянии по коридорам и палатам. А утром его самочувствие было столь ужасно, что вызвало удивление у лечащего врача. Его прооперировали еще раз, но это не помогло, и 16 февраля он умер. Споры о причинах столь неожиданной смерти не прекращаются и сейчас, но полностью отрицать возможность отравления Седова сотрудниками или агентами Серебрянского затруднительно.

Надо отметить, что подготовка похищения Седова была не первой операцией Серебрянского, связанной с Троцким. В ноябре 1936 года люди Серебрянского, которыми непосредственно руководил нелегал НКВД Б. Афанасьев, с помощью агента М. Зборовского («Тюльпан»), внедренного в окружение Седова, и англичанина Моррисона («Генри»), имевшего связи в управлении полиции седьмого округа Парижа, похитили часть архива Международного секретариата троцкистов. Несколько ящиков с бумагами были переданы легальному резиденту ИНО в Париже Г. Косенко, а затем отправлены в Москву. Кража архивов позволила развернуть в западной прессе кампанию против Троцкого, значительно подорвавшую его авторитет.

Впрочем, Особая группа занималась и другими, не менее рискованными операциями. После начала гражданской войны в Испании Советское правительство решительно поддержало

республиканцев и приняло решение о поставках в Мадрид оружия. Причем часть оружия нелегально закупалась в Европе. Занимались этим практически все резидентуры ИНО НКВД и ГРУ, в том числе и «Группа Яши». Так, в сентябре 1936 года сотрудники группы с помощью агента «Бернадет» купили у французской фирмы «Девуатин» 12 новых военных самолетов. При этом французы были уверены, что самолеты приобрела некая нейтральная страна Хиджаз. Самолеты доставили на приграничный с Испанией аэродром, откуда они под предлогом летных испытаний были благополучно перегнаны в Барселону. За эту операцию в декабре 1936 года Серебрянский был награжден орденом Ленина.

Но в 1938 году над головой Серебрянского стали собираться тучи. 13 июля 1938 года из Парижа исчез резидент ИНО в Испании А. Орлов. Неожиданно вызванный в СССР, он посчитал, что в Москве его ожидает расстрел, и вместе с семьей бежал в США. Бегство Орлова бросило подозрение на руководящие кадры разведки, в том числе и на Серебрянского. Осенью 1938 года он был отозван из Франции и 10 ноября вместе с женой арестован в Москве прямо у трапа самолета. Ордер на их арест подписал новый начальник ГУГБ НКВД Л. Берия.

В ходе продолжительного следствия, которое вел будущий министр МГБ В. Абакумов, Серебрянского подвергали пыткам. Так, на первом протоколе допроса, датированном 12 ноября 1938 года, имеется резолюция Берия: «Тов. Абакумову! Крепко допросить». Именно после этого на допросе 16 ноября 1938 года, в котором участвовали Берия, Кобулов и Абакумов, как заявил позднее Серебрянский, он был избит и вынужден дать не соответствующие действительности показания о своей преступной деятельности.

В результате 4 октября 1940 года следователем следственной части ГУГБ НКВД лейтенантом госбезопасности Перелелицей было составлено обвинительное заключение:

«ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

10 ноября 1938 года органами НКВД СССР был арестован подозреваемый в шпионской деятельности СЕРЕБРЯНСКИЙ Яков Исаакович.

Проведенным по делу следствием установлено, что СЕРЕБРЯНСКИЙ, в прошлом активный эсер, дважды арестовыв-

вался органами ОГПУ и при содействии разоблаченных врагов народа проник в органы советской разведки.

В 1924 г., будучи в Палестине, был завербован эмигрантом ПОКРОВСКИМ для шпионской деятельности в пользу Англии.

В 1927 г. СЕРЕБРЯНСКИЙ по заданию английской разведки перебросил из Палестины в СССР группу шпионов-террористов в лице ТУРЫЖНИКОВА, ВОЛКОВА, АНАТЬЕВА, ЗАХАРОВА и ЭСКЕ, которых впоследствии в лаборатории спецгруппы ГУГБ подготовлял к диверсионной и террористической деятельности на территории СССР. Через ТУРЫЖНИКОВА СЕРЕБРЯНСКИЙ передавал английской разведке шпионские сведения о политическом и экономическом положении Советского Союза.

В 1933 г. СЕРЕБРЯНСКИЙ был завербован разоблаченным врагом народа ЯГОДОЙ в антисоветскую заговорщическую организацию, существующую в органах НКВД.

По заданию ЯГОДЫ СЕРЕБРЯНСКИЙ установил шпионскую связь с французской разведкой, которую информировал о деятельности советской разведки за кордоном, добывал сильнодействующие яды для совершения террористического акта над руководителями партии и Советского правительства.

В предъявленном обвинении виновным себя признал...

На основании изложенного обвиняется СЕРЕБРЯНСКИЙ Яков Исаакович... в том, что

- 1) с 1924 являлся агентом английской разведки,
- 2) с 1933 года по день ареста являлся активным участником антисоветского заговора в НКВД и проводил шпионскую работу в пользу Франции,

т. е. преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. Ia и II УК РСФСР»¹.

Практически такое же обвинительное заключение было предъявлено и жене Серебрянского Полине Натановне.

7 июля 1941 года Военная коллегия Верховного Суда приговорила Серебрянского Я. И. к расстрелу с конфискацией имущества, а его жену — к 10 годам лагерей за недоносительство о враждебной деятельности мужа.

Но приговор, вынесенный Серебрянскому, не был приведен в исполнение. Шла Великая Отечественная война, и разведке катастрофически не хватало опытных сотрудников. Поэтому в декабре 1941 года по ходатайству начальника 4-го управления НКГБ П. Судоплатова Серебрянский был осво-

божден и назначен начальником 3-го отделения 4-го управления, в задачу которого входила вербовка агентуры для глубокого оседания в странах Западной Европы и США. В этой должности Серебрянский прошел всю войну, лично участвуя во многих разведывательных операциях. Как пример можно назвать вербовку взятого в плен немецкого адмирала Редера. В 1945 году Серебрянскому было присвоено звание полковник.

После войны, в 1946 году министром госбезопасности был назначен Абакумов, который в свое время вел дело Серебрянского. Почти сразу же после своего назначения он обвинил Судоплатова в том, что тот «вызволил своих дружков из тюрьмы в 1941 году и помог им избежать заслуженного наказания». В результате Судоплатову ничего не оставалось делать, как предложить Серебрянскому и еще некоторым своим сотрудникам, подвергшимся арестам в конце 30-х года в, подать в отставку. И в августе 1946 года полковник госбезопасности Серебрянский вышел на пенсию по выслуге лет.

После смерти Сталина Серебрянский по просьбе Судоплатова в апреле 1953 года вновь вернулся в разведку и в мае того же года был назначен помощником начальника 9-го (диверсионного) отдела в создаваемом Берия МВД. Это назначение сыграло роковую роль в судьбе Серебрянского: в августе 1953 года его вместе с женой вновь арестовали. На этот раз его обвинили в участии в так называемом бериевском заговоре с целью государственного переворота. Никаких доказательств вины Серебрянского у следствия не было, и вскоре оно зашло в тупик. В 1955 году жену Серебрянского освободили, но сам он оставался в тюрьме, хотя и перенес несколько инфарктов. В конце марта 1956 года на допросе у следователя военной прокуратуры генерал-майора Цареградского Серебрянский неожиданно умер от сердечного приступа.

Долгие годы жена Серебрянского, Полина Натановна (она умерла в 1983 году), добивалась реабилитации мужа. Но реабилитировали Серебрянского только тогда, когда председатель КГБ Ю. Андропов узнал о его судьбе из подготовленного по его указанию первого учебника по истории советской разведки. В результате в мае 1971 года приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 7 июля 1941 года в отношении Серебрянского Я. И. по вновь открывшимся обстоятельствам был отменен, дело о нем за недоказанностью обвинения прекращено, а сам он реабилитирован.

Сергей Шпигельглаз

Личность Сергея Шпигельглаза, являвшегося в 30-х годах одним из руководителей внешней разведки органов госбезопасности СССР, мало известна современному читателю. Между тем он был весьма незаурядным человеком, чье мировоззрение сформировалось под сильным воздействием Октябрьской революции и последовавшей за ней Гражданской войны. Он не раз выполнял ответственные задания за границей, а в 1938 году фактически возглавлял ИНО НКВД. Судьба его во многом типична для революционера того времени, верившего в идеи коммунизма и погибшего в разгар «большого террора».

Сергей Михайлович Шпигельглаз родился в апреле 1897 года в местечке Мосты Гродненской губернии в семье бухгалтера. Его отец не имел образования, однако упорным трудом сумел выбиться в люди. Что касается его матери, то она была зубным врачом. В 1900 году семья Шпигельглаза переехала в Варшаву, где глава семьи работал на гардиновой фабрике, а Сергей учился в 1-м Варшавском реальном училище. В 1905 году его родители переехали в местечко Калушин. Здесь отец Шпигельглаза был арестован и зверски избит казаками. Около года он просидел в Варшавской цитадели, где потерял здоровье и уже не мог работать. В результате вся семья осталась на содержании у матери.

Сам Сергей в этот период продолжал учиться в Варшаве. С 1912 года он начинает подрабатывать частными уроками, и в это же время присоединяется к революционному движению. В 1914 году он был арестован полицией за «подозрение в участии в кружке» вместе с Владимиром Мессингом и своим двоюродным братом. Два месяца Шпигельглаз провел в Даниловичевской тюрьме, после чего был судим и выслан в местечко Бабиновичи.

Однако несмотря на притеснения властей, Шпигельглаз в 1915 году сумел окончить полный курс реального училища и поступить на математический факультет Московского университета. За время учебы он овладел французским языком (польский и немецкий он знал с детства). Но окончить университет ему не позволила Первая мировая война. В мае 1917 года со второго курса его призывают в армию, в студенческий батальон, расположенный в Нижнем Новгороде, а затем посылают в школу прапорщиков в Петергофе. В сентябре, окон-

чив школу, Шпигельглаз получает чин прапорщика и направляется в Мелитополь. Здесь, будучи прапорщиком 42-го запасного пехотного полка, он принимает самое активное участие в установлении Советской власти.

В феврале 1918 года Шпигельглаз перебирается в Москву, где вступает в «группу сочувствующих» РКП(б). Некоторое время он служил в Московской губернской Красной гвардии контролером по волостям, затем работал в Московском военном комиссариате заведующим финансовой частью. С ноября 1918 года Шпигельглаз переходит на работу в Военный контроль (военная контрразведка). В январе 1919 года, после слияния Военконтроля с Военным отделом ВЧК в Особый отдел ВЧК, он пишет заявление с просьбой о приеме на работу в Особый отдел. Его кандидатуру поддержал один из руководителей ВЧК, А. Артузов, написавший на заявлении Шпигельглаза следующую резолюцию:

«Т. Кедрову. Ввиду необходимости иметь второго контролера для командировок, ревизий и инспекционных проверок, думаю, нужно зачислить».

В результате в январе 1919 года Шпигельглаз был назначен начальником сметного (финансового) отделения Особого отдела. В это же время он становится кандидатом в члены РКП(б). В своем заявлении он писал: «Политически я всецело являюсь сторонником Советской власти в духе коммунистических идей и мировоззрений... Надеюсь, что в скором времени партия не откажется принять меня в свои ряды».

Работая в Особом отделе, Шпигельглаз вскоре стал одним из ближайших соратников Кедрова и Артузова, вместе с которыми он участвовал в кедровской экспедиции на Север. Ему приходилось выезжать в различные города и районы, где имели место контрреволюционные заговоры и мятежи, проводить обыски и аресты на квартирах подозреваемых в контрреволюции и лично приводить в исполнение приговоры в отношении осужденных к высшей мере наказания.

С экспедициями Кедрова Шпигельглазу довелось работать более чем в 10 крупных городах Юга, Запада и Центра России. В характеристике, выданной ему Особым отделом ВЧК, отмечалось: «Товарищ С. М. Шпигельглаз состоял сотрудником Особого отдела и членом ее фракции РКП(б), проявив себя честным, заслуживающим доверия работником».

Стоит отметить, что в органах ВЧК работала и сестра

Сергея Михайловича. Что же касается его брата, то он был убит в 1921-году в Павловском посаде, где являлся секретарем местной комсомольской организации. В это же время там умер и их отец, который после Октябрьской революции стал писать статьи и стихи революционного содержания в газетах.

В 1921 году Шпигельглаза направляют на руководящую работу в ЧК Белоруссии. Но уже через год его отзывают в Москву и назначают на должность уполномоченного 6-го отделения Контрразведывательного отдела ОГПУ. А с 1924 года он начинает работать во внешней разведке — Иностранном отделе ОГПУ.

В том же году Шпигельглаза направляют в первую зарубежную командировку в Монголию. Находясь там, он подробно информировал Москву о подготовке провозглашения Монгольской Народной Республики и объединении в 1925 году революционных кружков Сухэ-Батора и Чойбалсана в Народно-революционную партию. Также, используя агентурные возможности, он собирал данные о планах японских правящих кругов, готовящихся к агрессии против Китая и Монголии, об обстановке в Китае, бывшем в то время объектом пристального внимания советского руководства.

В Центре высоко оценили деятельность Шпигельглаза в Монголии, и по возвращении в Москву в сентябре 1926 года он был назначен помощником начальника ИНО ОГПУ и пробыл в этой должности до сентября 1936 года. В этот период Шпигельглаз неоднократно выезжал во многие страны Европы и Азии, а также в США. Наиболее длительные командировки были в Маньчжурию и во Францию.

В сентябре 1936 года Шпигельглаз был назначен заместителем начальника ИНО ГУТБ НКВД. На этом посту он руководил работой по разложению белой эмиграции, и прежде всего РОВС. Именно Шпигельглаз в 1937-году лично руководил похищением генерала Миллера, а потом операциями по ликвидации перебежчиков и троцкистов во Франции, Швейцарии и Испании.

В это же время под руководством Шпигельглаза проводится большая работа по сбору информации относительно планов Гитлера и его приготовлений к войне против СССР. Так, советской разведкой были добыты важные документы об оперативно-штабных играх, проведенных германским военным командованием под началом фон Секта, в результате которых

немецкий Генштаб пришел к выводу, что Германия не сможет выиграть войну с Россией, если в течение первого месяца не захватит Ленинград, Москву и Киев и не разгромит основные силы Красной Армии.

В 1937 году по указанию Сталина Шпигельглазу поручают организовать ликвидацию Льва Троцкого. Однако когда он приступил к выполнению этого задания, из Испании бежал в США резидент ИНО Орлов (Фельдбин), который был в курсе разрабатываемых планов. В результате Шпигельглазу пришлось свернуть операцию и отозвать некоторых задействованных в ней сотрудников и агентов в Москву. Все это не могло не повлиять на отношение к Шпигельглазу со стороны Сталина, который не любил, когда его распоряжения не выполняются. Не последнюю роль сыграло и письмо бежавшего Орлова наркому НКВД Н. Ежову, в котором он весьма критически отзывался о Шпигельглазе. Так, Орлов, в частности, писал:

«Мог ли я рассчитывать по прибытии в СССР на справедливое разбирательство моего дела? — Нет и еще раз нет! Вот мотивы:

1) Факт не открытого вызова меня домой, а организация западни на пароходе уже predeterminedила все. Я уже был занесен в список «врагов народа» еще до того, как моя нога вступила бы на пароход.

2) Я оказался бы в руках преступника Дугласа (псевдоним С. Шпигельглаза — *авторы*), который из низменных личных побуждений уничтожил 2-х честнейших коммунистов.

Этого мало. Мне известно, что Дуглас дал распоряжение об уничтожении героя войны Вальтера (имеется в виду Кароль Сверчевский — *авторы*), добровольно прошедшего 16 месяцев на передовой линии огня. Имя этого Вальтера является одним из нескольких популярнейших имен, известных каждому солдату. Это распоряжение было отдано Дугласом на основании необоснованных слухов, что у него, мол, «нездоровые настроения, могущие привести к невозвращенчеству»...

Честные люди не пошли на исполнение этого преступного приказа. Вальтер вскоре добровольно поехал домой с радостным чувством выполненного задания партии. Есть много других примеров, характеризующих преступность этого человека (Д.), готового из карьеристических мотивов погубить десятки заведомо честных людей и партийцев, лишь бы создать видимость оперативной работы и успешной борьбы с врагами.

В поисках популярности этот карьерист Дуглас в присутствии большинства моих работников выбалтывал ряд важнейших ведомственных тайн. Он терроризировал моих сотрудников перечислением десятков фамилий н/бывших сотрудников, расстрелянных без суда (в освещении, достойном «Нового времени»).

Сам Дуглас, да и кроме него даже честные работники, приезжавшие из дому, терялись в догадках: на основании чего были признаны шпионами и расстреляны без суда даже такие н/работники, которые пользовались полным доверием, в то время как с их бывшей сетью продолжают работать и поныне?..

Вот вкратце причины, заставившие меня, человека преданного партии и СССР, не идти в заготовленную мне карьеристом Дугласом ловушку на пароходе...»².

Думается, что это письмо, которое представляет собой прекрасный образец доноса времен «большого террора», было не последним аргументом, решившим судьбу Шпигельглаза.

Впрочем, несмотря на неудачу с Троцким и бегство Орлова Шпигельглаз остался заместителем начальника ИНО. Более того, после смерти Слуцкого Шпигельглаз с февраля по апрель 1938 года исполнял обязанности руководителя внешней разведки СССР, а затем фактически продолжал ею руководить при назначенном новым начальником ИНО молодом и неопытном контрразведчике Залмане Пассове. Однако судьба его уже была решена — в ноябре 1938 года он был арестован по обвинению в «обмане партии» и срыве ее важнейшего поручения. В январе 1940 года Шпигельглаз был приговорен к высшей мере наказания и 12 февраля того же года расстрелян.

Реабилитировали Шпигельглаза в 1956 году постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР, а его дело было прекращено в связи с отсутствием состава преступления.

Павел Судоплатов

«Жизнь есть жизнь, и она течет по своим, неподвластным нам законам. Мы же из прошедшего должны делать какие-то выводы для себя, постараться осмыслить минувшее время, чтобы второй раз не споткнуться о тот же камень». Эти слова принадлежат известному разведчику Павлу Судоплатову, чело-

веку легендарному, чье имя многие сотрудники ИНО НКВД знали только понаслышке, даже не догадываясь о характере выполняемых им заданий.

Павел Анатольевич Судоплатов родился в 1907 году на Украине, в городе Мелитополе. Его мать была молдаванка из Тирасполя — Феодосия Терентьевна Палыга, а отец — украинец. Всего в семье было пятеро детей, Павел был четвертым. Старшая сестра Надежда после войны работала бухгалтером в системе Министерства медицинской промышленности в Москве. Старший брат Николай, оказавший на Павла огромное влияние, в 1918 году вступил в Красную Армию. Через два года он стал бойцом в отряде ЧК, а затем почти непрерывно участвовал в боях на разных фронтах. В 1922 году он погиб на польской границе. Другой брат, Григорий, также служил в Красной Армии. После демобилизации в январе 1946 года он находился на хозяйственной работе, был директором Киевского консервного завода. Последний, младший брат, Константин, как и Павел, служил в органах государственной безопасности, однако большой карьеры не сделал. Он многие годы работал рядовым служащим в аппарате МГБ Московской области, откуда и был уволен в 1953 году.

Когда Павлу исполнилось семь лет, он пошел в мелитопольскую городскую школу, которую окончил в 1919 году, а в десять лет он узнал, что произошла революция и власть взяли большевики. Поначалу жизнь в Мелитополе мало чем изменилась, и все текло по устоявшимся порядкам. Но сам Судоплатов, вспоминая о том времени, пишет:

«Мое восприятие событий того времени можно считать типичным для семей с низким достатком, которым нечего было терять. Вполне естественно, я всей душой поверил, прочтя написанную Бухариным «Азбуку революции», что общественная собственность будет означать построение справедливого общества, где все будут равны, а страной будут управлять представители крестьянства и рабочего класса в интересах простых людей, а не помещиков и капиталистов»³.

Когда началась Гражданская война, украинские националисты провозгласили независимую республику и официально, в январе 1919 года объявили войну России и украинскому большевистскому руководству. Тогда же, а именно 26 июня 1919 года, Судоплатов сделал свой окончательный жизненный выбор — в тот день он убежал из дому и вступил в красноар-

мейский полк, формировавшийся в Мелитополе. Костяк этого полка составили рабочие города, активные участники борьбы за установление Советской власти. Но под натиском белых он вынужден был уйти из Мелитополя вместе с другими частями Красной Армии. Во время отступления полк разгромили белые, и лишь небольшим группам бойцов удалось влиться в подразделения 44-й стрелковой дивизии Красной Армии в районе Киева.

Километрах в 30 от Мелитополя, в селе Веселое, комиссар отряда сделал попытку вернуть Судоплатова домой, но из этого ничего не вышло. Он удрал от комиссара в отряд, бойцы которого оставили его у себя. Вместе с отрядом, после драматической переправы через Днепр, Судоплатов дошел до города Никополя Запорожской области. В этом городе из мелитопольцев был сформирован 1-й мелитопольский рабоче-крестьянский полк, влившийся позднее в 5-ю Заднепровскую дивизию. Несколько позднее полк был переименован в 1-й ударный. Оказалось, в этой же дивизии в 1-м и во 2-м ударных полках разновременно служил и брат Судоплатова Николай.

Плохо вооруженный, практически необученный полк в районе Карнауховских хуторов был разгромлен войсками 3-го кубанского казачьего корпуса, которыми командовал атаман Шкуро. С группой бойцов Судоплатов попал в плен, в котором провел два дня. Однако им представился удобный случай бежать из плена. Воспользовавшись более чем либеральным отношением шкуровцев к горячительным напиткам, мелитопольцы прорыли подкоп и бежали из амбара, в котором их содержали. Однако ночью Судоплатов отбил от остальных бойцов и оказался один. Он отправился обратно в направлении Никополя, рассчитывая присоединиться к остаткам своего полка.

Вскоре Судоплатову удалось примкнуть к одной из красноармейских групп, пробиравшихся также в направлении Никополя. Здесь их влили во 2-й ударный полк. Тут и произошла встреча с братом Николаем.

Павел Судоплатов находился на фронтах в рядах Красной Армии вплоть до окончания советско-польской войны. После ее окончания в начале 1921 года сотрудники политотдела 44-й дивизии, в которой он служил, попытались отправить его на учебу в Киев, однако непредвиденные обстоятельства помешали этим планам. Дело в том, что бойцы Особого отдела дивизии попали в засаду, устроенную украинскими национа-

листами. Большинство из них погибло. В Особом отделе, в связи с понесенными потерями, срочно требовались телефонист и шифровальщик. Поскольку к тому времени Судоплатов уже окончил начальную школу, умел читать и писать, его определили в Особый отдел. Таким образом, в мае 1921 года он был послан на работу в органы безопасности. Это и было началом его службы в ВЧК-КГБ.

В Особом отделе 44-й дивизии Судоплатов выполнял разную техническую работу, занимая должности письмоводителя, регистратора, машиниста-систематизатора. Позднее он вспоминал, что 1921 год стал переломным в его жизни. Тогда дивизия, в которой он служил, была переведена в Житомир, а главной задачей ее Особого отдела была помощь местной ЧК в проникновении в партизанское подполье украинских националистов, руководимых Петлюрой и Коновальцем. Их вооруженные банды устраивали диверсии против органов Советской власти на местах. Возглавлявшим ЧК Потажевичу и Савину удалось установить диалог с партизанскими руководителями и провести с ними неофициальные переговоры. Руководство Особого отдела тогда встретилось с ними в Житомире на явочной квартире. Судоплатов, как младший сотрудник на подхвате, должен был проживать в доме, где находилась явочная квартира, и обслуживать переговоры. Опыт общения с главарями формирований украинских националистов, являвшихся, по существу, настоящими хозяевами в своей округе, помог ему в дальнейшем, когда он стал оперативным работником госбезопасности. Он потом говорил, что на своей собственной шкуре испытал, каково иметь дело с заговорами в подполье.

После службы в Особом отделе 44-й дивизии Судоплатов еще некоторое время проработал в Волинском губотделе ГПУ, а затем был переведен на работу в погранвойска. Он служил сначала в уездном погранотделении, расположенном в городе Изяславле, а затем на погранпосту в местечке Славута. В сентябре 1923 года он подал рапорт о переводе в Мелитополь.

Во время службы на границе в 1923 году Судоплатов вступил в комсомол. Поэтому, вернувшись домой, он находился в основном на комсомольской работе — первоначально в аппарате Мелитопольского окружкома ЛКСМУ заведующим информационного отдела окружкома, затем, в 1924 году, — секретарем сельской ячейки ЛКСМУ в селе Ново-Григорьевка Генического района Запорожской области, а в начале 1925 го-

да — секретарем ячейки ЛКСМУ завода имени Воровского в городе Мелитополе.

Но в феврале 1925 года окружком ЛКСМУ снова направил Судоплатова на работу в органы ОГПУ. В 1925—1927 годах он — сводчик информационного отделения Мелитопольского Особого отдела ОГПУ, в 1927—1928 годах — помощник уполномоченного учетно-статистического отделения Мелитопольского окротдела ОГПУ, затем — младший оперативный работник в окружном отделе ГПУ, где отвечал за работу осведомителей, действовавших в греческом, болгарском и немецком поселениях. А в 1928 году в биографии Судоплатова происходит резкий поворот. Он переходит на работу в Харьков, тогдашнюю столицу Украины, и там до 1930 года работает уполномоченным Информационного отдела ГПУ УССР, занимается проработкой следственных дел для судебной тройки.

Будучи в Харькове, Судоплатов поступил в Харьковский университет. Но ему удалось побывать всего на десяти лекциях и сдать один экзамен — по экономической географии. На большее у него просто не хватало времени. Тогда его рабочий день начинался в десять часов утра и заканчивался в шесть вечера с коротким перерывом на обед. После этого начинались встречи с осведомителями на явочных квартирах. Они продолжались с половины восьмого вечера до одиннадцати. Затем он возвращался на службу, чтобы доложить начальству о полученных оперативных материалах.

Здесь необходимо сказать несколько слов и о второй жене Судоплатова (о первой ничего, кроме самого факта ее существования, неизвестно), с которой он познакомился в Харькове. Каганова Суламифь Соломоновна (по первому мужу — Гранская), а с 1951 года — Судоплатова Эмма Карловна, родилась 1 мая 1905 года в Гомеле в мелкобуржуазной семье. Ее отец, по специальности — сплавщик леса, еще до революции, а потом и во времена НЭПа вел также торговлю тканями, получаемыми из-за рубежа.

С детства очень способной, ей удалось поступить в такое учебное заведение, где для евреев существовала ограничительная норма. Она окончила гомельскую женскую гимназию с золотой медалью. Позднее стала работать секретарем-машинисткой у Хатаевича — секретаря гомельской губернской организации большевиков. Когда ее начальника перевели в Одессу, где он возглавил партийную организацию, она в 1923 году

последовала за ним. Именно в Одессе Кримкер и перешла в местное ГПУ. Ей поручили вести работу среди проживавших в городе немецких колонистов. Голубоглазая блондинка, она говорила на близком к немецкому идише и вполне могла сойти за немку. Позднее, как образованной и привлекательной женщине, к тому же начитанной и чувствовавшей себя вполне свободно в обществе писателей и поэтов, ей поручили руководить деятельностью осведомителей в среде украинской творческой интеллигенции — писателей и театральных деятелей.

Она прослужила в органах государственной безопасности 26 лет. С 1923 по 1928 год работала в Одессе, с 1928 года — в секретно-политическом отделе ГПУ Украины в Харькове, затем в 1932—1935 годах — в секретно-политическом отделе ОГПУ в Москве, с 1936 по 1940 год — в Иностранном отделе НКВД, с 1940 по 1949 год — старшим преподавателем спецдисциплин Центральной школы (позднее Высшей школы) НКВД-МГБ СССР. Она была награждена орденом Ленина, орденом Красного Знамени, медалями. На пенсию вышла в звании подполковника. Умерла Эмма Карловна в сентябре 1989 года и была похоронена на Донском кладбище в Москве.

В 1930 году в судьбе Судоплатова происходит неожиданный поворот. Он попадает в резерв назначений ГПУ (без денежного довольствия) и вскоре получает новое — весьма необычное, но чрезвычайно важное задание, которое совместно контролируется руководителями ОГПУ и партийными органами, — становится заведующим культурно-воспитательной частью, а затем комиссаром трудовой коммуны (спецколонии) ГПУ УССР для малолетних правонарушителей и беспризорных детей, расположенной недалеко от города Прилуки в селе Ладан. Однако там он не задержался, и в 1931 году вновь начинает работать в Харькове инструктором оргинструкторского отдела ГПУ УССР.

Но уже в 1933 году карьера Судоплатова резко начинает идти в гору — молодого перспективного чекиста заметили и перевели в Москву. Сначала он работал в отделе кадров, а затем был переведен в Иностранный отдел. Там ему поручили работу против украинских националистов, находящихся в эмиграции. В 1935 году по легенде, разработанной с участием заместителя начальника ИНО Шпигельглаза, Судоплатов внедрился в Организацию украинских националистов (ОУН) в Европе и вошел в доверие к ее руководителю полковнику Евгению Коновальцу. Будучи одним из курьеров ОУН, Судоп-

платов побывал в Финляндии, Швеции, Германии, а в 1936 году был слушателем специальных курсов в Лейпциге, на которых по личному распоряжению Гитлера готовились кадры ОУН для нелегальной заброски в Советский Союз.

В 1936 году, тепло распроставшись с Коновальцем, Судоплатов через Финляндию направляется в СССР. Но на границе он был задержан финскими пограничниками и препровожден в тюрьму Хельсинки. Больше месяца длились допросы, но Судоплатову в конце концов удалось отвести от себя все подозрения. Более того, легенда, по которой действовал Судоплатов, оказалась настолько прочной, что в его защиту выступили люди Коновальца, поддерживающие контакт с финнами. В результате Судоплатов прибыл в СССР по сути легально. В Москве его ожидала высокая награда — за проделанную работу он был награжден орденом Красного Знамени. Но вскоре после его возвращения, в мае 1937 года были арестованы бывший начальник ИНО А. Х. Артузов, который рекомендовал Судоплатова на ответственную должность в разведке, и другие чекисты, работавшие с Судоплатовым. Очень скоро за связь с «врагом народа» партком ИНО НКВД исключает Судоплатова из членов ВКП(б). Это решение должно было утвердить партсобрание, после чего его судьбу было бы легко предугадать: арест, следствие и расстрел. Но вмешался его величество случай — новый нарком НКВД Н. Ежов обратил внимание на информацию, поступившую во время работы Судоплатова за кордоном, и решил представить успешного сотрудника лично И. Сталину. Доклад Судоплатова о деятельности ОУН и мерах по ее нейтрализации понравился вождю народов, и им было дано поручение по ликвидации главы ОУН полковника Коновальца.

Началась разработка операции. Было решено использовать одну из слабостей Коновальца — любовь к шоколадным конфетам. В специальной лаборатории НКВД было изготовлено взрывное устройство, замаскированное под коробку конфет, которую Судоплатов должен был подарить Коновальцу при прощании. Отправляясь на задание, Судоплатов получил огромную по тем временам сумму в 3000 долларов. Прибыв в Роттердам на советском судне «Шилка», где он для прикрытия числился радистом, Судоплатов сошел на берег, имея при себе фальшивый чешский паспорт. Его встреча с Коновальцем произошла 23 мая в 12 часов дня в ресторане «Атланта». Переговорив о деле и назначив новую встречу на 17 часов, «сорат-

ники» разошлись. На прощание Судоплатов вручил Коновальцу скромный подарок — коробку шоколадных конфет. А через полчаса раздавшийся взрыв смертельно ранил главу ОУН. Несмотря на активные поиски, организатор убийства так и не был найден.

Вернувшись в Москву, Судоплатов был принят новым заместителем Ежова и одновременно начальником Главного управления государственной безопасности Л. Берия. Тот благожелательно выслушал отчет, и в июле 1938 года Судоплатов, будучи в звании майора государственной безопасности, был назначен помощником (фактически заместителем) начальника 5-го отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) Народного комиссариата внутренних дел, то есть стал заместителем начальника советской внешней разведки. В ноябре — декабре того же года он исполнял обязанности начальника внешней разведки. Здесь надо отметить, что с 1939 по 1942 год, после того как во главе внешней разведки встал молодой и неопытный партвыдвиженец Павел Михайлович Фитин, Судоплатов был его заместителем. Учитывая, что другие заместители Фитина — Мельников, Прудников и Дубовик — немногим превосходили по опыту своего начальника, можно сказать, что Судоплатов фактически на протяжении более трех лет стоял у руля советской внешней разведки.

Поэтому не стоит удивляться тому, что именно Судоплатову Сталин поручил самую важную для него операцию — ликвидацию Льва Троцкого. Правда, сам Судоплатов отказался лично выполнить это задание под предлогом незнания испанского языка и незнакомства с местными условиями. Но при этом порекомендовал своего друга Н. Эйтингона, имевшего огромный опыт подобных операций в Европе, и в частности в Испании. Операция по ликвидации Троцкого под названием «Утка» разрабатывалась долго и тщательно. Но несмотря на это, первая попытка убить Троцкого провалилась. 20 мая 1940 года, на рассвете, примерно 20 человек в военной и полицейской форме под командованием известного художника Сикейроса проникли на виллу Троцкого в Койоакане и расстреляли его спальню. От смерти Троцкого и его жену спасло только то, что они успели забиться в угол и лежали там без движения. Несмотря на неудачу, Сталин не стал никого наказывать, одобрил новый план и даже послал Эйтингону одобряющую телеграмму. Второе покушение, совершенное 20 авгу-

ста 1940 года Рамоном Меркадером, оказалось успешным. Смертельно раненный Трощий, несмотря на медицинскую помощь, скончался в больнице 21 августа.

После удавшегося покушения на Трощего авторитет Судоплатова значительно вырос. В феврале 1941 года он назначается заместителем начальника 1 Управления (разведка) НКГБ СССР. На этой должности он ставит перед руководством вопрос о пересмотре дел некоторых осужденных сотрудников НКВД, ссылаясь на приближающуюся войну с Германией. С величайшим трудом этот вопрос начал решаться. Так, при помощи Судоплатова вернулись в НКГБ Я. Серебрянский, В. Фишер, Р. Абель, П. Зубов и многие другие опытные разведчики.

После начала Великой Отечественной войны, одновременно с работой во внешней разведке, Судоплатову поручили руководство разведывательно-диверсионными подразделениями НКВД, действующими в тылу противника. В результате, будучи уже в звании старшего майора государственной безопасности, он 5 июля 1941 года возглавил Особую группу при наркомате внутренних дел, которая позднее, 3 октября 1941 года, была преобразована во 2-й отдел НКВД. Последний, в свою очередь, приказом НКВД от 18 января 1942 года был преобразован в 4-е управление НКВД СССР (разведка, террор и диверсии в тылу противника), которое действовало всю войну и было упразднено только приказом по МГБ 9 октября 1946 года. Таким образом, все годы Великой Отечественной войны Павел Судоплатов руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в тылу немецко-фашистских войск, а также работой агентурной сети на территории Германии и ее союзников. Одновременно с руководством разведывательно-диверсионной работой Судоплатов с 26 июля 1941 года являлся начальником Штаба по ликвидации вражеских парашютных десантов и диверсионных групп.

По инициативе Судоплатова формируется Отдельная мотострелковая бригада особого назначения войск НКВД (ОМСБОН). Один из батальонов бригады состоял из бойцов-антифашистов из Испании, Германии, Австрии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Польши и других стран, многие из которых после боев за Москву были заброшены в тыл к немцам. Всего же за время войны 4-м управлением было заброшено в глубокий тыл противника более 2200 вооруженных отрядов и

разведгрупп, которыми были уничтожены сотни железнодорожных составов, мостов, складов с боеприпасами и горючим. По итогам деятельности 4-го управления в годы войны более 20 сотрудников были представлены к званию Героя Советского Союза.

Из отдельных операций можно отметить одну, проходившую под кодовым названием «Монастырь», проводившуюся под личным руководством Судоплатова. В ходе ее на территории СССР было инсценировано создание подпольной антисоветской профашистской организации, искавшей контактов с гитлеровским командованием. Главную роль в операции сыграл давний агент ОГПУ-НКВД Александр Демьянов, сын царского офицера, накануне войны завербованный немецкой разведкой. В конце 1941 года он на лыжах перешел через линию фронта к немцам, прошел ускоренное обучение в разведшколе абвера и в феврале 1942 года был выброшен на парашюте в районе Ярославля. Его задачей было организация резидентуры абвера в Москве. В результате с его помощью были арестованы многие агенты абвера, а кроме того, велась активная радиоигра по дезинформации немецкого командования. До самого конца войны руководство абвера так и не догадалось о истинной роли Демьянова, а бывший начальник разведки ФРГ Р. Гелен в своих мемуарах высоко оценил достижения агента Макса (псевдоним Демьянова в абвере).

8 января 1945 года приказом НКВД СССР № 0028 комиссару госбезопасности 3-го ранга Судоплатову было поручено координировать работу центральных аппаратов НКВД и НКГБ по обеспечению проведения Крымской конференции союзников в феврале 1945 года. В связи с этим он в качестве якобы помощника В. Молотова Павла Матвеева провел ряд неофициальных встреч с послом США в СССР А. Гарриманом и представителями американских и английских спецслужб. В результате этих секретных переговоров была достигнута договоренность о содействии американских и английских властей в выдаче советскому правительству лидеров и отдельных деятелей антисоветской эмиграции. Эти договоренности были зафиксированы в 3 секретных протоколах Ялтинской конференции. В результате сотни тысяч «политических противников» и других «подозрительных» лиц, оказавшихся на территории Западной Европы, были насильственно репатриированы в сталинские лагеря.

Кроме того, в годы войны Судоплатов принимал непосредственное участие в работе по «атомной проблематике». В феврале 1944 года для перевода и обобщения материалов по этой теме при наркомате внутренних дел СССР была создана группа «С», которую возглавил Судоплатов. 27 сентября 1945 года на базе группы «С» в системе НКВД СССР был создан самостоятельный Отдел «С», занимавшийся переводом, обработкой и обобщением разведанных по атомному оружию, полученных от внешнеполитической и военной разведок. 10 января 1946 года отдел был передан в состав НКГБ, а позднее — в состав МГБ СССР. Что касается Судоплатова, то он возглавлял его до 30 мая 1946 года.

Будучи руководителем Отдела «С», Судоплатов одновременно являлся начальником 2-го (информационного) бюро Специального комитета по проблеме № 1 (еще одно название советского атомного проекта) при Государственном комитете обороны, а затем при Совете Министров СССР, которое возглавлял заместитель председателя Совета Министров СССР Берия. А с 22 мая 1945 года, будучи уже генерал-лейтенантом, он по совместительству возглавил Отдел «Ф» НКВД СССР, созданный для работы на территориях стран, освобожденных Красной Армией от противника, а также для сбора информации от граждан СССР, побывавших в плену или интернированных в странах Европы. Этот отдел был расформирован 30 августа того же года. Однако уже 15 ноября 1945 года его, опять же по совместительству, назначают руководителем Отдела «К» НКГБ СССР — оперативно-чекистское обслуживание объектов спецназначения (занятых созданием атомной бомбы).

В 1946 году 4-е управление было расформировано, а на генерал-лейтенанта Судоплатова приказом министра МГБ В. С. Абакумова была возложена организация Службы «ДР» (диверсия и террор). В задачу службы входила организация специальной агентурно-разведывательной работы за рубежом и внутри страны против «врагов партии и Советского государства». В период с 1946 по 1947 год службой Судоплатова было проведено 4 спецоперации, о которых известно точно:

— По указанию члена Политбюро ЦК ВКП(б) и первого секретаря ЦК КП(б) Украины Н. Хрущева в городе Мукачево был ликвидирован Ромжа — глава украинской греко-католической церкви, активно протестовавший против присоединения католиков к православию.

— По указанию Сталина в Ульяновске был убит польский гражданин Самет, работавший на секретных военных заводах и собиравшийся выехать из СССР.

— По указанию Сталина и Молотова в Москве был уничтожен американский гражданин А. Оггинз, бывший агент НКВД в Китае и на Дальнем Востоке, одно время находившийся в советских лагерях, на чьем освобождении неоднократно настаивали американцы.

— По приказу Абакумова, который ссылался на указания Сталина и Л. Кагановича, в Саратове был убит украинский националист Шумский.

Во всех случаях убийства совершались при помощи ядов, изготовленных в специальной лаборатории 4-го спецотдела НКВД-МГБ под руководством Майрановского и Филимонова.

В 1948 году Судоплатов выезжает в Прагу с очередным заданием. При помощи бывшего резидента ИНО ОГПУ в Праге Петра Зубова он встречается с президентом Бенешем и предъявляет ему расписку на 10 000 фунтов, подписанную его секретарем во время перевозки Бенеша в Лондон в 1938 году, организованной НКВД после мюнхенского сговора. Бенешу было предложено мирно уступить власть коммунистическому правительству Клемента Готвальда. В противном случае расписка, а также материалы об участии Бенеша в политическом перевороте в Югославии накануне войны будут опубликованы в печати. Бенешу ничего не оставалось делать, как пойти на эти условия. Он сдался без сопротивления, тем самым задание было выполнено успешно.

В 1949 году Абакумов неожиданно предложил ликвидировать Службу «ДР». Решение этого вопроса затянулось, и только в 1950 году состоялась реорганизация. В результате было образовано Бюро № 1 МГБ с теми же функциями и задачами, как и у Службы «ДР». Начальником Бюро стал Судоплатов. В 1952 году Судоплатов разрабатывает операцию по ликвидации в Париже бывшего председателя Временного правительства Александра Керенского. Исполнителем теракта должен был стать Николай Хохлов, сотрудник Бюро с репутацией отчаянного боевика, ликвидировавшего в годы войны гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе. Но Хохлов, изменивший к этому времени свое отношение к убийствам, отказался ехать во Францию, и операцию пришлось отменить.

Другой операцией Бюро стала ликвидация бывшего руко-

водителя чехословацких троцкистов Вольфганга Залуса. 13 февраля 1953 года агент МГБ подсыпал ему специальный препарат. Вскоре Залус заболел и 4 марта умер в одном из госпиталей Мюнхена. Его кончина не вызвала подозрений — врачи констатировали смерть от воспаления легких.

После смерти Сталина в мае 1953 года по указанию нового министра МВД Берия в министерстве был создан самостоятельный 9-й отдел для проведения диверсионной и террористической деятельности. Его, как всегда, возглавил Судоплатов, а заместителем стал Эйтингон. Но уже в июле, после ареста Берия, отдел был расформирован. 5 августа 1953 года Судоплатов на Пленуме ЦК дает объяснения по поводу заданий, которые он получал от Берия. Выслушав его, Хрущев заявил, что партия к Судоплатову никаких претензий не имеет. Однако 21 августа 1953 года Судоплатов был арестован в собственном кабинете на 7-м этаже здания на Лубянке. Ему предъявили обвинение в участии в бериевском заговоре, имевшем целью уничтожение членов Советского правительства и реставрацию капитализма. Он был осужден на 15 лет, которые отсидел «от звонка до звонка». В тюрьме Судоплатов перенес три инфаркта, ослеп на один глаз, получил инвалидность 2-й группы. После освобождения 21 августа 1968 года он занялся литературной деятельностью, и под псевдонимом Андреев опубликовал три книги. Реабилитировали его только в 1992 году. Перед смертью он успел выпустить книгу мемуаров, моментально ставшую бестселлером, в которой рассказал о своей жизни.

Умер Павел Анатольевич 24 сентября 1996 года.

Наум Эйтингон

Имя Эйтингона появилось на страницах советской печати только в 1990 году, к 50-летию убийства Льва Троцкого. Газеты называли его организатором убийства и главным действующим лицом разыгравшейся в августе 1940 года драмы. А до этого имя разведчика было под запретом. Даже в 1981 году, когда он умер, ни одна газета не опубликовала некролога. Между тем знающие его люди совершенно справедливо говорили, что он был одним из самых успешных закордонных работников НКВД.

Наум Исаакович Эйтингон родился в ноябре 1899 года в белорусском городе Могилеве. Детство его прошло в небольшом городке Шклове, неподалеку от Гомеля, где его отец, умерший в 1912 году, работал конторщиком на местной бумажной фабрике. После смерти главы семьи на руках у матери осталось четверо детей, старшим из которых был Наум. Естественно, материальное положение семьи резко ухудшилось и, как говорил позднее сам Эйтингон, «детство мое прекратилось».

Некоторое время семья жила на иждивении деда, частного поверенного. Однако и он вскоре умер. К тому времени Эйтингон уже сам зарабатывал частными уроками, перепиской и т. п. Позднее он поступил в Могилевское коммерческое училище, однако не окончил его, проучившись только до 7-го класса. Среднее образование он получил уже при Советской власти.

Накануне Февральской революции Эйтингон вступил в местный литературный кружок, где впервые познакомился с революционной литературой. После победы революции он, как и многие молодые люди, записался в партию эсеров и тем самым пополнил ряды довольно многочисленных (1 млн человек) так называемых «мартовских эсеров». В рядах этой партии он состоял до осени 1917 года, когда вышел из ее рядов, недовольный отношением эсеров к войне и защитой ими помещичьих усадеб.

В это же время он работал в городском управлении Могилева в отделе по выборам в Государственную Думу и Учредительное собрание, а также инструктором в отделе статистики, кормя своим заработком всю семью. После ликвидации отдела статистики Эйтингон поступил служащим в местный Совет, в отдел по пенсиям семьям убитых на войне, где проработал до весны 1918 года, когда в Могилев пришли немцы. Для Эйтингона наступили тяжелые дни. Он вынужден был устроиться сначала рабочим на городской бетонный завод, а в конце лета 1918 года — кладовщиком на том же заводе. На этой должности он и проработал вплоть до прихода в Могилев в ноябре 1918 года частей Красной Армии.

Зимой 1918—1919 года Эйтингон вместе с группой членов профсоюза строительных рабочих был направлен на работу в губернский продовольственный комитет. Там он работал по подразверстке, разъезжал с продотрядом по губернии, попутно подавляя кулацкий саботаж и многочисленные антисо-

ветские выступления. А по возвращении в Могилев он был переведен на работу по кооперации в Губпродукт.

В апреле — мае 1919 года как самого грамотного Эйтингона командировали в Москву на курсы при Всероссийском совете рабочей кооперации. Здесь он впервые подробно изучил теорию марксизма и другие науки. В целом эти курсы, как писал позднее сам Эйтингон, ему «дали очень много». Учился он весьма успешно, и после окончания его даже хотели оставить в качестве инструктора на курсах. Однако Эйтингон оставаться не захотел и отправился в Гомель, куда к тому времени из Могилева был переведен губернский центр Губсовета рабочей кооперации.

В Гомель Эйтингон прибыл в сентябре 1919 года. К этому времени фронт вплотную подошел к городу, и он решил, что ему пришло время вступить в партию большевиков. В октябре 1919 года во время так называемой «партийной недели» Полесская организация большевиков приняла его в свои ряды, после чего он был направлен на службу в партийный отряд, в рядах которого Эйтингон участвовал в охране подступов к городу. В конце 1919 года, когда наступление денкинцев было отбито, он снова вернулся на работу инструктором по кооперации. Одновременно он был и инструктором по профсоюзной работе, много ездил по губернии, организуя местные профсоюзные организации.

Однако в мае 1920 года судьба Эйтингона круто изменилась. По решению гомельской партийной организации его направляют на работу уполномоченным в Особый отдел Гомельского укрепрайона. Так началась многолетняя служба Эйтингона в органах госбезопасности. После ликвидации Особого отдела Эйтингон работает уполномоченным по военным делам Гомельской губЧК и уже вскоре становится членом коллегии и заместителем председателя Гомельской губЧК латыша Николая Волленберга.

В это время в Гомельской губернии процветает бандитизм, и Эйтингону поручили организовать с борьбу с ним. С поставленной задачей он справился успешно. Так, он являлся активным участником агентурного дела «Крот», лично принимал участие в поимке известного савинковского эмиссара Эдуарда Опперпута, а также в ликвидации ячеек савинковского «Народного союза защиты Родины и свободы» в Гомельской губернии. Кроме того, в течение всего 1921 года он выезжал с

чекистским отрядом в районы, где принимал участие в кровавых схватках с бандитами. В одной из таких схваток в октябре 1921 года в местечке Давыдовка Эйтингон получил тяжелое ранение в левую голень, после чего два месяца лечился в госпитале.

В это время его товарищей из руководства Гомельской губЧК вместе с начальником Николаем Волленбергом переводят на работу в Башкирию. Эйтингона по выздоровлению вызывают в Москву, в ВЧК и также направляют в Уфу. Однако сразу выехать ему не удалось — открылась рана, и он еще два месяца пролежал в Москве в госпитале. Позднее он часто жаловался на боли в ноге.

В Башкирии Эйтингон вместе с группой гомельских чекистов оставался до мая 1923 года. Будучи членом коллегии башкирского отдела ОГПУ, он активно участвовал в ликвидации националистических бандформирований в этой республике. Но уже летом 1923 года Волленберга и его сотрудников отзывают в Москву и направляют на работу в Восточный отдел ОГПУ, который формально возглавлял Яков Петерс. Однако фактически всю работу отдела вел его заместитель Волленберг вместе со своим гомельским окружением. Эйтингон поначалу работал уполномоченным, а затем помощником начальника отделения Восточного отдела. Одновременно он учился в кузнице кадров советской разведки — восточном факультете Военной академии Генштаба. В академии вместе с ним учились многие будущие видные советские военачальники, среди которых был и прославленный защитник Сталинграда маршал Чуйков.

После окончания учебы в октябре 1925 года Эйтингона направляют на работу в Иностраннный отдел ОГПУ. Руководство отдела, подготавливая «легенду» для его первой зарубежной командировки, предложило ему обратиться к своим родственникам, эмигрировавшим за границу, с тем чтобы они прислали ему необходимые рекомендации, бумаги и деньги для поездки в Западную Европу. Однако родственники отказались делать это. Продолжая тему родственников, следует отметить, что в свое время на Западе, а позднее и в России появились утверждения, что знаменитый психоаналитик Марк Эйтингон, покровительствовавший в эмиграции русской певице и агенту ИНО НКВД Плевицкой, был родным братом Эйтингона и действовал по его заданию. Однако никто и никогда не представил тому никаких доказательств.

В конце 1925 года Эйтингон выезжает в свою первую долгосрочную командировку в Китай в качестве резидента ОГПУ, сначала в Шанхай (где в это время действовала объединенная сеть ОГПУ и Разведупра Красной Армии), а затем в Пекин и Харбин. В Китае он познакомился и подружился со многими известными военными разведчиками — Христофором Салныным, Иваном Винаровым и многими другими. Вполне возможно, что именно в Китае началась карьера Эйтингона как непревзойденного мастера специальных операций. Дело в том, что существуют данные (хотя и не подтвержденные) о том, что под непосредственным руководством Эйтингона в 1928 году был ликвидирован маньчжурский диктатор и фактический глава пекинского правительства генерал Чжан Цолин, занимавший откровенно прояпонскую позицию. Он был убит в результате крушения на железнодорожной линии Пекин — Харбин, когда проезжал по ней в своем специальном вагоне.

В 1928 году Эйтингон был назначен резидентом ИНО в Харбине. Но весной 1929 года китайская полиция совершила внезапный налет на советское консульство в Харбине, захватив при этом важные документы военного атташе и арестовав находившихся в подполье представителей Компартии Китая, собравшихся в тот день в консульстве. После этого Эйтингон не мог оставаться в Китае и был отозван в Москву.

Но в Москве Эйтингон не задержался, и почти сразу был командирован в Турцию на должность легального резидента в Константинополе, где он действовал под прикрытием должности атташе консульства под именем Наумова Леонида Александровича. Резидентура ОГПУ в Турции не работала против страны пребывания, а сосредоточила усилия на добывании информации в иностранных посольствах в Константинополе. Большое количество секретных документов добывалось в японском, французском и австрийском посольствах. С середины 1928 года в Константинополе была организована нелегальная резидентура, раскинувшая свою сеть по всему Ближнему Востоку. Во главе ее сначала был Яков Блюмкин, а после его ареста в 1929 году за связь с Троцким — Георгий Агабеков, проживающий в Константинополе под именем армянского купца Нерсеса Овсепяна. Прибыв в Турцию в конце октября 1929 года, Агабеков при помощи Эйтингона реорганизовал агентурную сеть, доверие к которой после измены Блюмкина

упало. В задачу Эйтингона входило поддерживать связь Агабекова с Москвой, кроме того, он по поручению Центра в декабре 1929 года принял агентуру в Греции после ареста там нелегального резидента ОГПУ. Но успешно начатая работа была прервана после того, как в июне 1930 года Агабеков бежал на Запад. Опасаясь провала, Центр в срочном порядке отозвал Эйтингона в Москву.

В Москве Эйтингон был назначен заместителем Якова Серебрянского — начальника Особой группы при председателе ОГПУ, известной также как «группа Яши». Этот самостоятельный и независимый от Иностранного отдела разведцентр был создан Менжинским в 1930 году как параллельная разведывательная служба для глубокого внедрения агентуры на объекты военно-стратегического значения и подготовки диверсионных операций в тылу противника на случай войны. С этой целью Эйтингон несколько раз выезжал в Калифорнию для организации там агентурной сети.

Однако, по всей видимости, с Серебрянским Эйтингон не сработался и в 1931 году был назначен начальником 8-го отделения ИНО. Но на этой должности он пробыл недолго, так как в скором времени был командирован во Францию, а затем в Бельгию, откуда вернулся в 1933 году. По возвращении из командировки Эйтингон становится начальником 1-го отделения ИНО (нелегальная разведка), но в том же году вновь отправляется за рубеж, на этот раз в США.

В 1933 году Эйтингон познакомился с Павлом Судоплатовым, в ту пору молодым сотрудником ОГПУ, работавшим в отделе кадров. Судоплатов уже тогда считал Эйтингона опытным руководителем разведки, уважаемым за успехи в работе и профессиональное мастерство. Позже он рассказывал, как однажды принес Эйтингону личное дело молодого чекиста, служившего возле польской границы, с просьбой по возможности перевести его на работу в качестве одного из сотрудников отделения, которым Эйтингон руководил. В деле находилась записка заместителя начальника отдела Украинского ГПУ, рекомендовавшего его для службы в Польше, недалеко от того места, где тот жил и работал. Эйтингону не хотелось посылать молодого человека в Польшу, рядом с границей, где его могли узнать. И он прокомментировал это так: «Если этого парня, не имеющего никакого опыта, поймают при обычной проверке, то чья голова тогда полетит? Если я стану слушать подоб-

ные рекомендации, надо будет завести специальную корзину для собирания голов»⁴.

В 1936 году, когда в Испании началась гражданская война, Эйтингона под именем Леонида Александровича Котова направляют в Мадрид заместителем резидента ИНО НКВД и советника по безопасности республиканского правительства Александра Орлова (Фельдбина). Основной задачей Эйтингона было руководство партизанскими операциями республиканцев в тылу противника. Кроме того, он участвовал в ликвидации руководителей испанской Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ), которых Сталин считал сторонниками Троцкого. Однако главным достижением Эйтингона можно считать вербовку Рамона Меркадера, будущего убийцу Троцкого.

Бегство в июне 1938 года в США Орлова могло серьезно подорвать доверие к Эйтингону в Москве. Но этого не случилось. Более того, в августе 1938 года его назначают резидентом ИНО НКВД в Испании и поручают восстановить связь с одним из членов «кембриджской пятерки» Гаем Бёрджессом, которая была прервана в октябре 1937 года после отъезда из Лондона его оператора Арнольда Дейча. «Пьер» (таков был псевдоним Эйтингона) эпизодически встречался с Бёрджессом в Париже до марта 1939 года, когда последний был передан на связь легальному резиденту ИНО в Лондоне Анатолию Горскому.

Когда в 1939 году в гражданской войне в Испании победил Франко, Эйтингон перебрался во Францию, где несколько месяцев реорганизовывал и восстанавливал все то, что осталось от испанской агентурной сети НКВД. Тогда же ему удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой племянника главы испанской фашистской партии Примо де Риверы, друга Гитлера, который до 1942 года был важным источником информации о планах Франко и Гитлера.

После возвращения в Москву Эйтингону по представлению Судоплатова, ставшего к тому времени заместителем начальника ИНО НКВД, поручают организацию убийства находящегося в Мексике Льва Троцкого. Он взялся за выполнение этой операции с чистой совестью, так как был искренне убежден, что, выполняя «приказ партии и лично товарища Сталина, действует во имя революции и на благо международного рабочего движения». Операция по ликвидации Троцкого готовилась долго и тщательно. Однако избежать неудачи не уда-

лось — первая попытка убить Троцкого, предпринятая 20 мая 1940 года во время нападения на его виллу в Койоакане группы боевиков во главе с Сикейросом, закончилась ничем — Троцкий остался жив. Тогда был приведен в действие второй вариант, где главная роль отводилась Рамону Меркадеру, проникшему в окружение Троцкого как сочувствующий троцкизму бельгийский журналист Жак Морнар. 20 августа 1940 года Меркадер, войдя в кабинет Троцкого и предложив ему ознакомиться с только что написанной им статьей, ударил его ледорубом по голове. Троцкий был смертельно ранен и на следующий день умер в госпитале. Но самому Меркадеру не удалось, как это задумывалось, уйти с места преступления. Он был задержан охраной Троцкого, и ожидавшим его в машине недалеко от виллы Эйтингону и Каридад Меркадер пришлось срочно покинуть Мексику.

В Москву Эйтингон вернулся только весной 1941 года окружным путем: через Кубу, Китай, Дальний Восток. Через несколько дней после возвращения он был вызван в Кремль, где М. Калинин торжественно вручил ему орден Ленина «за успешное выполнение особо важного задания партии и правительства». При этом Калинин сказал: «Что бы ни случилось — помни: Советская власть позаботится о тебе и твоей семье...». Интересно отметить, что уже после освобождения из тюрьмы, Меркадер в середине 60-х годов встретился в Москве с Эйтингоном и подарил ему свою фотографию с золотой Звездой Героя Советского Союза, сделав на обороте следующую надпись: «Мой очень любимый Леонид! Благодарю за совместную работу и за то, что ты помог мне стать таким же коммунистом, как ты»⁵.

В начале 1941 года Эйтингона назначили заместителем начальника 1-го управления (внешняя разведка) НКВД СССР. А после начала Великой Отечественной войны комиссар госбезопасности 3-го ранга Эйтингон 5 июля 1941 года стал заместителем начальника Особой группы при наркоме НКВД, которую возглавлял Судоплатов. Основной задачей группы была организация диверсий в тылу противника. 13 октября 1941 года в связи с расширением объема работ группа была реорганизована во 2-й отдел НКВД, а в 1942 году — в 4-е Управление НКГБ СССР. Тогда же Эйтингон женится на Музе Григорьевне Малиновской (Вихиревой), спортсменке-парашютистке, с началом войны зачисленной в диверсионный отряд Особой группы.

Осенью 1941 года Эйтингон вместе с Григорием Мордвиновым, Иваном Винаровым и большой группой болгар выехал в Турцию, где по заданию Сталина должен был организовать убийство немецкого посла в Анкаре Франца фон Папена. Сталин очень боялся, что Папен после поражения Германии займет место Гитлера и объединится с англичанами против СССР. Покушение провалилось, и Эйтингон в августе 1942 года вернулся в Москву, где 4 декабря опять становится заместителем начальника 4-го управления.

Огромный опыт Эйтингона, приобретенный за 20 лет работы в органах госбезопасности, очень пригодился ему во время Великой Отечественной войны, когда он являлся одним из главных организаторов партизанского движения и так называемой «спецработы» на оккупированной территории СССР, а также на территории Польши, Чехословакии, Болгарии и Румынии. Его заслуги в эти годы были оценены по достоинству. В 1945 году ему было присвоено звание генерал-майора, а по окончании войны он был награжден орденом Суворова. Характерная деталь — из всех сотрудников органов госбезопасности этим полководческим орденом за годы войны были награждены только два человека: Эйтингон и Судоплатов.

В июле 1946 года Эйтингон был назначен заместителем начальника Службы «ДР» МГБ СССР. В это время он принимал активное участие в разработке и осуществлении агентурных мероприятий по ликвидации польских и литовских националистических бандформирований. С апреля 1950 до сентября 1951 года он находился в распоряжении управления кадров МГБ. Судя по всему, в это время он выполнял какое-то ответственное поручение за границей, но что конкретно — неизвестно. Затем до ноября 1951 года Эйтингон занимал должность заместителя начальника бюро № 1 МГБ.

Интересно отметить, что в своих воспоминаниях Судоплатов пишет, что Эйтингон оказался настроенным куда более реалистично в оценке тогдашних советских порядков, чем он. Эйтингон часто говорил, к примеру, что партия больше не является отрядом единомышленников, преданных социалистическим идеям и принципам справедливости, а стала всего лишь машиной для управления страной. Вот лишь небольшой отрывок из книги Судоплатова по этому поводу:

«Сначала шутки Эйтингона в адрес руководства страны расстраивали меня, но затем я привык к ним и стал пони-

мать, насколько он прав, полагая, что наши лидеры ставили свои собственные корыстные интересы выше интересов народа и Советского государства. Жена, однако, всегда одергивала Эйтингона, едва он начинал жаловаться на раздутые привилегии кремлевского руководства. «С одной стороны, — говорила она, — я согласна с тобой. Слишком много людей пользуются ими, и в большинстве ни за что и, уж конечно, не за свой тяжелый труд. Не забывай, однако, что и ты, и твоя семья получали льготы и так же, как и мы, не думали отказываться от них»⁶.

Впрочем, занимаемое Эйтингоном высокое положение не спасло его от ареста, когда в СССР поднялась компания против «безродных космополитов», а в Кремле начало раскручиваться «дело врачей-убийц» и «еврейских заговорщиков» в органах госбезопасности. Тогда же вспомнили, что Наум Исаакович Эйтингон был евреем, и в конце 1951 года он был арестован по обвинению в принадлежности к сионистской боевой организации в МГБ. Интересно, что сам Эйтингон, будучи незаурядным человеком, отличавшимся большим чувством юмора, предчувствовал такой поворот судьбы. Как вспоминает П. Судоплатов, он однажды даже пошутил: «При нашей системе есть лишь одна, Впрочем, тоже не гарантированная, возможность не закончить свои дни в тюрьме. Надо не быть евреем или генералом госбезопасности». Вскоре он был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР как «предатель Родины». На заседании суда в последнем слове он не стал себя защищать, заявив: «Я считаю, что моя жизнь не дороже государственных тайн, которыми я обладаю. А по вашим лицам я вижу, что вы уже все решили. Поэтому — молчу...»

Однако в 1953 году, после смерти Сталина Эйтингон был освобожден по указанию Берия, высоко ценившего его как профессионала. Более того, в мае 1953 года он был назначен заместителем начальника 9-го отдела МВД СССР, который возглавил Судоплатов. Но после ареста Берии Эйтингон, по указанию Хрущева, вновь был арестован по обвинению в участии в бериевском заговоре, имевшем целью уничтожение Советского правительства, а также неугодных Берия людей под видом несчастных случаев. В 1957 году он вновь предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР, приговорившей его к 12 годам лишения свободы. В своем последнем

слове в этот раз он был еще более резок. «Вы судите меня как человека Берии, — сказал он. — Но я — не его человек. Если я — чей-то, тогда считайте меня человеком Дзержинского. Но если быть более точным, то я — человек партии. Я выполнял ее задания и государственные. И с вами о них я говорить не буду». Впрочем, на приговор эти его слова никак не повлияли, и он полностью отбыл свой срок во Владимирской тюрьме. По существовавшей в те годы традиции, арест Эйтингона коснулся и членов его семьи. Так, его сын от первого брака, Владимир Наумович, в 1951 году был уволен из армии, а в 1953 году — и с машиностроительного завода в Воронеже.

Выйдя на свободу в 1964 году, Эйтингон устроился на работу в издательство «Международные отношения» сначала переводчиком, а потом редактором. В этой работе ему помогало безукоризненное знание английского, французского, испанского и португальского языков. И все это время он добивался своей реабилитации и восстановления в партии. Так, в середине 70-х годов он пишет члену Политбюро ЦК и председателю КГБ СССР Ю. Андропову:

«В 1925 году, перед отъездом в Китай (это был мой первый выезд за кордон), я вместе с бывшим в то время начальником иностранного отдела ГПУ тов. Трилиссером был на приеме у товарища Дзержинского. Он, после того как коротко объяснил обстановку в Китае и указал, на что следует обратить особое внимание, сказал: «Делайте все, что полезно революции». И я следовал всю жизнь этому напутствию и делал всегда то, что считал полезным и нужным Советской власти и партии...

И легко себе представить, каким нелепым, диким и непонятным явился для меня мой арест.

Ни во время предварительного следствия, которое длилось четыре года, ни во время суда, так же, как и в настоящее время, я ни в чем себя виновным перед Советской Родиной и партией не признавал и не признаю. Тем не менее меня приговорили к 12 годам тюрьмы, которые я провел во Владимирском центре.

Я обращаюсь к Вам с просьбой как к члену Политбюро ЦК КПСС, то есть той партии, в которой я состоял с 1919 года, вместе с ней боролся и защищал от врагов внутренних и внешних завоевания Октябрьской революции. Во-вторых, как к руководителю чекистских органов, в которых я проработал всю свою жизнь. Очень прошу Вас помочь мне, чтобы как

можно скорее разобрались с моим делом о реабилитации и восстановлении в партии»⁷.

Но реабилитирован он был только в апреле 1992 года, уже посмертно, хотя в открытой в 1979 году мемориальной комнате Первого главного управления КГБ СССР можно было видеть его портрет и панегирик как организатору убийства Льва Троцкого.

Умер Наум Исаакович в начале мая 1981 года. Никаких некрологов в газетах, разумеется, не было. Но во время похорон на Донском кладбище в Москве Герой Советского Союза подполковник Е. И. Мирковский сказал: «Сегодня у этой могилы как бы завершается рыцарская эпоха в истории нашей ЧК...».

За свою многолетнюю разведывательную и боевую деятельность Наум Исаакович Эйтингон был награжден орденом Суворова, двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени и многими медалями.

Иосиф Григулевич

Читатели, собиравшие книги из серии «Жизнь замечательных людей», хорошо помнят увлекательно написанные биографии Че Гевары, Сальвадора Альенде, Симона Боливарра, Панчо Вильи и Миранды. Их автором на обложке значился Иосиф Лаврецкий. Но мало кто тогда знал, что под псевдонимом Лаврецкий скрывается Иосиф Ромуальдович Григулевич, долгое время проработавший в нелегальной разведке органов госбезопасности и участвовавший в покушении на Троцкого. Жизнь этого человека кажется похожей на крутой детектив, с той только разницей, что этот детектив — жесткая реальность прошедшей эпохи. Недаром одна из баек о Григулевиче, имевшая хождение среди знавших о его бывшей работе товарищей, заканчивалась словами: «Одно его имя заставляло лезть в петлю».

Иосиф Ромуальдович Григулевич (Юозас Григулявичус) родился 5 мая 1913 году в Вильно в семье литовца-караима. Позднее, в 1924 году, после отъезда отца, Ромуальда Григулевича, в Аргентину на заработки, он вместе с матерью, Надеждой Лаврецкой, перебрался в литовский городок Тракай. В

1920 году на семейном совете было решено отправиться к отцу в Аргентину. С этой целью мать с сыном навели справки в пароходном обществе «Лиетгар», которое на двух принадлежащих ему судах — «Паланга» и «Клайпеда» — занималось перевозкой литовских эмигрантов в Латинскую Америку. Выяснив, что оплатить билеты третьего класса им по карману, Григулевичи стали готовиться к отъезду. Но тут их постигла неудача: заведующий эмигрантским отделом общества похитил кассу и исчез в неизвестном направлении. В результате «Лиетгар» обанкротился, а задаток Григулевичей пропал вместе с надеждой уехать в Аргентину.

После неудачной попытки эмигрировать в Латинскую Америку Григулевичи в поисках работы перебрались в Вильнюс, с 1920 года находившийся под польским управлением. Там Иосиф поступил в гимназию, где близко сошелся с активистами Компартии Западной Белоруссии (КПЗБ). А в середине декабря 1931 года он, вместе с тринадцатью другими учащимися гимназии, состоявшими в комсомоле, был арестован польской «дезенфивой». И хотя прямых улик против Григулевича у следствия не было, он провел в заключении полтора года. 17 мая 1933 года в газете «Вильняус ритоюс» было опубликовано сообщение под заголовком «О судебном процессе над учащимися Вильнюсской литовской гимназии», в котором говорилось:

«12—13 мая с. г. в Вильнюсском окружном суде разбиралось дело по обвинению бывших учащихся гимназии имени Витаутаса Великого: Д. Пумпутиса, Ю. Григулявичуса, Ю. Айдулиса, К. Мацкявичуса и студента И. Каросаса. Все они обвинялись в принадлежности к коммунистической партии и в распространении идей коммунизма.

Первых двух — Д. Пумпутиса и Ю. Григулявичуса — суд признал виновными и осудил на 2 года тюремного заключения условно. Трех остальных: Ю. Айдулиса, К. Мацкявичуса и студента И. Каросаса оправдали.»

Выйдя на свободу, оставшийся один Григулевич (его мать умерла в апреле 1933 года) активно включился в подпольную партийную работу. Но уже в августе 1933 года его вызвали в «дефензиву» и предложили в двухнедельный срок покинуть Польшу. Переход на нелегальное положение для него был невозможен, и поэтому, по решению Литовского коммунисти-

ческого бюро и ОК КПЗБ, он выехал во Францию, где находился один из центров польской эмиграции.

Приехав в Париж в начале октября 1933 года, Григулевич немедленно связался с представителем польской компартии во Франции Э. Модзелеским. С его помощью он поступил в Высшую школу социальных наук, стал членом коммунистической фракции Сорбонны, а также вошел в редколлегию журнала МОПР, выходявшего в Париже на польском языке. Выполняя партийные поручения, Григулевич объездил практически всю Францию. В 1934 году он познакомился с будущим первым секретарем ПОРП Эдвардом Герекем, который взял над молодым коммунистом опеку. Это знакомство в значительной степени повлияло на его дальнейшую судьбу. Вот что вспоминал по этому поводу сам Григулевич:

«В Париже я познакомился с Эдвардом Герекем, одним из лидеров Коминтерна. Однажды имел с ним конфиденциальную беседу. И вот спустя шесть месяцев Герек обратился ко мне со словами: «Ты еще не бросил свою бредовую идею быть политическим деятелем? Хочешь поехать в Монтевидео представителем Коминтерна и переводчиком?» Я отвечаю: «Пожалуйста». Честно говоря, я мечтал отделаться от опеки Герек»⁸.

В результате в августе 1934 года Григулевич, имея при себе рекомендацию Э. Модзелевского к аргентинским коммунистам, отплыл из французского порта Шербур в Аргентину. Первое время, адаптируясь к местным условиям, он жил у отца в селении Ла-Кларита провинции Энтре-Риос, где тот держал небольшую аптеку. Но уже через несколько месяцев его вызвали в Буэнос-Айрес в распоряжение ЦК Компартии Аргентины. В скором времени на подпольной партийной конференции в Росарио Григулевича избрали в исполком МОПР и членом редколлегии нелегального журнала «Сокорро рохо», после чего «Мигель» (таков был его партийный псевдоним) активно включился в работу МОПР в Аргентине.

О том, чем занимался Григулевич в это время, можно судить по следующим его воспоминаниям:

«Одной из форм работы МОПР в Аргентине были так называемые национальные патронаты, которые создавались из эмигрантов разных национальностей. Патронаты шефствовали над тюрьмами своих стран. Например, патронаты, в которые входили выходцы из Польши, шефствовали над тюрьмами Варшавы, Лодзи, Белостока и т. д. Был патронат и над Лукиш-

ками, в который входили эмигранты из Виленщины. В исполнении МОПР я руководил работой патронатов всех национальностей, в том числе и литовскими, которых было несколько на территории Аргентины»⁹.

Кроме того, Григулевич завел многочисленные знакомства в портовых городах страны, в местной еврейской общине и даже с представителями немецкой диаспоры. Все эти связи оченьгодились ему в дальнейшем. Но летом 1936 года его постигла неудача. 19 июля он по доносу осведомителя полиции был арестован на вилле профессора Аугусто Бунхе, руководителя Независимой социалистической партии Аргентины. И хотя на следующий день всех арестованных отпустили, оставаться в Аргентине Григулевичу больше было нельзя. Полиция вплотную подобралась к неуловимому «Мигелю», которому грозил неминуемый арест и заключение в каторжную тюрьму в Неукене или Ушуае. Поэтому по просьбе Григулевича руководство КПА в начале сентября 1936 года направило его в Испанию, где в это время развернулась гражданская война.

В Европу Григулевич отправился на греческом сухогрузе в качестве помощника повара. 25 сентября корабль пришел в Антверпен, откуда Григулевич направился в Париж. В испанском посольстве он без труда получил въездную визу и 5 октября вылетел на самолете из Тулузы в Барселону. Добравшись до Мадрида, Григулевич встретился с лидером Компартии Аргентины Викторио Кодовилья, который предложил ему работать переводчиком в советском посольстве. Именно там на него обратил внимание сотрудник резидентуры ИНО НКВД в Испании Фридгут (погиб в 1942 году в Афганистане). И начиная с марта 1937 года Григулевич, получивший псевдоним «Юзик», начинает выполнять задания резидента НКВД в Испании А. Орлова.

О деятельности Григулевича во время гражданской войны в Испании можно говорить бесконечно. Поэтому стоит остановиться лишь на двух эпизодах. Первый из них связан с подавлением в мае 1937 года мятежа поумовцев (члены испанской троцкистской партии ПОУМ) и анархистов в Барселоне. Об этом эпизоде сам Григулевич рассказывал следующее:

«В Мадриде я руководил группой социалистов, которая «использовалась» для самых разных дел. Однажды меня вызывает начальник и говорит: «В Барселоне произошло восстание. Все наши попытки арестовать кого-либо из зачинщиков за-

кончились ничем. Ты можешь предоставить свою группу?» Отвечаю: «Конечно». «Поезжай в Барселону и арестуй всех вожаков. Мы тебе дадим их адреса. Только действуй решительно!» Посадил я всех в машины, поехали в Барселону. Там мне сказали, что я должен арестовать трех людей из Федерации анархистов Иберика. Поехал по указанному адресу, и что застаю там? Андалузцев с налитыми кровью глазами, которые предложили мне угоститься... водкой, русской икрой и борщом. И... говорят по-русски, жутко матерятся. Ничего не понимаю! Вы думаете, кем они оказались? В 1922 году был убит председатель Совета министров Испании. Так вот, это они бросали в него бомбу! Затем уехали в Париж, а в 1926-м — в Москву. Вернулись на родину в 1931 году, когда в Испании произошла революция. В СССР они женились на русских и украинках, которые работали подавальщицами в столовых. И единственное, чему те смогли научить своих мужей, — это пить водку, есть борщ, ругаться матом и плохо говорить по-русски. Они остались такими же анархистами, какими приехали в Москву.

Итак, я выкладываю на стол пистолет и говорю: «Собирайтесь в дальнюю дорогу». «В какую дорогу?» «К сожалению, должен вас арестовать». Приезжаю в наше консульство к Антону Хусейну (псевдоним В. Антонова-Овсеенко), там были и другие товарищи. Рассказываю им все, они мне говорят: «Ты пьян». Я отвечаю: «Я пьян, но говорю вам правду». Действительно, все оказалось правдой»¹⁰.

Другой эпизод деятельности Григулевича в Испании связан с ликвидацией лидера испанских троцкистов и главы ПОУМ Андреа Нина. Он был арестован после барселонского мятежа по сфабрикованному обвинению в шпионаже в пользу Франко, но на следствии категорически отказался признать свою вину. Тогда по согласованию с Москвой Орлов принял решение о его ликвидации, так как выпустить его на свободу было невозможно. Операцию «Николай» (так окрестили ликвидацию Нина) провел лично Орлов, которому помогали три испанца и «Юзик» — Григулевич. Сохранился отчет Орлова о проведении операции, написанный 24 июля 1937 года, в котором, в частности, говорится:

«Об участниках дела «Николая». Основные участники это — 1) Л. и 2) А. Ф. И. М. был самым косвенным пособником. Когда он приносил кушать в арестное помещение и ему открывали ворота, наши люди прошли во двор... Полтавский должен был

вам сообщить из Парижа о выезде к вам последнего участника операции — Юзика... Он служил мне переводчиком по этому делу, был со мной в машине у самого помещения, из которого мы вывозили объекта... Его значком полицейского мы избавлялись от слишком внимательного осмотра машин со стороны дорожных патрулей, когда мы вывозили груз».

Нин был расстрелян у отметки «17-й километр» на шоссе около Алькала-де-Энарес и захоронен в поле в ста метрах от дороги.

В архиве НКВД сохранилась и такая записка, явно раскрывающая обстоятельства убийства Нина: «Н. из Алкала де Энарес в направлении Перане де Тахунья, на полпути, в ста метрах от дороги, в поле. «Бом», «Швед», «Юзик», два испанца. Водитель «Пьера». «Виктор»¹¹.

В начале 1938 года Григулевич неожиданно был вызван в Москву. Вызов этот был связан с приказом Сталина ликвидировать жившего в Мексике Л. Троцкого. В НКВД посчитали, что Григулевич, хорошо зарекомендовавший себя в Испании и несколько лет проживший в Латинской Америке, как никто другой подойдет для этой операции. В апреле 1938 года Григулевич отплыл в Мексику, где начал создавать группу из местных коммунистов. Однако в августе 1939 года его неожиданно отозвали в СССР. Дело в том, что знавший Григулевича по Испании А. Орлов стал невозвращенцем и анонимно сообщил Троцкому о готовившемся на него покушении.

Впрочем, бегство Орлова не остановило Сталина в стремлении уничтожить Троцкого. Вместо арестованного С. Шпигельглаза руководство операцией по ликвидации Троцкого, получившей название «Утка», Сталин поручил П. Судоплатову. Непосредственно в Мексике подготовкой покушения занимался Н. Эйтингон. Согласно плану, разработанному Судоплатовым и Эйтингоном, было создано две самостоятельные группы: группа «Конь» под началом Д. Сикейроса и группа «Мать», которой руководила Каридад Меркадер, мать Рамона Меркадера. В ходе подготовки операции Берия решил усилить группы боевиков в Мексике и с этой целью передал в подчинение Судоплатову Григулевича. Их встреча состоялась в Москве в конце 1939 года на конспиративной квартире, и, вероятно, именно тогда Григулевич был зачислен в штат нелегальной разведки НКВД.

Григулевич прибыл в Мексику в феврале 1940 года и по

указанию находившегося там Эйтингона начал создавать третью, резервную, сеть для проведения операции «Утка». Кроме того, он тесно сотрудничал с группой Сикейроса, с которым был знаком еще по Испании, координируя ее действия через бар «Кит и Кат» и снабжая боевиков оружием и боеприпасами. Было у него и еще одно задание — установить связь с агентом ИНО НКВД «Амур», действовавшим в окружении Троцкого. Им оказался охранник виллы в Койоакане Роберт Шелдон Харт, завербованный нью-йоркской резидентурой НКВД и прибывший в Мексику в апреле 1940 года. Связь с Харту Григулевич установил без затруднений, что и послужило поводом для включения его в боевую группу Сикейроса, когда тот в мае 1940 года предпринял нападение на виллу в Койоакане.

Все нападение продолжалось не более 20 минут, после чего нападавшие, уверенные в смерти Троцкого, скрылись на автомобилях. Прибывшие на место происшествия мексиканские полицейские обнаружили несколько неразорвавшихся бомб, установленных, чтобы вызвать пожар. Кроме того, выяснилось, что пропал Харт. Вскоре его труп был обнаружен в саду виллы, которую снимал один из боевиков Сикейроса. Полиция посчитала, что именно он открыл ворота нападавшим, а потом бежал вместе с ними. Но Троцкий не поверил в эту версию и приказал прикрепить у входа на виллу мемориальную табличку с надписью: «В память Роберта Шелдона Харта, 1915—1940, убитого Сталиным».

Сейчас известно, что Харт был ликвидирован из-за того, что знал Григулевича. Но все же небезынтересна точка зрения самого Григулевича, которую он высказал бывшему дипломату Ю. Папорову, с которым позднее работал в Госкомитете по культурным связям с зарубежными странами:

«— Почему вы его убили? Разве можно так расправляться со своими?»

— А что было с ним делать? Ведь его нужно было спрятать и потом нелегально вывозить из Мексики. Словом, хлопот не оберешься! И потом — влезь в шкуру Сикейроса. Ведь он телеграфировал в Москву, что Боб Шелдон их предал, и потому они стреляли в пустую кровать. Москва приказала: предателя расстрелять! Что мы и сделали»¹².

После неудавшегося нападения Сикейрос скрылся в провинции, но вскоре был арестован. Он предстал перед судом,

где заявил, что нападение на виллу преследовало целью не убийство Троцкого, а выражение протеста против его пребывания в Мексике. Суд благожелательно отнесся к его заявлению, и в конце концов Сикейрос и другие нападавшие были оправданы.

Во втором покушении на Троцкого Григулевич лично не участвовал. Он утверждает, что его единственной задачей было уговорить Меркадера взять на себя роль исполнителя вынесенного Троцкому приговора, с чем он прекрасно справился. Правда, никто из тех, кто имел отношение к операции «Утка», не подтверждает этого. П. Судоплатов, например, утверждает, что Меркадер в разговоре с Эйтингоном сам вызвался выполнить задание, используя знания, полученные им в ходе партизанской войны в Испании, и при этом нигде не упоминает, что Григулевич был с ним знаком.

Сталин высоко оценил заслуги всех участников убийства Троцкого и поддержал Берия, обратившегося к нему со следующим предложением:

«Сов. секретно»

6 июня 1941 г.

№ 1894/6

ЦК ВКП(б) СНК СССР

Тов. Сталину И. В.

Группой работников НКВД в 1940 году было успешно выполнено специальное задание.

НКВД СССР просит наградить орденами Союза ССР шесть товарищей, участвовавших в выполнении этого задания.

Прошу вашего разрешения

Народный комиссар внутренних дел (Л. Берия)».

Резолюция Сталина была краткой: «За (без публикации)».

В результате закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР за подписью Калинина и Горкина были награждены: орденом Ленина — Меркадер Каридад Рамоновна и Эйтингон Наум Исакович; орденом Красного Знамени — Васильевский Лев Петрович и Судоплатов Павел Анатольевич; орденом Красной Звезды — Григулевич Иосиф Ромуальдович и Пастельняк Павел Пантелеймонович.

После успешного покушения на Троцкого Григулевич направился в Аргентину, где его и застало нападение фашистской Германии на Советский Союз. В связи с этим Центр поставил

перед «Даксом» (новый псевдоним Григулевича) задачу организовать в Аргентине диверсионную работу по срыву снабжения Германии стратегическим сырьем из Латинской Америки.

Получив задание, Григулевич приступил к подбору людей в диверсионную группу, одновременно выясняя, какое конкретно стратегическое сырье вывозят немцы из Южной Америки. Оказалось, что прежде всего это натриевая селитра, необходимая для получения взрывчатых веществ, а также индустриальные масла, зерно, хлопок, табак и различные виды продовольствия. А так как открыто использовать суда под своим флагом немцы не могли, то в качестве перевозчиков использовались корабли Португалии, Испании и Швеции. Через Буэнос-Айрес они доставляли грузы либо в порты самой Германии, либо Португалии и Испании, а далее — через оккупированную Францию в рейх.

К началу 1942 года группа «Дакса» (позднее «Артура») была готова начать выполнять поставленную перед ней задачу. Первая акция была проведена в Буэнос-Айресе. Объектом был выбран немецкий книжный магазин «Гёте», являвшийся штаб-квартирой нацистского пропагандистского центра. В склад при магазине, где хранилась пропагандистская литература, была заложена мина, и ночью после взрыва он был полностью уничтожен.

В дальнейшем группа Григулевича переключилась на диверсии на судах, перевозящих грузы в Германию. А одной из самых значительных акций группы можно считать поджог в 1942 году крупного портового склада немецкой фирмы «Гофман и Ко», расположенного в районе Авелланеда, где хранились десятки тысяч тонн чилийской селитры. В результате взрыва склада было уничтожено 40 000 тонн селитры. Итогом деятельности группы Григулевича стало то, что к середине 1943 года вывоз чилийской селитры через Буэнос-Айрес резко сократился.

Боевая работа группы «Артура» продолжалась до середины 1944 года, когда из Центра пришло указание свернуть диверсионную деятельность. А 29 октября 1944 года произошло ЧП — неожиданно взорвался подпольный склад боеприпасов, расположенный на конспиративной квартире. Вот что писала об этом 1 ноября 1944 года газета «Ла Пренса»:

«Полиции стало известно, что в небольшой усадьбе по проезду Деламбре, 4909, расположенной в северной части рай-

она Велес Сарсфилд, подведомственного полицейскому участку № 43-А, несколько человек изготовляли зажигательные мины.

В воскресенье вечером в связи со взрывом на усадьбе туда прибыли полицейские указанного участка и обнаружили человека с сильными ожогами на лице и руках. Им оказался иностранец, поляк 36 лет, Феликс Вержбицкий... Было установлено, что этот человек со своим помощником занимался изготовлением упомянутых мин... Обнаружено большое количество химикатов, готовой взрывчатой смеси и различных приспособлений для изготовления мин.

Задержанный был отправлен в госпиталь Салабери, где и оставлен с серьезными ранениями. Власти начали расследование с целью поисков его сообщников»¹³.

Вскоре среди членов группы начались аресты. Однако Григулевич смог укрыться от полицейских ищек и благополучно дожид до-окончания войны.

Разумеется, диверсионная деятельность была не единственным его занятием в те годы. Но о других его заданиях до сих пор практически ничего не известно. Правда, об отдельных эпизодах своей деятельности Григулевич иногда рассказывал друзьям. Вот что вспоминает Карэн Хачатуров, председатель Российского комитета сотрудничества с Латинской Америкой:

«Как-то он (Григулевич) мне говорит: а знаешь, почему нет советской власти в Боливии? Потому что у боливийцев не хватило 65 666 долларов. И рассказывает удивительную историю. По его словам, до войны разведку и Коминтерн за рубежом представляло одно и то же лицо, а по линии Коминтерна Григулевич был в Уругвае. Получает депешу, что в Боливии появился индейский вождь по имени Ленин, который собирается провозгласить советскую власть. Григулевичу дали поручение выехать в Боливию, встретиться с «Лениным» и выяснить, чего тот хочет. Отправился в Боливию, где-то в горах устроили ему встречу с этим человеком. Это был индеец маленького роста, объяснялись они через переводчика. «Ленин» говорил то ли на кечуа, то ли на гуарани. Но он сказал, что готов установить в Боливии советскую власть. Григулевич спросил его: а что для этого надо? И тот убил его фразой: 65 666 долларов. Иосифа Ромуальдовича поразила не сумма, а точность цифры, и он спросил, почему именно эта сумма, а не другая. Тогда «Ленин» достал измятый лист бумаги и стал

называть: подкуп начальника арсенала — столько-то, подкуп шефа почты — столько-то, начальнику железнодорожного вокзала — столько-то. Это была схема Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, только не с оружием, а подкупом. Григулевич отбил депешу об условиях, предъявленных ему, и получил ответ, что выделяется 60 000 долларов: Целую неделю торговались с «Лениным», но не сошлись в несколько тысяч долларов. И когда расставались — почти плакали»¹⁴.

После войны Григулевич обосновался в Мексике. Об этом рассказывает Н. Леонов, одно время бывший начальником латиноамериканского отдела ПГУ КГБ. По словам Леонова, в конце 40-х годов к Григулевичу обратились эмигранты из Коста-Рики, проживавшие в Мексике и являвшиеся сторонниками Хосе Фигереса. В 1948 году они готовили выступление против костариканского правительства. Достаточно хорошо познакомившись с Григулевичем, которого воспринимали как латиноамериканца, они пришли к выводу, что он является широкообразованным, эрудированным, свободным в своих взглядах человеком, и однажды ошарашили его следующим предложением: поскольку мы готовим вооруженный переворот в своей стране на демократической платформе, нам нужно выработать документы, которые легли бы в основу идеологии нашего движения. И Григулевич взялся составить для них идеологическую программу и подготовил соответствующие документы. А когда эмигранты пришли к власти в Коста-Рике, они вновь обратились к Григулевичу с предложением приехать в Сан-Хосе и занять любой, какой захочет, пост в правительстве. «Ты сделал для нас великое дело, — было сказано ему, — ты талантливый политик, будем работать вместе». Почему Григулевич отказался от этого предложения — доподлинно неизвестно. Возможно, что он сам не хотел ехать в Коста-Рику, а возможно, против этого возражал Центр. Но все же его тесные связи с новым костариканским правительством были использованы. В 1949 году Григулевич становится посланником Коста-Рики в Ватикане под именем Теодор Кастро.

Оценить в должной мере этот успех Григулевича человеку; не знакомому со спецификой нелегальной разведки, невозможно. Дело в том, что практически все нелегалы, работающие за рубежом, используют в качестве «крыши» коммерческие предприятия. Пример тому — Конон Молодой, работавший в Англии как канадский бизнесмен Гордон Лонсдэйл,

торгующий игральными и музыкальными автоматами. А Григулевич сумел стать дипломатом, послом (не почетным консулом), что в истории советской нелегальной разведки является пока единственным известным случаем.

В Ватикане Григулевич очень быстро сошелся со всем дипкорпусом. Он пользовался большим авторитетом и популярностью у коллег, имел широчайшие связи в римских деловых и политических кругах и даже одно время был дуайеном дипломатического корпуса. Прославился он и тем, что не один раз выступал с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН с резкой критикой проводимой Советским Союзом политики, чем заслужил от министра иностранных дел СССР А. Вышинского кличку «американский подпевала». Более того, в Ватикане он был награжден орденом Мальтийского креста!

Став в 1949 году послом Коста-Рики в Ватикане, Григулевич даже и подумать не мог, что его вновь решат использовать в качестве боевика. А между тем к осени 1952 года руководство МГБ планировало вновь поручить ему ликвидацию неугодного Сталину человека — на этот раз югославского лидера Иосипа Броз Тито.

Конфликт между Сталиным и Тито начался в 1948 году. Суть этого конфликта в попытках руководства Югославии проводить собственную внешнюю и внутреннюю политику, шедшую вразрез с общими планами социалистического блока. Сталин отдал приказ развернуть широкомасштабную пропагандистскую кампанию против своего бывшего союзника. На Тито были заведены литерные дела «Стервятник» и «Нерон» для сбора на него компромата. Однако Сталин был недоволен тем, как медленно продвигается подготовка операции по ликвидации Тито. Чувствуя его растущее раздражение, Берия и министр МГБ С. Игнатьев стали лихорадочно искать пути быстрее выполнения указания вождя народов. В конце концов к поздней осени 1952 года было разработано несколько вариантов устранения Тито, и все они были связаны с использованием агента «Макса» — таков был новый псевдоним Григулевича. Сталину были направлены предложения о его использовании в операции, написанные от руки в единственном экземпляре. О ее содержании уже рассказывалось выше. Напомним лишь, что в этой записке излагалось несколько вариантов убийства Тито.

К слову сказать, ничего необычного и противозаконного со стороны МГБ по меркам того времени в данной докладной

записке нет. Дело в том, что в отношении «враждебных лиц» по специальной инструкции МГБ, утвержденной на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 9 сентября 1950 года (протокол П77/309), допускалось принимать меры по «пресечению» их деятельности «особыми способами по специальному разрешению».

Резолюции Сталина на этом документе нет. Но как вспоминает Судоплатов, в то время начальник бюро по террористическим операциям за рубежом, Сталин в феврале 1953 года вызывал его в Кремль, чтобы прокомментировать этот план покушения на Тито. Судоплатов, по его собственным словам, план раскритиковал, назвав предлагаемые методы осуществления операции наивными. Сталин продолжал настаивать на своем, однако в марте 1953 года он умер и операция была отменена.

Берия, ставший после смерти Сталина министром МВД, куда вошла и разведка, летом 1953 года отзывает Григулевича в Москву. Никаких объективных причин для отзыва не было. Григулевичу не грозил провал, а занимаемый им пост посланника Коста-Рики в Ватикане давал советской разведке великолепные позиции для добывания важнейшей информации. Но Берия, имевший далеко идущие планы, по утверждению Судоплатова собирался использовать Григулевича для своего плана объединения Германии и урегулирования отношений с Югославией. Вот что пишет по этому поводу П. Судоплатов:

«План Берии предусматривал использование немецких контактов Ольги Чеховой, князя Януша Радзивилла и связи Григулевича: в Ватикане они должны были пустить слух, что Советский Союз готов пойти на компромисс по вопросу объединения Германии. Нам необходимо было прощупать реакцию Ватикана и политических кругов Америки, а также влиятельных людей из окружения канцлера Западной Германии Конрада Аденауэра. После такого зондажа Берия надеялся начать переговоры с западными державами».

В результате Григулевич вместе с женой и только что родившейся дочерью в мае 1953 года был вынужден, бросив все, бежать из Рима в Вену, где его уже ждали представители советской разведки. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба, если бы Берия не был арестован.

В Риме довольно долго искали исчезнувшего вместе с женой и младенцем посла Коста-Рики. В рядах дипкорпуса ходили

самые невероятные слухи и предположения, вплоть до того, что посла вместе с семьей убили бандиты. В конце концов его сочли пропавшим без вести. А в это время в Москве в двухкомнатной квартире в доме на 2-й Песочной улице появились новые жильцы — сотрудник Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами Иосиф Григулевич с женой Лаурой и дочерью Романеллой-Надеждой. Из разведки Григулевича уволили, но он не унывал. Вот что рассказывает его дочь Романелла-Надежда М. Любимову:

«После сравнительно недолгой службы в Госкомитете по культурным связям с зарубежными странами отец пришел работать в Институт этнографии АН СССР, которым руководил тогда С. П. Толстов, ученый с мировым именем, и проработал там до самой кончины.

Уже в 1957 году появилась его первая монография — «Ватикан. Религия, финансы, политика». Католицизм станет одной из главных тем его научных трудов. В последующие годы широкую известность приобретут книги «История инквизиции» (1970), «Папство. Век XX» (1978), «Крест и меч. Католическая церковь в испанской Америке. 16—18 вв.», ряд книг в «ЖЗЛ» под псевдонимом Иосиф Лаврецкий...

Отец совершенно не выносил скуки и занудства и всегда говорил, что человеку можно простить все, кроме занудства, он ненавидел всякие собрания, заседания и прочие советские мероприятия, считая их пустой тратой драгоценного времени. В Институте этнографии его частенько выбирали председателем партсобрания, так как под его чутким руководством оно больше получаса не продолжалось...

Как я узнала, что мои родители разведчики? Да они никогда это и не скрывали от меня. Отец, добродушно подшучивая над мамой, часто об этом говорил. И мама считала, что скрывать что-то от детей — глупо, рано или поздно все обнаружится и будет только хуже.

Вернувшись на Родину, он остался без средств к существованию. Родное ведомство выставило его на улицу. К счастью, это были уже 50-е, а не 30-е и даже не 40-е годы. Отец никогда не скулил и просто делал все, что в его силах, чтобы выйти из трудного положения. Система, выкинув его из своих рядов, на каком-то этапе по-своему оказала ему услугу. Он смог в полной мере реализовать свой талант ученого и писателя. Не говоря уже о том, что конформистом он никогда не был, смело

спорил и отстаивал свое мнение, невзирая на лица, и представить его в славных рядах тогдашнего МГБ-КГБ мне достаточно трудно.

Все это отнюдь не означает, что отец был диссидентом или состоял в оппозиции к режиму. Просто он не мог выносить всей тупости, волокиты и бюрократии, которыми была опутана жизнь всех мало-мальски активных людей в известные годы. В душе он оставался преданным коммунистической идее, как и большинство людей его поколения. Когда я спорила с ним, ссылаясь на свой скромный опыт студенческого зеленого движения, он всегда говорил, что «это тьяканье из подворотни». Теперь-то я понимаю, что он просто боялся за меня»¹⁵.

Научные заслуги Григулевича были подтверждены присуждением ему степени доктора наук, а вскоре он стал первым латиноамериканистом, удостоенным избрания в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Правда, не все считали, что это звание он получил по праву. Так, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки М. Чумакова, знавшая Григулевича по научной деятельности, считает, что его публикации были весьма далеки от научного анализа, представляя собой компиляцию работ зарубежных исследователей, но содержали соответствующий требованиям момента идеологический заряд. Но это уже тема для спора специалистов.

Умер Григулевич в 1988 году. Служба внешней разведки России до сих пор по вполне понятным причинам отказывается комментировать его деятельность. Но в музее СВР висит его портрет.

Александр Коротков

Если спросить сотрудников внешней разведки России, кто, по их мнению, является самым выдающимся разведчиком XX века, то многие из них без раздумий ответят — Александр Михайлович Коротков. Имя этого разведчика стало известно еще при его жизни. Агенты гестапо, которым он был известен как Александр Эрдберг, охотились за ним начиная с 1942 года. Профессор Кембриджского университета Кристофер Эндрю, специалист по истории спецслужб, консультантом которого был перебежчик О. Гордиевский, считал, что под именем Александра Эрдберга скрывался некий сотрудник ГРУ Сергей

Кудрявцев. Но на самом деле это был один из псевдонимов Александра Короткова.

Александр Михайлович Коротков родился в 1909 году в Москве в семье банковского служащего. Его мать, Анна Павловна, в свое время окончила гимназию и работала машинисткой. Незадолго до рождения Саши она ушла из семьи, оставив старшего сына Павла, который воспитывался в семье сестры отца и стал знаменитым спортсменом. Анна Павловна долгое время с трудом сводила концы с концами, содержала на свой небольшой заработок младшего сына и дочь. Осенью 1928 года, после окончания 9-летки Александр устроился на работу в ОГПУ лифтером в хозяйственный отдел. Там на него обратили внимание и перевели в иностранный отдел. В ИНО Коротков занимал сначала должность помощника оперуполномоченного, а потом оперуполномоченного ОГПУ.

В 1933 году Короткова вместе с первой женой Марией Вильковысской направляют в первую зарубежную командировку в Париж. Тогда по инициативе начальника ИНО А. Артузова во Франции была организована нелегальная резидентура, перед которой была поставлена задача по разработке Второго бюро французского генерального штаба (военная разведка) и его агентуры в СССР. Резидентом был назначен опытный сотрудник ИНО Александр Орлов (Фельдбин), а его помощником Коротков, получивший псевдоним «Длинный». В Париж Коротков прибыл в июле 1933 года через Швейцарию, выдавая себя за гражданина Чехословакии Районецкого, студента-радиотехника решившего прослушать в Сорбонне курс антропологии.

Проживая в Париже под видом студента, он выполнял многочисленные задания Орлова, а в начале 1934 года познакомился с одним студентом-французом, страстным читателем социалистической газеты «Попюлер», который, по-видимому, был настолько беден, что вскоре вынужден был оставить Сорбонну. Через три месяца Коротков вновь случайно встретился с этим студентом на улице и узнал, что с помощью отца невесты тот устроился фотографом во Второе бюро. Коротков немедленно доложил о контакте Орлову, который после надлежащей проверки установил, что отец невесты действительно является бывшим армейским сержантом и работает в военном министерстве заведующим канцелярией. Приняв решение завербовать французского студента в агентурную сеть, Орлов запросил «добро» у Москвы. Но вскоре его ожидал жестокий

удар. В полученном из Центра сообщении говорилось, что французская контрразведка узнала от одного из своих агентов, что некий чехословак, проживающий в Париже и обучающийся в Сорбонне, является советским гражданином и сотрудником НКВД, и начала проводить против него контрразведывательную операцию. Моментально оценив опасность, грозящую Короткову, Орлов немедленно приказал тому покинуть Францию. И уже в апреле 1934 года Коротков выезжает в Германию, а оттуда в Москву.

В Москве Коротков некоторое время работал в центральном аппарате ИНО, а в 1936 году был направлен в берлинскую легальную резидентуру под прикрытием должности сотрудника советского торгпредства. Вместе с ним в Берлин отправилась и его жена, М. Вильковысская, преподававшая до этого иностранные языки в ОГПУ. В Германии Коротков пробыл до 1938 года. Но его работа не ограничивается только третьим Рейхом. Так, в марте 1938 года Коротков вместе с агентом-боевиком НКВД, бывшим офицером турецкой армии, заманили на конспиративную квартиру в Париже и убили бежавшего на Запад в 1930 году резидента ОГПУ в Стамбуле Георгия Агабекова. А летом 1938 года ими же был убит в Париже секретарь создаваемого Львом Троцким IV Интернационала Рудольф Клемент.

В 1938 году Коротков вернулся в Москву, где в это время набрал силу большой террор, захлестнувший всю страну. В январе 1939 года он сам был уволен из органов НКВД без объяснения причин. Возможно, поводом для его увольнения была совместная работа во Франции с Орловым, который в июле 1938 года бежал в США. Коротков отреагировал на увольнение так, как немногие из его сослуживцев, — он оспорил решение об увольнении. В письме руководству НКВД он поставил под вопрос причину своего увольнения, и, к большому удивлению многих, приказ был отменен. Более того, он был назначен заместителем начальника немецкого отделения ИНО ГУГБ НКВД.

Летом 1940 года Короткова направили в Берлин сначала на выставку стендистом, а затем назначили заместителем резидента Амаяка Кобулова. Ему было поручено восстановить прервавшуюся в 1938 году связь с давним агентом ИНО «Корсиканцем». Под этим псевдонимом в ИНО проходил завербованный в 1935 году старший правительственный советник им-

перского министерства хозяйства Арвид Харнак. Встреча Короткова с Харнаком произошла в середине сентября 1940 года. А в декабре 1940 года при помощи Харнака у Короткова появился еще один ценный источник в руководстве фашистской Германии. Им стал старший лейтенант люфтваффе, служивший помощником начальника 5-го отдела Министерства авиации, Харро Шульце-Бойзен.

Надо отметить, что вокруг Шульце-Бойзена и Харнака давно сложились многочисленные группы антифашистов, что значительно облегчало им добывание интересующей Короткова информации, касающейся прежде всего возможного нападения Германии на Советский Союз. Так, именно от «Корсиканца» и «Старшины» (псевдонимы Харнака и Шульце-Бойзена) в Москву шли донесения, в которых однозначно указывалось на начало военных действий против СССР весной-летом 1941 года. Но советское руководство, и прежде всего И. Сталин, с пренебрежением относились к получаемой из Берлина информации. Например, на докладе заместителя начальника НКВД Меркулова, основанного на полученном от Короткова 16 июня донесении, Сталин якобы начертил следующую резолюцию: «Товарищу Меркулову. Можете послать свой «источник» из военно-воздушных сил Германии к... матери. Это не источник, а дезинформатор. И. Сталин». Впрочем, следует оговориться, что лично мы документа с подобной резолюцией в архивах не видели, поэтому вполне возможно, что это не более чем апокриф. Кроме того, анализируя опубликованные на сегодняшний день материалы, шедшие через «Корсиканца» и «Старшину», нельзя не обратить внимание, что наряду с достоверными сведениями в них содержится и немало той самой дезинформации.

После 22 июня 1941 года перед Коротковым, исполняющим обязанности резидента НКВД вместо отбывшего в Москву Кобулова, остро встал вопрос о дальнейшей организации связи между Центром и группами «Корсиканца» и «Старшины». Дело в том, что передатчики, доставленные из Москвы буквально накануне, не успели передать по назначению. Было решено попытаться подкупить начальника охраны посольства пожилого оберштурмфюрера СС Хейнемана. Здесь неоценимую помощь Короткову оказал первый секретарь посольства Валентин Бережков, сумевший завязать с Хейнеманом дружеские отношения. Дважды, 22 и 24 июня, Короткову удалось

выбраться из посольства и передать своей агентуре передатчики, новые коды и денежные средства.

После обмена интернированных работников советского посольства в Берлине и немецкого в Москве, состоявшегося в конце июня 1941 года, Коротков приступил к работе в центральном аппарате НКВД. В августе 1941 года он был назначен заместителем 5 отдела (разведка) ГУГБ НКВД, а в ноябре стал начальником этого же отдела, на который было возложено ведение разведки на территории Германии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Югославии, Польши и Греции. В этом качестве Коротков осуществлял операции по организации связи с агентурой внешней разведки в Германии и на оккупированных территориях и руководил подготовкой агентов-нелегалов и выводом их в тыл противника.

Особое место в этой работе занимало поддержание связи с берлинскими сетями «Корсиканца» и «Старшины». К сожалению, переданные им передатчики оказались маломощными, и руководство НКВД решило обратиться за помощью в восстановлении к Главному разведывательному управлению РККА. Связь была налажена через нелегальную резидентуру ГРУ в Бельгии, которой руководил Анатолий Маркович Гуревич («Кент»). Но уже 13 декабря 1941 года немцы арестовали радиостов Гуревича. (Во многом это произошло из-за того, что передатчики были настолько перегружены передачей дополнительных сведений от других резидентур, в том числе и от берлинских групп НКВД, что радистам не оставалось иного выбора, как пренебречь строгими правилами безопасности, требующими ограничить радиопередачи.) Связь опять прервалась, и только к лету 1942 года Центр подготовил двух агентов с радиостанциями, которых предполагалось выбросить с самолета на оккупированной немцами советской территории, откуда они должны были отправиться в Берлин, выдавая себя за немецких рабочих. Старшим был Альберт Хесслер («Франк»), которого сопровождал Роберт Барт («Бек»). Оказавшись в Германии, они должны были разделиться. Хесслеру предстояло установить связь с К. Шумахером из сети «Старшины», Барту было поручено вступить в контакт с «Брайтенбахом» — офицером гестапо Вилли Леманом, много лет сотрудничавшим с НКВД.

Хесслер и Барт были успешно выброшены в тыл к немцам 5 августа 1942 года недалеко от Брянска, и уже через неделю

находились в Берлине. Но гестапо, расшифровав после ареста радистов Гуревича шифр их радиопередач, установило личности и адреса членов берлинских групп. В результате 30 августа 1942 года был арестован Шульце-Бойзен, а 3 сентября — Харнак. Всего же было арестовано 130 человек, входивших в подпольную антифашистскую организацию в Германии, которую гестаповцы называли «Красной капеллой», из которых 49 были казнены, включая Харнака, Шульце-Бойзена и их жен.

Несмотря на провал групп Харнака и Шульце-Бойзена, советская разведка продолжала активно работать как в Германии, так и на оккупированных ею территориях, добывая необходимую разведывательную информацию. Немалая заслуга в этом принадлежит и Короткову. Кроме того, в 1943 году в составе советской делегации он выезжал в Тегеран, где проводилась конференция «Большой тройки», и лично руководил обеспечением безопасности лидеров Великобритании, Советского Союза и США. А позднее он несколько раз вылетал в Югославию, где вел переговоры с Иосипом Броз Тито. Поэтому весьма символичным было присутствие полковника госбезопасности Короткова на церемонии подписания акта о капитуляции Германии, состоявшейся поздно вечером 8 мая 1945 года в предместье Берлина Карлхорсте. Ему было поручено обеспечить встречу немецкого командования на аэродроме Темпельхоф и доставку его в здание инженерного училища, где генерал-фельдмаршал Кейтель поставил свою подпись под документом, означавшим завершение шестилетней войны.

После окончания войны оперативные группы НКГБ на территории Германии в июне — августе 1945 года были объединены в резидентуру внешней разведки. Во главе ее был поставлен Коротков, официально занимающий должность заместителя политического советника при Главноначальствующем Советской Военной администрации Г. К. Жукове. Находясь на этом посту, он приложил немало усилий для создания полноценной и эффективной разведсети на территориях советской и западных оккупационных зон.

В 1946 году Коротков был отозван из Германии и назначен начальником отдела нелегальной разведки МГБ, а чуть позже одновременно и заместителем начальника разведки. Существует версия, что именно он организовал в августе 1948 года «несчастный случай» с министром иностранных дел Чехословакии Масариком. Но как бы там ни было, большой личный

опыт закордонной работы позволил Короткову начать перестройку нелегальной разведки применительно к условиям послевоенного времени и начавшейся «холодной войны». Именно он напутствовал перед длительными командировками В. Фишера, И. Алимову, Ц. Хамзина, супругов Галину и Михаила Федоровых и многих других нелегалов. Все они вспоминали о нем с исключительной теплотой. Так, супруги Федоровы, долгое время проработавшие в Бельгии, в своей книге «Будни разведки» так пишут о Короткове:

«Как бывший разведчик-нелегал, он единственный из известных нам руководителей такого ранга в практической работе мог опираться на богатый личный опыт. Поэтому его распоряжения, установки, советы всегда являлись убедительными, реальными, точными. Однако А. М. Коротков никогда не «давил» своим авторитетом. Он обладал поразительным чутьем угадывать способности людей и поощрять их, умением внимательно выслушать иную, не совпадающую с его собственной, точку зрения. Больше всего Александр Михайлович боялся подавить в сотруднике инициативу и творческую активность».

В июне — июле 1953 года генерал-майор Коротков исполнял обязанности начальника внешней разведки, а после до 1957 года работал заместителем начальника Первого главного управления (разведка) КГБ при СМ СССР. В июле 1957 года он был направлен в Берлин на должность уполномоченного КГБ по координации связи с МГБ и МВД ГДР. В конце июня 1961 года Коротков прибыл в Москву на совещание руководящих работников КГБ. У него состоялись беседы с председателем КГБ А. Шелепиным и работниками аппарата ЦК КПСС, которые носили острый характер. Решив снять стресс, он отправился на теннисный корт, где во время игры неожиданно потерял сознание. Прибывшие врачи констатировали смерть от разрыва сердца.

В заключение хочется сказать, что за свою долгую и трудную службу генерал-майор А. М. Коротков был награжден орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. John Barron. KGB: The Secret Work of Soviet Secret Agents. London: Bantman Books, 1974.

2. Листов В. Михаил Абрамович Трилиссер // Чекисты. М., 1987. С. 221.

3. Белоусов Г., Подшивалов И. Первый губернатор // Ангарские новости и мировые репортажи. 5 марта 1997; Подшивалов И. Метаморфозы Краковецкого. Рукопись.

4. Ревуненков В. Очерки истории Великой французской революции. Падение монархии 1789—1792. Л., 1982. С. 105.

Глава первая

ОГПУ-НКВД против белой эмиграции

1. Прянишников Б. Незримая паутина. СПб., 1993. С. 128—130.

2. Войнов В. Синие лампы // Комсомольская правда. 2 апреля 1991.

3. Там же.

4. Голиков Д. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. С. 146.

5. Там же. С. 148.

6. Бобренев В., Заика Л. Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. 1991, № 3. С. 70.

7. Там же. С. 76—77.
8. Указ соч. // Военно-исторический журнал. 1991, № 6. С. 78.
9. Голинков Д. Указ. соч. С. 250.
10. Там же.
11. Кратенко А. Почему вернулся атаман? // Караван. 1996, № 45.
12. Старков Б. Трагедия советской разведки // Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1991. С. 27—28.
13. Бортневский В. Г. Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. С. 112.
14. Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 188—189.
15. Советско-болгарские отношения и связи. 1917—1944. Документы и материалы. М., 1976. С. 214—215.
16. Бортневский В. Г. Указ. соч. С. 100.
17. Там же. С. 66.
18. См. например: Липецкер Б. Почему был убит генерал Врангель // Русская мысль. 1998, № 4237.
19. Daniele Beaune. L'enlèvement du General Koutieff. Documents et commentaires. Aix-en-Provence, Publ. de l'Univ. de Provence, 1998.
20. Геворкян Н., Петров Н. Конец агента «13» // Московские новости. 1995, № 86.
21. Прянишников Б. Указ. соч. С. 327.
22. Наумов В., Краюшкин А. Заключенный под номером 110 // Московские новости. 1994, № 63.
23. Петров Н. Убийство Игнатия Рейсса // Московские новости. 1995, № 63.
24. Здесь и далее документы по делу Е. Миллера из Центрального архива ФСБ цитируются по: Краевский Б. П. Похищение генерала Е. К. Миллера // Дворянское собрание. 1995, № 2. С. 255—270.
25. Никандров Н. Иван Солоневич возвращается с чужбины... // Латинская Америка. 1997, № 2. С. 90.
26. Прянишников Б. Указ. соч. С. 398.
27. Никандров Н. Указ. соч. С. 100.

28. Прянишников Б. Указ. соч. С. 372—374.
29. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М., 1996. С. 153.
30. Там же. Фото на вкладке.
31. Там же. С. 157.
32. Указ. соч. Т. 3. С. 116—117.
33. Рутыч Н. Н. Указ. соч. С. 225.
34. Михайлов Л. Генерал дает согласие; «Фермер» сообщает из Парижа; РОВС терпит поражение // Неделя. 1998, № 48, 49, 50.
35. Млечин Л. Алиби для великой певицы. М., 1997. С. 65.
36. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М., 1996. Фото на вкладке.
37. Михайлов Л. Указ. соч.
38. Краевский Б. П. Похищение генерала Е. К. Миллера // Дворянское собрание. 1995, № 2.

Глава вторая Убийство Троцкого

1. Об этом см.: Роговин В. Власть и оппозиция. М., 1993.
2. Волкогонов Д. Троцкий. Т. 2. М., 1997. С. 102.
3. Там же.
4. Там же. С. 294.
5. Конквест Р. Большой террор. Кн. 2. Рига, 1991. С. 247.
6. Волкогонов Д. Троцкий. Т. 2. М., 1997. С. 124.
7. Там же. С. 134.
8. Там же. С. 141.
9. Там же. С. 313.
10. Там же. С. 274.
11. Там же. С. 297.
12. Костелло Д., Царев О. Роковые иллюзии. М., 1995. С. 322—323.
13. Волкогонов Д. Троцкий. Т. 2. М., 1997. С. 191.
14. Костелло Д., Царев О. Роковые иллюзии. М., 1995. С. 300.
15. Там же. С. 530—531.
16. Там же. С. 531.
17. Там же. С. 320—321.
18. Там же. С. 326—327.

19. Там же. С. 330—331.
20. Там же. С. 329.
21. Там же. С. 331.
22. Там же. С. 324.
23. Там же. С. 532.
24. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 95—96.
25. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1998. С. 83.
26. Волкогон Д. Троцкий. Т. 2. М., 1997. С. 306.
27. Там же. С. 174.
28. Костелло Д., Царев О. Роковые иллюзии. М., 1995. С. 368—369.
29. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 75—78.
30. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1998. С. 93.
31. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 84—85.
32. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1998. С. 97.
33. Там же. С. 101.
34. Бай Е. Шпион по особым поручениям Кремля // Известия, 5 мая 1993.
35. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1998. С. 99.
36. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 88—89.
37. Там же. С. 90—91.
38. Умеренков Е. Убийца Троцкого 25 лет не признавал своих родителей // Комсомольская правда, 15 марта 1995.
39. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1998. С. 104.
40. Геворкян Н., Петров Н. Теракты // Московские новости. 1992, № 31. С. 10.
41. Здесь и далее цит. по: Никандров Н. Нежелательный свидетель, или Неосуществленный побег Рамона Меркадера // Латинская Америка. 1995, № 12.
42. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1998. С. 107.
43. Там же.
44. Верников В. Мавр сделал свое дело... // Известия, 31 июля 1991.
45. Геворкян Н., Петров Н. Теракты // Московские новости. 1992, № 31.

Глава третья
Операции против НТС
и других антисоветских организаций

1. Прянишников Б. Указ. соч. С. 293.
2. На службе у ЦРУ. Сост. Б. Баннов. М., 1977. С. 149.
3. Там же. С. 152.
4. Там же. С. 40—41.
5. Там же. С. 28.
6. Лукьянченко П. Тот самый НТС // Аргументы и факты. 1990, № 14.
7. Волконогов Д. Трощкий. Т. 2. М., 1997. С. 193.
8. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 385—386.
9. Руднев В. Как исчез лидер НТС Александр Трушнович // Известия, 23 июля 1992.
10. Батшев В. Похищение Трушновича // Столица. 1992, № 45.
11. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 292.
12. Там же.
13. Там же. С. 293.
14. Там же. С. 294—295.

Глава четвертая
Борьба с украинскими националистами

1. Герэн А. Серый генерал. М., 1971. С. 79—80.
2. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 29—30.
3. Там же. С. 30—31.
4. Там же. С. 33—36.
5. Структура ОУН-УПА дается по: Содоль П. УПА в 1943—1949. Довідник. Нью-Йорк, 1994; см. также: Союз. 1990, № 9. С. 14.
6. Білас І. Репресивна-каральна система в Україні. 1917—1953. Кн. 2. Київ, 1994. С. 659—661.
7. Хроника дается в основном по материалам П. Содоля.
8. Герэн А. Серый генерал. М., 1971. С. 300—301.
9. Геворкян Н., Петров Н. «Признать целесообразным осуществление актов террора» // Московские новости. 1992, № 35.

Глава пятая

Спецоперации в годы Великой Отечественной

1. Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина. М., 1997; Ваксберг А. Царица доказательств: Вышинский и его жертвы. М., 1992.

2. См.: Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. М., 1984; Зевелев А., Курлат Ф., Казицкий А. Ненависть, спрессованная в тол. М., 1991.

3. Гладков Т. С места покушения скрылся. М., 1999. С. 124—123.

4. Там же. С. 241.

5. Овчинникова Л. О покушении на Гитлера, подготовленном резидентурой НКВД в 1943 // Комсомольская правда. 24 февраля 1997.

6. Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 123—124.

7. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997.

8. Там же. С. 133.

9. Зевелев А., Курлат Ф., Казицкий А. Ненависть, спрессованная в тол. М., 1991. С. 278.

10. Там же. С. 279.

11. Пономаренко П. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941—1944. М., 1986. С. 285.

12. Там же. С. 295.

Глава шестая

Ликвидации перебежчиков

1. Приказ РВСР № 132 от 16 марта 1920 г. // Военно-исторический журнал. 1969, № 2. С. 43—44.

2. Приказ РВСР № 4 от 5 января 1921 г. // Военно-исторический журнал. 1969, № 2. С. 43—44.

3. Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С. 33.

4. ВЧК-ОГПУ. Сборник документов. Сост. Ю. Фельштинский. Вермонт, 1989. С. 260.

5. Там же. С. 261.

6. Брук-Шеперд Г. Судьба советских перебежчиков // Иностранная литература. 1990, № 7.

7. Соболева Т. Тайнопись в истории России. М., 1994. С. 340—341.
8. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 57—58.
9. Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. М. 1996.
10. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 56—57.
11. Петров Н. Убийство Игнатия Рейсса // Московские новости. 1995, № 63.
12. Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1996. С. 240—241.
13. Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 181—182.
14. Кривицкий В. Указ. соч. С. 330.
15. Филби К. Моя тайная война. М., 1980. С. 118.
16. Соколов А. «Суперкрот» ЦРУ в КГБ. М., 1999. С. 61.
17. Уайз Д. Охота на кротов. М., 1994. С. 205—206, 354—355.
18. Калугин О. Прощай, Лубянка. М., 1995. С. 176—177.
19. Соколов А. Указ. соч. С. 157—158.
20. Калугин О. Указ. соч. С. 177.
21. Соколов А. Указ. соч. С. 161—162.
22. Уайз Д. Указ. соч. С. 355.

Глава седьмая

Спецоперации против иностранных граждан

1. Гиленсен В. Энвер-паша и его «бросок на юг» // Служба безопасности. 1996, № 1—2. С. 70.
2. Там же. С. 71.
3. Там же.
4. Агабеков Г. Секретный террор. М., 1996. С. 392—393.
5. Кикило В. Исчезновение Рауля Валленберга // Новости разведки и контрразведки. 1996, № 12.
6. Там же.
7. Максимова Э. Валленберг мертв. К сожалению, доказательства достаточно // Известия, 3 июня 1993.
8. Там же.
9. Кикило В. Исчезновение Рауля Валленберга // Новости разведки и контрразведки. 1996, № 12.

10. Максимова Э. Валленберг мертв. К сожалению, доказательства достаточно // Известия, 3 июня 1993.
11. Там же.
12. Там же.
13. Моев В. «Не могу жить без свободы» // За рубежом. 1991, № 11.
14. Моев В. Загадки остаются // За рубежом. 1991, № 20.
15. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 390—392.
16. Там же.
17. Герэн А. Серый генерал. М., 1971. С. 189.
18. Там же. С. 190.
19. Что от нас скрывали // Труд. 23 июня 1992.
20. Там же.
21. Ляховский А. Операция «Шторм» // Совершенно секретно. 1992, № 8.
22. Крючков В. Личное дело. Кн. 1. М., 1996. С. 206—207.
23. Ляховский А. Операция «Шторм» // Совершенно секретно. 1992, № 8.
24. Болтунов М. Альфа не хотела убивать. СПб., 1995. С. 128.
25. Там же. С. 129.
26. Там же. С. 133.
27. Там же. С. 141.
28. Дроздов Ю. Нужная работа. М., 1994. С. 140—141.
29. Леонов Н. Лихолетье. М., 1994.
30. Баррон Дж. КГБ сегодня. СПб., 1992. С. 477.

Глава восьмая

Органы террора в структуре ОГПУ-НКВД-КГБ

1. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 40.
2. Структура аппарата и приказы даны по: Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1960. Справочник. Составители: Кокурин А., Петров Н. М., 1997.
3. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 504.
4. Геворкян Н., Петров Н. «Признать целесообразным осуществление актов террора» // Московские новости. 1992, № 35.

5. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 505.
6. Геворкян Н., Петров Н. «Признать целесообразным осуществление актов террора» // Московские новости. 1992, № 35.
7. Там же.
8. Исповедь терминатора. Письмо Судоплатова XXIII съезду // Совершенно секретно. 1998, № 11.
9. Он слишком много знал // Труд. 27 июля 1992.
10. Геворкян Н., Петров Н. «Признать целесообразным осуществление актов террора» // Московские новости. 1992, № 35.
11. Там же.
12. Там же.
13. Дроздов Ю. Нужная работа. М., 1994. С. 125—126.
14. Бобринев В. «Доктор смерть», или Варсонофьевские призраки. М., 1997. С. 184. Все последующие документы в этой главе цитируются по данной книге и Бобринев В., Рязанцев В. Трость доктора Майрановского // Частный сыск, охрана, безопасность. 1993, № 10, 11.
15. «Наркодиспансер» КГБ // Аргументы и факты. 1992, № 13.

Приложение

1. Обвинительное заключение любезно предоставлено сыном Я. Серебрянского — Анатолием Яковлевичем Серебрянским.
2. Костелло Д., Царев О. Роковые иллюзии. М., 1995. С. 355—356.
3. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 5.
4. Там же. С. 42.
5. Корнилов Ю., Новиков П. Генерал для особых поручений // Совершенно секретно. 1992, № 7.
6. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997. С. 43.
7. Корнилов Ю., Новиков П. Генерал для особых поручений // Совершенно секретно. 1992, № 7.
8. Шатуновская И. Вся жизнь — подвиг: ученого и... разведчика // Латинская Америка. 1993, № 3.
9. Там же.

10. Там же.

11. Костелло Д., Царев О. Роковые иллюзии. М., 1995. С. 330—331.

12. Бай Е. Шпион по особым поручениям Кремля // Известия. 5 мая 1993.

13. Воробьев Л. Под псевдонимом «Дакс» // Служба безопасности. 1994, № 4. С. 38—44.

14. Бай Е. Шпион по особым поручениям Кремля // Известия. 5 мая 1993.

15. Любимов М. Шпионы, которых я люблю и ненавижу. М., 1998.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агабеков Г. Секретный террор. М., 1996.
- Азольский А. Судьба голландца в России // Русская мысль. 1999, № 4287, 4288.
- Алексеев О. Одиссея Ивана Солоневича, неукротимого борца и русского писателя // Русский рубеж. 1990, № 5.
- Аптекарь П. НКВД против расшитых сорочек // Родина. 1999, № 8.
- Бай Е. Шпион по особым поручениям Кремля // Известия. 5 мая 1993.
- Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992.
- Баррон Дж. КГБ сегодня. СПб., 1992.
- Батшев В. Обеление // Посев. 1991, № 4.
- Батшев В. Похищение Трушновича // Столица. 1992, № 45.
- Безыменский Л. Бомба для Гитлера // Новое время. 1994, № 28.
- Белобандиты за работой. Минск, 1932.
- Белоусов Г., Подшивалов И. Первый губернатор // Ангарские новости и мировые репортажи. 5 марта 1997.
- Берберова Н. Н. Железная женщина. М., 1991.
- Берберова Н. Н. Люди и ложи. Харьков; Москва, 1997.
- Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997.
- Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.

Білас І. Репресивна-каральна система в Україні. 1917—1953. Київ, 1994.

Бобков Ф. КГБ и власть. М., 1995.

Бобренов В. «Доктор смерть», или Варсонофьевские призраки. М., 1997.

Бобренов В., Рязанцев В. Трость доктора Майрановского // Частный сыск, охрана, безопасность. 1993, № 10, 11.

Бобренов В., Заика Л. Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. 1990, № 10. 1991, № 3, 6.

Болдинюк А. Загадка Рауля Валленберга // Правда. 7 сентября 1990.

Болтунов М. Альфа не хотела убивать. СПб., 1995.

Бортневский В. В Париже исчезли генералы... // Смена. 21, 22 сентября 1989.

Бортневский В. Г. Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996.

Брандт В. Воспоминания. М., 1991.

Брук-Шеперд Г. Судьба советских перебежчиков // Иностранная литература. 1990, № 6—8.

Бурбыга Н. Приговорен к «медосмотру» // Известия. 18 мая 1992.

Ваксберг А. Правда о платном агенте // Литературная газета. 21 ноября 1990.

Ваксберг А. Спецгруппа товарищей // Литературная газета. 27 июля 1994.

Ваксберг А. Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. М., 1992.

Великий жовтень. Київ, 1987.

Верников В. Мавр сделал свое дело... // Известия. 31 июля 1991.

Верников В. «Операция Николай»: А. Нин был ликвидирован НКВД // Известия. 27 ноября 1992.

Ветераны внешней разведки России. Краткий биографический справочник. М., 1995.

Викин А. Жена генерала Эйтингона // Новости разведки и контрразведки. 1995, № 23—24.

Войнов В. Синие лампасы // Комсомольская правда. 2 апреля 1991.

Волкова Г. Узник XX съезда // Общая газета. 1996, № 34.

Волкогонов Д. Несостоявшееся покушение // Известия, 11 июня 1993.

Волкогонов Д. Троцкий. Кн. 1—2. М., 1997.

Волкогонов Д. Сталин. Кн. 1—2. М., 1997.

Воробьев Л. Под псевдонимом «Дакс» // Служба безопасности. 1994, № 4.

Воробьев Л. Под псевдонимом «Дакс» // Труд. 4 января 1994.

Воробьев Л. И. Начало боевого пути Макса // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1998.

Воробьев Л. И. Операция «Утка» // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1998.

Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина. М., 1997.

Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. М., 1984.

Вуколов Н. Сталин хотел использовать имя Валленберга // Новости разведки и контрразведки. 1996, № 14.

ВЧК-ОГПУ. Сборник документов. Сост. Ю. Фельштинский. Вермонт, 1989.

Гай Д., Снегирев В. Вторжение // Знамя. 1991, № 3, 4.

Геворкян Н., Петров Н. Теракты // Московские новости. 1992, № 31.

Геворкян Н., Петров Н. «Признать целесообразным осуществление актов террора» // Московские новости. 1992, № 35.

Геворкян Н., Петров Н. Конец агента «13» // Московские новости. 1995, № 86.

Генри Э. Профессиональный антикоммунизм. К истории возникновения. М., 1981.

Герэн А. Серый генерал. М., 1971.

Гиленсен В. Энвер-паша и его «бросок на юг» // Служба безопасности. 1996, № 1—2.

Гиренко Ю. С. Сталин — Тито. М., 1991.

Гладков Т. С места покушения скрылся. М., 1999.

Голинков Д. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980.

Голубев С. М. Конец РОВСа // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1998.

Горчаков О. Перебежчик // Комсомольская правда. 22 мая 1990.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1987.
Григорьев В. Операция «Атаман» // Чекисты Казахстана. Алма-Ата, 1971.

Даниленко С. Т. Дорогою ганьби і зради (Історична хроніка). Київ, 1970.

Денисов С. Белая Россия: Альбом № 1. Нью-Йорк, 1937.

Дерябин А. «Петров», «Гриша», он же Агабеков // Красная звезда. 23 мая 1990.

Димитров Г. Съчинения. Т. 15. София, 1989.

Динамовцы в боях за Родину. Сост. Анатолий Андреев (П. А. Судоплатов). Сб. 1—4. М., 1975, 1979, 1985, 1992.

Донков П. О семье Л. Д. Троцкого // Известия ЦК КПСС. 1990, № 2.

Дроздов Ю. Нужная работа. М., 1994.

Евсеев А. Человек со спины // Неделя. 1991, № 25.

Елин Л. Два смертных приговора // Новое время. 1992, № 21.

Елин Л. Сергея Эфрона все считали шпионом // Новое время. 1991, № 47.

Ермаков Н. А. Неповторимый путь Л. Л. Линицкого // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1998.

Зайнетдинов В. Приспущенный «Вымпел» // Комсомольская правда. 4, 11 марта 1994.

Замлинський В. Шлях чорної зради. Львів, 1968.

Захаров А. М. Советская разведка в Югославии. Рукопись.

Зевелев А., Курлат Ф., Казицкий А. Ненависть, спрессованная в тол. М., 1991.

Іваненко В. На задвірках історії (Про антинародну, антирадянську діяльність закордонних організацій українських буржуазних націоналістів). Київ, 1969.

Ивойлова И. Смертельный укол // Труд. 5 марта 1996.

Игнатьев А. Пятьдесят лет в строю. М., 1951.

Исаев И. Евразийство: идеология государственности // Общественные науки и современность. 1994, № 5.

Исотало С. Шведские историки отвергают версию, по которой Валленберг жив // Известия. 23 июля 1993.

Исповедь терминатора. Письмо Судоплатова XXIII съезду // Совершенно секретно. 1998, № 11.

Історія України в особах. XIX-XX ст. Київ, 1995.

Кабо Х. Убийца Троцкого: палач или жертва? // Московские новости. 1989. № 12.

- Казнина О. А. Русские в Англии. М., 1997.
- Калиниченко А. Они были коварны, но не умны // Родина. № 2, 1992.
- Калугин О. Прощай, Лубянка. М., 1995.
- Каретина Г. С. Чжан Цзолин и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX века. М., 1984.
- Карпов В. Неизвестный разведчик Глинский // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 2.
- Кикило В. Исчезновение Рауля Валленберга // Новости разведки и контрразведки. 1996, № 12.
- Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. М., 1928.
- Кокосов В. Врангель был убит // Вечерний Петербург, 19 октября 1991.
- Колесников А. 110 вольных стрелков ищут работу // Московские новости. № 6, 1994.
- Конквест Р. Большой террор. Рига. 1991.
- Корнилов Ю., Новиков П. Генерал для особых поручений // Совершенно секретно. 1992, № 7.
- Коровин В. В., Русанов Э. П. Дело Бориса Савинкова // История СССР. 1967, № 6.
- Корсунский Л. Александр Маков: американский шпион или борец против сталинской диктатуры // Час Пик. 1994, № 8.
- Корсунский Л. Лидер НТС пишет заявление об уходе // Час Пик. 1992, № 44.
- Костелло Д., Царев О. Роковые иллюзии. М., 1995.
- Краевский Б. П. Похищение генерала Е. К. Миллера // Дворянское собрание. 1995, № 2.
- Кратенко А. Почему вернулся атаман? // Караван. 1996, № 45.
- Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1996.
- Криволапов А. Кто она, Вера Трейл-Гучкова? // Известия. 23 сентября 1992.
- Крючков В. Личное дело. Кн. 1—2. М., 1996.
- Кто убил Вальтера Кривицкого? // Литературная газета. 24 января 1990.
- Кудрова И. Гибель М. Цветаевой. М., 1995.
- Кудрова И. Версты дали. М., 1991.
- Кудрявцев Р. Белогвардейцы за границей. М., 1932.
- Кудряшов С. Предатели, «освободители» или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941—1942) // Свободная мысль. 1994, № 14.

Кук В. Відкритий лист. Київ, 1960.

Кучеров В. Я мог предотвратить убийство Троцкого // Труд. 22 февраля 1994.

Леонидов В. Кто вы, господин Эрдберг? // Новости разведки и контрразведки. 1996, № 1.

Леонидов В. Портрет без ретуши // Новости разведки и контрразведки. 1998, № 11.

Леонов Н. Лихолетье. М., 1994.

Липецкер Б. Почему был убит генерал Врангель // Русская мысль. 1998, № 4237.

Літопис Голготи України. Т.3. Героїка ОУН-УПА. Львів, 1997.

Лосская В. Марина Цветаева. М., 1992.

Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1960. Справочник. Составители: Кокурин А., Петров Н. М., 1997.

Лукьянов А. Тайный груз на борту теплохода «Мария Ульянова» // Новости разведки и контрразведки. 1997, № 20.

Лукьяненко П. Тот самый НТС // Аргументы и факты. 1990, № 14.

Любимов М. Русский терминатор // Совершенно секретно. 1994, № 6.

Любимов М. Шпионы, которых я люблю и ненавижу. М., 1998.

Ляховский А. Операция «Шторм» // Совершенно секретно. 1992, № 8.

Максимова Э. Валленберг мертв. К сожалению, доказательств достаточно // Известия. 3 июня 1993.

Малеваный В. Генерал Судоплатов и его армия // Независимое военное обозрение. 1997, № 24.

Меркадер Л. Мой брат убил Троцкого // Эхо планеты. 1992, № 18.

Милованов Н. Касымхан Чанышев // Незримый фронт. Алма-Ата, 1967. С. 46—67.

Минкин А. Бомба // Московский комсомолец. 29 июня 1994.

Михайлов Е. А. Белогвардейцы — поджигатели войны. М., 1932.

Михайлов Л. Генерал дает согласие; «Фермер» сообщает из Парижа; РОВС терпит поражение // Неделя. 1998, № 48, 49, 50.

Млечин Л. Алиби для великой певицы., М., 1997.

Млечин Л. Вечный доброволец // Новое время. 1993, № 4.

- Млечин Л. Сеть Москва — ОГПУ — Париж. М., 1991.
- Млечин Л. «Фермер» сообщает из Парижа. М., 1992.
- Моев В. «Не могу жить без свободы» // За рубежом. 1991, № 11.
- Моев В. Загадки остаются // За рубежом. 1991, № 20.
- Морозов А. Кабульский резидент // Новое время. 1991, № 38—41.
- Мустафин Р., Шаратов Э. Главный «диверсант» страны Советов // Красная звезда. 27, 28, 29 апреля 1994.
- Мухачев Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства. М., 1982.
- Найтли Ф. Ким Филби — супершпион КГБ. М., 1992.
- «Наркодиспансер» КГБ // Аргументы и факты. 1992, № 13.
- На службе у ЦРУ. Сост. Б. Баннов. М., 1977.
- Назаров М. Миссия русской эмиграции. Т. 1. М., 1994.
- Наумов В., Краюшкин А. Заключение под номером 110 // Московские новости. 1994, № 63.
- «Невидимый фронт». Харьков, 1987.
- Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок / Сост. М. Е. Карышев. М., 1987.
- Никандров Н. Нежелательный свидетель, или Неосуществленный побег Рамона Меркадера // Латинская Америка. 1995, № 12.
- Никандров Н. Иван Солоневич возвращается с чужбины... // Латинская Америка. 1997, № 2.
- Никандров Н. Рядовой Коминтерна по кличке «Мигель». Из биографии И.Р.Григулевича // Латинская Америка. 1999, № 1.
- Новикова Л., Сиземская И. Политическая программа евразийства: реальность или утопия? // Общественные науки и современность. 1992, № 1. С. 104—109.
- Овчинникова Л. О покушении на Гитлера, подготовленном резидентурой НКВД в 1943 // Комсомольская правда. 24 февраля 1997.
- Одинец М. Операция «Бумеранг» // Правда. 12 сентября 1988.
- Он слишком много знал // Труд. 27 июля 1992.
- Орлов В. Двойной агент. М., 1998.
- Осипов Г. Что там, за линией фронта? М., 1985.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2—4. М., 1996—1999.

Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі. Мінск, 1998.

Папоров Ю. Убийство Троцкого // Огонек. 1991, № 34—37.

Партизаны Брянщины. Тула, 1970.

Петров Н., Геворкян Н. Убийство Михоэlsa // Московские новости. 1996, № 1.

Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934—1941. Справочник. М., 1999.

Петров Н. Убийство Игнатия Рейсса // Московские новости. 1995, № 63.

Пещерский В. Рауль Валленберг: быль и легенда // Новое время. 1989, № 22.

Пещерский В. Жизнь и судьба генерала Шпигельгласа // Новости разведки и контрразведки. 1997, № 5.

«По-видимому, меня освободили по ошибке...». Интервью с Ю. Трегубовым // Посев. 1999, № 10.

Полонский А. Напрасная жертва? // Труд. 14—15 августа 1990.

Пономаренко П. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941—1944. М., 1986.

Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. М., 1996.

Прокопенко А. Сумасшедший терминатор // Совершенно секретно. 1997, № 1.

Присяжный А. Маршруты барона Маннергейма // Эхо планеты. 1991, № 28.

Прянишников Б. Незримая паутина. СПб., 1993.

Разведчики бывшими не бывают // Московские новости. 1993, № 1.

Роговин В. 1937 год. М., 1996.

Роговин В. Власть и оппозиция. М., 1993.

Роговин В. Мировая революция и мировая война. М., 1998.

Роговин В. Партия расстрелянных. М., 1997.

Роговин В. Сталинский неонэп. М., 1995.

Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999.

Руднев В. Как исчез лидер НТС Александр Трушнович // Известия. 23 июля 1992.

Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 131, 188, 225.

Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. Воспоминания. М., 1986.

Снегирев В. Убийства заказывались в Кремле // Труд. 23 и 25 июля 1992.

Соболева Т. Тайнопись в истории России. М., 1994.

Советско-болгарские отношения и связи. 1917—1944. Документы и материалы. М., 1976.

Содоль П. УПА в 1943—1949. Довідник. Нью-Йорк, 1994.

Соколов А. «Суперкрот» ЦРУ в КГБ. М., 1999.

Соколов М. Охота // Собеседник. 1989, № 31.

Солидаристы // Родина. 1992, № 10.

Солоневич И. Россия в концлагере. М., 1999.

Спасов Л. Мисията на съветския Червен кръст в България (1922—1923 г.) // Известия на Ин-та за военна история на Българита армия. Т. 60. София, 1997.

Старков Б. А. Дела и люди сталинского времени. СПб, 1995.

Старков Б. Чужие наши // Российская газета. 6 марта 1992.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997.

Тарджиманов М., Шахов В., Дунаев Ф. Всегда на боевом посту. Брянск, 1985.

Тепер Е. Теракт Рамона Меркадера // Нева. 1989, № 3.

Тимофеев М. Под знаком Рауля Валленберга // Новости разведки и контрразведки. 1996, № 13.

Тинченко Я. Ю. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. Київ, 1995.

Тихомиров И. Псевдомоисей. Правда. 19 октября 1990.

Тополь М. Л. (П. А. Судоплатов). Виза на убийство // Военно-исторический журнал. 1990, № 11.

Топольчук Л. За фальшивим мандатом (Як М. Лебедь пошив у дурні С. Бандеру та К°). Київ, 1972.

Троцкий Л. Д. Дневники и письма. М., 1994.

Уайз. Д. Охота на кротов. М., 1994.

Умеренков Е. Убийца Троцкого 25 лет не признавал своих родителей // Комсомольская правда. 15 марта 1995.

Ухлин Д. Как исчез Александр Трушнович // Московские новости. 1992, № 19.

- Уэст Р. Иосип Броз Тито: власть силы. Смоленск, 1997.
- Федорова Г., Федоров М. Будни разведки. М. 1994.
- Фейнберг М., Клюкин Ю. Дело Сергея Эфрона // Столица. 1992, № 38, 39.
- Фейнберг М., Клюкин Ю. По вновь открывшимся обстоятельствам // Горизонт. 1992, № 1.
- Филби К. Моя тайная война. М., 1980.
- Филин В. Человек из «Грома» // Комсомольская правда. 23 июля 1992.
- Хенкин К. Охотник вверх ногами. М., 1991.
- Хотимский Н. Длинные руки // Вечерняя Москва. 12 июля 1994.
- Хохлов В. Награды комбрига // Советская Белоруссия. 1976, № 142.
- Хубер П. Смерть в Лозанне // Новое время. 1991, № 21.
- Хубер П., Кунци Д. 100 000 франков от анонима // Литературная газета. 13 февраля 1991.
- Чекисты. М., 1987.
- Чередниченко В. П. Анатомия предательства. Киев, 1983.
- Чернявский В. Кто вы, доктор Йон? // Новости разведки и контрразведки. 1997, № 7, 8.
- Чернявский Г. Миссия советского Красного Креста в Болгарии 1922—1923 гг. // Советское славяноведение. 1976, № 1.
- Что от нас скрывали // Труд. 23 июня 1992.
- Шарапов Э. Нелегалы Серебрянские // Новости разведки и контрразведки. 1997, № 9.
- Шатуновская И. Вся жизнь — подвиг: ученого и... разведчика // Латинская Америка. 1993, № 3.
- Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1987.
- Шпаков Ю. Шеф разведки ФРГ был похищен КГБ // Московские новости. 1993, № 37.
- Штамм А. Кризис совести: государственный цинизм // Вечерний Петербург. 16, 17 и 18 августа 1994.
- Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992.
- Ягодинский Е. А. Первые советские коменданты Зимнего дворца // Вопросы истории. 1990, № 4.
- Яков В. Куда уходит «Вымпел» // Известия. 22 февраля 1994.

Ismail Akhmedov. In and Out of Stalin's GRU. London, Arms & Armour Press, 1984.

John Barron. KGB: The Secret Work of Soviet Secret Agents. London: Bantman Books, 1974.

Daniele Beaune. L'enlèvement du General Koutiepoff. Documents et commentaires. Aix-en-Provence, Publ. de l'Univ. de Provence, 1998.

Biographical Dictionary of the American Left. NY, 1986.

Brossat A. Agents de Moscou. Le stalinisme et son ombre. Paris, 1988.

Broue Pierre. «Proces d'Americains a Moscou ou proces de Moscou a New York // Cahiers Leon Trotsky. 1979, № 3.

Faligot R., Kauffer R. As-tu vu Cremet? Paris, 1991.

Gross B. Willi Munzenberg. Eine politische biographie. Stuttgart, 1967.

Huber P. Stalins schatten in die Schweiz. Zurich, 1994.

Kaufmann B. u. a. Der Nachrichtendienst der KPD. Berlin, 1993.

Ksiega polakow ucrestnikow Rewolucji Pazdziernikowej. 1917—1920. Warszawa, 1967.

Oleg Kalugin. The First Directorate. My 32 years in intelligence and espionage against the West. N.Y., 1994.

Nikolai Y. Khokhlov. In the Name of Conscience. London, Frederick Muller, 1960.

Rene Revol. Proces de Moscou en Espagne // Cahiers Leon Trotsky. 1979, № 3.

Victor Sheimov. Tower of secrets. Annapolis, 1993.

Использованы также архивные материалы:

РЦХИДНИ

Ф. 17, Оп. 100, дела Агабекова, Афанасьева, Слуцкого, Судоплатова, Шпигельгласа, Эйтингона

Ф. 146, Оп. 1, Д. 180 (материалы о Дзевалтовском)

Ф. 328, Оп. 1 (дела из фонда Бурцева)

ГАРФ

Ф. 5881, Оп. 1, Д. 701а (рукопись мемуаров Агабекова)

Ф. 5802, Оп. 1 (дела из фонда Бурцева)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Глава первая

ОГПУ-НКВД против белой эмиграции

Белый террор против СССР	14
Ликвидация атамана Дутова	21
Захват атамана Анненкова	28
Тайна убийства генерала Покровского	39
Смерть генерала Врангеля	47
Похищение генерала Кутепова	55
Похищение генерала Миллера	65
Покушение на Ивана Солоневича	85
Агентура ОГПУ-НКВД в рядах белой эмиграции	94

Глава вторая

Убийство Троцкого

Высылка Троцкого из СССР	113
Агенты ОГПУ-НКВД в окружении Троцкого	123
Испанская трагедия	130
Загадочная смерть Льва Седова	141
Охота на Троцкого	146
Убийство Троцкого	164
Судьба Рамона Меркадера	170

Глава третья
Операции против НТС
и других антисоветских организаций

НТС в системе антикоммунизма	187
«Счастливая» судьба Александра Керенского	195
Похищение Александра Трушновича	203
Хохлов против Георгия Околовича	209

Глава четвертая
Борьба с украинскими националистами

Украинские националистические организации	220
ОГПУ-НКВД против ОУН	225
Ликвидация Евгена Коновальца	239
В союзе с фашистской Германией	248
Убийство Льва Ребета	270
Смерть Степана Бандеры	276

Глава пятая
Спецоперации
в годы Великой Отечественной войны

Покушение на фон Папена	284
Убийство Кубе	290
Спецакции Николая Кузнецова	301
Охота на Гитлера	315
Спецоперации на оккупированных территориях	322

Глава шестая
Ликвидации перебежчиков

Владимир Нестерович (Ярославский)	342
Игнатий Дзевалтовский	350
Георгий Агабеков	354
Георг Земмельман	363
Дмитрий Навашин	368
Натан Рейсс (Игнатий Порецкий)	376
Вальтер Кривицкий	386

Вильгельм Мюнценберг	396
Константин Волков	401
Николай Артамонов	405

Глава седьмая
Специальные операции
против иностранных граждан

Неудавшееся покушение на Маннергейма	418
Убийство Энвер-паши	424
Исчезновение Джульет Пойнтц	432
Похищение Рауля Валленберга	438
Ян Масарик — убийство или самоубийство?	447
Специальные операции против маршала Тито	457
Исчезновение Отто Йона	462
Гибель Амина	470

Глава восьмая
Органы террора в структуре
ОГПУ-НКВД-КГБ

Органы террора: Особая группа и ее преемники	487
Лаборатория «Х»	505

Послесловие	532
-------------------	-----

Приложение

Яков Серебрянский	541
Сергей Шпигельглас	549
Павел Судоплатов	553
Наум Эйтингон	565
Иосиф Григулевич	576
Александр Коротков	590

ПРИМЕЧАНИЯ	597
БИБЛИОГРАФИЯ	607

**Александр Иванович Колпакиди
Дмитрий Петрович Прохоров**

**КГБ: СПЕЦОПЕРАЦИИ
СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ**

Редактор *Н. В. Анашина*
Технический редактор *Н. В. Сидорова*
Корректор *Е. Д. Рагулина*

OCR – Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Сдано в набор 03.03.00. Подписано в печать 09.10.00.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 32,76. Тираж 10 000 экз. Заказ № 98.

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

КРПА «Олимп»
Изд. лиц. ЛР № 070190 от 25.10.96
121151, Москва, а/я 92
E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Издательство Астрель»
Изд. лиц. ЛР № 066647 от 07.06.99
143900, Московская обл., г. Балашиха,
пр-т Ленина, д. 81

ООО «Издательство АСТ»
Изд. лиц. ИД № 02694 от 30.08.2000
674460, Читинская обл., Агинский р-н,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Уникальные материалы,
самые разнообразные
источники, узловые
операции советских
спецслужб.

- ОГПУ—НКВД против белой эмиграции
- Судьба Александра Керенского
- Спецоперации в годы Великой Отечественной
- Ликвидация перебежчиков
- Операции против иностранных граждан
- Биографии сотрудников ОГПУ—НКВД—КГБ

Акты террора применялись, применяются и еще долго будут применяться в государственной политике всех стран мира. К сожалению, многие отечественные и зарубежные журналисты и публицисты пользуются нелепицами и небылицами, рассказывая о спецоперациях советской разведки.

Настало время объективно разобраться с так называемыми тайными операциями советских спецслужб, проведенными за 70 с небольшим лет существования советского государства.



35915

Коллекция А.И.НГБ Спецоперации.com

28

01.01.01